

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск четырнадцатый

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2014

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(2Камч)
К78

Редакционная коллегия:

С. В. Гунько, С. В. Графская, Н. А. Кобышева, С. В. Гаврилов

Краеведческие записки. Выпуск 14. — Петропавловск-Камчатский: Изд-во К78 «Новая книга», 2014. — 304 с., 8 с. ил.

ISBN 978-5-87750-297-0

Четырнадцатый выпуск «Краеведческих записок» посвящён исполняющемуся в октябре 2015 г. 275-летию со дня основания г. Петропавловска-Камчатского. Выпуск содержит рубрики «История», «Из фондов музея», «Музеи Камчатки», «Топонимика», включающие работы живших или бывавших на Камчатке, а также ныне живущих здесь авторов. Большая часть публикуемых текстовых и иллюстративных материалов впервые вводится в научный оборот.

Издание предпринято с целью сохранения и популяризации исторического наследия Камчатского края и г. Петропавловска-Камчатского и предназначено для музейных работников, аспирантов, научных сотрудников, преподавателей и студентов-историков, а также всех любителей истории Северо-Востока России и Камчатки.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(2Камч)

Ответственный за выпуск С. В. Гунько

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

ISBN 978-5-87750-297-0

© КГБУ ККОМ, 2014
© Авторы, 2014
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям	4
-------------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>А. П. Пирагис.</i> Дни города и юбилеи Петропавловска-Камчатского	7
<i>В. Е. Быкасов.</i> История ошибок в хронологии основания Петропавловска-Камчатского	11
<i>С. И. Вахрин.</i> Память — она в каждом из нас. Как сердце	39
<i>Эд. Дю Айн.</i> Тихоокеанская кампания	62
<i>П. Л. Калмыков.</i> Петропавловский бой в журнальных гравюрах 1854 г.	96
<i>Ф. Гиллмард.</i> Плавание «Марчезы» на Камчатку и Новую Гвинею... ..	103
<i>С. В. Гаврилов.</i> Год из жизни города. 1930-й	113
<i>А. В. Петров.</i> Генплан под грифом «Секретно»	162
<i>Т. С. Зайковская, Е. А. Зайковская.</i> Петропавловск, война, наша семья... ..	173
<i>В. М. Богомолов.</i> Кто купил билетов пачку... ..	178

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

<i>Г. П. Сычёв.</i> Родному городу Петропавловску-Камчатскому, где я рос, учился и работал	186
Петропавловск в гравюрах и рисунках художника Пospelова	235

МУЗЕИ КАМЧАТКИ

<i>В. И. Борисов.</i> Петропавловский музей боевой славы	239
<i>Н. А. Коньшева.</i> «Мы в одной упряжке...»	262

ТОПОНИМИКА

<i>А. П. Пирагис.</i> Топонимика Петропавловска-Камчатского. Улицы	265
Сведения об авторах	303

Слово к читателям

Уважаемые читатели! Перед вами очередной выпуск «Краеведческих записок» Камчатского краевого объединённого музея. Выпуск посвящён, прежде всего, истории города Петропавловска-Камчатского. Столица Камчатского края имеет славное прошлое. Она — город воинской славы, город в котором жили и работали и продолжают это делать сейчас прекрасные люди самых разных профессий, самых разных судеб. О них, их вкладе в развитие города и края идёт рассказ в большинстве материалов сборника. Не лишним будет сказать несколько слов и о том, как музей собирает, хранит и пропагандирует славные дела наших земляков. Уходящий 2014 г., как известно, был объявлен Годом культуры. В течение года произошло немало интересных событий в музейной жизни, в них участвовало много наших земляков, и как посетители, и как наши активные помощники. Сотрудниками музея создавались временные выставки, проводились различные массовые культурно-просветительные мероприятия.

Какие события Года культуры запомнились более всего? Прежде всего, это «Ночь в музее». Она, проводящаяся уже несколько лет, стала традиционной для всех музеев, международной. 17 мая 2014 г. «Ночь в музее» у нас была организована не совсем обычно, в неё удалось вместить несколько событий. Главным действием стала акция «Духи и души камчатских аборигенов», состоявшаяся одновременно и на улице, у здания музея, и в нём самом, в экспозиционных и выставочных залах.

В таком формате мы работали впервые. Под руководством наших добрых друзей, хранительниц национальных традиций Екатерины Гиль и Лидии Чечулиной начался обряд «Встреча гостей». Их помощниками были молодёжный национальный ансамбль «Коритэв» и детский национальный ансамбль «Уйкав» («Ивушка»). Обряд проводился так: дети и молодёжь, образовав живой коридор, в конце которого горел огонь, держали в руках распустившиеся ветки тальника. Каждый желающий под звуки бубна проходил по этому коридору и перешагивал через костёр. Впервые у сотрудников музея и участников акции появилась возможность окунуться в мир духовной культуры коренных народов Камчатки. Были открыты две выставки: «Жизнь по добру» — о традиционных этических ценностях коренных народов Камчатки и «От сельской учительницы до кандидата наук» — об экспедициях Елизаветы Порфирьевны Орловой — учёного, этнографа, более полувека исследовавшей народы Сибири и Дальнего Востока. Она не только изучала культуру и быт аборигенов, но и сама активно участвовала в переустройстве их жизни.

Посетителей ожидало множество сюрпризов. На площадке возле здания музея, где горел костёр, всех встречали и угощали настоящим свежесваренным камчатским чаем, собранным Екатериной Гиль. С чаем подавались различные угощения: лепёшки, которые жарили здесь же на костре наши мастерицы, корякское блюдо «прив'янтын» и другие. Лепёшки, приготовленные на основе минеральной воды, в сочетании с ароматным чаем были очень вкусны. У входа в музей звучала завораживающая этническая музыка, вводившая в атмосферу радости и приподнятого настроения.

Возле эвенского жилища, установленного в выставочном зале, проходила увлекательная фотосессия. Здесь выстроилась целая очередь желающих сфотографироваться, ведь специально для них были предоставлены красивые национальные кос-

тюмы, которые можно было надеть и на минуту почувствовать себя жителем древней страны Уйкоаль.

Эксклюзивным моментом стало приготовление национального блюда «Силк-силк» (толкуши) с добавлением северной ягоды морошки. Лидия Чечулина, знаток корякской культуры, познакомила с его рецептом, а после того, как оно было готово, каждый желающий смог попробовать и насладиться вкусом настоящей еды аборигенов. Пока толкуша готовилась, посетители услышали рассказ об обряде «Килвэй», песню на корякском языке «Речка Вывенка» и песню на ительменском «Песня сборщиков кимчиги». Поразительно, но в этом действе смогли поучаствовать более пятисот человек! И это в здании, где одновременно могут находиться не более семидесяти посетителей. Вот что значит творческий подход к делу.

Значительным явлением Года культуры стало проведение ремонтно-реставрационных работ музейного здания. Благодаря выделенным правительством Камчатского края средствам была полностью заменена кровля, облицован природным камнем цоколь, отреставрированы и отремонтированы многие внешние элементы, вставлены современные пластиковые окна. К сожалению, пока не завершился внутренний ремонт, надеемся, что он будет осуществлён в ближайшее время.

Хотелось бы отметить ещё два события.

С 1 по 5 октября 2014 г. в г. Хабаровске проводился первый музейный форум Дальнего Востока «Музей — открытая книга для всех». В нём участвовали более тридцати музеев (муниципальные, государственные, ведомственные и частные) из всех регионов Дальневосточного федерального округа. Организаторы форума — правительство и министерство культуры Хабаровского края и Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова.

Музейные проекты Камчатского края получили достойную оценку жюри форума. Проект Камчатского краевого объединённого музея «Мы в одной упряжке... (история традиционной камчатской гонки “Берингия”）」 стал победителем в номинациях «Презентация выставочного проекта музея» и «Приз зрительских симпатий». За эти победы нам были вручены сертификаты на тридцать и десять тысяч рублей соответственно. Наши коллеги из Камчатского краевого художественного музея в номинации «Выставочный проект» завоевали второе место.

Музейный форум стал не только местом для показа различных проектов, это была и площадка по обмену опытом. С 1 по 10 октября работал межрегиональный семинар-практикум «Диалог музея и посетителя. Новые реалии, современные технологии». Ведущие специалисты музейного дела из Москвы и Хабаровска провели более трёх десятков лекций, мастер-классов и тренингов. Семинар-практикум оказался очень плодотворным: его участники узнали много нового и смогли поделиться своим опытом.

Обмен опытом между камчатскими музейщиками продолжился на уже четвертом параде музеев Камчатского края, состоявшемся 7—9 октября 2014 г. Здесь участвовало большинство муниципальных музеев края, а также два краевых государственных. С неподдельным интересом выслушали камчатские музейщики гостей из Санкт-Петербурга, раскрывших перед ними некоторые секреты современного музейного дела. О практике работы в современных условиях рассказал директор государственного музея-памятника Исаакиевский собор Николай Витальевич Буров. Прямо в ходе работы парада музеев края был подписан договор о сотрудничестве музея-памятника Исаакиевский собор и Камчатского краевого объединённого музея. Одним из первых наших совместных дел будет экспонирование передвижных выставок из Санкт-Петербурга на Камчатке.

Весьма интересным получился конкурс проектов среди муниципальных музеев региона. Здесь победил коллектив Вилючинского краеведческого музея. Его виртуальная выставка «Окно в Союз» показала, что и в муниципальных рамках можно создавать прекрасные музейные проекты. Интерес собравшихся к этому проекту объясняется совсем не ностальгией по советским временам, а стремлением сделать историю этого периода понятной современникам, через музейные предметы, в основном бытовые, показать, что это был не какой-то «чёрный» период, а время весьма серьёзных достижений, что это всё создавали прекрасные люди.

Конечно, не только этот проект коллег из Вилючинска дал толчок к размышлениям коллектива объединённого музея о необходимости создания экспозиции, посвящённой советскому периоду. Сегодня у нас её нет. И нет не только потому, что мы испытываем трудности с помещениями и площадями под экспозицию. К сожалению, и формирование коллекций по этому периоду в последние годы практически не велось. А потребность в такой экспозиции, безусловно, велика.

Коллектив музея в поисках выхода из создавшегося положения пытается с помощью современных технологий выправить положение. Так, в июле 2014 г. была создана виртуальная экспозиция о Павле Дмитриевиче Киселёве, известном камчатском капитане, начальнике Камчатского морского пароходства. В основу выставки легли материалы, присланные в электронном виде его внуком Д. В. Киселёвым, живущим в Москве. Выставка размещена на сайте музея.

Используются нами и традиционные способы, такие как временные выставки. Очень интересной и познавательной была выставка, посвящённая 85-летию знаменитого рыболовецкого колхоза имени В. И. Ленина из Сероглазки. Коллектив музея намерен шире использовать в этой работе и такую форму, как передвижные выставки. В мечтах — создание передвижного музея, но это сдерживается отсутствием специального автомобиля. Организация передвижного музея способствовала бы не только более широкому приобщению наших земляков к музейным ценностям, но и обеспечило бы увеличение сбора материалов о тех, кто творил и творит историю нашего замечательного края.

С. В. Гунько,
директор Краевого государственного
бюджетного учреждения «Камчатский
краевой объединённый музей»

ИСТОРИЯ

А. П. ПИРАГИС

ДНИ ГОРОДА И ЮБИЛЕИ ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО

Петропавловск-Камчатский — административный центр Камчатского края, один из старейших городов Дальнего Востока. В 2010 г. ему исполнилось 270 лет. Своим появлением он обязан строительству на берегу Авачинской губы, расположенной на юго-восточном побережье полуострова Камчатка, базы для Второй Камчатской экспедиции (1732—1743). Строительство русского поселения на берегу Авачинской губы началось в июне 1740 г. и было окончено к осени того же года. Оно велось под руководством штурмана Ивана Елагина.

Днём рождения Петропавловска-Камчатского считается дата прихода в Авачинскую губу кораблей Второй Камчатской экспедиции — пакетботов «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел» — 6 октября (17 октября по новому стилю) 1740 г. В честь святых апостолов Петра и Павла новое поселение называли Петропавловской гаванью. В 1822 г. оно получило ранг города и стало называться Петропавловским портом. В XVIII и до начала XX в. город именовался упрощённо — Петропавловск. С 1924 г. он стал называться Петропавловском-Камчатским.

С 1812 г. Петропавловск — административный центр Камчатки. В XIX в. он был областным и окружным центром, а в XX в. до 1922 г. — уездным и областным, затем — губернским и окружным; с 1932 по 2007 г. Петропавловск-Камчатский был столицей Камчатской области, а с 1 июля 2007 г. является столицей Камчатского края.

В последние два десятилетия горожане привыкли, что в Петропавловске-Камчатском в день его рождения — 17 октября — ежегодно проводится День города, отмечаются его юбилеи. Однако это было не всегда.

Впервые дату своего рождения Петропавловск-Камчатский отмечал в 1940 г. К этому времени по сравнению с 1920-ми гг. город значительно вырос. К концу 1930-х гг. в нём появились первые промышленные предприятия: судоремонтный, механический и лесопильные заводы, жестянобаночная фабрика. В 1940 г. в городе имелось 155 грузовых и 20 легковых автомашин [4].

Петропавловск-Камчатский от исторического центра, между Петровской и Никольской сопками, стал продвигать свои границы по восточному побережью Авачинской губы в северном направлении (посёлок АКО, совхоз, база Моховая, сёла Сероглазка и Авача) и в южном (посёлок судоремонтников). Город становился центром экономического развития Камчатки. Председателем Петропавловского горисполкома в 1940 г. был Николай Васильевич Волин [3]. В Петропавловске-Камчатском и окрестных посёлках и сёлах проживали 30 тыс. чел.

Решение о праздновании 200-летия города было принято летом 1940 г. на заседании областного комитета ВКП(б) и осенью — Петропавловским горисполкомом. К этой дате были разработаны подготовительные мероприятия. Они включали ремонт и реставрацию «Часовни» над братской могилой погибших защитников города в августе 1854 г. и памятника Витусу Берингу, а также перенос двух памятников. Памятник «Слава» с песчаной косы (район бывшего морского вокзала) решено было убрать на Никольскую сопку, памятник В. И. Ленину — перенести от дороги ближе к зданию обкома ВКП(б) [5] (здание, в котором сейчас расположен Камчатский краевой объединённый музей).

Молодёжь областного управления рабоче-крестьянской милиции под руководством секретаря комсомольской организации Павла Лошадкина взяла шефство над памятником Витусу Берингу (он стоял тогда на месте нынешнего памятника освободителям Курил в сквере Свободы) — убрала бурьян, поставила ограду и скамейку [9].

Культурная программа празднования юбилея включала смотр художественной самодеятельности городских предприятий и организаций, проходивший с 10 сентября

по 6 октября 1940 г. Победителей смотра ожидали премии от 100 до 500 руб., дипломы и грамоты. Редакция областной газеты «Камчатская правда» организовала в фойе Камчатского областного драматического театра выставку фотографий, которая открылась 1 октября 1940 г. В посёлке Индустриальном к юбилею города в 1940 г. построили металлическую лестницу, ведущую от жилых домов работников завода к цехам судоверфи. До того заводчане поднимались в гору по крутой тропинке. Лестница действует по настоящее время от улицы Индустриальной вверх к Дому культуры [2].

После 1940-го до 1960 г. о дне рождения Петропавловска-Камчатского не вспоминали. В военное и послевоенное время было не до праздников.

23 января 1956 г. Камчатская область вышла из подчинения Хабаровскому краю и стала самостоятельной, что положительно сказалось на развитии полуострова и Петропавловска-Камчатского. В областном центре интенсивно стала развиваться промышленность, активизировалось жилищное строительство. (Такое Петропавловск-Камчатский ощущал уже дважды — в 1849—1855 и в 1909—1916 гг., когда Камчатка становилась самостоятельной.)

Начался «золотой век» Петропавловска-Камчатского. Появилась возможность активно осуществлять планы его развития. Стремительно менялся облик города, особенно его исторического центра, в котором убирались деревянные дома старой постройки и возводились многоэтажные. В 1956 г. в центре города было построено здание обкома КПСС на улице Ленинской (№ 52), ближе к Култучному озеру — кинотеатр «Камчатка». Кинотеатр открылся 5 ноября 1956 г. показом фильма «Сорок первый». В «Камчатке» было два кинозала: «Голубой» и «Розовый». Кинотеатр был популярным местом отдыха в городе. В его фойе между сеансами одно время играл оркестр. За год центральный кинотеатр насчитал свыше четырёхсот тысяч посетителей [6].

Здание обкома партии и кинотеатра продолжили ряд каменных многоэтажек на главной улице, где находились гостиница «Восток» (Ленинская, 40), магазин культуртоваров (Ленинская, 34), продовольственный магазин (Ленинская, 32) и другие, возведённые в 1950 и 1954—1955 гг. В 1957—1960 гг. шло строительство ГУМа (открылся в апреле 1962 г.), Дома связи, административного здания УТРФ. После сдачи их в эксплуатацию в начале 1960-х гг. улица Ленинская почти приняла тот вид, который открывается сейчас каждому. Аналогично в эти годы менялось лицо и улицы Советской.

В южной части города Петропавловска-Камчатского в 1958 г. завершалось строительство группы жилых домов для портовиков, работников пароходства и судоремонтников на улицах Красная Сопка, Океанская и Индустриальная. Этот район, ранее оторванный от городского центра, постепенно соединялся с ним. Этому способствовало развитие общественного транспорта. В 1958 г. пассажиров в Петропавловске-Камчатском перевозили 56 автобусов и 23 такси. С 1959 г. началось автобусное движение до посёлка Индустриального.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 октября 1957 г. в черту города была включена территория, расположенная от 6-го до 10-го километра Елизовского шоссе [8, с. 439]. Окрепшие тресты Камчатморгидрострой, Камчатрыбстрой и Камчатстрой стремились к освоению индустриального жилищного строительства, что позволяло не только возводить отдельные объекты, но и вести комплексную застройку жилых микрорайонов. Первый из таких микрорайонов появился на 5-м километре. Здесь на пустырях с 1958 г. началось возведение многоэтажных домов для рыбаков, сразу же строились детский сад, магазин и ресторан («Космос»). Микрорайон, по примеру Москвы, назвали Черёмушками.

К 1960 г. 14,3 километра центральной дороги города уже были под бетонным покрытием с асфальтированием, и такая дорога достигла 5-го километра. Теперь в летний период город не был пыльным, как раньше, и дороги не поливали, борясь с пылью, а мыли мочными машинами.

Заметно улучшалось снабжение населения продуктами и промышленными товарами. Строились типовые магазины. В 1958 г. в Петропавловске-Камчатском имелось 242 торговые точки, включая киоски [7, с. 86, 87].

К 1959 г. к услугам жителей было три кинотеатра (к единственному в городе кинотеатру «Камчатка» в 1958 г. добавились «Маяк» и широкоэкранный «Октябрь»), драмтеатр, краеведческий музей, 11 клубов, 60 киноустановок, 12 массовых библиотек с 222 тысячами книг [7, с. 121]. В 1959 г. в областном центре проживали 85,6 тыс. чел., что составляло 38,8 % населения Камчатки. На него приходилось 44 % валовой промышленной продукции области [8, с. 445, 446].

Петропавловск-Камчатский стал принимать вид современного города. В новых сложившихся к этому времени условиях и было, видимо, решено отметить его 220-летие.

В 1960 г. я жил на 4-м километре и 17 октября видел, как по дороге в центр города двигалась колонна грузовиков с картофелем, капустой, коровами. На автомобилях были красные транспаранты с разными лозунгами. Запомнился один: «Юбилею Петропавловска — от тружеников Елизовского района!»

Уместна здесь выдержка из воспоминаний В. И. Алексева, бывшего второго секретаря Камчатского обкома КПСС: «В октябре 1960 г. отмечалось 220-летие города Петропавловска-Камчатского. В день празднования на городской площади, которая в то время называлась Театральной, а теперь носит имя В. И. Ленина, состоялся городской митинг трудящихся. И вот к этой площади стала приближаться большая колонна автомашин с лозунгами и транспарантами. Машины были загружены картофелем, капустой. Несколько машин были с крупным рогатым скотом, свиньями и птицей. Это был дар горожанам от тружеников Елизовского района за их участие в подъёме сельского хозяйства. Автомашин было двести двадцать, то есть столько, сколько лет исполнилось областному центру» [1].

Колонна автомашин с сельхозпродукцией — подарок Петропавловску к 220-летию от Елизовского района. ККМГИ 27408/182

К юбилею комбинат бытового обслуживания № 2 выпустил набор видов Петропавловска-Камчатского из шестнадцати фотографий, автор К. Гордилов.

В 1965 г. Петропавловск широко отмечал 225-летие. В преддверии юбилея был напечатан буклет «Петропавловск-Камчатский». Автором текста был известный в то время камчатский поэт Эмиль Куни. В буклете коротко представлялась история города с момента его основания в 1740 г. до середины 1960-х гг.

16 октября 1965 г. в Петропавловске состоялась 5-я, юбилейная, сессия городского Совета, посвящённая 225-летию города. На ней с большим докладом выступил первый

секретарь Петропавловского горкома КПСС Дмитрий Иванович Качин [8, с. 454—460]. В своём выступлении он назвал предприятия, внёсшие большой вклад в развитие города. Это — управление тралового и рефрижераторного флота, рыболовецкий колхоз имени В. И. Ленина, Петропавловская судовой верфь имени В. И. Ленина, Петропавловский рыбокомбинат, Петропавловская жестянобаночная фабрика, строительные тресты Камчатрыбстрой и Камчатморгидрострой.

Также он назвал десятки имён знатных и известных людей города. Среди них:

— рыбаки — И. И. Малякин, С. Г. Белоусов, А. А. Пономарёв, Н. В. Сотников, П. А. Рязанов, Г. В. Мещеряков, А. А. Амирбекян;

— строители — И. В. Слепов, И. П. Кибалюк, Н. Т. Цуканов;

— судоремонтники — В. Ф. Тиллер, Ф. А. Пашенко, А. А. Чкиря;

— врачи — М. С. Макаров, С. Б. Хомченко;

— учителя — К. А. Баранцева, Е. В. Диордиенко, Л. П. Мамонтова, Т. Д. Зеленова;

— артисты — В. П. Андрианов, М. Ф. Воронина, М. С. Соловьёва.

17 октября 1965 г. впервые было присвоено звание «Почётный гражданин Петропавловска-Камчатского». Первым почётным гражданином города стал активный участник борьбы за власть Советов в Петропавловске в 1917—1918 гг. Антон Савельевич Топорков (Олейник).

С 1965 по 1990 г. в Петропавловске-Камчатском дни рождения города не отмечались. Причин здесь несколько. Если в 1957—1965 гг. у местных жителей впервые появился интерес к истории Камчатки и Петропавловска-Камчатского и стал складываться круг активных краеведов, то в последующие годы этот интерес частично пропал. Возможно, не находил поддержки у руководства города и области. В то же время уже занимались исследованием прошлого Камчатки краеведы и историки В. И. Воскобойников, М. П. Стельных и В. П. Кусков. Каждый из них не только публиковал свои статьи по истории полуострова и города в местных газетах, но и выпустил книги об их прошлом.

Со второй половины 1970-х по начало 1980-х гг. публикации по истории Камчатки и Петропавловска-Камчатского были редки. Это затишье подтолкнуло меня заняться историей города. В преддверии 240-летия Петропавловска-Камчатского, осенью 1980 г., цикл из десяти моих заметок был опубликован в газете «Камчатский комсомолец». Очерки впоследствии были изданы отдельной книжкой [10].

В начале 1980-х гг. активно стали заниматься краеведением библиотекарь Н. И. Захарова, музейный работник И. В. Витер и журналист В. П. Мартыненко. Их статьи о прошлом нашего края в местных газетах вызвали новый всплеск интереса жителей полуострова к истории Камчатки и подготовили местную общественность к празднованию 250-летия Петропавловска-Камчатского.

К своему 250-летию Петропавловск-Камчатский пришёл уже совсем иным, чем он был раньше. Период с середины 1950-х до начала 1990-х гг. был его «золотым веком». Из полудеревни Петропавловск-Камчатский превратился в современный город. Появилось много промышленных предприятий и объектов культуры, значительно вырос жилой фонд. Новые микрорайоны возникли в северной части города, обновилась и инфраструктура областного центра, он обрёл современные границы. Его население приближалось к 250 тыс. чел.

250-летие Петропавловска-Камчатского в 1990 г. отмечалось с большим размахом. В преддверии знаменательной даты прошли первые исторические чтения, посвящённые юбилею. Для их проведения Камчатский обком КПСС даже выделил свой зал (сейчас киноцентр «Октябрьский»). В чтениях участвовали историки и краеведы не только Камчатки, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Южно-Сахалинска и Владивостока. Чтения были большим событием для общественности города.

В День города на его торжествах присутствовали гости из Дании и Аляски. В праздничных мероприятиях горожанам были показаны театрализованные картинки из истории Петропавловска-Камчатского. В продажу поступили многочисленные значки с символикой города, посвящённые его 250-летию, открытки и буклеты.

К 250-летию Петропавловска-Камчатского историки и краеведы готовили к изданию сборник документов и воспоминаний «Петропавловск-Камчатский, 1740—1990»

и историко-географический атлас «Петропавловск-Камчатский». Однако они вышли из печати только в 1994 г.

В последующие годы в Петропавловске-Камчатском стала складываться традиция праздновать День города 17 октября — в дату образования города. 17 октября возлагались венки и цветы у памятника Витусу Берингу. К 17 октября определялся очередной почётный гражданин Петропавловска-Камчатского. Однако вроде как из благих намерений постановлением градоначальника А. К. Дудникова День города с 1995 г. стали праздновать в сентябре с мотивировкой, что 17 октября в городе уже холодно, и горожанам в праздник не очень уютно.

Так, в 2001 г. День города проводился 9 сентября. Программа праздника была насыщенной. В этот день утром в храме Николая Чудотворца был совершён молебен о долголетию жителей Петропавловска-Камчатского. У памятника Витусу Берингу провели ритуал памяти основателю города и открыли мемориальную доску, посвящённую 250-летию открытия Русской Америки. На Театральной площади, Озерновской косе и стадионе «Спартак» прошли многочисленные культурные и спортивные мероприятия.

С 2003—2005 гг. День города стали вновь проводить в дату основания Петропавловска-Камчатского — 17 октября. По традиции, у галереи почётных граждан в центре города в этот день вручают диплом и наплечную ленту новому почётному гражданину. По состоянию на 17 октября 2010 г. в Петропавловске-Камчатском имелось тридцать два почётных гражданина.

Празднования юбилеев — 260-летия и 270-летия Петропавловска-Камчатского мало отличались от ежегодного празднования Дня города.

ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеев В. И.* Камчатская целина. — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 44.
2. *Гаврилов С. В.* Маленькие камчатские истории. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — С. 52.
3. ГАКК, ф. 88, оп. 1, д. 27, л. 3.
4. Там же, ф. 166, оп. 1, д. 18-а, л. 2, 4 об.
5. Там же, д. 26, л. 20.
6. *Колган С.* Грустный юбилей // Вести. — 1996. — 5 нояб.
7. Народное хозяйство Камчатской области: стат. сб. — Хабаровск, 1966. — С. 86, 87, 121.
8. Петропавловск-Камчатский, 1740—1990. История города в документах и воспоминаниях. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 439, 445, 446, 454—460.
9. *Пиразис А. П.* От нагана до компьютера: история камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 67.
10. *Пиразис А. П.* Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. — Петропавловск-Камчатский, 1986.

В. Е. БЫКАСОВ

ИСТОРИЯ ОШИБОК В ХРОНОЛОГИИ ОСНОВАНИЯ ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО

История образования города Петропавловска-Камчатского изначально и неразрывно связана с океаном, как из-за его расположения на берегу одной из самых больших, красивых и удобных гаваней мира, так и в силу того, что основан он был моряками. Вот об этом и предлагается поговорить, причём не столько с целью освежить нашу память, сколько с намерением обратить внимание на дату основания города. Необходимость этого, как выясняется, есть, ибо подлинный день этого в силу разных причин был предан забвению [1].

Если в определении места первоначального строительства города особых противоречий не имеется (хотя и тут есть некоторые условности, но об этом — попозже), то в отношении дня его основания обнаруживается довольно много и весьма принципиальных разночтений. Объяснение причин их возникновения и является целью предлагаемой статьи, а её основной задачей — посильный анализ суждений и мнений авторов

разных лет по поводу дня рождения нашего города. Ну и, разумеется, обоснование наиболее вероятной даты основания Петропавловска, что в преддверии его 275-летнего юбилея выглядит вполне своевременным. Однако прежде чем переходить к заявленной цели обращу внимание на методологию предстоящего исследования.

Достижение заявленной цели и решение связанных с нею задач возможны лишь на основе тщательного и объективного анализа фактов, мнений, суждений и представлений других исследователей. Чтобы не допустить субъективности или свести её к минимуму, следует если не исключить, то преуменьшить возможность искажения анализируемой информации. Этого можно достичь лишь цитированием, так как использование исходного материала в форме более или менее связного переложения сути дела своими словами нередко приводит к его вольному или невольному искажению. Сужу по собственному опыту: часть читателей воспринимает таковое искажение за истину, часть остаётся на стороне автора анализируемого документа и лишь отдельные индивидуумы пытаются самостоятельно разобраться в том, кто прав, а кто ошибается. Но именно им-то и нужны цитаты с указанием источника, поскольку это позволяет не тратить лишнее время и усилия на поиск исходных данных, не говоря уже о том, что в таком случае все претензии по поводу первичных ошибок предъявляются к автору цитируемого текста, а не к его пользователю. Правда, при этом далеко не всегда удаётся избежать некоторого излишества в цитировании. Но тут многое зависит от характера и важности затронутой проблемы. В частности, в настоящей статье автору пришлось буквально «продираться» через множество разночтений, неточностей, разного рода накладок и откровенных ошибок. И здесь без предельной точности в изложении мнений и суждений других исследователей, что достигается лишь цитированием, никак не обойтись.

Что же касается указаний на ошибки в самих цитатах, то этим преследуются две цели: уточнение изложенного и исправление обнаруженных неточностей. Ибо без того и другого анализ характеризуемых событий будет недостаточно полным. И уж, конечно же, при этом следует понимать, что правильное указание на ту или иную ошибку направлено не на принижение авторитета цитируемого исследователя, а на установление сути дела. Вот памятуя об этом, я и приступаю к изложению узловых моментов в истории возведения на берегах Авачинской губы первых строений.

Итак, нашему городу, стоящему на берегу одной из самых лучших бухт мира, в 2015 г. исполнится 275 лет. Много славных, не очень славных и откровенно бесславных событий произошло за это время в жизни Петропавловска. Если достойные страницы в его историографии были описаны и переописаны многократно, то на факт, что после каждого очередного всплеска интереса к нему со стороны державного центра город неизбежно и закономерно погружался в пучину застоя и забвения, должного внимания почти не обращалось. Во всяком случае, никто до нас [2] не попытался задать вслух вопрос (и попробовать ответить на него) — а почему это происходило? Хотя, как представляется, именно от правильного ответа на него во многом зависит будущее нашего города.

Впрочем, в данном случае речь пойдёт не о вопросах и ответах на них, а о подлинном дне основания Петропавловска. Для этого нам придётся вспомнить основные сведения и даты, относящиеся к этому событию, в том числе и его предысторию — то есть открытие и освоение Авачинской губы. Без этого попытка осветить все перипетии основания Петропавловска окажется недостаточно успешной.

Прежде чем начать разговор о предыстории и истории Петропавловска, следует отметить, что в освещении этих событий допущено множество различных недоразумений, оговорок, а то и откровенных ошибок. И это не только моё мнение. Вот что, например, писал по этому поводу в своём предисловии к сборнику «Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях, 1740—1990» известный отечественный историк Б. П. Полевой:

«Работа архивистов имела для нас (авторов-составителей. — В. Б.) исключительно важное значение: она позволила внести множество важных уточнений в историю Петропавловска, исправить *сотни* (здесь и далее выделено мною. — В. Б.) неточностей, которые до сих пор встречались в литературе. Особенно много их появилось в так

называемый “период застоя”, когда нередко выходили популярные книжки, авторами которых были лица, не имевшие серьёзного исторического образования, плохо знавшие этнографию и филологию, а порою даже и географию Дальнего Востока. Часто эти лица (иногда с громкими именами) некритически повторяли чужие ошибки и упорно игнорировали результаты новейших исследований российских и иностранных серьёзных исследователей» [3, с. 12—13].

Тем не менее, и сам Б. П. Полевой при описании предыстории Петропавловска также допустил несколько ошибок. И вот тому один показательный пример: «Казак Тимофей Кобелев в 1703 году поставил на Камчатке три острожка: Верхнекамчатский, Нижнекамчатский и Большерецкий и в том же году послал на восток по реке Семячик отряд казаков во главе с Родионом Преснецовым, который вышел на берег *Берингова* моря», — написал он по поводу открытия Авачинской губы в историко-географическом атласе «Камчатка. XVII—XX вв.» [4, с. 90].

Не стану сейчас говорить о том, кто, где и когда поставил первые на полуострове три острожка, поскольку вопрос этот настолько сложный и спорный, что требует специального рассмотрения. Остановлюсь лишь на том, что в данном случае Б. П. Полевой соотносит, как, кстати, и во многих других своих публикациях, так называемое «Бобровое море» с Беринговым. В частности, в своей статье «Кем и когда была открыта Авачинская губа» он прямо так и пишет: «“Бобровым морем” именовалась та часть *Берингова* моря, которая была расположена наиболее близко от Верхнекамчатского острожка». И тут же, ссылаясь на С. П. Крашенинникова, дополняет: «Эта часть названа “Бобровым” “по морским бобрам”, которых там больше других мест промышляют» [5, с. 77].

Однако, как известно, наиболее близко от Верхнекамчатска располагается акватория Кроноцкого залива, которая от Берингова моря отделяется Кроноцким полуостровом и Камчатским заливом. Так что Кроноцкий залив к Берингову морю никакого отношения не имеет.

Что же касается суждения об этом С. П. Крашенинникова, на которого ссылается Б. П. Полевой, то он пишет так: «Включённым между носами морским заливом, которая просто морями называются, всем имена особливья, как например: Олюторское море, Камчатское, бобровое и прочая, о чём ниже сего при описании берегов обстоятельнее будет объявлено». А на следующей странице он уточняет, что: «Восточный берег, состоящий под ведением Большерецкого острога *Апачею по реке Аваче* называется. Тот же берег присуду Верхняго Камчатского острога *Бобровым* морем по морским бобрам, которых там больше других мест промышляют...» [6, с. 5—6].

Выделение в этой цитате слов «*Апачею по реке Аваче*» потребовалось потому, что в этом случае либо сам С. П. Крашенинников в слове «Авачею» написал по невнимательности вместо буквы «в» букву «п», либо указанная подмена букв произошла во время набора текста. Ибо под «Апачей» в данном случае понимается та часть юго-восточного побережья Камчатки, которая «...по берегу Восточного моря от Авачи до Налачевой простирается» [7, с. 249] и которая в официальных документах того времени действительно именовалась «Авачей».

К сказанному остаётся добавить, что ещё ниже С. П. Крашенинников сообщает, что к присуду Верхнего Камчатского острога относятся Кроноцкий, Усть-Кроноцкий, Кемш, Шемячик, Берёзовский, Жупановский, Калигарский, Шипунский, Островной (устье реки Вахиль) и второй Островной (остров Крашенинникова) острожки, а также острожек коряков, проживающих на реке Аваче, точнее на реке Пиначевой [7, с. 254—255]. А потому сомневаться в том, что под «Бобровым морем» он понимал именно северную часть Авачинского залива и всю акваторию Кроноцкого залива, явно не приходится. Хотя, замечу, что в те времена «Бобровым морем» нередко именовали также и общую акваторию Кроноцкого и Авачинского заливов, а иногда и вообще всё прибрежное водное пространство, простирающееся от Кроноцкого полуострова до мыса Лопатки включительно.

Что же касается причин отнесения Б. П. Полевым «Бобрового моря» к акватории Берингова моря, то, как представляется, в основе появления этой ошибки маститого историка лежит его излишне профессиональное пристрастие к историческим (в том

числе и к картам) документам. И в самом деле, на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами», например, созданной при участии С. П. Крашенинникова и размещённой в первом томе его книги, вся акватория Тихого океана, протягивающаяся от нынешнего мыса Наварин на севере и до мыса Лопатка на юге, именуется «Камчатским морем» (рис. 1).

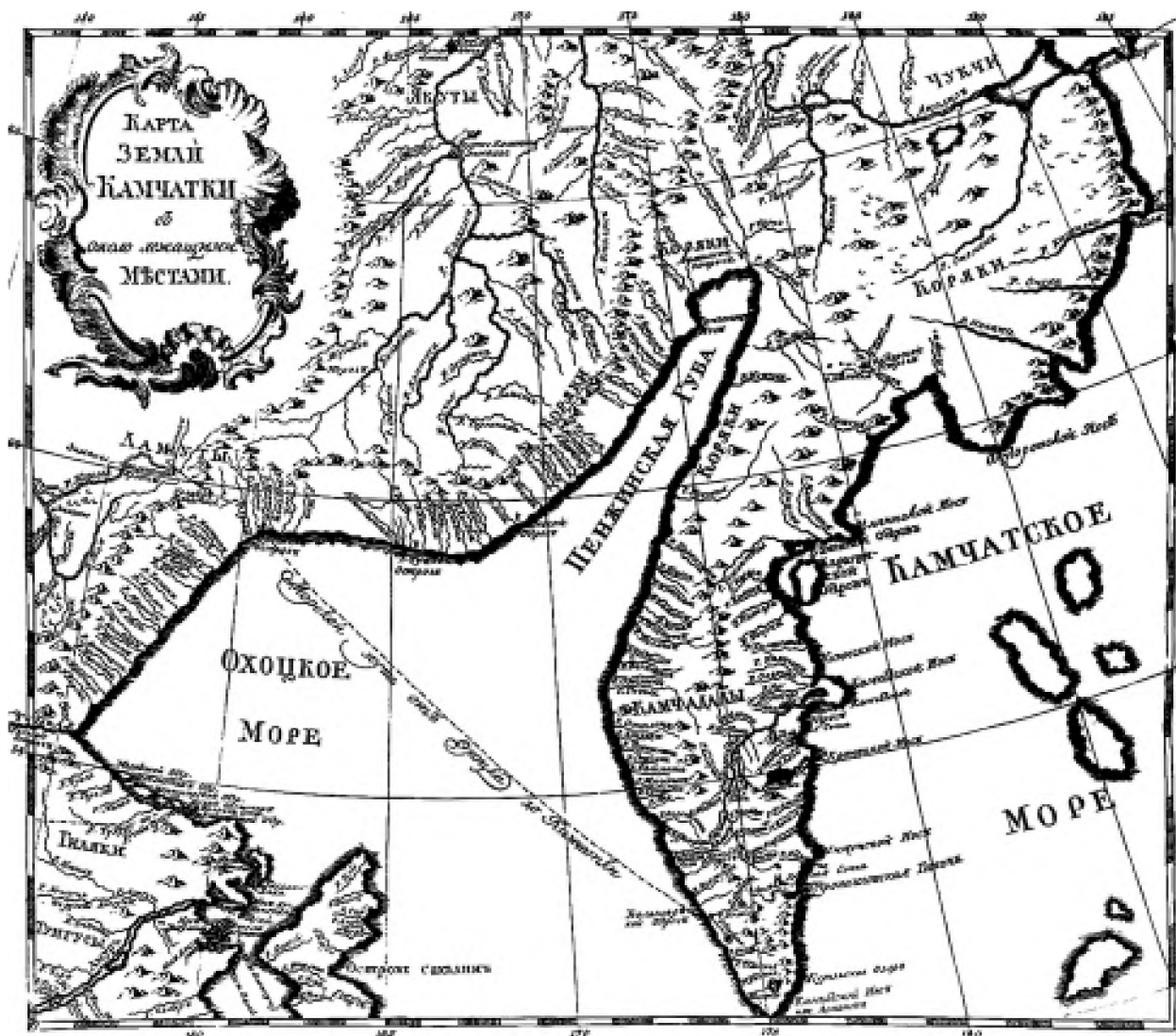

Рис. 1. Карта земли Камчатки с около лежащими местами [6]

Не исключено, что Б. П. Полевой, полностью погрузившись в своих представлениях в те далёкие времена, просто-напросто «позабыл» разделить это некогда единое, но ушедшее в прошлое географическое понятие на собственно Берингово море и на акваторию Тихого океана. Если вспомнить, что какое-то время Берингово море действительно именовалось Бобровым (рис. 2), то отнесение Б. П. Полевым Кроноцкого залива к акватории Берингова моря становится ещё более объяснимым.

О том, что всё происходило именно так, говорит и тот факт, что Б. П. Полевой постоянно, в десятках, буквально, своих статей, самым узким местом Камчатского полуострова называл пространство, лежащее между устьями рек Лесной и Караги. Это опять же полностью согласуется с изображением Камчатки на этой и на многих других старинных картах. Хотя, замечу, сам С. П. Крашенинников наиболее узким местом полуострова считал перешеек, соединяющий Камчатку с материком.

Пример с «Бобровым морем» убедительно показывает, что ошибки могут допускать даже самые высококвалифицированные специалисты. Мне остаётся лишь высказать сожаление, граничащее с удивлением, по поводу того, что за сорок без малого лет тиражирования этих ошибок Б. П. Полевым среди его читателей и почитателей не нашлось никого, кто бы указал ему на это недоразумение с названиями совершенно разных морских акваторий или самого узкого места полуострова.

Вернуть к открытию Авачинской губы. В результате похода В. Атласова в 1697—1699 гг. Камчатка была присоединена к России. Уже в конце августа 1703 г. первый камчатский приказчик Тимофей Кобелев отправил из Верхнекамчатского острога отряд из двадцати двух казаков под предводительством Родиона Преснецова в поход на «Бобровое море» для сбора ясака с местных жителей и проведывания пути к юго-восточной оконечности полуострова [5].

Рис. 2. Карта Русской Америки [8, с. 121]

В начале сентября отряд, следуя долинами рек Кавыча (Повыча), Жупанова (Шопхад) и Семячик («Шемеч» или «первая речка»), вышел к берегу океана в районе Семячинского лимана. А в самом конце сентября или начале октября казаки, преодолев по пути устья пяти крупных рек (Берёзовая, Жупанова, Вахиль, Озерная, Налычева), подошли к «шестой» реке — Халактырке («Налахтырь»). Отсюда, не выходя на берега Авачинской губы, они проследовали, обходя болотистую пойму, к «седьмой» реке — Аваче [9]. Переправившись через Авачу неподалёку от ительменского острожка Кыттынан, некогда располагавшегося на берегу реки Пиначевой, примерно в трёх вёрстах от современного города Елизово, казаки вышли к реке Паратунке (ныне Тихая) и, по ней к — Купхе (ныне — Паратунка). Затем они проследовали к бухте Тарья (ныне Крашенинникова), расположенной на западном берегу Авачинской губы. Отсюда отряд вдоль океанского берега прошёл до «дву на десятой» (двенадцатой, или Большой Саранной) реки, вернулся тем же путём назад к бухте Тарья и затем — к реке Аваче. И лишь после этого казаки, следуя долинами рек Авачи и её притока — Корякской (Коонам), перешли в долину реки Большой (ныне — Плотникова), вышли по ней на западное побережье полуострова, достигли, следуя по нему к югу, реки Озерной, вышли по ней к Курильскому озеру и, повернув назад, по долинам рек Большой, Быстрой и Камчатки вернулись в Верхнекамчатск.

Таким образом, спустя всего четыре года после завершения похода В. Атласова Россия окончательно вышла на берега Тихого океана. В том смысле окончательно, что плавания отрядов И. Ю. Москвитина (1639 г.), В. Д. Пояркова (1645 г.), С. И. Дежнева (1648 г.), М. В. Стадухина (1651—1652 гг.) и И. М. Рубца (1661—1662 гг.) по Охотскому и Берингову морям не привели к подлинному освоению морских просторов Дальнего Востока. Лишь открытие Авачинской губы дало России настоящий шанс закрепить за собою северную часть Тихого океана, хотя понадобилось ещё целых тридцать семь лет для того, чтобы губа стала базой военно-морского флота. Но это уже ничего не меняло по своей сути, так как дело оставалось за конкретными действиями, почва для которых была подготовлена именно походом казаков отряда Р. Преснецова.

Для полноты картины к сказанному следует добавить ещё один штрих. Дело в том, что известный камчатский краевед В. П. Кусков в своей брошюре «Камчатские были» пишет: «Русские землепроходцы достигли реки Авачи ещё в 1701 г. Их, впрочем, интересовала не губа, а жившие вокруг неё неясачные ительмены» [10, с. 24]. Так что если допустить, что выход русских к берегам Авачинской губы в 1701 г. действительно имел место, то это значит, что казаки отряда Р. Преснецова не были первыми, побывавшими в районе Авачинской губы. Как пишет камчатский краевед А. П. Пирагис, река Авача стала известна русским ещё в 1700 г. [11, с. 81]. Из чего, в свою очередь, следует, с учётом сведений о постройке казаками Тимофея Кобелева в 1703 г. вблизи устья реки Большой русского острога, что целью похода отряда Преснецова было не только приведение к ясаку обитателей бассейна Авачинской губы, но и поиск путей к самой южной оконечности полуострова.

Но в любом случае не подлежит сомнению то, что подход к Бобровому морю по рекам Повыча, Жупанова и Семячик казакам Преснецова уже был известен. Как, скорее всего, известно им было либо со слов Атласова или его спутников, либо из расспросов ительменов и о существовании реки Авачи. Скорее всего, знали они и о том, что к реке Аваче, а по ней и к самой губе, можно было пройти по рекам Камчатке, Быстрой и Большой (Плотниковой), так как именно следуя их долинами казаки отряда Кобелева выходили на западное побережье полуострова за ясаком. И лишь только путь к югу от Авачинской губы по восточному побережью был им совершенно неизвестен, поскольку ительмены вдоль этого побережья не обитали, а до похода Преснецова русские с курилами, проживавшими к югу от Авачинской губы, не сталкивались. Когда казаки Преснецова дошли до обрывистых берегов правого берега бухты Большой Саранной, там от тойона курилов (айнов) Икако Датекукакула узнали, что далее к югу можно проследовать только на байдарах, а выше по реке Большой Саранной и далее в глубь полуострова никто не живёт. Тогда они решили перейти на известную им реку Большую (ныне Плотникова) с тем, чтобы по ней выйти на западное побережье и затем попробовать пройти по нему к южной оконечности Камчатки.

Но, потеряв время на обход Авачинской губы и на поход к бухте Большой Саранной и обратно, ввиду наступившей зимы и, не исключено, сопротивления воинственных курилов, казаки по западному побережью далее рек Озерной, Паужетки и озера Курильского пройти не смогли и возвратились в Верхнекамчатск. Тем более что им непременно надо было вернуться туда с собранным по пути ясаком ещё до отъезда Тимофея Кобелева в Анадырск, последовавшего в начале 1704 г.

Итак, Авачинская губа была открыта в 1703, а, возможно, и в 1701 г. Не исключается также, что о её существовании, хотя бы из слов ительменов, знал ещё и В. Атласов, побывавший в южной части Камчатки осенью 1697 г. Что же касается освоения, то впервые практический интерес к губе государство проявило лишь в связи с организацией Второй Камчатской экспедиции. Объяснялся он тем, что на всём известном тогда морском побережье восточной окраины России не имелось иных мест, где корабли экспедиции могли бы безопасно перезимовать. Но прежде чем это произошло, казаки и промышленные люди успешно освоили и саму Авачинскую губу, и морские подходы к ней с южной и северной стороны.

Ещё в августе 1707 г. В. Атласов, вновь назначенный приказчиком Камчатки, послал на Бобровое море и к Авачинской губе отряд казаков во главе с Иваном Таратыным для усмирения ительменов, восставших против произвола сборщиков ясака. Правда, губа при этом интересовала Атласова всего лишь как место обитания ительменов и курилов, с которых необходимо было собирать ясак. Тем не менее, уже вскоре казаки и промышленные люди начали самостоятельно осваивать губу и прилегающие к ней с севера и юга побережья с целью добычи морского бобра (калана). И «преуспели» в этом настолько, что в 1715 г. И. П. Козыревский направил из Авачинской губы казака Фёдора Балдакова (Булдакова) «со служилыми в Камчатский нос и ближайшие острова с Авачи морем в байдарах» [12, с. 19—20]. Причём, надо полагать, им руководило не столько стремление к познанию новых мест, сколько желание выявить новые промысловые угодья в связи с истощением численности морских бобров в местах, расположенных поблизости от Авачинской губы.

А несколько позднее, 13 сентября 1727 г., боярский сын Алексей Еремеев в ответ на запрос В. Й. Беринга о путях следования от Большерецка к долине и устью реки Камчатки, написал:

«От Большерецкого устья до Лопатки пешему ходу 5 дней землёю и земля мягкая, а байдарами грести столько же, а от Лопатки до Авачи реки байдарами грести 10 дней, а пешего хода нет, для того, что залегли губы и шерлопы, и утёсы великие, а с Авачи до Кроноцкого Носу пешего хода 10 дней, а от того носу до Камчатского устья ходу 5 дней летним и зимним временем, а из Большерецкого астрогоу до Верхнего Камчдальского астрогоу пешему ходу с ношами две недели.

Прежде бывшей прикащик Иван Харитонов шёл по Быстрой батами до Гоналы 8 дней, а зимним временем собаками езды две недели, а на санки кладётца по 5 пуд, а весной на лодке езды 3 дня, а в баты кладём по 10 пуд и больше и каков бат, а байдарами по быстрой ходу нет, для того, что она мелка.

А по книгам — ясажных иноземцев 147 человек.

А по Быстрой бывал батами служилой человек Дмитрий Горлов, а до Лопатки бывал служилой человек Андрей Тарамыгин, а по другому морю бывали байдарами до Авачи служилые люди Андрей Воронин, Пётр Горностаев, а с Авачи до Кроноцкого Носу бывал служилой человек Фёдор Слободчиков, а от Кроноцкого Носу до камчатского устья бывал служилой человек Григорей Кударинской, а у нас в Большерецком к зимнему пути соберетца у служилых людей 60 нарт и с собаками» [13, с. 63].

Как можно видеть, служилые люди ко времени прибытия Первой Камчатской экспедиции на полуостров уже хорошо знали пути передвижения от Большерецка до устья реки Камчатки как по рекам Большой, Быстрой и Камчатке, так и по восточному побережью полуострова. Ну, а пути по западному побережью до рек Воровская, Колпакова, Облуковина, Хайрюзова и Тигиль и затем по долинам этих рек через Срединный хребет к реке Камчатке русские знали ещё со времён Атласова.

Что же касается самого Беринга, то, как пишет Б. П. Полевой, впервые капитан-командор узнал о существовании Авачинской губы по карте Камчадалии 1722 г., созданной по заказу Петра I нюрнбергским картографом И. Б. Гоманом. Затем, пребывая в Якутске, он 18 июня 1726 г. получил от И. П. Козыревского не только большой чертёж Камчатки, но и некоторые данные об Авачинской губе [12, с. 21]. Прибыв на Камчатку в 1727 г., он собрал о губе (см. выше) более подробные сведения.

Тем не менее, эти данные в силу отсутствия у казаков и промышленных людей приборов, да и знаний, для определения координат, были недостаточно точны. Впрочем, и сами моряки Первой Камчатской экспедиции также не проявили должной настойчивости, или, по крайней мере, желаемого интереса к Авачинской губе. Экипаж шитика «Фортуна», проплыв летом 1728 г. от устья реки Большой до устья реки Камчатки и обратно, при этом занимаясь охотой на морского бобра (а, значит, следуя, буквально, впритирку к берегу), даже и не попытался войти в Авачинскую губу.

Вот что об этом написал в своё время Г. Стеллер: *«Насколько мало, однако, моряки интересуются практической стороной дела (то есть, возможностью использования Авачинской губы. — В. Б.) видно из того, что хотя они в прошлую экспедицию и дважды проходили мимо этих мест и даже добывали там бобра, они, тем не менее, не узнали ничего путного просто оттого, что не позаботились об этом» [14, с. 41].* В результате чего В. Беринг, возвращаясь в 1729 г. от устья реки Камчатки в Охотск на боте «Святой Гавриил», в тумане не смог из-за отсутствия координат найти входа в Авачинскую губу. Так «шкурный» интерес возобладал над государственным. А само освоение губы и её бухт русскими судами оказалось отложено ещё на десять с лишним лет.

Таким образом, в начале завершающего этапа подготовки плавания к американским берегам все сведения об Авачинской губе имели самый общий, если не сказать поверхностный, характер, поскольку в них ничего конкретного не говорилось ни о входе в губу, ни об её размерах и глубинах, ни о наличии мест, удобных для якорной стоянки. А потому, как пишет Б. П. Полевой: *«В 1737 г. в район Авачинской губы Беринг отправил опытного геодезиста Ивана Свистунова и штурмана (на самом деле ещё только подштурмана. — В. Б.) Емельяна Родичева. Им довелось плыть на Камчатку на*

судне (шитике. — В. Б.) “Фортуна” вместе со Степаном Крашенинниковым, и они чуть не погибли. Из Большерецка они поспешили зимой 1737/1738 г. отправиться на первый осмотр Авачинской губы с целью составления её подробной карты. Они же на мысе Вауа (позже — Маячный) смогли заложить самый первый русский маяк у входа в Авачинскую губу» [12, с. 22].

То есть именно с этого момента интерес к Авачинской губе приобрёл конкретные очертания и практическую направленность, считает видный историк. С этим остаётся только согласиться. Однако утверждение Б. П. Полевого о времени строительства маяка на мысе Вауа и о самом его возведении явно не соответствует истине.

Действительно, закладка пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел», предназначенных для плавания к берегам Камчатки и оттуда к Северной Америке, произошла лишь в ноябре 1737 г., а на воду они были спущены только летом 1740 г. Завершаемые строительством бригантин «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда», а также ремонтируемый бот «Св. Гавриил» изначально предназначались для плавания к берегам Японии. Куда они и проследовали 15 июля 1738 г., предварительно зайдя в устье реки Большой. Так что ни в 1738, ни даже в 1739 г. речи о приходе в Авачинскую губу каких-либо судов быть не могло. И, следовательно, сооружать загодя маяк на мысе Вауа нужды просто не имелось.

О том, что дело обстояло именно так, говорят и данные «Рапорта А. И. Чирикова в государственную Адмиралтейств-коллегию о плавании к берегам Америки» от 7 декабря 1741 г., на который ссылается Б. П. Полевой, когда говорит о строительстве маяка на мысе Вауа. В рапорте однозначно указано, что: «И июля 15 числа (перешед от устья Авачинской губы, где учреждено от нас быть маяку на месте называемом Вауа...)» [15, с. 223]. То есть маяк на мысе Вауа мог быть построен ввиду ожидаемого прихода пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел» не ранее августа-сентября 1740 г. Это подтверждается картой, составленной И. Ф. Елагиным в том же 1740 г., на которой на северо-восточном входном мысу в Авачинскую губу стоит значок, обозначающий маяк, и подписано: «Маяк навигаторский, не гаснет огонь в ночное время».

Другое дело, что этот маяк на берегах Авачинской губы не был первым. В восьмидесятом примечании к сборнику документов «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.» говорится: «Работы по описанию Авачинской губы были начаты ещё в 1737 г. подпоручиком И. Свистуновым и подштурманом Е. Родичевым (см. док. № 119). В 1738 г. в устье реки Авачи началось строительство маяка, казарм для команды и жилища для В. Й. Беринга. Из-за отсутствия достаточного количества леса к марту 1739 г. на Аваче был сооружён только один маяк» [16, с. 296].

Как видно, И. Свистунов и Е. Родичев к строительству маяка на мысе Вауа никакого отношения не имели. Так что Б. П. Полевой, действительно, ошибся не только в том, кто и где поставил самый первый маяк на берегу Авачинской губы, но и когда он был основан. Замечу, что установление того, где, когда и кем был построен первый маяк на берегах Авачинской губы, на первый взгляд, кажется не очень существенным. Но только на первый взгляд, ибо любой маяк относится к портовым сооружениям. Следовательно, день рождения того или иного порта и, соответственно, города можно и должно привязывать к началу возведения маяка, если, конечно же, таковой маяк был самым первым сооружением будущего города. Но именно в связи с этим и возникает первая условность при определении дня рождения Петропавловска.

Как показано выше, маяк на мысе Вауа был поставлен после начала возведения первых строений нового порта и будущего города, а потому он не может служить временным репером при обосновании даты образования Петропавловска. Что касается маяка в устье реки Авачи, то будучи самым первым русским строением на берегах Авачинской губы, он был разобран в связи с переносом порта в Ниакину бухту. Во второй половине XX в. место его расположения оказалось в черте разросшегося города, однако вряд ли всё это может служить основанием для привязки дня образования Петропавловска к 1739 г., хотя с чисто формальной точки зрения такой вариант принципиальных возражений не вызывает.

Вернусь к дальнейшему изложению событий. 16 апреля 1739 г. М. П. Шпанберг в инструкции солдату Петру Копотилу, отправляемому во главе специальной команды в Авачинскую губу, предписал последнему незамедлительно приступить к заготовке леса и возведению из него в устье Авачи первого русского поселения [16, с. 296]. Это значит, что либо Шпанберг ещё не знал о сооружённом к этому времени маяке в устье реки, либо не посчитал таковой первым сооружением будущего порта.

Во исполнение этого предписания летом 1739 г. началась заготовка леса в бассейне реки Пиначевой (в урочище Светлый ключ, где произрастал высокоствольный тополёвый лес, который зимою рубили, а летом сплавляли к Петропавловску [17, с. 103]). Чем, по словам Б. П. Полевого, был «...сделан самый первый шаг для начала строительства будущего Петропавловска» [12, с. 27]. Но ведь только первый и притом лишь к началу строительства, а не к нему самому, а потому основания для привязки дня образования Петропавловска ко времени строительства маяка в устье Авачи, действительно, нет. И, тем не менее, для прояснения сложившейся ситуации стоит ещё раз обратиться к С. П. Крашенинникову.

Будучи студентом Императорской Академии наук и членом Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, он по своему официальному статусу был на равных с младшим офицерским составом этой экспедиции. К тому же, проживая вместе с офицерами в одних и тех же условиях в Большерецке, он вполне мог иметь с некоторыми из них приятельские отношения. Так что о планах и конкретных делах своих сослуживцев по экспедиции он знал, что называется, из первых уст. Тем более, что всем её участникам было строго указано оказывать всяческое и посильное содействие работе всех, включая и студентов, сотрудников Академического отряда.

Но именно потому, что Крашенинников прекрасно знал все обстоятельства, связанные с описанием Авачинской губы и с предполагаемым началом строительства на её берегах первых сооружений, он, пребывая с 26 по 29 января 1738 г. в острожке Паратун, не предпринял ни малейшей попытки посетить берега губы вообще и устье реки Авачи в частности потому, что И. Свистунов к этому времени ещё только готовился к поездке туда. Точно так же и 7 апреля 1739 г., возвращаясь в Большерецк из Нижнекамчатска, Крашенинников, миновав устье Авачи, сразу же проехал к острожку Анкомпо (Ниакин), от которого на следующий день доехал через замёрзшую бухту до Тареина острожка и в этот же день прибыл в острожек Паратун. Поступил же он так потому, что для него, ввиду отсутствия на берегу губы русского поселения, маяк особого интереса не представлял, тогда как посещение названных острожков входило и в его личные планы, и вменялось ему в обязанность.

Уточню, что 29 апреля (по новому стилю) 1779 г. корабли Джеймса Кука, войдя под командованием Чарльза Клерка в Авачинскую губу, столкнулись здесь с большим скоплением битого льда, который помешал им приблизиться к Ниакиной бухте. И только на следующий день, когда отлив и ветер вынесли большую часть льда из губы в Авачинский залив, корабли смогли подойти к ледяному припаю шириной около полумили, по которому несколько англичан вышли пешком к самому Петропавловску [18, с. 82—83]. То есть в те далёкие времена климат был настолько холоднее нынешнего, что С. П. Крашенинников вполне мог в середине апреля переехать Авачинскую губу на собачьих упряжках.

Что же касается И. Свистунова, то, пытаясь как можно лучше составить карту губы, он провёл на Камчатке два года. Однако при отсутствии необходимых инструментов и снаряжения он смог произвести только глазомерную съёмку губы, так и не промерив её глубины. И опять же нелишне будет по этому поводу заметить, что если С. П. Крашенинников и «пищик» С. Аргунов как пассажиры смогли спасти свои приборы и часть снаряжения, то И. Свистунов и Е. Родичев, будучи заняты организацией спасения команды и пассажиров руководимого ими судна, таковой возможности не имели. Так что Свистунову просто нечем было производить инструментальную съёмку.

Вот отчего, когда 8 сентября 1739 г. Свистунов, вернувшись в Охотск, доложил о результатах своей работы и представил карту Авачинской губы, эти сведения не удовлетворили Беринга. В своём рапорте в Адмиралтейств-коллегию по этому поводу тот написал: «...оную де губу описывал и вымеривал он, Свистунов, собою один, в чём

в государственную адмиралтейскую коллегию того же сентября 10 дня и рапортовано, при котором рапорте и описание той губы приложено. Токмо на том утвердиться невозможно... ибо оной Свистунов имел описание с берега...» [19, с. 185].

К сказанному остаётся добавить, что в конце июня 1739 г., возвращаясь к Камчатке из плавания к берегам Японии, губу по личной инициативе попытался было посетить Вилим Вальтон на боте «Св. Гавриил» [20, с. 182]. Однако, так и не обнаружив входа в неё, моряки повернули на юг и ушли в Большерецк. А жаль, ибо если бы Вальтону удалось войти в губу, история плавания к берегам Америки могла бы сложиться более удачно.

Тем не менее, всё это не ослабило интереса к Авачинской губе, и в силу этого интереса 29 сентября 1739 г. из Охотска, в котором, по мнению Беринга, «в зимнее время для отстоя судов безопасных мест не было», на Камчатку был отправлен бот «Святой Гавриил» под командованием штурмана Ивана Елагина:

«...и велено ему от Большой реки по прибытии на Большую реку, ежели свободного к тому времени ему не останетца, отправить штурмана Василья Хметевского в Нижней Камчатской острог для вымеривания по вскрытии льда устья реки Камчатки, а ему, Елагину, в зимнее время по берегу от Большой реки до Авачинской губы берег описать и, ежели явятца против берегу лежащая острова, те положить на карту. А в 1740 г. весной велено ему ж, Елагину, следовать на Камчатку на боту от реки Большой круг южного камчатского Угла до Авачинской губы и ту губу вымерить, в какой глубине стоит, и чтобы при той губе построены были для жилья служителям жилья покои и для клажи провианта и материалов магазейны».

И вновь совершенно излишне будет сделать отступление. Дело в том, что произведённые В. Хметевским замеры устья реки Камчатки показали его (устья) полную по причине мелководья (семь с половиной футов) и наличия баров непригодность для прохода и отстоя пакетботов экспедиции с осадкой 9—10,5 фута [21, с. 212]. Поэтому местом зимовки кораблей окончательно была избрана Авачинская бухта. Тем более, что в отличие от Большерецкого и Нижнекамчатского острогов она гораздо в большей степени отвечала целям и задачам как самой Второй Камчатской экспедиции, так и освоению океанских просторов в целом.

Что же касается И. Ф. Елагина, то во исполнение этого поручения он осенью 1739 г. «...сделал на байдаре опись западного берега полуострова от Большерецка до мыса Лопатка, а геодезист Ушаков в 1742 г. продолжал опись Елагина к северу от Большерецка до реки Паланы. Эта последняя опись была произведена на собаках» [22, с. 60]. А зимой 1740 г., во исполнение приказа В. Беринга: «...и иттить ему зимним временем от Большой реки по берегу до Авачинской губы. И для того пути требовать в провожатья от тамошнего управителя двух человек служилых людей и тот берег описать, и ежели явятца против берегу острова, те положить на карту» [19, с. 186], уже и сам Елагин попытался было произвести на нартах съёмку юго-восточных берегов полуострова от мыса Лопатки до Авачинской губы [12, с. 27]. Но ввиду того, что почти весь этот участок представлен крутыми, с почти сплошными обрывами-непропусками берегами, сделать это ему не удалось. «И от того де камчацкого угла (мыса Лопатка. — В. Б.) до Авачинской губы подле моря по восточному берегу сухим путём описи сочинить никак невозможно, понеже де подлегли тамо великие горы и каменные утёсы, которые ни пешему человеку, и, по здешнему обычаю, на собаках никоим образом проитить невозможно», — пишет по этому поводу Беринг в своём рапорте [21, с. 212].

Однако на берегах самой губы Елагин зимой всё же побывал. И уже тогда выбрал для строительства будущего порта Ниакину гавань, а не устье реки Авачи, где, как уже говорилось, летом 1739 г. началось складирование леса, заготовленного командой солдата Копотилова и возведение некоторых построек [12, с. 27].

После окончания зимовки в устье реки Большой бот «Святой Гавриил» под водительством И. Ф. Елагина отправился «...от Большой реки на боту мая 16 дня того же 740 году к Авачинской губе и прибыл в тою губу июня 10-го числа благополучно» [21, с. 212—214]. Плавание продолжалось так долго потому, что Елагин производил с борта судна съёмку юго-восточного берега полуострова. Сразу же после разгрузки

судна экипаж и завезённые из Большерецка мастеровые приступили к возведению необходимых построек на берегу выбранной им ранее Ниакиной («Ниякиной») гавани. А спустя три месяца Елагин предоставил Берингу рапорт от 20 сентября, в котором сообщал: *«При которой губе построено камчатскими служилыми и ясаиными иноземцами жилых покоев в одной связе пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента. Також и в означенной губе глубину воды вымерел»* [21, с. 214].

Сделаю отступление, на этот раз касающееся рапорта Елагина, ибо здесь также обнаруживаются некоторые нестыковки. В частности, не совсем понятно, при каких обстоятельствах он был написан и как попал в руки Беринга. Как пишет историк Н. Н. Зубов, *«1 сентября из Охотска была послана дубель-шлюпка “Надежда” под командою мастера Софрона Фёдоровича Хитрово с запасами и продовольствием. Однако при выходе из Охотска “Надежда” села на мель. К 8 сентября перегрузка запасов с “Надежды” и её исправление были закончены. В этот же день “Св. Пётр”, “Св. Павел”, “Надежда” и вновь построенный в Охотске галиот “Охотск” под командой штурмана Василия Ртищева, до этой экспедиции плававшего в отрядах Лассинуса и Шпанберга, вышли в море и хотя раздельно, но всё же благополучно добрались до Большерецка (до устья реки Большой. — В. Б.). Здесь “Охотск” остался на зимовку, а “Св. Пётр”, “Св. Павел” и “Надежда” направились в Авачинскую губу. Перегруженная сверх меры “Надежда”, не дойдя до Авачинской губы (скорее, до мыса Лопатки. — В. Б.), вернулась в Большерецк (в устье реки Большой. — В. Б.)...»* [23, с. 95].

Следовательно, рапорт Елагина, написанный 20 сентября, попасть в руки Беринга мог только и только по прибытии пакетбота «Св. Пётр» к берегу Камчатки в районе устья реки Большой. Причём, скорее всего, сам Елагин к этому времени пребывал в ожидании подхода отряда кораблей Беринга в Большерецке, где и был написан этот рапорт. Если бы он был подан Берингу в Петропавловской гавани, то был бы датирован не сентябрём, а октябрём. Ну, а о том, что рапорт, будучи написан в Петропавловске, не мог быть отослан в Охотск, говорить просто не приходится.

Таковыми выглядят основные обстоятельства, связанные с предысторией образования нового российского порта и будущего города Петропавловска. Из них следует, что в 1740 г. волею новой российской столицы, основанной, кстати, в том же 1703 г., когда была открыта Авачинская губа, на берегу Тихого океана возникла новая военноморская база России. Отсюда оба пакетбота Второй Камчатской экспедиции следующим летом отправились к западным берегам Северной Америки и Аляски.

Впрочем, это уже совершенно иная история, в которой также есть свои подводные камни. А пока добавлю, что официально установленная дата не соответствует реальному дню заложения города, поскольку они расходятся почти на полных четыре месяца. Это значит, что нынешний день рождения города был установлен по дате захода — 6 октября — в Авачинскую губу пакетботов Второй Камчатской экспедиции из чисто формальных соображений. Более того, во времени захода кораблей обнаруживаются настолько принципиальные разночтения, что это побуждает отказаться от привычных представлений по поводу официального дня рождения Петропавловска. Или, по крайней мере, усомниться в самых, казалось бы, известных вещах.

Для выявления причин возникновения таких сомнений дополню хронику описания и освоения берегов Авачинской губы наиболее известными суждениями по этому поводу. Вначале вновь предоставлю слово С. П. Крашенинникову, который во время своего посещения Петропавловской гавани в апреле 1741 г. описал губу по горячим, буквально, следам.

«Оная губа видом кругловата, длиною и шириною вёрст на 14, и со всех почти сторон окружена высокими каменными горами. Устье ея, которым с Океаном соединяется, в рассуждении ея пространства весьма узко, но так глубоко, что всяким кораблям, каковы б велики они ни были, можно входить без опасности.»

Знатнейших Гаваней, в которых морским судам способной отстой, находится там три, а имянно 1) в Ниакиной губе, другая в Раковой, а третья в Тарениной. Ниакина губа, которая от зимовавших в ней двух пакетботов Петра и Павла называется ныне Петропавловскою гаванью, лежит к северу и так узка, что суда на берегах прикреплять можно, но так глубока, что в ней способно стоять и таким

судам, которые Пакетботов больше: ибо глубиною она от 14 до 18 футов. При сей губе построены: Офицерския светлицы, казармы, магазейны и другое строение от Морской команды. Там же по отбытии моём заведён новой Российской острог, в которой жители переведены из других острогов» [6, с. 36—37].

Как можно видеть, Крашенинников предвосхитил восторженные отзывы о губе, которые затем многократно повторялись моряками и путешественниками всех времён и народов. Однако, к сожалению, он при этом ничего не сказал, когда (какого числа) и каким образом (вместе или врозь) вошли в губу пакетботы «Св. Пётр» и «Св. Павел». Хотя именно эти обстоятельства имеют, как будет показано далее, принципиальное значение для определения подлинного дня рождения Петропавловска. Так что я не стану сейчас повторять мнения всех, включая Г. Стеллера, моряков, путешественников и исследователей, которые, описывая достоинства губы, ничего принципиально иного, по сравнению со сказанным С. П. Крашенинниковым, не добавили. Перейду к изложению представлений тех современных авторов, которые, отталкиваясь от всех вышеизложенных фактов, с той или иной степенью определённости высказывались по поводу дня образования самого Петропавловска-Камчатского.

Но прежде чем говорить о мнениях других авторов, замечу, что сам С. П. Крашенинников время основания («заведения») острога при Петропавловской гавани соотносит со своим отъездом с Камчатки. И, следовательно, с чисто формальной точки зрения у нас есть некоторые, по крайней мере, основания считать годом образования будущего города не 1740, а 1741 год. Впрочем, это уже совершенно иная история, а потому приступлю к изложению соображений других авторов по поводу зарождения нашего города. Вот что, например, писал об этом известный камчатский краевед В. И. Воскобойников.

«Общепринято считать, что основанию г. Петропавловска мы обязаны руководителю Камчатской экспедиции В. Берингу. Известно, что 6 октября 1740 г. корабли экспедиции “Св. апостол Пётр” и “Св. апостол Павел” вошли в Авачинскую гавань, где решено было остаться на зимовку перед выходом к берегам Северной Америки. Об этом сообщил в сенат В. Беринг.

“А вышереченная гавань к отстою в зимнее время морских судов весьма способна, и для того и прибыли во оную гавань в двух пакетботах со всею командою того 1740 году октября 6 дня благополучно, где и зимовали и она гавань названа нами Святых апостол Петра и Павла” (Дивин, 1953, с. 115).

Ко дню прибытия кораблей экспедиции в гавань там уже был построен небольшой посёлок: три жилых дома, несколько складов и магазинов, казармы и т. д. Всё это было возведено группой нижних чинов, возглавляемой штурманом экспедиции Иваном Фомичом Елагиным, посланным из Охотска на Камчатку ещё в 1739 г. Мичман Елагин благополучно прибыл в Авачинскую губу, нашёл удобную гавань для стоянки судов и место для постройки посёлка. По приказу А. Чирикова он составил первые подробные карты Авачинской губы с указанием глубин и Петропавловской гавани с постройками. На карте, опубликованной В. А. Переваловым и Свеном Вакселем, имеется следующая надпись:

“Карта Аваченской губы и со внутреннем гаваном, созданная при Камчатской экспедиции под командою капитан-командора штурманом Елагиным 1740 году”. Карта лично подписана А. Чириковым (Перевалов, 1949, с. 135).

О том, что Иван Елагин действительно является первостроителем и основателем Петропавловского порта, свидетельствует и Свен Ваксель. Он писал:

“О существовании бухты нам было известно, конечно, и ранее, однако, мы не знали, имеются ли там такие места, в которых возможна зимовка. Для решения всех этих вопросов в 1739 году был послан на разведку Иван Елагин, в то время штурман, ныне капитан-лейтенант, — толковый моряк и храбрый офицер. К нашей радости он привёз нам оттуда очень подробное донесение. Он построил там дома и склады, в которых мы могли на время зимовки разместиться со всей нашей командой” (Ваксель, 1940, с. 51—52)» [22, с. 39—40].

Надо сказать, что представления В. И. Воскобойникова соответствуют действительности. Во всяком случае, не вызывает никаких сомнений суждение исследовате-

ля о том, что своим образованием город Петропавловск обязан воле В. Й. Беринга как руководителя Второй Камчатской экспедиции. Как и его представление о том, что именно И. Ф. Елагин является подлинным первостроителем Петропавловска.

Вместе с тем, однако, стоит обратить внимание на некоторые недочёты и оговорки самого В. И. Воскобойникова, так как их накопление приводит, в конечном счёте, к не совсем верному пониманию действительных событий. Например, уточняя имя «вышереченной гавани», он вместо названия «Ниакина гавань» приводит имя «Авачинская гавань». В некотором роде ошибкой можно считать и противопоставление складов магазинам, так как в те времена «магазинными» именовались разного рода складские помещения. Ещё одной, пусть незначительной, неточностью является то, что И. Ф. Елагин в одном месте именуется штурманом, а в другом — мичманом. Несколько более существенной ошибкой является утверждение о том, что приказ о составлении карты губы и промере её глубин изначально был отдан Чириковым, так как на самом деле это сделал Беринг [21, с. 212]. Но по-настоящему принципиальными ошибками В. И. Воскобойникова, как, впрочем, и всех других исследователей и краеведов, является его мнение об одновременном заходе обоих пакетботов в губу 6 октября, а также привязка дня образования нашего города к этому числу.

Примерно в таком же духе высказываются о дне образования Петропавловска историки Д. М. Лебедев и В. А. Есаков: *«Лишь в сентябре корабли “Св. Пётр” и “Св. Павел” вышли в море и вскоре достигли Большерецка на Камчатке, а 6 октября 1740 г. вошли в Авачинскую губу, где и заложили одну из лучших в мире гаваней и город Петропавловск»* [25, с. 297]. Они также придерживаются мысли об одновременном прибытии пакетботов экспедиции в Авачинскую губу и вносят свою толику в копилку несуразностей, связанных с историей освоения Камчатки и прилегающих к ней акваторий. Ибо, во-первых, морские суда могли достичь лишь устья реки Большой, а не Большерецка, отстоящего от берега Охотского моря на тридцать три версты. Ибо, во-вторых, заложить гавань суда никак не могли — это могли сделать только их экипажи. Ибо, в-третьих, одна из лучших гаваней мира была создана самой природой, а моряки лишь основали при ней порт. Ну и, наконец, в-четвёртых, первые строения порта и будущего Петропавловска были заложены за четыре месяца до входа в Авачинскую губу пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел».

А вот что пишут авторы-исполнители историко-географического атласа «Петропавловск-Камчатский»: *«Возникновение города Петропавловска-Камчатского связано с деятельностью Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова (1732—1743 гг.). Летом 1740 г., выполняя указания Беринга об исследовании Авачинской губы и выборе там удобной гавани для зимовки экспедиционных кораблей, участник экспедиции, штурман Иван Фомич Елагин отдал предпочтение небольшой удобной бухте на восточной стороне губы. Выбор не был случайным. Бухта была прекрасной, удобной гаванью, надёжно укрытой от волнений и обеспеченной пресной водой многочисленных горных ручьёв. Рельеф окружающих берегов, превращающий гавань в естественную крепость, близость устья реки Авачи, где проходил уже знакомый русским путь к Большерецку, административному центру Камчатки — все эти обстоятельства сыграли решающую роль в определении места строительства будущего порта.*

Вот “Святой Гавриил” под командой Елагина прибыл в Авачинскую губу 10 июня 1740 г., и экипаж приступил к работам по возведению необходимых построек на берегах выбранной им для этой цели гавани. Уже 20 сентября И. Ф. Елагин пишет рапорт руководителю экспедиции, где сообщает о завершении строительства жилого дома для офицеров, трёх казарм и трёх амбаров. К рапорту прилагается карта Авачинской губы и план гавани. Этот план является первым графическим изображением Петропавловской гавани.

Разведчики Беринга заложили портовые строения на северном берегу гавани, против находившегося на песчаной косе небольшого ительменского селения Акомп (Аушин). Строительство велось из местного берёзового и тополёвого леса. Строителями были члены экипажа бота “Святой Гавриил” и доставленные из Верхнего и Нижнего Камчатских острогов умельцы.

6 (17) октября 1740 г. в Авачинскую губу прибыли пакетботы “Святой апостол Пётр” и “Святой апостол Павел” под командованием В. Й. Беринга и А. И. Чирикова. Эта дата считается днём основания порта святых апостолов Петра и Павла (Санкт-Петропавловского, Петропавловского) и города Петропавловска-Камчатского» [26, с. 15].

Вполне понятно, что тезис авторов атласа о том, что образование нашего города целиком и полностью связано с деятельностью Второй Камчатской экспедиции, сомнений и возражений не вызывает. Но их мнение об одновременном, якобы, заходе пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел» в Авачинскую губу истине не соответствует. Схоже обрисована ситуация с днём рождения Петропавловска и в историко-географическом атласе «Камчатка. XVII—XX вв.», что, в общем-то, понятно, так как авторский коллектив в том и в другом случае почти того же состава.

«Петропавловск начинает свою историю с 1740 г., когда, по указанию одного из руководителей Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, в Ниакингу гавань прибыли штурман И. Елагин и В. Хметевский. Постройки на перешейке между гаванью и озером (Култучным. — В. Б.) положили начало будущему городу, называемому Петропавловск, Петропавловск-Камчатский» [27, с. 91].

Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, руководителем Второй Камчатской экспедиции, и притом единственным, был капитан-командор В. Й. Беринг, а М. П. Шпанберг и А. И. Чириков были его помощниками. Во-вторых, содержащееся в данном абзаце мнение авторов-составителей о том, что именно постройки на перешейке между гаванью и озером положили начало будущему городу, по сути дела противоречит другому их утверждению: *«Так 6 (17) октября 1740 г. по названию пакетботов “Святой Пётр” и “Святой Павел” Витусом Берингом была именована лучшая гавань Камчатки. Эта дата считается днём основания города Петропавловска-Камчатского»*, — изложенному в самом начале второго [27, с. 4], а также в вышеназванном первом атласах.

Таковы основные неурядицы, связанные с историей образования нашего города, исходя из которых становится ясным, что официальный — 6 (17) октября 1740 г. — день его рождения в силу ряда причин чисто субъективного свойства был установлен по дате захода в Авачинскую губу пакетботов Второй Камчатской экспедиции, в связи с чем возникли ещё три, и весьма принципиальные, условности.

Первая из них своим происхождением связана с тем, что при определении этой — 6 октября — даты не была принята во внимание разница в морском и гражданском исчислении суток, хотя она играет, как было показано мною ранее [1], принципиальную роль как при определении дня образования Петропавловска, так и других дат, связанных с деятельностью Первой и Второй Камчатских экспедиций.

Эта разница обуславливается тем, что в конце XVII — начале XVIII вв. в морском флоте европейских стран начался переход от так называемых «морских суток» к астрономическим, что уже само по себе вызывало неудобство. Ну, а если вспомнить о том, что, пребывая на суше, морские офицеры того времени обычно пользовались гражданским способом исчисления суток, то следует быть предельно внимательными при переводе тогдашних дат на современные.

В частности, при попытке объяснить факт расхождения в одни сутки дат захода пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел» в Авачинскую губу, мною [1] было высказано мнение о том, что моряки пакетботов в своих вахтенных (шканечных) журналах приводили даты по морскому календарю. Однако, как выясняется, на самом деле они использовали астрономические сутки, которые отставали от гражданских на двенадцать часов, тогда как морские сутки, наоборот, опережали гражданские на эти же двенадцать часов. И хотя при этом мой конечный вывод об отставании хронологии, приводимой в вахтенных журналах пакетботов В. Й. Беринга и А. И. Чирикова, от гражданского способа исчисления суток на двенадцать часов и оказался верным, однако пересмотр суточной хронологии был объяснён неправильно.

Эта ошибка вполне понятна, так как о «морском» и «астрономическом» времени в исторической и географической литературе практически ничего не говорилось. Так что мне пришлось самостоятельно объяснить причину возникновения суточной

разницы в датах появления пакетботов Второй Камчатской экспедиции в Авачинской губе. И лишь позднее, анализируя обстоятельства, связанные с открытием Командорских островов, довелось столкнуться с упоминанием об астрономических сутках, некогда используемых в морской практике, что потребовало прояснения положения с исчислениями суток.

С этой целью пришлось обратиться к малоизвестной и основательно подзабытой статье М. И. Белова «О старинном счёте времени в морском флоте» [28]. Из неё выяснилось, что на рубеже XVII и XVIII вв. в мировом морском флоте начался постепенный, длительный и крайне противоречивый в отдельных своих стадиях переход в исчислении суток от морского календаря сперва к астрономическому, а затем и к гражданскому. Начало этого было положено Францией, где в 1679 г., взамен ставшего по разным причинам неудобным морского способа исчисления суток, было предложено использовать научный, то есть астрономический, календарь. Во всяком случае, именно с этого времени Парижская академия наук стала издавать для моряков и астрономов новый календарь «*Connaisancedes Tempsou Calendrier of Ephemerides*», по которому можно было определить не только астрономические сутки, но и истинное среднее время, высоту солнца и звёзд, а также находить прикладной час [28]. Другое дело, что прочие страны не спешили перейти на новую систему.

Однако неудобства морского способа исчисления суток в условиях интенсификации капиталистических производственных отношений всё более и более настойчиво побуждали к переходу на астрономическое время. И в 1767 г. уже Англия предприняла издание своего ежегодного морского календаря «*Notical Almanacand Astronomical Ephemerides*», вскоре переведённого почти на все языки мира.

Впрочем, и после этого данное новшество привилось далеко не сразу, и наравне с ним по-прежнему применялся и морской вариант исчисления суток. Как это делал, например, великий мореплаватель Джеймс Кук, который во время трёх своих знаменитых кругосветных плаваний отсчитывал сутки по морскому календарю. Да и мореплаватели других стран, постоянно применяя «*Notical Almanac*» для определения координат и прочих астрономических параметров, очень долго, вплоть до 1925 г., когда на судах всего мира был установлен единый гражданский календарь, нередко придерживались морского способа исчисления суток.

Таким образом, в мировой морской практике на протяжении более чем двухсот лет поочерёдно и одновременно использовались три системы отсчёта суток. При этом, повторюсь, морские сутки, начинавшиеся в полдень уже наступивших гражданских, опережали последние на двенадцать часов, а астрономические, начинавшиеся в полдень предыдущих (прошедших) гражданских суток, отставали от наступившего дня на двенадцать часов. И поскольку астрономические и морские сутки различались между собой на двадцать четыре часа, то это нередко приводило к тому, что то или иное событие датировалось разными числами, отличающимися друг от друга на одни, а то и на двое суток.

Примерно такая же ситуация сложилась и в России. И в самом деле, Пётр I при создании русского флота целиком и полностью положился на тогдашний опыт моряков Голландии и Англии, которые пользовались морским календарём. Однако вскоре после смерти императора в России была предпринята попытка применить астрономический способ исчисления. Об этом, в частности, свидетельствует «*Книга полного собрания о навигации*» С. Мордвинова, изданная в Санкт-Петербурге в 1748 г. Другое дело, что в силу многих причин эта попытка полным успехом не увенчалась, и на флоте ещё долгое время одновременно использовались все три — морской, астрономический и гражданский (во время пребывания экипажей на суше) — способы исчисления суток.

Вот отчего, подытоживает М. И. Белов, так трудно бывает порою определить, какой счёт времени был принят мореплавателями в конкретном случае — морской или астрономический, одинаково начинавшийся в полдень. И подчёркивает: «*Наше наблюдение за практикой счисления времени в русском военно-морском флоте показывает, что в XVIII в. записи о датах в судовых журналах и отчётах о плаваниях велись строго по морскому календарю. Рапорты же мореплавателей Адмиралтейств-коллегии с дороги датировались гражданским календарным числом.*

И только в конце XVIII — первой четверти XIX в. произошли изменения в датировках рапортов; счёт времени в них вёлся теперь по морскому календарю. С этого времени флотские документы стали датироваться одинаково. С 1853 до 1 января 1925 г. датировка морских событий проходила по астрономическому календарю. Но для флотских документов — судовых журналов первой половины XIX в. — характерен двойной (морской и астрономический) счёт времени; правда, это бывало не всегда» [28, с. 173].

Вполне понятно, что все эти перипетии с исчислением суток отчётливо проявились и во времена работы Первой и Второй Камчатских экспедиций. В самом деле, в вахтенных (шканечных) журналах офицеров первой экспедиции, например, отсчёт суток вёлся по морскому календарю. О чём позволяет судить сноска составителей сборника документов «Русские экспедиции по изучению...» (1984) к записи в вахтенном журнале бота «Св. Гавриил» от понедельника 5 августа 1728 г.: «*В то время сутки исчислялись не с полуночи, а с полудня: первая половина “морских суток” была второй половиной предыдущих суток по гражданскому календарю*» [29, с. 70]. Однако при этом все их рапорты в Адмиралтейств-коллегию датировались по гражданскому времени.

О применении морского времени офицерами экспедиции говорит и А. А. Сопочко: «*В Нижнем Камчатском остроге было построено экспедиционное судно, и отсюда оно вышло 13 июля (по вахтенному журналу) 1728 года в 1.30 дня (по гражданскому календарю было ещё 12 июля)*» [30, с. 57]. Это мнение он подтверждает в примечании под пятым номером, приведённом на 227-й странице этой книги.

Кстати, так как в данной цитате говорится о месте постройки бота, то необходимо отметить, что строительство бота «Св. архангел Гавриил» совершалось не в Нижнекамчатском остроге, а вблизи урочища Ушки, которое располагалось примерно в шестидесяти верстах выше тогдашнего Нижнекамчатска, стоявшего на правом берегу реки Камчатки в семи верстах выше селения Ключи [30, с. 88]. Здесь же 9 июня 1728 г. бот был спущен на воду. Спустя ещё три дня, 12 июня, он прибыл в Нижнекамчатск и на следующий день был отправлен к устью реки Камчатки, где и достраивался, в частности, именно там 29 июня была установлена его единственная мачта [31, с. 89].

Нелишне будет также обратить внимание и на рисунок Нижнего Камчатского острога, позаимствованный А. А. Сопочко у С. П. Крашенинникова из «Описания земли Камчатки» [30, с. 59], ибо на нём изображён острог, построенный в 1736—1737 гг. на левом берегу реки Камчатки в тридцати верстах выше её устья. Уточню: этот второй Нижнекамчатский острог к Первой Камчатской экспедиции никакого отношения не имел — его в то время просто не было.

Но продолжу анализ ситуации с исчислением суток во время Первой Камчатской экспедиции. Факт использования морского календаря офицерами этой экспедиции подтверждает и Т. С. Фёдорова: «*В XVIII веке сутки на море исчислялись не с полуночи, а с полудня: первая половина “морских суток” была второй половиной предыдущих суток по гражданскому календарю. П. Чаплин и А. Чириков в журналах пользовались “морскими сутками”, а В. Беринг в рапортах — гражданскими*» [32, с. 319].

И всё же самым весомым доказательством использования моряками Первой Камчатской экспедиции морского времени являются вахтенные журналы бота «Св. Гавриил». Например, мичман П. Чаплин в самом начале своего шканечного журнала написал: «*А дни исчисляли с полуночи до полуночи августа до 22 дня 1727 году, с онаго числа счисляли с полудня до полудня*» [31, с. 23]. Из чего следует, что до полудня 21 августа 1727 г. включительно все события описывались по гражданскому времени, а начиная с полудня этого же дня, когда экипажи судов Первой Камчатской экспедиции полностью перешли на свои корабли, моряк П. Чаплин в полном согласии с военно-морским уставом того времени стал использовать «морское» время. Что и нашло своё отражение в следующей его записи: «*Случаи в пути от устья реки Охоты морем, а счисляются с половино дни до половино дни. Августа 22 числа 727 году*» [31, с. 65]. В дальнейшем, даже пребывая на суше (на Камчатке), П. Чаплин все даты в своём журнале приводил по морскому календарю.

В самом деле, говоря, например, о времени проезда от Машурина до Намакшина острога и далее к устью реки Козыревской, П. Чаплин пишет: «5 марта. Великой ветр ночью, поутру светлооблачно, потом сияние. В 6 часов поехали через румб N 5 вёрст и выехали в вершину реки Козыревской и поехали вниз по оной реке NO 2 версты и увидели гору, которая горит близ Нижнего острогу на румб NO—NNO 8 вёрст. Сияние и тепло.

6 марта. Румб NNO—SO — 10 вёрст. В 6 часу пополудни стали начевать. Поутру мороз. Часу в 8-м пополуночи поехали на NNO 15 вёрст, в 12 часов проехали юрты на правой стороне реки Козыревской. 7 марта. Сияние с облаками, румб NO 10 вёрст. В 5 часов пополудни стали начевать. Полуночи великой мороз. В 5 часов поехали на румб NNO 5 вёрст, а ONO — 3 версты» [31, с. 81].

Как видно, В. Беринг и П. Чаплин выехали из Машурина рано утром 5 марта и ехали весь день. Однако когда они в шесть часов пополудни (то есть вечером этого же дня) остановились на ночёвку, то по их календарю уже было 6-е число, хотя по гражданскому исчислению по-прежнему было 5 марта. Точно такая же ситуация произошла и на следующий день, ибо выехав поутру 6-го числа, путники на ночёвку остановились вечером 7 марта. Да вообще, во всё время этого сухопутного вояжа моряков они каждый очередной свой маршрут начинали в одно число, а завершали его, по окончании этого же дня, в следующем. И единственно верным объяснением столь непривычного для нас изменения даты посредине одного и того же дня является то, что ровно в полдень по гражданскому времени прежние морские сутки заканчивались и начинались новые морские сутки. Точно так же, по морскому календарю, осуществлял датировку событий в своём вахтенном журнале и лейтенант А. И. Чириков [33].

В целом же, подводя итог рассуждениям об исчислении суток во времена Первой Камчатской экспедиции, следует напомнить, что П. Чаплин, вступив на борт судна и начав вести вахтенный (шканечный) журнал, в дальнейшем все записи в нём осуществлял по морскому календарю. Тогда как В. Й. Беринг свои служебные рапорты в Адмиралтейств-коллегию во время пребывания на суше датировал гражданским временем. Что, впрочем, и понятно, так эти документы к вахтенным (шканечным) журналам не имели ни малейшего отношения.

Несколько иная картина вырисовывается при анализе событий Второй Камчатской экспедиции, хотя и в этом случае разница в одни сутки между датами сохраняется, однако при этом уже гражданские числа на сутки опережают числа, приводимые в шканечных журналах и официальных рапортах. В очередном своём рапорте в Сенат В. Беринг, находясь на суше, но при кораблях, стоящих в Петропавловской гавани, сообщал: «А вышепереченная гавонь к отстою в зимнее время морских судов весьма способна, и для того прибыли в оную гавань в двух пакетботах со всею командою того ж 740 году октября 6 дня благополучно, где и зимовали. И она гавонь названа нами святых апостол Петра и Павла» [21, с. 214].

Дату 6 октября приводит и С. Ваксель: «Наконец, 6 октября 1740 г. удалось выйти в Авачинскую бухту и в тот же день стать на место зимовки, которое мы назвали Петропавловским портом, поскольку оба наши судна, носившие имена святых Петра и Павла, были первыми кораблями (неверно — первым был «Святой Гавриил», зашедший в бухту 10 июня 1740 г. — В. Б.), которые воспользовались этой гаванью» [34, с. 50].

Эта же дата приводится и в совместном рапорте В. Беринга, А. Чирикова, И. Чихачёва, М. Плаутина, С. Вакселя и С. Хитрово, направленном ими в Адмиралтейств-коллегию: «Прошлого 747 году на построенных при Охоцку двух пакетботах один поручен в команду капитану Чирикову, и на оных судах пошли из Охоцка к Камчатке чрез Пенжинское море сентября 8 числа и прибыли в гавань, названную нами святых апостол Петра и Павла (которая имеется в Авачинской губе, лежащей в восточном Камчатском берегу) 6 октября благополучно» [35, с. 164].

Но в своём частном письме (от 20 апреля 1741 г.) вице-канцлеру А. И. Остерману, человеку сугубо штатскому, В. Беринг написал: «...7-го октября в морскую заливу Авачу, слава богу, щастливо прибыли...» [36, с. 35]. Да и Чириков, который в морском

деле был ещё более щепетильным, чем Беринг, в своём неофициальном письме к адмиралу Головину от 27 апреля 1741 г. также сообщал, что «...в здешнюю гавань прибыли мы, премилостивый государь, на пакетботах октября 7 числа» [37, с. 38].

Итак, когда морские офицеры Второй Камчатской экспедиции писали свои официальные рапорты в Адмиралтейств-коллегию, то они использовали профессиональный календарь, а когда те же Беринг и Чириков сочиняли приватные письма (пусть бы и официальным лицам), то они придерживались гражданской нормы исчисления суток. Следовательно, и та и другая дата вполне обоснованы и имеют право на существование, а потому при переводе дат моряков XVIII в. не следует забывать о данной разнице в исчислении суток, как не следует забывать и о том, что эта разница обуславливается применением офицерами-моряками Второй Камчатской экспедиции астрономического времени.

Кстати, впервые на эту разницу обратил внимание известный американский историк Ф. Голдер [38, с. 50], который говорил об использовании офицерами Второй Камчатской экспедиции астрономического времени. Об этих же астрономических сутках упоминает и редактор перевода английского переиздания «Дневника плавания с Берингом к берегам Америки. 1741—1742» А. К. Станюкович, который в своём примечании под 29-м номером пишет: «Следует помнить, что Стеллер в своих записях, как правило, использовал гражданские сутки, которые начинаются с полуночи, тогда как моряки “Св. Петра”, как было принято на судах XVIII в., вели счёт времени по астрономическим суткам, которые начинались на двенадцать часов позже соответствующих гражданских, то есть в полдень. В силу этих обстоятельств даты отдельных событий, приведённые Стеллером, и даты этих же событий, указанные в судовых журналах “Св. Петра” и в воспоминаниях С. Вакселя, могут отличаться на одни сутки. В ряде работ об экспедициях Беринга эта тонкость перевода счёта времени не принималась во внимание, чем объясняются расхождения в датах, которые в них встречаются» [39, с. 166].

Но всё же самым убедительным доказательством того, что офицеры Второй Камчатской экспедиции пользовались астрономическим, а не морским календарём, служат временные данные самих свидетелей и участников плавания к берегам Америки. Например, говоря о выходе пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел» из Авачинской губы, студент А. П. Горланов в своём письме Г. Миллеру пишет: «Господин капитан командор и господин капитан Чириков отправились в свой надлежащий морской вояж к северо-западным берегам для отыскания Америки июня 5 дня 1741 года...» [40, с. 54]. Тогда как сами моряки в своих рапортах (см. выше) датой выхода в морской вояж называют 4 июня. И это означает, что выход судов состоялся до наступления полудня 5 июня по гражданскому времени, когда по астрономическому календарю всё ещё было 4-е число.

Таковая же разница во времени обнаруживается и при анализе событий, связанных с плаванием «Св. Петра». Например, в своём рапорте в Адмиралтейств-коллегию Свен Ваксель сообщает: «Ср. 4 дня ноября 1741 году. В 8 часов с полуночи увидели землю от нас по компасу ZWtZ мили 4 немецких, на которой земле хребты покрыты снегами, которою чаем быть Камчацкой, которая токмо лежит между N и W и вид кажет до конца недалеко» [41, с. 247].

В то же время Г. Стеллер, как человек сугубо штатский, об этом же пишет так: «4 ноября в середине ночи мы плыли курсом WtZ с попутным ветром. Утром 5 ноября было приказано убрать паруса во избежание посадки на мель. Все стояли на палубе и смотрели вокруг в поисках земли, потому что её наличие здесь было предсказано с математической точностью. К нашему общему удивлению, случилось так, что в девять часов мы увидели землю» [39, с. 91]. И таковая ситуация могла сложиться лишь потому, что С. Ваксель, Х. Юшин и С. Хитрово в своих журналах и воспоминаниях все даты приводили по астрономическому времени, а Г. Стеллер — по гражданскому.

Что же касается расхождения во времени на один час, то в данном случае это объясняется тем, что первыми землю в тумане увидели моряки, стоявшие на вахте. И только когда они окончательно убедились, что перед ними находится земля, они разбудили остальных членов экипажа.

Итак, проведённый анализ показывает, что моряки Второй Камчатской экспедиции при описании своего плавания пользовались астрономическим временем. Однако, к сожалению, современные историки и краеведы об этом либо не знали, либо не придавали этому значения. В частности, не знал об использовании моряками Второй Камчатской экспедиции астрономического времени и я, когда говорил об отставании морских суток от гражданских [1]. И хотя при этом мой конечный вывод об отставании хронологии морских офицеров от гражданского способа исчисления суток на двенадцать часов всё же оказался верным, однако необходимость пересмотра суточной хронологии была мотивирована неправильно.

Ну, а теперь, после выяснения причин расхождения временных реперов, я вновь обращаюсь к обстоятельствам захода в Авачинскую губу пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел». И обращаюсь потому, что, называя 6 октября датой захода, никто и никогда не задавался вопросом: а когда — то есть до двенадцати часов дня или после — он состоялся? Хотя в свете расхождения астрономических и гражданских суток на двенадцать часов нетрудно увидеть, что если бы таковой заход состоялся в первую половину суток 6-го числа по астрономическому календарю (то есть, после обеда по местному гражданскому времени), то те и другие сутки совпали бы полностью. И, следовательно, того расхождения в числах, которое имеется в официальных рапортах и в частных письмах мореходов, не было бы. И, наоборот, если признать, что пакетботы вошли в Авачинскую губу во второй половине суток 6-го октября по астрономическому же времени, то по гражданскому это соответствовало бы первой половине 7-го числа. Что мы и имеем на самом деле, и из чего следует, что официальный день образования Петропавловска на самом деле должен приходиться на 7 октября 1740 г.

Такова первая условность с определением даты рождения нашего города. Однако есть и другая, и более существенная, которая заключается в том, что пакетботы «Св. Пётр» и «Св. Павел» вошли в Авачинскую губу не одновременно, а более чем с недельным разрывом. 6 октября сюда вошёл только пакетбот «Св. Пётр», ведомый Берингом, тогда как «Св. Павел» под управлением Чирикова пришёл в губу ещё 27 сентября. Корабли разделились во время прохода через Первый Курильский пролив, когда «Св. Пётр» попал в настолько сложную обстановку, что к Авачинской губе он подошёл только 29 сентября. Но в условиях тумана моряки не сумели сразу обнаружить входа в губу, а затем их судно набежавшим штормом и вовсе было отброшено далеко к северу. И лишь 6 (7) октября они сумели войти в губу.

«Мы вошли в пролив (Первый Курильский. — В. Б.) при попутном западном ветре и при большой волне. Так как мы не имели сведений о том, какой в этих местах прилив и отлив, и, следовательно, не могли правильно рассчитать время прохождения прилива, то случилось так, что попали в самую узкую часть пролива как раз в новолуние и как раз в такое время, когда приливная волна направлена с востока на запад. Она оказалась настолько яростной и мощной, что мы почти в течение целого часа, пеленгуя по берегу, не могли отметить ни малейшего продвижения судна вперёд. Волны перекачивались через корму судна и, разбиваясь в пену, скатывались с обеих сторон через фальшборты. Судовая шлюпка, шедшая на буксире у нашего корабля и привязанная на конце кабельтова длиной в сорок сажен, была заброшена волнами и ударилась о корму корабля, не без повреждения, конечно, как корабля, так и шлюпки; не раз шлюпку чуть не бросало на палубу нашего корабля. В это время глубина под килем судна составляла около десяти-двенадцати сажен. Я очень сомневаюсь, однако, оставалось ли под кормой корабля глубины более трёх сажен от дна в те моменты, когда корабль опускался с волной до самой низкой точки. Мы опасались в то же время, как бы не рухнула наша главная мачта, так как ветер крайне усилился, а идя не по ветру, мы могли пользоваться только фоком и грот-марселем. Все наши усилия были направлены на то, чтобы держать судно по ветру, так как, попади мы между волнами в поперечном положении, нам не было бы спасения. Когда сила первой приливной волны немного уменьшилась, мы начали понемногу ползти с места и, наконец, оказались вне всякой опасности. Наши товарищи, которым пришлось пройти это место спустя приблизительно часа полтора после нас, не испытали при прохождении его ни малейших затруднений. Отсюда совершенно ясно

видно, что всё это затруднительное положение возникло для нас только в момент первой встречи обоих течений, так как уйти обратно мы не могли из-за сильного западного ветра и большой волны, а продвижению вперёд мешало сильное восточное течение. Если бы в этот момент руль или паруса получили бы какое-нибудь повреждение, мы, несомненно, пропали бы без малейшей надежды на спасение», — пишет о прохождении пакетбота «Св. Пётр» через Первый Курильский пролив С. Ваксель [34, с. 49—50].

Ну, а далее всё относительно просто. Поскольку судно очень сильно потрепало, то моряки по выходу из пролива были вынуждены остановиться, так как следовало пересмотреть весь такелаж и парусное оснащение на предмет исправления его повреждений, ибо без этого пускаться в дальнейший путь было не просто опасно, но и безрассудно. Как следствие, пакетбот не успел подойти ко входу в Авачинскую губу до наступления непогоды. Вот что об этом пишет сам В. Беринг: «26-го сентября мы с помощью всевышнего Лапатку, или Курильския проходы, щастливо прошли и в третьей день в устье залива Авачь были; но понеже от шторма и великого тумана в море итти принуждены находились, и ветер сильнее учинился, и несколько дней продолжался, от которого мы к 54 градуса к северу несены были, и бот потеряли, то 7-го октября в морскую заливу Авачу, слава богу щастливо прибыли» [36, с. 35].

В то же время «Св. Павел», проскочивший, как указывал С. Ваксель, Первый Курильский пролив без всяких затруднений, успешно проследовал к Авачинской губе, в которую он и вошёл 27 сентября. То есть ещё до того, как разыгрался очередной шторм и набежавший туман скрыл из виду вход в Авачинскую губу. И вот тому документальное подтверждение.

«Господин капитан Чириков на пакетботе “Санкт-Павле” в Овачинскую губу прибыл сентября в последних, а капитан коммандор господин Беринг в первых числах прошедшего октября, и у его судна оторвало на море погодою малый бот, с которого некоторые снасти найдены на морском берегу, и в помянутой Овачинской губе оба пакетбота зимовать будут, и она губа названа ныне Петропавловским портом», — пишет студент А. Горланов Г. Миллеру [42, с. 380].

Правда, он не называет конкретных чисел захода обоих пакетботов в губу. Однако это несколько проясняет известный историограф А. С. Сгибнев: «Во время путешествия Шпанберга (в Якутск за припасами. — В. Б.) Беринг с двумя судами, пакетботами “Св. Пётр” и “Св. Павел”, прибыл 27 сентября 1740 году в губу, называемую до того времени камчадалами Суачю, где посланным наперёд штурманом Елагиным построены были к его прибытию необходимые помещения. Здесь Беринг остался зимовать, и эту одну из лучших гаваней в мире назвал по имени своих судов — Петропавловскою» [22, с. 59]. А несколько в том смысле, что, по его мнению, пакетботы вошли в Авачинскую губу вместе.

Тем не менее, дату их захода А. А. Сгибнев привязывает к 27 сентября. И, надо полагать, что эта дата основана на каких-то конкретных материалах. Жаль только, что он не посчитал нужным привести указание на них. Впрочем, эта дата хорошо согласуется как с тем, что «Св. Павел», подошедший к губе 27 сентября, успел зайти в неё до начала сильнейшего шторма, так и с тем, что «Св. Пётр», прибывший к ней двумя днями позже, был отнесён ветром далеко к северу и вернулся к губе только под утро 6-го (7-го по гражданскому времени) сентября.

Ко всему сказанному остаётся добавить, что ещё в 1954 г. историк Н. Н. Зубов написал, что «...“Св. Павел” пришёл в Авачинскую губу 27 сентября, а “Св. Пётр” — 6 октября» [23, с. 95]. А ещё четверть века спустя другой известный историк Ф. Г. Сафронов, говоря об образовании Петропавловска, сообщил, ссылаясь при этом на Сгибнева, что «Петропавловск был основан ещё в 1740 г., во время работ Второй Камчатской экспедиции. В. Беринг и А. Чириков на пакетботах “Св. Пётр” и “Св. Павел” 27 сентября этого года прибыли из Охотска в Авачинскую губу, называемую камчадалами Суачю, и бросили якорь в небольшой, но удобной для стоянки бухте. Посланный сюда ранее штурман Елагин к их прибытию уже построил необходимые помещения. Здесь Беринг и Чириков зазимовали и основали порт, названный ими в честь своих судов Петропавловском» [43, с. 195].

Так что я оказался далеко не первым из тех, кто подметил разновременность заходов пакетботов Второй Камчатской экспедиции в Авачинскую губу. Другое дело, что эти сведения остались неизвестными для лиц, принимающих решение об установлении официальной даты основания Петропавловска, или не были приняты ими в расчёт. Впрочем, понять их можно, так как сами участники экспедиции В. Беринга нигде и никогда, насколько об этом судить могу я, о раздельном заходе своих пакетботов не упоминали. И причин тут, на мой взгляд, несколько.

Дело в том, что ещё во время Первой Камчатской экспедиции В. Беринг, признавая мастерство А. Чирикова в управлении парусным кораблём, разрешил последнему самостоятельно добираться до Камчатки на лодке «Восток». Так что до полуострова они добирались порознь и увиделись только 1 сентября, то есть через два дня после подхода к берегам Камчатки оставшего шитика «Фортуна». Точно так же и при отправлении пакетботов от устья реки Большой к Авачинской губе В. Беринг вновь предоставил А. Чирикову полную свободу действий. А потому раздельный заход обоих пакетботов в губу был для моряков настолько ожидаемым и нормальным во всех смыслах этого слова событием, что они не сочли нужным об этом упоминать.

Столь же нормальным для офицеров Второй Камчатской экспедиции оказалось и то, что все они общей датой захода обоих пакетботов называли 6 (7) октября, поскольку с их стороны это было обычным соблюдением воинской нормы, согласно которой окончательное время завершения того или иного действия военных (кросса, маршброска, похода, плавания) определяется не по первому, а по последнему участнику событий, и вся заслуга в успешном завершении тех же воинских манёвров, походов, плаваний и операций приписывается высшему должностному лицу.

То есть приоритет пакетбота «Св. Пётр» является условностью, вызванной к жизни писаными и неписаными нормами и правилами воинской службы, а не желанием самих офицеров Второй Камчатской экспедиции выразить почтение своему начальнику. Но ещё большей условностью оказалось то, что благодарственному молебну, произведённому по приказу В. Беринга по поводу благополучного прохода пакетботов через грозный Первый Курильский пролив, на некоторое время была предписана едва ли не определяющая роль при установлении даты образования Петропавловска.

Впервые этот религиозный мотив для объяснения причин появления у нашего города его нынешнего имени был использован Б. П. Полевым, который в своём предисловии к книге «Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990 гг.» написал:

«После того как пакетботы “Св. Пётр” и “Св. Павел” смогли в штормовую осень 1740 г. обогнуть южную оконечность Камчатки — благополучно пройти пользовавшийся недоброй славой Первый Курильский пролив, Беринг, склонный приписывать этот успех покровительству тех апостолов, именами которых были названы его суда, и решил переименовать “Ниакину” (или “Ниякину”) бухту в гавань святых апостолов Петра и Павла. Но, естественно, такое длинное название по законам топонимики просуществовать долго не могло, и потому вскоре гавань стали именовать кратко “Петропавловскою”, а позже ещё проще — “Петропавловском”.

День прибытия Беринга в Ниакину бухту — “Гавань святых апостолов Петра и Павла” — 6/17 октября 1740 г. принято считать днём основания города. Конечно, тут допущена простительная условность: ведь Беринг прибыл не на пустое место: во-первых, потому, что в Ниакиной бухте давно существовало небольшое ительменское селение, а, во-вторых, здесь ещё до прибытия Беринга были поставлены первые русские избы — “хоромы”, “светлицы” и даже “магазинны” (склады), возведённые русскими плотниками под руководством геодезиста (штурмана. — В. Б.) Ивана Фомича Елагина летом 1740 г. Поэтому И. Ф. Елагин по праву считается “первостроителем” Петропавловска. Ведь именно он избрал Ниакину бухту для первого русского поселения в Авачинской губе» [3, с. 11].

Как можно видеть, он также согласен с тем, что оба пакетбота Камчатского отряда вошли в Авачинскую губу 6 октября одновременно, а потому и привязывает день основания Петропавловска к этой дате, хотя и называет его первостроителем И. Ф. Елагина: *«Но основателем города считается Витус Беринг, ибо сразу по*

прибытии в “Ниакину бухту” 6 (17) октября 1740 г. он наименовал русское поселение “гаванью святых апостол Петра и Павла”, или кратко — “Гаванью Петропавловской”» [3, с. 11], и ниже добавляет: «Этот исторический день и принято считать днём основания Петропавловска-Камчатского» [3, с. 28].

Замечу, что присвоение имени новому поселению после его основания (как, впрочем, и до основания, и в момент заложения первого строения) — явление вполне обычное. Пока удержусь от необходимого объяснения и приведу ещё одно суждение Б. П. Полевого, непосредственно касающееся роли религиозной составляющей для определения дня образования города: «Витус Беринг был человеком верующим: он искренне считал, что его пакетботы остались целыми при проходе в бурю южнее Лопатки лишь благодаря покровительству апостолов, именами которых были названы его суда. И в благодарность за эту защиту он и переименовал Ниакину бухту в “гавань святых апостол Петра и Павла”» [3, с. 32].

Однако хотя в представлении видного историка о сути событий и появилось нечто новое для людей советской эпохи — религиозный мотив, всё же лично он связывает с этим событием (молебном) всего лишь присвоение гавани и городу имени. Что, впрочем, и понятно, так как Беринг приказал отслужить благодарственный молебен по поводу чудесного спасения своего судна. И уж только поэтому он не мог объявить 6 октября днём основания города.

Говоря иначе, офицеры Второй Камчатской экспедиции отчётливо осознавали, что датой основания Петропавловска может быть лишь день начала возведения первого строения нового поселения. Не говоря уже о том, что в силу элементарной порядочности они просто не могли лишить И. Ф. Елагина статуса первостроителя. Об этом, в частности, позволяет судить мнение С. Вакселя: «О существовании бухты нам было известно, конечно, и ранее, однако, мы не знали, имеются ли там такие места, в которых возможна зимовка. Для решения всех этих вопросов в 1739 году был послан на разведку Иван Елагин, в то время штурман, ныне капитан-лейтенант, толковый моряк и храбрый офицер. К нашей радости он привёз нам оттуда очень подробное донесение. Он построил там дома и склады, в которых мы могли на время зимовки разместиться со всей нашей командой» [34, с. 51—52].

Тем не менее, после возрождения этого религиозного мотива в отечественной исторической литературе, тезис о «божественном провидении» среди некоторых камчатских краеведов становится едва ли не решающим аргументом при обосновании даты образования Петропавловска. Во всяком случае, в своей книге «Город над Авачинской бухтой» известные на Камчатке авторы И. В. Витер и А. А. Смышляев прямо так и пишут: «И вот 17 октября по новому стилю 1740 года в Авачинскую губу вошли пакетботы “Святой Пётр” и “Святой Павел”. Именно этот день по праву считается днём рождения города Петропавловска-Камчатского, ибо по приходе экспедиции и высадке её на берег была совершена молитва, после чего капитан-командор повелел именовать первое русское поселение “гаванью святых апостолов Петра и Павла, как и пакетботы наши именованы” [44, с. 11]. О том, что авторы не оговорились, свидетельствует тот факт, что спустя десяток лет эта же аргументация по поводу даты основания города была слово в слово повторена и во втором издании названной книги [45, с. 13].

Что же касается религиозного мотива, то в возвращении от коммунистического безбожия к христианским ценностям ничего особо странного нет: в конечном счёте — это наша жизнь, от которой никуда не деться. Однако при этом смущает то, что названные авторы, движимые своими собственными представлениями и вполне искренними побуждениями, апеллируют к несколько разным и по смыслу и по духу религиозным обрядам, да и к мотивам их осуществления тоже. Если Б. П. Полевой говорит о молебне, совершённом в знак благодарности апостолам Петру и Павлу за их покровительство в благополучном прохождении пакетботов через грозный Первый Курильский пролив, то его невольные оппоненты считают, что при этом была сотворена молитва, приуроченная к процедуре присвоения новому поселению собственного имени и, отсюда, к дате образования города.

Не берусь судить, кто из них относительно названия религиозного обряда прав, ибо последнее слово в этом должно принадлежать представителям православной церк-

ви. Однако отмечу, что сам Беринг приказал отслужить благодарственный молебен, и лишь заодно (заодно, а не как неизбежное следствие молебна) наречь бывшую Ниакину бухту «*гаванью Святых апостолов Петра и Павла*».

Но ведь и только, ибо нетрудно представить, что окажись, спасаясь от гибели, оба судна или даже одно не в Авачинской губе, а в Большерецке, то оный благодарственный молебен произошёл бы там, а то и вовсе в Охотске, куда пакетботы непременно вынуждены были бы вернуться в случае серьёзных повреждений, так как для сложного ремонта ни в устье реки Большой, ни, тем более, в Авачинской губе не было ни малейших условий. Так что проведение благодарственного молебна по поводу «чудесного спасения», произошедшего десятком дней (26 сентября 1740 г.) ранее, никак не может служить основанием для установления даты рождения Петропавловска и причиной «назначения» В. Беринга его «отцом-основателем».

Ко всему сказанному остаётся добавить, что ранее нами уже довелось говорить о некорректности использования религиозного мотива в целях определения и установления даты рождения нашего города [2]. И что сама И. В. Витер, в очередной раз обратившись к теме образования Петропавловска, о благодарственной молитве не сказала ни слова:

«6 октября. Пакетботы “Святой Пётр” и “Святой Павел” прибыли в Авачинскую губу, зашли в Ниакину гавань. Эта дата (17 октября по новому стилю), указанная в официальных отчётах, считается датой рождения города Петропавловска-Камчатского. Во вновь образованное селение были переведены жители из Нижнего и Верхнего Камчатских острогов. В рапорте от 22 апреля 1741 г. Беринг докладывал: “А выше-реченная гавань к отстою в зимнее время морских судов весьма способна, и для того и прибыли во оную гавань в двух пакетботах со всею командою того 1740 году октября 6 дня благополучно, где и зимовали, и она гавань названа нами Святых апостол Петра и Павла”». И подкрепляет сказанное ещё одним суждением: «1741 год. 20 апреля. В рапорте в Сенат В. Й. Беринг вводит в официальный оборот новое географическое название — Гавань Святых апостолов Петра и Павла. Одновременно с ним использовались следующие варианты: “Гавань Петропавловская”, “Санкт-Петропавловская гавань”» [46, с. 451].

Однако, к сожалению, и в этом случае без накладок не обошлось. Если 22 апреля В. Беринг действительно написал служебный рапорт в Сенат [21], то двумя днями ранее, 20 апреля, он сочинил приватное письмо вице-канцлеру А. А. Остерману [35]. Впрочем, упоминаю об этом лишь для того, чтобы эта досадная ошибка не повторялась другими исследователями.

Теперь перейду к заявленному выше комментарию. История с определением даты основания и присвоением имени Петропавловску во многом напоминает обычные житейские коллизии, когда благодарственная молитва служитя после рождения ребёнка, а имя ему придумывается или задолго до родов, или в день рождения и даже некоторое время спустя. При этом все эти приятные хлопоты на сам факт (время) рождения ребёнка совершенно не влияют. Правда, иногда в силу разных причин в метрике могут записать иной день, а то и год рождения нового человека. Случается, наконец, и такое, что ребёнок оказывается подкидышем без всякой сопроводительной записки, а потому день его рождения приходится устанавливать либо по косвенным признакам, либо вовсе произвольно. Однако в нашем случае доподлинно известно, что день рождения Петропавловска связан с заходом в Ниакину бухту бота «Св. Гавриил», то есть с началом строительства первого жилья и магазинов. Так что тут придумать совершенно нечего.

И, тем не менее, в качестве официальной даты образования города фигурирует 6 (17) октября 1740 г., то есть день входа «Св. Пётра» в Авачинскую губу. Однако, во-первых, по гражданскому времени это произошло 7 (18) октября; во-вторых, к этому дню другой пакебот Второй Камчатской экспедиции — «Св. Павел» — уже более недели находился в Ниакиной бухте; в-третьих, первые строения нового поселения были заложены экипажем бота «Св. Гавриил», зашедшим сюда ещё 10 июня по морскому календарю. Следовательно, привязка даты основания Петропавловска ко дню захода в Авачинскую губу «Св. Пётра» является нарушением общепринятых

правил и традиций, ибо в России, да и не только в ней, день образования любого населённого пункта обычно приурочивается к забивке первого колышка в основании первого строения такового поселения.

Например, в ходе Северной войны русские войска 1 (12) мая 1703 г. овладели крепостью Ниеншанц (Канцы), расположенной в устье реки Охты (Каково созвучие: Охта — Охота, откуда началось плавание к Авачинской губе!) А уже 16 (27) мая чуть ниже по течению Невы Пётр I заложил крепость Санкт-Питер-Бурх, несколько позднее переименованную в Петропавловскую (какова параллель!) крепость. И именно он, то есть день, когда были забиты первые колышки в основание будущей крепости, и стал днём рождения Санкт-Петербурга. Причём, несмотря на все перипетии в истории, в том числе многочисленные переименования, эта дата однозначно считается его днём рождения. В случае же с нашим городом эта традиция, пусть бы и непреднамеренно, пусть бы и с самыми благими намерениями, но была нарушена. И нарушена отнюдь не Берингом, никоим образом не связывавшим дату основания города с днём захода пакетботов в Ниакину бухточку, всего лишь присвоившим ей новое имя. И только затем это новое имя перешло поселению, уже четыре месяца существовавшему на её берегах. Так что логичнее будет, коль скоро между самыми западными и самыми восточными «морскими воротами» России устанавливаются столь явные смысловые аналогии, пойти по традиционному в лучшем смысле этого слова пути и вернуть Петропавловску его настоящий день рождения.

Что же касается «божественного предопределения», коль скоро речь зашла и о нём, то тут вполне закономерно возникает вопрос — а не потому ли наш город раз за разом погружался в пучину забвения и разрухи, что день его рождения был установлен вопреки всем, в том числе и христианским, нормам и канонам? И вопрос этот вполне закономерен. Вспомним, едва только успела завершиться деятельность Второй Камчатской экспедиции, как новый город в силу ряда причин — отсутствия строевого леса для постройки и ремонта судов, трудностей со снабжением продовольствием и прочими — тут же уступил пальму первенства сперва Нижнекамчатску, а затем Большерецку, более чем на полвека ставшими опорными центрами интенсивного освоения громадных пушных ресурсов Командорских и Алеутских островов, Аляски и Северной Америки.

Правда, ближе к концу XVIII в., когда Россия оказалась втянута в европейские заботы — войны с Пруссией, Турцией, Швецией, а её дальневосточные берега стали посещать иностранные морские экспедиции, участники которых оповестили мир о существовании великолепной гавани на Камчатке, Петропавловск вновь привлёк внимание северной столицы. В развитие этого интереса в 1803 г. шлюпы Российско-Американской компании «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского первыми в истории российского мореплавания отправились к берегам Северной Америки, Камчатки, Курильских островов, Сахалина и Японии с целью подкрепить присутствие россиян на Тихом океане. При этом Авачинская губа, будучи единственным на полуострове местом, пригодным для отстоя океанских кораблей, со времени захода в неё шлюпа «Надежда» в 1804 г. вновь превратилась в базу-убежище всего северотихоокеанского бассейна. А спустя восемь лет, 9 апреля 1812 г., Петропавловск по предложению Г. И. Лангсдорфа и указу Александра I и вовсе стал столицей Камчатки.

Через сто с небольшим лет после открытия Авачинской губы между двумя окраинами государства устанавливается уже не просто административно-хозяйственная, а по-настоящему державная взаимосвязь, в развитие которой кругосветные плаванья из Кронштадта в Авачинскую губу стали осуществляться с завидным постоянством. Наряду с военно-политическими и социально-экономическими задачами кругосветные экспедиции успешно решали и сугубо научные задачи. Но так продолжалось относительно недолго. Сразу же после осады Петропавловска англо-французской эскадрой в августе 1854 г. и, особенно, после продажи Русской Америки, Аляски и Алеутских островов, его основное украшение, гордость и ресурс — Авачинская губа — надолго превратилась в отстойник для браконьерских судов всего, буквально, мира, а сам город — в захолустье.

Впрочем, что там давняя история. Всего-то двадцать с небольшим лет тому назад Петропавловск после периода бурного и неоправданного ничем, кроме пресловутых геополитических интересов, роста в очередной раз погрузился в пучину безвременья и разрухи. Причём от полного краха его спасло лишь то, что подавляющему большинству горожан просто некуда, да и не на что было бежать. Распад СССР (оттого-то геополитические интересы и оказались пресловутыми, что они предусматривали всё что угодно, кроме возможности развала страны) и всё, что за ним последовало, привели к всеобщей социальной, экономической и политической катастрофе. И если город при этом в процентном отношении потерял меньше населения, чем вся Камчатка в целом, то объясняется это тремя причинами. Первая — стремление местных чиновников изо всех сил сохранить свои места и привычный образ жизни, что, надо сказать, им удалось. Вторая — лишение жителей города накоплений, отчего лишь только часть желающих сумела покинуть город. Третья — плавное перетекание в Петропавловск населения с побережий и глубинки на места, освобождающиеся в ходе стихийного исхода горожан за пределы Камчатки. Почему и как это произошло — проблема, требующая специального исследования. А потому ещё раз задам закономерный вопрос — а не пора ли нам отказаться от столь нетрадиционной для России даты празднования Дня города и вернуть Петропавловску его настоящий День рождения? С тем, чтобы восстановить историческую, да и просто человеческую справедливость по отношению к первооснователю города И. Ф. Елагину, к самому городу и его жителям.

Правда, и в этом случае существует неопределённость, связанная с тем, что пока ещё никому не удалось обнаружить в архивах точную дату забивки первого колышка в основание первого же строения будущего Петропавловска-Камчатского. Более того, нам неизвестно и то, когда — до 12.00 или после по морскому времени 10 июня зашёл в Авачинскую губу бот «Св. Гавриил». А ведь это обстоятельство имеет существенное значение при определении точного времени образования Петропавловска. И в самом деле, если бот прибыл 10 июня по морскому календарю до полудня, то по гражданскому времени это соответствует утру 11 июня. И, следовательно, у моряков было предостаточно времени (напомню, что это были самые длинные дни в году) для того, чтобы войти в Ниакину бухту. А пока команда занималась выгрузкой, И. Ф. Елагин с помощниками вполне мог обойти окрестности и наметить места расположения будущих строений.

Но не исключается, что бот мог войти в Авачинскую губу в начале 10-го числа по морскому календарю, то есть во второй половине дня 11 июня по гражданскому времени. А поскольку судно к берегу Ниакиной бухты могло приблизиться лишь тщательно измеряя глубины, на что требовалось дополнительное время, ступить на него моряки, скорее всего, смогли только ближе к ночи. Поэтому к выгрузке материалов и снаряжения и строительству первого сооружения они могли бы приступить не ранее утра 12 (23) июня по гражданскому времени. Так что нам остаётся за отсутствием конкретных архивных данных выбрать одну из этих дат. На мой взгляд, предпочтение следует отдать первой — 11 (22) июня. Ибо, как бы там ни было, но город наш зародился именно как военно-морская база и останется таковой на необозримое будущее. Доказательством чему тот факт, что половину годового бюджета всего Камчатского края составляют расходы на содержание военно-морской группировки.

Не стоит забывать и того, что во время Великой Отечественной войны морской порт Петропавловска сыграл большую роль по доставке из США военных грузов и продовольствия по ленд-лизу [47], чем внёс весомую лепту в нашу общую Победу. Как не следует забывать и того, что именно в самом конце Второй мировой войны город и его жители сыграли весьма значимую роль в освобождении Северных Курильских островов, приблизив тем самым окончательное завершение этой самой страшной изо всех войн человечества.

Говоря иначе, привязка дня основания нашего города к 11 (22) июня может привнести в метрику Петропавловска дополнительную положительную ауру. И вряд ли нас должно смущать при этом совпадение с другой великой и скорбной датой — началом Великой Отечественной войны. Если в городском календаре одним праздным

временепровождением будет меньше, город наш от этого станет только чище и светлее. А значит, у него появится дополнительный шанс на хорошее будущее.

Что же касается возможных затруднений чисто административного толка, могущих возникнуть вследствие отказа от нынешней условной даты зарождения города, то замечу, что от одной такой условности с Днём города мы всё же отказались. И никаких особых осложнений это не вызвало. Ещё совсем недавно день рождения Петропавловска отмечался за месяц-полтора до 17 октября. Понятно, конечно же, что во многом это желание придвинуть праздник к лету объяснялось чисто прагматическими соображениями. Однако наряду с очевидным практическим удобством (встреча Дня города в благоприятных погодных условиях «бабьего лета») это нововведение вносило более чем очевидную несуразность в календарь памятных дат. Не говоря уже о том, что сам факт переноса празднования Дня города на месяц-полтора вперёд находился в полном расхождении с общечеловеческими, христианскими (не принято у православных отмечать дни рождения загодя) и юридическими нормами и правилами. А потому от этого надуманного Дня города власти всё же отказались.

Таким образом, анализ обстоятельств, связанных с привязкой даты основания города к 6 октября 1740 г., вызывает, как минимум, сомнение в обоснованности этого чисто формального решения. Как потому, что по гражданскому времени эта дата соответствует 7-му числу этого же месяца. Как потому, что в этот день в Авачинскую губу вошёл только один — «Св. Пётр» — пакетбот, тогда как «Св. Павел» уже более недели стоял в Ниакиной бухте. Так и потому, что заход бота «Св. Гавриил» под командой И. Ф. Елагина в Авачинскую губу состоялся 10 июня 1740 г. по астрономическому времени.

Так что если уж на Руси и началось возвращение к традиционным духовным, в том числе и религиозным, ценностям, то нам, жителям Петропавловска, не зазорно будет отрешиться от надуманного дня его рождения и начать отмечать День города 22 июня. Ибо независимо от того, когда — в первой или во второй половине суток 10 июня по астрономическому времени — состоялся заход бота «Св. Гавриил» в Ниакину бухту, приступить к разметке фундаментов под первые строения будущего города моряки и мастера смогли только 11 (22) июня.

Ну и последнее. Вместо обычного в таких случаях заключения ещё раз напомним, что привязка даты основания города ко дню захода в Авачинскую губу пакетботов Второй Камчатской экспедиции вызывает сомнение, тем более обоснованное, что 7 октября по гражданскому времени в губу вошёл только один — «Св. Пётр» — пакетбот, а не оба судна вместе. Тогда как факт входа бота «Св. Гавриил» под командой И. Ф. Елагина в Авачинскую губу 10 июня 1740 г. по морскому времени никаких сомнений не вызывает. Тут возникает лишь только некоторая неопределённость, обусловленная временем — до полудня или после — произошедшего события. Ибо в связи с необходимостью перевода начала этого события на наше нынешнее гражданское время забивка первого колышка в основание первого строения будущего города могла произойти либо вечером 22 июня, либо утром 23 июня.

Вместе с тем, обращаю внимание на другую сторону затронутой проблемы. Всё сказанное выше можно было изложить всего лишь в четырёх небольших абзацах:

— существующие в метрике нашего города ошибки в датах и местах возведения первого маяка в Авачинской губе, а также неверная привязка морских суток к гражданским обусловлены невнимательностью историков и краеведов, а потому должны быть исправлены;

— поскольку пакетбот «Св. Павел» А. И. Чирикова вошёл в Авачинскую губу 27 сентября, а пакетбот «Св. Пётр» В. Й. Беринга — 6 октября, то существующая официальная дата основания Петропавловска, произведённая по чисто формальным (по старшинству в чине и должности) соображениям, также имеет чисто формальный характер;

— попытка привязывать день рождения нашего города к благодарственному молебну (молитве), проведённому по приказу Беринга по поводу благополучного прохода через грозный Первый Курильский пролив одного судна Камчатской экспеди-

ции, по сути дела, является всего лишь запоздалым и несколько неловким желанием отразить добрую волю высших сил по отношению к нашему городу;

— в силу этих причин, а также потому, что первым судном, вошедшим в Авачинскую губу был бот «Св. Гавриил», экипаж которого во главе со штурманом И. Ф. Елагиным сразу же после разгрузки судна приступил к возведению первых строений будущего порта и города, день основания Петропавловска должен приурочиваться ко времени захода этого судна, то есть к 10 июня (по морскому календарю) 1740 г.

Обращаю же я на это внимание потому, что в ответ на мои предыдущие публикации на затронутую тему прозвучали следующие основные возражения:

— «Наши учёные (эксперты) думают (считают) иначе». Однако никаких имён при этом не называлось, и о том, как это — «иначе», не говорилось;

— «Автор предоставил недостаточное количество доказательств в пользу своей точки зрения». Хотя доказательств в пользу иных точек зрения при этом не приводилось вовсе;

— «Основные представления автора основаны на опубликованных материалах, а не на архивных данных, а потому они недостаточно аргументированы». Но составители такового рода рецензий в своих работах тоже используют выдержки из специальных сборников;

— «Высказанные представления и соображения интересны, но с ними можно поспорить». Однако не спорят.

Но именно ввиду отсутствия обоснованного и конструктивного анализа представлений, высказанных в прежних моих работах, а также в намерении предусмотреть возможные возражения со стороны предполагаемых оппонентов и было написано столь большое, с обилием цитат и указаний на ошибки, исследование. Чем, лишний раз подчеркну, проявляется уважительное отношение к мнению предполагаемых оппонентов — неважно, в поддержку или против высказанных представлений это мнение может быть выражено. Так что мне остаётся лишь выразить надежду на то, что уважительное отношение, в том числе и в виде аргументированной критики, будет проявлено и к высказанным в данном исследовании представлениям и предложениям.

ИСТОЧНИКИ

1. *Быкасов В. Е.* Потерянный юбилей // *Материалы XX Крашенинниковских чтений «Ветер веков в парусах России».* — Петропавловск-Камчатский, 2003. — С. 26—28.
2. *Быкасов В. Е., Чуян Г. Н.* Хроника освоения природных ресурсов Камчатки. Третьи международные Свято-Иннокентьевские чтения. — Петропавловск-Камчатский, 1998. — С. 125—125.
3. *Полевой Б. П.* Предисловие // *Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990.* — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 11—14.
4. *Полевой Б. П.* Пояснение к карте Авачинской губы, 1996 г. // *Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас.* — М., 1997. — 112 с.
5. *Полевой Б. П.* Кем и когда была открыта Авачинская губа // *Норд-ост.* — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 75—81.
6. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — СПб. : Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 1. — 438 с.
7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — СПб. : Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 2. — 319 с.
8. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII—XVIII вв. / Под ред. А. В. Ефимова. — М., 1964. — 135 с.
9. *Быкасов В. Е.* Поход Родиона Преснецова // *Вопросы истории Камчатки.* — Вып. 5. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 245—285.
10. *Кусков В. П.* Кто составил первую карту Авачинской губы? // *Камчатские были.* — Петропавловск-Камчатский, 1970. — С. 24—26.
11. *Пирагис А. П.* Топонимика Петропавловска-Камчатского и его окрестностей // *Вопросы географии Камчатки.* — 2011. — Вып. 13. — С. 77—90.
12. *Полевой Б. П.* Открытие русскими Авачинской губы. История основания Петропавловска-Камчатского // *Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990.* — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 15—32.
13. Ответствие А. Еремеева В. Й. Берингу о возможных способах и времени передвижения от р. Большой до р. Камчатки // *Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док.* — М., 1984. — С. 63.

14. Рассказ адъютанта Академии наук Георга Стеллера об Авачинской губе // Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 41—42.
15. Рапорт А. И. Чирикова в Адмиралтейств-коллегию о плавании к берегам Америки от 7 декабря 1741 г. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984. — С. 222—231.
16. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М.: Наука, 1984. — 319 с.
17. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Ч. 1. Исторический отчёт по путевым дневникам. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — 566 с.
18. Из дневника капитана Чарльза Клерка. Апрель-май 1779 г. // Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 82—85.
19. Рапорт В. Й. Беринга в Адмиралтейств-коллегию об отправлении штурмана И. Елагина на боте «Св. Гавриил» на Камчатку для описания побережья от Большой реки до Авачинской губы от 10 октября 1739 г. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М.: Наука, 1984. — С. 185—186.
20. Рапорт В. Вальтона В. Й. Берингу о плавании бота «Св. Гавриил» к берегам Японии и список команд бота «Св. Гавриил» и шлюпа «Большерецк» от 25 августа 1739 г. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М.: Наука, 1984. — С. 180—184.
21. Рапорт В. Й. Беринга в Сенат об описании берегов Камчатки штурманами И. Ф. Елагиным и В. А. Хметевским и начале строительства Петропавловского порта в Авачинской бухте от 22 апреля 1741 г. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984. — С. 212—214.
22. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 5—103.
23. *Зубов Н. Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. — М., 1954. — С. 474.
24. *Воскобойников В. И.* Слово на карте. — Петропавловск-Камчатский, 1962. — 117 с.
25. *Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия и исследования с древних времён до 1917 года. — М., 1971. — 516 с.
26. *Petropavlovsk-Kamchatsky. Historical-geographical atlas.* — Петропавловск-Камчатский, 1994. — 78 с.
27. Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас. — М., 1997. — 112 с.
28. *Белов М. И.* О старинном счёте времени в морском флоте // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1969. — С. 166—176.
29. Из вахтенного журнала бота «Св. Гавриил» о плавании проливом между Азией и Америкой // Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984. — С. 70—84.
30. *Сопоцко А. А.* История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. — М., 1983 — 247 с.
31. Журнал бытности в Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина // Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки открытия Берингова пролива. 1725—1730 гг. — СПб., 2012. — С. 21—189.
32. *Фёдорова Т. С.* Первая Камчатская экспедиция // Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытия Берингова пролива. 1725—1730. — СПб., 2012. — С. 12—19.
33. Журнал лейтенанта Алексея Чирикова // Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытия Берингова пролива. — СПб., С. 190—312.
34. *Ваксель Свен.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. — Л. : М., 1940. — 175 с.
35. Экспедиция Беринга: Сб. документов. — М., 1941.
36. Письмо В. Беринга А. Остерману. 20 апреля 1741 г. // Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1999. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 35—36.
37. Письмо А. Чирикова графу Н. Головину. 27 апреля 1741 г. // Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1999. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 37—38.
38. *Golder F. A.* Bering voyages. An account of the efforts of the Russians to determine the relation of Asia and America. The log books and officials reports of the First and Second Expeditions

1725—1730 and 1733—1742, with a chart of the Second Voyage by Ellsworth P. Bertholf. — N.-Y.: Amer. Geogr. Soc. Ser., 1922. — Vol. 1. 371. — P. 50.

39. *Стеллер Г. В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки. 1741—1742. / Пер. с англ. Е. Л. Станюкович. — М., 1995. — 224 с.

40. Письмо А. П. Горланова Г. Ф. Миллеру. 29 мая 1742 г. // Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 53—55.

41. Рапорт лейтенанта С. Вакселя в Адмиралтейств-коллегию о плавании с В. Й. Берингом к берегам Америки. 15 ноября 1742 г. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984. — С. 262—270.

42. Письмо А. Горланова Г. Ф. Миллеру от 25 ноября 1740 г. из Большерецкого острога // Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740. Серия: источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. — Т. 1. — М., 1998. — С. 379—381.

43. *Сафронов Ф. Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX вв. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М., 1978. — 258 с.

44. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой (история города Петропавловска-Камчатского). — Петропавловск-Камчатский, 2000. — 207 с.

45. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой (история города Петропавловска-Камчатского). — Петропавловск-Камчатский, 2011. — 316 с.

46. *Витер И. В.* Петропавловская гавань — Петропавловский порт — Петропавловск-на-Камчатке — Петропавловск-Камчатский (хроника событий) // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 6. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — С. 448—489.

47. *Паперно А. Х.* Ленд-лиз. Тихий океан. — М., 1998. — 368 с.

С. И. ВАХРИН

ПАМЯТЬ — ОНА В КАЖДОМ ИЗ НАС. КАК СЕРДЦЕ...

Камчатцы в годы Крымской кампании

Памяти Л. С. Копьёвой посвящается

Оборона Петропавловского порта в 1854 г. — одна из славных и очень важных страниц истории нашего полуострова. Но это совсем маленький эпизод в целом проигранной Россией военной кампании, которую историки называют Крымской, включающей в себя героическую оборону Севастополя, частью общей воинской славы которого, кстати, является и защита Камчатского люнета — укрепления Камчатского пехотного полка на Малаховом кургане, где погиб адмирал В. И. Истомин. Напомним: на Зелёном холме построили люнет, названный Камчатским. Рядом оборону держали люнеты Волынский и Селенгинский, также названные по своим полкам. Эти укрепления, воздвигнутые под носом у союзников, по мнению историков, явились «несмыслаемым позором для англичан и французов» (слово в слово подобное мнение было высказано и по поводу провала атак англо-французского десанта на Никольской сопке и Красном Яру Петропавловского порта на Камчатке). Три месяца в Севастополе велась борьба за эти укрепления. До конца мая 1855 г. «три отрока», как называли эти редуты, были как бельмо на глазу англо-французов — самым опасным местом в Севастополе. Французская артиллерия обстреливала их днём и ночью.

7 марта 1855 г. на Камчатском люнете прямым попаданием ядра в голову был убит контр-адмирал В. И. Истомин. Вот что писал П. С. Нахимов родным Истомина, сообщая о его гибели: «Оборона Севастополя потеряла в нём одного из своих главных деятелей, воодушевлённого постоянно благородною энергиею и геройскою решительностью... По единодушному желанию всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почётной и священной могиле для черноморских моряков, в том склепе, где лежит прах незабвенного Михаила Петровича [Лазарева] и... покойный Владимир Алексеевич [Корнилов]. Я берёг это место для себя, но решил уступить ему».

По приказу П. С. Нахимова на месте гибели Истомина выложили крест из бомб и ядер. В 1904 г. на Камчатском люнете по проекту Ф. Н. Еранцева открыли небольшой скромный обелиск из гранита, который был виден с улицы Истомина.

На пьедестале надпись: «Здесь убит ядром в голову 7-го марта 1855 г. контр-адмирал В. И. Истомин».

Возвращаясь к камчатским событиям, следует обратить внимание на то, что оборона Петропавловского порта, как и Севастополя, будучи одним из важнейших исторических событий Камчатки и Крыма, как городов воинской славы, обычно связывается в исторической памяти только с её руководителями, начинаясь с вышеперечисленных знаменитых (справедливо и достойно!!!) севастопольских адмиралов и тогда ещё генерал-майора (впоследствии контр-адмирала) В. С. Завойко и продолжаясь в соответствии с табелью о рангах штаб- и обер-офицерским составом, также действительных по воинской чести героев. Но на этом подчас и обрывается историческая связь с событиями прошлого в памяти благодарных потомков, превращая множество остальных участников обороны в некие безымянные статистические данные — в цифры, даже когда говорится и пишется о погибших героях, отдавших свою жизнь за Веру, Царя и Отечество. И поэтому мы знаем сегодня больше об общих цифрах потерь при обороне Петропавловского порта (как, наверное, и Севастополя), нежели об именах и фамилиях рядовых участников тех героических сражений. А ведь это не просто герои, выигравшие историческую победу у врага — это ведь и чьи-то прадеды, память о которых угасла при всеобщем беспомыслении, когда в спешном порядке в 1855 г. военные покинули Петропавловск и перебрались в срочно построенный для его гарнизона Николаевский военный пост — нынешний Николаевск-на-Амуре. Вместе с остальными военными покинули Камчатку, за исключением Камчатской казачьей команды, и члены 47-го флотского экипажа, многие из которых были уроженцами Камчатской области, и никогда уже не вернулись на свою малую родину.

Я, может быть, никогда бы и не узнал об этой массовой переброске жителей Петропавловского порта в Николаевск-на-Амуре, как не знает или не помнит об этом сегодня большинство из старожилов Камчатки, даже те из них, предки которых жили на полуострове в то славное героическое время, если бы не случай, который стал поворотным и для меня, как краеведа, и для тех эпизодов обороны Петропавловского порта, о которых я расскажу, и для тех её участников — героев, которые долгие годы оставались для нас для всех безымянными.

Мать моей жены Татьяны Петровны Ларионовой — Любовь Степановна Копьёва, известный и очень уважаемый в селе Соболево человек, родившаяся в здешних местах (в селе Русь, основанном её отцом Степаном Матвеевичем Копьёвым, о трагической судьбе которого я рассказываю в своей книге «Тайны камчатских имён»), выросла здесь, была участником трудового фронта в Великую Отечественную войну, стала ветераном труда. Находясь в прямом родстве со многими известными в Соболево и Соболевском районе семьями аборигенов, в начале 1990-х гг., как и большинство представителей коренного народа, она подала заявление в архив с просьбой подтвердить своё коренное национальное происхождение. Каково же было удивление (а в первый момент и негодование) Любви Степановны, которая заботилась прежде всего не о себе, а о своих детях — Иде Михайловне Копьёвой, Татьяне Петровне и Владимире Петровиче Ларионовых, внуках — Анне, Алексее, двух Андреех, Анастасии, Юлии и будущих правнуках (это уже и о моих внуках — Денисе Алексеевиче и Артуре Андреевиче Вахриных), когда в ответ на свой запрос получила следующие сведения о национальности своего деда — сын баталёра (она почему-то потом говорила «бомбардира») какого-то никому не известного 27-го флотского экипажа Василий Васильевич Усов, женившийся на дочери камчадала Спешнева.

Ассоциация коренных малочисленных народов (КМНС) Соболевского района на основе родства Любви Степановны с такими коренными фамилиями, как Трапезниковы и Спешневы, признала её представителем КМНС, но горечь как реакция на некую историческую несправедливость от той архивной справки осталась у неё на всю последующую жизнь. И это в определенной степени подтолкнуло и меня попытаться понять, «кто есть кто» прадед моих собственных детей и внуков.

И вот сегодня у меня на руках многочисленные материалы, которые утверждают, что Любовь Степановна Копьёва, её дети, внуки и правнуки должны, как и многие представители других коренных камчатских фамилий, гордиться своими предками,

которые были в составе Камчатской казачьей команды, 47-го Камчатского (впоследствии 27-го Амурского) флотского экипажа, а также в сводном отряде камчадалов-волонтеров, где совместно и героически отражали натиск врага.

А теперь давайте вспомним события Крымской войны с 4 (16) октября 1853 по 13 (25) февраля 1856 г. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Чёрном, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке. Наибольшего напряжения они достигли в Крыму. Союзникам удалось, используя техническое отставание русских войск и нерешительность командования, сосредоточить количественно и качественно превосходящие силы армии и флота на Чёрном море, что позволило успешно высадить десантный корпус в Крыму, нанести русской армии ряд поражений и после годичной осады захватить южную часть Севастополя — главной базы Черноморского флота. Севастопольская бухта, место дислокации российского флота, осталась под контролем России. На Кавказском фронте русским войскам удалось нанести ряд поражений турецкой армии и захватить крепость Карс. Однако угроза присоединения к войне Австрии и Пруссии вынудила русских принять навязанные союзниками условия мира. Подписанный в 1856 г. Парижский мирный договор потребовал от России вернуть Османской империи всё захваченное в южной Бессарабии, устье Дуная и на Кавказе. России запрещалось иметь военный флот в Чёрном море, провозглашённом нейтральным, вести военное строительство на Балтике и другое. Тем не менее, отторгнуть от России значительные территории не удалось. Как утверждает Википедия, «условия договора отражали фактически равный ход боевых действий, когда союзники, несмотря на все усилия и тяжёлые потери, не смогли продвинуться дальше Крыма, а на Кавказе потерпели поражения».

Главный дальневосточный успех — Камчатка — остался за Российской Империей. Из числа камчатских воинских подразделений, участвовавших в обороне Петропавловского порта, основным ядром был 47-й флотский экипаж. Что мы знаем о нём? В 1850 г. был издан приказ начальника Главного морского штаба о создании на Камчатке флотского экипажа: «По случаю упразднения Охотского порта и образования Камчатской области — Охотский флотский экипаж, Охотскую мастерскую роту и Петропавловскую флотскую роту соединить в один общий состав под названием 46-го флотского экипажа». В июне 1854 г. он получил новый номер — 47-й. Личный состав активно участвовал в сооружении укреплений Петропавловского порта, в отражении нападения англо-французской эскадры в августе 1854 г. Геройски сражались офицеры, матросы экипажа, продемонстрировав отличную боевую выучку, смелость, и были удостоены высоких наград. Во время эвакуации Петропавловского порта в 1855 г. 47-й флотский экипаж направился на новое место — в Николаевский-на-Амуре пост.

Как нам сегодня стало известно, в составе Камчатской экипажной роты, влившейся в состав Камчатского флотского экипажа, были многие уроженцы полуострова — дети казаков и солдат расформированного в 1812 г. Камчатского гарнизонного батальона (Сомовского полка, военного поселения на Камчатке в период 1800—1812 гг.). Вот некоторые данные за 1847 г., которые я в своё время обнаружил в Томске в Центральном государственном архиве Дальнего Востока РСФСР, ныне Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ).

Именно этим людям впоследствии пришлось, не щадя своей жизни, принять на себя главную тяжесть обороны Петропавловского порта:

Яков Фёдорович Никифоров, барабанщик — уроженец Камчатской области.

Роман Лукич Слободчиков, матрос-рулевой, из камчатских казаков. В 1836 г. служил на военном боте «Алеут», ходил на нём в Охотск, Нижнекамчатск, Тигиль. С 1844 г. — на боте «Камчадал». В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота «Алеут» прапорщику Секерину, разжалован из квартирмейстеров в матросы.

Минюхин, Помаскин, из камчатских солдатских детей.

Михаил Васильевич Расторгуев, марсовый — из казачьих детей. В 1834 г. на бриге «Камчатка» ходил на остров Гуагом.

Василий Гаврилович Мутовин, Иван Гаврилович Мутовин — из казачьих детей.

Григорий Иванович Винокуров — из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

Варфоломей Осипович Копылов — из солдатских детей, уроженец Камчатки.

Алексей Петрович Корякин — из солдатских детей, уроженец Камчатки.

Павел Васильевич Усов — «из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1843 г. на боте «Алеут» [РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299].

В рапорте о победе камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта генерал-майора В. С. Завойко управляющему Морским министерством от 7 сентября 1854 г. есть отдельное сообщение об Усовых, которые попали в плен к англо-французам:

«21-го числа (августа 1854 г. — С. В.) неприятель продолжал исправлять повреждения и кренил пароход. В час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка по направлению к Сигнальному мысу. Это была наша шестёрка, взятая неприятелем вместе с плашкоутом; на ней пристали к берегу квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселёв. Первый передал мне от французского адмирала письмо следующего содержания:

“Его превосходительству господину губернатору Завойко. Господин губернатор. Благодаря военной случайности в мои руки попала русская семья. Имею честь вернуть её Вам. Примите, г. губернатор, уверение в моём высоком почтении. Командующий адмирал и шеф К. Депуант”. Поименованные люди рассказали, что они утром 19-го числа отправились из Тарьинской губы в Петропавловский порт на плашкоуте с четырьмя тысячами кирпича, имея на буксире шестёрку. Усов взял с собою жену, которая пришла к нему из деревни Озерной с двумя малолетними детьми. Неприятельскую эскадру они приняли за эскадру адмирала Путятина, и хотя, подойдя ближе, узнали неприятельские флаги и отворотили от эскадры, но гребные суда отрезали им отступление; выстрелы, слышанные ими накануне и утром 19-го числа, приняты ими были за салюты и за пальбу в цель; оружия они не имели. Квартирмейстер Усов передал, что на фрегате “Форт” убито семь человек и что французы приглашали пленных вступить к ним в службу, но они отказались; что офицеры, отпуская его, обещали остальным пленным освобождение, когда Петропавловский порт будет взят».

16 декабря 1853 г. командиром 47-го флотского экипажа был назначен капитан 1-го ранга Александр Арбузов. В 1854 г. на Камчатке под его командованием служили следующие офицеры (по документам Российского государственного архива Военно-Морского Флота, РГА ВМФ): капитан 2-го ранга Александр Васильев, капитан-лейтенанты Николай Назимов, Александр Бачманов, Николай Чихачёв, Василий Караллов, лейтенанты Пётр Гаврилов, Николай Башняк, князь Дмитрий Максудов, Павел Попов, Николай Рудановский, Александр Маневский, Александр Сгибнев, Яков Куприянов, мичманы Пётр Овсянкин, Григорий Разградский, Александр Петров, Иосиф Баснин, Василий Новицкий, Николай Ельчанинов, причисленные корпуса морской артиллерии капитан Владимир Белоцерковцев, поручик Константин Сахаров, цейхвахтер титулярный советник Ньянов.

5 марта 1855 г., после получения ответа императора Николая I на свой рапорт, доставленный в столицу князем Дмитрием Максудовым, Василий Степанович Завойко, уже контр-адмирал, командир Петропавловского порта, губернатор Камчатской области, издаёт приказ, копию которого мы получили недавно из РГА ВМФ:

«Его Высокопревосходительство Генерал Губернатор Восточной Сибири уведомляет меня, что на моё донесение о приведении Петропавловского порта в оборонительное положение, о ревности и усердии с которыми содействовали мне в этом все чины Петропавловских команд, и о той истинно молодецкой решимости, с которой оне обещали отстаивать порт до последнего человека, Государь Император удостоил собственноручно написать “Спасибо!” С чувством сердечного восторга я объявляю это по команде, в полном убеждении, что мои ратные товарищи порадуются вместе со мной, как Русские и как Православные воины, для которых Царское “Спасибо!” выше всех наград. “Спасибо!” сказал нам Царь, “Спасибо!” скажет Россия, и Бог не забудет тех, которые с полным самоотвержением исполняя долг свой, всегда готовы умереть за Царя, Отечество и Православную Веру!

Его Высокопревосходительство при этом препровождает мне приказ Его Императорского Величества, которым я переименован в Контр-Адмиралы и пожалован Кавалером Ордена Святого Станислава 1-й степени; относя это к усердию и ревности, с которыми вспомоществовали мне все чины Петропавловского порта, я искренно душевно благодарю их и остаюсь в полном убеждении, что и впредь все они не пожалуют никаких трудов и усилий, там где потребуют этого пользы службы Его Величества Государя Императора.

Адъютант Его Превосходительства Г-на Генерал-Губернатора Восточной Сибири Эсаул Мартынов, прибывший 3-го числа этого месяца из Иркутска, привез депеши, заключающие в себе милости Царские за успешное отражение соединённой Англо-Французской Эскадры, нападавшей на Петропавловский порт; Его Высокопревосходительство Г-н Генерал-Губернатор Восточной Сибири сообщает мне для объявления по команде, что Его Высочество Генерал-Адмирал удостоил его рескриптом, в котором предписывает передать всем участвовавшим в обороне Петропавловска Высочайшее благоволение Его Императорского Величества и то, что Государь Император чрезвычайно доволен всеми нами! Его Высочество Генерал-Адмирал в том же милостивом рескрипте поздравляет нас и от себя и радуется, что на берегах Восточного Океана, прославив себя истинно-Геройскими подвигами, мы исполнили долг наш столь же ревностно, как наши товарищи моряки-черноморцы, ознаменовывающие себя в настоящее время подвигами столь примерной доблести.

Его Высокопревосходительство Г. Генерал Губернатор Восточной Сибири также поручил мне сказать от него всем вам, что он истинно щастлив вашими Геройскими подвигами, Монаршим за них милостями и ждёт с нетерпением того времени, когда ему представится случай лично вести вас в дело, там, где потребует этого служба и куда призывает вас Ваша истинно-Геройская храбрость!

Его Высокопревосходительство с присланным им курьером препровождает Высочайшие награды: Мне, Господам Штаб и Обер Офицерам и нижним чинам.

О наградах этих будет сказано в приказе, следующим за сим. Теперь же спешу поделиться со всеми чувствами, возбуждёнными во мне Истинно-Отцовскою заботливостью Его Величества Государя Императора о всех нас!

Государь Император, вполне понимая то затруднительное положение, в котором находится Петропавловский порт, как в отношении доставки продовольствия и подкрепления людьми, так и в отношении того, что в будущее лето при наших настоящих средствах мы можем подвергнуться нападению неприятеля, непомерно превосходящими нас силами; понимая всё это и дорого ценя жизнь храбрых защитников Камчатки, уже знаменитых подвигами, Государь Император предписал Его Высокопревосходительству Г. Генерал Губернатору сделать распоряжение к переводу всех чинов Морского ведомства в место, где их испытанное мужество принесёт отечеству большую пользу, не подвергая их лишениям всякого рода, не разлучными при оставлении в Камчатке.

В следствие выше выраженной Высочайшей воле, Его Высокопревосходительство Г. Генерал Губернатор предписал мне: По получении этого известия вооружить все суда, нагрузить в них казённое имущество и посадить на них всех чинов Морского ведомства и Гражданского Управления с их семействами, немедленно следовать к месту назначения. — Объявляя об этом по командам, также как и о вышеозначенных Высочайших к нам милостях, я с своей стороны спешу поздравить Всех Вас, мои сослуживцы, мои товарищи в Ратной славе, поздравить от души, благодарить от чистого сердца, и сказать, что считаю себя счастливым, командуя подобными молодцами, сказать Вам, что горжусь вами!

Государь Император заботится об нас! Бог видит нас, и Благодарное Отечество, отдавая полную справедливость, шлёт нам дары свои! Кроме пожертвований, собранных жителями города Иркутска, подписка в пользу Камчатских защитников идёт по всей Сибири и, судя по усердию, с которым спешат вносить приношения, видно, какое участие вселил во всех подвиг наш! Теперь нам остаётся исполнить ещё одно важное дело; нужно употребить все усилия к возможно-скорейшему изготовлению судов для выхода в море, и я надеюсь, что здесь, как и всегда, Офицеры и нижние чины сделают

всё возможное, не щадя никаких трудов, работая с рвением, старанием и напрягая все их силы; надеюсь на это, тем более, что каждый должен понимать, что успех нашего предприятия зависит от раннего выхода в море, чем предупредив неприятеля, мы при помощи Божией, можем надеяться достигнуть по назначению благополучно; так как соединённые Англо-Французские Эскадры не могут и думать, чтобы мы оставили Авачинскую губу в столь раннее для навигации время.

Объявив по команде обо всём этом, я остаюсь в полном убеждении, что проникнутая чувствами глубокой благодарности к милостям Государя Императора и к его Отеческой о нас заботливости, все мы сделаем всё, что можно, для того чтобы и впредь с именем Героев-защитников Камчатки было соединено название неустрашимых моряков, не отступающих не перед какими препятствиями, и всегда готовых идти туда, куда зовёт их долг и служба Царю и Отечеству.

Я покорнейше прошу г.г. Командующего 47-м Экипажем, Командира фрегата “Аврора” и Медицинского Инспектора Петропавловского морского Госпиталя явиться ко мне завтра в 8^{1/2} часов утра для принятия от меня Орденов, для возложения на Г.г. Офицеров, показанных у сего в Списке, а Гражданским Чиновникам явиться ко мне, г.г. Лохвицкому и Горемыкину.

Кому пожалованы ордена	Список	Ордена
Камчатскому Военному Губерн. и Командиру Петроп. Порта Контр-Адмиралу Василию Завойко		Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й Степени
47-го Экипажа Капитану 2-го ранга Александру Васильеву		Св. Владимира 4-й Степени с бантом
Капитан-лейтенанту Василию Караллову, Петру Гаврилову, Князю Максудову		Св. Владимира 4-й Степени с бантом
19-го флотского Экипажа капитанам 2-го ранга Командиру фрегата Аврора Ивану Изыльметьеву		Св. Владимира 3-й Степени
Михаилу Тироллю 1-му		Св. Владимира 4-й Степени
Капитан Лейтенант. Михаил Федоровскому, Константину Пилкину 1-му, Иосифу Скандракову, Евграфу Анкудинову		Св. Владимира 4-й Степени с бантом
Лейтенантам Василию Попову 10-му, Николаю Фесуну, Дмитрию Михайлову		Св. Владимира 4-й Степени с бантом
Корпуса Морской Артиллерии Подпоручику Николаю Можайскому		Св. Владимира 4-й Степени с бантом
Корпуса флотских штурманов Поручику Василию Дьякову		Св. Анны 3-й Степени с бантом
Подпоручику Семёну Самохвалову		Св. Анны 3-й Степени с бантом
Юнкерам Константину Литке, Графу Орурку Гардемаринам (ныне Мичманам) Ивану Колокольцову, Дмитрию Койсарову, Владимиру Давыдову, Гавриле Токареву		Знаки отличия военного ордена Св. Георгия
Медицинским Чином:		
Статскому Советнику Антону Ленченскому		Годовой оклад жалования 840 р. 60 коп.
Коллежскому Советнику Семёну Петрошевскому		Орден Св. Анны 3-й степени без банта
Доктору Медицины Виталию Вильчковскому		Орден Св. Анны 3-й степени без банта
Управляющему Аптекою Титулярному советнику Фёдору Литкенеу		Св. Анны 3-й степени с бантом
Старшим врачам 18-го флотского Экипажа Надворному Советнику Николаю Клингену,		Св. Владимира 4-й степени с бантом
Коллежскому Ассесору 1-го экипажа Михаилу Давыдову		
Состоящему по ластовым Экипажам		
Поручику Михаилу Губареву		Св. Анны 3-й степени с бантом

Из присланных 18-ти знаков Св. Георгия по разделу на команду фрегата придется шесть, на команду 47-го флотского Экипажа, Писарей всех Управлений Казаков и волонтеров двенадцать крестов, и из двенадцати остаются пять соответственно Статута ордена для отличивших в моих глазах, а именно:

Боцман Шестаков — Был постоянно моим ординарцем день и ночь во время всего действия, был смелым и расторопным в посылках под ядрами и пулями, и в глазах моих не одного неприятеля отправил к спросу на тот свет (зачёркнуто — *зачем за бусурмана на войну пришёл*), и всё это (зачеркнуто — *между делом*) кроме исполнения своей обязанности.

Спилихин — Он первый, вызвав в Охотники 17-ть человек, бросился в центр неприятеля, растянувшегося по горе, и наделав ему в них переполоху и тем приостановил его движение, пока наши остальные партии подходили.

Пятидесятник Карандашев — Будучи ранен тяжело, всё же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погреба, и затем не оставил пушки, пока я не приказал отправиться в Госпиталь.

Унтер-офицер Абубакиров — Имея четыре раны штыковых, хотя и лёгких, но также при которых кровь лилась ручьями, я его сам перевязал, и он отправился снова в дело (зачеркнуто — *немедленно*)! Для обстоятельства, когда он получил раны, должны быть свидетели.

Пятид. Томский — Будучи легко ранен, при граде пуль не отошёл от пушки, и когда фитиль потух, то он, как (зачеркнуто — *слышно*) говорят, угольем выпалил в придувку — Требуется подтверждение, кто именно видел это.

Я прошу Г. Экипажного командира приказать ротным Командирам сделать опрос товарищам в воспоминании людей и засвидетельствовать, как ротным Командирам, так и батарейным или партионным Офицерам, соответственно Статуту, могут ли вышеозначенные нижние чины поддерживать честь ордена, и не заметим ли в них каких-либо особенных проступков до принятия или участия в деле. Так же в то же самое время доставить ко мне Списки с отметками отличия избранных, как Командира Фрегата так и Экипажного Командира, также доставить мне список для раздачи денежной особой награды Охотникам 17-ти человекам, которые так бойко выбежали вперёд при моём вызове, чем и были отличны мною от остальных, думавших о них, как о новичках!

Поручаю Г. Командующему 47 Флотским Экипажем завтрашнего числа после обедни собрать всех команд нижних чинов при Господах Штаб и Обер Офицерах на площади в полной парадной форме с ружьями и принести на древке крепостной флаг и Кормовой флаг с фрегата. Я буду иметь счастье сам лично явиться к фронту поздравить товарищей с Монаршею Милостями к нам, и соответственно Статута Кавалеров Георгия роздать знаки ордена счастливым нижним чинам, которые будут избраны. И потом принести вместе благодарственное молебствие за помощь Божию к нам за Царя и Россию.

Высочайшими приказами, 1-го декабря 1854-го года отданными, производятся за отличие, оказанное при отражении нападения Англо-Французской Эскадры на Петропавловский порт в Августе сего года:

О Военных чинах № 1328 Флотских Экипажей из Капитан-Лейтенантов в Капитаны 2-го ранга: 19-го Командир фрегата “Аврора” Изылметьева с оставлением при той же должности и Тироль 1-й. Из Лейтенантов в Капитан-Лейтенанты: 19-го Федоровский 1-й, Пилкин 1-й и Скандраков; 47-го, Гаврилов 2-й, Князь Максудов и 19-го Анкудинов.

Из мичманов в Лейтенанты: 19-го Попов 10-й, Михайлов и Фесун.

Из Юнкеров в Мичмана Граф Орурк и Литке.

Корпуса Штурманов: Поручик Кошелев в Штабс Капитаны; Подпоручик Дьяков в Поручики; Прапорщик Самохвалов в Подпоручики. Корпуса Корабельных Инженеров Поручик Гезехус в Штабс Капитаны.

Состоящие по Адмиралтейству Прапорщички: Васильев и Милкин, в Подпоручики.

Все со старшинством с 24 августа 1854 года.

Корпуса Морской Артиллерии Цейхвахтер 9-го класса Злобин переименовывается в Капитаны, с состоянием по Арсенальным ротам того же Корпуса.

О чинах гражданских № 300 Петропавловского Портового Управления:

Архивариус, Титулярный Советник Зарудный в Коллежские Ассесоры.

Из Коллежских Секретарей в Титулярные Советники Управляющий Аптекою морского госпиталя, Литкен. Бухгалтер Штаба Краснояров и отставной Салтыков.

Из Губернских в Коллежские Секретари. Портовый Казначей Юдицкий, Бухгалтер Конторы над портом, Хомяков и Комиссар Госпиталя Чёрный.

Из Коллежских Регистраторов в Губернские Секретари. Обер-Аудитор Штаба Авлеев. Содержатель магазина Чудыбин.

Все со старшинством с 24-го августа 1854 года.

Завтрашняго числа для дня Воскресения Христова всех нижних чинов от работ уволить и для служения Божественной Литургии отвести в Собор.

Поручаю Г. Командующему 47 Флотским Экипажем и прочим частным Начальникам объявить всем Чиновникам и Нестроевым нижним чинам: кто желает оставить в Петропавловском порте свои семейства, а кто (зачеркнуто — *отправиться на Судах Камчатской флотилии и взять*) с собою семейства (зачеркнуто — *или кто не желает ли остаться здесь сам или семейство, составить списки*) и представить ко мне (непонятно что. — С. В.); а между тем рекомендую Г. Командующему Экипажем осмотреть внимательно всех нижних чинов, и не способных по болезням и проч. к строю, для сражения с неприятелем, составить списки и представить ко мне немедленно. Господину Медицинскому Инспектору донести мне о больных нижних чинах, состоящих в Госпитале: сколько из них могут выздороветь от болезни к 5 числу апреля сего года и встретить действительную службу, и кто именно без надёжен к выздоровлению и должен будет оставаться в порте.

Командир порта Контр-Адмирал *Завойко*.

В итоге Петропавловский порт опустел. И потому потерялись следы многих из тех участников, а впоследствии и ветеранов обороны, носивших на груди бронзовые медали на Георгиевской ленте в память об участии в военных действиях в 1853—1856 гг., которые родились и выросли на Камчатке. Например, затерялись где-то следы (даже имя и отчество мы пока не знаем) верного ординарца В. С. Завойко боцмана Шестакова (хотя сама эта фамилия ещё встречалась в Петропавловске в 1893 г. — Шестакова Мария Николаевна, по морскому ведомству вдова, шестьдесят три года и петропавловский мещанин Шестаков Николай Иванович, тридцать восемь лет).

Пятым в списке героев Петропавловской обороны и третьим среди уроженцев Камчатки (Шестакова и Карандашева) В. С. Завойко выделяет пятидесятника Томского. Вот что мы знаем о нём: Томский Александр Никифорович — пятидесятник, казак Гижигинской казачьей сотни, переселившийся в Сероглазку. Из унтер-офицерских детей, с 10 января 1843 г. — казак, с 1 марта 1848 г. — урядник, с 5 октября 1854 г. — пятидесятник «С 18-го по 25 августа находился в сражении против десантных войск соединённой англ.-фр. эскадры, бомбардировавшей П[етропавловский] порт. Был легко ранен, но не отошёл от пушки [РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 2, д. 128]. В 1882 г. внесён в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры» [Горчаков А. А. Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г., 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010. — С. 105].

Среди тридцати шести фамилий погибших в бою нижних чинов и волонтёров (по сообщению В. П. Кускова в очерке о пятидесятнике Карандашеве — см. ниже) две принадлежат камчатским казакам — Селиванов и Котельников, имена не указываются. Но по нашим данным, вполне возможно, что речь идёт о Николае Васильевиче Котельникове — казаке, действительно принявшем участие в обороне. Нам удалось даже обнаружить его краткий послужной список: «Из унтер-офицерских детей, с 1830 г. в Гижигинской сотне, с 1852 г. переведён в Камчатскую казачью команду, с 1842 по 1846 г. находился при Гижигинском рейде лоцманом для привода и вывода судов, по приказу Ком. Петроп. порта от 1 марта 1853 г. № 34 за незнание порядка службы и дисциплины разжалован из пятидесятников в рядовые казаки» [РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 2, д. 128]. Но потом, как мы видим, он вновь восстановлен в своём чине. Фамилия Котельниковых на Камчатке, по нашим данным, не сохранилась.

О Селиванове информации немного: некий Селиванов (тоже без имени-отчества) в 1842 г. служит в Тигиле, являясь частным командиром местной казачьей команды, зауряд-хорунжим [РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 255].

В исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г. мы находим следующие сведения о казаках Селивановых из Сероглазки: Селиванов Григорий Ильич, отставной казак, сорок шесть лет (то есть родился в 1847 г., накануне обороны Петропавловска). Поэтому мы подумали, конечно, о его отце — Селиванове Илье. Но в этих списках также и отставной казак из Большерецка Николай Ильич (сорок один год),

петропавловский казак Иван Ильич Селиванов (тридцать шесть лет) и даже кантонист Иван Ильич Селиванов 2-й (двадцать лет), рождённые, если это братья, гораздо позже Григория Ильича, поэтому их отец, слава Богу, не погиб при обороне Петропавловска, хотя, надо полагать, был участником тех исторических событий.

Мы продолжили свои поиски и обнаружили, что в это же время в Халактырке, в «выселках» Петропавловска, проживал отставной урядник казачьего ведомства Михаил Кузьмич Селиванов, которому в тот год исполнилось пятьдесят четыре года.

Позже мы нашли сведения о пятидесятнике Николае Селиванове, которому в связи с двухсотлетием присоединения Камчатки к России в 1897 г. была вручена медаль «За усердие» [РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129]. Но его возраст нам не известен.

Затем, уже в «Книге памяти жертв политических репрессий», мы обнаружили информацию о Николае Николаевиче Селиванове, 1876 г. р., уроженце Петропавловска, который жил, а потом был арестован в селе Колпаково и приговорён к году гласного контроля по месту жительства. Вполне возможно, что его отец так же, как и Михаил Кузьмич, родился до петропавловских событий 1854 г., но более вероятна связь с отцом Михаила Кузьмича, отец которого по возрасту мог быть реальным участником обороны и сложить голову за Веру, Царя и Отечество. Но пока это только рабочая гипотеза.

Особое место в приказе В. С. Завойко отводится роли волонтёров, которые под командой боцмана Степана Васильевича Спылихина (из мещан Казанской губернии) в самый критический период обороны спасли положение и своими меткими выстрелами сдержали яростный натиск врага до подхода основных сил.

Ю. Г. Завойко, жена губернатора, в своих «Воспоминаниях о Камчатке и Амуре» называет ещё одно камчатское имя: «Наших (погибших. — С. В.) было тридцать пять человек, между ними были и волонтёры, и мой старик Дурынин сложил свою старую голову за батюшку царя, послав перед тем не одну меткую пулю во вражескую силу. Перед сражением он говорил мужу: “Теперь я пойду с другими бить супостатов, а потом ты, старик, пошли меня к своей хозяйке, я скорее всех бегаяю” (Дурынин уводил семью Завойко за город, в Хутор. — С. В.). Камчадалы называют начальника стариком».

Жители города и окрестных сёл, как мы помним из наградного представления контр-адмирала Завойко на орден Святого Георгия боцмана С. В. Спылихина, составляли отряд из семнадцати волонтёров, каждый из которых заслужил особую денежную награду из рук Завойко. Как отмечалось в воспоминаниях участников последнего боя, камчадалы-охотники, расположившись на гребне Никольской сопки, метко поражали своими выстрелами противника. Известно, что в бою погибли купец Калмаков, сын купца Сахарова, камчадал Дурынин.

Если Дурынин был природным камчадалом, а не камчадалом «русской крови», как большинство из тех матросов, казаков, священнослужителей и остальных жителей Петропавловска, фамилии которых мы называем в этом очерке, то, вероятно, он был уроженцем или жителем села Коряки, самого ближайшего к городу аборигенного поселения, которое было приписано к Петропавловскому собору. (В 1893 г. в Коряках проживала семья камчадала Петра Константиновича Дурынина, которому шёл пятьдесят первый год, то есть родился он задолго до возможной гибели «старика» Дурынина и мог быть или его младшим братом, или сыном).

Купец Калмаков (Колмаков) был городским старостой Петропавловска в 1840-е гг.

Потомки купца Сахарова — мещане Сахаровы жили в основном на «выселках» — в Халактырке. В 1878 г. мещанин Иван Сахаров нашёл в Авачинской бухте две медные пушки времён Крымской войны. Но имена-отчества погибших, к сожалению, нам пока установить не удалось. Как не знаем мы фамилий наших земляков — нижних чинов, сложивших голову в тех боях.

А. П. Сильницкий называет в числе героев обороны Петропавловского порта корпуса морской артиллерии кондуктора 2-го класса Петра Белокопытова. «В то время как неприятельская бомба, упав вблизи порохового погреба, готова была разорваться, отважно схватил бомбу в руки и сбросил её в ров, где и последовал взрыв. Сей смелый и доблестный поступок Белокопытова отвратил многие несчастья, могущия

произойти от взрыва порохового погреба» [Вопросы истории Камчатки. — Вып. 4. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 52—53]. В 1893 г. по морскому ведомству Петропавловского порта проходит вдова Белокопытова Пелагея Николаевна (пятьдесят восемь лет), а также мещане Белокопытовы.

Сильницкий находит сведения ещё об одном подвиге камчатцев — «47-го флотского экипажа квартирмейстер Григорий Евстафьев был командиром орудия на батарее № 7-й. Когда его орудие было подбито, он отошёл к следующему и действовал в качестве прислуги, также с беззаветною отвагой» [Там же, с. 54].

И он же приводит ещё один героический пример: квартирмейстер Александр Солёный находился командиром орудия на левом фланге батареи № 7. Когда неприятельский пароход подошёл на пушечный выстрел, то Солёный первым открыл огонь и своими меткими выстрелами заставил пароход отойти. Когда орудие, которым командовал Солёный, было подбито, то он отошёл к другому орудию и во время жаркого боя служил при нём прислугой с полной неустрашимостью и хладнокровием.

После 1854 г., когда 47-й флотский экипаж был переведён в Николаевск, фамилии Евстафьевых (Евстафьевых) и Солёных на Камчатке уже не встречались.

Но существование камчатской фамилии служилых Евстафьевых подтверждается фактом наличия таковой среди камчадалов селений Голыгино и Явино, участвовавших в 1904—1905 гг. в отражении теперь уже японского военного десанта. Между этими двумя героическими событиями — обороной Петропавловского порта в 1854 г. и обороной Камчатки в русско-японскую войну 1904—1905 гг. — огромная преемственная связь (о чём мы будем говорить) и общая юбилейная дата с разрывом ровно в пятьдесят лет.

Фамилия военных Солёных встречается на Камчатке в составе Сомовского полка. В 1812 г. воспитанником отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона (как стал позже называться Сомовский полк) был Иван Кирикович Солёный.

Позже, в последующих отчётах о героях Петропавловской обороны, представляемых к орденам и чином, мы находим и другие камчатские фамилии: «27 августа вечером неприятельская эскадра, не предпринимая больше попыток к наступлению, ушла из Авачинской бухты. Потери союзников составили свыше трёхсот пятидесяти человек убитыми и около восьмидесяти ранеными. Интересный случай произошёл на подступах к Авачинской бухте. 26 августа 1854 г. бот № 1 под командованием боцмана Харитона Ивановича Новограбленного, шедший с полным грузом леса из Нижнекамчатска и ничего не знавший о событиях в Петропавловске, пришёл на вид Дальнего маячного мыса, но за туманной погодой самого маяка видеть не мог; придерживавшись немного к северу, рассмотрел на мысу людей, стрелявших в море из ружей, и, увидевши в то же время сильную эскадру, стоявшую на якоре во внутренности губы, понял, что этой пальбой предупреждают его о неприятеле. Несмотря на очевидную опасность, боцман Новограбленный, зная, что за ним идёт шхуна “Анадырь” также с грузом леса из Нижнекамчатска, не теряя присутствия духа, всю ночь крейсировал перед входом в губу, и хотя не нашёл того судна, которого желал предупредить о неприятеле, но оказал услугу не менее важнейшую, встретив и уведомив о блокаде порта винтовую шхуну “Восток”, командир которой лейтенант Римский-Корсаков, передав на борт бумагу для доставления в порт, немедленно поворотил в море и отправился в Большерецк. После этого, несмотря на чрезвычайно сильные ветры, форсируя парусами, боцман Новограбленный всё ещё продолжал крейсировать перед входом, надеясь дожидаться “Анадырь”; утром 27-го не видя его, и заметив, что неприятель снимается с якоря, решил сам искать спасения в Вилючинской бухте, куда и укрылся» [РГИА ДВ, ф. 1055, оп. 1, д. 97, л. 70—71]. А в книге известного популяризатора отечественной истории А. И. Алексеева «Сыны отважные России» (Магадан, 1970. — С. 253—254) мы находим и некоторые подробности о дальнейшей судьбе боцмана Харитона Ивановича Новограбленного: «...родился в солдатской семье на Камчатке в 1817 г. В 1834 г. он поступил матросом 2-й статьи на службу, а в 1849 г. стал боцманом. Плавал на многих судах Охотской флотилии, был смотрителем маяков Авачинской губы и лоцманом. В 1851 г. — командир бота № 1. За на-

ходчивость и мужество при защите Петропавловска был 15 декабря 1854 г. произведён в прапорщики. Участвовал на том же боте в переходе в залив Де-Кастри и в устье Амура. 17 апреля 1862 г. произведён в подпоручики и «находился при берегу в портовой комиссии и смотрителем такелажного и парусного мастерства». Последние сведения о нём относятся к 1865 г. Вполне возможно, что последние годы жизни он провёл на Камчатке — своей родине».

Насколько значителен был подвиг Новограбленного, можно представить из того, что у Римского-Корсакова были весьма важные бумаги от Н. Н. Муравьёва к В. С. Завойко, а шхуна не была вооружена. В свою очередь, и шхуна «Восток» встретила шедший в Петропавловск с продовольственными запасами транспорт «Байкал» под командой Никиты Ильича Шарыпова. «Байкал» также ушёл в Большерецк. Таким образом, благодаря боцману Новограбленному двум русским кораблям удалось избежать неожиданной встречи с неприятелем. Сам же Новограбленный с места своей стоянки послал сухопутным путём к Завойко известие о шхуне «Восток» и передал ему письма от Римского-Корсакова. 1 сентября, после ухода англо-французской эскадры, Новограбленный благополучно привёл свой бот в Петропавловск...

В списках участников Петропавловской обороны был ещё один представитель этой фамилии: «Матрос второй статьи Иннокентий Новограбленный, умер от ран, женат на Анне Осиповой. Имеет дочь Авдотью по второму году, которая состоит при 47-ом экипаже на довольствии». В списке нижних чинов 47-го флотского экипажа А. А. Харитановский обнаруживает Ивана Новограбленного.

Многочисленных Новограбленных и Новограбленовых (это одна династия) мы находим в «Исповедальной росписи» 1893 г. по Петропавловскому собору.

В. П. Кусков, одним из первых на Камчатке начавший собирать материалы об участниках Петропавловской обороны, приводит данные из «Формулярного списка бывшего начальника камчатской казачьей команды сотника Давида Фёдоровича Савинского», датированного 13 мая 1892 г. Из него мы узнаём, что он также имел бронзовую медаль на Георгиевской ленте за участие в войне 1853—1856 гг. (наличие Георгиевской ленты указывало на то, что человек, награждённый этой медалью, принимал непосредственное участие в боевых действиях). Неизвестно только, почему его фамилии нет в первом списке ветеранов за 1882 г. — он умер на Камчатке в 1893 г. и до этого проживал с семьёй (имел четырёх сыновей) в Петропавловске. Его сын — Фёдор Давидович — в том же году стал исполнять обязанности начальника Камчатской казачьей команды, а затем был переведён частным командиром в Усть-Камчатск. Многочисленные представители этой камчатской казачьей династии приняли самое активное участие в обороне Камчатки в период русско-японской войны. Устькамчатскую дружину возглавил Фёдор Давидович. У него в подчинении были казаки Николай и Иван, а также кантонист Алексей Викентьевич и Александр Дмитриевич (?) Савинские. Ядро петропавловской дружины составляли Андрей Давидович, Давид Давидович и Иван Давидович Савинские, сыновья ветерана Петропавловской обороны.

В списке ветеранов ни за 1882, ни за 1902 г. нет и Василия Яковлевича Толстихина (с 1832 г. в гижигинской сотне, в 1852 г. переведён в Петропавловский порт), ещё одного участника обороны нашего города. Урядник Пётр Толстихин за военные действия на Камчатке в годы русско-японской войны удостоен Георгия 4-й степени. В составе тигильской дружины в те же годы действовали внуки Василия Яковлевича — Григорий, Афанасий и Василий Толстихины, в облуквинской дружине — их родственник Василий Толстихин. В годы Второй мировой войны на полях сражений погибли Андрей Александрович (под Ленинградом), Иван Васильевич (под Воронежем), Модест Васильевич (под Тверью), Михаил Васильевич (под Кенигсбергом). Погибли в те же годы Николай Петрович и Павел Петрович Толстихины. Светлая им всем память!

Но не только военные люди стали по своему воинскому долгу участниками тех героических событий. История помнит и чтит также и тех, кто поддерживал своим духовным примером ратный подвиг солдат и офицеров, оборонявших Петропавловский порт.

В период с 1855 по 1858 г. по ходатайству бывшего военного губернатора Камчатской области В. С. Завойко и «с высочайшего соизволения» были произведены награждения священников Петропавловского собора Георгия и Александра Логиновых, Михаила Коллегова, дьякона Феодосия Лаврова, дьячков Алексея Черных и Моисея Коллегова. Георгий Логинов во время бомбардировки города все дни проводил на батареях рядом с командиром и, подвергая свою жизнь опасности, «был славным ему помощником в воодушевлении нижних чинов», он был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Остальные священнослужители были отмечены бронзовыми наперсными крестами, скуфьями. Также все получили медали на Георгиевской ленте в память Крымской войны [*Горчаков А. А.* Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.].

Три из перечисленных выше фамилий камчатских священно- и церковнослужителей — Логиновых (Лонгиновых — Петрологиновых), Коллеговых и Черных — вместе с Никифоровыми, о которых мы говорили, вспоминая барабанщика 47-го Камчатского флотского экипажа Якова Фёдоровича, вошли в историю русского православия на огромной территории, включающей весь российский Дальний Восток, Якутию и Русскую Америку (нынешний штат Аляска США), подчинявшейся в середине XIX в. Камчатской епархии под управлением епископа Иннокентия, будущего митрополита Московского и Коломенского (что соответствовало сану патриарха всея Руси), святого апостола Сибири и Америки.

Но традиции не только духовного, но и военного служения Отечеству не померкли в этих семьях с годами. Участниками обороны Камчатки в 1904—1905 гг. были братья Пётр и Павел Логиновы (большерецкая дружина), Антон Никифоров (паланская дружина), Иван, Алексей (устькамчатская дружина) и Михаил (большерецкая дружина) Коллеговы и крестник их семьи Иван Колегов, староста села Карага, Иван и Александр Черных (петропавловская дружина), Пётр и Николай (дружина Сероглазки). Ещё один Черных — Алексей — прославился тем, что захватил в плен командира японского военного десанта Сечи Гундзи. Другой представитель этой фамилии — Павел Дмитриевич Черных — пал смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны.

К тридцатилетию августовских событий 1854 г. окружное начальство Камчатки попробовало разыскать среди камчатцев ветеранов обороны Петропавловского порта, помня о том, что многие уроженцы полуострова принимали участие в отражении англо-французского десанта — и нижние чины 47-го Камчатского флотского экипажа, и казаки, и местные, в том числе и коренные, жители.

В этом «Списке отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне п. Петропавловска 24 августа 1855 г. при нападении англо-французской эскадры» 1882 г. было не так уж и много фамилий, но, тем не менее, их было достаточно, а главное, они позволяют нам сегодня проследить последующие линии преемственности поколений.

В числе ветеранов — отставной казак из Сероглазки, бывший урядник Василий Иванович Крупенин (в 1893 г. ему исполнилось семьдесят три года). В РГИА ДВ (ф. 1007, оп. 2, д. 128) мы нашли сообщение ещё об одном казаке из Сероглазки, также принявшем участие в обороне Петропавловского порта, — Фёдоре Трофимовиче Крупенине, но никаких подробностей о его дальнейшей судьбе пока не выявлено. Но зато мы знаем, что многие казаки из рода Крупениных, дети и внуки отставного урядника Василия Ивановича Крупенина, приняли самое активное участие в обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904—1905 гг. и во Второй мировой войне. По нашим данным, защищали Камчатку от японцев Александр Васильевич, Егор Васильевич, И. В. (так в документе, на самом деле Иван Васильевич), Пётр Васильевич Крупенины. Особо отличился казак Павел Васильевич Крупенин, награждённый Георгиевским крестом 4-й степени. В 1943 г., освобождая Советскую Украину от немецко-фашистских оккупантов, погиб Нарцисс Васильевич Крупенин (1924 г. р.).

Байков (по другим источникам Байкалов) Василий Иванович, отставной матрос, до 1892 г. проживавший в Петропавловске, а в 1893 г. в возрасте семидесяти шести лет перебравшийся в село Ключи и живший среди духовных сирот Ключевской церкви.

Баталёр Николай Ипатьев, Андрей Кодошников, Ефим Ершов, о которых мы пока не обнаружили никаких дополнительных сведений, проливающих свет на их камчатскую судьбу.

Отставной казак Влас Иванович Ордин (ему в 1893 г. исполнилось пятьдесят три года, то есть в период боевых действий будущему ветерану было всего четырнадцать лет), у него в Петропавловске жили дочери Ирина, Надежда, Евдокия, Екатерина, Татьяна и сын Даниил.

Иннокентий Дмитриевич Неворотов, отставной казак, жил в селе Сероглазка, родом, вероятно, из Нижнекамчатска, где в 1812 г. служил казак (возможно, его отец) Дмитрий Петрович Неворотов.

Михаил Леонтьевич Большаков — отставной казак, выходец из Гижигинской сотни [РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 2, д. 128] и Дмитрий Степанович Тувалин — отставной казак, 1821 г. р., «участвовал в сражении, находился в составе патрулей, охраняющих мыс Сероглазку». Их фамилия на Камчатке, по-видимому, угасла.

В списке ветеранов однофамильцы (а, скорее всего, родственники) — матрос Игнатий Герасимович Краснояров (умер в 1885 г.) и отставной казак Константин Онуфриевич Краснояров (1820 г. р.). В 1893 г. Константин Онуфриевич с женой Ксенией Матвеевной проживали в селе Колпаково, а в Петропавловске в это же время жил сын Игнатия Герасимовича — мещанин Дмитрий Игнатьевич Краснояров.

Матвей Яковлевич Минюхин (Минюхин), отставной казак (шестьдесят пять лет в 1893 г.), жил в Халактырке. Эту же фамилию мы встречаем в 1847 г. в списке нижних чинов Камчатской экипажной роты — Минюхин, «из солдатских детей». Но Матвей Яковлевич, судя по документам, происходил из казачьего рода — в 1812 г. мы находим в составе Нижнекамчатской казачьей команды Якова Степановича Минюхина (двадцать семь лет). Противоречия тут нет — в тех же архивных материалах [РГИА, ф. 1009, оп. 2, д. 4] есть сведения и о Минюхиных-солдатах: Минюхин Степан Степанович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона (тридцать три года). Судя по отчеству и возрасту, это родные братья, которых развела служба, — и следы младшего Степановича, участника обороны Петропавловского порта, затерялись где-то на Амуре или на берегах Восточного океана, где он имел право поселиться после выхода в бессрочный отпуск по выслуге лет. На Камчатке жили и другие братья Матвея Яковлевича — Фирс Яковлевич (тоже в Халактырке) и Александр Яковлевич Минюхин, который в 1852 г. был казачьим урядником в селе Усть-Приморском (в Усть-Камчатске). В 1893 г. на этом посту в Усть-Камчатске был уже его сын Александр Александрович Минюхин.

Полиевкт Ильич Манаков, отставной казак (пятьдесят семь лет в 1893 г.), его сын Николай принимал участие в обороне Камчатки в 1904—1905 гг. в составе дружины села Сероглазка.

Пятидесятник Александр Никифорович Томский, удостоенный Георгиевского креста из рук губернатора В. С. Завойко. В составе Гижигинской сотни он был переселён в 1852 г. на Камчатку, в Сероглазку. Эта фамилия вновь была представлена на арене боевых действий в период русско-японской войны казаками Иваном (из Сероглазки) и Николаем (из Усть-Камчатска) Томскими.

Фёдор Иванович Колинда (Калинда), «морского ведомства», в 1893 г. — шестьдесят четыре года. Его дети — Алексей и Фёдор, в списках упомянутые как Кашинда и Кишинда, жители Петропавловска, участвовали в обороне Камчатки во время русско-японской войны.

Иван Григорьевич Пшенников (отставной казак казачьего ведомства, в 1893 г. пятьдесят восемь лет). Его сын — Николай Иванович, льготный казак, в составе Петропавловской дружины был участником обороны Камчатки 1904—1905 гг., а внук — Иосиф Григорьевич Пшенников был урядником (начальником) Камчатской казачьей команды.

В списке значится Пётр Корюкин, вероятно, Пётр Корякин (Карякин), возможно, брат Алексея Петровича Корякина («из солдатских детей»), который служил в Камчатской экипажной роте в 1847 г. и тоже был вероятным участником обороны. Мы знаем, что после своей отставки Алексей Петрович жил в селе Голыгино на западном

побережье полуострова (в 1893 г. ему было семьдесят четыре года), вместе с ним жил матросский сын Степан Конев, вероятно, внук. Своё происхождение «солдатские дети» Корякины ведут, вероятно, от Петра Ивановича Корякина, рядового Камчатского гарнизонного батальона (по данным 1812 г.), у которого тогда был сын Фёдор Петрович (восьми лет) — воспитанник военно-сиротского дома. Возможно, Пётр и Алексей Петрович тоже его дети.

Степан Степанович Конев, внук, с которым доживал свой век Алексей Петрович Корякин, в составе большеперечкой дружины отражал в 1904 г. японский военный десант, высадившийся в устье реки Озерной.

В этом списке значится также отставной казачий пятидесятник Алексей Степанович Карандашев (удостоенный лично В. С. Завойко знака отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени, умерший 17 декабря 1885 г. в возрасте семидесяти семи лет). С его именем связана ещё одна история Петропавловской обороны, о которой краеведы спорят до сих пор. Читаем у В. П. Кускова: «В воскресенье, 13 марта 1855 г., контр-адмирал В. С. Завойко, камчатский военный губернатор, лично возлагал кресты знака отличия военного ордена Св. Георгия на нижних чинов, отличившихся в боях за Петропавловский порт в августе 1854 г. Получил крест и пятидесятник Камчатской казачьей команды Алексей Степанович Карандашев. К награде его представил сам Завойко, который в своём приказе № 97 от 5 марта 1855 г. писал: “Пятидесятник Карандашев. Будучи ранен тяжело, всё же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погреба, и затем не оставил пушки, пока я не приказал ему отправляться в госпиталь”.

Карандашев родился в 1810 г. Отец его был казаком Якутского городского полка. По законам того времени якутским казачьим детям по достижении совершеннолетия поступать на службу в какую-либо из команд полка. Правда, на Камчатке закон не всегда соблюдался в точности; иногда казачьих детей определяли не в казаки, а в матросы, иногда зачисляли на службу задолго до совершеннолетия. Всё же попасть в матросы было выгоднее: после двадцатилетней службы матросов увольняли в отставку, а казаки служили “до полной неспособности”. В отношении Алёшки Карандашева отклонений не допущено — его сделали казаком, и с 25 апреля 1828 г. он значится в списках Камчатской казачьей команды [ЦГВИА, ф. 330, оп. 22, д. 105, к. 706, л. 3—4. Формулярный список Карандашева]... Однако служебную карьеру Карандашева не назовёшь блестящей. Лишь через тринадцать лет, в 1841 г., он произведён в урядники. Впрочем, многие оставались рядовыми, прослужив двадцать, а то и все сорок лет [31 декабря 1853 г. его произвели в пятидесятники]... Карандашев в своё время женился и овдовел. К 1854 г. он женился вторично. По данным на начало 1855 г., детей у него и его жены Агафьи Ивановны не было. Жили они в Аваче»...

Далее в своём очерке В. П. Кусков пишет о том, о чём сегодня спорят камчатские краеведы: об участии Агафьи Ивановны в боевых действиях. «“Воспоминания” Агафьи ничем не подтверждаются. Во время боёв в городе не было ни детей, ни женщин, ни вообще гражданских лиц, исключая тех мужчин, которые изъявили желание участвовать в защите порта как волонтеры. Всех жителей вывезли в близлежащие селения. А Агафью Ивановну и вывозить не требовалось — она жила в Аваче. В боях погибли два казака, их фамилии — Селиванов и Котельников. В боях участвовали два Карандашевых — Алексей, её муж... и Антон, оба ранены, но остались в живых... [РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 128, л. 1—2]. Во время подготовки порта к обороне Алексея Карандашева назначили в расчёт трёхфунтовой полевой пушки, являвшейся единственным подвижным огневым средством. Предполагалось, что пушка будет прибывать к местам высадки десанта и обстреливать его картечью. Так оно и случилось впоследствии. Командование пушкой было поручено чиновнику П. И. Юдицкому, расчёт её состоял из девятнадцати казаков и писарей... Что делал Карандашев 20 августа, неизвестно, 24 августа расчёт их уменьшился на полдюжины человек, получивших другие назначения, ушёл на другой пост и Юдицкий. Карандашев оставался при пушке и вступил в командование ею. К полудню на северном фланге обороны сложилось критическое положение. Неприятельские фрегаты разбили батареи номер 3 и 7, после чего у северного подножия Никольской сопки был высажен десант. Часть его

пошла к перешейку, чтобы оттуда подняться на вершину сопки, остальные намеревались атаковать батарею номер 6 и пороховой погреб. Когда заморенные лошадёнки притащили полевую пушку к озеру, и расчёт развернул её неподалеку от батареи номер 6, глазам Карандашева представилась картина, наводящая на мрачные мысли: десантники строились в колонну для атаки батареи номер 6 и порохового погреба... Было сделано три картечных выстрела, зарядили и четвёртый, но их обстреляли, расчёт погиб, одну лошадь убили, вторую ранили в глаз, она порвала упряжь и убежала. Заряженная пушка была опрокинута в ров у батареи. Он сам вытащил медную старую пушку весом до пятнадцати пудов. Когда заряжал её, был ранен в руку. Выстрелил — заряд попал в самый центр колонны, и ряды десанта разметало, а тут ударил по неприятелю боцман Спылихин. В первом донесении Завойко ходатайствовал о производстве в офицерские чины корпуса кондукторов морской артиллерии Белокопытова и Дементьева и боцманов Новограбленного и Суровцова, ходатайствовал он позже об этом и по поводу Карандашева, но тот уже был награждён орденом. 29 сентября 1855 г. Карандашев уволен в отставку» [*Кусков В. П.* Пятидесятник Алексей Карандашев].

А вот и новый поворот этой истории в изложении уже А. П. Сильницкого [Вопросы истории Камчатки. — Вып. 4. — Петропавловск-Камчатский, 2009]: «Из числа героев можно выделить пятидесятника Камчатской казачьей команды Алексея Степановича Карандашева. В фондах архива отложилось его прошение, поданное в том же году (1882. — С. В.) военному губернатору Приморской области с ходатайством о пенсии, в котором говорилось о том, что “Алексей Карандашев, находясь в рядах защитников Петропавловска при полевом орудии, был тяжело ранен в руку. Его жена Агафья Ивановна Карандашева во время боёв находилась рядом с мужем. После боёв Карандашев был уволен в отставку и удостоен знака отличия военного ордена 4-й степени”».

Позже А. П. Сильницкий, став Петропавловским уездным начальником, ещё не раз возвращается к образу этой народной героини (см., например, его очерк «Четырнадцать месяцев службы на Камчатке» в сборнике «Вопросы истории Камчатки». — Вып. 5. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 138—140).

В период подготовки к празднованию очередного юбилея обороны Петропавловского порта благодаря ходатайствам и рапортам чиновника особых поручений Клименова и петропавловского уездного начальника Сильницкого вновь обратили внимание на бедственное положение оставшихся в живых героев обороны Петропавловска. Сохранилась такая вот архивная запись: «...Отставной пятидесятник Карандашев, например, семидесяти двух лет от роду, почти не владея левой рукой, ездит на шлюпке за пятнадцать вёрст из селения Авачинского в Петропавловск вдвоём с женой, чтобы продать ведро ягод за один рубль...»

Сохранились и воспоминания об этом человеке. В частности, о нем писала жена руководителя обороны Петропавловского порта Юлия Завойко: «Он, бывало, кулаком камни разбивал и вколачивал рукою гвозди в дерево и тому подобные штуки». Она же писала епископу Камчатскому Иннокентию, вспоминая события 1854 г.: «После трёх удачных выстрелов пушка свалилась в ров, и вся прислуга возле неё, казаки и писари, были перебиты неприятельскими пулями. “Мы стояли, — говорит господин губернатор, — в крови, с ружьями в руках, дорого продавали нашу жизнь”».

Вот ещё одна цитата (к сожалению, без ссылки на автора): «Это был опытный тренированный воин, поэтому руководитель обороны Петропавловска В. С. Завойко доверил ему полевую (по другим источникам горную) пушку и поставил её на Озерновской кошке вместе с батареей № 7. Именно эта батарея, как бельмо на глазу, мешала противнику высадиться в обход битве и попытаться занять город со стороны Култучного озера. 24 августа суда неприятеля сосредоточили огонь своей артиллерии против этой батареи. А затем, подбив почти все стационарные орудия русских, высадили на кошку десант. Казаки при единственной полевой пушке ловко успевали перевозить её с места на место, стреляя по неприятелю, пока обе лошади, запряжённые в пушку, не были убиты. Взрывы были всё ближе и ближе, и, чтобы сохранить орудие, Карандашев, напрягшись, свалил его в ров, там поставил на колеса, выровнял и, прицелившись, сумел ещё раз выстрелить по десанту, нанеся ему существенные потери.

Но он тут же был ранен, а его казаки убиты. Только личный приказ губернатора Завойко заставил Карандашева отправиться в госпиталь».

«Казачьей сотни пятидесятник Карандашев, будучи командиром единственного в Петропавловске полевого орудия во время сражения 24 августа, когда находившаяся при его орудии лошадь, получив пулею рану в левый глаз, утащила орудие в ров, находившийся у батареи № 7-й, то Карандашев, несмотря на град пуль, осыпавших ту местность, где находилось орудие, где уже было убито и ранено тринадцать человек, не теряя присутствия духа, удержал лошадь и орудие, навёл его на приятеля и только что хотел приложить фитиль, как был ранен в руку, но, несмотря на это, он сделал выстрел, и так удачно, что неприятель после выстрела немедленно ретировался» [Сильницкий А. П. Архивные материалы... — С. 52].

После А. П. Сильницкого история с Агафьей Ивановной имела продолжение, точнее, это продолжение и было связано с очерком Сильницкого, который почему-то назвал Агафью Ивановну Карандашихой, а ее мужа — Карандашем. В газете «Камчатская правда» 28 марта 1997 г. был опубликован очерк Д. Дьяченко, в котором он писал: «На самой опасной батарее среди солдат и матросов была замечена женщина. Это — Агафья Ивановна Карандаш. В дни осады Петропавловска она прославилась своим усердием в заботе о раненых. Воины называли её “камчатской сестрой милосердия”».

И далее, на основе очерка А. П. Сильницкого «Четырнадцать месяцев службы на Камчатке», он пишет: *«Неграмотная казачка до начала военных действий выполняла подённую работу в семье губернатора Камчатки генерал-майора В. Завойко. С началом боевых действий в Петропавловске муж Агафьи — урядник Василий Карандаш — в составе Петропавловского гарнизона был назначен на самую опасную батарею. Агафья не пожелала вместе с другими женщинами спастись в горах, а пришла на батарею вместе с мужем. Все дни военных действий — 17, 20 и 24 августа 1854 г. — она оставалась вместе с солдатами на батарее. Поначалу она подавала снаряды, поправляла лопатой разрушенные земляные закрытия батареи. Когда появились раненые, в их числе так же был и муж Агафьи, она занялась промыванием и перевязкой ран. Тут же на батарее, за земляным закрытием, лежал её грудной младенец Иван, который был контужен...»*

Окончательное действие сражения по всему протяжению горы было дело на штыках... Всякому военному покажется невероятным, что маленькие отряды Петропавловского гарнизона в тридцать и сорок человек, поднимаясь на высоты под самым жестоким ружейным огнём, осыпаемые ручными гранатами, успели сбить, сбросить и окончательно поразить тех англичан и французов, которые славились своим умением делать высадки... Бегство врагов — самое беспорядочное, и гонимые каким-то особенным паническим страхом, везде преследуемые штыками наших лихих матросов, они бросались с обрывов сажень в шестьдесят или семьдесят, бросались целыми толпами, так что изуродованные трупы их едва успевали уноситься в шлюпки...

Вечером 27 августа сводная эскадра англо-французского флота покинула камчатские воды... Страшное зрелище было перед глазами: по грудь, по подбородок в воде французы и англичане спешили к своим катерам и баркасам, таща на плечах раненых и убитых; пули свистали градом, означая свои следы новыми жертвами, так что мы видели английский баркас сначала битком набитый народом, а отваливший с восемью гребцами; всё остальное переранено, перебито и лежало горами, издавая страшные, раздирающие душу стоны. Французский четырнадцативёсельный катер был ещё несчастнее и погрёб назад всего при пяти гребцах...

Надо заметить, что в английской, германской и французской исторической литературе никогда не было разногласий по вопросу о нападении союзников на Петропавловск, и считается признанным факт, что все шансы на победу были на стороне союзников. Но победу одержали русские. Русский гарнизон потерял в той осаде убитыми и ранеными сто пятнадцать человек. Союзная армия потеряла восемьсот тридцать. Оставшиеся в живых российские воины получили благодарности от губернатора города, а самые храбрые были награждены медалями. Агафья Карандаш тоже была награждена медалью “За усердие” на аннинской ленте. В её наградных доку-

ментах указывалось, что “вдова урядника Камчатской команды Агафья Карандаш принимала непосредственное участие в обороне Петропавловска... Её муж, раненый осколком снаряда, за неимением перевязочного пункта лежал тут же, в тылу батареи, и Агафья Ивановна исполняла роль сестры милосердия, спасая жизнь своего мужа и других воинов”.

В 1902 г. исследователь Камчатки А. П. Сильницкий побывал в доме Агафьи в посёлке Авача. Он отмечал, что после смерти мужа Агафья жила в крайней бедности.

Хорошо исследовал (уже в наше время) медицинскую обстановку во время Петропавловской обороны винницкий врач Б. Н. Щупак. Ему удалось отыскать наградной лист А. И. Карандаш, который свидетельствует о том, что она была награждена медалью “За усердие”. В 1902 г. вдова казачьего пятидесятника Алексея Степановича Карандашева, восьмидесяти лет, “участвовала в исправлении земляных закрытий батареи, на которой сражался её муж”. Правда, по исповедальной росписи Петропавловского собора вдове казачьего пятидесятника Агафье Ивановне Карандашевой (а не Карандаш) в 1893 г. было только шестьдесят три года, то есть в 1854 г. — всего четырнадцать лет» (Наградные документы, как выясняется, были оформлены после смерти мужа, то есть после 1885 г., после торжеств по случаю тридцатилетия победы, а точнее, на мой взгляд, эта медаль была вручена по другому поводу — в честь двухсотлетия присоединения Камчатки к России в 1897 г., когда такую же медаль получили и многие известные на Камчатке люди, не имевшие к обороне Петропавловского порта никакого отношения. — С. В.)

Но, тем не менее, Агафья Ивановна была внесена в 1902 г., накануне пятидесятилетия Петропавловской обороны, в список ветеранов, которым была установлена пожизненная пенсия, и вошла в легенду об обороне Петропавловска.

В списке ветеранов обороны Петропавловского порта была ещё одна женщина — Аграфена Никитовна Тюменцева, вдова крестьянина, шестидесяти восьми лет, которая «в дни боёв мыла раненым бельё в помещении, обстреливаемом неприятельскими снарядами». Это известная и сегодня на полуострове фамилия. Трое из Тюменцевых (ключевской ветви этой фамилии) приняли участие в обороне Камчатки в 1904—1905 гг. в составе устькамчатской дружины: Василий, Степан и Матвей.

В этом же списке отставной пятидесятник Николай Петрович Сысоев, шестидесяти девяти лет, и отставной пятидесятник Михаил Иванович Юшин, семидесяти лет, которые находились «при уборке Петропавловского порта в зиму 1854 и 1855 г.», Полуэвкт Иванович Бушуев — мещанин г. Петропавловска, шестидесяти восьми лет, — он «под огнём неприятеля снабжал батарею провизией и разными товарами», петропавловский купец 2-й гильдии Пётр Николаев Косыгин, шестидесяти семи лет, который «охранял собор и церковное имущество, под огнём неприятеля снабжал сражающихся разными припасами».

Казачий род Сысоевых происходил из Нижнекамчатска — здесь в начале XIX в. служил, вероятно, отец Николая Петровича Сысоева — Пётр Павлович (в 1812 г. ему было двадцать пять лет). Жили они не только в Петропавловске, но и в Тигиле — в 1893 г. здесь проживал Анафим Петрович Сысоев, сорока девяти лет.

Семья казаков Сысоевых была достаточно представительной, что мы видим в 1904—1905 гг. по спискам дружинников: Григорий Михайлович (тигильская дружина, кантонист), Фёдор (устькамчатская дружина), Леонтий (тигильская дружина).

Родословная камчатских казаков Юшиных прослеживается нами примерно с 1842 г.: Хрисанф Юшин, казак [РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 255], затем мы находим сведения об его сыне Иване Хрисанфовиче Юшине (1837 г. р.), отставном казаке. Параллельно шла ещё одна линия Юшиных, связанная с участником обороны Петропавловского порта Михаилом Ивановичем, который родился в 1832 г.

Представители всех династий Юшиных отличились в период русско-японской войны. Георгиевского креста были удостоены Павел Иосифович Юшин, помощник командира тигильской дружины, и казак из Петропавловска Моисей Юшин, который под выстрелами японских крейсеров вынес из-под обстрела казну уездного управления [РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129]. В составе тигильской дружины действовали также казаки Дмитрий и Ксенофонт, кантонисты Ивли и Николай Юшины.

Бушуевы появляются на Камчатке в середине XIX в. Есть сведения, что купец Алексей Фёдорович Бушуев, из «купеческих детей», торговал в Охотске. На Камчатке, кроме Полуекта Ивановича Бушуева, жил и петропавловский купец 3-й гильдии Алексей Иванович Бушуев. Из их же рода и Бушуевы, проживавшие в селе Толбачик.

Фамилия Косыгиных — одна из самых распространённых на полуострове. До революции это были известные местные торговцы (казаков Косыгиных знали гораздо меньше). После революции — это многочисленная камчатская элита, которая смогла раскрыть свои природные дарования в самых разных направлениях политической, общественной, культурной, экономической жизни. Но так как мы сегодня говорим только о защитниках Отечества, то нам более известны представители казачьего рода Косыгиных из Тигиля, участвовавшие в обороне Камчатки в 1904—1905 гг. — это были ополченцы Александр Феодосиевич, Емельян и Михаил Кирилловичи Косыгины. В составе петропавловской дружины состоял и участвовал в боевых действиях на реке Жупановой Иван Николаевич (сын Николая Николаевича, брата ветерана?) Косыгин, вероятно, из петропавловских мещан.

В годы Второй мировой войны сложили головы на фронтах сражений уроженцы Камчатки Иван Константинович, Николай Иванович, Иван Харлампович, Пётр Николаевич Косыгины.

Из непосредственных участников обороны Петропавловского порта к началу XX в. в живых остались только три камчатских ветерана, отставные казаки:

— Константин Онуфриевич Краснояров, семьдесят три года, участвовал в сражении, находился при полевой пушке, стоявшей на Кошке, где ныне сооружён памятник «Слава»;

— Дмитрий Степанович Тувалин, семьдесят два года, участвовал в сражении, входил в состав патрулей, охранявших мыс Сероглазку;

— Иннокентий Дмитриевич Неворотов, семидесяти лет, участвовал в сражении, был командирован губернатором Завойко в селение Начики для вызова волонтеров [Горчаков А. А., РГИА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129].

Мы просмотрели исповедальные росписи 1893 г. ближайших к Петропавловскому порту населённых пунктов того времени, которые или лежат вблизи Начик, или встречаются по пути к этому селу. Их два — Коряки (и тогда «Старик Дурындин» — Дурынин, действительно, мог быть из села Коряки) и Малка.

В Малке по возрасту — ему было пятьдесят девять лет — мы нашли только одного возможного кандидата в волонтеры — Петра Ивановича Аббакумова.

В Начиках проживали в то время Новожилов (имя-отчество неразборчиво, пятидесяти пяти лет) и Александр Иванович Бурнашев (шестьдесят шесть лет). Якутская семья Бурнашевых поселилась на Камчатке в 1847 г., так что Александр Иванович реально мог быть участником обороны Петропавловского порта по призыву казака И. Д. Неворотова.

В Коряках проживали в тот год Павел Филиппович Осьминин (пятьдесят шесть лет) и Гавриил Варфоломеевич Елагин (пятьдесят девять лет). Петру Константиновичу Дурынину был только пятьдесят один год, поэтому за него воевал либо отец, либо старший брат.

Поиски имен камчатцев — участников обороны Петропавловского порта продолжаются и по сей день. Совсем недавно, благодаря помощи сотрудников РГА ВМФ Татьяны Сергеевны Фёдоровой и Ирины Вячеславовны Осадчей было найдено ещё несколько дорогих для истории нашего полуострова имён земляков:

Мастеровой рядовой 1-го класса Яков Иванович Третьяков («из казачьих детей». — С. В.), уволенный в бессрочный отпуск за выслугу пятнадцати лет «с правом поселиться на берегах Восточной Сибири». «В 1854 г. был в действительном сражении против Англо-Французской Эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18 по 28 августа». Он поступил в Камчатскую казачью команду в 1839 г., переименован (переведён. — С. В.) в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи в 1842 г., затем, в 1852 г., — в мастеровые. В 1856 г. на транспорте «Иртыш» доставлен в Николаевский пост на Амуре, 3 мая 1857 г. отправлен в бессрочный отпуск по выслуге лет (с учётом участия в военных действиях).

В Сероглазке в 1893 г. проживала казачья семья Третьяковых, главой которой был шестидесятирёхлетний отставной казак Фёдор Иванович Третьяков. Состоявший в петропавловской дружине в период русско-японской войны 1904—1905 гг. казак Илья Третьяков был награждён Георгиевским крестом 4-й степени за боевые действия против японцев на реке Жупановой. Судя по всему, это был сын Ф. И. Третьякова, который, в свою очередь, вероятно, был родным братом Якова Ивановича. Уроженец Камчатки, возможно, потомок казаков Третьяковых — Александр Яковлевич Третьяков — погиб на фронте во время Великой Отечественной войны, защищая родину.

Мастеровой рядовой 3-го класса Василий Самойлов сын Синопальников («из казачьих детей»). В 1842 г. поступил на службу в Камчатскую экипажную роту матросом 2-й статьи. В 1854 г. также был «в действительном сражении» и затем продолжил службу в Николаевске-на-Амуре, позже по выслуге лет уволен в бессрочный отпуск с выбором места жительства «на берегах Восточного океана».

В 1904—1905 гг. тигильский дружинник кантонист Прокопий Санапальников отражал японский десант. Мы выяснили, что, скорее всего, это сын отставного казака из Тигиля (они же служили и в Петропавловском порту) Прокопия Самойловича Сенопальникова, которому в 1893 г. было пятьдесят три года, и он имел двух сыновей — Василия, тоже кантониста, двадцати девяти лет, и Прокопия, тогда ещё шестилетнего мальчишку. Судя по отчеству и возрасту, Василий Самойлович Синопальников и Прокопий Самойлович Сенопальников — родные братья.

Квартирмейстер Николай Иванович Шемаев («из солдатских детей»). Имел бронзовую медаль на Георгиевской ленте в память войны 1853—1856 гг. В 1841 г. — матрос 2-й статьи Камчатской экипажной роты, в бессрочном отпуске из Амурского флотского экипажа с 1860 г. Его камчатских родственников мы находим в Тигиле — казаки Шемаевы, и в Петропавловске — Шамаевы.

Малой родиной их предков, вероятно, был Нижнекамчатск — в 1812 г. здесь служил казак Иван Амосович Шамаев (тридцать один год), женатый на Татьяне Григорьевне (двадцати девяти лет). Николай Иванович, если он пошёл на службу в восемнадцать лет, должен был родиться в 1823 г., и нижнекамчатские Шамаевы могли быть его родителями.

Квартирмейстер Егор Афанасьевич Чарков («из солдатских детей»), матрос 2-й статьи Камчатской экипажной роты с 1845 г. Действительный участник сражения в Петропавловском порту. Впоследствии служил в 27-м флотском экипаже. Отправлен в бессрочный отпуск 9 октября 1859 г. Фамилия на Камчатке не сохранилась.

Боцманмат Иван Максимович Бачинин («из солдатских детей»). С 1839 г. служил в Камчатской экипажной роте, затем в Амурском флотском экипаже. Имел бронзовую медаль в память о событиях 1853—1856 гг. Фамилия на Камчатке также не сохранилась.

Нами были получены и новые данные из РГА ВМФ — выписки из формулярных списков нижних чинов 46-го, ещё предвоенного, Камчатского флотского экипажа, представленных к награждению орденом Св. Анны за выслугу лет, те, кто также мог и должен был принимать участие в военных действиях августа 1854 г.:

Матрос 1-й статьи Григорий Иванович Винокуров («из солдатских детей»), поступил на службу в Камчатскую экипажную роту канониром 2-й статьи «восемнадцати лет от роду» в 1829 г. Позже, уже в 1893 г., мы прослеживаем на Камчатке линию потомков Г. И. Винокурова — мещанин Николай Григорьевич Винокуров (сорок пять лет) проживал в 1893 г. в Сероглазке, а его младший брат Михаил Григорьевич (сорок два года) жил в Старом Остроге (современный город Елизово). 18 августа 1945 г. при высадке десанта на остров Шумшу погибли, освобождая от японцев открытые камчатскими казаками Курильские острова, и были похоронены на этом острове в братской могиле Леонид Иванович (1923 г. р.) и Прокопий Фёдорович (1912 г. р.) Винокуровы.

Матрос 1-й статьи Яков Иванович Винокуров («из солдатских детей»). На службу поступил казаком в Камчатскую команду семнадцати лет от роду в 1825 г.

Григорий Иванович и Яков Иванович Винокуровы тоже, судя по всему, были родными братьями.

Матрос 1-й статьи Иван Алексеевич Чарков («из солдатских детей»), поступил в Камчатскую казачью команду в 1829 г., переведён канониром в Камчатскую экипажную роту в 1832 г. Фамилия на Камчатке не сохранилась.

Матрос 1-й статьи Семён Александрович Дмитриев («из солдатских детей») с 1831 г. служил в Камчатской экипажной роте канониром. Фамилия на Камчатке также не сохранилась.

А сейчас мы вернёмся к тому архивному документу, в котором были обнаружены списки фамилий нижних чинов предвоенного 47-го Камчатского флотского экипажа, чтобы и на их примере увидеть ту преемственность поколений по защите Отечества, которую мы обнаружили выше.

Барабанщик — Яков Фёдорович Никифоров, уроженец Камчатской области, из знаменитого рода камчатских священнослужителей Никифоровых, вероятно, оставшийся за церковным «штатом» и избравший себе новую судьбу в военном служении Вере, Царю и Отечеству.

Матрос-рулевой Роман Лукич Слободчиков — из камчатских казаков. В 1836 г. служил на военном боте «Алеут», ходил на нём в Охотск, Нижнекамчатск, Тигиль. С 1844 г. — на боте «Камчадал». В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота «Алеут» прапорщику Секерину, разжалован из квартирмейстеров в матросы. Обе эти фамилии — камчадалов «русской крови» — остались где-то на других берегах Восточного океана. Слободчиков, точнее, их предок — церковный староста Большерецкого острога, отставной казак Фёдор Слободчиков, оставил после себя на Камчатке целую плеяду духовных наследников — камчадалов Слободчиковых, для которых он стал восприемником из купели при крещении, то есть крёстным отцом. Секерины происходили из ссыльных, оставшихся на Камчатке сначала на казачьей, а потом на военной службе.

Минюхин. Следы этого «солдатского сына», как мы говорили выше, затерялись. Но на Камчатке остались его родственники — казаки Минюхины, также участвовавшие в обороне Петропавловского порта, о чём мы писали выше.

Помаскин — из камчатских «солдатских детей». Возможно, это сын или брат матроса Семёна Помаскина, умершего в Усть-Приморском (Усть-Камчатке) в самом начале 1850-х гг., или сын отставного унтер-офицера Петра Осиповича Помаскина, которому в 1852 г. было семьдесят восемь лет и жил он в том же казачьем селении Усть-Приморском. Хотя он мог быть ему и братом, так как тут же в документах за 1852 г. мы находим сведения о тридцатипятилетнем Киприяне Осиповиче и тридцатидвухлетнем Иване Осиповиче Помаскиных — рядовых Камчатского гарнизонного батальона. Есть варианты, что интересующий нас Помаскин — один из братьев, воспитанников военно-сиротского дома — Михаил или Григорий Петровичи Помаскины, которые происходили из «солдатских детей». Помаскины были и казаками — например, Евдоким Семёнович, который, возможно, и был сыном умершего матроса, — в те годы казаки становились солдатами или матросами и, наоборот, в соответствии с задачами обороны Камчатки, которые ставила перед местным начальством Российская Империя.

Так было и с Помаскиными (Помазкиными). В русско-японскую войну казак Николай Помазкин был награждён высшим солдатским орденом — Георгиевским крестом. В обороне Камчатки также принимали участие и его многочисленные родственники — уроженец Нижнекамчатска Андриан Помаскин и потомки устькамчатских казаков — Константин и Егор Помаскины.

Марсовый Михаил Васильевич Расторгуев (из «казачьих детей»). В 1834 г. на бриге «Камчатка» ходил на остров Гуагом. По имеющимся в нашем распоряжении документам в 1852 г. в Усть-Приморском, куда была переведена нижнекамчатская казачья команда, служили Василий Васильевич (двадцать три года) и Януарий Васильевич (тридцать семь лет) Расторгуевы. Думаю, не ошибусь, если посчитаю всех троих родными братьями.

В 1893 г. мы обнаруживаем в Петропавловске двух Расторгуевых, объединённых тем, что все они Михайловичи: Аполос Михайлович, кантонист морского ведомства, двадцати лет, и Алексей Михайлович, мещанин, двадцати девяти лет. Учитывая тот

факт, что всем участникам обороны Петропавловского порта были засчитаны в выслугу лет из двойного расчёта годы пребывания на войне 1853—1856 гг., то многие ветераны уже в начале 1860-х гг. ушли в бессрочный отпуск с правом поселения в любом избранном ими месте на берегу Восточного океана. Вероятно, Михаил Васильевич вернулся к своей родине на Камчатку. Мы не имеем сведений об участии камчадалов «русской крови» Расторгуевых в обороне Камчатки в 1904—1905 гг., но вот их крестник из аборигенов — камчадал из селения Камаки в бассейне реки Камчатки заслужил за схватку с японцами на реке Русаковой в 1905 г. Георгиевский крест. И ещё о двух Расторгуевых содержатся сведения в «Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны» — на фронтах сложили головы призванные устькамчатским и петропавловским военкоматами Александр Яковлевич и Николай Александрович Расторгуевы.

Василий Гаврилович Мутовин, Иван Гаврилович Мутовин — из казачьих детей. Сегодня эту старинную камчатскую фамилию представляет Герой России, летчик-испытатель Олег Евгеньевич Мутовин (мать которого — Нелли Георгиевна — происходит из рода ещё одних участников обороны Петропавловского порта — камчатских священников Логиновых-Лонгиновых). О Василии Гавриловиче Мутовине мы нашли интересные сведения: в 1812 г. в возрасте девяти лет он был воспитанником военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона. Но не староват ли он был для службы в 1854 г.? Впрочем, о боцмане Василии Усове Ю. Г. Завойко тоже сообщала, что он уже старик, хотя и имел малолетних детей. На Камчатке у Мутовиных была (и остаётся) многочисленная родня. Двое из Мутовиных — Иван и Николай — были ополченцами в годы новой, уже русско-японской, войны.

Григорий Иванович Винокуров — из «солдатских детей», уроженец Камчатской области. О нём мы уже рассказывали.

Варфоломей Осипович Копылов — из «солдатских детей», уроженец Камчатки. В начале 1800-х гг. казачий род Копыловых был разделён — частью перешёл на службу в Камчатский гарнизонный батальон, среди них был не только Осип Копылов, но и Алексей Иванович, братья Семён и Роман Гавриловичи, а также Иван Дмитриевич Копыловы. Параллельно военным Копыловым в Тигиле (а потом и в Петропавловске) служили казаки Копыловы. Они, по всей видимости, не принимали участия в Петропавловской обороне, но прославились в защите Камчатки в 1904—1905 гг., особенно дети отставного казака Стахия (Стахея) Ивановича Копылова: Вениамин Стахеевич (петропавловская дружина), Евстафий Стахеевич и Михаил Стахеевич (тигильская дружина). Не посрамили свою фамилию и представители другого казачьего гнезда Копыловых — дети вдовы казака Марии Николаевны — Николай, Савва и Иннокентий (петропавловская дружина). Но особенно отличился Прохор Копылов, который участвовал в бою с японцами на реке Жупановой в 1905 г. и стал кавалером ордена Св. Георгия.

Алексей Петрович Корякин — из «солдатских детей», уроженец Камчатки. О нём мы тоже уже рассказывали.

И остаётся в этом списке только Павел Васильевич Усов, «из солдатских детей», уроженец Камчатской области, с 1843 г. — на боте «Алеут» [РГИА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299], о котором мы мало что знаем, а точнее, не знаем ничего более того, что здесь написано.

В какой-то степени свет на это проливает последний документ, поступивший к нам из РГА ВМФ — «Формулярный список службы и достоинств Управления Капитана над Портами Восточного океана Писаря 2-го класса Фёдора Усова (ныне матроса 2-й статьи) за 1862 г.».

Фёдор Васильевич («из солдатских детей» и, вероятно, родной брат Павла Васильевича) имел бронзовую медаль на Георгиевской ленте в память за участие в войне с англо-французами 1853—1856 гг. Поступил на службу из Камчатского училища в канониры 2-й статьи в 1845 г. В 1851 г. переведён в унтер-баталёры, затем в писари в управление над портами Восточного океана, в 1862 г. «за дурное поведение» понижен до матроса. «В 1854 г. во время блокады Петропавловского Порты Англо-Французской эскадрой находился в действительном сражении против неприятеля».

Этот документ связывает нас, возможно даже напрямую, и с сыном баталёра 27-го флотского экипажа Василием Васильевичем Усовым — дедушкой Любови Степановны Копьевой (который в 1891 г. сочетался законным браком с Агриппиной — дочерью умершего камчадала села Воровского Иоанна Александрова Спешнева). У супругов Усовых была единственная дочь — Анна Васильевна Усова, на которой прерывается эта камчатская фамилия (в замужестве Анна Васильевна становится Копьевой, выйдя замуж за Степана Матвеевича Копьева, отца Любови Степановны).

Некогда многочисленная, судя по собранным нами материалам, фамилия первых жителей Петропавловска Усовых (казаков Усовых перевели в 1741 г. из Большерецкого острога в Гавань для охраны «казённых экспедиционных» грузов и зданий, оставшихся здесь от Второй Камчатской экспедиции) уходит с Камчатки. Сначала в 1855 г., переселяясь вместе с другими сослуживцами и земляками в Николаевский пост на Амуре, — в тот год убывают писарь Фёдор Васильевич, матрос Павел Васильевич, боцман Василий (Васильевич?) Усовы и их семьи, о судьбе которых мы сегодня ничего не знаем, кроме дальнейшей судьбы сына баталёра 27-го Амурского флотского экипажа Василия Васильевича Усова, вернувшегося на родной ему полуостров.

Но есть, конечно, ещё уникальная информация об этой семье, вошедшая в мировую историю, которую сообщил в своём рапорте В. С. Завойко — о захвате в плен и благополучном из него возвращении семьи Усовых — мужа, жены, двух детей и племянника. Но Завойко в то время не мог, наверное, предположить, что эта, идиллическая по своему первому акту, история обернётся, в конечном итоге, трагедией. Она также войдёт навечно в историю обороны Петропавловского порта как пример гражданского мужества и любви к родине, хотя минует год между первым актом и финалом, и англо-французскую эскадру в 1855 г. встретит пустынный авачинский берег. Русские военные уйдут с Камчатки в Николаевский пост на Амуре, и англо-французы не смогут взять желанный реванш и снять позор за поражение...

Но всё по порядку.

Адмирал Де Пуант, отпустивший из плена семью Усовых, хотя и не окончил свою жизнь самоубийством, как его товарищ Прайс, но через несколько месяцев умер ужасной и медленной смертью от истощения физических и душевных сил, порицаемый всеми за неудачу у берегов Камчатки. «Чёрное пятно, которое никогда не может быть смыто никакими водами океана... Борт одного русского фрегата и несколько береговых батарей оказались непобедимыми перед соединёнными силами Англии и Франции, и две величайшие державы мира были разбиты и осмеяны небольшим русским поселением», — так оценивались события на Камчатке в английской и французской печати...

Но точка в этой истории ещё не была поставлена. Отбитое нападение англо-французов на Петропавловский порт общественное мнение Англии и Франции расценивало как оскорбление и требовало, чтобы обе эти державы приняли энергичные меры для уничтожения города. Как ни блестящи были подвиги защитников Петропавловска, но их положение в случае серьёзной войны на Камчатке было безвыходным. Город решено было эвакуировать, что и было сделано в кратчайшие сроки. В мае 1855 г. англо-французский флот вновь вошёл в Авачинскую губу. Теперь это была объединённая эскадра из двенадцати кораблей с пятью тысячами матросов и солдат. Но они опоздали, город был пуст. Тогда в отместку за недавнее позорное поражение было приказано стрелять по безлюдному городу, чтобы стереть его с лица земли. А для того, чтобы месть была более изощрённой, огонь по Петропавловску должны были вести русские пленные, захваченные вместе с семьёй Усовых на боте с кирпичами в августе 1854 г. Комендором был назначен матрос Семён Удалов, остальные — орудийной прислужкой.

Позже матрос Ехланов и Зыбин расскажут В. С. Завойко (а он в свою очередь поведаёт об этом нам) новый эпизод в обороне Петропавловска: «Семён... не пошёл к своей пушке, а стал у грот-мачты и сказал нам: “Ребята! Грех на своих руки поднимать. Уж лучше смерть”. Сказав эти слова, скрестил руки на груди и во весь голос закричал: “Слышите?! У русских руки не поднимаются на своих. Я к вашей пушке не иду!” Старшему лейтенанту слово в слово перевели, и он затопал ногами: “Если не

пойдёшь к пушке, то сейчас же повешу!” И приказал гордень готовить. А Удалов на него сердито: “Врешь, такой-сякой француз! Ты меня не повесишь, а к пушке я не пойду!” Бросился он по снастям вверх на мачту и, поднявшись, перепрыгнул с них на ванты, и оттуда нам говорит: “Ребята! Не поднимайте руки на своих, не делайте сраму. Я принимаю смерть. Прощайте!” И с этими словами — бултых в воду. Утонул, а на своих руку не поднял».

Ещё во время погони противника за ботом Удалов напомнил товарищам о воинском долге: «Помни — матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю». Но ружей у матросов с собою не было, были только кирпичи. «Если кирпичами станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибёшь до смерти; не замай, пусть нас заберут, а вы, смотри, не зевай, не можем ли мы какого случая найти на судне на погибель врагам». Боцман Усов со своей стороны предупредил товарищей: «Смотри, не разговаривать; что будет неприятель выспрашивать, знай, отвечай на все вопросы: “Не могу знать”, — а там, что Бог даст».

Англо-французы, действительно, пытались всячески воздействовать на пленных. Сначала они уговаривали матросов перейти к ним на службу, суля им разные блага. После резкого отказа их сковали по рукам и ногам и посадили в трюм на хлеб и воду. Затем, ещё во время пребывания неприятеля в Авачинской губе, у пленных стали выпытывать о военных силах Петропавловска, расположении батарей и прочем, но и на этот раз ничего не добились. Позднее матросы рассказывали, что слышали артиллерийскую пальбу, раздававшуюся во время боёв за Петропавловск, и жалели, что «сидят закованные, когда товарищи проливают кровь». После разгрома и ухода англо-французов с Камчатки пленных увезли на остров Таити, где сооружалась крепость. Матросов пытались заставить работать, но они отказались и снова были закованы в кандалы. На следующий год пленных привезли на одном из военных судов в Авачинскую губу...

Что касается племянника Усовых — матроса Кисёлева, который благодаря усилиям тётушки был также освобождён из плена, то в 1865 г. в Петропавловске ещё прослеживается слабый след этой фамилии — здесь проживал казак Софоний Петрович Киселёв [РГИА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1], а в 1893 г. — сёстры Евдокия и Степанида Степановны Киселёвы. Все они, как и сам племянник Усовых, вполне возможно, были потомками «солдатских детей». В 1812 г. в составе Камчатского гарнизонного батальона служили сразу несколько Киселёвых — рядовые Кисилёв Василий Пантелеевич (тридцать пять лет) и Киселёв Степан Кириллович (двадцать семь лет), а воспитанником отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона был пятнадцатилетний Егор Вавилович Киселёв [РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4. «Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска»].

На этом пока заканчивается история, которая началась так неожиданно для нашей семьи в начале 1990-х гг., когда Любовь Степановна Копьёва впервые получила из архива сведения о своём родном дедушке, связанном, как мы выяснили впоследствии, с целой плеядой Усовых — защитников Петропавловского порта в 1854 г.

Но с этого, как оказалось, для нас и для других началась ещё одна история, о которой я рассказываю в двух своих очерках «Хроника неоконченной войны» и «Ополченцы» в книге «Тайны камчатских имён», героями которых стали родственники Любви Степановны уже по бабушкиной линии. В 1904—1905 гг. на оборону Камчатки от японских «хищников» поднялись все, в том числе и многочисленные Спешневы и Трапезниковы, отстояв, как и Усовы в 1854 г., свою землю. В 1906 г. в схватке с японскими браконьерами на реке Унушке погиб дядя Анны Васильевны Усовой, приютивший после смерти родителей сиротку, — Анкидин Михайлович Спешнев и многие его земляки и родственники из села Воровского (Соболево). В годы Великой Отечественной войны погибает ещё один представитель этого рода — уроженец села Русь, основанного его отцом, артиллерист (то есть, по-старинному — бомбардир) Василий Степанович Копьёв — он был убит под Ржевом...

То есть историческая связь, хотя и незримая, не всегда осознаваемая и понятная, не прерывается в веках. Потомки героев, защитников Отечества тоже становятся

героями, когда в их время над ними снова нависает смертельная угроза. Восстановленная, воссозданная историческая память помогает нам осознать эту преемственность поколений. И не потому ли потомок старинного рода камчатских казаков Усовых — Владимир Петрович Ларионов, младший сын Любви Степановны Копьёвой, один из первых старожилов Камчатки, следуя духовному порыву, тоже, ещё в начале 1990-х гг., когда в России начала возрождаться историческая память, восстановил былой военный статус своих предков Усовых — принял казачью присягу...

Представленный ниже очерк «Тихоокеанская кампания» впервые напечатан в «Revue des Deux Mondes» в 1858 г. (vol. XVI, p. 686; vol. XVII, p. 169), затем в авторском сборнике: Ed. du Hailly. Campagnes et stations sur les cotes de l’Amerique du Nord. Paris, 1864. На русском языке отрывки публиковались в «Русской живописной библиотеке» в 1858 г. (т. 3, № 35, с. 274—278), «Морском сборнике» в 1860 г. (№ 2, неоф., с. 470—505, перевод М. Буйницкого), сборнике документов «Защитники Отечества» (Петропавловск-Камчатский, 1989. — С. 133—149). Перевод Буйницкого хорош, но неполон, кроме того, кое-где переводчик искажает оригинал, приводя текст в соответствии с официальным рапортом В. С. Завойко. Настоящий перевод выполнен П. Л. Калмыковым (г. Петропавловск-Камчатский).

ЭД. ДЮ АЙИ

ТИХООКЕАНСКАЯ КАМПАНИЯ

Часть. 1. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Эд. дю Айи (Ed. du Hailly), настоящее имя Эдуар Полидор Ванеку (фамилия фламандского происхождения). Родился 29 ноября 1824 г. (Сен-Омер, Па-де-Кале), умер 14 марта 1871 г. (Сен-Морис, Валь-де-Марн). В 1843 г., девятнадцати лет, поступил в Политехническую школу в Париже, которую окончил в 1845 г. Произведён в звания: аспиран — 1 октября 1845 г., мичман — 1 октября 1847 г., лейтенант — 9 июля 1854 г., капитан 2-го ранга — 14 августа 1866 г. Офицер ордена Почётного Легиона, 1868 г. В отставке с 1 января 1869 г. (Таким образом, указания советских авторов, будто дю Айи стал впоследствии адмиралом, не подтверждаются.) В 1853 г. Эдуар Ванеку в звании мичмана переведён с фрегата «Ла Форт» на бриг «Облигадо» вторым офицером (старшим помощником). Он в значительной мере был посвящён в план атаки Петропавловска и лично возглавил один из отрядов решающего десанта 4 (5) сентября (24 августа). В начале 1855 г. был награждён рыцарским орденом Почётного Легиона.

Свои научные труды и переводы с английского Эдуар Ванеку подписывал настоящей фамилией. Более живописательные очерки — псевдонимом «Эд. дю Айи». Вряд ли псевдоним скрывал личность автора. В библиографическом каталоге 1869 г. прямо указано, что Ванеку и дю Айи — одно лицо. Буквальное значение псевдонима — «Эд[уар] из Айи». Во Франции есть несколько населённых пунктов с таким названием (в историческом написании Hailly, в современном Ailly). Например, Айи-сюр-Сомма, в девяноста километрах от Сен-Омера, где родился писатель.

I

В ходе минувшей войны общественное внимание было сосредоточено на Крыме; все взгляды, лишь иногда отвлекаясь на события Балтийского театра, жадно обращались к злополучному полуострову, где разворачивались кровавые перипетии героической осады. Главные почести в этой войне снискала армия — немудрено, что и летописцами этой войны стали почти исключительно армейские офицеры. Но, объективности ради, заслуживает внимания и флот, на долю которого выпала роль мрачная и жертвенная, и который исполнил её с самоотверженностью неустанной и неудержимой. Воссоздание истории наших эскадр в Балтийском и Черном морях — лишь дань справедливости, которая тешит сердце писателя. Мы также хотим предпринять нечто вроде реабилитации военных моряков, и эта задача будет ещё менее благодарной. Нам, как непосредственному участнику одного из наименее известных эпизодов

этой войны, предстоит рассказать о единственной неудаче, омрачившей борьбу союзников против России; вместо ярких побед, которыми отмечено это славное двухлетие на других театрах, мы должны лишь поведать события кампаний, результаты которых вполне объясняют недомолвки в их освещении. Национальное самолюбие понять можно, но раздувать его сверх меры опасно. По счастью, события на Камчатке и в Татарском проливе никак не могли повлиять на исход тёмной драмы, которая держала Европу в тревожном ожидании; молчание о событиях, театром которых были эти далекие моря, могло бы найти оправдание, будь вопрос не из тех, что следует уметь оценить с более высокой точки зрения. Описать эти события с тем, чтобы отыскать причины, которые повлияли на безрезультатность наших усилий, изучить в свою очередь эти причины, чтобы извлечь полезный урок, который бы, в случае надобности, не позволил бы нам снова впасть в те же ошибки. Такие соображения сподвигли нас собрать воспоминания о трёхлетнем плавании в Тихом океане, отмеченном неудачей, которую мы не намерены ни в коей мере скрыть или преуменьшить и которой наши неприятели гордятся, на что у них есть основания.

26 апреля 1854 г. два фрегата: один французский — «Ла Форт» («Сильная»), другой английский — «Президент», оба под адмиральскими брейд-вымпелами на бизань-мачтах, стояли на рейде перед фортами, защищающими порт Кальяо, и человек, оказавшийся на борту любого из них в десять часов утра, застал бы множество зевак, поглощённых единодушным созерцанием. У каждого порта на шкафуте теснились группы матросов, их взгляды, как и подзорные трубы офицеров, собравшихся на корме, провозжали движение одинокого корабля, удалённого от других к острову Сан-Лоренсо, который ограничивает просторный рейд Кальяо с юга. Утренний туман, который в специфическом климате Перу заменяет дождь, начал превращаться в полупрозрачный пар, и первые вздохи бриза разорвали его, как лёгкую ткань. Скоро флаг, висевший недвижно на гафеле наблюдаемого судна, расправился на ветру и показал русский крест на фоне белой трапеции, и тут же матросы взобрались по вантам, разбежались по реям и выпустили паруса, которые, будучи быстро натянуты шкотами и подняты, сообщили, что ничто больше не препятствует отплытию. Действительно, хватило нескольких минут, чтобы якорь занял своё место под крамболом; корабль повернулся, и слегка наклонясь под ветром, надувавшим его паруса, быстро удалился от земли. Вскоре исчезли за горизонтом округлые контуры кормы, полоса на борту, очерчивающая орудийные батареи, затем, наконец, и верхушки мачт.

Этот корабль был русский фрегат «Аврора», следовавший из Кронштадта и прибывший несколькими днями ранее в Кальяо, где его остановка была жёстко ограничена временем, необходимым для возобновления припасов. В день 26 апреля 1854 г. уже месяц как шла война в Европе; последние новости, полученные в Перу, убеждали в её неизбежности, а в Панаме английский пароход «Вираго» нетерпеливо дожидался депеши, должной сообщить командующим Тихоокеанскими эскадрами о начале боевых действий. Тем не менее, пока ничто не мешало обмену приветствиями между русским фрегатом и двумя союзническими флагманами; официальные визиты были нанесены и отвечены, и, как мы только что видели, «Аврора» беспрепятственно продолжила свой путь к далёким северным владениям России. Наконец, воскресным днём 7 мая дозорные сообщили о судне на горизонте, и вскоре на рейде отдал якорь пароход «Вираго» — он привёз декларации [о войне с Россией], публично провозглашённые 28 марта в парламентах Англии и Франции.

Как приняли эту новость союзнические эскадры? На такой обширной акватории, как Тихий океан, где многочисленные задачи вынуждают командующего разрознивать корабли, — одни на малопосещаемых островах Полинезии, другие вдоль берегов две тысячи лье протяжённостью, — разумеется, невозможно было адмиралам французскому и английскому собрать в Кальяо ко дню объявления войны все имеющиеся силы. У нас в наличии был только «Ла Форт», шестьдесят пушек, с главнокомандующим контр-адмиралом Феврие-Депуантом на борту, и бриг «Облигадо», двенадцать пушек. Корвет «Эвридика», тридцать пушек, стоял неподалёку в Вальпараисо; к несчастью, эскадра имела только один пароход — «Прони», и тот находился на другом

конце Тихого океана, на берегах только что захваченной нами Новой Каледонии. Английские корабли, хоть и более многочисленные, также были разбросаны, поэтому у контр-адмирала Дэвида Прайса, который ими командовал, под рукой оказалась сила, почти равная нашей, состоящая из фрегата «Президент» с пятьюдесятью пушками, несущего его вымпел, парохода «Вираго» и тридцатипушечного корвета «Амфитрита», находившегося в Вальпараисо, как и «Эвридика». Правда, со дня на день он ожидал прибытия из Англии фрегата «Пик» с пятьюдесятью пушками, о котором сообщили депеши. Что же касается неприятельских сил, то число кораблей, местоположение их на обширной российской территории, омываемой Тихим океаном — всё это было нам неизвестно; недостаток сведений, столь ценных для начала войны, был так же досажен, как и трудно восполним догадками. В Вальпараисо видели «Диану» (пятьдесят пушек), а в Кальяо, как только что сказано, «Аврору», но помимо этих единственно достоверных сведений, у нас имелись только слухи, собранные то там, то сям случайным образом, да утверждения самих русских, которые говорили, что имеют на этих морях три фрегата, корвет, два брига и три парохода.

Вследствие такого неведения вопрос был далёк от желаемой ясности: если позволить себе предположить, что неприятель сосредоточил корабли на своих восточно-азиатских берегах, то оставалось опасение, что какой-нибудь из их фрегатов под командованием отважного и умелого офицера возьмётся повторить против морской торговли союзников знаменитое крейсерство капитана Портера на «Эссексе». (Имя капитана Дэвида Портера прославлено в анналах Тихого океана смелостью, с которой во время войны 1812, 1813 и 1814 гг. он гулял по океанским просторам под американским флагом, единственным носителем которого он был. Покинув берег Соединённых Штатов на «Эссексе», фрегате с сорока шестью орудиями, захватив несколько судов в Атлантике, он обогнул затем мыс Горн и дошёл западным берегом Америки до Галапагосских островов, тогда важного китобойного центра. Умело меняя вид и обманывая маневрами доверчивого неприятеля, он сумел захватить двенадцать английских судов; затем, прознав, что эскадра из четырёх кораблей совокупной мощностью более ста пушек направлена Англией дабы пресечь его бесчинства, он прервал своё крейсерство, чтобы отремонтировать корабль, потрёпанный долгим плаванием, в тихой гавани. Что любопытно, местом, избранным им для этой цели, ввиду его тайности и удалённости, оказалась именно бухта Анна-Мария на острове Нуку-Ива, где, как мы увидим, в 1854 г. союзные адмиралы назначат сбор своих кораблей. Только в марте 1814 г., атакованный превосходящими силами в порту Вальпараисо, несмотря на чилийский нейтралитет, «Эссекс» вынужден был сдаться коммодору Хиллиару в состоянии, которое свидетельствовало об ожесточённости его сопротивления. Помимо расходов на вооружение судов, посланных на его поимку, потери, причинённые этим крейсерством английской торговле, превысили тринадцать миллионов франков; ужас, который «Эссекс» наводил, был столь велик, что все порты берегов Америки были полны английских судов, которые предпочитали бездеятельность риску почти неизбежного захвата. Немного найдётся чтения увлекательнее, чем дневник, где капитан Портер рассказывает о своём походе, и, что важнее, мало книг дадут более реальную картину своеобразного существования корабля, предоставленного собственным силам на протяжении тягостной многолетней навигации. — *Авт.*) (Мичман фрегата «Аврора» Николай Фесун потом объяснил, почему «Аврора» не повторила рейд «Эссекса». Добавим, что этого и не потребовалось. Панические слухи о русских крейсерах, якобы захватывавших целые караваны английских судов, запугали весь Тихий океан. А сложность транскрипции русских названий сильно преувеличила мнимую численность русского флота: один корабль считали дважды и трижды. — *П. К.*)

Иным словом, перед нами встала двойная цель, поскольку множество торговых судов бороздили побережье от Сан-Франциско до мыса Горн, и боязно было оставить эту беззащитную богатую добычу врагу, которого мы тщетно искали бы в портах Сибири и Камчатки. Вероятно, именно такого рода заботы одолевали умы французского и английского адмиралов, что в целом не оправдано характером русского флота, обычно недостаточно авантюрном. Так или иначе, очевидно то, что с этого времени началась долгая череда задержек и нерешительности, которая повлечёт за собой

через несколько месяцев столь гибельный исход. Фрегаты ожидали только приказа отправляться, хотя весть о войне была получена 7 мая, но лишь 17-го, после десяти дней дебатов и сомнения, фрегаты «Ла Форт» и «Президент» в сопровождении «Облигадо» и парохода «Вираго» оставили берег Америки. «Аврора», последний из двух русских фрегатов, замеченных на этом берегу, имела к тому времени три недели опережения.

Для союзнической эскадры началась череда длинных переходов, которые составляют суть навигации в Тихом океане. Последовательность одинаковых дней, одни и те же работы в одни и те же часы, никакого другого развлечения, кроме как управление судном, счисление пройденного пути или расчёт дня прибытия — такова была наша перспектива на будущие месяцы. Моряк, как никто другой, проклинает монотонность существования, на которое он осуждён. Однако же надо признать, корабельная жизнь имеет и свою привлекательность для тех, кто понимает в ней толк, и как нельзя лучше подходит для почти монастырского распорядка учений, разного рода работ, длинных писем, — в общем, для тысячи дел, которые неизбежно пришлось бы отложить в береговой суматохе. Для нас это путешествие оказалось полезным промежутком, сгладившим переход от почти цивилизованной жизни Перу к картинам первобытной жизни Океании, поскольку первой остановкой эскадры были Маркизские острова, и по мере нашего к ним приближения всё ярче вспоминались чудесные описания мореплавателей прошлого века. Должен признаться, описания этих странствий и открытий увлекли во флот множество юных умов, а исследователи Океании всегда простирали на меня особое очарование, и позже, увидев в каком-нибудь закутке тулонского порта на корме древнего понтона такое знакомое название «Зеле» или «Астролябия» (корабли, на которых Дюмон-Дюрвиль в 1837—1840 гг. совершил экспедицию в Антарктику. — *П. К.*), я словно попадал в цветущий архипелаг Полинезию, где вершилась знаменитая карьера этих старых служак. Глубокая бухта, над которой высятся холмы, покрытые вечной растительностью; на берегу — деревни, утопающие в зелени кокосовых пальм; напротив — корвет, слегка покачивающийся на спокойных водах, в которых отражаются высокие мачты; вокруг него подвижная флотилия пирог, заполненных любопытными аборигенами — такую картину часто рисовало моё воображение, и такими нам предстали Маркизы, когда дивным вечером июня 1854 г. открылась перед нами бухта Анна-Мария на острове Нуку-Ива. Всё было наяву — и вершины гор, позолоченные заходящим солнцем, и глубокая и спокойная бухта, и деревня, теряющаяся под деревьями, и вплоть до корвета, уже погружающегося в вечернюю тень. Мы прибыли во французское владение и встретили «Артемиду», уже более года одиноко мокнущую на этом забытом рейде!

Изоляция Маркизских островов вкупе с возможностью присоединить к эскадре «Артемиду» определила выбор адмиралами этого места для встречи кораблей. Здесь мы должны были поджидать корабли из Вальпараисо, и понятно, что эта досадная задержка была обращена и в пользу, так как позволяла изучить на досуге интересные племена Океании именно на том архипелаге, где их существование было наименее искажено контактом с европейцами. Путешественник, попадая в другую цивилизацию, обычно замечает, что всё окружающее меняется коренным образом, и что человеческая природа с переменной климата не меняется. Но какими неисповедимыми путями Провидения оказался человек на этих островах? К чему Провидение стремилось, наделяя эту расу инстинктами, противоположными нашим, и помещая её в среду, которая переворачивает наши представления о добре и зле, о справедливости и несправедливости? И если повсюду человек угнетён непреложным законом, обрекающим его есть хлеб только в поте лица своего, почему здесь самый плодородный климат потворствует его лени, оставляя труд только протянуть руку за плодом, составляющим его пищу? Почему его мораль не совпадает с нашей, или, вернее, почему любое понятие морали ему чуждо? Наконец, пожалуй, самая необъяснимая из этих неправильностей, почему ему неведомо чувство семьи, этих строгих и приятных связей, которые кажутся естественным и необходимым элементом любого зарождающегося общества? (Это, бесспорно, один из самых характерных обычаев этих племён. Общность детей, возведённая в систему, там заменяет семью, и отказ язычников от права на собственного

ребёнка окончателен. Каков может быть мотив этого неслыханного отвержения законов природы, неизвестного соседним архипелагам? На все подобные вопросы житель Маркизских островов отвечает только, что так было всегда.) Серьёзные проблемы, которые мы здесь решить не берёмся, но которые, приходится согласиться, несколько развенчивают уверенность в непреложности наших цивилизаторских идей, также как и наше поклонение искусственным потребностям, навязанным общепринятыми условностями.

Возможно, из всего населения Океании маркизские канаки, как мы уже сказали, по своей удалённости меньше всего общались с европейскими кораблями и вследствие этого лучше других сохранили особенности своего первоначального облика. Если не считать некоторых наших пороков, которые всегда перенимаются в первую очередь, как, например, пьянство, они бережно сохранили традиции своих отцов. Станный и загадочный феодализм, которому они повиновались сто лет тому назад, господствует и сегодня во всех долинах. Религия подверглась некоторым изменениям, по крайней мере частичному отказу от кровавых ритуалов, под влиянием нашего соседства; но табу — священный запрет — сегодня распространяется, как и ранее, на любой предмет, одушевлённый или нет, по велению вождя или жрицы, и, конечно, роли этой наивной друидессы XIX в., не самый безынтересный тип этого странного общества. (Эти жрицы выполняют в то же время и функции врачей, и чаще всего лечение ограничивается немногими простыми средствами, которым научил опыт, но иной раз их энергия доходит до опасной степени оригинальности. Однажды я пошёл на громкие звуки тамтама и пения и увидел умирающего канака, окружённого толпой доброхотов, которые ему тщательно затыкали рот, нос и уши. Когда неизбежное случается и пациент умирает от этих избыточных мер, то делается вывод, что болезнь была неизлечима, поскольку жизнь нашла-таки способ покинуть тело, все выходы из которого были столь надёжно заткнуты.)

Также, сказать правду, мне так и не довелось быть свидетелем праздника ko-hi-ka, который собирает население одной или нескольких долин, и я не мог видеть, как происходит некое грозное таинство. Канаки садятся в круг, а в середине воин атлетического сложения с обнажёнными формами, с густой шевелюрой, вздыбленной веерообразно, медленно начинает танец, который зрители сопровождают, одни ритмичными звуками тамтама, выдолбленного из древесного чурбана, другие хлопками рук, либо ладонь о ладонь, либо ещё звонче по бокам под мышками, и в то же время все вместе подтягивают жалобный припев, гнусавый и монотонный. Через несколько минут встаёт второй танцор; пение и жесты становятся живее; а воинственная пантомима двух главных актёров делается всё выразительнее. Едва один из них уходит, выдохшись, как его подменяет кто-нибудь из зрителей. Понемногу физиономии оставляют маску равнодушия, присущую им обыкновенно, и принимают выражение, значение которого не вызывает сомнений, и, конечно, не требуется большого напряжения фантазии, чтобы представить, как в нескольких шагах поодаль несчастный пленник ожидает удара мясника, а рядом разведён костёр, чтобы его жарить. Чувствуется, что людоедство, воображаемое или настоящее, будет всегда оставаться для этих народов природным обычаем, от которого мы их стараемся отучить, а для этого как-то убедить в превосходстве наших принципов, и я добавлю, что когда мы пытались выпытать у них подробности по этому сомнительному пункту, они неизменно запирались в упрямом отрицании.

(Странность, которую я не берусь комментировать, заключается в том, что людоедство куда больше волнует Европу, чем европейцев, живущих в Полинезии. Я знавал одного нашего миссионера, который, хоть и осуждая этот обычай, почти смирился с тем, что на некоторых религиозных праздниках канаки едят на пиру человеческое мясо, совершенно как мы едим индейку на Рождество, говорил он с наивностью. Хотя сам он однажды был как никто близок к этой ужасной смерти, в плену у островитян Новой Каледонии, которые его три месяца держали на откорме, и жизнью обязан только неожиданному появлению французского корвета «Брийант». К моменту его освобождения два других миссионера, пленённых вместе с ним, уже были убиты и съедены.)

Время на Маркизах прошло быстро. Все племена острова считали за честь прийти и чередой прошествовать перед двумя адмиралами, и каждый вечер новые посетители появлялись в виду на гребне горы. Длинная цепочка их факелов медленно двигалась извилистой тропинкой вниз, к берегу, останавливалась, растягивалась, временами исчезала; затем вновь прибывшее племя располагалось открытым, а на следующий день в назначенное время прибывало на корабль с официальной церемонией на фрегатских лодках. На борту снова начинались танцы под оглушительный тамтам; происходил обмен подарками, а солёное свиное сало, которым командующие одаривали этих необычных гурманов, съедалось прямо на месте, немало развлекая наших матросов. Между тем, время шло, «Артемида» завершила свои приготовления; ждали только кораблей из Вальпараисо. Наконец «Амфитрита» и «Эвридика» появились у изогнутого мыса, отделяющего бухту Анна-Мария, и 3 июля эскадра отправилась к Сандвичевым островам, где 17-го числа встала на рейде Гонолулу.

Повидав на Маркизах океанийскую жизнь в самой примитивной форме, на Гавайях мы её застали в борьбе с самым жестоким рассадником цивилизации, горячими и неутомимыми янки. Цепь событий, приведшая к такому положению дел, любопытна. К концу прошлого века гавайский феодализм получил собственного Людовика XIV в лице Камеамеа I, иначе Великого, который, начав простым вождем одного из островов, после череды завоеваний объединил под своей властью весь архипелаг. Тут же появились вездесущие английские деятели, моряки и консулы; понемногу под их всё растущим влиянием абсолютная монархия превратилась в представительную, и не сомневаюсь, что ещё бы несколько лет, и конституционная династия Камеамеа продолжала бы официально своё правление, но под протекторатом английского флага; но в один прекрасный день киты, на которых охотятся по всей Атлантике (при чём тут Атлантика? — П. К.), пришли искать убежища в морях, омывающих Гавайи, а за ними, как алчная свора, — бесчисленный флот американских китобойцев. Так драгоценный архипелаг стал центром этого прибыльного промысла, ежегодно приносящего Штатам золота больше, чем все калифорнийские прииски. (Ежегодный доход от китового промысла в Тихом океане оценивается в шестьдесят миллионов франков, а число судов, им занятых, около трёхсот. Подавляющее большинство из них — 258 из 275 — американские, и, возможно, кто-то удивится, узнав, что Франция в этом списке занимает вторую строку, хотя разрыв с лидером снижает кажущуюся значимость позиции: 10 из 275. В 1852 г. было добыто около пятисот тысяч баррелей жира и более пяти миллионов фунтов китового уса. Если вообразить, что команды этого флота составляют десять тысяч матросов и что все эти суда ежегодно приходят на Гавайи, главным образом в Гонолулу, то становится понятно развитие и богатство, принесённые порту этой массой потребителей, жаждущих потратить только что полученные деньги. Остров Оаху местные называют не иначе как «Золотой остров», а доход гавайского правительства, составлявший в 1846 г. только 400 000 франков, поднялся к 1863 г. до цифры 2 193 500 франков.) И с этого времени началась борьба между двумя ветвями большой англо-саксонской семьи, но исход борьбы не оставляет сомнений: каково бы ни было английское упорство, противостоящее влияние янки растёт год от года, а они редко отказываются от однажды завоёванного. Словом, всё на островах американизировалось, так что теперь нетрудно предсказать: неизбежно настанет день, когда эта новая звезда пополнит ряды уже сверкающих на лазурном поле флага US.

Вне сомнения, этому завоеванию будут аплодировать все просвещённые умы, независимо от национальности; но с грустью добавим, что исконные хозяева этих земель уже не застанут эры процветания. День прибытия на Гавайские острова белых людей стал днём начала вымирания, которое косит аборигенов повсюду, где они соприкасаются с цивилизацией. Капитан Кук оценивал население в триста тысяч; уже к 1823 г. оно сократилось до ста сорока тысяч, а спустя двадцать лет, когда мы там были, последняя перепись выявила только половину этой численности, семьдесят тысяч душ! Где искать причину этой устрашающей убыли? Когда в XV в. испанцы в Новом Свете истребляли порабощённых индейцев, такое злоупотребление властью хотя бы частично объясняло явление. Здесь ничего подобного нет; американцы

хозяева Not Yet Rated (ещё не официальные), а если бы и были официальные, их инстинкты не позволили бы им впасть в эгоистичную леность, обогащаясь за счёт чужого труда; всё, что мы здесь видим — как они предаются лихорадочной деятельности, свойственной их натуре, как у себя дома, и можно их обвинить только в равнодушии к людям, на чьей земле они обосновались. Так отчего вымирают аборигены? Иногда кажется, при изучении истории этих народов, что перст Божий предначертал им исчезнуть: нет ни войны, ни эпидемии, никаких сведений о повышении смертности, но ещё более грозное бедствие служит орудием фатального предначертания — в обречённой нации перестает действовать всеобщий закон размножения. Более половины всей гавайской расы поражено бесплодием, из восьмидесяти замужних женщин матерями являются только тридцать девять, а на двадцать семейств главных приходится только девятнадцать детей! И это в то время как на той же земле в девяти семьях протестантских миссионеров детей насчитывается шестьдесят два (согласно рапорту капитана 2-го ранга Делаплена, командира корвета «Брийант»)!

В то время как эта раса агонизировала, протестантские миссионеры, вместо того, чтобы подать ей помощь в последние минуты, явились принести им христианскую религию, и если надо признать, с одной стороны, что они сослужили в чём-то полезную службу, то невозможно отрицать, с другой стороны, что добиться привязанности местного населения им не удалось. Действительно, в глазах гавайцев миссия — это строгая хозяйка, сильная, повелевающая и наказующая, беспощадная противница счастливого и праздного существования, которым Бог одарил эту расу; она и не стремится к примирению идей, а хочет продолжать вековую практику, диаметрально противоположную местным понятиям о счастье. Как можно было насаждать на Гавайях суровую дисциплину протестантского воскресенья и запретить самые невинные развлечения выходного дня с такой же строгостью, как это бывало в пуританской Англии? И, словно бы готовясь к этому покаянию, весь субботний день улицы заполнены женщинами на лошадях, носящимися по городу туда и сюда во весь опор, и вьются по ветру гирлянды цветов, которыми они украшены, и широкие полосы разноцветной ткани, повязанные на талии и ноги; затем, на следующий день, всё закрыто по приказу, и никто не выходит на пустынную улицу, не считая часов, предназначенных для церковной службы. В таком виде религия представляется неопиту просто объектом страха, в котором он видит только орудие власти, а не школу милосердия и любви. Добавим, что временное положение миссионера может только подтвердить эту идею, и здесь речь не о лёгкой и безбедной жизни, которая у него [протестантского миссионера] создалась, в контраст с бедностью католической миссии, чем эта последняя может гордиться, но о его политической позиции и всемогущем влиянии на короля и его министров. Довольно странный результат такого всемогущества заключается в том, что миссионеры, даже американские, открыто противятся аннексии, которая неизбежно разрушит их нынешнюю власть. (Во время стоянки в Гонолулу союзные адмиралы устроили праздник для двора и столичного светского общества. После катания по заливу, парада кораблей и мессы на палубе фрегата «Ла Форг» играл оркестр и предполагались танцы. Но было воскресенье, и никто из дам так и не отважился преступить протестантское «табу» — все отказались танцевать, ссылаясь на «морскую болезнь». В общем, конфуз вышел. Американский консул Дэвид Грегг посвятил этому эпизоду целую страницу своего дневника; вот и дю Айи тоже. — П. К.)

Как ни занимательно изучать влияние цивилизации на жизнь Океании, прибытие британского фрегата «Пик» сразу развернуло мысли к более насущным задачам, и эскадра, теперь уже в полном составе, 25 июля, наконец, продолжила свой путь на север. Задержка в Гонолулу была мотивирована, главным образом, надеждой собрать на этих островах путём опроса китобойцев какие-либо данные о движении неприятельских кораблей. Всё, что удалось узнать — что «Диана» покинула Гавайи, когда было получено официальное извещение о войне, за восемнадцать дней до нашего прихода в эти воды. Потеря времени была тем досаднее, что не дала никакого нового намёка на планы русских, и вся эта потеря пошла в пользу русских. Узнав о начале войны 7 мая, союзники могли бы оказаться на Гавайях уже 15 июня с двумя фрега-

тами, корветом, бригом и пароходом. Сила явно достаточная для первого возможного столкновения, тем более в уверенности скорого подкрепления в виде фрегата и двух больших корветов. Помимо шанса захватить «Диану» — как мы только что видели, вполне реального шанса, — мы почти наверняка дошли бы на север прежде, чем «Аврора» сумела подготовиться к обороне. Но эта потеря времени стала неизбежной в тот момент, как было решено дожидаться кораблей из Вальпараисо.

Объединение сил позволило адмиралам безболезненно выделить пару кораблей для крейсирования берегов Калифорнии, в то время как сами они поведут остальную эскадру к русским владениям. Угроза нашей торговле, в действительности преувеличенная, волновала обоих командующих по причине малоосновательных слухов о неприятельских корсарах. Итак, по-настоящему кампания началась только 25 июля, когда мы, наконец, направились к этим северным русским поселениям, о которых так мало до этого слышали.

II

Бросив взгляд на карту мира и сравнив полуостров Камчатку и Британские острова, мы не без удивления отметим аналогию в географическом положении обеих стран и почти равенство в площади. Никакого другого сходства, впрочем, нет. С одной стороны — бесчисленные корабли самого богатого торгового флота планеты и двадцать пять миллионов людей, вскормленных плодами щедрой почвы; с другой стороны — тощие земли, восемь месяцев в году погребённые под снегами и недостаточные даже для потребностей нескольких тысяч бедствующих жителей. «Двух градусов ближе к полюсу достаточно, чтобы изменилась юриспруденция», — сказал Паскаль; здесь разницы широт нет, поскольку обе страны уместились между одними и теми же параллелями, а дело в западных ветрах: их плодотворная влажность является залогом благополучия нашей Западной Европы, куда вместе с парами Атлантики приходит богатство и изобилие; и западные же ветры несут вечное бесплодие туда, куда они приходят иссушённые после сибирских равнин.

История этой бедной страны не столь уж древняя, и её первопокорители сводятся к маленькому отряду из шестнадцати казаков, который, выйдя из военного поста, основанного русскими на Анадыре, проник под командованием некоего Семёнова Морозко в центр полуострова. После ещё нескольких экспедиций подчинение было завершено в 1711 г. Однако было нужно, чтобы знаменитый Беринг пришёл на поиск берегов Америки с экспедицией, в которой он погиб буквально от холода и страданий; надо было ему обнаружить знаменательную цепь Алеутских островов, которая соединяет два континента, чтобы, наконец, стала ясна важность пушной торговли, которую эти страны могли обеспечить.

Какой ценой далась эта торговля? Сегодня нам трудно это понять. Прочтите в трудах Палласа, Кокса, Врангеля об этих попытках, многократно возобновлявшихся с ничего не обещающим упорством среди опасностей, страданий и лишений, которые вряд ли компенсируют приобретённые богатства. Что ни год отправлялось судно, иногда несколько, зачастую построенное из обломков предыдущих кораблей, сшитое кожаными ремешками за неимением гвоздей, и уходило, утлое и хлипкое, навстречу опасностям и бурям неведомого моря. Схватки с туземцами, засады, массовые избиения, ужасы голода и частые кораблекрушения на негостеприимных берегах варварских племён — таковы мрачные и однообразные эпизоды этих походов, которые показывают, как далеко может увести странное влечение, оказываемое на человеческий разум манящей опасностью вкупе с жаждой наживы. Впрочем, какова бы ни была сила, движущая этими отважными мореплавателями, как Чириков, Дружинин, Соловьёв, Синдт и другие, которые годами лицом к лицу противостояли мраку смерти, они занимают в морской истории своей страны место, достойное сохранить их имена от забвения, ибо это их завоевания свершились более чем за полвека до того, как кто-либо другой из европейцев проник в эти моря, это им Россия обязана своим неоспоримым правом на нынешние владения, как в Америке, так и в Азии. Только в конце прошлого столетия эти единичные предприятия были урегулированы учреждением

Русско-Американской компании, которой император Павел I дал монополию, а в результате спустя некоторое время объём пушной торговли был ограничен, дабы остановить неминуемое истребление многих видов животных в результате охоты. Сегодня эта торговля, значительность которой превышает четыре-пять миллионов франков, сосредоточена в трёх главных пунктах, куда стекается товар из второстепенных факторий. Из этих трёх пунктов первый и главнейший — Ситка, или Ново-Архангельск — находится на американском берегу; второй — на Кадьяке, близ полуострова Аляска; третий же — Петропавловск, или порт Петра и Павла, в честь высокочтимых патронов, чьи имена упоминаются на каждой странице истории этой страны, и чьими именами звались два корабля злосчастного Беринга. Этот последний пункт является резиденцией губернатора Камчатки. Мы здесь не говорим пока о населённых пунктах Охотского моря, не затронутых кампанией 1854 г.

Вольтер очень потешался над тем, как французы и англичане в Канаде спорили из-за территории в несколько арпанов снега (квадратный арпан равен 32 400 квадратных парижских футов или около 3 424,6 квадратного метра). Если бы его взгляд соизволил перекинуться на оконечность Азии, к унылому полуострову Камчатка, он, несомненно, удивился бы куда больше, видя, как обитатели её на протяжении пятнадцати лет защищают бесплодную землю от вторжения русских; он наверняка бы улыбнулся при виде того, как они строят великий заговор, навроде Сицилийской вечерни, чтобы известить своих завоевателей, и смеялся бы до упаду, когда они потерпели неудачу в этой затее. Дело в том, что для камчадала, любопытного и трогательно-го, земля, где он рождён, — лучшая из всех земель; он подробно и с глубоким убеждением перечислит её многочисленные достоинства, и, конечно, мы его очень удивили бы чувством жалости, которую нам внушает его жалкое существование. Его не смущают в этой жизни ни семь месяцев зимы, ни снега, обрекающие его на голод и одиночество, он не замечает тягот и лишений, а видит только ресурсы, ниспосланные Провидением, чтобы сделать его жизнь вообще возможной. Он расхвалит достоинства сараны — растения, которое ему заменяет хлеб, а зачастую и вообще любую пищу; рыбное изобилие в тот сезон, когда пища сама приходит утолить его голод; и главное — берёзу, которая покрывает его холмы. Из её ствола вытекает его любимый напиток, её кора утоляет его голод, а её ствол превращается по желанию или в узкую пирогу, байдару, на которой он не побоится пуститься в плавание, или в лёгкие сани, которые понесут по снегам от одного острога к другому. Наконец, его не пугает опасный обитатель здешних лесов — медведь. Камчадал и его расхвалит, ибо этому своего рода профессору ботаники он обязан знанием лекарственных трав, которые ест больное или раненое животное. Можете смеяться над оптимизмом этого наивного человека; меня же никогда не оставляет равнодушным встречаемая повсеместно неискоренимая и глубокая любовь человека к родной земле, чувство, власть которой необъяснима, заставляющая полярного жителя даже посреди буйства тропической природы тосковать о суровой и однообразной наготе холодной родины.

Не берёмся точно назвать смехотворное население Камчатки, но можно думать, эта цифра не достигает населения европейского городка. В 1820 г. перепись, вероятно не очень достоверная, насчитала на полуострове 2 760 жителей, из которых 1 260 русских (другая, довольно странная, графа переписи сообщает, что на полуострове в тот год обитало 2 208 собак. Впрочем, известна польза этих ценных животных, единственного транспорта камчадалов), но даже оценивая количество в 4 000, согласно капитану Дюпти-Туару (в сборнике «Защитники Отечества» ошибочно указано, что «Дюпти-Туар» — это название корабля. Но имеется в виду капитан Абель Обер Дюпти-Туар, посетивший Камчатку на фрегате «Венера» в 1837 г. с явно разведывательной миссией. — П. К.), и принимая во внимание бесплодие этой страны, всё же удивительна такая малонаселённость такой обширной территории. По признанию русских, так было не всегда: во время первопроходцев только по берегам реки Камчатки стояло не менее ста шестнадцати деревень. Была ли такая убыль, как утверждалось, результатом моровых поветрий и микробов, заносимых жителями в подземные обиталища, куда, по выражению Лаперуза, они прятались на зиму, как барсуки в норы? Или это ещё один пример фатального закона, который обрекает завоё-

ванную расу исчезать перед лицом расы победоносной, законом, печальный пример которому нам только что показали гавайцы, а решающее и масштабное подтверждение дают обе Америки? Ответить однозначно не позволяет недостаток данных. Но справедливо будет добавить, что господство русских, поначалу деспотическое, уже несколько лет как превратилось в мягкое, отеческое правление, что уже не позволяет ставить им в вину вымирание аборигенов, буде оно ещё продолжается.

Всё позволяло полагать, что разновеликие суда Русско-Американской компании, числом десять или двенадцать, должны быть собраны под защитой всей или части русской эскадры либо в Ситке, либо в Петропавловске. С этого времени путь союзников был предопределён: поскольку западные ветры, которые господствуют в этих краях, будут попутны переходу с Камчатки в Ситку, то из Гонолулу нам следовало прежде направляться именно на Петропавловск. На том и порешили, но первым делом следовало послать два корабля к берегам Калифорнии, и 30 июля, на пятый день по выходе из Гонолулу, два корвета — «Артемиды» (французский) и «Амфитрита» (английский) получили приказ направляться к Сан-Франциско. После этого разделения союзническая эскадра осталась в следующем составе: французские корабли — «Ла Форт», шестьдесят пушек; «Эвридика», тридцать пушек; «Облигадо», двенадцать пушек; английские — «Президент», пятьдесят пушек; «Пик», сорок шесть пушек; «Вираго», пароход в двести двадцать лошадиных сил, шесть пушек. Главкомандование, как подобаает обстоятельствам, осуществлялось английским адмиралом Прайсом, по старшинству чина.

По мере движения эскадры к северу плавание с каждым днём становилось тягостнее, как из-за резкого перехода от тропического тепла к холодам этих неприветливых морей, так и из-за беспрерывных густых туманов, изнурявших опасностью разлучиться. Бывало, корабли целыми днями не видели друг друга, сколь бы близко ни находились; только барабаны, горны, удары колокола предупреждали об опасной близости и позволяли избежать столкновений, а пушечные выстрелы, даваемые в условленном порядке и с регулярным интервалом, обозначали, по возможности, взаиморасположение судов. В один из этих холодных туманных дней на французских кораблях отметили праздник 15 августа (день рождения Наполеона Бонапарта, отмечающийся в эпохи Первой и Второй Империй как «Святой Наполеон». Ныне в этот день празднуется Успение Богородицы. — *П. К.*), и конечно, переносясь мыслями в прекрасную летнюю погоду, свойственную для этого дня в Париже, с трудом верилось, что мы находимся на параллели южнее парижской. Шли мы довольно медленно. Невозможность «Вираго» поспевать за парусниками, вкуче с опасением потерять этот драгоценный пароход, единственный у нас имевшийся, сподвигла адмирала Прайса распорядиться взять его на буксир «Президентом». Кроме того, отсутствие солнца и видимости оставляли положение эскадры сомнительным, что вынуждало приближаться к земле только с крайней осторожностью. Наконец, вечером 25 августа, в дождь, был замечен парус — мы узнали «Эвридику», уже несколько дней как отставшую от эскадры. С «Эвридики» сообщили, что видели землю в десятке миль, но не настолько отчётливо, чтобы определиться с местоположением. Ночь предвещала шторм, шквалы налетали всё сильнее и чаще; оставалось только принять мористей и дожидаться утра, но утро принесло ту же видимость — не далее ста метров и завесу дождя. Дни 26 и 27 августа также прошли в неопределённости, которую не смогли рассеять смутные контуры, возникавшие в краткие минуты просветления. Только 28-го, к четырём часам, дождь перестал, свинцовый свод облаков разорвался, показав нежно-голубое небо, и лучи восходящего солнца озарили на северо-западе снежные вершины великолепных вулканов, которые знаменуют окрестность Авачинской бухты: Корякский, равный высотой пику Тенерифе; Козельский, из кратера которого тянется облако пара, и, ближе к берегу, Вилючинский, доминирующий своей импозантной массой над зубчатой линией берега. Взвились сигналы на мачты, поставлены все паруса, каждого манит земля, все взоры притянуты к ней; но, как говорится, не избежать нам тех препятствий, которые делают морскую жизнь лучшей школой терпения. Предвестники тихого дня не замедлили сбыться, паруса безжизненно повисли, тяжко хлопая от качки, и обездвиженные суда перестали слушаться руля. Высшие силы велели нам

ждать завтрашнего дня. (О вулканах: Козельский, конечно, дымиться не мог, а дымился Авачинский. Просто капитан Дюпти-Туар, главный добытчик сведений о Петропавловске, посчитал, что «Авачинский» — второе название Корякского вулкана. Так настоящий Авачинский стал для иностранцев Козельским, а настоящий Козельский остался без имени. Вулкан Тенерифе на Канарах имеет высоту 3 710 м, что действительно близко к высоте Корякского. — П. К.)

Этот штиль позволил «Вираго» проявить всё своё преимущество. Мы были достаточно удалены от земли, чтобы нас можно было отчётливо разглядеть. Адмирал Прайс решил этим воспользоваться и попытаться подойти вплотную и разглядеть оборонительные силы городка; спустя немного времени пароход оставил далеко за кормой фрегат, который только вчера тащил его на буксире. Вскоре показались ворота бухты и высокие стены береговых скал. Чтобы войти, «Вираго» прибегла к хитрости, часто используемой в море, и двинулась по направлению к внутреннему рейду, подняв на мачту яркий полосатый американский флаг. Порт — справа: в глубине бухты видны несколько мачт, несколько домов, разбросанных на подошве горы — всё это тут же сообщалось адмиралу, который велел двигаться далее с нарочитой медлительностью. Скоро к пароходу с берега была направлена лодка, но тот обманным маневром уклонился от встречи. Наконец, когда неприятель забеспокоился и стал изголавливать к стрельбе батареи, в досягаемости которых уже оказался подозрительный визитёр, пароход резко положил на борт и на полной скорости ушёл обратно к воротам бухты, оставив русскую лодку в недоумении. Теперь попытаемся обобщить в нескольких словах то, что узнал адмирал в результате этой короткой, но успешной рекогносцировки.

Расположенная под пятьдесят четвёртым градусом широты, Авачинская бухта образует восхитительный и безопасный внутренний бассейн около десяти миль диаметром — дивная морская драгоценность, словно по ошибке природы затерянная на этом пустынном берегу. Довольно просторная, чтобы укрыть все флоты мира, она только с юга соединяется с морем узкими воротами, подобно брестскому рейду, и если, войдя в эти ворота, двинуться вдоль правого берега бухты, то скоро и повстречаешь маленький порт Петропавловск, который заслуживает пристального рассмотрения.

Представим себе карман, открытый с юга, длиной приблизительно тысячу двести метров, шириной четырёхста, а с запада закрытый, словно Калифорнийский залив в миниатюре, длинным и узким «полуостровом», вытянутым с севера на юг, средней шириной сто пятьдесят метров. При входе в этот карман от его восточного берега тянется песчаная коса шириной тридцать пять метров, возвышающаяся над водой всего на несколько футов, она направлена к северо-западу и почти полностью замыкает карман, оставляя для прохода только зазор в сотню метров, между косой и «полуостровом». В этой гавани, укрывающей лучше, чем любой рукотворный порт, стояли фрегат «Аврора», сорока четырёх пушек, и корвет «Двина», двенадцати пушек, сразу вплотную за косой, которая защищала их ватерлинии, как настоящий бруствер, не препятствуя притом несколько их стрельбе. Эту позицию, уже саму по себе сильную, защищали три батареи, расположенные с юга, на входе в гавань: одна, самая отдалённая, трёх пушек, поставленная на обрыве восточного берега; вторая, одиннадцати пушек, на том же берегу, в основании косы, приблизительно в тысяче двухстах метрах от первой; третья, пяти пушек, на мысу Шахова, образующем южную оконечность «полуострова» (этот мыс назвал так г. Дюпти-Туар, капитан фрегата «Венера», в память о сердечном гостеприимстве, оказанном ему г. генерал-губернатором Шаховым. Адмирал Завойко, управляющий Камчаткой в 1854 г., был зятем генерала Шахова. — *Авт.*), то есть как раз напротив двух первых. (Насколько известно, В. С. Завойко был зятем барона Врангеля. — П. К.).

Таким образом, судно могло добраться до русского фрегата и корвета, только пройдя под огнём этих трёх батарей, из которых вторая казалась самой мощной, как по числу орудий, так и по надёжности постройки. С западной стороны, как уже сказано, порт был закрыт холмами «полуострова», эта гряда холмов прерывалась напротив города естественным понижением или перешейком, позволяющим видеть мачты русских судов; этот перешеек был защищён батареями из шести орудий, контролирующих

рейд. Наконец, приблизительно в тысяче метров к северу от этой точки, гряда холмов заканчивалась, и там на берегу была построена батарея из пяти пушек, также настроенная к рейду. По всей вероятности, «Аврора» и «Двина» оставили пушки лишь по одному борту, передав остальные на берег, что и позволило укомплектовать большую часть пяти батарей, только что нами описанных. Таким образом, русские распределили свои средства обороны с полным пониманием позиции, сделав её если и не неприступной, то, по крайней мере, очень трудной для взятия. И хотя «Аврора» прибыла только 2 июля, с экипажем, наполовину поражённым цингой, русские использовали время с редкой энергией, что делало ещё досаднее фору, которую мы им неосторожно дали.

Можно удивиться, почему, так хорошо укрепив подступы города, они не пытались также защитить и ворота в Авачинскую бухту: несколько хорошо расположенных орудий сделали бы крайне проблематичным преодоление этого узкого и длинного прохода, но, очевидно, время не позволило этим заняться. Остались следы начинавшегося строительства батареи близ маяка, расположенного на обрыве мыса у входа. Впрочем, одна крупнокалиберная пушка рядом с маяком имелась, вероятно, для сигнальной цели, но стояла на такой высоте, что защищать проход не могла.

Возвратясь с рекогносцировки на «Вираго» поздно вечером, адмирал Прайс в течение ночи совещался с адмиралом Депуантом, и следующим днём 29 августа, едва утренний штиль сменился бризом с моря, был подан сигнал строиться в боевую линию. Корабли наклонились под свежеею ветром и вошли в устье бухты с поднятыми флагами. Орудие маяка «приветствовало» их безобидным ядром. Вскоре развернулась великолепная панорама бухты, растительная зелень оттеняла яркую белизну господствующих снежных пиков. Наконец в четыре часа эскадра стала на якоря в условленном порядке напротив входа в Петропавловскую гавань и вызвала на себя залпы всей русской артиллерии. (Прежде чем излагать ниже следующие факты, позволим себе сказать о форме, в которой мы их представляем, иногда скрупулёзной. Будь это просто неизвестные факты, мы могли бы ограничиться тем, что обрисовали бы их в общих чертах; но дело обстоит иначе. Увы, сражение 4 сентября было оценено с суровостью, которая выставляет в ложном свете поведение экипажей союзнической эскадры; нам долг справедливости велит входить в детали, достаточно подробные, чтобы воссоздать события в точности, от чего зависит, можно сказать, реабилитация военной чести наших моряков.) Эти залпы по дальности расстояния не могли иметь для нас другого результата кроме как обнаружение расположения батарей. Было уже поздно что-то начинать, и остаток дня был использован для дальнейших боевых приготовлений, а вечером на борту фрегата «Президент» собрались на совет оба адмирала и капитаны шести кораблей. Было решено начать атаку с пятипушечной батареи, стоявшей при входе в гавань на южной оконечности «полуострова» — батареи, которую мы обозначили под именем Шахова. Эту атаку взяли на себя два адмиральских фрегата. В то же время «Пик» должен был подавить огонь маленькой трёхпушечной батареи, назовем её Кладбищенской. Сразу как эта последняя замолкнет, её захватит десантный отряд, заклепает орудия и разобьёт лафеты. Этими немногими, простыми и вполне понятными указаниями адмиралы ограничили ближайший план, оставляя за собой право действовать далее соответственно развитию событий.

Дело предполагалось начать следующим днём. С утра лодки ходили на более тщательную разведку, и затем в одиннадцать часов адмирал Прайс прибыл на борт «Ла Форт» сообщить о своём намерении начинать сражение, не медля более. На мачтах поднялись сигнальные флаги, «Пик» подошёл и закрепился к пароходу справа; уже буксирные концы были переданы на «Ла Форт», когда внезапно всякие приготовления были прекращены; к французскому фрегату подгребла английская лодка с капитаном «Пика», и тут же адмирал Депуант поспешил на «Президент». Английский адмирал только что выстрелил из пистолета себе в сердце.

Трудно описать великую печаль, в которую это прискорбное событие привело весь народ, как на английских кораблях, так и на французских. Своей постоянной приветливостью, редкими и ценными качествами, исключительным тактом, необходимым при командовании непростым союзом двух флагов, адмирал Прайс снискал всеобщее

уважение и симпатию, и, конечно, никто не мог предвидеть такого рокового решения. Что касается офицеров, более с ним близких, они, как им казалось, замечали в нём уже некоторое время душевную перемену, которой они беспокоились, однако не подозревая, к какой трагической развязке это приведёт. Мы говорили о сомнениях и о промедлении, которыми отмечено начало кампании: одолеваемый этой нерешительностью, постепенно вошедшей в его характер, адмирал сам признавал её и осуждал, а к концу стоянки на Маркизах горько сожалел о потерянном там месяце. Позже, на Гавайях, его умственное беспокойство усилилось осознанием, какие преимущества он отдал русским фрегатам. Мысль о том, что придётся отчитываться в своём поведении перед правительством, не прощающим неудач, преследовала его всё более и более, и особенно по прибытии в Петропавловск, когда перспектива сражения показала ему возможность неудачи, в которой он в двойной мере винил себя. С этого дня мука ответственности уже не давала ему покоя. Вполне реальная сила города в его глазах приняла размеры ужасающие, а шанс взятия представлялся сомнительным. И успех, казалось ему, даже если его удастся достичь чисто морскими средствами (то есть только бомбардировкой. — П. К.), будет оплачен серьёзными людскими потерями и, особенно, повреждениями кораблей, которые невозможно исправить на этих далеких берегах. Попытка же десантной операции справедливо казалась ему ещё более рискованной. И так, бесконечно одолеваемый опасениями, которые объясняются, но не оправдываются расстроенным состоянием его разума, не имея в течение пяти ночей ни минуты отдыха, несчастный адмирал дошёл до того, что буквально был раздавлен грузом ответственности, которую он преувеличил сверх всякой меры. Однако, оставаясь до последней секунды начальником, всегда ровный и приветливый со всеми, он сумел скрыть от взоров, до какой степени его снедало беспокойство, и всё с той же обычной сердечностью он сообщил на борту «Ла Форт» своё решение незамедлительно начать атаку. Он простился с адмиралом Депуантом, назначив французским офицерам встречу вечером. Его роковое решение — сложилось ли оно уже тогда в его душе? Очевидно, нет, и если истинная правда в том, что он поддался фатальному порыву, то мы, по крайней мере, должны снять с его памяти грех преднамеренного самоубийства, которого не могла бы допустить его глубокая религиозность.

Адмирал Прайс причинил себе, так сказать, смерть в присутствии своего экипажа. Прогулявшись по палубе с капитаном своего корабля Барриджем и поговорив с ним о принятых к бою диспозициях, он спустился в свою каюту — не отгороженную в тот момент от батареи, поскольку переборки перед сражением были убраны; затем, открыв шкаф, он вытащил свои пистолеты, зарядил их, приставил один к сердцу, выстрелил и упал [буквально: «осел»]. Несмотря на хлопоты вокруг него, он умер несколько часов спустя, сохранив сознание почти до последней секунды. С его смертью командование эскадрой перешло к адмиралу Депуанту, к несчастью, уже достигшему болезни, от которой он скончается через несколько месяцев. Английской частью эскадры отныне командовал главный из её капитанов, сэр Фредерик Николсон, командир «Пика». Атака, разумеется, была перенесена на следующий день, на 31 августа, а вечером 30-го на борту «Ла Форт» собрали совет и решили исполнить все принятые ранее диспозиции строго, точь-в-точь.

III

На следующий день адмирал Завойко и его офицеры присутствовали на молебствии, которое, по русской боевой традиции, проводилось на одной из батарей, когда прозвучал пушечный выстрел, и ядро, просвистев над их головами, плюхнулось во внутренней гавани. И все разошлись по боевым постам: атака началась. На самом деле, «Вираго» ещё с восьми утра напрягалась, со всех сторон закрытая корпусами трёх фрегатов, которые она буксировала; но задача была слишком трудна для неё, и, несмотря на могучие усилия, о которых свидетельствовали чёрные клубы дыма из трубы, несмотря на штиль, благоприятствовавший движению, после часа борьбы с течением, силу которого недооценили, она вынуждена была отпустить союзнические

фрегаты, и они стали на шпринг дальше от фортов, нежели планировалось. Впрочем, это неудобство было с лихвой возмещено умением наших канониров, что показали первые же выстрелы. Что ни миг, наши ядра отбивали всё новые куски скалистой стены, к которой была притиснута батарея Шахова, и глубоко взрывали её недостаточную насыпь. Русские выдерживали убийственный огонь с редким мужеством; но скоро состояние их орудий не позволило им больше отвечать, и менее часа спустя они эвакуировали батарею. Тем временем «Пик» привёл к молчанию три пушки Кладбищенской батареи, и затем пароход (также очень метко стрелявший) приблизился к берегу на некотором расстоянии ниже этой батареи (в переводе М. Буйницкого почему-то «выше батареи». — *П. К.*) и высадил на берег около ста пятидесяти человек морской пехоты (*Royal Marines* — элитные части пехоты, предназначенные, как то указывает их девиз «*Per mare, per terram* — по морю, по суше», для особой службы в британском флоте; каждый корабль получает, соответственно его значимости, более или менее многочисленный отряд. — *Авт.*) и французских матросов. В несколько минут они поднялись по обрыву и заклепали орудия, затем отряд вернулся к берегу, куда уже было послано на случай необходимости подкрепление, десанты с «Ла Форт» и «Пика». В действительности же увидели довольно многочисленное русское войско, движущееся через кладбище из города к батарее; русские пытались воспрепятствовать возвращению наших людей на судно, но те всё же после незначительной перестрелки вернулись на борт. В одиннадцать часов сорок минут огонь везде прекратился, и в полдень был дан приказ экипажам обедать.

Результат минувшей первой половины дня был многообещающ даже сверх ожидания: мы не только достигли явного преимущества, но и убедились в превосходстве нашей артиллерии над русской, чьи ядра нас настигали лишь изредка, тогда как большинство наших выстрелов разило их батареи. Мы же, за вычетом незначительных повреждений, могли считать себя невредимыми; два из наших кораблей в бою вообще не участвовали, тем не менее, мы избавились от двух батарей из трёх, защищавших позицию. Правда, оставалась самая сильная, одиннадцатипушечная, расположенная на песчаной косе, закрывавшей вход в порт, также оставались двадцать орудий «Авроры» и шесть «Двины»; но их стрельба была неточна, поскольку из многих ядер, посланных в наш десант и в доставившие его на берег лодки, попало только одно — в борт «Вираго». Наконец, хотя пароход и оказался слаб для буксировки трёх фрегатов, но в дальнейшем можно было бы обходиться без него, поскольку с моря задул зюйд-зюйд-вест и обеспечил кораблям свободу движения под парусом. Таким образом, помимо численного превосходства нашей артиллерии, все желаемые обстоятельства также складывались в нашу пользу.

К несчастью, мы не извлекли этой пользы. Возможно, оба командующих сочли возможным удовлетвориться канонадой без результатов, но с достигнутым преимуществом; а может, и взаимопонимание их оставляло желать лучшего. Как бы то ни было, вторая половина дня была отмечена не только досадной нерешительностью, но и несогласованностью движений. После обеда «Ла Форт» приблизился к крытой батарее, но не подставляясь русским кораблям, будучи закрыт от них мысом Шахова, и в два часа открыл огонь по этой батарее, к которой несколько позже присоединился «Президент» с более дальней дистанции, тогда как «Пик» остался на утренней позиции, бесполезный по своей удалённости. Спустя час меткого обстрела неприятельская батарея, чья половина пушек вышла из строя, значительно замедлила огонь. Выстрелы с обеих сторон звучали всё реже, и к четырём часам всё прекратилось, а в шесть часов три союзнических фрегата возвратились на вчерашние позиции вне досягаемости фортов. Во время перестрелки нас восхищало хладнокровие русского часового, который видел, как падают вокруг наши снаряды, но невозмутимо продолжал вышагивать (этим «часовым» был командир батареи Д. Максудов. — *П. К.*). В итоге, в ходе канонады, по временам весьма оживлённой, «Ла Форт» выпустил за день 869 ядер; из экипажей четырёх задействованных кораблей убит был один человек и семеро легко ранено — все на французском фрегате; да и серьёзных повреждений не было: перебито несколько растяжек в такелаже, несколько ядер в бортах, но ничего, что помешало бы движениям хотя бы одного из союзнических кораблей.

Нетрудно понять, что совет, созванный вечером того же дня, 31 июля (так у дю Аيي; на самом деле — августа. — П. К.) 1854 г., был весьма бурным. Трудно объяснить, как оно вышло, что вынудив русских оставить две их батареи, заставив замолчать третью, причинив неприятелю серьёзные ввиду его стойкого сопротивления потери и ничего по существу не потеряв с нашей стороны, мы не развили это преимущество атакой на фрегат и корвет, которые нам только и оставалось ликвидировать. Экипажи и офицеры выказывали рвение, и оба французских корабля, которые приказ адмирала держал на удалении от огня, горели желанием тоже принять участие в деле. В конце концов, если малая ширина порта и затрудняла подход наших кораблей и постановку на шпринг, то ведь у нас был пример «Ла Форт» и «Президента», которые дважды точно и проворно выполнили этот маневр под вражеским огнём. Хороший ветер, как известно, попутствовал этому движению, что позволило приблизить час, когда третья русская батарея прекратила свой огонь. Конечно, было странно не извлечь пользу из достигнутого, ведь теперь мы предоставили неприятелю всю ночь на исправление укреплений. Все досадные обстоятельства были только малозначащими помехами и уж никак не причиной, чтобы отвлечь нас от новой атаки, успех которой казался несомненным. Так считала, можем утверждать, вся эскадра, и командиры «Эвридики» и «Облигадо» всего лишь выражали общее мнение, когда на совете настаивали на скорейшей второй попытке. И всё же их мнение не возымело силы, и было принято решение уходить в Калифорнию, в Сан-Франциско, чем раньше, тем лучше.

(Суть абзаца: решение адмирала Депуанта прервать атаку расценено как неразумное и труднообъяснимое. По мнению большинства офицеров, развить успех возможно было ещё в тот же день, а довершить — на следующий. На самом деле — не факт: ущерб русской обороне союзники преувеличили. «Саботаж» фрегата «Пик» объясняется как невнятность распоряжений адмирала, так и нежеланием капитана Николсона их понять. Этот конфликт внутри эскадры и вызвал решение Депуанта «уйти в Калифорнию». — П. К.)

Со следующего дня начались взаимные обвинения командующих, каждый из которых желал уменьшить свою долю ответственности. Адмирал упрекал «Пик» за бездействие после утренней перестрелки, на что английский командующий возражал, что не получил никакого приказа, какую занять позицию. Как бы то ни было, общее мнение единодушно восстало против ухода, что и сподвигло капитана «Пика» рассматривать возможность сухопутной попытки. Более несчастной идеи и быть не могло. Истинная сила корабля — в его пушках, и берёмся утверждать, что высадка имеет смысл только тогда, когда пушки по каким-то обстоятельствам не могут быть использованы. У нас таких обстоятельств не было; мы уже убедились, что превосходство нашей артиллерии, как в стрельбе, так и в числе, было настолько явно, чтобы смело атаковать «Аврору», взять город с его самой сильной стороны, пусть даже в порту обнаружатся батареи, доселе не замеченные. Прибегнув же к высадке, превращая наши экипажи в сухопутное войско, мы даром отдавали все свои преимущества. Мы не только лишались наших пушек, но обрекали своих моряков на тот вид боя, в котором они не имели упражнения за долгое время тихоокеанского плавания; да что говорить?! Никуда не годится искать неприятеля в местности, которую мы не знаем, а он давно изучил как свои пять пальцев. Но справедливости ради скажем, что подобные соображения тогда мало кому приходили на ум, и что, начиная с того момента, когда слово «высадка» прозвучало, экипажи поддержали идею с воодушевлением, которое разделяли и многие офицеры.

Первоначальная идея о высадке была навеяна господину Фредерику Николсону сообщениями двух американцев. 1 августа «Вираго» пошла хоронить останки адмирала Прайса в одну из бухт Авачинского рейда, Тарьинскую. Там пароход нашёл этих людей, занятых рубкой дров, и доставил их на «Пик» на допрос к командующему. По их словам, мы могли бы попасть в город по удобной и широкой дороге, кроме того, над позицией русских господствовала гора, с которой её [позицию] можно было бы легко захватить; короче, они изобразили всё делом одного дня и настолько лёгким, что сэр Фредерик Николсон не усомнился предложить его адмиралу Депуанту.

Адмирал указывал на тот факт, что эти американцы уже давно не были в Петропавловске и не знают, как русские успели укрепить оборону, и что, вероятно, они неверно представляют себе положение дел. Но затем, уступив горячей убеждённости Николсона, хотя и не будучи уверен, он в конце концов сдался, и третьего сентября, во второй половине дня всех капитанов созвали на совет и ознакомили с принятым решением. После долгого обсуждения детали нового плана атаки были утверждены, но прежде чем его излагать, вкратце опишем местность.

Мы уже говорили об узком «полуострове», вытянутом с севера на юг, который закрывает порт со стороны рейда, и горы, образующие этот полуостров, высятся над городом, подобно валу, только посередине понижаясь перешейком, за которым виднелись дома и мачты судов в гавани. Перешеек защищала батарея из шести пушек; кроме того, приблизительно в тысяче метров севернее стояла на берегу ещё одна батарея, из пяти пушек, у подножия лесистой горы, начинавшейся от перешейка. Не считая песчаного пляжа шириной в несколько метров, гора представляла с моря обрыв, но с обратной стороны довольно полого снижалась к городу, так же, как и к пятипушечной батарее у её оконечности. Следовательно, в город надо было идти от этой последней батареи, огибая гору, расстояние там невелико. Действительно, как и говорили американцы, там оказалась немощёная и удобная дорога. Но за время их отсутствия незначительные заграждения, которые защищали город с этого направления, сильно изменились, и за рвом, пересекавшим дорогу, теперь возвышался закрытый, прочно сделанный насыпной ретраншемент и палисад, короче говоря — форт, который можно было взять только правильной атакой. Это место и выбрали для высадки, план которой теперь нетрудно понять. (Никакого «форта» на дороге в 1854 г. не было — дорогу держала под прицелом открытая батарея «Озерная». Дю Аيي задним числом описывает более серьёзные укрепления, которые он сумел осмотреть в июне следующего года, когда город был уже покинут русскими. — П. К.)

Фрегаты «Президент» и «Ла Форт» (в переводе М. Буйницкого корабли названы в обратном порядке, что соответствует рапорту В. С. Завойко, но не соответствует действительности. У дю Аيي правильно. — П. К.) должны были сперва подавить огонь батарей, один — перешеечной, другой — расположенной севернее на пляже, у подножия горы; затем пароход высадит в этом последнем пункте десантный отряд, около семисот человек, как французов, так и англичан. Подразделялся отряд следующим образом: [1] авангард — человек двести, состоящий из ста двадцати английских морских пехотинцев и французских стрелковых (элитных) взводов; [2] французская колонна, двести человек, объединяющая роты «Ла Форт» и «Эвридики»; [3] английская колонна — сто восемьдесят человек с фрегатов «Пик» и «Президент»; [4] наконец, группа из ста двадцати человек с «Облигадо» и «Вираго». К несчастью, это войско не имело единоначалия: командовать французами адмирал поручил г. де Ла Грандьеру с «Эвридики», а командовать англичанами выпало капитану «Президента» Барриджу. Высадившись, десантники должны были взобраться на гору с трёх разных сторон так, чтобы овладеть вершиной одновременно, после чего туда втащили бы специально припасённые лёгкие гаубицы, с их помощью предполагалось легко поджечь сверху город, весь деревянный. У этого плана был серьёзный недостаток: дело затевалось в чаще, слишком густой, чтобы не разрознить людей и иметь возможность руководить ими; но это неудобство свойственно местной природе, и если уж мы решились на десант, так этот план и был почти единственно приемлемым. Иными словами, какова бы ни была следующая цель наступления, сначала следовало овладеть горой.

Военный корабль принимает накануне боя характерную физиономию, которая может удивить того, кто знает матроса суровым и просоленным, не разумея его сокровенной души. Мы помним, с каким жаром экипажи приняли весть о грядущей высадке, безрассудную отвагу, толкавшую их на врага, без догадок, чья возьмёт; а когда сумерки положили конец суете подготовки, на палубе там и сям собрались группы матросов, и ещё долго слышался тихий обмен наставлениями на случай гибели, простые и наивные завещания, всегда передаваемые с религиозной точностью. Помню юного матроса, который, отстояв вахту до полуночи, использовал оставшиеся

часы, чтобы мучительно писать письмо при неверном свете закопчённого сигнального фонаря; бедняге суждено было стать одной из первых жертв следующего дня. Дело в том, что для матроса воспоминание о родном берегу — не только культ очага и символ далёкой отчизны, это и мысль о семье, которую он кормит и которая в случае его смерти не получит больше помощи, доли той жалкой платы, которую он зарабатывает жизнью, полной лишений. (Перечисление денег — бесспорно, один из наиболее трогательных моряцких обычаев. Мало в экипаже таких, кто не жертвует таким образом треть жалования не только женам и детям, но отцам, матерям, а то и более дальним родственникам. Родные дети почти всегда перечисляют часть жалования матерям, но часто и найдёныши ведут себя так же по отношению к приёмным родителям.) Многие в тот вечер уснули с видением какой-нибудь бедной бретонской хижины на диком песчаном берегу или цветущей деревни под лазурным небом Прованса. Ночь скороталась, а с рассветом рой лодок был привязан за «Вираго», принявшим на борт все штурмовые отряды. Пароход, подобно могучему силачу, ухватил оба адмиральских фрегата, тяжёлая плавучая масса медленно двинулась, и путь её обозначали всплески вражеских ядер; будь русские артиллеристы чуть половчее, мы бы дорого заплатили. Но пароход был восхитителен: несмотря на обузу из семисот человек и двух фрегатов, несмотря на обязательство присматривать за флотилией лодок, несмотря на смертельную опасность от врага, ни тени смущения не мелькнуло на борту, и гигантское орудие на носу «Вираго» первым ответило береговым батареям. Скоро фрегаты стали на якоря в четырёх кабельтовых от берега, и завязалась перестрелка.

Князь Максutow II командовал большей из двух русских батарей; с первых же залпов наша убийственная точность напугала его команду, зелёных новобранцев, и они не решались приблизиться к пушкам. Князь сам хватает фитиль и подаёт пример, пока не падает без чувств, сражённый ядром; но эта неравная канонада не могла длиться долго, и после трёх четвертей часа сопротивления — срок, который делает им честь, — русские вынуждены были оставить свои батареи. Теперь высадке ничто не препятствовало. Было восемь часов с половиной.

Мы исключительно военная нация [то есть хорошие моряки и отличные солдаты], но и вообразить не можем, каково офицеру командовать моряками на суше. Странная перемена происходит в матросской натуре, когда он покидает привычную стихию. На борту он раб дисциплины и осознает её необходимость, привычен к ежедневным опасностям, его стойкость и хладнокровие восхищают весь мир, — но его не узнать, едва он оставит свой плавучий дом. Мужество и совесть — всё при нём, но в противоположность мифическому великану [Антею], коснувшись земли, он теряет то, что давало ему силу [то есть корабельную дисциплину]. Бездумно следуя сиюминутному азарту, он не понимает, что тут тоже своя дисциплина. Сухопутная служба не сложнее морской, но такая перестройка требовала бы специального обучения и времени. Эта проблема не так страшна в большинстве случаев, но здесь мы попали на неприятеля, закалённого и дисциплинированного, приспособленного к условиям местности, и это стало нашей бедой. Нам следует усвоить этот печальный опыт.

Едва очутившись на земле, матросы в первую голову озадачились тем, чтобы овладеть горой; увлечённая жаром этой идеи, главная английская колонна устремилась вперёд, не дав офицерам её организовать. Авангард уже ушёл в отрыв, и вскоре за ним колонна командира Ла Грандьера также стала взбираться на гору в порядке, какой только был возможен при том, что путь с каждым шагом становился труднее. Помимо крутизны склона, пришлось ещё продираться сквозь чащу, всё более густую, где листва мешала бойцам даже вблизи различать своих, и это невольно приводило в замешательство. Вскорости русские, укрывшиеся было в форту долины, покинули его и тоже устремились на гору. Так как склон с востока легче, а местность они знают лучше, то и к вершине они поспели прежде нас; тут поднялась оглушительная перестрелка наперебой с барабанами; в то время как второй неприятельский отряд, посланный из города, быстро направлялся к месту боя широкой тропинкой, ведущей с перешейка вдоль гребня горы. А вот что в это время происходило на других участках.

Сразу же по выгрузке отряд, составленный из людей «Облигадо» и «Вираго», проследовал по пляжу в сторону перешейка (в переводе М. Буйницкого — «со стороны перешейка», что создаёт ложное представление, будто на Лаперузовом перешейке также был высажен десантный отряд. Между тем, выше указано, что место высадки было одно. Отрядом, о котором идёт речь, командовал сам дю Айи. — *П. К.*), чтобы взобраться в более-менее пригодном месте на гору, которая с этой стороны являла собой почти вертикальный обрыв, изрытый расщелинами. Подъём, и с других-то сторон нелёгкий, здесь превращался в настоящее скалолазание, вызов любому хладнокровию; цепляться не за что, почва из-под ног осыпается каменным дождём на головы карабкающихся следом; но в подобных обстоятельствах азарт умножает силы каждого, и мы быстро оказались наверху, и одновременно туда же выходили русские, идущие с перешейка. Несколько мгновений враг расстреливал наших моряков, беззащитных и беспомощных, но неожиданной атакой мы вынудили его отступить на восточный склон, и наш отряд обрёл возможность воссоединиться с главными силами. Именно в этой атаке погиб, поражённый пулей в сердце, молодой офицер с «Облигадо», с честью носивший славную во французском флоте фамилию, г. Жикель-Детуш.

Наш маневр пошёл на пользу главным силам, которые в тот момент после яростной борьбы овладели вершиной. Однако потери уже были серьёзные. Первые же ружейные пули сразили обоих офицеров, возглавлявших авангард: командир морских пехотинцев [капитан Чарльз Паркер] был убит, а второй, с «Эвридики» [лейтенант Делакомб, командовавший французскими стрелками], опасно ранен и вынужденно возвращён к лодкам; в нескольких шагах от места, где пал мичман Жикель, его брат был поражён пулей в голову. (В переводе М. Буйницкого «ядром». Никаких ядер над сопкой не летало; кроме того, второй из братьев Жикель-Детуш остался жив после ранения. — *П. К.*) Ширясь, бой охватил весь гребень горы, и кое-где дошло до штыков. Гуща чащи мешала даже в нескольких шагах признавать своих и различать неприятеля, растерянность усугублял цвет одежды, красный у английской морской пехоты и у части русских. Тогда-то командующий Ла Грандьер, осознавая необходимость сосредоточить силы на вершине, послал адъютанта придержать чересчур продвинувшийся отряд. Не сделав и нескольких шагов, адъютант увидел, что его эскорт стреляет по красным фигурам, и, ужаснувшись роковой ошибке, велел прекратить огонь. «Не стреляйте, мы — союзники!» — крикнул вражеский офицер. Распознав акцент, адъютант успел воскликнуть: «В штыки!» — и рухнул, пронзённый тремя пулями. (Есть убедительное свидетельство, что фразу «Ne tirez pas. Je suis Anglais!» произнёс английский лейтенант Дж. Робертсон с фрегата «Пик». Но кто застрелил упомянутого адъютанта, лейтенанта Лефевра — неизвестно. Никто из русских этим подвигом не хвастался. — *П. К.*)

Было около девяти с половиной часов. Бой продолжался так же сумбурно, объединить усилия на каком-то направлении командиры не могли. Русские, беспрестанно получавшие подкрепление из города с батареей, теснили нас к северу горы, а на пляже, было видно, собирались не только раненые, но и отставшие от своих отрядов в зарослях. Их, разрозненных, растерянных, сражающихся вот уже битый час против невидимого врага, вполне понятное чувство влекло на открытое пространство, где будут какие-никакие осмысленные приказы [то есть, к берегу]. Но последствия этого были губельны: едва создавшаяся кучка [беженцев на берегу] быстро превращалась в толпу, и скоро г. де Ла Грандьер, глядя с горы, убедился в необходимости объявить колонне отступление. Ретирада была проведена в порядке, какой только позволил характер местности. Русские держались поодаль, занимая гребень не поспешнее, чем мы его оставляли; и плотный огонь, направленный ими с высот по нашим лодкам, был бы ещё убийственнее, если бы не корабельная артиллерия, особенно «Облигадо», который, виртуозно ловя редкие вздохи бриза, подступил на три кабельтовых к берегу. (Напомним: сам дю Айи служил именно на «Облигадо». — *П. К.*) Лейтенант Бурассе командовал шлюпками. Уже некоторое время больной, он настойчиво просился в бой, где и нашла его смерть. Началась реамбаркация (возвращение десанта на суда); чтобы нас не теснили, чтобы могли подтянуться раненые, отбившиеся,

заплутавшие, за береговой батареей засел отряд прикрытия. Всё меньше и меньше матросов выходили кто из-за деревьев, кто из теснин обрыва, наконец стало ясно, что больше никто не придёт. Теперь следовало срочно покинуть позицию, где каждая минута множила бессмысленные потери, и в десять часов последние лодки получили приказ возвращаться к своим.

Потери были очень велики, до трети наших людей, только убитыми полсотни, и эта цифра ещё должна была расти в последующие дни. Офицеры сполна отдали свой долг: из офицеров «Эвридики», кто участвовал в деле, только один остался цел и невредим. То же и на «Облигадо», которому вообще досталось больше других кораблей. Да простят нам эти подробности. Молчание, хранимое доселе обо всём, что касается печального дня 4 сентября 1854 г., — больше чем незаслуженное забвение, это полная несправедливость, ибо молва, всегда склонная преувеличивать то, чего не знает, превратила в позор знамени то, что было только поражением, обусловленным трудностями местности, на которой мы неразумно оказались. Офицеры и матросы достаточно дорого заплатили кровью, чтобы быть избавленными от неоправданной суровости. Безусловно, кто видел их тогда в трагических обстоятельствах, знает, что не было на эскадре человека, который не пошёл бы с радостью и в третью атаку, будь она объявлена, чтобы отомстить неудачу двух первых. Впрочем, давайте признаем, что мнение ещё более сурово в Англии: мы, французы, умеем извинить неудачу и понять силу обстоятельств, её повлекших, в то время как для наших союзников поражение — не печальный эпизод, а чёрное пятно, которое надо стереть из анналов истории. Такое мнение [англичан] не просто ошибочно, а почти преступно, скажу я вам, а мы его жертвы, несправедливость гнетёт нас, как злой рок.

Фортуна приберегла для соединённой эскадры последнее разочарование. Ночью 6 сентября в море были замечены огни; сразу поутру мы снялись с якоря, полагая, наконец, застать неприятеля в той стихии, где он избегал боя, и увидели за воротами бухты два судна на большом расстоянии, уходившие на всех парусах в море. Сначала мы надеялись, что дальнее из них окажется одним из двух русских фрегатов, известных нам в этих морях, «Палладой» или «Дианой», и туман способствовал этой иллюзии; но приблизившись, увидели, что это транспорт. Благодаря быстроходности «Президента» он оказался в наших руках через несколько часов. Это была «Ситха», судно Российско-Американской компании, восьмисот тонн водоизмещением с двенадцатью пушками, шедшее из Охотского моря в Петропавловск. Второе судно, шхуна «Анадырь», была слишком мала, чтобы нам взять её с собой. Наконец, на следующий день, при мрачной, унылой, дождливой погоде эскадра окончательно покинула эти берега, где она должна была снискать успех, но вместо этого губительное наущение [то есть подсказка американцев] вынудило её уносить бремя поражения, нанесённого нашему оружию. Оставив за кормой объятый пламенем «Анадырь», эскадра направилась к берегу Америки, где и продолжится история трёхлетнего крейсерства.

Эта короткая кампания щедра на уроки. С самого начала все наши действия были парализованы нерешительностью, и время потерялось в бесполезных простоях. Вместо того чтобы воспользоваться многочисленностью наших кораблей и разузнать в предвестии войны о силах противника, пунктах его сосредоточения, природе его поселений на севере Тихого океана, мы ждали, что такие сведения дойдут до нас сами собой. Перед лицом неприятеля, едва дело было начато, как новые сомнения прервали начатый бой, в момент, когда победа казалась обеспеченной. Наконец, нерешительность — всё то же фатальное слово — привела к тому, что мы бросились в отчаянный и тупиковый пеший марш. Русские начинали кампанию в заведомом проигрыше, так-то оно так, но многое значит и человеческая предприимчивость; и как же замечательно использовано время!

После броска «Авроры» через два океана из Кронштадта до Камчатки, имея едва несколько дней перерыва, экипаж сократился наполовину из-за цинги и перенапряжения. Это неважно, поскольку «Аврора» не рассчитывала дать нам отпор в открытом море, вместо этого она стала «ощетинивать» порт, давший ей убежище, возводя укрепления, заброшенные за долгие годы мира. В конце июля она была готова нас встретить; мы же как раз едва покинули Сандвичевы острова, и каждая из задержек

в нашем пути неизбежно умножала наши будущие потери. Дело в том, что в морской войне с её гигантскими переходами из одного полушария в другое время — не только первый залог успеха; часто оно и есть успех, и двухнедельной задержки порой достаточно, чтобы решить исход кампании. В бессмертном походе Нельсона, который закончился для нас катастрофой Трафальгара, когда английская эскадра лихорадочно обшаривала моря и порты трёх континентов в поисках наших кораблей, две недели, потерянные Вильнёвом, обернулись не просто поражением нашего флота, а изменением судеб мира, именно промедление стёрло несбывшуюся историю нашего века, о которой мечтал завоеватель Европы [Наполеон].

Может показаться странным упоминание в одном ряду с такими знаменитостями неизвестных имён адмирала Завойко и капитана «Авроры» Изыльметьева. Всё относительно. В 1836 г. в Кронштадте меж двух линий выстроившейся русской эскадры прошёл пароход, и корабли, расцвеченные флагами, салютовали артиллерийскими залпами грубой лодке, стоявшей на палубе парохода. Хрупкий ботик, скромный и славный прародитель флота Московии, его построил лично сам Пётр Первый, и сто тринадцать лет назад, день в день, он вышел из императорских рабочих рук, чтобы покорять водную стихию. (В переводе М. Буйницкого ошибочно «сто тридцать лет». Дата «сто тринадцать» исчисляется с 1723 г., когда Пётр принял указ об увековечении ботика и провёл первый парад кораблей в его честь. Пётр не строил ботик, но учился на нём кораблевождению. — П. К.) Совсем недавно, по меркам людской истории, что вполне объясняет пустоту послужных списков русского флота; хотя и преувеличенная осторожность, похоже, заставляет его избегать сражений. В ожидании соединённой эскадры на самой отдалённой окраине Сибири, в противостоянии её атакам на этом берегу, где никогда ещё не звучало европейское орудие, оба названных офицера доказали, что русские экипажи могут сражаться и побеждать; их имена достойны быть вписанными в летопись русского флота.

Часть 2. СОЮЗНЫЕ ЭСКАДРЫ В МОРЯХ ЯПОНИИ И ТАТАРИИ

От переводчика. 18 июня 1855 г. бриг «Облигадо» снова зашёл в Петропавловск. Совсем ненадолго — уже на другой день, передав русских пленных на британский корвет «Тринкомали» для последующего обмена, бриг отправился в Сан-Франциско. (Капитан «Облигадо» Э. Ле Руссо де Розенкоа привёз из Петропавловска русскую лайку и собачьи нарты, он же первый поведал журналистам об эвакуации Петропавловска.) Таким образом, сам дю Айти не мог быть участником военных действий в Японии, Татарском проливе и Охотском море. Но автор добросовестно изучил доступные свидетельства, в том числе и русские. Он не считает себя посторонним и, говоря о французских кораблях, пользуется местоимением «мы».

Результат Петропавловской кампании, как и следовало ожидать, произвёл тягостное впечатление как во Франции, так и в Англии, и это поражение, причины которого стали понятны не сразу, слишком явно выделялось на фоне победных реляций Восточной войны, чтобы не попытаться как можно скорее исправить дело. Оставив берег Авачинской бухты, соединённая эскадра направилась в калифорнийский Сан-Франциско. Её депеши достигли Европы до конца 1854 г., и на командование английской эскадрой, осиротевшей после смерти адмирала Прайса, был направлен адмирал Брюс; в то же время Париж послал адмирала Фуришона, чтобы сменить командующего французской эскадрой, чьё состояние здоровья оставляло мало надежды. Действительно, 6 марта 1855 г. «Ла Форт» пришёл в Кальяо под приспущенным флагом: адмирал Феврие-Депуант скончался накануне в море, изнемогши в долгой и мучительной болезни. По воле рока ни одному из двух адмиралов, выведших эскадру из Кальяо восемь месяцев назад, не довелось туда возвратиться, не довелось снова увидеть Европу.

Новые инструкции были категоричны. Захватить любой ценой Петропавловск — эта задача стояла как обязательная, и ради этого, чтобы превосходство не оставляло сомнений, каждую из двух эскадр должно было усилить кораблями, посланными из

Европы. В предыдущем году ценное время было потеряно на то, чтобы собрать воедино корабли обеих наций; на этот раз место сбора было назначено в море, на юге Авачинского залива. Все корабли, разбросанные у берегов Америки, должны были идти на Камчатку кратчайшими путями, и с первых дней весны со всех концов Тихого океана началась бешеная гонка, направленная к этому поселению, столь мало нам известному год назад. Таким образом должна была сложиться, раньше или позже, сила более чем достаточная, чтобы наверняка справиться даже с самыми непредвиденными вероятностями; у нас пять кораблей и у англичан девять, более четырёхсот пятидесяти орудий!

Сбор назначили в полусотне лье к югу от Авачинской бухты. С 14 апреля 1855 г. там крейсировали два парохода, выделенные флотом Китайских морей, несмотря на холод, затрудняющий навигацию в это время года в этих широтах. Месяцем позже подоспел английский адмирал в компании с французским фрегатом «Альсест», и 20 мая эскадра направилась ко входу в бухту. Скоро обрисовался грандиозный ландшафт, полностью погребённый под бескрайним снежным саваном — всю безрадостность этого зрелища поймёт только тот, кто сам видел эти места, обиженные судьбой. Входим в ворота; ещё немного — и виден порт, ради которого проделали такой далёкий путь в твёрдом намерении на этот раз восславить оружие Франции и Англии. Наконец просторный внутренний рейд открывается взорам, а взоры прикованы к одной точке... Обман зрения? Вроде как американский флаг реет над городом. Приближаемся, видны батареи укреплений, но ни единого орудия в амбразурах; повсюду царит странное, необыкновенное спокойствие. Печальная очевидность предстала перед нами: мы снова совершили долгое и тягостное путешествие только затем, чтобы найти место, оставленное неприятелем.

Русские снова опередили нас. Всю зиму они деятельно укрепляли и усиливали оборону Петропавловска, справедливо ожидая повторной атаки по весне. Между тем, в Санкт-Петербурге поняли, что на этот раз исход не оставляет сомнений: суда, блокированные в порту, наверняка будут захвачены либо уничтожены, и эта очевидность, вкупе с естественным нежеланием омрачить неожиданный успех прошлого года, определили решение об эвакуации. В распоряжении русского губернатора было пять судов, на них всё погрузили; жители отправились в деревню Авача, в некотором отдалении от города, и 17 апреля, разбив всё ещё крепкие льды, эскадра вышла из бухты под надёжной защитой густого тумана. А ведь уже три дня как берег стерегли оба английских парохода, присланные из Китая. Возможно, перегруженный и небоеспособный русский караван проскользнул всего в нескольких кабельтовых от крейсеров, встреча с которыми грозила ему гибелью; но судьба взялась хранить русских до конца этой кампании. «Судьба» — слово, изобретённое, чтобы скрывать наши ошибки. Конечно же, точка, назначенная для встречи кораблей, была удалена от Петропавловска на расстояние, делавшее наблюдение невозможным; конечно же, эффективную блокаду порта можно было осуществлять только в самой Авачинской бухте или перед её входом. Как и год назад, партия была проиграна из-за нашей ошибки, а позже мы ещё раз её проиграли, когда русские на наших глазах ушли в укрытие, куда и хотели, и больше мы их не видели.

Едва сойдя на берег, мы убедились, что город эвакуирован полностью. Немного найдётся зрелищ, впечатляющих сильнее, чем вид покинутого города, и невозможно передать странное чувство грусти при виде этих безмолвных улиц, где никто не откликается на зов. Дом губернатора был первым, куда вошли; казалось, он покинут только вчера: на пианино ещё раскрытые ноты, на столе незавершённое рукоделие; детские игрушки, учебники, начатые тетради. Проходя по этим пустынным комнатам, забредая в бедные жилища, которые, сгрудившись на краю мира, позволили Петропавловску носить несколько амбициозное звание города, я пытался воссоздать для себя унылое и однообразное существование несчастных людей, обречённых прозябать на негостеприимной почве. Перед большой кирпичной печью, расположенной в центре сруба, я представлял себе семью, делящую между собой скудный обед из сушёной рыбы; я видел, как снаружи снег неистово хлещет мутную слюду окон и плотным сугробом покрывает тростниковую кровлю избы. Я слышал тоскливый свист ветра, которому

отвечали протяжные, жалостливые завывания собак. Мне виделось, как по траншеям, прорытым в снегу от дома к дому, торопятся редкие пешеходы, дрожа под меховыми одеждами, да ещё какой-нибудь запоздалый путешественник, зарывшись в глубину длинных саней, правит галоп собачьей упряжки к закопчённой хижине, где его ждут. Я как бы проживал эту нескончаемую мрачную неволю, неизбежную по семи месяцев каждый год, и я понимал, с какой радостью должно восприниматься благодатное возвращение июня, с каким облегчением приветствуются пятна зелени на склонах, возвещающие конец нужде и лишениям. Как раз в начале этой скорой метаморфозы мы возвратились на Камчатку. Белый саван, покрывавший землю, начал ветшать, чтобы уступить место нормандской растительности и, словно бы желая добавить контраста, в то время как под ногами ещё лежал снег, птицы на ветвях уже воспевали весну. Иногда бледные солнечные лучи, чуть тёплые, как в Париже зимой, сообщали нечто вроде странной привлекательности этому застывшему пейзажу. Изо дня в день земля, казалось, меняла кожу, как змея в пробуждении от летаргического сна; так что когда последние союзнические суда покидали Авачинскую бухту спустя месяц, от прежнего сверкающего покрова по берегам едва оставалась редкие, тонкие клочки.

Единственной жизнью на улицах были полчища собак, тех, что служат камчадалам неоценимую службу; худые и истощённые голодом, но всегда приветливые и свойские, они поджидали на берегу каждую лодку эскадры и тащились за нами по пятам в надежде на какую-нибудь печенюшку. И всё же остались в городе два американца, поднявшие в свою защиту флаг своей страны. При их посредничестве нам удалось вступить в контакт с русскими, жившими в стороне от города, и выменять двух наших моряков, оставшихся у неприятеля после сражения 4 сентября 1854 г., на троих русских пленных, содержавшихся на «Облигадо» с того же времени.

Русских сначала было четверо, и смерть четвёртого достойна рассказа. Его звали Симеоном. С начала его пребывания на борту брига он снискал к себе общую симпатию, как готовностью, с которой он присоединялся к работе экипажа, так и весёлостью характера. Во время обеда от матросского стола то и дело раздавались громкие взрывы смеха, вызывал их именно Симеон своими солёными шутками из тех, что веками ходят на кораблях всех наций и всегда понятны палубному братству. Вечерами, бывало, вахтенная команда собиралась в кружок промеж двух пушек, временно оторванная от исполнения обязанностей устами славного рассказчика, — опять это был Симеон, он развлекал свою аудиторию нескончаемым рассказом на странном наречии, им же изобретённом, причудливо соединившим языки русский, французский, бретонский и провансальский. Между тем, настал день, когда «Облигадо» снова направился к Камчатке; с тех пор настроение Симеона переменялось. Его усердие было тем же, но весёлость его оставила; бесконечно омрачённый мыслью об участии в грядущем деле, он стал печален и молчалив. Напрасно его увещевали, что ему никоим образом не придётся сражаться против своих соотечественников, — ничто не смогло его убедить, и за несколько дней до прибытия в Авачинскую бухту он улучил момент, когда никто на него не смотрел, и кинулся в море. Тотчас же ему были брошены буй, спущена спасательная шлюпка, но бесполезно; с борта видели, как он исчезает под водой, крестясь и не пытаясь даже бороться со смертью теми движениями, к которым понуждает инстинкт самосохранения помимо нашей воли.

Часто потом, слушая рассказы о Крымской войне и ожесточённой борьбе, которой рукоплескала равнодушная Европа, я восхищался многими проявлениями героизма, многими славными смертями, вошедшими в анналы воинской чести; но признаюсь, всякий раз я не мог не вспомнить о трогательной смерти несчастного русского и не поделиться произвольным воспоминанием о самопожертвовании не ради славы этого неизвестного Курция. (Курций Марк — легендарный римский воин, чья жертвенная смерть объясняет происхождение Курциева озера. В 362 г. до Рождества Христова посередине Форума земля разверзлась, образовав пропасть, которую, согласно прорицателям, можно было заполнить лишь «главным сокровищем Рима». Тогда Курций со словами: «Нет лучшего блага в Риме, как оружие и храбрость!», в полном вооружении сел на коня и бросился в пропасть, которая после

этого сомкнулась. Есть основания полагать, что рассказ дю Аيي о «Симеоне» является ответом на статью в русском «Морском сборнике» № 7 за 1857 г. «Геройская смерть матроса камчатской флотилии 47-го флотского экипажа Удалого». Автор статьи — адмирал Завойко — со слов матросов, вернувшихся из плена, описывает спор Семёна Удалого со старшим лейтенантом брига «Облигадо», который пытался поставить его к пушке. «Лейтенант затопал ногами и закричал на него: “Ежели не пойдёшь к пушке, то сейчас повешу!” — и приказал гордень готовить». На что Удалой ответил: «Врёшь, такой-сякой француз, ты меня не повесишь, и я к пушке не пойду», — взобрался на ванты и бросился за борт. В рассказе Завойко много художественного домысла, но дю Аيي подтверждает геройскую гибель Семёна, хотя и преподносит в ином свете. Нам следует иметь в виду, что «старшим лейтенантом» на «Облигадо», тем самым, что по версии Завойко кричал на Семёна и топал ногами, и был Эдуар Ванеку, он же писатель дю Аيي. — П. К.)

Брошенность Петропавловска не оставляла союзному тихоокеанскому флоту шанса напасть на след вражеской эскадры, разве только если она направилась к русским владениям в Америке. И новая встреча была назначена нашим кораблям у поселения Ситка — мало кому во Франции известно это название. Но именно в этой точке сошлись завоевательские марши двух рас, покрывших земной шар самыми большими территориями стран, завоеванных либо ассимилированных, — русской и англосаксонской. Туда дошагали эти два неутомимых первопроходца после многовекового многотрудного движения: один — к таинственному Востоку, другой — дальнему-дальнему Западу. Путешественник, который объехал бы нашу планету двадцатью градусами южнее, увидел бы сменяющуюся панораму ста народов, отмеченных мировой историей; но на этой широте всё долгое путешествие пройдёт по землям русским либо англосаксонским, за исключением нескольких лье по Скандинавскому полуострову — то есть за исключением той самой страны, которая, возможно, явилась некогда общей колыбелью обеих победоносных рас. Занятое совпадение! В новое время три нации последовательно простёрли своё влияние в гигантских масштабах, навязали новому миру свои обычаи, свои законы, свой язык, и именно этот северо-западный берег Америки оказался местом их общей встречи; похоже на то, что здесь Провидению было угодно устроить перекрёсток, где сошлись три столь разные дороги, сведя на пространстве менее чем в двести лье русского, англичанина и вялого испанца из Калифорнии, который, как Исайя, продал своё право первородства честолюбивому младшему брату. Впрочем, из троих именно русский оказывается в наименее благоприятных условиях. Климат — не единственный враг, от которого ему приходится защищаться: на смену мирным и покорным племенам Азиатского берега приходят в Ситке жестокие орды [индейцев], в окружении которых только военная сила позволяет остаться в целостности. Мы у себя в Европе привычно называем варварством то, что чуть менее цивилизовано, и мы счастливы тем, что не знакомы с настоящим варварством, не знаем, в какую дикость может ввергнуть человека природа. Я не знаю, существует ли пример более печальный, чем полная деградация племён американского берега вокруг Ситки, племён, где всю процветает рабство XIX в., стократ безобразнее, чем могла себе вообразить античность.

«По меньшей мере, треть населения там порабощена, — говорит беспристрастный свидетель, сэр Джон Симпсон, губернатор английских территорий в Гудзоновом заливе, — и ужасное существование, на которое обречены эти несчастные, превосходит то, что примыслит фантазия. Превращая жестокость в инструмент удовольствия, хозяин ни во что не ставит нищету и лишения раба; он находит ужасное развлечение в пытках, которым его подвергает. К примеру, отсечь палец, сломать нос, вырвать глаз — это, можно сказать, всего лишь ежедневная забава, и никакое веселье не обходится без убийства нескольких из этих несчастных. На празднике в Ситке шестерых рабов уложили в ряд таким образом, чтобы горло их упиралось в острое ребро скалы; затем на их шеи была положена тяжёлая жердь, а на её концах принялась раскачиваться пара демонов в человеческом облики, и так до тех пор, пока жертвы не прекратили выказывать признаки жизни. Эта ужасная казнь не была ни мстью, ни наказанием, это было простое приятное времяпрепровождение».

Прежде русские имели более амбициозные, чем сейчас, виды на американское побережье, и ещё недавно их флаг развевался над территорией в северной части Сан-Францисской бухты в Калифорнии; но быстрые метаморфозы этого края после обнаружения золота в 1848 г. не оставили шансов этим робким попыткам колонизации. Ныне Русско-Американская компания сосредоточилась на меховой торговле и сделала центром своей деятельности именно Ситку. Союзные адмиралы, встретившиеся 13 июля 1855 г. близ этого порта, надеялись получить там хотя бы какую-то информацию о цели своего похода [то есть о русской эскадре], но их чаяния были обмануты. Один пароход эскадры двинулся к внутренней гавани узким фарватером, вьющимся в лабиринте низких, лесистых островов. При виде английского флага с берега пришла навстречу лодка, чтобы подтвердить отсутствие здесь военных кораблей, и без того очевидное; в форте находились только служащие компании и их семьи. Они только просили, если союзники захотят разрушить оборонительные сооружения, то пусть увезут и жителей, потому что здесь ничто не защитит их от полчищ индейцев, только и ждущих случая напасть. Не стоит и говорить, что всё было оставлено в сохранности, и в тот же день эскадра отправилась снова на юг.

Результат похода в Ситку был таков, что последняя надежда нагнать флотилию, ушедшую из Петропавловска, рухнула. Может, эта флотилия укрылась в Охотском море? Или, как подсказывали неясные слухи, нашла себе убежище за отмелями, закрывающими устье Амура? То, либо другое ещё следовало подтвердить; но в обоих случаях инструкции, присланные из Европы, предписывали продолжать операцию кораблям Китайской станции [то есть Китайских флотов Великобритании и Франции], и для дальнейшего рассказа нам следует присоединиться к ним. Поэтому давайте перенесёмся в пространстве — в другое море, на другую эскадру, через пятнадцать сотен лье мрачных и туманных широт, только что нами пройденных, и во времени — за несколько недель до того, как мы покинули Петропавловск. Солнце снова вступает в свои права и заливают светом тихие воды глубокой бухты, усеянной островами, покрытыми богатой растительностью. На берегах, изрезанных живописными заливчиками, теснятся многочисленные дома, утопающие в зелени; вокруг высятся уступами горы, чьи склоны, покрытые золотистыми нивами, сообщают об изобилии и плодородии доброго климата. Мы в Японии, на прекрасном рейде Нагасаки. Над толпой джонок, заполняющих порт, гордо высятся мачты трёх кораблей под французским флагом — это эскадра Китайских морей под командой капитана 1-го ранга Тарди де Монравеля.

В день 21 мая 1855 г., куда мы переносим наш рассказ, французская эскадра морей Китая готовилась объединиться с эскадрой английского адмирала сэра Джеймса Стирлинга в Хакодате, на севере Японии. Впрочем, никакого однозначного плана у командующих ещё не было; корабли, посланные разведывать Татарский пролив, ожидалась со дня на день, и по этим данным следовало планировать дальнейшие действия. Не было фактически никаких сведений о движениях неприятеля, ещё было неведомо об эвакуации порта Петропавловск, как и о том, что русские корабли ловко ускользнули и скрылись. Маленькая французская эскадра состояла из трёх кораблей: парохода «Кольбер», фрегата «Ла Сибиль», пятидесяти пушек; и корвета «Константин», тридцати пушек, нёсшего вымпел главнокомандующего. (В событиях 1855 г. участвовали одновременно два фрегата под названием «Sibylle» — «Сивилла», — французский и английский. Чтобы различать «тёзок», будем писать французский фрегат с артиклем: «Ла Сибиль». — П. К.)

С некоторого времени странный рок преследовал наши корабли у этих берегов. Сперва фрегат «Жанна д'Арк» из-за посадки на мель был вынужден покинуть эскадру и возвращаться во Францию. Вскоре после того жестокая эпидемия поразила «Ла Сибиль», причинив экипажу такие потери, что стало некому исполнять обычные работы на борту. Чтобы продолжить плавание, пришлось нанять сто китайских матросов, непонятливых и неумелых на европейском корабле, и наверняка это был первый случай, чтобы бретонский боцман свистал наверх салаг из Серединой Империи. И вот ещё один тяжкий удар постиг нас. 21 мая «Кольбер» вышел из бухты Нагасаки, направляясь в порт Хакодате с предвестьем. Едва только он отошёл лье на двадцать,

как, обманутый несовершенными картами этих малоизвестных прибрежий, незаметно отклонённый быстрыми течениями, которые делают столь опасным Японский архипелаг, он со всей скорости налетел на острый риф, скрытый под водой. Когда пароход возвратился в порт, только что им покинутый, стало ясно, что в море он сможет выйти ещё не скоро. От французской эскадры остались только два парусных корабля, в значительной мере лишённые свободы передвижений. Далее мы увидим, сколь губительны оказались последствия этой потери. Серьёзный ремонт, требовавшийся «Кольберу» после аварии, вынудили командующего Монравеля налаживать самые добрые отношения с японскими властями до его завершения. Впрочем, начало этим отношениям было положено уже с первых дней пребывания в Нагасаки. Умело сочетая предупредительность и твёрдость, он смог избежать оскорбительных ограничений, которые законы страны навязывают иностранным судам, и вместо того чтобы ожесточить губернатора города своим бесцеремонным поведением, он, напротив, так его заинтересовал, что этот высокопоставленный чиновник сам захотел его видеть. Встреча была назначена 25 мая. Такой поступок представителя власти, всегда враждебной к любому иностранцу, сумевшего превозмочь вековые традиции изоляции Поднебесной Империи (здесь дю Аيي подразумевает Японию. — П. К.), этот поступок, могу утверждать, принёс нам тогда большую пользу. Двор Иедо [Эдо — Токио], будучи с некоторых пор объектом пристальных взоров Соединённых Штатов, России и Англии, в равной степени опасаясь меркантилизма янки, захватнического рвения русских и пока не вполне ясно определенной тактики англичан, понял, что наше вполне бескорыстное влияние могло бы послужить полезным противовесом для всех этих агрессивных амбиций. Не этими ли чувствами правительства продиктованы те необычные авансы, что оказывали нам чиновники? Тот, кто знает, до каких мелких деталей доходит в этой стране подчинение правительству, признает правдоподобным такое предположение. Добавим, что официальные отношения между нами и японцами так и не были завязаны; «Константин» был первым французским кораблём, удостоившимся общения с этой удивительной империей.

«Король, — писал некогда [французский] придворный Данжо, — мне показался столь милостивым, что я обратился с просьбой пожаловать мне синий плащ с широкими рукавами, чем он меня и облагодетельствовал». Мы сегодня улыбаемся, перечитывая эти наивные воспоминания о строгом этикете, заведённом на ступенях трона великого короля. И понятно чувство неожиданности и любопытства, с которым наши офицеры обнаружили в Японии всю полноту власти не улыбочивой и чопорной самодержицы XVIII в. В одном томе не описать все переговоры и согласования в виду предстоящей встречи, взволновавшей все умы маленького губернаторского двора: порядок высадки, следование кортежа по суше, количество персон, вводные формальности. В конце концов детали были урегулированы, остался только очень сложный вопрос — как сидеть. «Сядьте как мы», — говорили эти странные распорядители. Японцы сидят на земле, подвернув ноги, из-за какого-то обычая у них развивается искривление коленных суставов. Когда командующий отказался сидеть на корточках, ему сначала предложили оставаться на ногах, что он также отклонил, затем предложили принести свои стулья с собой, этот вариант он также отнёс как малоприемлемый; короче говоря, исчерпав варианты, отважный новатор предложил заимствовать необходимое количество сидений у голландской фактории, и эта хитрость сняла последние затруднения. 25 мая с утра непривычное движение царило на рейде. Сотни богато украшенных джонок вышли из порта, чтобы выстроить цепочку вдоль фарватера для наших лодок; дома, разбросанные на берегу, оделись в ткани ярких окрасок; повсюду реяли белые и голубые флаги страны. В полдевятого наши лодки отчалили от корабля и двинулись к берегу.

Впереди и позади шли церемониальные суда, на носу каждого вздымалось копьё со знаком достоинства вельможи, присутствующего на судне. По мере нашего движения джонки с обеих сторон пристраивались за нами под грозный бой своих гонгов, пронзительное пение гребцов, образуя позади официального кортежа шумный и пёстрый хвост, чей гвалт прекратился лишь тогда, когда наши лодки, достигнув берега, были приняты служащими, делегированными для этой цели губернатором. Вот где

действительно начинался триумф японского этикета, но иностранные гости всё же пренебрегли одной из наиболее изысканных почестей. При виде этих паланкинов, в которых собирались нести его и его офицеров, обеспокоенный хрупкостью этих неудобных коробочек, стенки которых были расписаны лаковыми картинками и богато обиты шёлком, командир «Константина» счёл за лучшее пешком преодолеть небольшое расстояние до дворца. Путь был подготовлен заранее: дома по сторонам были перетянуты горизонтальными полосами ткани голубой и белой, и вдоль дороги стояли солдаты, форма которых отдалённо напоминала национальный костюм наших бретонских крестьян.

Во дворце — новый инцидент: командующий ещё раз отказался соблюсти этикет, который предписывал отделить его от офицеров. Наконец, они предстали перед губернатором или, точнее, перед губернаторами, так как одно из неизменных правил недоверчивой японской политики состоит в том, чтобы контролировать исполнение любой значительной функции, разделяя её на две персоны. (Япония, без сомнения, является единственным в мире примером управления одновременно двумя императорами. Эта странная избыточность не объясняется вышеизложенным принципом, по которому управляется администрация всей страны, и реальная власть сосредоточена в руках одного из двух императоров — сёгуна; другой же — микадо — обладает только почётными прерогативами, и жёсткий этикет двора настолько ощущимо давит на него, что он, желая от этого избавиться, нередко слагает с себя титул после нескольких лет такого правления. Это напоминает историю мажордомов и королей Франции времён второй династии. Судя по всему, этот политический курьёз порождён теми же причинами, но здесь оно — характерное свидетельство уважения, которое японцы оказывают своим традициям; ибо сосуществование сёгуна и микадо ведётся таким образом уже несколько веков. При этом оба титула передаются по наследству.)

Сегодня уже невозможно оспаривать очевидное — постепенное исчезновение того, что называется местным колоритом. При гротескном дворе короля на Гавайях мы видели принцев крови, выряженных в форму обычного офицера, но с широкой алой лентой через плечо, что им кажется символом посвящения в европейцы. Мы там увидели на помпезных похоронах короля Камеамеа III, как депутации от различных островов укрыли под фраком и круглой шляпой своё достоинство, несколько стеснённое этой цивилизующей элегантностью. Японцы, благодарение небу, даже в рамках официального этикета остались верным костюму и обычаям своих отцов. Под тонкой накидкой чёрного крепа, отличающей ранг губернаторов, сверкало шёлковое платье, рыжеватая желтизна которого богато сочеталась с бледным пурпуром шёлковых панталон; позади держались два стража, бережно держа сабли этих высоких чиновников рукоятками вверх, а ещё дальше позади — ещё семь советников сидели на собственных пятках, готовые застенографировать каждое слово встречи. Что касается японского переводчика, он стоял на коленях, взгляд в землю, и передавал слова своего повелителя, ни разу не шелохнувшись и подняв глаз, еле слышным из-за иерархической почтительности шёпотом. Аудиенция длилась не менее трёх часов; слова переводились с французского языка на китайский, затем с китайского на японский, и нетрудно понять, с каким облегчением собеседники и переводчики подошли к финалу беседы. Оставался завершающий церемониал приёма пицци — предполагалось, что тут будет этикет особо строгий, но, как говорили, этому воспрепятствовал сам губернатор. Уже в начале подали чай, сласти и к ним по длинной курительной трубке из бамбука с серебряной головкой размером с напёрсток; затем поставили перед каждым гостем на подносе красного лака также лаковую чашку с малособлазнительной смесью вермишели и варёной рыбы, в то время как вторая чашка из тончайшего лака предназначалась для сакэ, хмельного напитка из риса, вкусом напоминающего горьковатое рейнское вино. Я не стану здесь отстаивать расхожее утверждение, что всякий человек носит родину на подошвах своих ног; есть истина более простая и менее спорная: чувство родины — это верность высокочтимому культу национальной кухни, которую каждый флот проносит через океаны обоих полушарий. Иными словами, японское рагу имело не больше успеха у наших моряков, чем имели бы блюда из

жареных гусениц или ласточкиных гнёзд на берегах Янцзы. После того как каждый едва прикоснулся к яствам, заседание было закрыто и последовало возвращение на корабль тем же утренним порядком. У каждого из наших офицеров было удовлетворение проведённым днём; от такого точного и аккуратного распорядка не отказались бы ни в Версале, ни в Марли.

Но само собой разумеется, что встреча не была только банальной официальной формальностью, а имела особое значение в свете серьёзных проблем с отношением великих морских держав к Японии. Ограничимся здесь тем, что отметим: началом прямых отношений с верховными властями страны капитан «Константина» достойно увенчал свою миссию, исполненную с истинным искусством. Лишённый дипломатического статуса, которым были облечены командующие английской и американской эскадрами, он тем не менее сумел держаться с ними вровень; он сумел добиться для своих кораблей тех же привилегий, не взяв при этом обязательств ни на себя, ни на свое правительство; одним словом, можно сказать, что на случай вероятного французского посольства в эту страну, командующий Монравель подготовил для него почву как в плане заботы о наших интересах, так и в плане представлений о японском характере. Но время поджимало, ремонт «Кольбера» был согласован, «Ла Сибиль» была готова, и 31 мая на рассвете оба фрегата покинули рейд Нагасаки, чтобы идти на соединение с английской эскадрой для совместного крейсерования в Татарском проливе.

На севере Японского моря, втиснутый между азиатским берегом и длинным островом Сахалин, тянется на полторы сотни лье узкий канал, известный как Татарский пролив. Открытый Лаперузом, а следом посещённый английским коммодором Бротонем, этот залив не был с тех пор никем исследован. (Трудно вообразить себе несусветную географическую путаницу, конец которой положила экспедиция Лаперуза. До Лаперуза не только об острове Сахалин, который занимает не менее двухсот лье с севера на юг, ничего не было известно, но и местоположение Японского архипелага оставалось приблизительным. К примеру, в 1788 г., то есть как раз во время плаванья «Буссоли» и «Астролябии», Филипп Бюаш, трактуя о самом северном острове архипелага, написал в своих «Географических размышлениях» такую любопытную фразу: «Иессо [Хоккайдо], сдвинутый сначала на восток, получил затем привязку к югу, потом к западу и наконец был окончательно помещён на севере...» Сегодня эти берега лучше известны, благодаря трудам офицеров русского флота.)

В то время как эскадры наши и наших союзников беспрестанно бороздили моря Китая, ревниво следя за успехами друг друга и за внутренними судорогами Срединной Империи, ни единое судно не было озадачено тем, чтобы поинтересоваться, а что происходит на северной окраине этой империи? Начавшаяся война вывела нас из состояния апатического равнодушия. Инструкции английской эскадре, о которой мы говорили, предписывали ей обшарить Татарский пролив в поисках русских кораблей, которые могли бы там укрываться; с первых дней мая эскадра под командованием коммодора Элиотта крейсеровала в этом заливе, где уже семьдесят лет не показывался флаг военного корабля. Беспощадная лазурь осталась в тропиках, сменившись частыми ненастями, предвестниками сурового климата, и прибрежные сопки ещё увенчаны были зимними снегами. Названия берегов хранили память о спутниках знаменитого и несчастного мореплавателя, их открывшего: Ламанон, Монже, Ресевёр, де Ла Мартиньер... Но ни единого судна. Обрывы, исхлётанные и подточенные штормовыми волнами с запада; над ними бескрайние леса, где белая кора и бледная листва берёз оттеняется тёмной зеленью елей; тут и там лужайки, чья свежесть могла напомнить удивлённым морякам тенистые парки их родного острова, — таков был вид берега, где единственным признаком человеческого присутствия, сколько ни пройди, были несколько грубых хижин, сплотившихся в устье ручья. Лишь там была надежда получить какие-то сведения об искомом неприятеле.

Сколь ни универсален язык жестов, он не лаконичен и не всегда всякому понятен. Признаюсь, в нередких случаях, когда моряк вынужден к нему прибегать, я всегда невольно вспоминаю неприятное приключение того мореплавателя, который выспрашивал названия разных объектов, а когда дикарь, утомлённый вопросами, простодушно

отвечал разнообразными выражениями неудовольствия, он записывал со скрупулезной точностью каждую фразу в свой несчастный словарик. К счастью, англичане вспомнили, что Лаперуз сообщал о немалой способности сахалинских аборигенов к этому языку и что французский мореплаватель получил от них довольно точные представления о том, что Татарский пролив имеет форму узкой и глубокой воронки и что устье Амура загорожено отмелями. После нескончаемого обмена жестами, чертёжей на песке, англичане, казалось, уяснили, что несколькими днями ранее здесь видели корабли, шедшие в залив (под «заливом» подразумевается сужение Татарского пролива, которое европейцы до конца Крымской войны полагали тупиком. — П. К.). Именно тогда капитан Уиттингам, английский историк похода коммодора Эллиотта, отметил с большим удивлением странный религиозный обычай. Бродя близ деревни, он внезапно был остановлен грозным рыком и заметил, что находится в нескольких шагах от просторной клетки, надёжно построенной из древесных стволов, в которой сидел гигантский медведь. Огрызки сушёной рыбы свидетельствовали, что о звере заботятся и кормят его, а вокруг были воткнуты в землю сосновые ветки, являвшиеся (по разумению путешественника) приношениями по обету этому божеству, чьё физическое благополучие гарантировало здоровье его почитателей. Рядом с клеткой нынешнего медведя обнаружилась могила его предшественника, тщательно ухоженная. (Оригинал, на который ссылается дю Аيي: *Bernard Whittingham. Notes on the late expedition against the Russian settlements in eastern Siberia: and of a visit to Japan and to the shores of Tartary, and of the Sea of Okhostk.* — London, 1856. — П. К.) Это свидетельство было очень смутным, но не единственным, ибо по мере продвижения к северу перемена отношения местных, казалось, свидетельствовала о близости иностранного влияния: вместо того, чтобы падать ниц перед англичанами, они чурались встречи; у них в руках была обнаружена пуговица с изображением русского якоря. Неприятель не мог быть далеко. И действительно, 20 мая, в воскресенье, едва закончилось богослужение, на азиатском берегу было замечено судно; оно находилось в заливе де Кастри, последней из указанных нашим знаменитым соотечественником гаваней. Ближе стали различимы шесть кораблей, стоявших в заливе на якоре, русские флаги реяли на их бизанях; это была флотилия контр-адмирала Завойко, ускользнувшая 17 апреля из Петропавловска. И ровно в тот же день, когда англичане обнаружили её в глубине Татарского пролива, союзная тихоокеанская эскадра вошла на пустынный рейд Авачинской бухты.

Конечно, английский флот многократно доказывал не только своё мужество, но и дерзкую отвагу, чтобы кто-то мог усомниться в готовности, с которой бы при обычных обстоятельствах их командующий объявил бы себя врагу. Но у него под командой было только авангардное подразделение, со всей очевидностью много уступающее неприятелю. Чего бы не отдал бы этот офицер, чтобы знать реальную силу эскадры, стоявшей перед его глазами, и какие сожаления одолевали его позже, когда он узнал, что из этих шести судов лишь один, двадцатипушечный корвет, был во всеоружии, что другие, в том числе сама «Аврора», превращены в транспорты, до отказа гружённые при эвакуации Петропавловска, и могли бы выставить лишь несколько пушек! В действительности положение для русской эскадры было очень опасным, но англичане узнают об этом слишком поздно. Когда, неосторожно отдалившись после обнаружения неприятеля, англичане снова появились в заливе де Кастри, противник уже исчез: адмирал Завойко второй раз сумел обмануть бдительность английской эскадры. Всё показывало, впрочем, сколь быстрым было его отплытие. Чемоданы, полные одежды, валялись открытые на берегу; книги, письма, разного рода предметы, вплоть до женского портрета, были разбросаны на земле; наконец, самое примечательное, возле печи остался ещё свежий хлеб. Эскадра подняла якоря накануне, а возможно лишь несколько часов назад.

Что стало с этими неуловимыми кораблями? Поднялись ли они в глубь Татарского пролива, чтобы войти в Амур? Или обогнули остров Сахалин с юга, чтобы скрыться в Охотском море? Трудно было сказать, ибо если, с одной стороны, журнал Лаперуза утверждал, что залив с севера преграждён непреодолимыми отмелями, с другой стороны, было сомнительно, чтобы порты Охотск или Аян предложили русским укрытие

не хуже, чем покинутое на Камчатке. За этот промежуток времени, впрочем, к коммодору присоединилась маленькая французская эскадра из Нагасаки; но в то же самое время фатальность, не покидавшая нас, приблизила число наших кораблей к минимуму. Охваченная грозным бедствием долгих походов, цингой, «Ла Сибиль» день за днём превращала батарейную палубу во влажный и промозглый лазарет. «Ла Сибиль» была вынуждена возвращаться в более мягкие широты. Из четырёх кораблей союзной эскадры один «Константин» остался представителем нашего флага! «Корабль, шедевр человеческого разума», — такое наивное и надменное определение даёт военно-морской словарь. «Бедный шедевр, — думается невольно, когда корабль оказывается неуправляем, — сколько напастей способны превратить тебя в плавучий остов!» (Мрачная статистика кораблекрушений показывает, что не проходит дня, чтобы не погибло хотя бы одно судно; с другой стороны, расчёт показывает, что в великом людском муравейнике каждая секунда уносит человеческую жизнь. Корреспондент одного английского морского журнала методически классифицировал пятьдесят главных причин, ведущих к потере корабля, и многие будут очень удивлены, узнав, что десятая по значению причина — «присутствие женщин на борту».)

Такова оборотная сторона мореплавания, и мы извели это на своём печальном опыте. Командующий Монравель полагал, что единственный шанс отыскать неприятеля — снова углубиться в залив, и события потом подтвердили его правоту; но, располагая одним-единственным судном, он не мог предпринять ничего другого, кроме как присоединиться к англичанам, которым инструкции адмирала Стирлинга предписывали начать поиск с Охотского моря. Когда союзная эскадра снялась с места, чтобы туда направиться, русские корабли, сняв для облегчения пушки, как раз преодолели половину отмелей, что отделяют воды Амура от северной части Татарского пролива!

Этот этап нашего похода, как и предшествовавшие ему поиски в заливе, были для наших кораблей чем-то вроде научной экспедиции, поскольку об Охотском море мы знали едва ли больше чем о других русских владениях на Тихом океане. Нам было известно, что в последние годы главный порт был перенесён из Охотска в Аян, ставший таким образом морской столицей этого мало посещаемого берега. Там обычно устраивали передышку отважные китобойцы этих морей, туда сходились каждый год суда Русско-Американской компании, гружённые богатыми мехами, собранными на Камчатке, на островах Курильских, Алеутских и на берегах Америки; наконец, туда прибывала каждый месяц почта из Европы, через триста льё лесов и болот, которые отделяют Аян от Иркутска. (Известие о смерти императора Николая достигло Аяна за сорок восемь дней. Такой быстроты до этого не бывало.) И, конечно, воображение с готовностью рисовало этот порт как средоточие войск и кораблей, укрывшихся за грозными укреплениями. Разочарование было полное. Небольшое незащищённое местечко, составленное из нескольких складов, из дюжины деревянных домов, покинутых, как и в Петропавловске, да убогие хижины местных уроженцев, сгрудившиеся вокруг этих «роскошных дворцов» — вот и весь город.

Жители этих пустынных мест уныло проводили зимы под снегом, а лето под густым и нездоровым туманом — суровая и жалкая участь сыновей этих промёрзлых земель и ещё более суровая в беспощадной неприглядности для отважных пионеров торговли, которые пускаются в далёкую ссылку ради жестоко оплаченной прибыли. Трогательный контраст (возможно, ребяческий): на этом негостеприимном берегу, где цинга периодически собирает жатву, где даже семейные радости отравлены, ибо европейский ребёнок рождается там золотушным, — там на каждом шагу нашим морякам попадалась бледная лазурь дикой незабудки, и этот нежный цветок посреди окружающей мрачной природы казался не столько иронией, сколько безмолвной мольбой бесплодной почвы.

Эвакуация Аяна явилась для союзников продолжением череды разочарований, знаменовавших кампанию 1855 г.; притом не только этот порт был пуст, но и другие пункты Охотского моря, где русские могли якобы укрыться, были обшарены «Константином» безрезультатно. В то же время коммодору Эллиотту после нескольких дней бесплодного поиска пришлось отказаться от идеи найти фарватер, ведущий в Амур

с севера. К счастью, взятие одного приза принесло хоть какую-то компенсацию после стольких напрасных трудов и лишений. Вечером 3 августа английский пароход вышел из пелены тумана, окутывавшей аянский рейд, и привёл своему командующему на буксире бриг [«Грета»] под бременским флагом, на борту которого теснились около трёхсот русских пленных! Эти триста человек, которые бы были в Европе только незначительным отрядом, в этих далеких морях приобретали значение настоящего армейского корпуса. Какая неожиданная удача, какая странная игра судьбы отдала их в наши руки на борту простого торгового судна, в равной мере чуждого обеим воюющим державам? Чтобы это объяснить, нужно опять вернуться на два месяца назад. Да простится нам короткое отступление от темы, которое позволит познакомиться с разновидностью кораблекрушения, не предусмотренной английской классификацией, о которой мы упомянули выше.

Мореплавателю, прибывающий в Иедо, может видеть на некотором расстоянии к югу от этой богатой столицы японской империи узкую бухту, глубоко врезающуюся в гористый берег, отгороженную подводными камнями, на которых пенисто дробятся волны — похожее, одним словом, на пиратское гнездо. Это — маленький порт Симода, где оказался 23 декабря 1854 г. красавец фрегат «Диана» под флагом адмирала Путятин с миссией вести переговоры от имени России с правительством Японии. Было ясное утро, чистое небо, спокойное море, когда люди почувствовали сильный толчок, как прелюдию землетрясения. Едва ли наша счастливая страна знает по имени ужасное явление, когда неистовое море вырывается в неотразимом устремлении из своих естественных границ и заходит в глубь суши, разрушая в одно мгновение целые города. «Диане» суждено было испытать весь этот зловеший ужас. Через несколько минут после сотрясения чудовищная волна зашла в бухту и хлынула далеко на берег. За ней последовала вторая, ещё опаснее, а затем и третья; менее чем за четверть часа все до последнего дома города были сметены, и все джонки, пришвартованные в порту, унесены оттоком разрушительных волн. Беспорядочные атаки моря следовали непрерывно одна за другой, так что узкая воронка бухты стала казаться чем-то вроде пропасти, где воды завихряются с устрашающей быстротой. Однако же каким-то чудом посреди этой ужасной судороги фрегат сумел остаться на плаву; по воле стихии он за полчаса описал семьдесят кругов вокруг собственных якорей, и его канаты, перекрутившись, сплелись, как жилы гигантского кабеля. То и дело возносимый на гребень жидкой горы, корабль затем тяжело падал на грунт всей своей тяжестью, выставляя из воды разошедшуюся обшивку; иной раз даже якоря почти обнажались, но офицеры и матросы сохраняли восхитительное спокойствие и хладнокровие. Все возможные меры были приняты, и каждый на своём посту ожидал мрачной развязки, которая казалась неизбежной. Рейд выглядел зловещей мешаниной: джонки носились неуправляемо, разбивая друг друга в мощном прибое огромных волн, следовавших одна за другой не переставая; обломки домов, кровли также были игрушками вод, и со всех сторон раздавались крики несчастных, цеплявшихся за эти обломки в отчаянной борьбе. Наконец фрегат начал дрейфовать; брошен последний якорь, вначале бессильный остановить опасное движение судна на острые и угрожающие камни одного из островов бухты. Этот остров, верная гибель, был в сотне метров, когда упал спасительный якорь, а вскоре был всего в нескольких метрах. В этот торжественный момент, свидетельствует дневник одного из русских офицеров, не слышно было ни слова, но многие непроизвольно обнажили головы, словно бы для того, чтобы приветствовать смерть, уготованную всем. Море тащило судно столь неистово, что было невозможно устоять на ногах, и одно орудие, оборвав канаты, крепившие его к борту, покатилося по батарейной палубе, отмечая свой путь многочисленными жертвами. Наконец «Диана» легла на бок, бортом в воду; на протяжении пяти минут — пяти веков — люди были буквально подвешены между жизнью и смертью; наконец фрегат медленно выровнялся. Воды вокруг пришли в относительное спокойствие, волны улеглись, землетрясение прекратилось. (Волны, поглотившие город Симода, ощущались даже на побережье Калифорнии, достигнув за двенадцать часов шестнадцать минут Сан-Франциско и за двенадцать часов тридцать восемь минут Сан-Диего. Это — скорость более двухсот метров в секунду. В каждом из этих двух пунктов вода

вначале поднялась приблизительно на два дециметра в течение получаса, затем вернулась в течение часа к обычному уровню, и так семь раз — аномальное повышение, затем сходящее.) По странному контрасту природы небо всё время оставалось ясным, температура не менялась, барометр оставался на прежней отметке, и лёгкий бриз не менял направления.

На берегу катастрофа была полная. С трудом возможно было признать место, где только что стоял город, из тысячи домов осталось тридцать; джонки вынесло больше чем на три километра в глубь суши, которая, как свидетельствует уже цитированный дневник, во время стихийного явления то и дело захлестывалась водами. Наконец более трёхсот трупов, плавающих в бухте, свидетельствовали о губительных результатах буйства стихий. Что касается «Дианы», только непрерывная работа помп позволяла удерживать её на плаву; тщетной оказалась попытка отвести её в соседнюю бухту, где бы можно было сделать ремонт. Попытка только доказала настоятельную необходимость отказаться от затеи, и триста японских лодок, буксировавших фрегат, вынуждены были удалиться перед неуклонно свежающим бризом. Вода стремительно заполняла все трюмы корабля, белая линия батареи погрузилась в воду; через несколько минут после того шлюпки поспешили от него прочь, благородный фрегат поклонился, как осуждённый перед казнью, затем выровнялся и медленно ушёл под воду, которая сомкнулась над ним и закрутилась воронкой.

Эта потеря поставила экипаж «Дианы» в положение весьма затруднительное. Как найти в Японии, столь изолированной от остального мира, судно, чтобы вернуться в российские владения, и как притом ускользнуть от многочисленных неприятельских кораблей, крейсирующих в этих морях? Сколь ни малоутешительна была эта перспектива, тем не менее, спасаясь команда, предоставленная собственным силам, отважно взялась за работу (а страна предоставила им самые необходимые материалы). Незамедлительно началась постройка шхуны, чтобы отправить на азиатский берег хотя бы адмирала, пока не представится шанс для остального экипажа; но вся добрая воля местных рабочих слабо помогала фрегатским плотникам: то и дело строительство хрупкого судёнышка останавливалось из-за «смешения языков», как некогда строительство библейской Вавилонской башни. Когда речь зашла о медных листах, чтобы обшить борта и тем повысить скороходность, были вместо этого доставлены массивные металлические болванки, которые пришлось мучительно плющить кувалдой до нужной толщины.

Наконец в мае 1855 г. терпеливый труд был завершён, и русский адмирал в сопровождении нескольких людей сумел добраться до устья Амура. (К этому событию приурочивают историю, лишённую оснований, согласно которой французское китобойное судно, стоявшее в бухте по соседству с Симодой, подверглось нападению русских лодок и спаслось только благодаря спешному бегству. Это было бы преступным нарушением японского нейтралитета. Истинный факт, напротив, состоит в том, что это судно, «Наполеон III», встреченное в мае 1855 г. в Татарском проливе адмиралом Завойко, было им отпущено, поскольку не знало об объявлении войны. Подобная щепетильность делает честь офицеру.) Примерно тогда же подвернулась американская шхуна, которая смогла доставить всех остальных моряков в Татарский пролив, где находилась флотилия адмирала Завойко. Наконец в июле бременский бриг взялся транспортировать остаток экипажа в Охотское море, которое по ошибочным сведениям считали свободным от крейсерства. Именно это судно из-за рассеявшегося как на грех тумана попало в наши руки, когда до русского берега оставалось несколько часов хода при хорошем ветре.

После того дальнейшее присутствие союзников в Охотском море было бессмысленным, и для двух коммодоров пришёл момент избрать план, который обещал им закончить кампанию решающим ударом. Несколькими днями раньше английские шлюпки захватили на отмелях Амура экипаж брига Русско-Американской компании (сам бриг «Охотск» застрял на мели и был взорван экипажем в виду неприятеля. — П. К.), таким образом они получили ценные сведения о положении неприятельской эскадры, укрывшейся в реке, и узнали, что единственный проходимый фарватер ведёт в реку со стороны Татарского пролива.

На основании этих данных было решено послать по следу адмирала Завойко «Константин» и английский корвет «Спартан», превращённые оба в плавучие батареи. Где сумел пройти фрегат, наскоро облегчённый от части своей артиллерии, там и эти два корабля также должны были найти путь. Но чтобы надёжнее обезопасить себя в этих неизвестных проходах, было необходимо оставить на борту только орудия, экипаж и на несколько дней продовольствия и таким образом, на буксире за пароходом, проникнуть в удалённую заводь, где противник полагал себя в безопасности. Смелость этого плана, первая идея которого была подана французским командующим, пришлась по душе морякам, и всё заставляло надеяться, что удастся, решительно пройдя путём русских кораблей, их захватить или уничтожить. Эта радужная мечта озарила праздник 15 августа 1855 г. на борту «Константина» радостью счастливого предзнаменования. Годом раньше, двумя тысячами лье южнее, его пушки приветствовали ту же годовщину салютом на диких берегах Новой Каледонии, и батарея только что основанного Порт-де-Франса отметила крестины своего флага, присоединяясь к залпам корабля. На этот раз кораблю ответило только пустынное эхо порта Аян, и вечером, после того как были спущены весёлые флаги расцветивания, контрастировавшие с угрюмым молчанием пустынного рейда, снова были подняты паруса — вдогонку за англичанами, к месту встречи в Татарском проливе. «Константин» должен был искупить, наконец, ярким военным подвигом длинную череду ошибок кампании. По крайней мере, в это верилось; но увы, и этот последний шанс от него ускользнул: в условленном месте оказалось единственное судно, оставленное коммодором Эллиоттом лишь затем, чтобы нас уведомить о приказе начальства, каковой велел ему вернуться в Японию.

Злая и упрямая судьба французской эскадры не щадила её ни в чём. Лишившись одно за другим всех своих судов по вине аварий и болезней, оставшись с одним «Константином», командующий Монравель был вынужден терять ценное время в поисках неприятеля там, где его, по всему, и быть не могло. Смирившись со всем, в надежде на решающий реванш, он, наконец, предложил свой план и убедил его принять, и вот, когда он устремился было к выстраданной цели, приказы какого-то начальника, написанные давно и вдали от театра военных действий, обязывают английскую эскадру, можно сказать, покинуть поле битвы накануне боя. Французский командующий счёл нужным заявить решительный протест против отхода, который оставлял его наедине с обстоятельствами; впоследствии английская эскадра была-таки снова послана в Татарский пролив, на этот раз в одиночку, и уже в октябре 1855 г., когда сезон был чересчур поздний, чтобы эта попытка могла принести какой-то результат. И в первые дни ноября коммодор Эллиотт возвратился в Хакодате после почти непрерывного двухсотпятидесятидневного похода. Что касается «Константина», он некоторое время спустя прибыл в приветливую и оживлённую бухту Манилы, владычицы Филиппин. После суровой северной навигации, где целые недели происходили без наблюдений неба, где с утра до вечера единственным звуком, достигавшим ушей, было однообразное и непрерывное падение капель тумана, оседавшего на такелаже, корвет вновь обрёл тёплые дни и сверкающие ночи тропиков; но ни этот чарующий контраст, ни соблазнительный отдых не занимали уже умы путешественников: воспоминания о родине стали неодолимы, мысль о домашнем очаге превозмогала все прочие; «Константин» возвращался во Францию.

И, наконец, последний эпизод кампании, который раскрыл загадку русской эскадры. Три фрегата, как помним, составляли их главную силу. Мы знали, что «Аврора», дважды от нас ускользнув в Петропавловске и в заливе де Кастри, нашла убежище в Амуре; мы знали о драматических деталях крушения флагманского фрегата, прекрасной «Дианы», на которой великий князь Константин заслужил все свои звания. Что стало с третьим кораблём, «Палладой»? Скрылась ли она, как и «Аврора», за речными наносами? Любой вариант был вероятен, и надежды отыскать след почти не было. Между тем, по весне 1856 г. неутомимая эскадра Эллиотта снова двинулась в море; 15 мая она шла вдоль Татарского берега, приблизительно в пятидесяти лье к югу от залива де Кастри, и один из пароходов был послан дотошно обследовать каждую извилину береговой линии. Карты здесь не указывали ни укрытия, ни стоянки —

и вдруг, к большому удивлению моряков парохода, скалы раздвинулись, давая им проход, и через несколько минут корабль попал из волнующегося моря в тихие воды просторного бассейна, совершенно снаружи не видимого. Отсюда в разные стороны расходились три узкие бухты, концы которых были неразличимы; причудливо рассекая сушу, они придавали этому удивительному порту, столь необычно обнаруженному, странную форму чудовищного паука. Пароход вошёл в этот лабиринт; вокруг царила гробовая тишина, ни следа жилья, повсюду сплошной заслон леса, как вдруг за мысом открывается полукруглая бухточка, и в ней стоит в прибрежных льдах полусожжённый фрегат. По приближении это оказалась «Паллада», покинутая экипажем. Так, наконец, выяснилось её таинственное исчезновение. Не желая тащить её, более тяжёлую, чем «Аврора», через амурские наносы, не желая оставлять в заливе де Кастри почти неминуемому захвату, с началом войны её спрятали в этой бухте, известной только русским, и на протяжении почти двух лет она оставалась в полной безопасности в этом тайном порту, перед которым прошли, может быть, раз двадцать те корабли, которые её искали. На берегу остались следы долгого обитания: многочисленные грубо построенные деревянные дома, огороды, кладбище. На случай нашего неожиданного появления или атаки батареи были поставлены таким образом, чтобы попасть в наши руки только исчерпав все средства защиты. Лишь отсутствие продовольствия должно было вынудить неприятеля предать «Палладу» пламени и на лодках отправиться в Амур. Таким образом, волею судьбы, из трёх фрегатов, принёсших русский флаг на эти далекие моря, только одному довелось снова увидеть порт, оставив за кормой два разбитых остова, похороненных в глубинах океана, который так часто становится общей могилой для моряка и для его плавучего дома.

Вскоре после того весть о Парижском договоре [об окончании Крымской войны] подвела естественный итог событиям, о которых мы рассказали. Эта двухлетняя охота, когда слабая эскадра из нескольких едва вооружённых судов, за которой гонялись корабли двух главных военных флотов мира, сумела в результате энергичных действий от них ускользнуть, была, как мы сказали, ценным уроком для всех, и особенно для нас. Между тем, хотя театр событий охватил не так много участников и зрителей, вопрос оказывается шире, и полученные уроки приобретают новое значение. Будет ли Россия морской державой на Тихом океане? Станет ли Японское море домашним озером Москвы? Эти две проблемы естественно поднимаются припоздальными послевоенными откровениями.

Виды России на азиатские берега восходят к не столь уж далёким временам. Когда в конце прошлого века император Цяньлун отрёкся в Пекине от престола, одно из главных утешений, с которыми он уходил в отставку, по его словам, состояло в том, чтобы унижить эту власть, и фактически Екатерина Великая сочла себя обязанной направить посла, дабы тот удержал императора от поступка. (Цяньлун, он же Чен-Лун, он же Сянь Лун (Chien Lung), он же Айсиньгёро Хунли — шестой китайский император династии Цин. В течение пятидесяти девяти лет, с 1736 по 1795 г., одно из самых длинных царствований в китайской истории, правил под девизом «Цяньлун». В феврале 1796 г., на шестидесятом году своего правления, в возрасте восьмидесяти пяти лет император Хунли отрёкся от престола. Считая для себя непозволительным править дольше, чем его великий дед Сюанье, Хунли передал власть своему пятнадцатому сыну.)

В ту эпоху Санкт-Петербург мало заботился происходящим на дальних границах империи, и негостеприимный порт Охотск, казалось, вполне отвечал требованиям настоящего и будущего. Что сегодня сказал бы китайский Диоклетиан по поводу новых посягательств своих соседей, некогда им презираемых? Что сказал бы он, увидев великолепный, обширный бассейн Амура, единственной из сибирских рек, текущих на восток, перешедший без малейшего сопротивления из-под его иллюзорного сюзеренитета в русское господство? Мы постепенно вникли в любопытные подробности этого лёгкого завоевания; приобретение всё же было неполным, поскольку возможности выхода в Тихий океан не было, а было близкое соседство Японии, владевшей значительной частью острова Сахалин. Пока безвыгодное владение Охотским морем удовлетворяло дремлющие амбиции Московии, Россия охотно терпела сосуществование на этом острове обеих властей; так же обстояло и с Курильской грядой, Примеча-

тельно раскинутой от Камчатки до Японии, как камни по броду через ручей. С этого архипелага и началось вторжение. В 1852 г. русский отряд, отправившись из Аяна, захватил остров Уруп, главный из японских Курил, и там организовал пушную торговлю. Более существенно было полное овладение островом Сахалин, так как южная оконечность его контролирует пролив Лаперуза, естественный путь из Татарского пролива в Тихий океан. И по этому пункту адмиралу Путятину были даны особые рекомендации при исполнении миссии 1853 г. при дворе Иеда. Несмотря на его неудачу в октябре того же года адъютант генерала Муравьёва, губернатора Восточной Сибири, расположился со ста пятьюдесятью людьми на японской территории острова Сахалин в заливе Анива на проливе Лаперуза. Это означало захват ключа к Татарскому заливу. Однако здесь, как и в Европе, война началась слишком рано для императора Николая и моментально положила конец его затеям. Что касается плана оккупации, он был вполне прозрачен: Россия, хозяйка Курил и острова Сахалин, не только господствует в Охотском море и Татарском заливе, но также и на севере Японского моря. Хозяйка бассейна Амура, она, безусловно, должна была распространиться затем на просторные берега Манчжурии до Корейского полуострова, и я добавлю, что, если дух завоевания имел когда-либо оправдание, то не такой, а стремление вывести другие страны из тьмы варварства, по меньшей мере, для нашей Франции, смысл в этом. Власть Китая над этими краями, повторим, была чересчур номинальная, чтобы иметь основания жаловаться, глядя как другие предпринимают то, о чём сам Китай и думать не пытался; Япония видела угрозу себе только во владениях почти для неё незначительных; а что касается европейских властей, непростительное незнание происходящего на этих морях давало им меньше прав вмешиваться в дискуссию, чем кому бы то ни было.

Из всех военных городков, насаженных русскими, во время войны уцелел лишь один, в устье Амура, и понятно, что он и волнует мировую общественность. Наши эскадры обшарили каждый пункт из тех, что по неточным данным представлялись центрами неприятельской торговли; один за другим эти пункты были обнаружены пустынными и покинутыми, и только тогда стало известно имя таинственного порта, где собрались все запропастившиеся суда. Вполне естественно, что значение этого порта теперь резко возрастает, и будущее города Николаева, только-только возникшего на берегах реки, видится не только как крепости первого порядка, но и, уверен, оплота скорого коммерческого развития. Сам факт, что русские ухитрились втайне от Европы обосноваться на азиатском побережье, слишком красив, чтобы разбираться по существу в его преимуществах и затруднениях, важнейшее из которых — отсутствие в устье Амура порта в полном смысле этого слова. Наш рассказ многократно возвращал читателя к отмелям, загромождающим это устье, препятствующим всякой навигации, и вряд ли имеет смысл снова утомлять его этим описанием. Бриг, чей экипаж мы захватили в Охотском море, был сожжён ввиду невозможности провести его в реку. С той стороны, действительно, пути нет (дю Айи неправ: русским был известен и северный фарватер, хотя и не простой для навигации; бриг «Охотск», сидя на мели, ожидал помощи, чтобы добраться до Николаевска. — П. К.); но и в Татарском проливе мы видели «Палладу», также сожжённую и по той же причине, а «Аврора», хоть и меньше водоизмещением, сумела преодолеть трудный проход, только полностью разгрузившись и жестоко ободрав борта. Вряд ли в таких условиях возможно, чтобы порт на реке мог принимать суда всё возрастающего тоннажа и выйти за рамки речного каботажа. Порт для Амура надо устраивать в заливе Де Кастри. Благодаря великолепному бассейну озера Кизи, там всего несколько километров отделяют реку от Татарского залива. Ничто не будет препятствовать судам входить в реку и выходить, запутанный лабиринт амурского низовья будет исключён из речного судоходства, и наконец, что важно, совсем рядом окажутся богатые угольные месторождения, найденные в заливе Жонкьер на острове Сахалин. Природа, как мы видим, оказала милость русским в их недавнем и лёгком приобретении, теперь им следует потрудиться, чтобы превратить Николаевск в торговый центр Тихого океана и Китайского моря. Будущее покажет, сумеют ли новые владельцы этого необработанного алмаза превратить его в бриллиант...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ БОЙ В ЖУРНАЛЬНЫХ ГРАВЮРАХ 1854 г.

3 октября 1854 г. в гавань Сан-Франциско вошла Тихоокеанская эскадра французского контр-адмирала Феврие-Депуанта. Флагманский корабль «Ла Форт» нёс следы сурового пушечного обстрела. Командующий обменялся любезностями с официальными лицами, пригласил господ и дам на борт флагмана послушать корабельный оркестр. И очень скупо, без подробностей упомянул о героическом сражении с «эскадрой адмирала Путятина» в русском Петропавловске.

Но уже на следующий день газета «Тихоокеанское эхо» напечатала полный драматизма рассказ о Петропавловском деле, о жестоком поражении англичан и французов от горстки русских защитников. Рассказчик, французский офицер, пожелал остаться анонимным. Статью тут же перепечатали другие газеты; появилась в продаже и литография с батальной сценой. Корабли на ней слегка походили на корыта, а пейзаж напоминал оперную декорацию — неудивительно, поскольку художник, мосье Альфред Пру, и был театральным декоратором (рис. 1). И всё же камчатский берег узнаваем безошибочно, а значит, основой рисунка послужил набросок кого-то из участников дела.

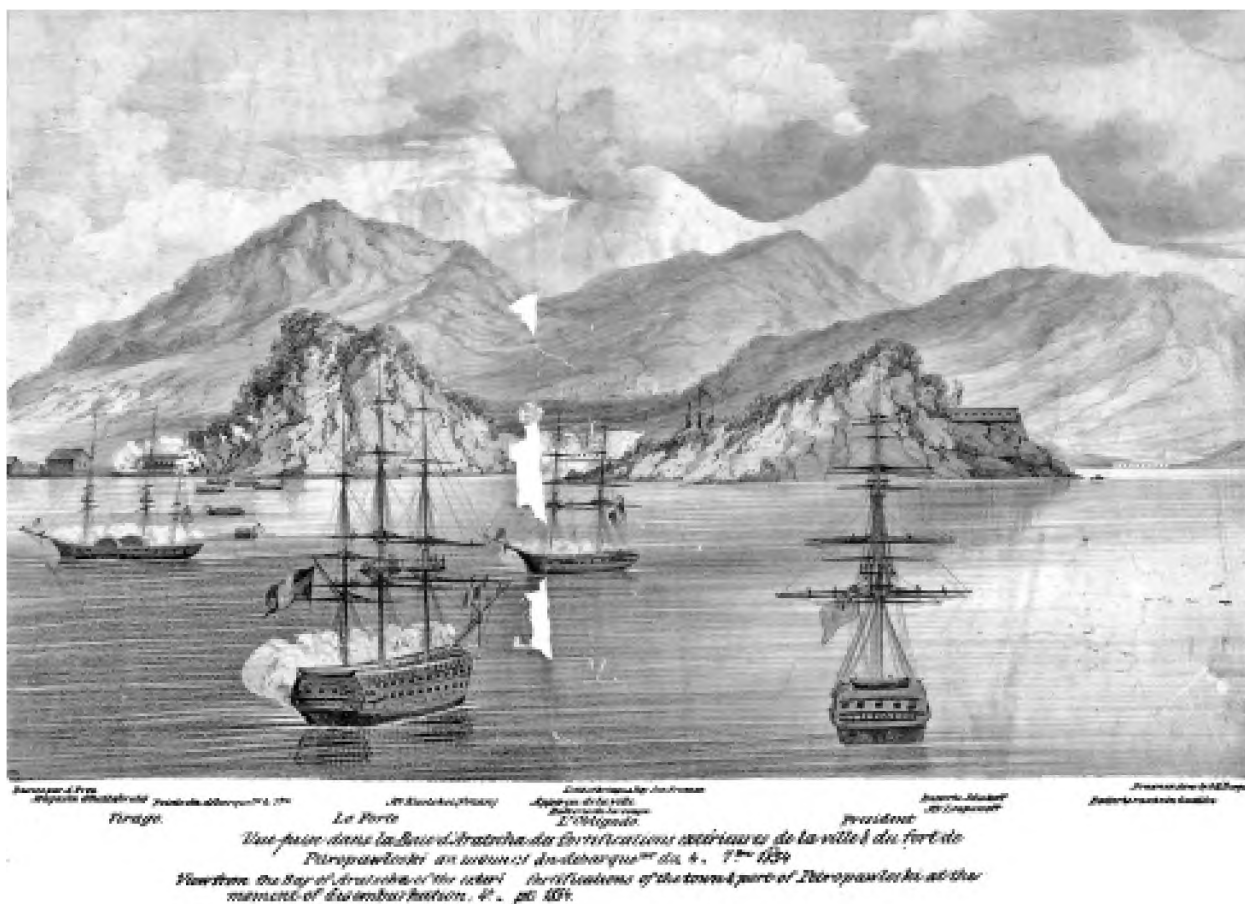

Рис. 1. Литография А. Пру, Сан-Франциско, 1854 г.

Новости преодолевали пространство со скоростью парусного корабля.

В лондонской «Таймс» первый рассказ о Петропавловском бое (опять-таки анонимный!) появился 23 ноября 1854 г., опережая официальную информацию британского Адмиралтейства.

На пару дней приотстал еженедельник «Иллюстриред Лондон ньюс», но порадовал читателей великолепной гравюрой. Художники журнала, высокие профессионалы, работали день и ночь, превращая наброски корреспондентов в убедительные картины, которые восхищают по сей день.

Наконец, 2 декабря 1854 г. свою порцию гравюр опубликовал парижский еженедельник «Иллюстрасьон, журнал универсель». Именно с этих французских гравюр

и начнём обзор, чтобы не нарушать хронологию событий. (Следует предупредить, что календарь англо-французской эскадры на одиннадцать дней опережал юлианский счёт Петропавловского порта; юлианские даты будем писать в скобках.)

Первый рисунок изображает вход шести неприятельских кораблей в Авачинскую губу 29 (18) августа. Знаменитые скалы Три Брата съёжились под взглядом художника, маяк на мысу, наоборот, взмыл ввысь. Вдали, над холмами и скалами, — Корякская сопка (рис. 2). Автор — рисовальщик с фрегата «Ла Форт», двадцатилетний граф Рене де Керре. Вот как сам граф пишет об этом в своём дневнике: «В четыре часа утра направились в бухту. Когда миновали дозорную вышку, она дала по нам два выстрела из пушки; тотчас же мы подняли свой флаг и продолжили движение в боевом порядке, хороший бриз позволял кораблям держать строй. Возглавлял строй “Президент”; слева, лагом к нему, “Вираго”. За ними следовали “Ла Форт” и лагом к нему лёгкий “Облигадо”; наконец, “Пик” и “Эвридика”. В половине десятого вошли в великолепную Авачинскую бухту» [Rene Maurice de Kerret. Journal de mes voyages autour du monde, 1852—1855, edite par Tugdual de Kerros // Cloutre, Saint Thonan, 2004. — P. 168.].

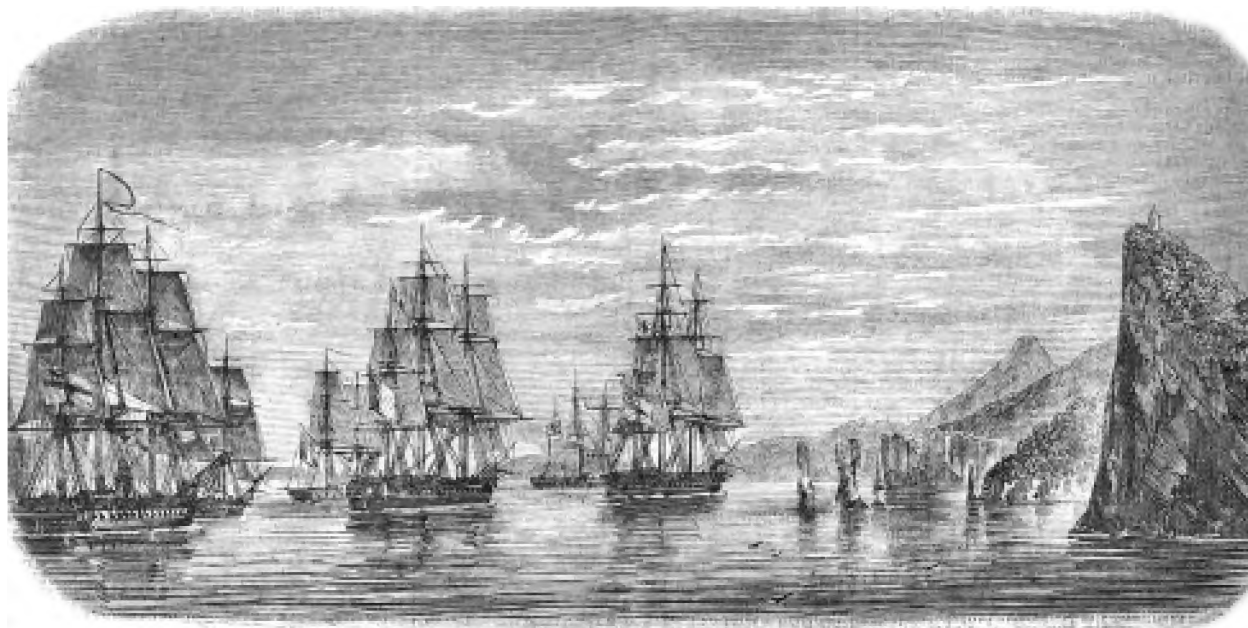

Рис. 2. Вход англо-французской эскадры в Авачинскую губу («Иллюстрасьон, журнал универсель», 2 декабря 1854 г.)

Опознать корабли нам помогают флаги на гафеле — британский «Юнион Джек» либо французский триколор. Кроме того, каждый из двух больших кораблей в центре «кадра» несёт на вершине бизань-мачты флажок поменьше — контр-адмиральский брейд-вымпел. Флагман британского контр-адмирала Дэвида Прайса — фрегат «Президент». Флагман французского компаньона, контр-адмирала Огюста Феврие-Депуанта — фрегат «Ла Форт».

Английский паровой шлюп «Вираго» отличает дымовая труба и огромные гребные колёса по бокам (впрочем, открытое море и пароход пересекал под парусами). Самый маленький из кораблей с двух мачтах — французский бриг «Облигадо», способный ходить при самом лёгком ветре.

Победа представлялась незваным гостям верной и лёгкой, не разделяли общей уверенности только старые контр-адмиралы. Оккупация Петропавловска не входила в их задачу: им предписывалось уничтожить русский флот и разрушить порт. Два русских корабля — фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» — действительно стояли во внутренней гавани Петропавловска, за песчаной косой (по-местному — кошкой). Но гавань закрыта скалами, а вход в неё умело защищён батареями, да и сами корабли вооружены. Несмотря на подавляющее преимущество англо-французской эскадры в артиллерии и живой силе победа не будет бескровной. В юности Дэвид Прайс сражался против русских и знал их стойкость.

Тем не менее, 30 (19) августа всё было готово к атаке. Задержал атаку парус за воротами бухты, привидевшийся дозорным, и пароход был послан выяснить, не эскадра ли это адмирала Путятина пожаловала? (В действительности адмирал Путятин не командовал дальневосточной флотилией, но другого подходящего адмирала англичане и французы не знали.) Не найдя паруса, пароход вернулся к своим. Но атака снова не состоялась. Контр-адмирал Прайс, неустрашимый герой наполеоновских войн, прострелил себе сердце. Бой начался только на следующее утро.

Самое время рассмотреть план местности, представленный французской «Иллюстрасьон». Это схема укреплений Петропавловской гавани, сделанная на основе карты англичанина У. Ф. Бичи и по данным рекогносцировки. Начертил план знающий офицер, но имя его не названо, известно лишь имя гравёра: Ж. Аврил-сын (рис. 3).

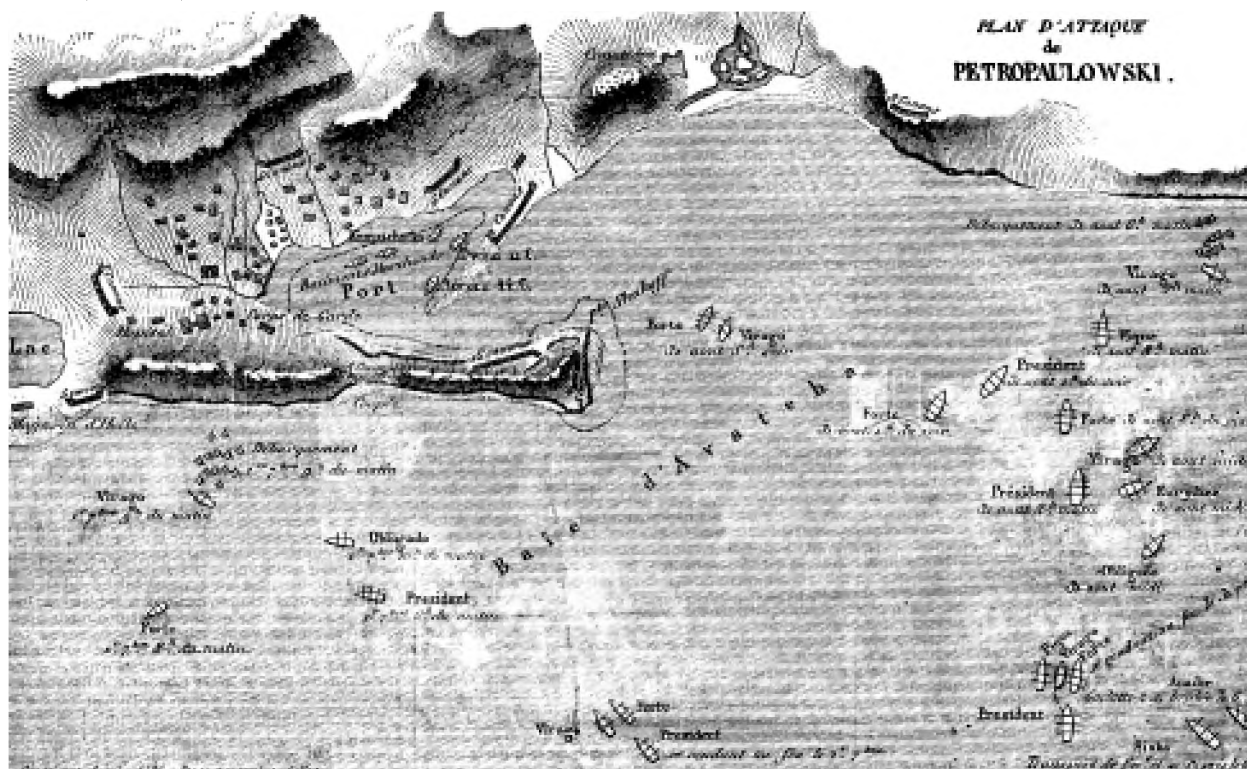

Рис. 3. План атаки Петропавловска («Иллюстрасьон, журнал универсель», 2 декабря 1854 г.)

Русские батареи показаны, в общем, правильно:

№ 1 — на Сигнальном мысу, который капитан А. Дюпти-Туар окрестил некогда «Мысом Шахова» в честь камчатского начальника, оказавшего ему любезный приём. Эти пять пушек под командой лейтенанта П. Гаврилова так и остались в памяти англо-французов «Форт Шахова».

№ 2 — Кошечная, одиннадцать крупнокалиберных пушек под командой лейтенанта Д. МаксUTOва. На плане пушек указано двенадцать; французы называли эту батарею «Закрытой».

№ 3 — Перешеечная, пять незащищённых пушек под командой лейтенанта А. МаксUTOва.

№ 4 — Красного Яра, три пушки, командир мичман В. Попов. На схеме она обозначена правее остальных. Агрессоры называли её «Кладбищенской» (само кладбище показано несколько левее и подписано: Cimetiere).

№ 5 — обозначена у подножия Петровской сопки позади Кошечной батареи. На ней стояли пять старинных медных пушчонок, но командира и прислуги не было, и стрелять ей не довелось.

№ 6 — капитана Кораллова, пять пушек, на схеме она слева, у оконечности Никольской сопки. Англо-французы именовали её «Круглый форт», либо «Горжевая», либо «Батарея рыбного склада», который обозначен тут же рядом (Magasin d'huile).

№ 7 — Озёрная (она же «Батарея Лоцины») из десяти противопехотных пушек (на схеме указано пять), командир поручик К. Гезехус.

Внимательный глаз разглядит на схеме ещё пару батарей — одна высоко на Петровской сопке, другая на Сигнальной сопке, обращённая к косе. Первая, вероятно, просто померещилась агрессорам; вторая же заимствована с карты Ф. У. Бичи (чтобы убедиться в её отсутствии, следовало войти в порт, что неприятелям не удалось).

Наконец, за песчаной косой стоят «плавающие батареи» — фрегат «Аврора» и транспорт «Двина».

Неприятельских кораблей, напомним, было шесть. На плане их может показаться больше, поскольку отражены события разных дней и часов. Подпишем даты и время по-русски, чтобы возвращаться к плану по ходу развития событий.

Итак, атака началась 31 (20) августа. С утра был штиль, паруса бесполезны, зато очень полезен пароход. Приняв буксировочные концы трёх огромных фрегатов, «Вираго» доставила их на боевые позиции. «Президент» и «Ла Форт» начали обстрел батареи № 1 на Сигнальном мысу. Пять пушек лейтенанта Гаврилова отвечали метким огнём, откуда не были сбиты и засыпаны щебнем каменной стены. Пароход спустил на воду шлюпки с десантом — они высадились на берег на мысу Кислая Яма, откуда бросились штурмовать малочисленную батарею № 4. Но все три пушки батареи были уже заклёпаны по приказу мичмана Попова, а боеприпасы спрятаны, агрессорам оставалось только порубить пушечные станки и тали и поторопиться обратно на корабли ввиду приближавшегося берегом русского отряда. Пароход «Вираго», прикрывая возвращение десанта, подставился под пушки фрегата «Аврора» и получил опасную пробоину ниже ватерлинии.

После обеда бой продолжился. Две русские батареи молчали, так что теперь англичане и французы смогли подойти ближе к Сигнальному мысу и обрушить шквал ядер на Кошечную батарею. Этот эпизод обозначен в самом центре плана, и ему же посвящена гравюра в «Иллюстрейтед Лондон ньюс». Приглядимся. Все корабли изображены на исторически достоверных позициях. Над горизонтом дымится Авачинская сопка (так оно и было). Флагманские фрегаты «Президент» и «Ла Форт» обстреливают косу; несколько левее пароход «Вираго» стреляет по Перешеечной батарее (в этот момент на ней распорядился не А. Максутов, а прапорщик Н. Можайский — и пароход получил ещё одно повреждение). На ближнем плане — французский бриг «Облигадо», французский фрегат «Эвридика» и английский фрегат «Пик», они вне досягаемости огня (рис. 4).

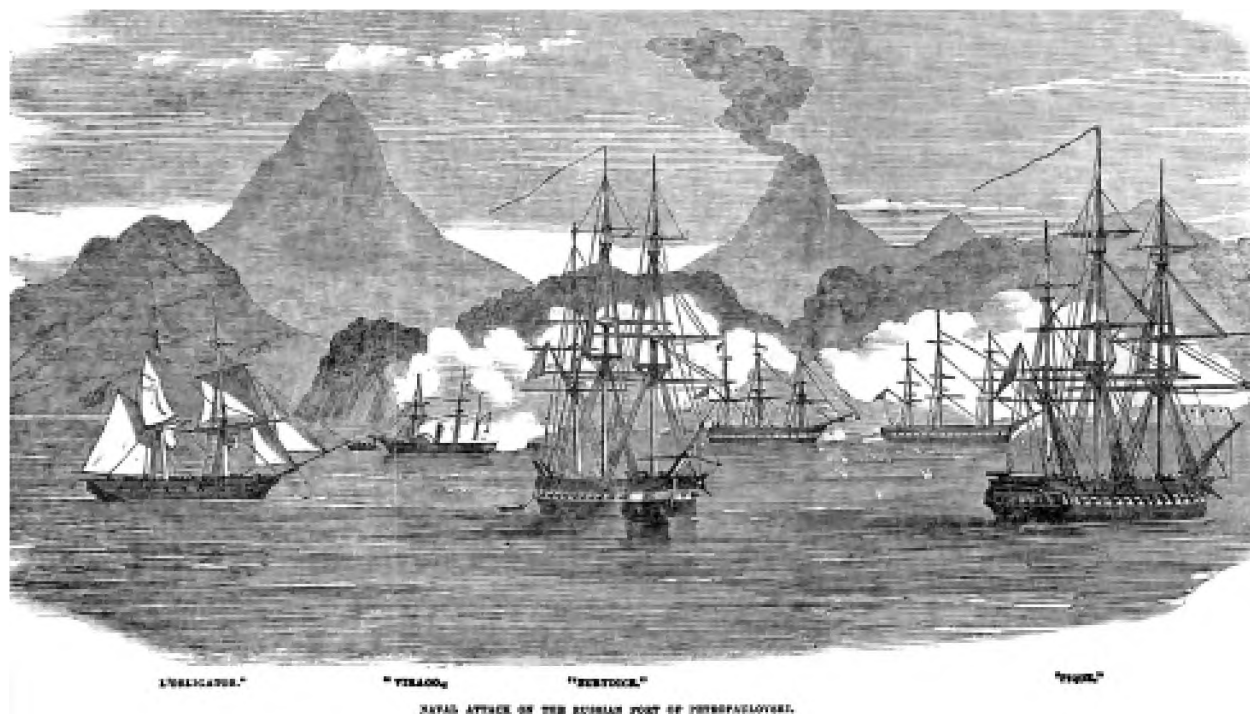

Рис. 4. Атака Петропавловска («Иллюстрейтед Лондон ньюс», 1854 г.)

«Шквал» — выражение образное, но не преувеличение. Только фрегат «Ла Форт» выпустил в этот день 869 ядер и бомб, главным образом по Кошечной батарее. Но лейтенант Дмитрий Максutow, словно не замечая опасности, открыто рассказывал по батарее, чётко отдавая команды, вдохновляя своих бойцов и дразня неприятеля. Вышла из строя большая часть его пушек, но если бы фрегаты «Президент» и «Ла Форт» пожелали продолжить бой тем же вечером, им бы предстоял поединок с орудиями «Авроры» и «Двины».

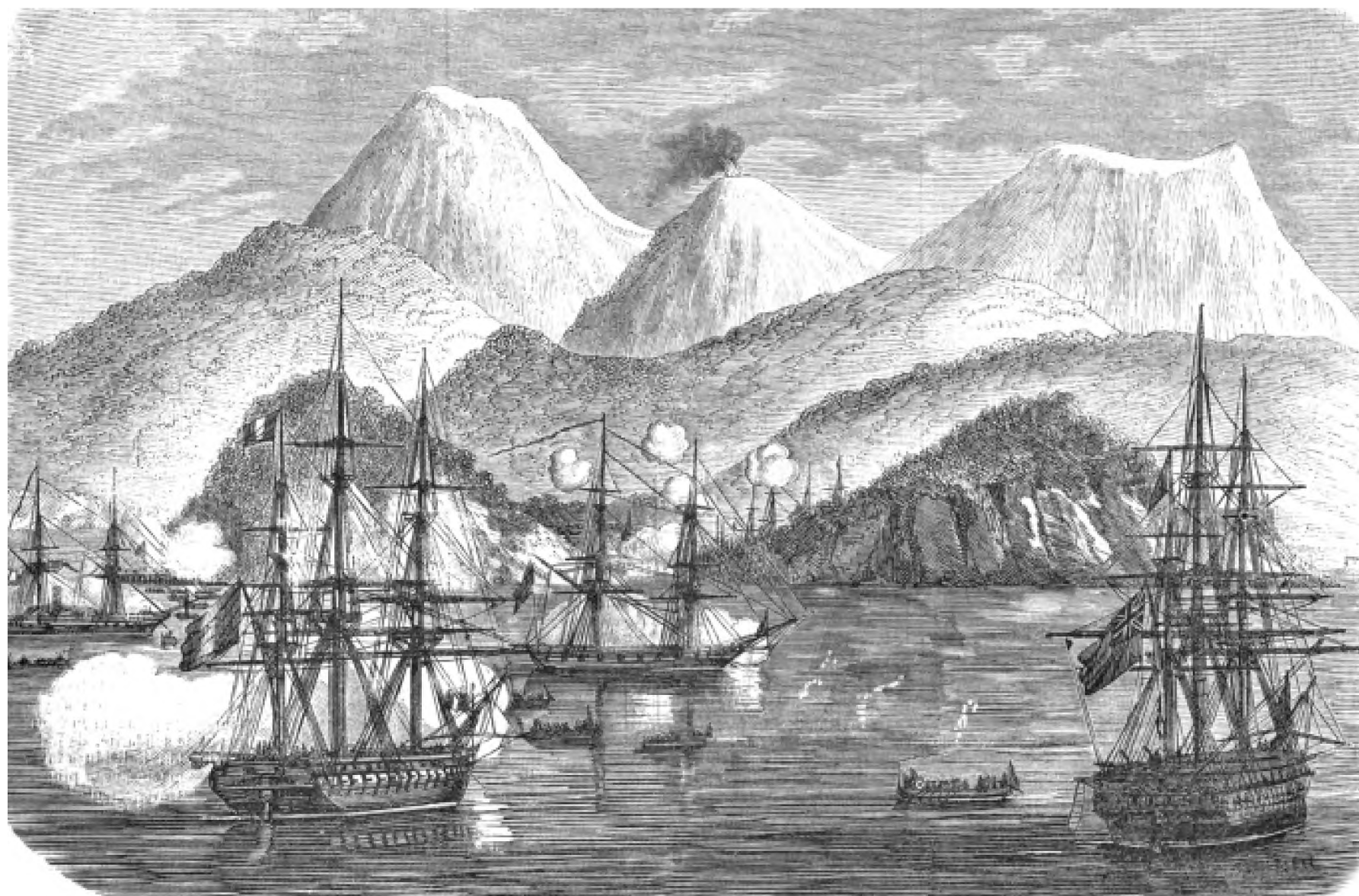
Однако контр-адмирал Феврие-Депуант, обозлённый бездействием английского фрегата «Пик», заявил, что с него довольно, и скомандовал кораблям выйти из боя.

Три следующих дня англичане и французы провели в препирательствах, возобновлять ли атаку на Петропавловск. За это время русские героическим трудом полностью восстановили повреждённые батареи. Наконец, утром 4-го сентября (24 августа) повторная атака была предпринята. На этот раз десанту вменялось взять город с севера (на плане север — слева), обойдя Никольскую сопку по дороге у кромки Култушного озера. На картах дороги не было, но об её существовании сообщили беглые моряки с американских китобойцев, встреченные англичанами в Тарьинской бухте (ныне Вилючинск).

Ранним утром решающего дня фрегаты были доставлены пароходом на огневые позиции: «Президент» — против батареи № 3 «Перешеечной», «Ла Форт» — против батареи № 7 (см. план). Русские пушки открыли огонь первыми и, пока фрегаты становились на якорь, успели причинить им немалый ущерб. На «Президенте» сбито орудие вместе с прислугой, сбит гафель вместе с флагом. «Ла Форт» потерял половину фока-рея. Но сила фрегатских пушек превосходила силу батарей впятеро и вшестеро. В течение часа батареи обратились в руины, стрелять на них было некому и не из чего. Командир батареи № 3 Александр Максutow упал с оторванной рукой («разорванный надвое», как показалось англичанам, — они приветствовали его гибель криками ликования). Тогда десант из семисот моряков и морских пехотинцев погрёб к берегу, ближе к батарее № 7. Осуществить намеченный план — войти в город по дороге — десантникам не удалось. На местности всё оказалось не так гладко, как на карте. Батарея встретила неприятеля картечным и ядерным огнём, и обойти её по стланиковому склону тоже не вышло. Основная масса десанта оказалась на сопке, теряя друг друга из виду, теряя своих офицеров под русскими пулями, теряя хладнокровие и дисциплину. Семьсот хорошо вооружённых мужчин — сила, несомненно, превосходящая силы русских, бестолково толкалась на гребне, пала из штуцеров без разбору и, наконец, под ударом штыковой атаки обратилась в бегство. Многие попросту бросались к морю самым коротким путём — вниз с обрыва, калечась и убиваясь. Офицерам с трудом удалось организовать обратную погрузку на шлюпки, вывоз раненых.

Именно этот момент мы и видим на третьей французской гравюре (рис. 5). За основу взята упомянутая выше сан-францисская литография А. Пру, но, конечно, творчески переработанная. Так и хочется задать лукавый вопрос: что напутал художник на этой картинке? Во-первых, полна ошибок подпись: «Атака на форт Шахова и порт Петропавловский военно-морскими силами Франции и Англии под командой контр-адмиралов Феврие де Пуанта и Прайса» — в этот день и Прайс уже был мёртв, и «Форт Шахова» (батарея № 1) не задействована.

Мы узнаём сопки Никольскую и Сигнальную, из-за которой ближе к перешейку видны мачты русских кораблей и купеческих судов. (Мачты действительно виднелись, но реи и стеньги у «Двины» и «Авроры» были сняты целости ради.) Русские батареи изображены, действительно, могучими фортами — это хоть как-то должно оправдать поражение англичан и французов. И хотя «форты» показаны в полной исправности и над ними вьются флаги, расположение кораблей соответствует моменту отступления союзнического десанта 4 сентября (24 августа), около одиннадцати часов утра. Уже знакомый пароход «Вилаго» (слева) обстреливает гребень сопки, пытаясь прогнать с него русских стрелков. Бриг «Облигадо» (двухмачтовый, в центре) также прикрывает отступление, стреляя через перешеек по русским кораблям, притом некоторые снаряды попали в цель. На переднем плане фрегаты «Ла Форт»

Attaque du fort Shaccoff et du port de Petropawlowski par les forces navales de la France et de l'Angleterre, sous le commandement des contre-amiraux Febvrier des Poins et Price.

Рис. 5. Атака форта Шахова («Иллюстрасьон, журнал универсель», 2 декабря 1854 г.)

и «Президент» — они уже вышли из боя и принимают догоняющие их шлюпки с уцелевшими, ранеными и убитыми десантниками. Впрочем, гравёр и тут подредактировал горькую действительность: на картинке шлюпки гребут к берегу, а «Ла Форт» куда-то стреляет левым бортом. (Похожая иллюстрация в 1856 г. была опубликована во Флоренции, рис. 6.)

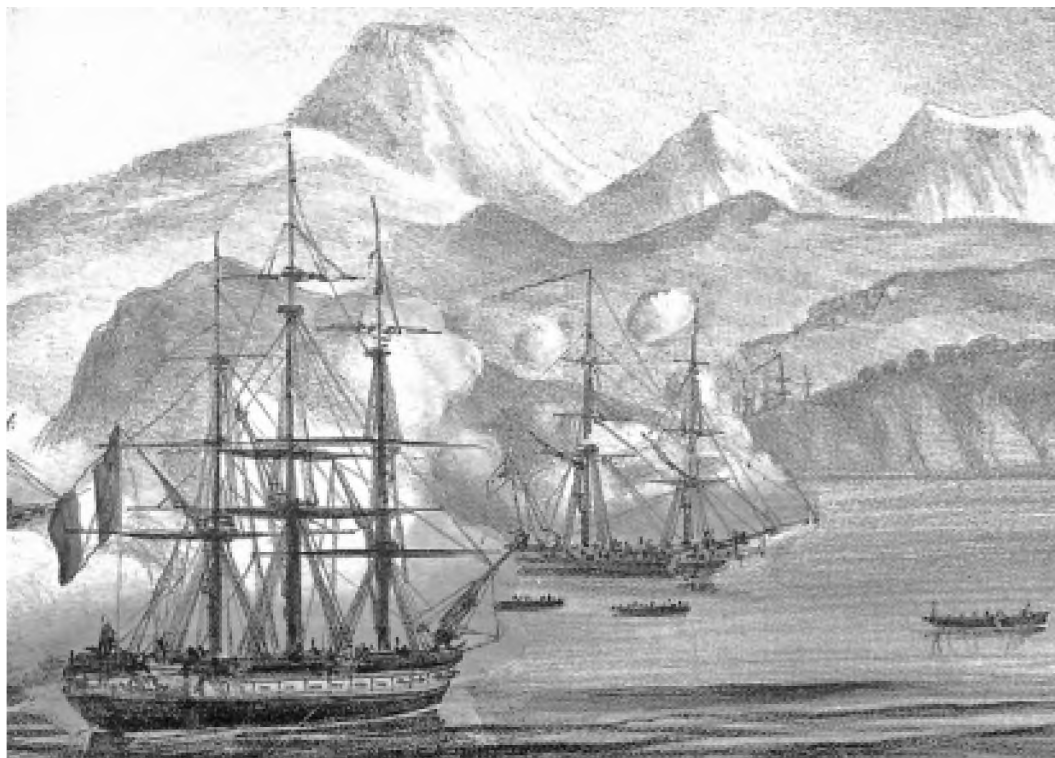

Рис. 6. Иллюстрация из альбома «Восточная война», Флоренция, 1856 г.

Вывезенных убитых англичане и французы похоронили на берегу бухты Тарьи, остальные тела собрали русские и похоронили в городе рядом с погибшими защитниками. Эти могилы и поныне сохраняются в Петропавловске перед памятником «Часовня».

В последний раз обратимся к гравированному плану Аврила-сына.

7 сентября (27 августа) побитая эскадра вышла за ворота Авачинской губы. Здесь судьба послала союзникам утешительный приз — англичанам удалось захватить два русских судна: транспортную шхуну «Анадырь» (её на другой день сожгли, забрав всё ценное), и транспорт Российско-Американской компании «Ситха» (приведён в Америку и продан). Оба захваченных корабля условно обозначены на плане в правом нижнем углу («Anadir», «Siska») как особый успех союзной эскадры.

В следующем 1855 г. война на Тихом океане продолжалась, и к прежней задаче англичан и французов уничтожить российский флот добавилось и дело оскорблённой чести — наказать Петропавловск. Сразу скажем, ни та, ни другая затея успехом не увенчалась. По весне на Дальний Восток был послан флот много больший прошлогоднего, включая несколько пароходов и линейный корабль «Монарх». Но Петропавловск найден опустевшим. Под самым носом у стерегущих неприятельских пароходов русские корабли, перегруженные, как Ноев ковчег, увезли людей и казённое имущество к устью реки Амур. Это устье англичане и французы так и проискали до конца войны. Их корабли всё лето, сменяя друг друга, патрулировали Авачинскую губу и окрестности в надежде на возвращение русских. Но удалось только отыскать в Раковой бухте спрятанный корабль «Аян», принадлежавший Российско-Финляндской китобойной компании. Трофей был торжественно сожжён. Матросы мародёрствовали в покинутых домах, ободрали церковь и устроили в городе пожар.

Французский фрегат «Ла Форт», неудачник прошлогодней кампании, снова пришёл в Петропавловск 14 (2) июня 1855 г. Контр-адмирал Феврие-Депуант скончался ещё в марте, его место занял контр-адмирал Л.-М. Фуришон. В числе офицеров кораб-

ля был молодой мичман Луи де Марсе, племянник Депуанта. Мичман, хороший художник, сделал несколько рисунков и послал их своему другу Рене де Керре (который уже вернулся во Францию), а тот передал их еженедельнику «Иллюстрасьон». Две гравюры по этим рисункам опубликованы 27 октября 1855 г. В сопровождающей заметке редактор Ж.-Б. Полен написал: «На сей раз поход на Петропавловск увенчался полным успехом. Англо-французские эскадры нашли город покинутым: пушки были сняты, а дома совершенно пусты. Наши моряки сожгли склады и сделали оградку вокруг крестов, поставленных русскими на могилах французов, англичан и своих соотечественников, погибших в жарком деле 4 сентября 1854 г.».

Но лучше дадим слово очевидцу, врачу английского парохода «Барракута» Дж. М. Тронсону:

«На небольшой насыпи в подножье холма, у руин порохового склада стоят два деревянных креста. Один, православный, установлен над прахом русских, павших в бою в сентябре 1854; другой крест, прямой, отмечает временное упокоение отважных французов и англичан, которые сражались плечо к плечу и теперь спят смертным сном бок о бок. Несколько футов глиняной толщи отделяют их от русских — они больше не враги: здесь всё мир и покой...

Вечером того же дня (9 июня, новый стиль — П. К.) все казённые здания были сожжены дотла; было ли это сделано преднамеренно или случайно, я не знаю: это очень прискорбно, и если даже сделано преднамеренно, то не имело санкции главнокомандующего; он, как мне сказали, был очень недоволен случившимся. Никаких лавров не пожнёшь, сжигая безлюдный город; нет в этом и доблести. Действительно, следовало разрушить все укрепления, которые могли быть использованы против нас, но совсем другое — спалить такой город как Петропавловск, который так часто оказывал щедрое гостеприимство английским исследовательским кораблям» [John M. Tronson. Personal narrative of a voyage to Japan, Kamtschatka, Siberia, Tartary, and various parts of coast of China; in H. M. S. Barracouta. — London, 1859. — P. 104, 106].

Ф. ГИЛЛМАРД

ПЛАВАНИЕ «МАРЧЕЗЫ» НА КАМЧАТКУ И В НОВУЮ ГВИНЕЮ...

В августе-сентябре 1882 г. на Камчатке побывала английская зоологическая экспедиция на паровой винтовой шхуне «Марчеза», совершавшей большое плавание на остров Цейлон, в Сингапур, на острова Рюкю, в Японию, Китай, на Филиппины, архипелаги Сулу, Молуккский и Малайский, в Батавию и Новую Гвинею. Одним из участников экспедиции был путешественник, писатель и натуралист Френсис Генри Хилл Гиллмард (Francis Henry Hill Guillemard). По её итогам он написал книгу «Плавание “Марчезы” на Камчатку и в Новую Гвинею с заметками об островах Формоза, Лиу-Кюу и некоторых островах Малайского архипелага» («The Cruise of the Marchesa to Kamschatka and New Guinea, with notices of Formosa, Liu-Kiu, and various islands of the Malay Archipelago»), вышедшую в Лондоне в 1886 г.

В то время как шхуна стояла в Петропавловске (она пришла сюда 13 августа 1882 г.), а затем совершала переход вдоль восточного побережья Камчатки, Гиллмард с несколькими товарищами и проводниками отправился в сплав на самодельном плоту по реке Камчатке от села Шаромы до самого устья. В течение месяца они посетили селения Старый Острог, Начики, Ганалы, Пуцино, Шаромы, Верхнекамчатск, Мильково, Машуру, Щапино, Козыревское, Ушковское, Ключи, Камаковское, Нижнекамчатск и Усть-Камчатск. Затем путешественники благополучно встретились в устье реки Камчатки с ожидавшим их судном и отправились на остров Беринга, в Моржовую и Бечевинскую бухты, вернулись в Петропавловск и после этого окончательно покинули Камчатку. 24 августа 1882 г. экипаж «Марчезы» принял участие в установке памятника «Слава» на Косе Петропавловской гавани.

Книга Ф. Гиллмарда — один из немногих источников, рассказывающих о Камчатке 1880-х гг. На русский язык полностью она никогда не переводилась, да и в самой

Англии была переиздана только в 2011 г. Отрывки, посвящённые установке памятника «Слава», в 2010 г. были представлены на сайте Northern Pacific Forum. Небольшой отрывок, где описывается Авачинская губа, опубликован во втором издании книги И. В. Витер и А. А. Смышляева «Город над Авачинской бухтой» (с. 112—113). Перевод избранных мест из четвёртой и десятой глав был подготовлен для сборника «Петропавловск-Камчатский, 1740—1990 (история города в документах и воспоминаниях)», автор перевода не назван. Благодаря тому, что книга имеется в свободном доступе на сайте библиотеки Калифорнийского университета, начать собственный перевод и подготовить данную статью удалось главному библиотекарю отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова Наталье Валентиновне Дивниной (г. Петропавловск-Камчатский).

Ниже представлена часть четвёртой главы, посвящённой описанию красот и особенностей Авачинской губы, Петропавловской гавани и её обитателей, в том числе и одного из наиболее известных из них — учёного, врача Б. Дыбовского, памятников Берингу, Клерку и Де ла Перузу. Здесь же рассказано о разгроме англо-французского десанта в 1854 г., могилах павших в боях интервентов, камчатских ездовых собаках, подготовке и начале путешествия в глубь полуострова, посещении горячих источников Паратунки.

Френсис Генри Хилл Гиллмард (Francis Henry Hill Guillemard) родился 12 сентября 1852 г. в Элтаме, графство Кент. Он был пятым ребёнком в семье доктора медицины Исаака Гиллмарда, потомка французских гугенотов, эмигрировавших в Англию. Френсис обучался в Кембридже, получил степени магистра гуманитарных наук и доктора медицины. Но влекла его не медицина, а путешествия. В 1873 г. он побывал в Лапландии, в 1877—1878 гг. — во внутренних районах Южной Африки, на Мадейре и Канарских островах. Во время первой бурской войны 1881 г. снова посетил Южную Африку. Вернувшись в Англию, опубликовал свою первую книгу — медицинское исследование. Затем Гиллмард отправляется в продолжительную зоологическую экспедицию на «Марчезе» (1882—1884), во время которой собрал огромную естественнонаучную коллекцию. К моменту публикации «Плавания “Марчезы”...» (1886) Гиллмард являлся уже признанным учёным, членом обществ: Линнеевского, Королевского географического, Зоологического и многих других научных организаций. Он продолжил занятия зоологией, изучал животный мир на Кипре, стал инициатором создания «Фонда исследований острова Кипр». В 1890 г. публикует книгу «Жизнь Фердинанда Магеллана и первое кругосветное плавание, 1480—1521». В 1892 г. Гиллмард входит в состав официальной миссии ко двору султана Марокко. По окончании этого путешествия поселяется в Кембридже, некоторое время преподаёт в университете географию, редактирует серию географической литературы Cambridge University Press. Скончался 23 декабря 1933 г. в Трампингтоне, Кембридж.

...Часом или двумя позже мы приблизились к узкому входу в Авачинскую бухту и проложили курс по спокойному морю к маленькой гавани Петропавловска.

Авачинская бухта — одна из превосходнейших гаваней в мире, если не самая превосходная. Бухты Рио и Сиднея тоже могут претендовать на это почётное звание, но те из нас, кто видел их обе, единогласно присудили пальму первенства их камчатской сопернице. Это почти круглый бассейн около девяти миль в диаметре, с узким входом со стороны SSE (юго-юго-востока. — Н. Д.), достаточно просторный для того, чтобы разместить в нём военный флот всего мира.

Бухта абсолютно безопасна, её глубина около десяти-двенадцати морских саженей (морская сажень равна шести футам, или ста восьмидесяти двум сантиметрам. — Н. Д.), а благодаря высоким горам она защищена от всех ветров и надёжно укрыта в любую погоду. На обычного же путешественника производят впечатление не столько преимущества бухты для судоходства, сколько её прекрасные виды...

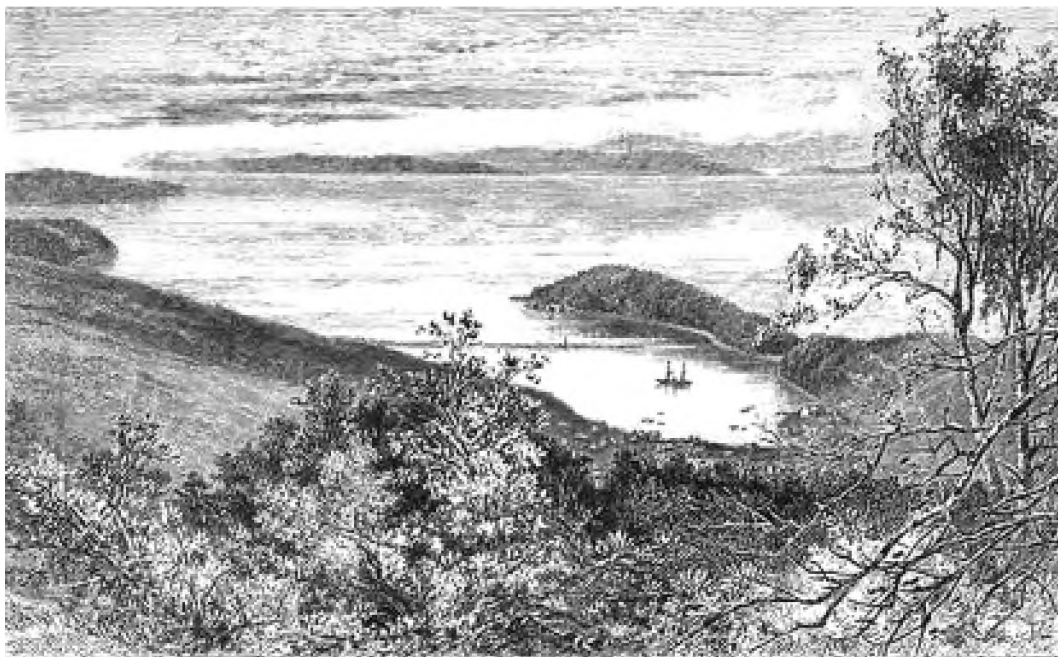
Маленькое селение Петропавловск скрывается за высоким обрывистым мысом, который и является западной границей Петропавловской гавани. Вы только взгляните на гравюру с её изображением, и сразу поймёте, какая это прекрасная гавань!

От материка и почти до самого мыса — отмель, однако имеется и проход, глубина которого такова, что через него спокойно может пройти самое большое судно. Песчаной косой, вытянутой от материка, гавань разделена на внутреннюю и внешнюю. Эта

коса — узкая, длинная, прямая, удивительно правильной формы — и просто трудно поверить, что она не является произведением человеческих рук.

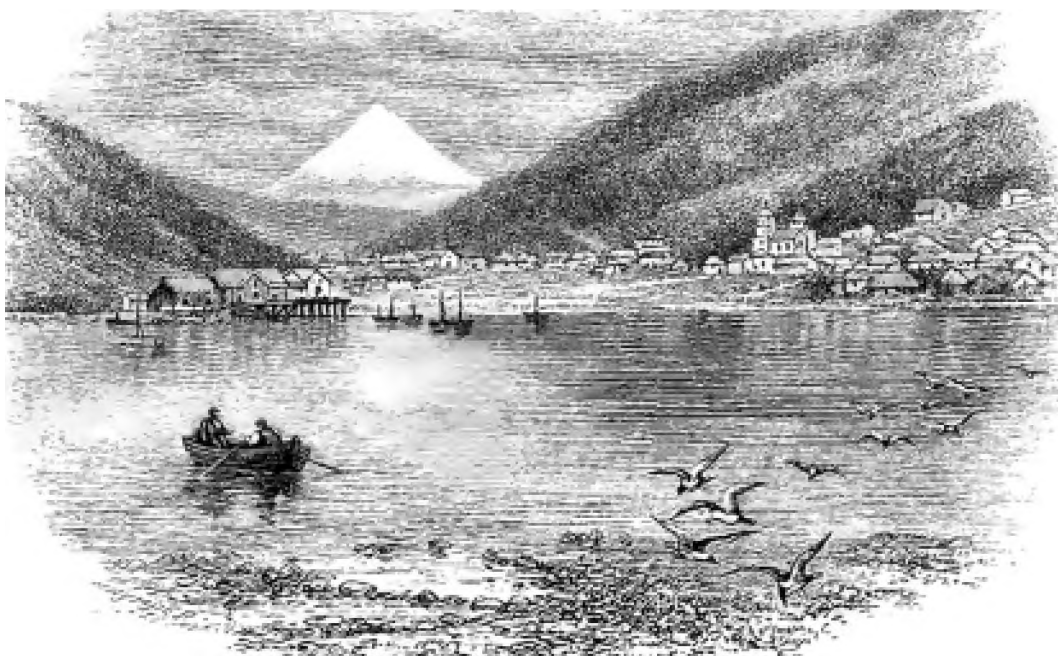
Мы медленно шли под парами к берегу, однако из-за узости прохода (расстояние хорошего броска камня!) казалось, что мы преднамеренно хотим посадить наше судно на мель.

«Право руля! Право на борт!» — доносится приказ. «Право на борт!» — эхом отзывается человек за штурвалом. «Лево на борт!» — «Есть лево на борт!» — кричит рулевой-кокни, вцепившись в штурвал. «Чёрт побери, — бормочет он, — в таком весёленьком местечке я ещё не бывал!» Я услышал его слова, и когда мы, наконец, безопасно причалили, был весьма склонен согласиться с ним.

AVATONA BAY AND PETROPAGLOVSKY HARBOUR.

Fig. 6.

PETROPAGLOVSKY HARBOUR.

Виды Петропавловской гавани

Наше прибытие произвело немалое волнение среди жителей этого отдалённого поселения. Возможно, это было вызвано тем, что именно в тот момент, как мы вошли в гавань, готовился к отходу пароход с пушниной, который ежегодно проходит из Охотска в Японию через Петропавловск (так у автора. — *Н. Д.*).

Чтобы помахать на прощание отъезжающим собрались все жители городка, но немалое их число терзалось противоречивым желанием одновременно и проводить своих друзей, и увидеть вновь прибывших, а также и выяснить род их занятий.

Едва этот пароход полным ходом отошёл от пристани, к нам уже пожаловали первые гости. Правда, их было не так уж и много. Петропавловск, несмотря на то, что его впечатляюще-длинное название едва помещается на карте, занимает площадь меньшую, чем площадь какой-нибудь большой деревни, а численность его населения не только весьма невелика, но и сокращается с каждым годом.

В 1779 г. Клерк насчитал в этом селении тридцать хижин, стоящих на песчаной косе, о которой я уже упоминал, и в большинстве своём это были жилища аборигенов: юрты и балаганы. (Юрта — это полуподземное зимнее жилище, крыша которого покрыта дёрном. Балаганы используются только летом, это простые, грубые, неотделанные постройки, стоящие на столбах. Верхняя часть такого балагана служит жилым помещением, а в нижней развешивают рядами для сушки лососёвую рыбу.)

Капитан Кохрейн, который в 1821 г. совершил своё беспримерное пешее путешествие из России через Сибирь на Камчатку, насчитал уже пятьдесят семь построек, в том числе и на берегу бухты; в период Крымской войны городок казался больше, чем сейчас, да и в действительности был гораздо больше. Тогда его строения уже поднялись с косы на склоны береговых холмов, где и находятся в настоящее время.

Сейчас Петропавловск может гордиться не менее чем двумя сотнями домов и различных построек. Но на Камчатке, как и везде на севере, зимние хранилища и навесы для сушки рыбы, которые, как правило, располагаются отдельно от жилья, столь многочисленны, что количество именно жилых домов составляет на деле только треть от этого числа. В 1829 г. Китлиц насчитал в поселении двести жителей, мы же получили сведения о том, что сейчас их проживает здесь более трёхсот. Лично я нахожу, что это количество слишком завышено.

Вид городка и окружающей его природы, который открывался с пустынной песчаной косы — волнолома гавани, созданного самой природой, был поразительно живописным. Налево — заросший лесом мыс, свидетель злосчастной катастрофы, постигшей силы союзного флота в 1854 г. Направо — гора высотой около пятнадцати сотен футов (один фут включает 30,48 сантиметра. — *Н. Д.*), она возвышается и господствует над городом, бревенчатые хижины которого теснятся вокруг берегов маленькой бухты. Взгляд останавливался то на белоснежном здании, построенном с некоторой претензией, то на церкви, полускрытой среди деревьев, то на кладбище с многочисленными русскими крестами.

Живописно заполняя просвет между сопками на окраине городка, поднимается снежный конус Корякской сопки. Там же, вдали от других городских зданий, стоит склад Аляскинской торговой компании, окрашенный в тот неяркий тускло-красный цвет с коричневым отливом, который так любят в Швеции. Здание радует цветным пятном на переднем плане сплошной зелени.

Знакомство со всем Петропавловским селением (несмотря на столь звучное его имя) заняло у нас совсем немного времени. Кстати, сами жители называют свой городишко просто «Петропавловск». Они быстро выказали нам своё расположение и сделали посещение городка максимально для нас приятным, в изобилии снабжая лососем и ягодами, а после того как мы заметили в городе коров, за предыдущими дарами тут же последовали молоко и масло.

Общество в городке небольшое, европейцев только восемь или десять человек. Мистер Люгибель пребывает здесь как местный представитель Аляскинской торговой компании, он обеспечивает доставку шкур морских животных с Командорских островов. Тем же занят и капитан Хантер, весёлый агент другой мехоторговой фирмы — «Филиппеус и К°».

Здесь всего два розничных магазина (американцы называют их *stores*, и это же название используется на Камчатке). Хозяин одного из них — славный дружелюбный старый швед, который исполняет ещё и обязанности мэра. Он не был на своей родине вот уже тридцать лет, и каким же удовольствием для него стало поговорить о Швеции с одним из нас — тем, кто любил эту страну почти так же сильно, как и он

сам. (Гиллмард имеет в виду городского старосту Петропавловска Э. Т. Сандалина и самого себя. — *Н. Д.*)

Укрепления и казармы, которые сровняли с землёй англичане в 1855 г., так и не были отстроены заново, поскольку город уже не является военным постом.

Вся власть здесь принадлежит исправнику, который, несмотря на строгие обязанности и предписания своей должности, не остался в стороне от соблазнов поправить свои дела торговлей (исправник полицейского управления Петропавловского округа в 1880—1882 гг. И. Серебрянников. — *Н. Д.*). Русско-американский еврей, известный также как «Король Камчатки», один из тех, от кого русскому правительству так хотелось бы здесь избавиться, завершал, вместе с доктором Дыбовским, список европейцев сильного пола (под прозвищем «Король Камчатки» выведен, вероятнее всего, петропавловский купец И. М. Малованский. — *Н. Д.*). Леди же было всего четыре.

С доктором Дыбовским, который обрёл европейскую известность как натуралист, мы имели удовольствие познакомиться ближе. Жизнь этого человека полна удивительных событий. Его сослали в Сибирь за участие в польском восстании, затем неожиданно помиловали и назначили камчатским окружным врачом, и уже в этом качестве он побывал на большей части полуострова.

Свободно передвигаться по Камчатке для исправления своей должности он обычно может только зимой, и поэтому в избытке располагает временем, которое с неутомимой страстью и неослабевающим пылом посвящает любимым занятиям. Геология, геодезические съёмки, палеонтология, фотография и орнитология — это и много другое занимает часы досуга доктора Дыбовского целиком и полностью. Подтверждением этому является удивительное богатство его коллекций. Ни один другой европеец не знает столько о той Камчатке, что лежит за пределами Петропавловска!

Именно ему мы были обязаны тем сведениям, которые позволили разработать наш маршрут, и именно от него получили множество полезнейших советов для путешествия по Камчатке.

Мы хотели, если это было возможно, направиться к северу от Авачинской бухты, достигнуть верховьев великой реки Камчатки и приобрести там несколько лодок (опять же, если это возможно). Если же нет — самим изготовить плот и спуститься на нём вниз по течению к морю. Наша шхуна должна была оставаться в Петропавловске месяц или шесть недель, а потом отправиться к устью Камчатки и ждать там нашего прибытия. К сожалению, из-за занятости доктор Дыбовский не мог присоединиться к этому путешествию, и не знал никого, кто бы мог поехать с нами.

Зимой здесь поддерживается постоянное сообщение с Нижнекамчатским острогом, который находится недалеко от устья реки Камчатки. Однако собачьи упряжки не едут прямо по замёрзшей реке, как в Лапландии. И хотя путешественник по пути и проезжает через несколько одиноких поселений на берегах реки, основной его путь проходит по суше. Поэтому мы не имели реального представления о том, как долго будет продолжаться наше путешествие по реке Камчатке.

Тем не менее, мы обсудили с доктором Дыбовским много других важных вопросов о нашем путешествии, стараясь получить как можно больше сведений по данному предмету. Он обнадежил нас тем, что с какими бы трудностями мы не встретились в пути, недостаток продовольствия к ним не относится, и голод нам не грозит. Необычайное обилие рыбы на Камчатке, которое описывал Дыбовский, сначала показалось нам просто невероятным, но позднее его рассказы нашли своё подтверждение, и мы посчитали их даже некоторым преуменьшением по сравнению с тем, что наблюдали сами.

Трудно сказать, насколько связана почти исключительно рыбная диета обитателей Камчатки с тем, что среди них так широко распространена проказа. Дыбовский описывал проказу как обычную здесь болезнь, и он имел существенные основания судить об этом вопросе, однако поразительно то, что за всё время нашего путешествия по стране мы столкнулись только с единственным случаем этого заболевания. Цинга, как нам сказали, встречается крайне редко — несомненно, благодаря обилию дикого чеснока и сараны (растения семейства лилейных), клубни которой здесь заготавливают на зиму и едят вместо картофеля. Однако в последнее время картофель получил уже значительное распространение.

Жаль, что время нашего общения с доктором Дыбовским было весьма кратким. Он вот-вот должен был отправиться в долгое путешествие за ископаемыми к Курильскому озеру — в почти неизученный район на южной оконечности полуострова.

Таковыми одинокими путешествиями и предприятиями он старается смягчить и уменьшить своё собственное одиночество ссыльного изгнанника. Зимой он путешествует по Камчатке с её отрезанными от мира селениями и осматривает своих пациентов. Теперь же он, пользуясь случаем, надеялся помочь им достаточным количеством лекарств, которые вёз с собой. Если же эти лекарства не помогут, то он будет вынужден оставить пациентов на произвол судьбы до своего следующего посещения — только через год. Немного найдётся на свете врачей, чей врачебный округ раскинулся на сто тысяч квадратных миль!

В течение недели, необходимой для завершения наших сборов, у нас было достаточно свободного времени для изучения Петропавловска и его окрестностей. Многочисленные гавани и восхитительные пейзажи Авачинской бухты требовали не меньше месяца на основательное знакомство с ними. Трудно себе представить более привлекательное место для натуралиста и спортсмена, чем Камчатка. Может быть, когда цена добычи лосося в Норвегии станет непомерно высокой, а изобилие дичи в Индии и Южной Африке иссякнет, некоторые любители приключений и откроют для себя Камчатку как новое поле для охоты и рыбалки.

Но сейчас, надо признаться, добраться сюда нелегко. Ежегодно Петропавловск посещает русский военный крейсер, и его офицеры, как я убедился на собственном опыте, — отличные спутники. И если путешественник владеет французским, имеет крепкую голову и обладает способностью (и вместимостью!) к неограниченному потреблению сладкого шампанского — тогда путешествие с русскими может стать для него весьма приятным.

Также ежегодно совершаются рейсы одного или нескольких судов Аляскинской торговой компании — два плавания с заходом в порт Петропавловска и на остров Беринга. Эти суда перевозят меха морских животных. Они выходят из Йокогамы, и, несомненно, с ними тоже можно совершить путешествие на Камчатку. Тем не менее, покидая Камчатку во второй раз, корабль уже не возвращается в Японию, а берёт курс прямо на Сан-Франциско.

С момента нашего прибытия в Петропавловск погода была в высшей степени приятной и вдохновляющей — очень тёплые дни с ярким сиянием солнца и великолепным безоблачным небом, ночи же стояли холодные, но ясные. Один минус — нет более подходящей погоды для комаров, чем эта. Комары — это бедствие, из-за которого жизнь на севере летом просто невыносима. В самом Петропавловске комаров мало; на берегах же Авачинской бухты мы то обнаруживали их обилие, то не замечали ни одного. Каждому известно, что присутствие этих насекомых почти всегда связано с наличием болот, низин, зарослей берёз и других деревьев поблизости. Но здесь, что очень странно, нет никаких причин, которые могли бы вызвать такое загадочно неравномерное распространение этих насекомых.

Маленькие палисадники городка пламенеют яркими цветами, хотя и засорены сорняками и жёсткой травой. Вокруг многих домиков — возделанные клочки земли, на которых растут картофель, капуста и другие овощи.

Но зерновые культуры здесь не выращивают. Кое-где в долине реки Камчатки выращивают рожь, но в самом Петропавловске, как сказал доктор Дыбовский, её выращивать никогда и не пытались. Для камчадалов урожай из рек и моря имеет такую важность, а его «выращивание» занимает столько времени, что для земледелия остаётся немного досуга, даже если у них и имеется влечение к этому занятию.

Даже в самом главном поселении Камчатки нет дорог, и из-за беспорядочного расположения домов и равно беспорядочного распределения земельных участков, на которых они построены, пешеход вынужден самостоятельно выискивать и прокладывать такой путь от дома к дому, который кажется ему наилучшим. Излишне говорить, что колесные экипажи вследствие этого здесь неизвестны.

Церковь, малоинтересное выглядящее здание, выкрашенное в белый цвет, — в сущности, единственное большое общественное здание городка. (Во время визита Лессеп-

са в 1787 г. в поселении не было церкви, но он упоминает о её давнем существовании и уточняет, что «она была расположена рядом с могилой Клерка».)

Около церкви, в самой отдалённой части сада мистера Люгибеля, стоит скромный монумент, установленный в память Беринга. Это железная колонна небольшого размера и невеликого вкуса, присланная сюда из Санкт-Петербурга. Наполовину скрытый в зарослях высоких трав, которые в это время года обильно и щедро покрывают Камчатку, памятник выглядит весьма уныло. Это кенотаф (символическая могила, не содержащая тела умершего, сооружавшаяся в том случае, когда прах покойного оказывался недоступным для погребения. — *Н. Д.*) для останков знаменитого мореплавателя, который упокоился далеко на острове, носящем его имя.

Памятник капитану Клерку, преемнику капитана Кука, по-моему, расположен недалеко отсюда, но мы его не увидели.

Несомненно, городок весьма богат подобными памятниками прошлого, склоняющими к меланхолическим размышлениям. Так, в распадке между двумя холмами, где некогда стояла старая батарея, ещё видна полуразрушенная памятная колонна Де ла Перузу. А на песчаной косе у входа в гавань находится куда менее притягательный для глаз англичанина, однако обращающий на себя внимание памятник в честь победы русского оружия над силами союзного флота в 1854 г. Должен признаться, что до посещения Камчатки я ничего не знал об этом столь несчастном для нас деле. Это мало кому известное историческое событие, получившее в своё время весьма критическую оценку. Воспоминание о нём давно выветрилось из памяти прошлого поколения, и, судя по тому, с каким успехом это дело замяли тогда, у него не осталось никаких шансов стать широко известным в наше время.

В деле 24 августа 1854 г. мы потерпели поражение столь же унижительное, сколь и нелепое, и все обстоятельства этого дела, связанные с нашим нападением на такой незначительный городишко, как Петропавловск, конечно, никак не могли вызвать ни понимания, ни одобрения у других стран.

Подробности того давнего дела нам рассказал капитан Хантер, который сам был всему свидетелем, но наиболее ясно, кратко и выразительно они изложены мистером Уимпером в «Путешествиях и приключениях на территории Аляски» (*Frederick Whymper. Travel and adventure in the territory of Alaska, formerly Russian America — now ceded to the United States — and in various other parts of the north Pacific // London: John Murray, 1868; Ed. Harper&Brothers, 1869. — Н. Д.*), поэтому я даже не буду извиняться перед моими читателями за дословное цитирование его книги.

«Осенью 1854 г. (28 августа. Эта дата не совпадает с той, что указана на установленном русскими памятнике, где стоят даты 20—24 августа. — *Прим. Ф. Гилмарда*) шесть военных кораблей — французских и английских, а именно “Президент”, “Вираго”, “Пик”, “Ла Форт”, “Эвридика” и “Облигадо” — вошли в Авачинскую бухту. Русские выстрелили из орудия у маяка на входе в бухту, и в Петропавловске была объявлена тревога. Адмирал Прайс немедленно рассмотрел и оценил расположение противника, гавани и порта в целом и поставил “Вираго” на расстоянии в две тысячи ярдов (один ярд равен 91,44 сантиметра. — *Н. Д.*) от берега.

MONUMENT TO THE AFFAIR OF AUGUST, 1854.

Памятник «Слава» на косе
Петропавловского порта

Русские подготовились к нападению. Два их судна, “Аврора” и “Двина”, защищали гавань, а цепь, протянутая через узкий вход в эту гавань, попросту заперла её. У русских было семь батарей с земляными укреплениями, на которых было установлено около пятидесяти пушек довольно крупного калибра.

“Вираго” начал бой прицельным огнём, и несколько батарей на время или окончательно замолкли. Самая дальняя от города батарея в западной части гавани была захвачена нашим десантом. Орудия заклепали и привели в негодность. Осталось три батареи за пределами гавани и батарея на песчаной косе, ещё две на оконечности мыса в западной части гавани и одна на перешейке между сопками, которые спускаются к Авачинской бухте. Это та самая маленькая лощина, где стоит памятник Лаперузу.

Город был замечательно укреплён, как самой природой, так и стараниями защитников. Его холмы совершенно закрывали его от огня, и, несомненно, он был уязвим только с тыла. Подходящим местом для высадки десанта показалась небольшая долина с отлогим морским берегом (северная оконечность Никольской сопки. — *Н. Д.*), несмотря даже на то, что там стояла русская батарея.

Наши суда заняли новую позицию и заставили умолкнуть русские батареи на господствующих высотах; семь сотен морских десантников и моряков высадились на берег. Половина из них были англичане, другая половина — французы; с ними высадилось и множество офицеров. Проводниками служили два американца, которые сообщили, что знают местность. Участники десанта ожидали очень лёгкой победы и беспорядочно поспешили вперёд вместо того, чтобы соблюдать строй и военный порядок. Прибрежная долина — место высадки десанта, была окружена холмами, а холмы покрывали (покрывают и сейчас) густые заросли кустарника и невысоких деревьев, а за ними скрывались позиции казаков, которые открыли огонь и благодаря своему умению метких стрелков или военной удаче поразили почти всех наших офицеров.

Началась паника. Наши люди, не видя стрелявших и потеряв своих командиров, стали в беспорядке отступать. Был подан и сигнал к организованному отступлению, но люди, сражавшиеся среди густого подлеска (не забудем, что это были моряки, непривычные к сражениям на суше), рассеялись по округе, и многие из них, как предполагают, были убиты случайными выстрелами своих же товарищей. Часть наших, спасаясь бегством, стали взбираться вверх по сопке, враги преследовали и теснили их, и многие погибли, сорвавшись с отвесных скал.

Жители города, сами удивленные собственной отвагой и поражённые таким исходом сражения, понимая, что не удержат города при повторной, более сильной и решительной атаке, уже приготовились покинуть его, как вдруг эскадра снялась с якоря и ушла, и никто больше не видел её здесь в этом году».

Истинное количество павших в этом деле точно не известно. В «*Nautical Magazine*» за октябрь 1855 г. указано, что мы потеряли сто семь человек убитыми и ранеными, но здесь нам говорили, что потери в бою французов и англичан превышают сто семьдесят человек.

У подножия сопки на окраине города до сих пор стоит простая деревянная ограда — ветхий белый частокол вокруг трёх крестов, под которыми лежат рядом русские, французы и англичане. Многих участников сражения похоронили там, где они погибли. Тела некоторых офицеров были вынесены с поля боя союзниками и преданы земле у входа в Тарьинскую гавань, на противоположном берегу Авачинской бухты. Их погребли близ берега, на мыске напротив маленького островка. Мы надеялись, что сможем посетить это место, но недостаток времени, а также необходимость приготовлений к экспедиции в удалённые от побережья районы Камчатки не позволили нам этого сделать. Нам сказали, что весной прошлого года партия, в которую входил и наш информатор, пыталась обнаружить эти могилы — но тщетно, даже несмотря на то, что могила английского адмирала некогда была отмечена крестом.

Смерть этого офицера, по мнению жителей Петропавловска, только косвенно является результатом сражения. На самом деле, как я понял, это произошло в день накануне сражения, потому что войсками в течение всего боя командовал французский адмирал.

По мнению всех, бывших в то время в Петропавловске, катастрофа прямо вызвана разделением сил десанта после высадки. Один наш отряд, забежав вперёд, оказался под огнём другого. Густой кустарник не позволял осознать и обнаружить эту ошибку, и наступающие отряды представляли себя атакуемыми и окружёнными с тыла. Казаки удачно использовали эту ошибку, и вскоре ряды союзников превратились в беспорядочную толпу, которая в смятении пыталась покинуть это столь неудобное для нас, но выигрышное для русских место боя. Как нам говорили, большинство союзников встретили здесь свою смерть даже не от пуль противника — русские сбрасывали их с высоких обрывов прибрежных сопок.

Победителей оставили на некоторое время в покое, но весной следующего года союзная эскадра снова появилась у этих берегов. Английские корабли «Президент», «Пик», «Дидо», «Брик», «Энкаунтер» и «Барракуда» совместно с французским фрегатом «Альцест» соединились у берегов Камчатки и 31 мая 1855 г. вошли в Авачинскую бухту.

Оказалось, что все русские покинули город. От трёх оставшихся иностранных подданных союзники узнали, что поселение было эвакуировано по приказу императора — очень быстро, едва дождалось вскрытия льда на бухте.

Из города исчезли даже туземцы. За год, прошедший со времени высадки десанта, русские соорудили новые и укрепили имеющиеся батареи. 7 июня 1855 г. эти батареи были разрушены вместе с оружейными складами, а два дня спустя в городе были сожжены дотла все казённые здания. Их сожгли несколько английских военных моряков без приказа командования, совершив поступок бессмысленный и незаконный. Этому инциденту трудно найти оправдание, и невозможно ожидать, чтобы русские могли поверить в необходимость подобных действий; это происшествие до сих пор вызывает озлобление в сердцах жителей городка. Через несколько дней после злосчастного события эскадра покинула город, а жители вернулись в свои дома.

Ныне маленький несчастный Петропавловск упокоился в мире после времён своей славы 1854 г. Он так и не был вновь укреплен, и больше уже не является военным фортом.

Невозможно жить на Камчатке и не свести знакомства с её полезнейшими обитателями — ездовыми собаками. Стоит только поразмыслить о том, что на каждого жителя полуострова приходится, в среднем, пять-шесть этих животных, как сразу становится понятно, что шума здесь не меньше, чем на улицах и базарах Константинополя.

На Камчатке выражение «собачья жизнь» обретает пугающую наглядность. Собаки не имеют здесь никаких удобных жилищ, чтобы противостоять суровости арктического климата; кроме того, эти бедные животные, исключая время своей обычной работы, вынуждены находиться на полном самообеспечении. Однако многолетний опыт и инстинкт, переданный поколениями предков, помогают им, как бывалым служакам-ветеранам на войне, приспособиться и к таким условиям.

Остановившаяся на ночлег где-то у скрытых в ночи камчатских селений, путешественник частенько может свалиться в подобие неких гигантских кроличьих нор, которые устроили для себя местные ездовые собаки, чтобы укрыться от леденящих ветров. Их шуба почти такая же густая, как у медведя. Это настоящий мех, а не шерсть! По своим манерам и умению вести себя в обществе они больше всего напоминают наших мичманов флота — столь же грубы, невоспитанны и некультурны. Они досконально усвоили, что самосохранение есть первый закон Природы, и всегда поступают в соответствии с этим законом, при каждом случае толкуя его необычайно широко и свободно. Прекрасно обученные и искусные в своём деле, они в то же самое время упрямы, своевольны и глубоко равнодушны к пинкам и ударам, которые щедро отсыпает им хозяин.

За исключением тех селений, рядом с которыми простираются тундры (там использование нартов возможно круглый год), по всей прочей Камчатке у собак летом долгие каникулы. Они свободно бродят повсюду, иногда возвращаясь на ночлег в свои логова, а иногда пропадая на весь день. Отличные охотники и рыболовы, они поддерживают свои силы и дичью, добытой на охоте, и лососями, которых ловят в реках, и редко случается, что из-за поиска пищи они вынуждены надолго оставить своих хозяев.

Местные жители должны, однако, дорого платить за их услуги. Из-за прожорливости ездовых собак в этих местах невозможно держать овец, коз и другую мелкую живность, и Камчатка, наверно, одно из немногих мест в мире, где неизвестна домашняя птица. (Недостаток куриных яиц в Петропавловске восполняется тем, что очень много яиц морских птиц собирают на скалах у входа в Авачинскую бухту и привозят из Охотска.)

Кроме того, как в известной песенке, «ничто не свято для сапёра», в собачий рацион, говорят, иногда попадают даже маленькие дети!

Для команды нашего судна Петропавловск казался почти раем. Погожие солнечные дни и ясные холодные ночи были приятным разнообразием после утомительного пекла тропиков, и обеда на полубаке украшались необыкновенными деликатесами. Гавань и реки кишели рыбой, можно было собирать моллюсков — сколько душе угодно, молоко и ягоды также имелись в избытке. Мерланги и селёдка были на время оставлены в относительном покое благодаря той лёгкости, с которой можно было добыть лососей в устьях Авачи и Параминки (Паратунки. — *Н. Д.*).

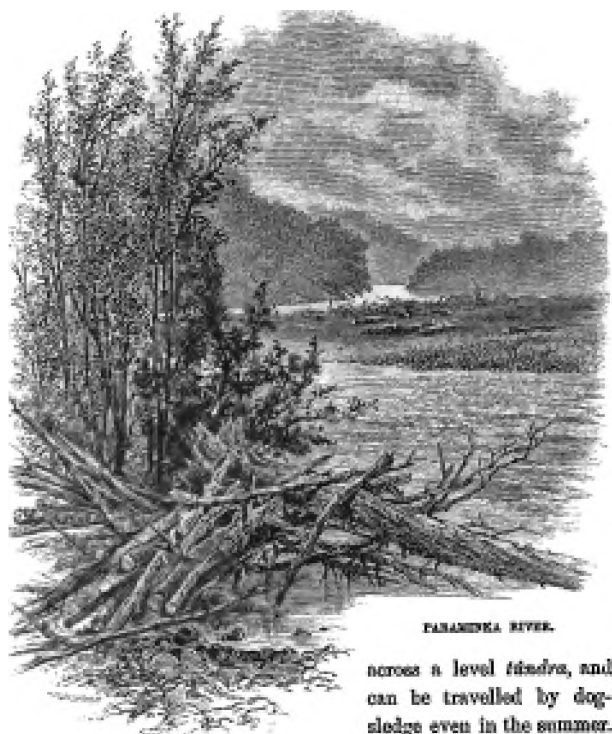
Стоило только закинуть сеть, и мы вытаскивали за один раз не меньше трёх сотен лососей, команда тут же была вынуждена заниматься их засолкой и копчением, сохраняя улов, а иначе в таком обилии добычи не было бы никакой пользы. Моряки были в своей стихии и, возможно, не возражали бы провести и оставшуюся жизнь в этом чудесном месте. Охотничьи вылазки в разные уголки по берегам бухты полюбились всей команде, и вскоре бак «Марчезы» украсился медвежьими шкурами, которые наши люди получили в обмен от туземцев.

Тем временем мы договорились с исправником и тем человеком, которого я ранее удостоил титула «Короля Камчатки», о предоставлении лошадей, которые были необходимы для первой части нашего путешествия. Пока происходила некоторая заминка, вызванная необходимостью найти всё нужное для экспедиции, мы отправилась на

горячие источники Ключи («ключи», как я понял, по-русски и значит «источники»), которые находились в нескольких милях от берега на другой стороне бухты.

За исключением того времени, когда дуют сильные юго-восточные ветры и вызывают волнение, плавание через бухту вполне приятно и на маленьких лодках. Как мы поняли, бухта, даже и запертая зимой льдами, очень редко замерзает целиком, хотя гавань Петропавловска, конечно, и бывает закрыта на несколько месяцев. Высадившись на берег северо-западнее входа в Тарьинскую губу, мы прошли через бескрайний берёзовый лес и, наконец, вышли на берег живописного озера, через которое переправились на долблённых лодках к маленькой деревушке на противоположном берегу.

Далее дорога проходит через ровную тундру, по которой можно ехать на собачьей упряжке даже летом. Ключи (Паратунка. — *Н. Д.*) — крохотная деревушка из нескольких бревенчатых лачуг и балаганов,

Река Паратунка

но благодаря тому, что на заднем плане возвышается Вилучинский вулкан, её расположение кажется очень живописным. Деревня лежит в долине, где заметны даже некоторые попытки обработки земли.

Горячие источники, пар от которых виден издали, имеют температуру около ста восьми градусов по Фаренгейту (около сорока двух градусов по Цельсию. — *Н. Д.*), и, как представляется, сернистые по своему составу. К их помощи часто прибегают

местные жители для излечения кожных и других заболеваний. Над источниками по распоряжению исправника выстроен домик для тех, кто захочет искупаться. Около деревни протекает приток реки Авачи, по которому мы спустились на лодках к морю; прибыв на «Марчезу», мы узнали, что большая часть лошадей уже собрана для нас в Петропавловске.

Появились все шансы на то, что так долго планируемая нами экспедиция через несколько дней наконец-то начнётся...

Переводчик выражает свою признательность за помощь Лене Айказовне Абрамян и Ирине Васильевне Витер.

С. В. ГАВРИЛОВ

ГОД ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА. 1930-й

4 января общественно-политическую жизнь города в начавшемся году открыла городская детская конференция. Юные делегаты всерьёз обсуждали учебные дела и внешкольную работу, приняли совсем не детское решение поддержать постановление городского совета профсоюзов и других организаций «об отобрании Петропавловской церкви и о передаче её под детский клуб». О нём они телеграммой сообщили в Москву самому «Всесоюзному старосте» — председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР Михаилу Ивановичу Калинин: «Работа среди детей хромает из-за отсутствия помещения».

Неведомый нам стихотворец откликнулся на это событие следующими строками, посвятив их «внучатам Ильича» — петропавловским пионерам:

*Зал гудит и пенится, зал битком набит...
Гвардия юных ленинцев рушит старенький быт.
В пламени алом вспыхнуло будущее веков.
В зале грянуло, ухнуло: «Всегда готов!»
Скучными-ль цифры покажутся? Сказку бы детям как раз? —
С карандашом слушают, — дают горсовету наказ.
В прениях мыслят: больницу, школу, кино, дрова...
Розами рдеют лица... Хором: — Церковь под клуб давай!
Старому миру — ходулину! Смертью слова звучат.
Радио унесло Калинин рапорт камчатских внучат Ильича.
Зал гудит и пенится. Зал битком набит...
Гвардия юных ленинцев рушит старенький быт.*

Пионерскую энергию намеревались использовать и в ходе пушных заготовок. «Пушная кампания», к которой привлекалась вся общественность, шла под лозунгом «Сто процентов пушнины государству, ни одного хвоста частнику-спекулянту!» (напомним, что пушнина являлась дорогостоящим валютным товаром и рассматривалась как один из источников средств для развернувшейся в стране индустриализации). Окружное бюро пионерской организации объявило соревнование на лучшее участие отрядов в пушно-заготовительной кампании. Оно же установило премии для победителей: два комплекта инструментов для столярных кружков и одну библиотечку.

Внучатам Ильича предлагалось заняться разъяснительной работой среди камчатских селян. Для этого городская пионерская организация обязалась организовать не менее трёх «вылазок» в ближайшие сёла, завязать связь с тремя деревенскими отрядами и тремя школами и помочь им в проведении агитации, особенно в сёлах, не имеющих своих пионерских отрядов. Кроме этого пионеры намеревались провести соответствующую деятельность в доме крестьянина: развернуть здесь «уголок охотника», вывесить плакаты собственного изготовления подходящего содержания и показать «художественное выступление». Городским школьникам, имевшим деревенских родственников-охотников, предлагалось написать им письма о необходимости сдачи пушнины государству. Ход «пушной кампании» освещался газетой

«Полярная звезда», настенными листками и даже «световым» журналом, спроецированным на клубном экране.

6 января в здании Камчатского народного суда в открытом заседании начался «процесс сотрудников АКО». «Ниточка за ниточкой разматывался клубок чрезвычайно запутанных и сложных махинаций с товарами, причём предварительным следствием была установлена несомненная виновность в этом деле заведующего факторией Суконнова, старшего бухгалтера Новограбленова, заведующего магазином Маштакова и заведующего главным отделением магазина Бакулова, которые и сидят сейчас на скамье подсудимых».

Учёт наличия товаров на складах и в магазине фактории АКО и отчётность здесь оказались страшно запущены. Нередко часть доставленного, выгружаемого с парохода, сразу же на пристани отпускалась покупателям, часть, вывозимая из порта, шла в магазин, минуя склад. Расценка производилась по усмотрению заведующего магазином и не всегда верно. Товар часто продавался неопреходованным.

Всё это создавало почву, благоприятную для разных злоупотреблений. Обычным делом стало «самоснабжение» сотрудников фактории, зачастую в пределах, превышающих их личную потребность. При этом ссылались на некое разрешение главной конторы АКО. Заведующий факторией общества, по данным следствия, ухитрялся даже импортные товары — плюшевые одеяла, чулки и фрукты — переправлять «контрабандным путём на материк своей семье».

Приговор по шумному делу был вынесен в двенадцать часов ночи 8 января. Несмотря на позднее время, зал был переполнен. Суконнова приговорили к двум годам лишения свободы с запрещением на пять лет занимать ответственные должности в государственных учреждениях. Маштакова осудили к девяти месяцам принудительных работ, Новограбленова — к году, обоих с таким же запретом. Одним словом, «торговали — веселились, подсчитали — прослезились». Ещё одного подсудимого — Бакулова — оправдали. Суд решил дополнительно открыть следствие против сотрудников главной конторы АКО Малышева, Гончарова и Турилова и её руководителя М. Д. Шеина.

8 января окружная контора связи провела открытые торги на перевозку почты от Петропавловска до селения Начики.

9 января ячейка «безбожников» школы-девятилетки поставила очередной анти-религиозный вечер. Его предварила лекция учителя В. А. Гаврилова о вреде поповского дурмана, затем была показана пьеса «Савва Чалый». Вечер завершился музыкальными номерами, частушками и играми.

10 января открылась первая окружная партийная конференция. В Камчатском округе имелось триста семьдесят шесть членов и кандидатов в члены ВКП(б). С отчётным докладом выступил секретарь окружкома партии Н. Д. Зыкин. Конференция рассмотрела ход выполнения первого пятилетнего плана по округу, работу в деревне по коллективизации и кооперативному строительству. Заседания продолжались пять дней. Их участники ежедневно издавали стенные газеты «Делегатская скребница» и «Ильичёвка».

Вскоре на смену партийцам ожидалась делегаты окружной комсомольской конференции. Некоторые уже начали съезжаться: более пятнадцати человек прибыло на собачьих упряжках из Тигильского, Усть-Камчатского и Большерецкого районов. А ещё ждали гостей на пленум окрисполкома. Пока не все собрались, но уже сейчас в городе скопилось значительное количество ездовых собак. Остро встал вопрос: чем их кормить?

Впрочем, сложности с питанием возникли не только у этих друзей человека: «В петропавловской столовой после обеда приносят делегатам по стакану чаю. Глянешь в стакан, а там таракан. Спрашиваешь: “Почему у вас тараканы в чае?” — “А потому, что ситечка нет”». Один из делегатов предложил заведующему столовой купить это самое ситечко, дабы «не попадал таракан в стакан и не портил людям настроение». Да и заведующему городской пекарней следовало обратить серьёзное внимание на качество выпускаемого хлеба, «который собаки кушать не будут» и от коего «даже заболевают делегаты. В доме крестьянина заболели некоторые». Вот такая незавидная

участь досталась столь уважаемым людям из-за халатности отдельных работников. О том, возымели ли действие делегатские слова, нам не ведомо.

12 января заседали члены гужевой артели, действовавшей в Петропавловске с апреля 1927 г. (председатель Артюхин). Официально она называлась «Промысловая кооперативная гужевая артель лошадиников» и, между прочим, являлась монополистом по части владения «перевозочными средствами», то есть лошадьми и подводами. Повестку дня составил вопрос, «выдвинутый под давлением бумажки». Помянутая «бумажка» представляла собой напоминание о проводившейся подписке на третий заём социалистической индустриализации. В ходе собрания замечены «несоветские настроения» и выявлено неправильное «классовое нутро» членов артели.

«В небольшой накуренной комнате стоит недовольный гул.

— Так мы уже подписались. Чего им ещё нужно?

— Что, ещё нужно подписаться? Какому коммунисту на жалованье не хватило?» Докладчик с иронической улыбкой сидит, как воды в рот набрал, ни слова.

Один из смельчаков сказал:

— Я предлагаю подписаться не менее пяти рублей.

Снова гул: «Хватит какому-нибудь коммунисту на зарплату».

— Ну, брат, положим, коммунисту-то не хватит, а вот сторожу хватит!

В накуренной комнате гул не перестаёт умолкать.

Все ждут веского слова уважаемого председателя-докладчика. Уважаемый решает: «Пиши, Миша: «Постановляем произвести подписку на третий заём индустриализации страны не менее пяти рублей»». Вопрос исчерпан. Что может быть безобразнее такого «подхода» к вопросу о займе индустриализации со стороны и докладчика-председателя, и членов гужевой артели?»

Итак, председатель артели не разъяснил смысл проводившегося займа, а никто из членов не попытался указать на неправильное отношение коллег-возчиков к происходящему. Из всего перечисленного делался вывод, что артель не являлась кооперативной промысловой, а наименовала себя так лишь для видимости и возможности пользоваться установленными кооперативам льготами.

К тому же в её составе обнаружился бывший торговец, а из валового дохода за 1929 г., превысившего одиннадцать тысяч рублей, в основной капитал не отчислено ни копейки. Артель не придерживалась утверждённого устава, следствием чего и стало «проникновение чуждого элемента». Цены же на перевозки способствовали разжиганию «рваческих appetитов». Всё это, по мнению «товарищей», говорило о том, что артель следовало лишить кооперативного устава, превратить в трудовую, закрепив её за окротделом труда и, естественно, немедленно выгнать из её состава бывших торговцев.

16 января окружной совет Осоавиахима объявил о начале приёма заявок на приобретение формы для своих членов. Её мужские и женские образцы установлены по типу комсомольской, чёрного цвета. Комплект из брюк, гимнастёрки и фуражки стоил девять рублей семьдесят пять копеек. Заявки до 1 февраля должны были утвердить местные ячейки и райсоветы этой весьма уважаемой массовой общественной организации, основанной в 1927 г.

Её главной задачей являлась подготовка к будущей войне с империалистами, в которой «тыл будет принимать непосредственно участие во всех операциях». Поэтому население должно готовиться выполнять всевозможные военные обязанности. Одной из таковых, возлагаемых на женщин, будет являться «служба в армейских штабах, в снабженческих учреждениях и учреждениях связи». Вот для подготовки связисток и телефонисток в городе и организовывался кружок по изучению связного дела. Его участницы должны были освоить работу с телефонными коммутаторами военных и гражданских образцов, уметь принимать и отправлять корреспонденции, быстро записывать телефонограммы, а также суметь защитить телефонную технику «от ядовитых газов и вообще работать в противогазе». Всю учёбу намечалось вести на практике, непосредственно у аппаратуры. Записывали желающих в окротделе работниц и в окрисполкоме. Первое занятие состоялось в Красном уголке отделения связи вечером 18 февраля.

Но, говорит старая пословица, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Её с успехом можно было применить и к кружку связников. Руководитель Шафаров намеревался изложить всю программу на четырёх занятиях. После двух уроков он передал кружок Петрову, заявив, что сам заниматься не может, так как сильно загружен. Петров провёл ещё два урока, объяснил курсанткам, что электрический ток можно получить, потирая сургучную палочку суконкой, после чего тоже исчез. Спустя время к руководству снова приступил Шафиров. «Так с миру по нитке, а с руковода — по одному занятию».

17 января горожанин, укрывшийся под псевдонимом «Комар», отметил большие неудобства, создаваемые населению ночным бездействием электростанции. Причина — недостаточное количество выписанных с «материка» из-за чьей-то «близорукости» электросчётчиков, без которых невыгодно было давать энергию потребителям, платившим за неё «полампочно». При их установке «и комхоз бы выиграл, и жители утром имели бы электрический свет вместо керосинового». В городе имелось более двух тысяч ламп, утренняя нагрузка станции достигала ста пятидесяти киловатт. Энергию подавали, когда наступала настоящая темнота. До этого читать и писать было уже нельзя, почему приходилось прерывать вечерние занятия и ожидать, когда «электричка», то есть станция, соблаговолит включиться. Отключалась же она, наоборот, чересчур рано, не в час ночи, как об этом заявлялось, а в полночь. Горожане, занятые допоздна, должны были помимо электрического освещения пользоваться ещё и керосиновым.

Об «электробезобразии» другого рода сообщил некто «Дубровский». Он отметил, что энергия для киноустановки потреблялась от общей осветительной магистрали, поэтому при бросках нагрузки во время показов накал ламп резко менялся. Это отражалось на зрении кинолюбителей. Поправить дело можно было быстро: переключить киноустановку на уличную осветительную магистраль. «Если электростанция остаётся до сих пор глухой, то окрздраву необходимо сказать решающее слово, иначе вместо оборудования глазного отделения при горбольнице придётся создавать клинику. В пациентах недостатка не будет».

Плохо действовали и единственные городские общественные наружные часы, что разместились на конторе окрсвязи (обычные в наше время наручные часики были тогда большой редкостью, своеобразным показателем высокого общественного статуса их обладателя). Они то стояли, то шли неверно. «Дайте точное время, необходимое учреждениям и населению!» Устанавливать же его было несложно по ежедневно сообщавшимся сигналам Хабаровской широковещательной радиостанции.

18 января открылась комсомольская конференция. «Второе поколение большевиков» (первое — это партийцы), своего старшего брата, горячо приветствовали юные ленинцы — пионеры. Они преподнесли конференции подарок — свой только что созданный третий городской отряд. Представитель производственной мастерской Берзин заверил собравшихся, что он и его коллеги усилят производительность своего труда. Пограничный отряд прислал боевой чекистский привет. В перерыве по радио из Хабаровска (сейчас сказали бы, что в «живом эфире») прозвучало приветствие от представителя крайкома комсомола. После закрытия конференции прошёл «живой журнал», физкультурные номера и сценическая постановка.

С чем же пришла камчатская комсомолия к своему форуму? Сеть её ячеек выросла с девяти до шестидесяти, число комсомольцев достигло шестисот. Особенно быстро оно росло за счёт «туземной», то есть местной молодёжи коренных национальностей. На этот факт в «Полярной звезде» стихотворными строками откликнулся некто М. Уралов:

*В сердце комсы эту песнь перельём
Мы на другие мотивы.
Всех рыбаков и дегры (бедняков. — Ред.) соберём
В совхозы и коллективы.
Об этом на съезде тальянка поёт,
Хохочут меха в мажоре.
Новую жизнь мы иначе скуём,*

*В дружном и ленинском хоре.
Вам, мои братья труда и борьбы,
Вам — красноцвет комсомольца,
Вам, запыхавшим, чтоб пламя разжечь,
Песенку эту сложил я.*

Имелись в комсомольской жизни и недостатки. Так, в ячейке АКО общественные нагрузки между членами распределялись неравномерно. При различных перевыборах и довыборах их возлагали на одних и тех же, может быть, и умевших хорошо работать, но загруженных ребят. Это отчасти создавало «антагонизм» между комсомольцами, вызывало их недоверие друг к другу. Между тем, в АКО были юноши и девушки, хотя и малоопытные, но желавшие работать. Их следовало выдвинуть и подучить, тогда они тоже смогли бы принести пользу. Отмечены и «мещанские взгляды на жизнь» среди части молодёжи: «одна комсомолка говорила, что ей хотелось бы воспитывать своих детей так, как когда-то воспитывали помещики». С такими несоветскими настроениями следовало неуклонно вести борьбу, усилив политико-воспитательную работу, но пока этого не делалось. «А где же партийное руководство?» — задавались вопросом неравнодушные.

20 января комсомольцы школы-девятилетки вызвали на соревнование ячейку ремесленно-производственной мастерской. Предложено повести работу с отстающими, добиваясь «полной успешности», охватить политической учёбой всех комсомольцев, вовлекая в кружки и неорганизованных ребят, усилить работу по интернациональному воспитанию и связи с зарубежными товарищами, а к 20 мая полностью вступить в ряды Международной организации помощи рабочим (МОПР), Осоавиахима и Союза безбожников.

21 января окрсоветы Общества содействия физической культуре и Осоавиахима провели первый городской лыжный пробег для всех желающих, но предварительно записавшихся в своих коллективах. «Этот пробег даст возможность выявить лучших лыжников и стрелков для составления соревнований более крупного масштаба». Сбор участников назначен на Култучном озере. Состязались на двух дистанциях: пятикилометровой на скорость и двухкилометровой со стрельбой. Лучшие бегуны и стрелки отмечены двумя ценными призами.

22 января в школе открылся кружок текущей политики. На первом, организационном, собрании присутствовали более двадцати учеников. Намечен план работы, решено на ближайших заседаниях провести беседы: «Новый этап борьбы с уклонами в нашей партии», «Пятилетка СССР», «Коммунистический Интернационал молодёжи».

23 января заработала конференция учителей города и Петропавловского района. Она ежедневно заседала в школе-девятилетке с десяти утра до часа дня и с трёх до шести вечера. Открыл работу докладом «Пятилетка в Камчатском округе» сам председатель окрисполкома В. Ф. Богатырёв. Затем прозвучали доклады «Очередные задачи школы в текущем учебном году», «Задачи и роль школы в связи с пятилеткой и её реализация», «Общественно-полезная работа школы», «Антирелигиозное и интернациональное воспитание», «Ликвидация неграмотности и школа», «Повышение квалификации педагогических кадров». Рассмотрены вопросы организации в школах «детской среды», развития политехнического воспитания и социалистического соревнования.

В окружном ВКП(б) совещались по поводу организации вечерних детских яслей. Большинство присутствовавших составили матери-работницы и активистки-жендегаты, которым не с кем было оставить своих ребятшек на время многочисленных вечерних заседаний и собраний. Решено открыть ясли к 1 февраля, для проведения организационной работы выбрана очередная комиссия.

25 января пришла, наконец, почта, отправленная в прошлом году на попавшем в жестокие штормы ледорезе «Литке». Часть посылок оказалась разбита, бумаги — подмочены и повреждены.

26 января корейцы Мен Хеби и Цой Чисуни написали торжественное обещание, что в дальнейшем прекращают играть в азартные игры и пить водку. Они призывали последовать их и других восточных рабочих, иначе «восточников». Организаторами

игр назывались «спекулянты и лодыри, которые не желают зарабатывать себе кусок хлеба физическим трудом». Активнейшими из них являлись Пак Вонбэк, Киян Ян Чин, Хоун, Чжан Ды Чин, Щя Хвы Ден и другие.

Общее собрание «восточников» постановило, что с нарушителями советских законов «нянчиться не следует, а переводить игроков с первой и второй категории (продуктового снабжения по карточкам. — С. Г.) на третью и высылать на материк, поставив одновременно перед соответствующими профорганизациями, если они являются членами союза, вопрос об исключении их из членов союза». Попутно признано, что принимаемые милицией меры в виде наложения штрафов и отправке на принудительные работы пока существенных успехов не дают, а без привлечения восточников-активистов к борьбе с азартными играми и культурно-просветительной работе не обойтись.

Картёжные игры, считавшиеся одним из самых ярких «пережитков прошлого», были распространены не только в среде «восточников». Ими увлекались и некоторые руководящие работники, вроде бы долженствующие быть примером для рядовых тружеников. В своё время своеобразным «приютом» для прожигателей жизни служил городской клуб, где «процветала порнография и халтура на сцене и поголовная пьянка за традиционными столиками в зале. Устраивались “кабаре” с кафешантанной программой, весело и беспечно прожигалось за бутылкой водки и за зелёным столиком здоровье, доброе имя, а иногда и жизнь нашего молодого поколения».

Сейчас же клуб считался оздоровлённым. Его бывшие завсегдатаи, «поклонники кафешантанов и игорных домов», теперь удовлетворяли свои страсти в домашней обстановке. «По уголкам и переулкам идут шёпотом разговорчики о том, что в некоторых квартирах в Петропавловске происходят азартные картежные игры. Шепотком называют и отдельные фамилии участников. При чистке сотрудников окружного финотдела говорилось, что растрата профсоюзных денег, произведённая бывшим секретарём группкома Беридзе, является прямым следствием картёжной игры. Во время чистки сотрудников суда говорилось, что в городе есть бытовое разложение, и для того, чтобы его прекратить, надо кое-кого изгнать из города...»

Вот с этой-то «разлагающей работой», распространявшей своё тлетворное влияние и заразу и на всех окружающих, и что опаснее всего, — на молодёжь и предстояло бороться и милиции, и общественности.

30 января правительственным решением — постановлением Президиума ВЦИК медицинская секция горсовета за хорошую работу получила премию в три тысячи рублей и набор хирургических инструментов.

Стало известно, что горожанка Шорохова по билету № 3077 выиграла во всесоюзной авиахимлотерее коньки стоимостью десять рублей. Чтобы получить выигрыш «натурой», ей следовало отправить билет лотерейному комитету в Москву.

1 февраля окружное профсоюзное бюро объявило о предстоящем открытии первых на Камчатке курсов мотористов-трактористов. «Условия необходимости усиления социалистической стройки накладывают на нас ответственность за обеспечение промышленности хорошо подготовленными, классово-выдержанными кадрами квалифицированных рабочих, и поэтому дело каждой партийной и комсомольской ячейки и профсоюзной организации обеспечить своевременное открытие курсов, приступив немедленно к отбору курсантов». На учёбу на три с половиной месяца набиралась группа в тридцать пять человек. Курсы финансировали АКО и окружная контора связи, их работой руководило правление союза сельскохозяйственных и лесных рабочих. В число слушателей набирался, в первую очередь, «бедняцко-батрацкий молодец, активно участвующий в общественно-политической жизни деревни». Ему отводилось до двадцати мест, в том числе не менее пяти — для девушек. Пятнадцать мест предоставлялось городским жителям, членам профсоюза, рабочим и низшим служащим. Зачисленным полагалась стипендия в шестьдесят рублей в месяц.

Ежедневно шли шесть часов теоретических занятий, восьмичасовые практические занятия намечали провести ближе к окончанию учёбы, к 9 апреля. Выпуск первых на полуострове мотористов-трактористов намечен на 28 апреля. Между прочим, слушатели обижались на заведующего курсами за то, что он редко посещал занятия.

5 февраля прошёл второй лыжный пробег, имевший целью «выявить лучших бегунов-лыжников по пересечённой местности с препятствиями и стрельбой по появляющимся мишеням». Установлена одна дистанция в пять километров. По пути — стрельба пятью патронами по грудным мишеням на расстояние в две с половиной сотни метров. Соревновались команды погранотряда, школы-девятилетки и профсоюзов. Участники прибыли к озеру со своими ружьями, приспособленными для ношения на ремне через плечо.

10 февраля в больницу пришла комсомолка Афанасьева, почувствовавшая начало родовых схваток. Акушерка Лукьяненко осмотрела её и заявила: «Роды ещё не скоро, поди, погуляй». Молодая неопытная мать не возразила и пошла «гулять», но так как боли усиливались, вскоре вернулась в больницу и, обессиленная, упала на ступеньках. Проходившая мимо санитарка помогла ей войти. Акушерки рядом не оказалось. Начались роды. Но ни санитарка, ни сама комсомолка не понимали, что происходит. Роженица пошла в уборную, куда её санитарка отпустила одну. Здесь на пороге и родился ребёнок. Когда мать закричала, прибежала санитарка, собрались все больные, а акушерки всё не было. Никто из присутствующих принимать детей не умел. Тогда за неведомое дело принялась санитарка. Кое-как уложили роженицу на койку, обмыли новорождённого. В это время вернулась акушерка. Её обступили возмущённые пациенты, а та «спокойно замечает: “Подумаешь, какая беда, родила... и хорошо. Только не распускайте языки, поменьше сплетничайте”. Такое отношение со стороны акушерки к новорожденным и матерям по меньшей мере странно. И что это значит: “Поменьше сплетничайте”? Неужели тов. Лукьяненко думает, что такое событие, как роды в уборной больницы, — факт весьма обыденный, о котором говорить не следует?»

11 февраля в клубе Союза советских торговых служащих (ССТС) состоялся «вечер китайской эстрады»: первое выступление драматического кружка. Показана «инсценировка собственного сочинения по сжатой статье о шанхайской забастовке», рассказывавшая о некоем предпринимателе, удлинившем труженикам рабочий день и понизившим зарплату. Следующая постановка изображала ходячего паяльщика, исполнявшего куплеты о тяжёлом детстве, о том, «как геройски он боролся со всеми трудностями, подчеркивая, что он восьмилетним мальчонкой уже окончил университет», в смысле жизни. Подобно русским частушкам, слова паяльщика сопровождались музыкой, но та звучала не во время исполнения куплетов, а после, «что характерно для китайской сцены вообще». «Зал клуба ССТС переполнен тёмно-синими блузами китайских рабочих. На смуглых лицах прыгают блики электрических огоньков. Гомерический хохот и всплески рук, восхищённые выкрики: “Хоу, хоу...” (хорошо, браво), вторили пронзительному грохоту медного оркестра». Представление свидетельствовало о наличии среди городских китайцев достаточного числа талантов и говорило за то, что правлению клуба пора было подумать о постановке интернационального вечера, «спаяв нацменьшинства единой монолитной программой».

14 февраля А. А. Литвинов, режиссёр экспедиции Совкино, прибывшей на полуостров в апреле прошлого года, сообщил из Гижиги, что завершена съёмка двух фильмов — «Забытый край» и из жизни коряков. Экспедиция начала работу над третьим — «Оленным всадником».

Пришла телеграмма от академика А. Е. Ферсмана с предложением принять меры к охране метеорита, упавшего ещё в сентябре 1928 г. в тундре в районе реки Пал-Пал и убившего сто тридцать оленей. Камчатское краеведческое общество на своём заседании постановило просить окрисполком предложить Пенжинскому и Анадырскому райисполкомам попытаться разыскать место падения небесного тела.

Краеведы получили известие из Хабаровска, что книга «Камчатка (природа, люди и хозяйство)» ещё не напечатана, а собранные для неё материалы редактируются и дополняются. Для сбора сведений для предполагавшейся к изданию Дальневосточной энциклопедии при обществе организована «ячейка содействия» в составе П. Т. Новограбленова, В. Ф. Богатырёва и М. Э. Кренберга. Ячейке поручено «пригласить ряд товарищей для составления статей для энциклопедии».

Городская милиция сообщила о привлечении к ответственности за хулиганство В. П. Слободчикова, П. И. Осминина, Ф. И. Ванина, Ван Хин Зая, И. Е. Иванова,

Д. А. Шагаева и других. Оштрафованы за картёжную азартную игру на суммы от десяти до восьмидесяти рублей «восточники» Ван Син Чжун, Тао Цзя Инь, Фузито Хиторо. Две недели принудительных работ за это же получил Синью, предупреждения — Цой Чисуни, Цой Ше Хэби и Фу Шу. Упомянутый «гражданин Шагаев» также подвергся уголовной ответственности за поломку приёмного лотка и порчу центрального водопровода «с целью отвода воды для удовлетворения своих потребностей водой».

20 февраля объявлено, что АКО для обеспечения нормального хода грузовых работ в порту создаёт артель из местных жителей в сто человек. В ближайшие дни общество намеревалось приступить к постройке нового причала на угольной площадке мыса Сигнального. Ожидалось, что с первыми судами придут семь разобранных больших понтонов. Они могли увеличить причальную линию и позволить одновременно выгружать два парохода. На засыпаемой территории в северной части Ковша намеревались собрать два пакгауза из материалов, привезённых из Владивостока. Ожидалось прибытие первых на полуострове шести грузовых автомобилей. Контора АКО ждала новый портовый катер и самоходный кавасаки.

В деятельности порта обнаружилось множество недостатков, связываемых с личностью нового, недавно прибывшего руководителя Фрича. По словам очевидцев, сразу после появления в Петропавловске новый начальник начал перераспределять своих работников по квартирам, при этом лишив одного из них, имевшего жену и грудного ребёнка, жилья. Затем заявил, что «он их разгонит». Вскоре из тридцати девяти рабочих осталось одиннадцать, да и эти собирались уходить, так как с ними отказывались заключать трудовые договоры. Организация работы оставляла желать лучшего. Техник-строитель постоянно отрывался от дела, так как ему поручили заведование кладовой. Из-за задержки портового катера чуть было не сорвалась обработка парохода «Томск», простаивавшего под угрозой, что его затрёт льдом, и ему придётся остаться в Петропавловске на зимовку. Была задержана почта, замёрзли и пришли в негодность привезённые медикаменты.

21 февраля уточнены предельные месячные нормы отпуска горожанам продуктов по карточкам. Все их получатели ещё 21 мая прошлого года были поделены на три категории: первая — лица физического труда; вторая — лица нефизического труда (служащие, члены их семей, члены семей лиц, причисленных к первой категории, и лица свободных профессий, за исключением служащих культа и лиц нетрудового дохода); третья — прочие граждане.

Для первой категории установлены следующие нормы выдачи (в килограммах): мука — 23, сахар и крупы — по 2, жиры — 1,25, мыло ядровое — 0,6. Для второй и третьей категорий: мука — 15 и 9, сахар и крупы — по 1,5 и 0,5, жиры — 1 и 0,5, мыло — 0,6 и 0,4 соответственно. Детям граждан, отнесённым к первой и второй категориям, и женщинам с пятого месяца беременности ежемесячно дополнительно полагались по полкило сахара. Горсовет имел право в случае недостатка названных продуктов снижать указанные нормы наполовину, сохраняя пропорциональное соотношение для разных категорий.

23 февраля в двенадцать дня у стоявшего в Ковше теплохода АКО «Охотск» состоялось отборочное соревнование по стрельбе из винтовок между командами ячеек Осоавиахима, школы и профсоюзов. Стреляли тринадцать раз на расстояние в триста шагов. Состязались, так сказать, «любители»: инструкторы и кадровые командиры к участию не допускались.

25 февраля на общем собрании рабочих, служащих типографии и редакции «Полярной звезды» решено организовать «огородный колхоз», написав заявку в горсовет о предоставлении ему участка. В колхоз на первых порах записались десять человек. Этим было положено начало новой кампании, на сей раз посевной: «Даёшь коллективные огороды! Ни одного клочка земли не должно остаться незасеянным!»

В организации «огородных коллективов» должны были принять участие городская общественность и профсоюзы. Для них намечено разбить одиннадцать гектаров. Такие цифры установил окрисполком. Чтобы выполнить его задание, все огородники обязывались полностью засадить выделенную землю. Жители селения Солеварка и испра-

вительно-трудовой дом должны увеличить свою имеющуюся площадь втрое, школа-девятилетка — засеять огород из расчёта десять квадратных метров на каждого ученика. Проверка «стопроцентного» засева возлагалась на горкомхоз. При обнаружении «неполного засева отдельными гражданами» неиспользованные земли намеревались изъять и передать «гражданам, желающим производить посевы».

Президиум горсовета предписал горожанам и жителям Солеварки не позднее 1 марта подать Петропавловскому кооперативу заявления о наличии у них картофеля и его предполагаемом расходе на питание, а также излишках, назвать размеры огородов. Всё это требовалось для учёта наличных посевной площади и семенного картофеля. Излишки последнего запрещалось продавать частным лицам, а предлагалось сдать кооперативу по цене два с полтиной за пуд. Отсюда излишки предлагалось направить на «обсеменение полей совхоза АКО, колхозов окрестных деревень и населения города». Помимо наличных сдатчикам обещаны мука, овёс и жмых для корма скота.

В феврале развернулась дискуссия «За новый быт». Её ключевой вопрос — освобождение женщин-хозяек от кухонных обязанностей. Высвободившееся время можно было бы обратить на общественно полезную работу. Подобные дискуссии, впрочем, вполне безрезультатные, «на материке» шли уже давно, а вот теперь пришла очередь и Камчатки.

Вызволить женщин-хозяек из «кухонного рабства» могла бы, например, кооперативная столовая. Но это могло случиться лишь при её доступности «в смысле удешевления стоимости обедов». А последняя была высока, в том числе из-за расходов на оплату обслуживающего персонала. В связи с этим возникло предложение возложить его обязанности, за исключением поваров, на самих столующихся и этим снизить стоимость питания. Те, кто не хотел или не мог выполнять их, должен был оплачивать расходы. Женщины-служащие могли бы «отбывать очередь по обслуживанию» в свои выходные дни, а неработающие — в любое удобное для них время.

Столовая должна была обеспечить четырёхразовое питание, причём «все полагающиеся по норме продукты должны непосредственно поступать в столовую, чтобы изжить существующую систему привилегированного положения, когда столующиеся в добавление к питанию в столовой получают и норму по продовольственным книжкам». А чтобы «окончательно избавиться от кухни», нужно было не отпускать клиентам питание на дом. Такой коллективной столовой не следовало гнаться за прибылью, тогда её посетители не выходили бы «из рамок своего бюджета». Благодаря же частым посещениям и непосредственному участию в работе столовой у посетителей должна была появиться «заинтересованность в её развитии и усовершенствовании». Попутно они, особенно дети, воспитывались бы «в духе общественности и коллективизма».

Эти идеи нашли отклики. Вот один из них, активистки Мальковой, похоже, что супруги начальника исправительно-трудового дома орденосца С. С. Малькова, призывавшей подруг перейти от слов к делу: «Мы стремимся к коллективным столовым. Говоря о раскрепощении женщин, хотим быть наравне с мужчиной, но в действительности у нас остаются одни слова. Давайте, женщины, энергичнее возьмёмся за переустройство старого быта — ведь это всецело зависит от нас самих... Вот пример: мы живём в милиции, восемь семей, из них есть партийцы, комсомолки-делегатки. Стыдно будет, если мы не добьёмся этой коллективной столовой. У каждой не будет занят целый день на кухне, и мы ближе подойдём к социализму. Я призываю наших женщин организовать одну столовую. Даёшь коллективную столовую и общий труд!»

Вполне естественным было бы возложить работу по «раскрепощению женщин от чада кухни, примуса и ига пелёнок и горшков» на женотдел окружкома, правда, теперь уже именовавшийся женсектором. Но тот не действовал, по словам некоей «рабкорки», то есть рабочей корреспондентки, пребывавал на замке: «Заведующая в командировке. Две заместительницы ничего не делают. Нужно их подхлестнуть».

Попутно с борьбой за новый быт досталось и городским модницам, «притупляющим нюх революционного человека».

Курсанты оборонного кружка. Вторая слева — Ю. Малькова.
Ф 3271

Городские комсомольцы-синеблузники.
НВФ 4174

Синеблузники демонстрируют физкультурные «фигуры».
НВФ 4177

Памятник Лаперузу, 1928 г.
НВФ 787

Панорама Петропавловского Ковша. Фотография Е. А. Колмакова.
НВФ 9433

*Взглянешь на её, аж жуть берёт!
Ни тебе пользы для общества, ни тебе вреда!
И такое эфирное созданыще...
Так и хочется сказать ей пару тёпленьких слов.*

«Может быть, они созданы специально для употребления “косметики”... Может, на них красочно-москательные фабрики пятилетний план построили? ...Лежат трупами на подмостках нового быта и, разлагаясь, заражают молодёжь. Жаль, за что только их учили, за что государство им передало знания, когда они, как в гробу, лежат бесполезно для будущего общества».

Тема общепита нашла продолжение в апреле, когда редакция главной государственной газеты «Правды» при участии самых высоких московских инстанций, вроде Центральной контрольной комиссии Рабоче-Крестьянской Инспекции, Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов, Союза Нарпита, Колхозцентра, Совхозцентра и прочих объявили о начале всесоюзного смотра общественного питания. Его важнейшей составной частью должны были стать местные смотры столовых всех форм общественного питания: в совхозах, колхозах, школах, на предприятиях, в учреждениях, жилищных кооперативах и прочие. Мероприятие также охватило и деятельность руководящих хозяйственных органов, ведавших общепитом. К таковым в Камчатском округе относились АКО, Интегралсоюз, жилкооперация, окрздравотдел, окротдел народного образования и другие. В ответ на это известие работники народного питания, что называется, «взяли по козырёк» и объявили себя «мобилизованными на работу по смотру».

Смотровая комиссия утвердила его план. В него, в частности, входили проведение 3 мая во всех столовых митинга «Задачи смотра» и выбор смотровых бригад; общегородское собрание в клубе 5 мая под лозунгом «Мы новый быт построим» с докладом «Отчёт кооперации о работе по общественному питанию». Обследование работы столовых смотровыми бригадами должно было завершиться не позже 9 мая, а 15-го числа в клубе на общегородском собрании докладом редактора «Полярной звезды» подводились итоги всей этой кипучей деятельности.

Известие о смотре вызвало много откликов трудящихся. И это не удивительно: значительная часть пребывавших в городе не имела собственного угла и была вынуждена пользоваться услугами общепита. Отклики не только обрисовывали имеющееся положение дел, но содержали предложения по их налаживанию. Вот некоторые из них:

«В общественной столовой дело поставлено весьма неважно. На обед всегда дают: на первое брандахлыст, иначе чуть не ведро воды с помоями, а на второе — всегда мясо с макаронами или рисом. Никакого разнообразия. О качестве подаваемых блюд и говорить не приходится. Оно ниже всякой критики. Разнообразить меню, сделать его более вкусным и питательным, несомненно, можно. В АКО имеются на складах фасоль, сушёные фрукты, которые можно было бы использовать. Легко и просто жить по поговорке: “Сапожник без сапог”, а столовая Камчатки — без рыбных блюд. Между прочим, при соответствующей заготовке рыбное меню может быть чрезвычайно разнообразным. Само собой разумеется, что оно необходимо с точки зрения правильного питания и с точки зрения экономного потребления мясных продуктов, завоз которых очень дорог».

В кооперативной столовой тоже выявились факты «бесхозяйственности, шкуродёрства и полнейшего игнорирования интересов столовника-потребителя». Здесь смета составлялась из расчёта на триста обедов, а отпускалось около ста шестидесяти, из них шестьдесят — на дом. Чай и хлеб стоили одиннадцать копеек в день на одного столующегося. На дом их не давали, скидок не делали, а в смете «эти довольно приличные остаточки» не отражались. Вызывал удивление штат столовой. Пять кельнерш обслуживали сотню обедающих. При этом все они толкались у единственного окошечка, через которое обеды отпускали три повара: старший, его замзав и просто повар, и один рабочий. Оклады старшего повара, его заместителя и заведующего столовой были гораздо выше, чем обычный «госнормированный» поварской в сто пятьдесят семь рублей.

«Кооператив “накинет”, да столовая “набросит” законно, да на бесхозяйственность надо накинуть, и выходит, что обед, красная цена которому полтинник или шестьдесят копеек, отпускается в кооперативной столовой за рубль двадцать. Понятно, что столовники воют от обедов, “плачут, да берут”, потому что некоторые вынуждены брать. А где же принципы общественного питания, которое “является первым шагом к организации нового быта” и так далее? Обо всех этих принципах кооператив совершенно позабыл»...

2 марта разразилась очередная кампания, теперь в форме «культурно-бытового похода». Объединённые в несколько групп культпоходовцы осмотрели жилые и общественные здания. Результаты не порадовали.

Пять активисток посетили заезжий «Дом крестьянина». Их встретили грязные стены, украшенные затейливыми узорами паутины. Похоже, что их никогда не обметали и не белили. Здесь царил холод, несмотря на топившиеся печи: дом был старый, поэтому всё тепло уходило через многочисленные щели на улицу. Вентиляция отсутствовала, кроватей постояльцам не хватало, и им частенько приходилось спать на одной вдвоём. А от этого возникала «боль в боках», на которую теперь можно было пожаловаться бдительным обследовательницам. Отдельной комнаты для женщин не было, поэтому они помещались вместе с мужиками. Из-за отсутствия шкафа или полки продукты, привезённые селянами, хранились в узелках на полу, «что, конечно, не гигиенично». Кроме этого, «участницы похода отметили такое ненормальное явление, как проживание в кухне совершенно постороннего семейства». Около дома отсутствовали специальные привязи для собак. Это были «бытовые» недостатки. Но и по «культурной» части было что улучшать. Для её организации к дому были прикреплены ячейка АКО и школа-девятилетка, «но они ничего не делали, только убрали красный уголок и написали несколько плакатов». Агитационно-пропагандистской литературой дом снабжался недостаточно, к тому же встречались книги, непонятные малообразованным крестьянам.

Ещё одна группа осматривала жилые дома, принадлежавшие горкомхозу. Выяснилось, что в доме № 12 плохо проконопачены капитальные стены, «отчего и заводится сырость». Печи нуждались в капитальном ремонте. Особо отмечено ужасающее состояние общественных уборных. Единственный комхозовский ассенизатор не успевал вовремя удалять продукты жизнедеятельности многочисленных обитателей коммуналок. Оборудованных помойных ям не было, почему отходы выливались прямо в снег.

Ещё безобразнее выглядел дом № 8: «Лестницы грязны, валяется всевозможный мусор, окурки, кругом плевки. Угол лестничной клетки с главного входа под лестницей превращён в уборную. Делегатки обнаружили явные следы мочи. По рассказам жителей этого дома, кто-то частенько ночью вместо того, чтобы выйти на улицу, производит свои естественные отправления в углу прихожей». Картину завершали банки из-под керосина, полные помоев, стоявшие, словно часовые, около дверей каждой квартиры со стороны лестницы. На естественный вопрос проверявших, почему помой своевременно не выносятся на улицу, последовало заявление, что их выносят только тогда, «когда на это имеется свободное время. А если свободного времени не окажется, то и помой стоят несколько дней», естественно, вовсе не озонируя окружающий воздух. В этом доме сложилась и ещё одна «традиция»: трясти от пыли одеяла и половики на лестнице, а не на улице.

«Не коммунальный дом, а коммунальная уборная», — сделали справедливый вывод проверяющие.

И без того весьма суровый и неустроенный быт многих петропавловских семей порою усложнялся и непростыми взаимоотношениями с соседями. Примеров этому было, хоть отбавляй. Возьмём дом, что против столовой кооператива. Сюда в проходную комнату вселили четверых моряков, списанных за пьянство с аковского катера «Командор». В соседней комнатухе теснилась семья с детьми-дошколятами, рядом обитали тоже семейные с малолетними ребятами. В доме не было ни одной двери: комната от комнаты отделялись занавесками. «Ежедневно в проходной комнате у моряков пьянка, гости, разлитое море. Мат висит в воздухе, не смолкая. Ребята спрашивают объяснения “непонятных слов”, которые употребляют разгулявшиеся

моряки. «Должно быть, это они говорят по-американски», — решают, наконец, дети. Ежедневно детям приходится проходить и слышать всякую мерзость. В углах комнаты — кучи пустых бутылок, на полу валяются грязные бинты, окурки, мусор».

13 марта агентство Совторгфлота получило из Владивостока телеграмму, сообщавшую о времени выхода судов в открывающуюся навигацию. Первый «срочный» пароход должен был отправиться из Владивостока 20 марта и идти только в Петропавловск. Второй рейс начинался 10 апреля, обслуживал Петропавловск, Усть-Камчатск и Командорские острова. Третье плавание намечено на 20 апреля по маршруту Петропавловск — Калыгерь — Жупаново, затем 5 мая: Петропавловск — Усть-Камчатск — Корф — Топата. 20 мая первый пароход отправлялся в Анадырский район. На западное побережье Камчатки первый «срочный» рейс запланирован на 15 мая. В «несрочные», то есть не придерживавшиеся строго расписания, плавания в течение марта на западное побережье отправлялись двенадцать судов и одно — в Усть-Камчатск.

14 марта исполнилось пять лет со дня организации в Петропавловске Камчатского краеведческого общества. По этому случаю был устроен вечер, на котором с докладами «История открытия и колонизации Камчатки» и «Перспективы Камчатки» выступили активные краеведы Новограбленов и Прокофьев. При обществе действовал ряд отделов, в том числе экономический, информационный, издательский, юных краеведов, сельскохозяйственный. Контора АКО выделила полторы тысячи рублей на экономическую работу и расходы по приведению в порядок и составлению описей геологических коллекций музея.

Недавно краеведы получили известие от академика В. Л. Комарова, что начало Камчатской комплексной экспедиции Академии наук СССР отложено на два года. В ответной телеграмме общество, «считая это решение не соответствующим тому вниманию, которое в настоящее время уделяется развитию и использованию естественных и производительных сил округа», настаивало на организации посылки экспедиции уже в текущем году.

26 марта из селения Жупаново прибыл «красный обоз» в составе тринадцати собачьих упряжек. Обозники привезли и сдали фактории АКО сорок одну соболиную шкурку. Аковцы устроили селянам торжественную встречу, организовали их угощение в красном уголке своей конторы. Охотников приветствовали представители разных городских организаций.

30 марта пришёл первый пароход навигации — совторгфлотовская «Колыма». Она доставила в Петропавловск заведующего будущей тресколовной базой, которую АКО намеревалось развернуть на берегу Авачинской губы, рабочих и материалы для постройки барачков. Обрато во Владивосток «Колыма» намеревалась отправиться 5 апреля. На ней на краевую партконференцию отъезжала камчатская делегация.

1 апреля всем городским учреждениям установлено начало рабочего дня с восьми часов утра.

Из японского порта Хакодате в Озерную вышел пароход Совторгфлота «Лазо». На нём на место работы следовало руководство третьего рыбоконсервного завода АКО. Отныне в связи с намеченным переездом правления общества в Петропавловск управление рыбными промыслами зимой должно было оставаться на местах.

Союз совторгслужащих начал проводить медосмотры и изучение условий работы женщин, занятых в учреждениях и на предприятиях. Заработали обследовательские комиссии. Они ставили своей задачей выявить, «насколько у нас трудящиеся женщины нуждаются в улучшении своего здоровья, в посылках на курорты, дома отдыха и прочее». Осмотры и обследования должны были завершиться не позднее 15 мая.

3 апреля в клубе состоялся многолюдный митинг под лозунгом «Долой провокаторов в рясах!» Поводом для него стал недавний призыв папы римского ко всем церквям мира выступить против СССР. Трудящиеся Петропавловска вынесли единодушный протест против готовящегося очередного «крестового похода». В резолюции митинга отмечено, что «буржуазия использовала и будет использовать все средства для организации второй интервенции против нашей страны. В этом отношении призыв папы... ничем не отличается от той роли, которую играла церковь в годы граж-

данской войны, а лишь лишний раз подтверждает, что религия и церковь всегда вместе с белогвардейщиной выступают против рабочих и крестьян. Все служители всех культов являются агентами капиталистической системы, в защиту которой всегда и всюду активно выступают... Трудящиеся заверяют партию и правительство, что все мероприятия, направленные к охране наших границ, будут защищать по примеру нашей Особой Дальневосточной Красной Армии».

В знак поддержки политики большевистской партии митингующие одобрили выпуск нового займа пятилетки в четыре года и линию на «ликвидацию кулачества как класса». В ответ на призыв «католического мракобеса — папы римского» — решено: всем вступить в Союз безбожников и Осоавиахим.

К ним присоединились и служащие Петропавловского маяка. Все они тоже решили записаться вместе с семьями в Союз безбожников, а их жёны — так ещё и вступить в оборонное общество. В ответ на «выступление буржуазных приспешников-церковников» маячники отчислили однодневный заработок в шестьдесят два рубля с полтиной на постройку «боевого военного корабля» и призвали к этому шефов Красного Флота — городскую комсомолию и водников.

Враждебная вылазка католических церковников очень вовремя напомнила о недобитых собственных. Например, о необходимости ликвидации городского собора, тем более, что приближалась очередная пасхальная неделя. Свой вклад в общее антирелигиозное дело внесло и объединённое пионерское собрание. «Заслушав доклад о крестовом походе папы римского, категорически настаиваем перед окрисполкомом о немедленной передаче Петропавловской церкви под культурный очаг. Передача должна быть сделана как можно скорее, чтобы празднование Пасхи не было проведено».

Вскоре горсовет постановил: предоставить обществу верующих под молитвенные собрания часовню на кладбище, а здание собора «ввиду жилищного кризиса и недостатка помещений для культурно-просветительной работы» приспособить под культурные надобности.

3 апреля организована радиоредакция во главе с редактором «Полярной звезды» Н. Я. Биссенек, назначенным на должность в январе этого года. Начало передач намечено на середину апреля, их содержание должна была составить преимущественно местная хроника.

Объявлено об организации «литературного суда» над и так несчастным студентом Раскольниковым в связи с предстоящей демонстрацией кинокартины «Преступление и наказание».

Начался пятидневник смотра работы по ликвидации безграмотности.

Получено сообщение, что почта, отправленная в Анадырь ещё в декабре прошлого года, получена там 28 марта.

«Налёт» обследовательской бригады по проверке хода социалистического соревнования в магазинах АКО и кооператива «выявил ряд ошибок и халатного отношения к соревнованию. Вынесены практические предложения». В торговой сети было, что улучшать. Например, упорядочить очереди и как-то ограничить количество продававшегося в одни руки. Рабочий жаловался: «В магазине АКО часто приходится стоять в хвосте перед закрытием магазина часа по полтора, и потом услышать: “Больше чеков не выписываем”. Уходишь, не солоно хлебавши. Следовало бы закрывать дверь в магазин пораньше, но удовлетворить всех, находящихся в магазине, чтобы им не приходилось напрасно стоять в хвосте». В этой торговой точке славилась своей грубостью по отношению к покупателям продавщица Колобова: «На требования публики отпускать товары в порядке очереди возмущено кричит: “Я сейчас уйду и не буду отпускать совсем!”, а сама под шумок отпускает своим знакомым, которые не хотят торчать в очереди».

Похоже отзывался один служащий и о кооперативной лавке: «Когда привезут балыки... их продают всем и в любом количестве. Распродадут в два часа, а служащим и рабочим ничего не достаётся, потому что они не успели купить. Следовало бы всё-таки не давать много балыков в одни руки, а распределять их хотя бы по книжкам».

5 апреля стало известно, что первый пароход АКО выйдет из Владивостока 15-го числа. Он повезёт оборудование для вновь организуемой на берегах Авачинской губы (в бухте Тарья) тресколовной базы, зайдёт на Командоры.

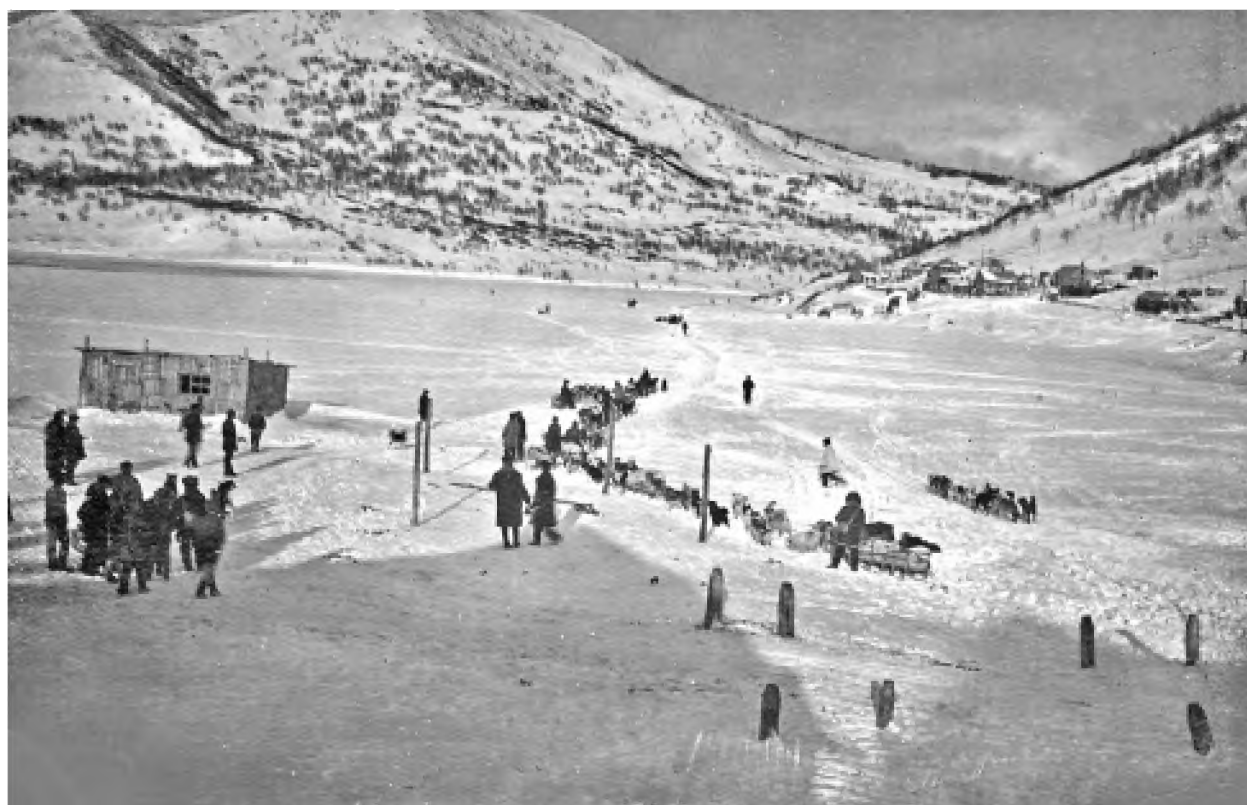
Первый теплоход Акционерного Камчатского общества «Охотск» в Ковше
Петропавловского порта. Май 1930 г.
ККМГИ 6040

Петропавловск, улица Ленинская, 1 мая 1930 г.
ККМГИ 22939

Из города в деревню. Собачий обоз на льду Култучного озера, 1930 г.
ККМГИ 21354

Из города в деревню. Проводы собачьего обоза. Справа — улица Набережная. 1930 г.
ККМГИ 21368

6 апреля объявлено о приобретении АКО китобойного судна «с подсобной флотилией». Речь шла о будущей первой советской китобойной базе «Алеут» — ранее американском пароходе «Глен Ридж». Его намеревались переоборудовать на ленинградской верфи. «Китобойный промысел в крае имеет большие перспективы и впервые организуется в широких размерах советской организацией. Судно, приобретённое АКО, обладает грузоподъёмностью в семь тысяч тонн».

Заведующий учебной мастерской В. М. Адамов в очередной раз обратился через «Полярную звезду» к общественности по поводу предстоящего осенью, с началом нового учебного года, преобразования мастерской в полноценную трёхгодичную профшколу, обучающую не только столярной, но и слесарной специальностям. Насколько камчатское население нуждалось в таких мастерах, свидетельствовало число поступивших в мастерскую заказов. А обычный заработок столяра-плотника на сделанных работах достигал весьма приличной суммы в пятнадцать-двадцать рублей в день. На селе обычная табуретка стоила до десяти рублей, и это при обилии леса.

По словам заведующего, «мастерская существует не для того, чтобы, вырабатывая различные вещи, выручить как можно больше денег. В первую очередь мастерская стремится дать для учащихся навыки по столярному делу, и только для этого принимаются заказы на столярные изделия, причём принимаются не только те заказы, которые подходят к намеченной программе. Мастерская готовит из учащихся — столяров, которые по окончании мастерской будут удовлетворять потребности населения в столярных изделиях». Из сказанного, казалось бы, должно было вытекать, что властным инстанциям следовало уделять ей особое внимание, но этого как раз и не наблюдалось. Смету мастерской с двадцати пяти тысяч рублей уменьшили вдвое. Для задуманного постройкой ещё прошлым летом собственного здания земельная комиссия горсовета выделила участок, «годный не для учебного заведения, а разве для скотника». После жалобы в окрисполком дали участок получше, но недостаточный по площади.

С осени прошлого года в мастерскую на первый год обучения приняли всего семерых, причём лишь трое приехали из деревень. Даже места для стипендиатов остались незаполненными. Похоже, что здесь не сработали районные исполкомы: не может быть, чтобы не нашлось молодых селян, желавших жить и учиться в городе на всём готовом и совершенно бесплатно!

8 апреля утром в районе радиостанции (нынешняя улица Радиосвязи) прошло стрелковое соревнование среди команд и одиночных охотников.

10 апреля по Камчатскому округу развернулся сбор средств на строительство авиаэскадрильи «Наш ответ папе римскому». С таким начинанием выступил центральный совет Осоавиахима. «Пусть знают попы, патриархи и епископы, что Советский Союз в ответ на их “святые” разбойничьи клязусы бросит на штурм богов и царей новую эскадрилью стальных птиц, стражей пролетарского отечества!»

Кстати, недавно второй пленум Центрального совета Осоавиахима повысил размер членских взносов. Теперь лица, получавшие в месяц свыше ста пятидесяти рублей, платили в год по трёшке.

Школьный совет совместно с комитетом содействия (комсодом) и ученическими организациями устроил вечер под лозунгом «Всё для посевкампании» в пользу школьного огорода. Чистый сбор составил около четырёхсот рублей. Учащиеся девятилетки и комсомольцы заготовили для будущего коллективного огорода четыреста пятьдесят кольев. За их доставку возчики запросили аж двести рублей! Теперь школьники намеревались вывести колья собственными силами, для чего на днях собирались отправиться в лес с санками и верёвками.

Модельный кружок, действовавший при школе второй ступени, завершал ремонт планера. Его старт намечался на двадцатые числа апреля. К полётам готовились и модели планеров, сконструированные школьниками. Впервые над Камчаткой настоящий планер поднялся четыре года назад — в праздничный день Парижской коммуны 18 марта 1926 г.

Состоялся вечер творческих коллективов клуба ССТС. На нём свои достижения продемонстрировало большинство кружков. Драматический выступил с юмореской,

«ярко рисующей бюрократическую заразу». Хор исполнил русские и украинские песни. Физкультурный кружок показал силовые номера, которые можно было оценить как достижение, «если бы они не были поставлены специально для отчётного вечера, без длительной, последовательной тренировки». Итальянский шумовой и духовой оркестры «при наличии твёрдой сознательной дисциплины могут дать из своих рядов ряд блестящих музыкантов, а также улучшить музыкальность и содержательность своего репертуара». Общее мнение свелось к тому, что клуб по сравнению с прошлым годом заметно окреп. При нём сложилось творческое ядро из комсомольцев и молодёжи, но среди них пока что имелся «недостаточный процент восточников». Конечно, из-за загруженности основной и общественной работой, участники кружков не могли регулярно собираться на репетиции, что сказывалось на их артистической «квалификации». «В работе кружков слаба дисциплина, нет плановости и, главное, чёткого руководства. В некоторых кружках, как, например, музыкальном и хоровом, нужна помощь и некоторая встряска». Тем не менее, клубу пора было «готовиться к вылазке на летнюю эстраду и кино. Надо всколыхнуть всех членов и общими силами оживить город культурными развлечениями и правильным физическим и духовным воспитанием молодёжи».

13 апреля выяснилось, что в условиях ограниченных продовольственных запасов «вырисовывается перед Петропавловском определённая угроза — остаться на следующий год без картофеля». Виновник — городской кооператив, заготовивший против предписанных тысячи двухсот пудов семенного картофеля пока только шесть. «Значительная часть картофеля, взятого на учёт как семенной материал съедена. Положение с семенным картофелем угрожающее». Начали приниматься срочные меры. Секции горсовета: торгово-кооперативная, коммунальная и народного образования назначили три «тройки» по заключению договоров на скупку излишков семенного картофеля, которого насчитали только шестьсот пудов. Однако владельцы не спешили сдавать их в кооператив, отчего и возникла угроза срыва посевной огородной кампании. Вроде бы и закупили в селениях Тарья и Паратунка более трёхсот пудов семян, но пока ни один из них не пришёл и, по мнению председателя кооператива, «не будет получен».

Пока же в кооператив прибыли сельскохозяйственные орудия, предназначенные для колхозов — сенокосилки, плуги, бороны и прочие. Появились и сани, «хотя сезона на них нет».

Изъятие излишков семенного картофеля производилось в принудительном порядке. Так, 7 мая президиум горсовета известил его владельцев, что при вскрытии ям с «картофелью» им предлагается пригласить одного из членов комиссии, избранной общим собранием граждан города. В состав комиссии входили Хабаров, Святой, Бандурин, Совсуненко и Черепанов. «На испорченную картофель надлежит составлять акт. Вынутую из ям картофель надлежит сдать кооперативу в том количестве, которое будет определено излишком при вскрытии ям. В случае наличия помещения для хранения картофеля, владельцы её должны сохранить у себя до 20 мая сего года, а затем сдать правлению кооператива».

15 апреля, отмечая свой «пятилетний юбилей всесторонней деятельности, краеведческое общество провело вечер. Активный участник общества, заведующий музеем П. Т. Новограбленов прочитал лекцию «О прошлом Камчатки», а краевед Прокофьев — доклад «Будущее Камчатки». Организована выставка литературы о полуострове, продажа краеведческих изданий и фотоснимков.

Начальником городской пожарной дружины назначен Н. П. Шевченко. С ним следовало связываться по всем вопросам пожарной охраны.

Окружной Совет воинствующих безбожников обратился в свои районные бюро с письмом о начале антирелигиозной кампании.

17 апреля объявлено, что по решению правительства СССР объединяются Петропавловское агентство Совторгфлота и приписной пункт Владивостокского торгового порта (то есть Петропавловский порт) «со всем имуществом и денежными средствами». Объединённое учреждение отныне будет именоваться «Камчатским агентством морского транспорта Тихоокеанского бассейна» и подчиняться управлению морского

транспорта Тихоокеанского бассейна во Владивостоке. На оборудование агентства морского транспорта отпущены сто пятьдесят тысяч рублей.

Заключённые Камчатского окружного исправительно-трудового дома, последовав призыву надеждынской колонии, внесли девяносто пять рублей на постройку самолёта «Имени трудового общежития» и обратились за поддержкой ко всем «местам не столь отдалённым» Дальнего Востока.

Распределитель Интегралсоюза начал выдачу по килограмму колбасы стоимостью четыре рубля восемьдесят копеек. Несмотря на высокую цену продукт, к удивлению потребителей, оказался испорченным.

19 апреля пароход Совторгфлота доставил восемьдесят плотников для разворачивавшегося в городе строительства. Шанхайский фрахтованный пароход «Нэнси Моллер» привёз экспедицию Добролёта (Российского общества Добровольного воздушного флота) из семи инженеров и топографов. Добролёт был основан в 1923 г. с целью развития гражданской авиации. Экспедиция намеревалась выполнить съёмку берегов Авачинской губы с целью изучения её пригодности для постройки гидроаэродрома. С первым пароходом АКО, направлявшимся на Север, экспедиция намеревалась проследовать в Уэлен. В августе в Петропавловске ждали самолёта, который должен был совершить пробные полёты и определить пригодность намеченных экспедицией площадок для постройки гидроаэродромов. Первый полёт гидроплана по Охотско-Камчатской авиалинии состоялся в январе 1933 г., а камчатское авиаподразделение было создано 1 ноября 1936 г.

20 апреля в школе-девятилетке отшумел антирелигиозный вечер. Тесное помещение не вместило не только всех желающих присутствовать, но и половину учащихся. Это вновь заставляло задуматься о необходимости организации специального детского клуба. Подобное действо под лозунгом «Долой поповский дурман!» развернулось и во «взрослом» клубе и тоже при переполненной зале, затянувшись до трёх часов ночи. И здесь «многие желающие участвовать на вечере не могли поместиться в зале и стояли в передней и фойе». Вывод напрашивался сам собой — вопрос о постройке нового клуба дальше оттягивать невозможно. А за ним следовал и второй — раз городской собор, вмещавший свыше трёхсот человек, в пасхальный день был почти пустой, то Союзу безбожников «надо острее ставить вопрос о передаче церкви под культурные надобности и не останавливаться при первой неудаче».

Ячейка Союза безбожников, действовавшая при административном отделе окр-исполкома, вызвала на социалистическое соревнование ячейки коллективов связи, АКО, медикосантруда, строителей, транспорта, райкомвода, просвещенцев, совхоза и окрфинотдела. Условия победы в соревновании: стопроцентное вовлечение в работу членов коллектива и их семей. Лозунг дня: «Ты ещё не записался в Союз безбожников?»

21 апреля в клубе ССТС в семь вечера открылась общегородская конференция молодёжи, посвящённая двухнедельнику вербовки в ряды МОПР.

23 апреля по радио говорил секретарь окружкома ВКП(б) Н. Д. Зыкин. В коротком выступлении он осветил основные вопросы строительства Камчатки и ход выполнения пятилетки. «О Камчатке пишут, и пишут очень многие журналисты и репортёры, но пишут они исключительно о камчатских вулканах, о богатой природе и ни звука не пишут об основном: об экономике Камчатки и о выполнении её пятилетнего плана. Рыба в экономике Камчатки занимает первое место». Говоря о развертывании рыбной промышленности, «начальник Камчатки» коснулся строительства рыбоконсервных заводов, их оборудования и рабочей силы. Особенно подробно он разъяснил «поворот к сельскому хозяйству, рост коллективизации камчатской деревни, имеющиеся искривления и перегибы в колхозном движении, значение колонизации и намечающиеся мероприятия в этой области». В заключение оратор коснулся вопросов транспорта и связи, в частности отметил значение экспедиции Добролёта и организуемого на полуострове воздушного сообщения (как раз сейчас рассматривалась возможность прокладки воздушной трассы Петропавловск — Уэлен).

25 апреля из Владивостока пришёл японский пароход «Кашин-мару» с оборудованием будущей тресколовной базы. На нём прибыло около полутора сотен рабочих, высадившихся в бухте Тарья и начавших сборку доставленных судном домов.

30 апреля из Владивостока в Петропавловск отправился колонизационный отдел АКО в составе пятнадцати работников. Правление АКО приняло, а Далькрайплан утвердил численность переселенцев на Камчатку в текущем году — четыреста девяносто человек, в том числе в Петропавловск — сто тридцать два. Помимо них, в городе в мае ждали ещё восемьдесят пять «кустарей».

Завершился шахматный турнир, организованный окрисполкомом. В нём участвовало одиннадцать человек. Первое место завоевал И. Т. Новограбленов, взявший четырнадцать с половиной очков из двадцати возможных, второе — В. Ф. Комаров и В. Е. Глаголевский, третье — В. Ф. Богатырёв. «Игра шла очень дружно, привлекающая посторонних зрителей. Жаль только, что женщины почти не участвуют в игре. Шахматная игра — это не простое развлечение, а один из видов физкультуры, и на развитие его у нас по Союзу обращено особое внимание. Шахматная игра развивает и дисциплинирует работу ума, приучает к выдержке, к строгому расчёту, так необходимым нам в нашей хозяйственной работе». Всех интересующихся шахматной игрой к двенадцати часам дня 2 мая приглашали в клуб ССТС: «Будем обсуждать, как оживить работу по шахматам».

Началась подготовка к Первомаю. Школьный комсод на последнем заседании решил выдать ученикам младших групп подарки с конфетами (тогда говорили «конфеты») и пряниками, а для старших — устроить чаепитие. Служащие маяка и члены их семейств распределили между собой обязанности по организации достойной встречи праздника. Одни украшали ленинский уголок, другие приводили в порядок общежитие, третьи писали лозунги. В праздничный день маячники намеревались заслушать торжественный доклад и провести стрелковые состязания.

4 мая женское делегатское собрание обсудило доклад о ходе смотра общественного питания. Многие делегатки внесли ряд ценных предложений. Они говорили о дороговизне питания в столовых, необходимости удешевить его и тем самым сделать доступным для семейных горожан, предлагали отпускать продукты в столовые по себестоимости, негодовали на то, что иные и паёк получают, и обедают, и ужинают в столовой. Предлагали назначить заведующей столовой женщину, а также организовать «питательный пункт» для прибывавших в город переселенцев. Собрание выделило десять активисток для участия в дальнейшем обследовании общепита.

5 мая по постановлению президиума горсовета от 14 апреля в двенадцать часов дня в помещении горместхоза состоялись закрытые торги на монопольное право производства ассенизационных работ в городе.

Наступила весна. Петропавловск утонул в грязи. Отбросы, нечистоты, выливаемые и выбрасываемые зимою на снег, теперь вытаяли, наполняя улицы зловонием. Так недолго было и до эпидемии. Единственный ассенизатор — китаец, взявший фамилию Ильин, не справлялся с очисткой города. «Сейчас к Ильину на поклон идёт и стар, и млад: смилуйся, батюшка, вывези, весной потечёт... А он захочет — вывезет, захочет — нет...»

Теперь подряд на ассенизационные работы взял некто Сунцисин. Всем учреждениям, организациям и гражданам следовало обращаться к нему по адресу: улица Таможенная, дом № 25. Ассенизаторские работы производились по тарифам, утверждённым горсоветом 30 марта. Удаление кубометра нечистот из уборной стоило двадцать, очистка помойной ямы — пятнадцать рублей. За воз мусора следовало заплатить четыре целковых. Рассчитывались непосредственно с трудившимся ассенизатором. В случае его отказа от производства работ нужно было заявить в горместхоз.

11 мая на пароходе Совторгфлота «Астрахань» в распоряжение окружного отдела народного образования по направлению Дальневосточного краевого отдела приехали четыре молодых учителя — выпускники Хабаровского педтехникума. Тут и выяснилось, что их никто не ждёт, вакантных мест в школах и дошкольных учреждениях округа до 15 августа не предвидится, средств для содержания начинающих педагогов нет, жилья тоже. Пока же им предлагали отправиться «порыбачить». Иначе как «возмутительным безобразием» назвать происходившее было нельзя.

19 мая известный городской фотомастер Е. А. Колмаков известил, что «его фотопавильон закрыт для съёмки».

25 мая начался пионерский двухнедельник «За здоровую смену». Одновременно шёл медосмотр школьников для отбора их на «детские площадки», сейчас бы сказали, что в летние пришкольные лагеря.

Стало известно, что захворал заведующий колонизационным отделом АКО. «Заболевание подозрительно на тиф, надо принять меры, чтобы не проявилась эпидемия».

26 мая на заседании краеведческого общества вернувшийся в Петропавловск вместе с оператором кинорежиссёр А. А. Литвинов сообщил о работе экспедиции «Совкино». Она уже больше года ездила по округу, сняв три фильма: «Коряки», «Ламуты» и «Экономика и этнография Камчатки».

Учащиеся седьмой и восьмой групп школы-девятилетки начали соревнование по сбору средств на постройку подводной лодки.

Объявлено об организации при женской консультации кассы взаимопомощи матерей. Цель кассы: обеспечить нуждающихся мамаш в городе и деревне всеми видами помощи в воспитании ребёнка. Это позволило бы улучшить охрану материнства и младенчества и уменьшить детскую смертность и беспризорность.

27 мая заведующий торговым отделом кооператива распорядился, чтобы весь выпеченный хлеб отдали стоявшим в порту пароходам. На дверях пекарни он повесил объявление: «Хлеба сегодня нет, и не будет». Оставшиеся без него недовольные обыватели объясняли заведующему-головотяпу, что с судов надо брать предварительные заявки и уже по ним «производить добавочные выпечки, чтобы не лишать горожан хлеба».

Окружной совет физкультуры открыл занятия на семинаре по подготовке руководителей секций в кружках физкультуры. Одновременно вожатые пионерских отрядов осваивали физкультурные комплексы по программе пионерских слётов. Всё это случилось вовремя: в июне намечался городской «двухнедельник». Его цель: «мобилизация общественного внимания вокруг вопросов физкультуры». Для проведения массовых игр горсовет отвёл площадку за Култучным озером.

28 мая объявлено о национализации маломерного флота. Камчатское агентство морского транспорта предложило частным судовладельцам передать ему морские моторные суда грузоподъёмностью свыше пятидесяти тонн (кроме рыболовных), а также более мелкие плавсредства, если их было больше двух. Петропавловские судовладельцы были обязаны сделать это в трёхдневный срок, вместе со всеми материалами и инвентарём. Они предупреждались, что в случае отчуждения, увода за границу или повреждения своих судов, а также при непредставлении в срок без уважительных причин судовых документов будут привлечены к уголовной ответственности «за сокрытие или повреждение государственного имущества».

30 мая подведены некоторые итоги пионерской пушно-заготовительной кампании. Во всех трёх отрядах прошли беседы об её значении. Как и было намечено, пионеры, имевшие в деревнях родственников и знакомых, написали им письма с призывом сдать всю заготовленную пушнину. Вместе с комсомольцами они провели три «вылазки» в сёла Авача, Халактырка и Налычево, где рассказали местным обитателям о важности пушных заготовок, причём «во время этих вылазок добились от сельских обществ постановлений о стопроцентной сдаче пушнины». Весь ход кампании широко освещался в стенных газетах.

1 июня на пароходе «Муроран-мару» в Петропавловск прибыл японский дипломат — консул Сайто.

В городе объявлен «двухнедельник чистоты». Всем учреждениям и частным лицам предписано привести в надлежащее санитарное состояние свои участки и дворы, очистить помойные и мусорные ямы и уборные, вывезти нечистоты на свалку и обработать их и уборные карболкой, известью или дёгтем. Не выполнившим означенное за две недели обещан штраф.

3 июня объявлены правила поступления в вузы и техникумы. По распоряжению Наркомпроса РСФСР местным отделам народного образования разрешено организовать испытательные комиссии желающим заниматься в подведомственных ему учебных заведениях. Такую комиссию в Петропавловске создали при школе-девятилетке.

Испытания намечено произвести до 15 июня. Выдержавшим обещаны «особые удостоверения на право поступления».

Школу-девятилетку в этом году оканчивали двенадцать учащихся, десять из них изъявили желание ехать в деревню учителями, двое готовились поступать в вузы. В прошлом году картина была примерно такая же: из тринадцати окончивших одиннадцать отправились учительствовать.

Горсовет объявил о предстоящей в октябре постройке одного двухэтажного жилого дома стоимостью семьдесят тысяч рублей. Его в разобранном виде ожидали с парохомом из Владивостока. Место под стройку отвели рядом с кооперативом.

10 июня в семь часов вечера прозвучал первый выпуск камчатской радиогазеты. Последующие обещаны раз в пятидневку в это же время.

24 июня хорошо известный горожанам японский пассажирский пароход «Муроран-мару», шедший в тумане, всем корпусом наскочил на камни с восточной стороны мыса Лопатка в ста саженях от берега. Он шёл на Западную Камчатку с грузом пустых консервных банок для японской рыбопромышленной фирмы «Ничиро». Часть груза и команду увезли в Японию, часть содержимого трюмов сложили на берегу. С разрешения советского консула из японского порта Хакодате к месту аварии прибыло спасательное судно «Сура-мару». Японские специалисты подводили пластырь к пробоине, откачивали воду и намеревались в августе с большим приливом снять и отвести «Муроран-мару» на буксире в Хакодате. Работы шли поблизости от бобровых лежбищ мыса Лопатка и заповедника и сильно тревожили их обитателей.

25 июня краснофлотцы сторожевого корабля «Воровский», побывавшие под руководством одного из членов краеведческого общества на экскурсии по памятным местам города, задали вопрос: «Почему ваши памятники, такие интересные в историческом отношении, находятся в таком небрежном состоянии?» Действительно, во многих городах Советского Союза культурное значение памятников уже было понято, принят ряд мер к их охране. В Петропавловске этого пока не было. Об обелиск командору Клерку — сподвижнику великого мореплавателя Джеймса Кука — хулиганы били бутылки, отколачивая мрамор, обливали его дёгтем. Памятники в честь Петропавловской обороны пестрели надписями, некогда обносившие их цепи были разбросаны, ограды поломаны. Горсовету следовало принять меры, а музею взять памятники под свою опеку и охранять от вандализма.

27 июня в шесть часов вечера в милицейском группоме «чистились» милиционеры Иван Кириллович Молчанов, Антон Алексеевич Ин Чан Тум, Ольга Николаевна Чекалкина, Владимир Эм, Яков Ефимович Заболотный, Сергей Васильевич Крипачёв, судья Александр Иванович Шорохов, таможенник Иван Семёнович Багаев.

29 июня, снова в шесть вечера, «чистились» работники разных совучреждений: Антон Александрович Андреев (окрисполком), Павел Фёдорович Краснов (райисполком), Ефим Викторович Хабаров, Владимир Иосифович Подкорытов, Вера Васильевна Зиновьева (типография), Андрей Иванович Зиновьев и Николай Андреевич Кравченко (АКО), Николай Петрович Шевченко.

1 июля начало действовать «передвижное агентство от Петропавловска до Жупаново с производством всех почтово-телеграфных операций в попутных селениях: Халактырка, Налычево, Островная, Калыгерь».

Учётно-распределительный отдел окрпрофбюро приступил к перерегистрации безработных. Заинтересованные лица предупреждались, что не явившиеся до 15-го числа будут сняты с учёта.

4 июля горсовет организовал в своём составе административно-правовую секцию. Члены совета и кандидаты, а также трудящиеся, желавшие участвовать в ней, могли записаться у окружного прокурора И. В. Невесенко.

На пароходе АКО «Якут» прибыли управляющий морской конторой общества, член его правления Ротенберг, директор-распорядитель по рыбным и строительным делам, тоже член правления В. Л. Бурыгин. На судне по восточному берегу полуострова следовала снабженческая экспедиция.

5 июля в помещении бывшего Дома крестьянина открылись детские ясли. Родители записали в них двадцать четыре малыша, но приносили ежедневно гораздо меньше.

Разгрузка парохода Акционерного Камчатского общества «Орочон» на лёд Авачинской губы.
ККМГИ 23503

Зимние заносы в Петропавловске.
ККМГИ 29622/39—29622/42

Сквер Свободы. Памятник Берингу.
ККМГИ 27408/420

Ледорез «Литке» у причала, 1930 г. Фото Е. А. Колмакова.
ККМГИ 28287/11

Причиной называлась слабая осведомлённость матерей и отчасти боязнь отдать своего дитя в чужие руки, а также «непривычка к коллективному воспитанию». Преимуществом яслей перед домашним воспитанием называлось лучшее и более рациональное питание и уход, «чем это он получает дома в отсутствие родителей, занятых на работе». На ближайшем собрании матерей намечалось избрать комсод яслей. Ему и следовало провести широкую разъяснительную работу среди женщин, «в особенности работающих на производстве и жён рабочих». Правда, быстро выяснилось, что помещение под ясли не очень-то и годится: тесное, сырое и находится на неудобном месте. Администрации яслей и комсоду следовало позаботиться о подборе постоянного, более подходящего здания, «потому что ясли в Петропавловске, при наличии большого количества рабочих и работниц, должны работать круглый год».

16 июля на базе школы-девятилетки путём её разделения созданы два учебных заведения: педагогический техникум и школа-семилетка. В техникуме к началу 1930/31 учебного года имелись два курса: на первом занимались двадцать четыре, а на втором — двенадцать слушателей — будущих учителей начальных классов. Предполагался их ускоренный выпуск. О принятии в школу-семилетку подано около четырёхсот заявлений.

28 июля в шесть часов вечера краеведческое общество «в связи с усилением экономического значения и увеличением населения города» устроило в клубе дискуссию по докладу Борисевича «Где быть Петропавловску».

Петропавловский совхоз приглашал на прополку огородов и другие работы мужчин, женщин и подростков. Месячная оплата взрослым — сто пятнадцать, подросткам за шесть рабочих часов — восемьдесят шесть рублей. Для сравнения: пара кожаных сапог в кооперативной лавке продавались за тридцать четыре, а в магазине АКО — за двадцать рублей.

От капитана аковской шхуны «Чукотка» пришла радиограмма: «17 июля прибыли в бухту Лаврентия. Предполагаем выгрузку закончить и следовать дальше на Чаун. 19 июля команда объявила себя ударной».

В советском обществе интернационалистов обнаружилось «искривление ленинской национальной политики», проявившееся в неодинаковом отношении администрации АКО к русским и китайским рабочим. Примером называлась кухня при бараке строителей АКОпосёлка у Мишенной сопки. Она была разделена на две части. У русских стены и печь побелены, а у китайцев нет. На вопрос: «Почему так?» — китаец ответил: «Капитана сказал, что стены и печь сырые, а поэтому не нужно белить». Какой «капитана» так искривил национальную политику, было неизвестно, но это безобразие следовало прекратить как силами судебно-следственных органов и прокуратуры, так и пролетарской общественности.

А вот ещё одно «искривление». В Петропавловске обитало довольно много «восточников», особенно из числа транспортных и строительных рабочих. Они имели свой клуб, но вот уже три месяца, как его временно заняли под жильё. Тем самым «восточники» лишились угла, где бы они могли «отдохнуть в минуту, свободную от работы, и найти разумное культурное развлечение». Клуб сотворгслужащих признавался для восточных рабочих, не знавших русского языка и имевших специфическую кухню, непригодным. Вести в таких условиях массовую работу было нельзя, а значит, надо было немедленно освободить занятое помещение.

В июле же в суде разбиралось уголовное дело об избиении китайца, правда, иностранного подданного. На скамье подсудимых пребывал тоже иностранец — механик зафрахтованного Сотворгфлотом парохода «Ховдрот», норвежец Христафор Мельбо. Потерпевший — пароходный служитель Хафу. «Картина дикой расправы не только возмутительна, но и отличается дерзостью и полным игнорированием советских законов, так как произошла на глазах находившихся тут же представителей власти (следователя и старшего милиционера). В салон-каюту, где по делам находились указанные представители, пришёл и сел в уголок потерпевший. Вскоре туда же вваливается здорово подвыпивший Мельбо. Увидев сидящим китайца, страшно возмутился его наглостью». Несчастный китаец не знал английского, поэтому не понял, чего от него хотят. Механик схватил служителя за шиворот, пинком вышвырнул из салона,

а в коридоре избил его. На суде норвежец объяснил, что в салон разрешается входить по распоряжению капитана лишь пассажирам первого класса, а не рядовым морякам, «да ещё развалившись сидеть на мягких сиденьях».

Советский суд, как известно, суровый, но справедливый, «не поверил сказкам Мельбо» и приговорил его к штрафу в двести рублей. «Борьба с шовинизмом в настоящее время является боевой задачей органов юстиции. Такие процессы должны проводиться показательными. Глумлениям, кулачной расправе и издевательствам над трудящимися нацменьшинства в Союзе должен быть положен конец!»

29 июля дотошный горожанин удивился очевидной, на его взгляд, глупости: «Когда помотришь, откуда привозят иные продукты на Камчатку, то диву даёшься. Безут, оказывается, рыбные консервы и из Ленинграда, и из Одессы, и из Астрахани. Спрашивается, есть ли капля смысла в головах тех, кто завозит рыбные-то консервы на Камчатку, да к тому же из самых дальних городов СССР? Глупости бывают, однако, ещё больше. Оказывается, консервы, вырабатываемые на камчатских заводах, привозят на Камчатку же... через Владивосток».

А некто «Макс» призывал «сохранить археологические сокровища». Он усмотрел около аковской стройбазы на портовой Кошке «груды рёбер, бивней и других костей мамонта». Откуда они взялись — неизвестно, но свидетельствовали «о живших многие десятки тысяч лет тому назад исполинах ледникового периода, дальних родственниках слона — мамонтах. Мы делаем преступление перед наукой и будущим поколением, разрушая редчайшие археологические находки».

Утверждён «План проведения международного дня 1 августа». Заранее, 31 июля, город под звуки духового оркестра украшался лозунгами. По окончании работы группы проводили доклады «о значении дня», годовщине создания по решению советского правительства Особой Краснознамённой Дальневосточной армии и роли Осоавиахима. На 1 августа намечен парад-митинг на площади Свободы. Коллективы собирались на предприятиях и колоннами шли к месту построения — Дому Советов (окрисполкому). Колонны становились в следующем порядке: военные, осоавиахимовцы, мопровцы, пионеры, школьники, сандружина. Затем шли профессиональные союзы: водников, строителей, металлистов, полиграфистов, рыбаков, пиццевиков, просветителей и сотворгслужащих.

Вечером на открытом воздухе организован показ кинофильма и «живого журнала». На Тарьинскую тресколовную базу отправлялись ударная бригада и кинопередвижка. В Петропавловском совхозе читался доклад и устраивался вечер самодеятельности. На следующий день, 2 августа, празднования продолжились соревнованиями по борьбе между пограничниками и осоавиахимовцами.

1 августа на пароходе «Сергей Лазо» прибыли служащие правления АКО, или, как его ещё называли, «главной конторы». В Петропавловск уже были переведены следующие отделы общества: управление делами, экономики труда, планово-экономический, сельскохозяйственный, колонизационный, дорожно-строительный, горный, лесной, а также бухгалтерия и два бюро: рационализации и исследований. К концу августа с приездом и размещением финансового, морского и коммерческого отделов столь долго ожидавшийся перевод правления этой уникальной хозяйственной организации на Камчатку можно было бы считать осуществлённым.

Встал естественный вопрос: а где размещать прибывшую массу народа, ведь для неё требовались жильё и рабочие места. Ещё в начале года земельная комиссия при горсовете дала разрешение на снос ряда построек в центральной части города, принадлежащих как частным гражданам, так и общественным учреждениям. В их число попали баня, нарсуд, кооперация. На их месте намеревались заложить дома АКО из расчёта на три тысячи человек. Часть зданий намеревались перенести «за озеро». Многим это решение казалось нерациональным. Хотя бы потому, что каждый владелец был вправе требовать, чтобы его имущество обновили на новом месте и благоустроили участок. Это могло обойтись не в одну сотню тысяч рублей, да и «хозяйственные приспособления, накапливаемые постепенным трудом десятками лет, будут потеряны, и в результате жители казённых домов и мелкие хозяйственники, переселённые на новые места, окажутся в худшем положении».

Строительство городка АКО в сложившемся историческом центре города влекло за собой сооружение новых или расширение уже имевшихся «культурных учреждений»: школы, детсада, больницы, клуба, для коих места уже не оставалось. Потребовался бы и ряд других подсобных учреждений, вроде различных мастерских, гаража. То есть что-нибудь из перечисленного всё равно пришлось бы переносить за озеро. Было совершенно очевидно, что территория города в ближайшие годы потребует расширения, а потому комплекс сооружений АКО (вскоре прозванный АКОпосёлком или АКОградом) целесообразнее всё-таки строить за Култучным озером.

Преимуществами этого являлись, например, близость к Озерновской косе, где предполагалось оборудовать пристани для пароходов и уже стояли склады. Это позволяло бы разгрузить тесный Ковш и единственную пристань Совторгфлота, уменьшить расходы по перевозке грузов из Ковша за город и обратно в магазин общества. В климатическом отношении место за озером было ничуть не хуже центра и даже более солнечным — не мешали сопки. Благоприятно разрешался и вопрос с водоснабжением. Площадь южного склона Мишенной сопки многократно превышала площадь западного склона Петровской горы, к которой приткнулся старый Петропавловск. Разница заключалась в том, что с Петровской сопки ключи выходили наружу, а с Мишенной они текли под небольшим слоем почвы и впадали прямо в озеро. Один из таких ключей летом 1929 г. исследовала аковская комиссия. Но она упустила большой ключ, вытекавший с восточного склона Петровской сопки, огибавший её и впадавший в восточный конец Култучного озера. Его, по мнению В. М. Адамова, не заметили, скорее всего, потому, что перед озером этот ручей «почти исчезает. Но если взять его на четверть километра выше, то там он по количеству воды, безусловно, превысит наш центральный ключ, питающий водой добрую половину города, баню и пароходы. Провести же от него водопровод — дело пустяковое». Частным домохозяевам, скорее всего, пришлось бы копать колодцы.

Исходя из изложенного, многие и приходили к выводу, что будущий аковский «город-сад» разумнее устроить за озером. А он «и городу поможет расшириться, и благоустроит его заозёрную часть и тем создаст ценный и хороший городской земельный фонд».

Между тем, дорожно-строительный отряд АКО приступил к капитальному ремонту улицы Ленинской и дороги в Петропавловский совхоз. Ввиду срочности работ строители объявили себя «ударниками». Это понятие, призванное повысить организованность и производительность труда в условиях внеэкономического управления, появилось в СССР совсем недавно. Но ударничество оказалось, по мнению ряда наблюдателей, ложным: «Вся работа ведётся из рук вон плохо. Отдельные рабочие озорничают, занимаются вместо работы борьбой, в воздухе висит сплошной мат, по четверть часа ничего не делают. Организация тоже никуда не годится: рабочая сила не распределена, работа не разбита по участкам, отсутствует количественный и качественный учёт, отсутствуют старшие по работам, лошади использованы меньше чем наполовину. Лучшего примера лжеударничества не найти, и это всё под боком, на глазах у всех, на главной улице Петропавловска».

Что же следовало сделать для того, чтобы не компрометировать высокое звание ударника? А вот что. «Наши профсоюзы должны немедленно обсудить вопрос и сделать надлежащие выводы: или снять с отряда почётное название ударников, или добиться того, чтобы он стал действительно ударным, а все бузотёры и лодыри, разлагающие рабочих, должны быть изгнаны». Да и вообще-то всем советским, партийным, профсоюзным организациям следовало «заострить вопрос» о лжеударничестве и мерах беспощадной борьбы с ним.

Быстрый рост населения города обнаруживал всё новые и новые сложности в организации его хозяйства, культурной и общественной жизни. Например, в таком аспекте, как недостаточность городской библиотеки. А расширить этот очаг культуры возможности пока не представлялось: сделать это можно было только за счёт жилой площади в этом же здании, занимаемой семейством заведующей. «Здание библиотеки гнилое, и если ещё терпимо в части занимаемой теперь читальней и книгохранилищем, то в той части, где сейчас квартира... это — сплошная гнилушка».

24 июля городская общественность торжественно встретила пароход Совторгфлота «Ставрополь», пришедший в Петропавловск после тяжёлой зимовки во льдах около мыса Северного. О подробностях этого, без сомнения, героического плавания рассказал пребывавший на судне представитель Госторга Кавелин.

«Ставрополь» вышел в полярный рейс в устье реки Колымы в июне 1929 г., в августе добрался до места и разгрузился. Обрато возвращаться пришлось при крайне неблагоприятных условиях. Лёд становился плотнее, продвигаться вперёд становилось всё труднее и труднее. Наконец в четырёх километрах от берега путь пароходу преградила сплошная ледяная стена. Жизни экипажа и пассажиров пока ничего не угрожало: во время сильного шторма можно было успеть высадиться на сушу, но судно могло пострадать. Команда начала энергично готовиться к зимовке. Пассажиры частью съехали на берег, устроились в землянках. Неподалёку у мыса Северного зимовала шхуна «Нанук» хорошо знакомого камчатцам ещё по дореволюционным временам американского торговца Свенсона. Он затребовал из Америки аэропланы для перевозки команды и пушнины.

На них отправились лётчики Боорлянд и Эльсин. Первый перелёт они совершили благополучно, а 10 сентября 1929 г. при втором попали в сильную пургу и туман. Боорлянд вернулся, а Эльсин продолжил рейс, но не долетел шестидесяти миль до мыса Северного и разбился. На его поиски были посланы два американских аэроплана. Больше месяца их лётчики жили на мысу Северном, так как продолжать поиски не позволяла погода. Затем произвели несколько безрезультатных разведок, и когда оставили надежду найти Эльсина и летели обратно, случайно заметили внизу обломки разбитого аэроплана. Американцы вернулись к «Ставрополю» и сообщили о находке.

Моряки на собачьих нартах с инструментами выехали к месту. В чрезвычайно тяжёлых условиях, в жесточайший мороз и сильный ветер, они более двадцати дней жили в палатках. Им удалось извлечь изо льда и обломков тело отважного лётчика. Американские и другие заграничные издания детально описывали все подробности этих поисков, с большой похвалой отзываясь о мужестве и стойкости русских моряков. Те получили массу благодарственных телеграмм и писем из Америки, в том числе от жены погибшего и редакций американских газет.

Позже пассажиры «Ставрополя», в том числе женщины и дети, в полярные морозы проехали на нартах свыше девяти сот километров до бухты Лаврентия, где успешно зазимовали. Команда парохода также довольно благополучно провела зиму. Во время зимовки умер один член экипажа, а другого случайно убили на охоте.

Петропавловцы ещё не забыли, как в ноябре и декабре прошлого года помогали собирать экспедицию, намеревавшуюся отправиться на помощь «Ставрополю» на ледорезе «Литке».

26 июля открылся первый камчатский окружной пионерский слёт. Он начался в десять часов утра митингом представителей всех общественных организаций и союзов на площади Свободы. Тёплое солнышко освещало стройные шеренги юных ленинцев. Под его лучами на сине-белых костюмах ярко пламенели красные галстуки, а ещё ярче блестели глаза участников торжественного митинга. Одетый, как и все, в пионерский костюм, секретарь окружка комсомола Бондаренко объявил об открытии слёта. А вот и самая торжественная минута — подъём пионерского флага. По команде «Смирно!» застывшие неподвижно пионеры дружно отдают салют, а потом звучит их бодрый уверенный ответ: «Всегда готовы!»

Юных ленинцев приветствовали секретарь окружка ВКП(б) В. Г. Репкин, председатель окрисполкома В. Ф. Богатырёв, председатель окрпрофбюро В. М. Фёдоров. Они рассказали о задачах, поставленных большевистской партией перед молодым поколением «в настоящее время грандиозного социалистического строительства». Председатель правления АКО Б. И. Гольдберг разъяснил пионерам, какую огромную помощь могут они оказать своим участием в выполнении пятилетнего плана, социалистическом соревновании и ударничестве. Начальник погранотряда Г. Р. Коваленко напомнил им завет «учителя и вождя дедушки Ильича», о том, что молодым силам необходимо в первую очередь «учиться, учиться и ещё раз учиться». Председатель

окружкома МОПР, сказав о необходимости интернационального воспитания и международной смычки трудящихся, передал пионерам вышитое красное знамя. После обеда в Красном городке состоялись стрелковые состязания и физкультурные упражнения. Штаб слёта известил всех жителей Петропавловска, что 3 августа при музее открывается выставка пионерских работ.

5 августа горожанин Михаил Кузьмич Соколов объявил через газету, что просит исключить его из списков верующих: «Я убедился, что религия — обман». А 27 августа некая «гражданка Бодрова Вера Орестовна» публично, тоже через газету, отказалась от родного отца-лишенца, Ореста Тимофеевича Казачука: «В дальнейшем ничего общего с ним не желаю иметь».

6 августа в музее открылась двухдневная выставка минералогических коллекций и картографического материала. Вход свободный с двенадцати дня до восьми вечера. В восемь часов, там же, в музее, желающим предлагалось послушать доклад «О колонизации Камчатки».

Краеведческое общество получило письмо от известного специалиста Л. А. Кулика, занимавшегося исследованием места падения Тунгусского метеорита, в котором он просил собрать всевозможные сведения о небесном теле, упавшем в Пенжинском районе. «Краеведческое общество собирает всю переписку по этому вопросу и сведения, полученные от очевидцев этого исключительного явления в природе, чтобы переслать их товарищу Кулику».

8 августа от крупозного воспаления лёгких скончался заведующий интернатом школы Владимир Иосифович Пантелейко. Он прожил тридцать шесть лет. С 1923 г. учительствовал на Камчатке и Чукотке, до этого работал в Приморье в Ольгинском уезде, где партизанил в 1920—1921 гг. «Всего тов. Пантелейко проучительствовал около двадцати лет, отдав всю свою жизнь делу просвещения, и умер буквально на посту, так как, имея бюллетень, не бросил интернат, и лишь на каникулах вспомнил о своём здоровье».

В Петропавловск прибыл управляющий морским транспортом Тихоокеанского бассейна Гончаров. Цель поездки: проверка хода выполнения пятилетнего плана развития морского транспорта, его уточнение и согласование на месте, в том числе и в области портостроительства.

16 августа окрисполком принял обязательное постановление «О введении всеобщего начального обязательного обучения» с 1930/31 учебного года для детей в возрасте от восьми до десяти лет. В этом году это требование не распространялось на детей и подростков «кочующего населения». Родителям городских ребятшек, отказывавшимся посылать своих чад в школу, грозил сторублёвый штраф или месячные принудительные работы.

Некто «Негодующий» сообщил, что «в мишень для стрельбы обращены лоботрясами девиационные знаки в районе Петропавловска. Стреляют и по плавучей бочке, ограждающей вход судам в Ковш». За это, по его мнению, «надо греть!»

18 августа состоялось общегородское комсомольское собрание в присутствии беспартийной молодёжи. Обсуждали два вопроса: «О жизни и работе Красного флота» и «О работе юнсекции». На собрании широко развернулась самокритика. Выступавшие комсомольцы указывали на неудовлетворительную, парадную связь с флотом. «Дальше такое положение не может быть терпимо». Для того чтобы связь была дельной и способствовала скорейшей боевой выучке краснофлотцев, активному участию гражданских комсомольцев в социалистическом строительстве предложено заключить договор о соревновании. Ещё больше замечаний получила деятельность юнсекции и клуба. Выводы сводились к тому, что они не отвечают задачам по выполнению промфинпланов, что клуб превратился в дорогую «кинушку», не удовлетворяющую запросом рабочих. В постановление включено предложение о немедленном переводе работы «на новые рельсы».

Союз медсантруд отчитался о завершении предварительной подписки на государственный заём «Пятилетка в четыре года». Общая сумма подписки — шесть тысяч шестьсот сорок рублей, что составило 65,2 % зарплаты участвовавших. Больше всех — тысячу восемьсот семьдесят рублей — внёс коллектив городской больницы.

До сведения питавшихся в кооперативной столовой доведено, что им нужно внести в кассу денежный аванс на заготовку продуктов в размере двадцати рублей с человека.

20 августа в Петропавловск прибыл пароход «Ительмен», приобретённый АКО в США вместе с таким же «Орочоном». Суда прошли восемь с половиной тысяч миль. Советские команды, приведшие их, выехали за покупками из Владивостока по железной дороге в Ленинград. Затем они отправились через Ригу, Гамбург, Лондон и Нью-Йорк в американский порт Балтимору. Из Ленинграда экипажи сопровождал корреспондент ТАСС, сотрудник комсомольских журналов «Смена» и «Борьба миров» Гилькиндорф, собиравший материал о жизни, быте и условиях работы советских моряков. Из Балтиморы через Панамский канал «Ительмен» направился в Усть-Камчатск, а затем — в Петропавловск. Получается, что его экипаж совершил почти кругосветное путешествие.

Во время пребывания в Америке моряки «Ительмена» и «Орочона» на собственный заработок приобрели «трактор новейшей системы». Его они передали красноармейскому колхозу «Имени XVI партсъезда» близ селения Хутор (ныне черта современного города Елизово) «в знак смычки рабочих с крестьянами». Делегация от команд намеревалась посетить колхоз «с целью ознакомления с работой». Добавим, что трактор использовался не только на полях, но и как привод лесопилки.

Этот трактор был не первым из доставленных в Петропавловск. Техника поступала в деревянных ящиках, стоивших по сто десять долларов каждый. Их по бесхозяйственности «не приберегли, а разбили на осколки... Могли бы служить прекрасной крышкой для тракторов в ненастную погоду»...

23 августа впервые в Петропавловске появилась футбольная команда, зарегистрированная в окружном комитете Совета физкультуры. Футболисты были и до этого, но они нигде не регистрировались и собирались для игры время от времени, «а больше для того, чтобы утомить мускулы ног для лучшего сна». Конечно, такие команды не могли служить примером для горожан. Новый коллектив намеревался регулярно тренироваться и состязаться с командами приходящих пароходов. Это могло стать хорошим примером для «неорганизованных футболистов», от которых ждали сплочения в новые команды.

Комиссия по организации «кино-концерта с буфетом», данного союзами работников просвещения и медиков в пользу детских яслей подшефного села Коряки, сообщила, что сбор превысил четыреста тридцать рублей. Устроители благодарили всех жертвователей.

Стало заметно, что лесное обрамление города поредело: в последние годы деревья на сопках беспощадно вырубались. По начинавшим плешиветь склонам бродил скот. Краеведческому обществу предлагали заняться охраной природы, горсовету — издать постановление о выпасе скота выше Третьей и Четвёртой улиц, а для пастбища отвести другой участок. Попутно следовало сохранить единственный городской сад, превратившийся из физкультурной площадки и места отдыха в выгон для скота и распивочную.

В августе окрпрофбюро намечало провести ряд экскурсий, в том числе: на вершину Мишенной сопки «для ознакомления с древними ительменскими юрговищами у кладбища»; в Петропавловский совхоз «по истории возникновения и постепенному развитию сельского хозяйства»; на тресколовную базу для знакомства с рыбным ловом, обитателями моря и их биологией; в Паратунку на горячие источники с «беглым осмотром колхоза». На обратном пути намечался заход на остров Хлебалкин и даже получение «геологической справки относительно его происхождения». Кроме этих, предполагались путешествия по маршруту Петропавловск — Мильково, Мильково — Козыревск; в селения Елизово и Хутор с программой: «Быт населения, знакомство с промыслами и орудиями труда, культурная и общественная жизнь». На обратном пути из Елизово — посещение колхоза в селении Хутор, «ознакомление со строительством, его хозяйством и планами на будущее». Завершало программу восхождение на Авачинский вулкан для ознакомления с его деятельностью, растительностью на вершине и продуктами извержения.

30 августа большинство коллективов предприятий и организаций города работали «на индустриализацию страны», в основном на своих рабочих местах. Сотрудники

окрисполкома и комхоза приводили в порядок городские дороги, аковцы отправились в совхоз. Некоторые коллективы, например Госбанка, окрфинотдела, отложили работу в фонд индустриализации до следующего выходного дня.

Завершалась подготовка к новому учебному году. В школе-семилетке окончился ремонт, теперь требовалось отмыть полы и стены. Артель поломоек (оказывается, была и такая) запросила за это пятьсот рублей. Школьники решили сами организовать уборку, а заработанные деньги положить в общую кассу комсода на устройство горячих завтраков. Часть уборки выполнили прибывшие на пионерский слёт делегаты из Усть-Камчатска, ещё часть — «просвещенцы» в счёт дня индустриализации. Для наведения порядка в остальной части помещения и второго школьного здания, на мытьё которого АКО выделило триста рублей, комсод «мобилизовал» родителей учащихся и комсомольцев.

1 сентября отмечен Международный юношеский день. В клубе бурлила комсомольская самодеятельность, впервые выступали эстрадные новички. Вдруг на сцене возник «поэт» — матрос «Орочона» Сморчков. Он «заломил на затылок измятый козырёк, бесшабашно распахнул тужурку и трясёт всклокоченным чубом. На лице застыл тупой взгляд и кривая улыбка. Для шпаны “парень свой в доску”!» Случился скандал. Дело в том, что в ходе подготовки «живого журнала» он читал нечто срифмованное под Есенина, а на вечере, «будучи упадочным комсомольцем», выйдя на сцену, «решил вытащить из-под полы другое, отражающее нутро Сморчкова».

Тряхнув чубом, Сморчков запел об упадочном комсомольце:

*С партбилетом, не ему, —
Он вор и бандит!*

«Дальше прошамкал фразу запечной кулацкой старухи:

*Как были рабами мы,
Так и умрём рабами...*

Болея манией о своём поэтическом величии, Сморчков дерзнул с визгом и хрипом бросить гнусную ложь на пролетарского поэта:

*Демьян Бедный плюёт
В “Правду” неправду...»*

«Если с нашей эстрады будут разные невежды, вроде Сморчкова, клеветать на компартию и пролетарских писателей, то это будет значить, что наши клубные работники сдают позиции, — возмущался “правильный поэт” Михаил Уралов. — Пароходной ячейке “Орочона” надо сделать организационные выводы и указать Сморчкову на дверь, как не поддавшемуся комсомольской ковке».

8 сентября в АКОграде заканчивалась постройка третьего дома. Не за горами было открытие детского садика, готовящегося принять три десятка дошколят. Во втором доме сотрудники общества уже справили новоселье, но всё же жилья аковцам катастрофически не хватало. Пароходы «Дези Моллер» и «Ямомоту-мару» доставили из Владивостока строительно-техническое управление общество в составе шестидесяти трёх сотрудников. Некоторые из них приехали с семьями, и с малыми детишками обитали в палатках. Управленцы организовали несколько ударных бригад из техников, чертёжников и других квалифицированных работников. Они решили, трудясь ударными темпами, временно введя десятичасовой рабочий день, в первую очередь обеспечить жильём семейных, затем расширить столовую и обеспечить городок электричеством. Городская электростанция отпускала туда всего пятнадцать киловатт, чего было совершенно недостаточно.

Часть аковцев, например работники дорожного отдела, разместились в центре города в районе школы. «Здесь был выкопан ряд подобий землянок, вернее, звериных нор, на которые кое-как натянуты палатки». Здесь же обитали и грузчики Совторгфлота, некоторые семьи — с детьми.

10 сентября закрылись курсы «по подготовке неуспевающих», организованные комсодом. «Как первый опыт, курсы надо признать удовлетворительными».

Лавка Центроспирта выпустила в продажу водку. Результаты торговли сказались через час. «Часть работающих на стройбазе АКО не смогла после обеда пойти

на работу. Много милиции было дела в этот день. А на другой день табель пестрел отметками “Не раб.” (не работал. — С. Г.). Оно конечно».

13 сентября среди «неорганизованного населения» Петропавловска (то есть не членов профсоюзов) проводилась подписка на заём индустриализации. При контрольной цифре в три тысячи рублей подписались всего на девятьсот шестьдесят пять. Во время обхода многих не застали дома: они находились на покосе. «Плохо, неорганизованные, плохо! Равняйтесь на домашних хозяев, каждая хозяйка подписалась на десять-пятнадцать рублей!»

17 сентября обиженные школяры пожаловались в «Полярную звезду»: «Покупают ребята в кино ученические билеты по двадцать копеек. Кассирша не говорит, что детям в кино нельзя. А когда начинается сеанс, заведующий клубом Понявин не пускает. Требуют обратно деньги, кассирша говорит, что она ничего не знает. Идут к Понявину объясниться, он берёт ребят за уши и выводит из клуба. Так деньги пропадают не один раз».

18 сентября на стоявшем в порту первом теплоходе АКО «Охотск» произошёл сильный пожар. Без пятнадцати семь утра воспламенилось машинное отделение. На судне сыграли тревогу, наглухо задраили машинное помещение, надеясь таким путём прекратить доступ воздуха и потушить огонь. Ошибкой в организации спасательной операции оказалось то, что с самого начала не определили, что именно горит, а потом выяснить это оказалось невозможным вследствие сильного распространения пламени. Под машинным отделением находились две цистерны с топливом, а в трюмных цистернах — ещё сорок тонн горючего. Вскоре стало понятно, что взрыва избежать не удастся. Следует отметить, что тогдашний Петропавловский порт серьёзных средств для борьбы с огнём не имел.

Теплоход отвели на более глубокое место. К нему подошёл траулер «Баклан», неудачно попытавшийся сбить пламя струёй пара. Безуспешные попытки прекратить пожар длились почти семь часов. В 13.30 раздался сильный взрыв. Столб дыма взметнулся на высоту нескольких десятков метров, «Охотск» превратился в костёр. Теперь стало окончательно ясно, что потушить его не удастся. Находившиеся во время взрыва на «Охотске» команда самого теплохода и моряки стоявших в порту судов, принимавшие участие в тушении, были сметены взрывной волной в воду.

Двое из них пропали без вести (сгорели или утонули): второй помощник капитана траулера «Баклан» Георгий Константинович Серебреников и ученик механика теплохода Виктор Кузнецов. Был травмирован морской агент АКО. Получили тяжёлые ранения и ожоги шестеро членов экипажа «Охотска», попавшие в больницу: старший и второй помощники капитана, старший механик, радист, хлебопёк и дневальный. Легко ранило и контузило боцмана, плотника и матроса. В тушении пожара деятельное участие приняли военморы пограничного сторожевого корабля «Воровский», команды парового траулера АКО «Баклан» и портового катера «Коршун».

20 сентября пришло известие о смерти хорошо известного камчатцам видного дальневосточного исследователя и учёного-этнографа Владимира Клавдиевича Арсеньева, скончавшегося 4 сентября во Владивостоке.

23 сентября в клубе состоялся вечер с участием вновь прибывших любителей сценического искусства и эстрады. В программе: комедии в одном действии «Капитал» и «Хитрость на хитрость», концертное отделение. Играл духовой оркестр, работал буфет. По окончании — традиционные танцы до поздней ночи.

Команда погибшего «Охотска» через «Полярную звезду» выразила глубокую благодарность морякам «Воровского», «Баклана» и «Коршуна», принявшим деятельное участие в тушении пожара на теплоходе и её спасении.

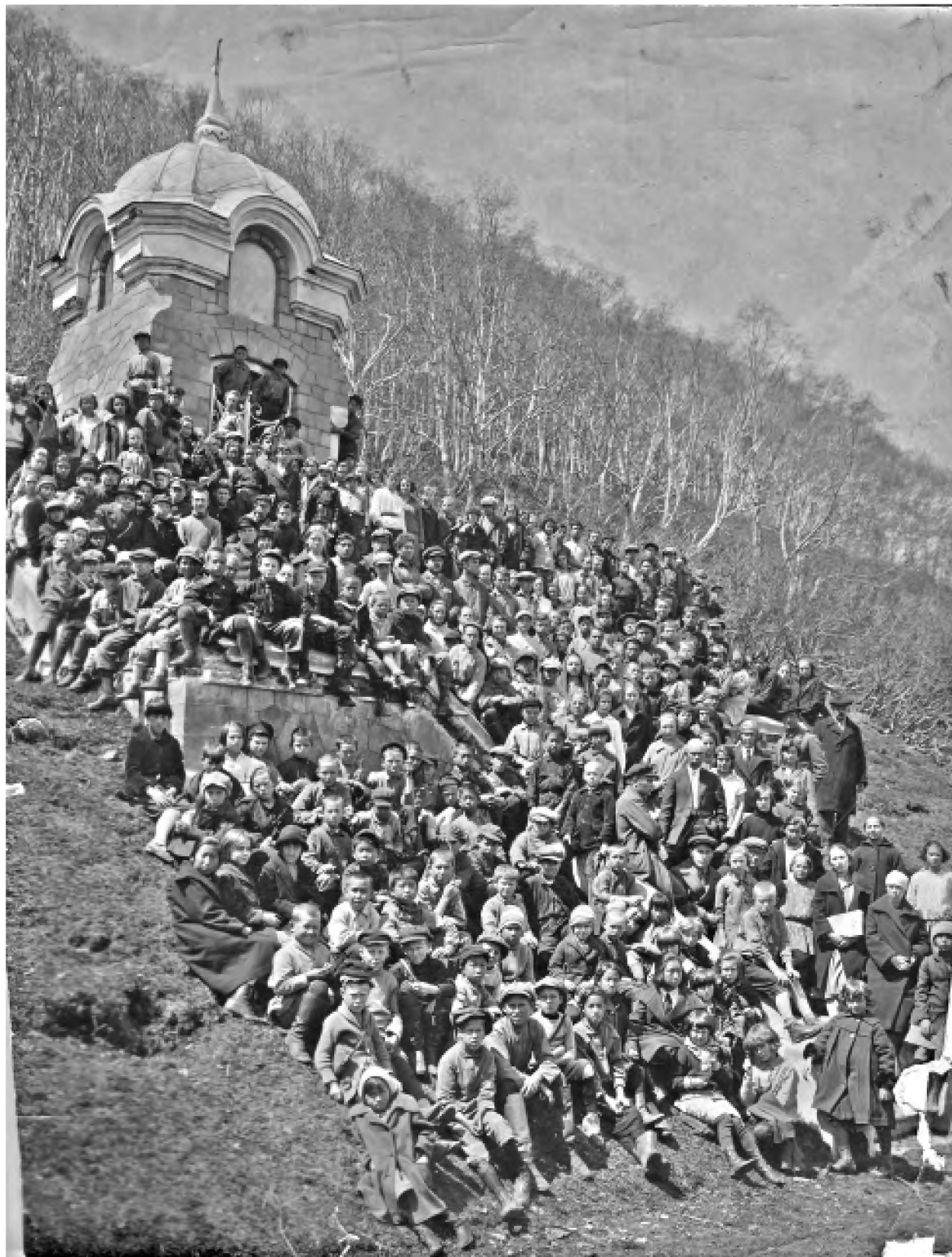
25 сентября на улице Ленинской в помещении бывшего молочного киоска работало камчатское представительство Государственного всесоюзного фотокинообъединения «Союзкино» при Высшем Совете народного хозяйства СССР. Его задачами стали прокат фильмов для всех киноустановок Камчатского округа, обслуживание клиентуры, продажа фото- и киноматериалов, а также съёмка местной хроники для общесоюзных киножурналов. Но «главной, основной задачей» объявлено открытие в городе кинотеатра.

Погрузка угля на пароход с мыса Сигнального.
НВФ 3571

Магазин Акционерного Камчатского общества, 1930 г.
НВФ 871

Школьники на экскурсии у часовни на братской могиле защитников
Петропавловска в 1854 г.
Ф 3383

Интересное наблюдение: метаморфоза городского молочного киоска совпала с исчезновением молока. Его источником являлся пригородный совхоз. В последнее время от него, по словам очевидцев, доходило лишь три-четыре литра. «Несмотря на неоднократные постановления соответствующих организаций о том, что молоко должно выдаваться в первую очередь детям, и именно детям грудного и дошкольного возраста, по-прежнему совхозовское молоко успевает испариться по дороге... Кто пьёт молоко? Совхозовские дети? Сомневаемся, чтобы всё молоко из совхоза шло исключительно детям. Сами рабочие в совхозе говорят о том, что по распоряжению зава молоко выдаётся сотрудникам АКО, и не имеющим детей». Недовольные городские жители требовали прекращения «этого безобразия», введения контроля количества молока, привозимого в город: «взять его на учёт и выдавать только детям и в первую очередь детям дошкольного возраста».

Сложности возникли и со снабжением детишек белым хлебом, отнесённым в условиях повального дефицита к «усиленному питанию». Правда, на них выдавалась белая мука по норме, но не все семьи могли испечь для ребёнка хлеб, хотя бы потому, что у многих не было дров (кстати, вот ещё один местный дефицит). Одна из возмущённых матерей указывала, что хотя пекарни не производят белого хлеба, отговариваясь отсутствием соответствующей муки, в столовой кооператива и кофейне Красного Креста утром и вечером дают чай и кофе с булками. «На булочки откуда-то мука находится, а на белый хлеб для ребятишек — нет». Она предлагала хотя бы раз в пятидневку выпекать белый хлеб исключительно для детитишек, прекратив отпускать муку для кофеен.

Под давлением общественного мнения закрутилась бюрократическая машина. Окружной отдел здравоохранения собрал специальное совещание по вопросу питания детей. Сюда прибыли представители всех заинтересованных организаций: кооператива, больницы, комитета содействия яслей — все, кроме главного городского снабженца — АКО. Отсутствие представителя общества было расценено как намерение «сорвать детское питание». На совещании выяснилось, что пекарня Петропавловского кооператива не выдаёт белый хлеб, потому что перегружена. Пекарня АКО, наоборот, недогружена больше чем наполовину, но несмотря на ряд решений разных инстанций, общество не спешило передать её кооператорам.

Совещание признало крайней необходимостью обеспечения дошкольников и школьников белым хлебом. Окргздраву поручено просить окрторг и кооператив «воздействовать» на отдел снабжения АКО. На дополнительную норму детям должны быть выданы карточки, причём для удобства распределения продуктов их следовало разделить на три группы: до трёх лет, от трёх до семи и от семи и выше. Выработка «детской нормы» поручена окргздраву, а её выдача — кооперативу, для чего ему переданы все дефицитные продукты, «сейчас же забронированные для детского питания». Горсовету рекомендовано урегулировать выдачу молока и прекратить его разбазаривание по пути в город. Попутно правлению кооператива и обществу Красного Креста поручено проработать организацию диетического питания и детской столовой.

Уже известная нам активистка Малькова потребовала «подтянуть мещанок», поясняя, что детскими продуктами зачастую пользуются взрослые. «Вот картинка. Хвастается одна мать другой: “Постряпать бы к первому маю, да не на чем. Сала мало, а масло, так и говорить нечего! Моему Коле выдают двести пятьдесят граммов масла, ну я и состряпала на этом масле кулич. Всё оно и ушло”. Другая смеётся и говорит: “Я тоже. У нас будет выпивка”. Понятно, что сознательная мать так не сделает». Несознательным родителям, «которые не родители, а “производители”», лишавшим детей масла ради приготовления старорежимных куличей да угощения пьяных гостей, нужно было понять, что «систематическое снижение питательности детского пайка ведёт к ослаблению детей, уменьшению их здоровья и силы». Детям же рекомендовалось обо всех таких случаях писать в «Полярную звезду»: «она поможет вам в этой пока не равной, но правой борьбе».

27 сентября в аптеке закончилась сыворотка от бешенства. Её срочно выписали из Владивостока. За прошедшую неделю в городе было зарегистрировано десять случаев укуса граждан бешеными собаками. Во Владивосток на шхуне «Чукотка», недав-

но вернувшейся из сложного полярного плавания, отправлены четверо пострадавших. Столько же — на японском пароходе «Нишин-мару». В связи с учащением случаев бешенства в городе «развилась эпидемия стрельбы собак». Убитых животных вывезли за город и не закопали, а разложили рядочком за Култучным озером вдоль дороги, ведшей в совхоз. «Хотя сейчас и не лето, но всё-таки вид не особенно приятный для проезжающих, да и воздух заражён».

29 сентября на вечере в клубе активистки группкома № 4 (совторгслужащих) продавали сделанные своими руками бутоньерки, выручив шестьдесят восемь рублей. Деньги внесены на текущий счёт МОПР.

30 сентября заседало окружное бюро комсомола. Оно приняло «историческое решение»: об организации завода-школы, точнее, завода-вуза. К этому, по мнению камчатской комсомолки, обязывал «рост нашей промышленности, требующей новые кадры... в связи с огромными задачами, поставленными перед камчатской парторганизацией и комсомолом по быстрейшей индустриализации и колонизации Камчатки». Этот ранее небывалый завод должен был стать показательным в части выполнения производственных планов, организации и воспитания социалистического отношения к труду. На нём следовало наладить подготовку пролетарских кадров из национальной молодёжи. «Весь процесс производства организуется на получении технической основы, пропитывании производственных процессов теоретической основой, организации рыбалок с тем расчётом, чтобы в ближайшие годы перестроить в заводы-вузы».

Для руководства работой по подготовке к созданию такого уникального предприятия окружком назначил «боевой штаб», которому поручил детально разработать вопрос, внести его на бюро окружкома и правление АКО, «одновременно развернуть в печати популяризацию мероприятия по организации комсомольского завода-школы». Начальником штаба назначен Леонид Люцифер, рабочий, сын горняка. Он свыше двенадцати лет работал на рыбалках, приисках и водном транспорте, в частности, старшиной катера Петропавловского порта. Последнее время трудился «как выдвигенец-рабочий» заместителем заведующего окружным финотделом.

1 октября при педтехникуме открылись курсы по подготовке к поступлению в вузы. На них зачисляли рабочих, крестьян, красноармейцев, не имевших законченного среднего образования. Выпускников семилетней и девятилетней школ не принимали, как уже имевших достаточную подготовку.

Заработала пошивочная мастерская переселенческой кустарной артели «Камчатский портной», входившая в состав кустарно-промыслового отдела АКО. Артель приглашала на работу всех местных «кустарей», а также женщин, членов семей рабочих и служащих, знакомых с пошивкой белья.

В клубе состоялось торжественное заседание по случаю досрочной демобилизации военнослужащих погранотряда, направлявшихся работать в красноармейский колхоз имени XVI партийного съезда. Сорок молодых пограничников пополняли «первую колхозную звезду на Камчатке», как назвал хозяйство один из приветствовавших. На расширение животноводства окрисполком отпустил колхозу пять тысяч рублей, окрпрофсовет передал ещё тысячу семьсот, собранных среди членов профсоюзов как подарок на покупку трактора. Во время заседания одному из демобилизуемых — пограничнику Карелину — вручены грамота и серебряные часы. Эти награды он получил «за проявленные им храбрость и геройские подвиги во время трудных и опасных походов».

Завершалось обследование бухты Раковой в Авачинской губе на предмет возможности расширения Петропавловского порта. Изыскатели засели за составление отчётов. В случае, если бухта окажется непригодной для этого, намечалось изучить Тарьинскую. Но последний вариант, ввиду значительного удаления от порта и города, мог быть принят лишь в крайнем случае. Петропавловский порт по своему техническому состоянию уже не мог удовлетворять с каждым годом растущему грузообороту, особенно заготовленной рыбопродукции, долго ждавшей на промыслах отправки на «материк». Управление портовых изысканий на Тихом океане составило обширный план строительства новых портов и расширения уже имеющихся, в том числе и Петропавловского.

«Комсомол — ближе к флоту!».
НВФ 2800

Комсомольцы Петропавловска в гостях у военморов пограничного сторожевого корабля
«Воровский», 1930 г.
НВФ 3782

1^я Камч. Окруж. Партконференция 19го 30 г.
Участники первой камчатской окружной партийной конференции в Петропавловске,
1 октября 1930 г.
ККМГИ 6196

1^й Выпуск мотор.-трактор. курсов на Камчатке 1930 г.
Выпускники первых на Камчатке курсов мотористов-трактористов, 1930 г.
НВФ 4162

В городской амбулатории введена «непрерывка», то есть работа по пятидневке, увеличено количество врачей. Амбулатория открывалась в половине девятого утра и действовала до двенадцати, а затем с половины пятого до семи часов вечера. Принимали врачи: Серебряков, он же заведующий амбулаторией, — по внутренним женским и кожно-венерическим болезням, Щепчинский — по внутренним болезням, Гордонович — по хирургии, Пятовцев — по детским заболеваниям, Сергеева и Гор — по стоматологии (в то время говорили, что «по зубным»). Вызвать врача на дом можно было по записи с девяти утра до двенадцати, на вызовы прибывал доктор Щипчинский. Действовала зуботехническая лаборатория.

5 октября в город прибыли новые окружные работники: председатель окрисполкома В. П. Виноградов и председатель окрпрофбюро В. И. Вихров. Первый, Василий Петрович Виноградов, родился в крестьянской семье. С двенадцати лет он трудился по найму у помещиков и на железной дороге. С 1917 г. состоял на различных должностях в административно-хозяйственных организациях, был председателем уездного исполкома в Торжке, заместителем председателя губисполкома и заведующим губземуправления в Твери. До назначения на Камчатку заведовал окружным земельным управлением и был председателем окрплана в Благовещенске.

Второй, В. И. Вихров, сын рабочего, получил низшее образование. С 1903 по 1910 г. трудился литейщиком Путиловского завода. В 1910 г. за принадлежность к РСДРП был сослан в Иркутск, из ссылки бежал. Несколько раз сидел в тюрьме. В 1919 г. воевал против генерала Юденича, был на польском фронте. В 1923 г. демобилизован и командирован ЦК ВКП(б) секретарём Новгородского уездного комитета, где работал до 1925 г., затем председательствовал в Новгородском губсуде. В декабре 1926 г. мобилизован для работы на Дальнем Востоке, где занимал ряд ответственных должностей в советском, партийном и профсоюзном аппаратах. Последнее время работал председателем Зейского окружного бюро профсоюзов.

Временно закрылись детские ясли: их помещение пришлось занять интернатом ремесленной профессиональной школы. Из-за этого многим трудящимся женщинам пришлось бросить работу и сидеть дома с маленькими ребятишками. «Это положение ни в коей мере не было выгодно экономически, так как рабочие руки, столь необходимые для строительства Камчатки, оставались безработными. Кроме того, питание детей значительно ухудшилось, потому что дома они не получают молока и тех продуктов питания, которыми они пользовались в яслях».

Окружной отдел здравоохранения и специальный «ясельный совет» срочно занялись подбором более подходящего места, потому что «весь вопрос был за помещением. Как на ясли, так на молочную кухню и детскую диетическую столовую деньги по смете отпущены». Горсовет, идя навстречу окрздраву, «учитывая необходимость поставить вопросы детского питания во всю ширь», решил предоставить для этих трёх детских учреждений бывший дом Рубцова на улице Ленинской. Дело оставалось за малым: выселить отсюда квартировавших сотрудников АКО, Совторгфлота и других организаций и отремонтировать здание.

14 октября в погранотряде состоялось собрание, посвящённое недавним событиям в Индии и Китае. Была заслушана информация о политическом положении в странах капитала и произведён сбор добровольных пожертвований в пользу тамошних революционеров. Командиры и красноармейцы откликнулись на призыв о помощи своим братьям по борьбе. Собранные двести тридцать пять рублей сданы в окружном МОПР. «Мопровские ячейки города! Берите пример с ячейки МОПР управления погранотряда!»

17 октября объявлено, что за кражу электроэнергии привлечён к уголовной ответственности некий гражданин Хохлов.

Стало известно, что Совет физкультуры Дальневосточного края предоставил Камчатке одно место в физкультурном техникуме. Желающие учиться приглашались подать заявления в окружной совет физкультуры.

23 октября открылся районный слёт «легкокавалеристов» и ударников, подводивший итоги проделанного и наметивший работу на ближайшее время. На слёте присутствовало свыше тридцати делегатов, в том числе несколько девушек. Молодёжь

пришла сюда не только для того, чтобы, по выражению одного делегата, «кричать во всю комсомольскую глотку» об имеющихся недостатках и прорывах, но и для того, чтобы обсудить ближайшие меры для их изжития, чтоб «драться, как львы» за выполнение и перевыполнение программ и за ударное проведение месячника рыбной промышленности.

Признано, что группы «лёгкой кавалерии» работали весьма слабо, не определив своего места на предприятиях и в учреждениях, «путаясь в методах и формах, зачастую сводя свою работу к кампанейским или сыскным методам, то есть изыскивая преступные “большие дела”, не предупреждая их, не помогая хозяйственникам в работе, а только фиксируя факты». Отмечено, что «огромная политическая важность работы ударников-кавалеристов не учитывалась советской общественностью». На будущее требовалось «исправить линию работы» и укрепить связи кавалеристов-ударников с профсоюзами, общественными организациями и хозяйственными руководителями.

Движение «легкокавалеристов» возникло по инициативе комсомола ещё в 1926 г. как форма участия в государственном и общественном контроле. Идея его создания диктовалась необходимостью борьбы с бюрократическими извращениями в государственном аппарате, профессиональных и других организациях. Группы, или бригады «лёгкой кавалерии» создавались при комсомольских первичках. Основным методом их работы — внезапные проверки, отсюда и терминология времён недавней гражданской войны, то есть «налёты» и «рейды». Массовая работа началась в конце 1928 г., когда Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б) и Центральный Комитет ВЛКСМ издали циркуляр «О группах “лёгкой кавалерии”», определивший её задачи: борьба с бюрократизмом и бесхозяйственностью, за экономию, контроль хода ударных строек пятилетки, торговли и снабжения и прочее. Считалось, что это будет способствовать ускорению темпов социалистического строительства.

30 октября зарегистрированы шесть случаев скарлатины. Созвано специальное заседание окрздрава, отметившее, что опасность заболевания повышается, особенно детей, в связи с тяжёлыми жилищными условиями, крайней скученностью и недостаточным питанием. Окрздрав признал необходимым объявить город «угрожающим по скарлатине» и обратиться в окрисполком с просьбой дать команду АКО предоставить горбольнице один стандартный дом для организации изолятора. Из Хабаровска срочно выписана вакцина для производства прививок.

Отмечено усиление характерного и в прошлые годы жилищного кризиса, достигшего «самого высокого напряжения». Этому способствовал перевод в Петропавловск правления АКО и развёртывание в городе ряда предприятий. АКО, порт и другие организации завезли рабочих и служащих, но предварительно не озаботились обзавестись необходимым жильём. Медленно строилось АКО, оно же сдерживало недоставкой материалов сооружение двухэтажного дома горместхоза и капитальный ремонт ряда его зданий. За летний период не получено ни одной доски и гвоздя даже на починку разрушенного деревянного тротуара.

Чтобы не допустить зимовки рабочих и служащих в палатках, рассматривалась возможность «некоторого уплотнения»: в домах горместхоза и некоторых частных «ещё имеются большие квартиры, в которых можно немного потесниться». Пользуясь жилищным кризисом, некоторые частные хозяева стали взимать по двадцать пять рублей за небольшую комнату. Одним словом, «дерут без всякого милосердия». Между прочим, по действовавшему законодательству за такую комнату полагалось платить, в зависимости от получаемого оклада, от пяти до десяти рублей. Размер квартплаты в домах горместхоза распространялся и на частное жильё, а за её повышение и тем самым «притеснение жильцов» можно было попасть даже под уголовную ответственность.

Помимо административного давления, власти взывали и к сознательности жильцов и домовладельцев, надеясь, что они «учтут квартирный кризис и без всякого административного вселения потеснятся и предоставят свободную жилплощадь нуждающимся».

Возможных «уплотняемых» называла газета «Полярная звезда»: «В Красном городе в доме № 3 живёт вдова Щ... С нею живёт дочь-комсомолка. Занимают они две комнаты: одну прекрасную большую, в которой помещаются сами, в другой —

маленькой — держат кур. Это при остром жилищном кризисе! Куда смотрит горсовет?» Местхоз установил, что дом некоей Огородниковой содержится в антисанитарном состоянии, а неоднократные требования об устранении отмеченных недостатков она не выполнила. «На основании существующих законоположений горместхоз дело передаёт в суд о признании дома Огородниковой бесхозяйственно содержимым». Существовал и ещё один адрес, по которому «свободно можно поместить пятнадцать человек»: бывшая пекарня в самом центре города, возле пристани. Там имелся водопровод и очаг. «Стоит лишь выбросить плиту и вставить немного стёкол, и здание будет, во всяком случае, лучше сарая, а тем более палатки».

2 ноября объявлено, что при представительстве «Союзкино» организуется художественный совет, намеревающийся заняться наблюдением за прибывавшей на полуостров кинопродукцией, затем прокатываемой на городских и деревенских экранах. Отмечалось, что до последнего времени со стороны Дальневосточного края, в состав которого входил Камчатский округ, этому уделялось недостаточное внимание: «фильмы высылались порою идеологически вредные, на девяносто восемь процентов заграничного производства» и только в последнее время от «Союзкино» стала поступать продукция, «отвечающая требованиям сегодняшнего дня».

Теперь с засильем низкопробной иностранщины намеревались покончить: этот вопрос на художественном совете «будет стоять во всей полноте». Совет намеревался «просматривать фильму, прежде чем пустить её на экран». В его обязанности также входило создание вокруг кинокартин «общественного мнения», устройство зрительских конференций и широких обсуждений. Возникал вопрос: «А судьи кто?» Ответ: в состав совета должны были войти представители самого «Союзкино», окружного отдела народного образования, школы, печати и, естественно, «гегемона» — рабочие.

Завершился слёт «лёгкой кавалерии» и ударников. Избран новый штаб в составе Падычева, Левчук, Краснова, Дьяконова и Бредис.

5 ноября город готовился к главному празднику Страны Советов — очередной годовщине Октябрьской революции 1917 г.

«Что-то небо потемнело. Как бы к октябрю погода не испортилась! — стриженная головёнка в двадцатый раз отрывается от красиво разрисованного плаката и с озабоченным видом и перемазанными в краске руками выскакивает на улицу — “проверить погоду”».

— Совсем нет в тебе пионерской выдержки, Гошка, — с укоризной замечает ему курносенькая круглолицая девчушка, ровными уверенными движениями вырезая флажки из старых разноцветных объявлений. — Смотри, бросил кисть в краске и сделал пятно около слова “выполним”. Всё равно, какая погода ни будет, наш отряд пойдёт на демонстрацию!

— Скорей ребята, кончайте работу, надо на репетицию поспеть, а то ведь работы ещё много, — торопит вожатый.

А какие красивые диаграммы готовят ученики школы-семилетки! Надо сходить им помочь.

Несколько дней по месткомам и коллективам идёт усиленная подготовка. Шутка ли, Октябрьская революция, да ещё тринадцатая годовщина. Надо здание украсить, вечер воспоминаний организовать, стенную газету выпустить, а то у неё, бедняжечки, и рамки где-то завалились, и заголовок пожелтел.

Делов — куча, а актива... маловато, да и тот весь в расходе: один к докладу готовится, другой спешит, роль разучивает, а третий на предприятии своей основной работой загружен.

Огорчённые месткомщики, понуриив голову, решают трудную задачу: кого выделить ответственным распорядителем на демонстрацию, кому поручить выступить с воспоминаниями. И тут же в месткомовской голове яснее оформляется смутное до сих пор сознание: “А ведь, братишечки, ни к чёрту у нас массовая работа поставлена, актив не выявлен... Следует этим делом заняться серьёзнее”...

Старшая группа педтехникумцев готовится к постановке спектакля в соседних сёлах Коряки и Елизово. Разучиваются роли, срочно пишутся декорации. Устраивается вечер для старших групп и утренник в клубе для младшей. Кроме того, надо

и в интернате прибрать, и помочь комсоду настряпать угощение для школьников, и в клуб на спевку, и на сыгровку сбежать, иначе не избежать замечания от строгого дирижёра Устюжанинова. Все заняты по горло.

В окружном комсомоле — заседание за заседанием. В перерывах — беседы и инструктаж. Вызываются комсомольцы с предприятий, срочно разрабатывается договор с АКО о передаче комсомолу Кихчикско-Кольского крабо-рыбодобывающего завода.

А вечером, когда в городе вспыхнули разноцветными звёздочками октябрьские лозунги, в красных уголках и в клубе открылись торжественные кустовые собрания, на которых старые большевики и рабочие выступали с воспоминаниями о прошлых годах, подводились итоги имеющихся достижений».

Готовились к годовщине Октября и трудовые подарки: вдоль берега Култучного озера в АКОграде строились жилые дома. Между груд стройматериалов лавировали новенькие, с иголки, грузовики-«фордики», подвозившие песок, глину и кирпичи. Но, торопясь, зачастую их сбрасывали как попало. Следующие автомобили налетали на внезапно возникшие препятствия, от чего могли возникать повреждения.

А в праздничный день, 7 ноября, ровно в восемь часов утреннюю тишину разрезал первый гудок вновь выстроенного на Озерновской косе лесопильного завода. В ответ загудели стоявшие на рейде пароходы. Трудящиеся со знамёнами и алыми лозунгами плакатами начали собираться около своих предприятий и учреждений.

7 ноября впервые в своей истории Петропавловск увидел на праздничной демонстрации так много рабочих: строителей, грузчиков, сельскохозяйственных тружеников. Длинной лентой шествие тянулось от окружкома ВКП(б) до площади Свободы, где в одиннадцать часов открылся торжественный митинг. С речами выступали представители партийных, общественных, советских и хозяйственных организаций: заместитель секретаря окружкома ВКП(б) Щенюк, председатель окрисполкома Виноградов, председатель окрпрофсовета Вихров, начальник погранотряда Коваленко, заместитель председателя правления АКО Кривошеев, секретарь окрсовета Осоавиахима Гор и другие.

Дружными аплодисментами встречены выступления китайского рабочего и представителя пионерской организации. Вечером в клубе ССТС с большим успехом прошёл «живой журнал» и постановка на революционную тему, в школе-семилетке учащиеся устроили вечер.

8 ноября утром начался субботник по погрузке угля на пароходы. Комсомольцы и беспартийная молодёжь перевалили его свыше восьмидесяти тонн.

10 ноября. Лозунг дня: «Даёшь дирижабль!» Ударная бригада электропроводчиков строительной базы ОГПУ, заработав от прокладки линии пятьдесят три рубля, передала их на постройку аппарата «Тихоокеанский пролетарий». Члены бригады призвали последовать их примеру коллективы пищевики, лесозавода, инженерно-технических и счётных работников. Заработанные в «День индустриализации» деньги пожертвовал на постройку дирижабля и горожанин Хабаров.

12 ноября в пять часов десять минут утра над городом пролетел метеорит. Члены краеведческого общества И. Ф. Голованов и Н. З. Топольский, наблюдавшие это, сообщили, что он летел в течение трёх минут с запада на восток под углом сорок пять градусов, как большая белая ракета, оставляя за собой узкую белую, долго не рассеивавшуюся туманную полосу. Скрылся болид за Петровской сопкой, после чего послышался сильный гул. Камчатское краеведческое общество обратилось к очевидцам с просьбой сообщить ему как можно подробнее все сведения о таком редком природном явлении.

Правление краеведческого общества решило заслушать на общих собраниях доклады о пушном промысле, торговле и снабжении, составляющих бюджета туземцев, лесном хозяйстве, кустарных промыслах и о прошлогодней экспедиции по Северной Камчатке. Члену общества геологу Кулакову поручено прочесть в педтехникуме и школе-семилетке лекцию «Вулкан и вулканические явления». Намечен ряд бесед и лекций в погранотряде, Петропавловском совхозе, окрестных колхозах, строительной и траловой базе АКО. Попутно в общество приняты житель далёкого селения Дранка И. Бекерев, а из Козыревского совхоза — врач Бурмин и агроном Воробьёв.

«Восточники» Петропавловска.
НВФ 7719

Осоавиахимовцы и пограничники на полевых занятиях в окрестностях города, 1930 г.
НВФ 2583

Здание конторы связи. Собачьи нарты с почтой. На стене — единственные в городе наружные часы.
НВФ 3947

Разбор прибывший в город почты.
НВФ 4230

В музей краеведческого общества поступили с Командорских островов ботанические коллекции от Е. Кардаковой, орудия каменного века из бухты Корфа от Миронова, образцы халцедона из района Кроноки от Гвоздицкого. Из этого халцедона, по мнению знатоков, можно было изготавливать призмы для аналитических весов и лабораторные ступки. Экспедиция Дягилева прислала с западного побережья Камчатки различные образцы торфа.

15 ноября выпал первый снег. Детвора аковского городка, радуясь ему, весёлыми стайками каталась вдоль улицы со склона Мишенной сопки к Култучному озеру. Плохо было одно: их саночки пересекали дорогу (нынешнюю улицу Ленинградскую. — С. Г.), по которой то и дело сновали автомобили. Так недолго было угодить и под колёса. Коменданту АКОграда рекомендовалось принять предупредительные меры.

17 ноября в семь часов вечера в зале музея прочитан доклад члена краеведческого общества Батурлова «Пушной промысел в Камчатском округе». Докладчик остановился на его текущем состоянии, осветил вопросы организации охоты и звероводческого хозяйства.

18 ноября «налёт» легкокавалеристов на радиостанцию обнаружил там грязь, разлитое горючее, ржавеющие инструменты и ненормальную зарплату: «ученик и механик получают одинаково».

19 ноября в клубе в торжественной обстановке подписан договор между правлением АКО и окружкомом ВЛКСМ о передаче последнему Кихчикского крабо-рыбоконсервного завода. Это и был тот самый «комсомольский ударный завод-школа», о котором речь шла на «историческом» заседании окружкома от 30 сентября. Он должен был объединить три производства: крабовый, консервный и утилизационный заводы, почему АКО присвоило ему название: «Комсомольский рыбопромышленный комбинат». Общество, подошедшее к организации комбината «по-большевистски», мечтало превратить его ни много ни мало «в высшее учебное заведение, готовящее кадры по всем отраслям промышленности».

На пост директора выдвинут начальник организационного штаба Леонид Люцифер. Решено отправить с первым парходом на материк двух членов штаба для вербовки и подбора комсомольцев и «лучшей части беспартийной молодёжи».

23 ноября принято обязательное постановление горсовета «О мероприятиях по борьбе со скарлатиной». Петропавловск объявлен «неблагополучным» по этой заразе. Всем горожанам следовало немедленно сообщать в окрздрав и санитарному врачу о заболевших и «подозрительных».

Больные, «кои у себя дома не могут быть надлежаще изолированы», обязаны проходить установленную госпитализацию. Лица, в доме которых имелись заболевшие, лишались права выезда на побережье и в глубь Камчатки без визы санврача. Виновные в нарушении облагались сторублёвым штрафом. Постановление действовало по 31 марта 1931 г.

25 ноября рабочий типографии Ключков выступил с предложением «по примеру предприятий материка создать революционный производственно-колхозный трибунал... при нашей окружной газете “Полярная звезда”». Такие «трибуналы» уже действовали на некоторых предприятиях в центре страны, подтягивая отстававших и требуя от рабочих и администрации «взять большевистские темпы в работе». Они были призваны способствовать выполнению первого советского пятилетнего плана за четыре года повышением производительности труда и борьбой с прогульщиками, рвачами и лодырями.

Открылась декада обороны страны с весьма насыщенной программой. В десять утра все осоавиахимовцы и сандружина Красного креста собрались у здания окружкома, откуда двинулись на площадь Свободы. Здесь начался митинг. В этот же день Красный крест провёл «кружечный сбор», а вечером состоялся кинопоказ. Его предварил двадцатиминутный доклад о задачах обороны страны. С 26-го по 28-е число проходили сборы средств от граждан по подписным листам, 29 ноября по ячейкам состоялись вечера, посвящённые памяти покойного наркомвоенмора М. В. Фрунзе, а 30-го — детский утренник с беседой о Красной Армии.

Вечером 30 ноября состоялся вечер воспоминаний, посвящённый гражданской войне, после него показан фильм. С 25 по 30 ноября работал тир. Завершилась декада 5 декабря стрелковыми соревнованиями. Победителям достались неплохие призы: отрез на костюм и две библиотечки.

1 декабря на основании постановления президиума окрисполкома от 26 ноября введены новые нормы распределения дефицитных товаров. Теперь в трёхдневный срок горожанам следовало перерегистрировать продовольственные книжки и карточки в выдавших их организациях. Здесь для этого были назначены специальные лица. Они записывали в продуктовой книжке фамилию, имя и отчество владельца, место его работы и категорию снабжения (I — грузчик; II — рабочие других специальностей; III — восточный рабочий; IV — служащий), состав семьи, в том числе иждивенцев, начиная с тринадцатилетнего возраста, членов и не членов профсоюзов. Отмечались и дети, отдельно до трёх, от трёх до восьми и от восьми до двенадцати лет. Эти сведения заверялись чёткой подписью уполномоченного и скреплялись печатью. Одновременно с перерегистрацией списки получателей продуктов передавались в горсовет.

Петропавловский кооператив известил, что с сегодняшнего дня начинает выдачу квартальной нормы мануфактуры и месячной нормы других товаров и продуктов. Желающим получить следовало предоставить перерегистрированные продовольственные книжки. Очередность выдачи: 1 и 2 декабря — группомы № 3 и 4 совторгслужащих (окрфинотдел, Госбанк, сберкасса, суд, милиция и таможня), 3-го и 4-го — типография и связь; 5-го и 6-го — просвещенцы и прочие.

2 декабря с пароходом «Томск» в адрес «Союзкино» прибыли шестьдесят четыре новых фильма. В ближайшее время в прокат выходили «Бухта смерти», «Белый всадник», «Чужой берег», «Панук», «Твой друг», «На повороте», «Человек в ливрее» и прочие.

Желающий освоить работу на пишущей машинке просил сообщить ему условия возможного обучения по адресу: улица Партизанская, дом № 24.

4 декабря Осоавиахим устроил вечер с «разнохарактерной» программой. В нём приняли участие «лучшие силы города» и любители из числа недавно приехавших в Петропавловск. Работал буфет, играл духовой оркестр. Прошёл сбор средств «на усиление средств декады обороны страны».

8 декабря школьники четвёртой группы «А» школы-семилетки отчитались о средствах, собранных на постройку дирижабля «Тихоокеанский пролетарий». Они внесли на это дело тридцать рублей. Первым откликнулся школьник из бедняцкой семьи селения Сероглазка Г. Крупенин, давший рубль и пятьдесят пять копеек. Вот с кого надо было брать пример! Вся же четвёртая группа «А» вызывала на соревнование четвёртую группу «Б» и обе третьих.

12 декабря в переполненном зале окружного суда слушалось уголовное дело по обвинению группы моряков во главе со старшиной-китайцем с фрахтованного АКО шанхайского парохода «Нэнси Моллер» в истязании и пытках кочегара Ле Фа и мальчика Уан Тин Га. «За барьером, справа от судей, обвиняемые Тю Уа Зан, Ча Сам Бо и А Гын. Типичные кретины с лицами заядлых посетителей опиумокурилок и тёмных таверн Шанхая...» От издевательств в ночь с 4 на 5 ноября младший кочегар Ле Фа выбросился за борт. На следующий день его тело подобрали на берегу. Одновременно с ним жестокой пытке был подвергнут пароходный уборщик Уан Тин Га. Обоих обвинили в краже двухсот иен из каюты старшины Тю Уа Зан.

Заключительное заседание суда затянулось до поздней ночи, но народ не расходился. Все скамьи и проходы были заняты. Особенно много присутствовало «восточников», с неослабевающим интересом следивших за процессом. Наконец поздно ночью был зачитан приговор. Главный обвиняемый — Тю Уа Зан — приговорён к пяти годам принудительных работ с зачётом предварительного заключения. Второй обвиняемый — Ча Сам Бо — к двум, а третий — А Гын — к полутора годам принудительных работ. Одним словом, и эти шовинисты получили по заслугам.

14 декабря объявлено о предстоящей постройке в городе кинотеатра. Местное представительство «Союзкино» по договоренности с заместителем председателя правления АКО А. А. Кривошеевым приступило к составлению ориентировочного проекта

и сметы. Предполагалось, что кинотеатр будет вмещать пятьсот человек. Его просторное фойе намечали разделить на две части. Первая — для ожидающих начала сеанса, вторая — для «культурного проведения времени». Готовые смету и проект планировалось рассмотреть на заседании президиума облисполкома, где и решить окончательно, кто будет участвовать в строительстве и кому готовый кинотеатр будет передан в эксплуатацию. По предварительным данным, стройку намеревались начать весной 1931 г. и завершить к празднованию четырнадцатой годовщины Октябрьской революции, то есть к 7 ноября.

Пока же основной киноплощадкой оставался клуб совторгслужащих, больше пригодный для взрослой аудитории. «Союзкино» полагало, что правление клуба уделяет детям недостаточное внимание, они «не могут на большинстве сеансах бывать потому, что многие фильмы для них неподходящи». Располагая рядом детских кинокартин, а также научных и политико-просветительных, «Созкино» просило все заинтересованные в воспитании подрастающего поколения организации принять зависящие от них меры к широкому использованию этого фонда для детской аудитории.

С «Лозовским», одним из последних пароходов навигации, получена новая партия художественных и политико-просветительных фильмов. Частью они отправились в районы округа, а в городе на зиму оставлены «Красные дьяволята», «О двух заводах», «Лесные люди», «Десять миллионов», «К счастливой гавани», документальный фильм о мировой войне, «По реке Кубани», «Звенигора» и другие.

14 декабря начальник Камчатского погранотряда ОГПУ Г. Р. Коваленко и окружной военный комиссар Виноградов выступили с разъяснением порядка ношения форменной одежды демобилизованными военнослужащими. Им разрешалось донашивать все предметы обмундирования, но без знаков различия. Причиной такого разъяснения стало массовое появление в городе бывших пограничников, красноармейцев, младших командиров и сотрудников ОГПУ в шинелях, френчах, шлемах, фуражках с петлицами и звёздами. Им предложено снять их в семидневный срок. Все лица действующего начальствующего состава обязывались наблюдать за исполнением этого решения.

24 декабря ночью бушевал шторм. Он разбил два кунгаса, стоявших на Кошке у стройбазы АКО. Виновным признан заведующий технической частью Морского управления АКО Смесов, который, несмотря на штормовое предупреждение, не убрал плавсредства в безопасное место. Стихия нанесла порту Совторгфлота убыток в семьдесят тысяч рублей, разрушив склады. Правда, построены они были по принципу «тяп-ляп», без учёта климатических особенностей места. Хороши оказались и рабочие порта, отказавшиеся идти откапывать снег, чем можно было предотвратить катастрофу.

25 декабря в пять часов вечера в помещении школы, что ближе к пристани в Ковше, заседал расширенный пленум окружного Совета безбожников с участием «безбожного актива». В повестке дня: отчёт окрсовета и его довыборы, а также постановка очередных задач. После показан кинофильм. Объявление о начале работы пленума предварялось призывом: «Безбожник! Иди на пленум!»

27 декабря стартовала отчётно-перевыборная кампания горсовета. Решением окрисполкома руководителям всех городских организаций и учреждений предписано после четырёх часов дня никаких собраний, заседаний и совещаний не устраивать: это время теперь должны были занять предвыборные собрания в коллективах.

Утверждены предвыборные лозунги, отражавшие текущую политическую ситуацию и перспективы развития страны:

«Не может быть сознательных членов профсоюза, не принимающих участи в выборах Советов!» «Избиратель! 11, 12 и 13 января — выборы горсовета. Ты должен быть на выборном собрании!» «Товарищи избиратели! Стопроцентной явкой на выборы Совета дадим отпор наглым интервентам, вредителям, кулакам, “правым” и “левым” оппортунистам!» «Всю работу горсовета под контроль рабочих и трудящихся масс, под огонь пролетарской самокритики!» «Мобилизуем все силы на ликвидацию прорывов в промфинпланах второго года пятилетки!» «В ответ на попытку господ империалистов начать интервенцию против СССР решительно будем укреплять обороноспособность страны!»

Отчётно-перевыборная кампания стала хорошим поводом подвести итоги уходящего года по части развития городского хозяйства. Они оказались нерадостными. Так, строительный план горкомхоза был совершенно не выполнен, средства, выделенные на благоустройство города, не использованы. Расходы на приведение Петропавловска определены в десять тысяч рублей. Немного, но вполне достаточно для того, чтобы засыпать ямы и выровнять хотя бы одну улицу. Год простояла незавершённая ограда, вернее, одни столбы, около склада самого комхоза на улице Ленинской, часть их уже повалилась, и, вероятно, «скоро будет в печке». Для завершения забора не потребовалось бы много усилий. А если бы и так, то этим могли бы заняться плотники, привезённые весной из Владивостока некоторыми хозяйственными организациями и простаивавшие из-за недостатка материалов.

Эти плотники разместились в палатках, приткнувшись за школьным зданием у Никольской сопки. Палатки топились печками, в которых жгли, в том числе, и стройматериалы, «благо на стройбазе начальства достаточно, а охраны нет. Оно, конечно, сосновые сухие доски горят хорошо, но из чего вы будете тогда себе строить дома?»

Ссылки руководителей горкомхоза на нехватку рабочих рук были неубедительны: летом и осенью в городе скопилось значительное число сезонных рабочих. Они долгое время ждали возможности уехать во Владивосток с остановившихся после летней путины заводов АКО. Разве нельзя было их использовать? Ремонт жилых и общественных зданий проведён в минимальном объёме. Дровяные заготовки, которыми ведал горкомхоз, до момента передачи в руки АКО были, по сути, провалены. К зиме наступил очередной «дровяной голод»: запасли лишь тысячу триста погонных сажень вместо предположенных по плану двух тысяч.

Обыватели задавались законным вопросом: а чем же занимается аппарат горкомхоза, если подчинённое ему хозяйство ничего не сделало? Горкомхоз имел в своём распоряжении двадцать четыре жилых дома, электростанцию, водопровод и баню. Баня была сдана в аренду, водопровод особого обслуживания не требовал. Оставался сбор платы за жильё и электроэнергию, но и они взимались, несмотря на правительственные постановления о мобилизации средств, с большим опозданием. Никакого контроля правильного использования электроэнергии не велось.

В октябре на улице Ленинской, в самом центре города, недалеко от активно посещаемого городского клуба несколько дней валялся труп новорождённого телёнка. Собаки растаскивали его по кускам, завязывая драки. «Хорошо, хоть собаки следят за чистотой», — ворчали недовольные обыватели. «Какой же мы должны сделать из всего сказанного вывод? Очевидно, придётся сказать, что такой работе, как в горкомхозе, — грош цена».

Бытовые сложности преследовали горожан на каждом шагу. Одни жаловались на ненавязчивый сервис: «Очень дорого дерёт артель сапожников (кустарно-промышленного отдела АКО.— С. Г.) за починку сапог и другие работы. Например, за прибивку резинок к каблукам она берёт восемьдесят копеек и дороже, как ей заблагорассудится. Надо призвать сапожников к порядку, а то зарвались ребята». Другие сетовали на дороговатые услуги возчиков, бравших за доставку погонной сажени дров от Культучного озера до Ленинской улицы десять рублей да ещё накидывавших за укладку, и мечтали о введении твёрдых расценок на возку грузов. Третьи указывали на тесноту бани, работавшей только третий год, но уже давно нуждавшейся в ремонте и переоборудовании отопительного хозяйства.

Нуждался в реконструкции и водопровод, переставший соответствовать своему назначению. Мощность ключей, стекавших с сопки, теперь не удовлетворяла потребностям жителей. К тому же во время дождей и таяния снега вода сильно загрязнялась и могла стать источником различного рода заболеваний.

Начало постройки нового водопровода намечалась на 1931 г., а местный бюджет намеревался вложить в него за пять лет двести пятьдесят тысяч рублей и привлечь, кроме того, средства АКО и порта...

При написании очерка использованы материалы из фондов КГБУ ККОМ.

ГЕНПЛАН ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Семьдесят пять лет назад Петропавловск
чуть не перенесли в другое место

Удивительно, но советская власть в годы перед Отечественной войной одной рукою своих подданных уничтожала, другую же — заботилась о них, лелеяла и опекала. Не избежала этой опеки и Камчатка.

В 1930-е гг., когда ребром встал вопрос о необходимости индустриализации полуострова, первостатейное значение, естественно, придали областному центру. В 1938 г. был заключён договор между горкомхозом Петропавловска и принадлежащим Народному комиссариату коммунального хозяйства СССР ленинградским институтом «Гипрогор». Город заказал институту разработку генеральной схемы планирования. Для этого на Камчатку прибыл большой десант архитекторов, градостроителей, геодезистов и даже геологов.

Итогом почти годичной работы стала названная схема. Не стоит думать, что схема — это просто бумажный лист с абрисом будущих кварталов. На самом деле — это огромные тома, вобравшие в себя труд десятков и сотен человек, так или иначе причастных к этой нелегкой работе. Тех, кто с рейками и нивелирами лазил по городским сопкам, тех, кто занимался инженерными расчётами, проблемами будущего энергоснабжения, многими другими, на первый взгляд неприметными, но на деле весьма важными аспектами.

«Петропавловск должен стать основным рычагом в деле освоения Камчатки», — заявил тогда управляющий дирекцией Гипрогора М. И. Лебедев.

Значение единственного в те годы города полуострова как административно-политического центра разработчиками генеральной схемы не преуменьшалось.

«Партия и Правительство уделяют много внимания освоению Камчатки...»

«Петропавловск является административным центром Камчатской области, занимающей территорию в 1 153 тыс. кв. км. Население области составляет около 100 тыс. чел., или 0,09 на 1 кв. км. Чрезвычайно малая заселённость области объясняется весьма слабой степенью освоения огромных природных богатств в области, изучение которых ещё находится в зачаточном состоянии.

Ведущая по своему значению рыбная промышленность работает кустарными методами и имеет неограниченные перспективы для своего развития. Совершенно нетронуты огромные залежи ценных ископаемых (уголь, пемза и другие). Необъятные водные пространства, омывающие Камчатку, изобилуют морским зверем, добыча которого может дать большие массы самого разнообразного сырья для нашего народного хозяйства. Уже сейчас пушнина Камчатки славится по всему Союзу. Бурные горные реки Камчатки таят в себе много энергии, которая должна двигать растущую промышленность Советской Камчатки. Имеются и все предпосылки для создания сельского хозяйства, способного обеспечить полностью нужды Камчатки в сельскохозяйственной продукции. Партия и правительство уделяют много внимания освоению Камчатки...

С развитием всей области резко возрастёт роль Петропавловска как её важнейшего политического центра. Целый ряд областных учреждений, представленных в настоящее время буквально единичными работниками, разовьётся в широкую сеть учреждений, всесторонне обслуживающих и направляющих хозяйственную и культурную жизнь самых отдалённых уголков Камчатки».

Наверное, стоит поимённо назвать тех сотрудников бюро № 5 Гипрогора, которые непосредственно исполнили генеральную схему планирования Петропавловска.

Руководитель бюро — архитектор Ю. М. Киловатов, его заместитель — инженер-экономист Г. А. Каплан. Автор проекта — архитектор В. Е. Светличный, соавторы:

по архитектурной части — архитектор К. И. Бойков, по инженерно-экономическим вопросам — Г. А. Каплан, по вопросам городского транспорта — Я. С. Ротенберг. Руководитель инженерных разделов — инженер В. И. Ахутин. Авторы инженерных разделов: «Климат» — экономист Г. А. Каплан, «Геология» — инженер Линецкий, «Гидрология» — В. И. Ахутин, «Водный транспорт» — В. И. Ахутин, Г. А. Каплан, П. Л. Золотарёв, «Энергоснабжение» — инженер Р. Я. Бриль, «Инженерная подготовка территории» — В. И. Ахутин, «Вертикальная планировка» — инженер А. П. Евстратов, «Водоснабжение и канализация» — инженер И. Б. Песинсон, «Пригородная зона» — экономист Бурый, зоотехник Вишняков. Кроме того, в работе принимал участие инженер-экономист Е. Р. Стрельцов.

Общее руководство работами осуществляла дирекция Гипрогора — управляющий М. И. Лебедев, его заместитель по технической части М. И. Василевский, главный архитектор профессор Витман и главный инженер Н. Я. Бурлаков.

Петропавловск. 1930-е годы

Каким же был в предвоенные годы административный центр Камчатки?

Вновь обратимся к генеральной схеме: «Город рос и застраивался стихийно на наиболее доступных по естественным условиям местах. Раньше других возникли районы города, группирующиеся вокруг внутренней гавани — “Ковш” и образующие так называемый “Старый город”, включающий основную часть современной городской застройки.

Старый город расположен по склону Петровской сопки до семидесятой горизонтали и в седловине между Никольской и Петровской сопками — всего на площади около сорока гектаров.

Это центральная и наиболее оживлённая часть города, где размещены все портовые сооружения, а также все городские и областные учреждения.

Здесь проходит главная улица города — Ленина, являющаяся, по существу, единственной относительно благоустроенной магистралью в городе... Параллельно улице Ленина по склонам Петровской сопки разбиты ещё три улицы (Советская, Партизанская и Нагорная), соединяющиеся с улицей Ленина крутыми переулками-спусками, из которых лишь некоторые могут быть использованы для транспортной связи.

Непосредственно за портовой территорией с её складскими и прочими сооружениями организована небольшая площадь (площадь Свободы), на которой разбит сквер, вливающийся в улицу Ленина. В конце улицы Ленина, у перехода её в “Озерновскую кошку”, имеется вторая площадь, на которой расположен рынок. “Старый город” лучше и больше других районов освоен, обладает наилучшими микроклиматическими условиями и является самой парадной и живописной частью города Петропавловска.

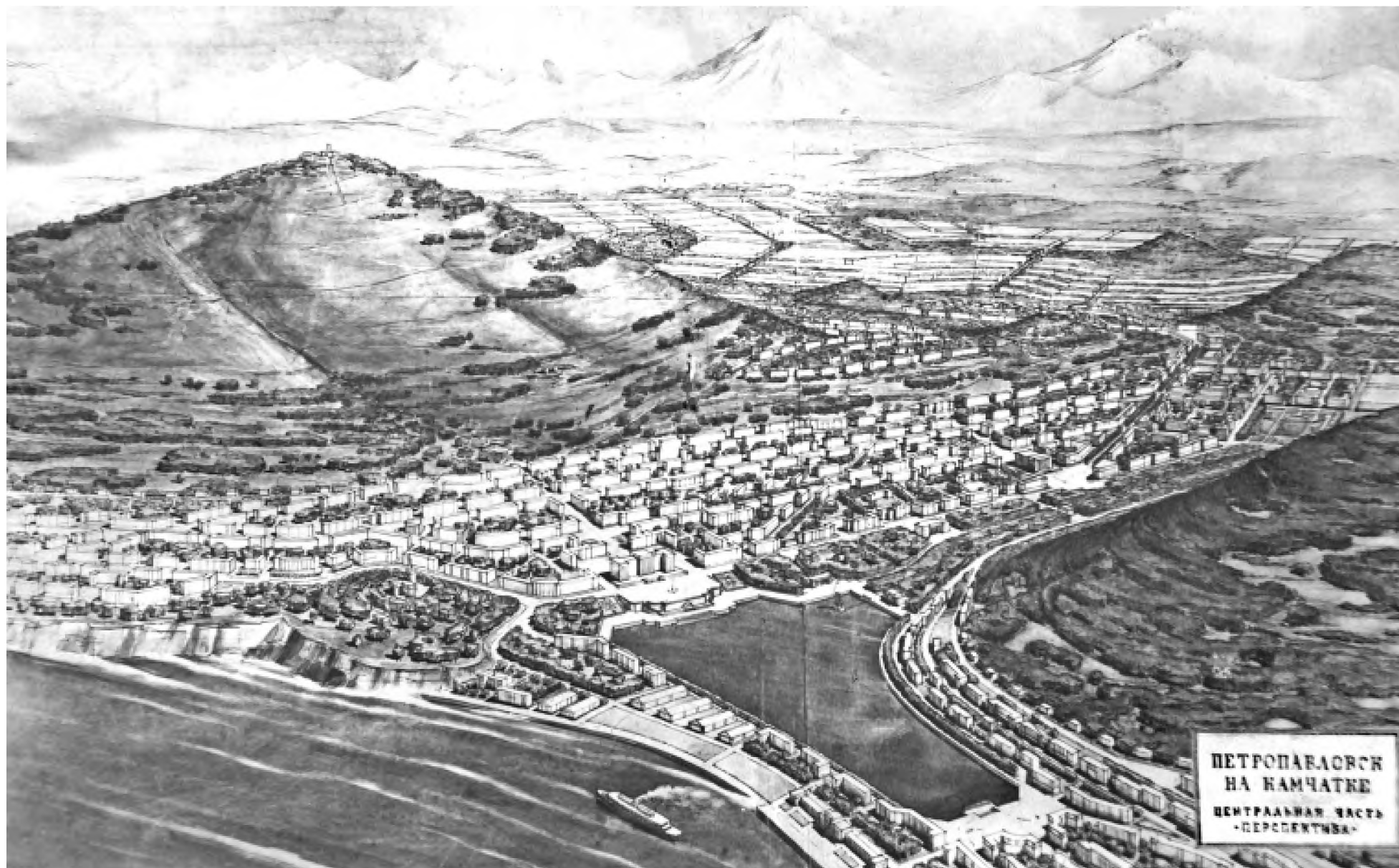
Из любой точки на склонах Петровской сопки открывается прекрасная панорама бухты — мыса Сигнального, на котором расположен парк культуры и отдыха, и окружающих бухту со всех сторон сопки с их своеобразным силуэтом...»

Далее описывался посёлок АКО, Ближний совхоз и селение Сероглазка.

Однако авторы схемы не ограничиваются восторгами окружающей природой.

«Несколько повышенный процент улиц при почти полном отсутствии площадей объясняется малыми размерами существующих кварталов. Низкий процент застройки при малоэтажном изношенном домовом фонде приводит к неэффективному использованию территорий, весьма дефицитных в условиях Петропавловска...»

Петропавловск в настоящее время — город планировочно мало организованный, деревянный, неблагоустроенный, обладающий небольшим по объёму и плохим по качеству домовым фондом... Каменных строений в городе восемь. Исключая баню, которая сложена из андезитовых камней, все остальные выстроены из песчано-цементных блоков. Допущенные при строительстве неправильности и нарушения... привели к значительным дефектам в этих зданиях и трещинам, которые без серьёзных мероприятий делают невозможной эксплуатацию некоторых из них... Средняя жилищная обеспеченность на одного жителя к началу 1939 г. была ниже полутора метров».

Вид центральной части Петропавловска по генеральному плану 1939 г. (из фондов Государственного архива Камчатского края)

Строители-вредители и прочие «враги народа»

Петропавловск на самом деле в те годы мало напоминал нормальный город. Как справедливо утверждали авторы генеральной схемы его планировки, существовавшая сеть учреждений культурно-бытового обслуживания была весьма незначительной, водопровод — примитивным, канализация отсутствовала, энергоснабжения не хватало, внутри квартальной застройки отсутствовали зелёные насаждения, общественного транспорта не имелось.

Опять прибегнем к цитированию: «Сеть учреждений культурно-бытового обслуживания... совершенно не соответствует ни быстро возрастающей численности населения, ни тем более его значению административно-политического центра Камчатской области. Но и эти существующие учреждения, за немногими исключениями, размещены в плохо приспособленных жилых домах, неудовлетворительных как по размерам, так и качеству домового фонда...

Петропавловск имеет как в старом городе, так и в АКОпосёлке примитивный самотёчный водопровод. Источником водоснабжения являются горные ключи сопки, часть которых каптируется в бетонные резервуары и по трубам спускается в водоразборные колонки. Во время забора воды парходами прекращается работа бани, а часто и городской электростанции.

Канализации в городе нет. Очистка производится конным ассенизационным обозом. Улицы не мощёные, и за исключением Ленинской лишены даже тротуаров. Улицы и подъезды размываются и на крутых склонах часто становятся непроезжими.

Транспорт общественного использования отсутствует. К концу 1939 г. намечено открыть два автобусных маршрута до поселка Халактырка и до села Елизово.

Для нужд городского хозяйства в распоряжении горкомхоза имеется транспорт гужевой и две грузовых машины».

Почему Петропавловск находится в таком бедственном состоянии? Сотрудники Гипрогора Каплан, Ротенберг, Бриль, Песинсон, Витман и другие предлагают совершенно чёткое (и наверняка понравившееся камчатским энкавэдэшникам) объяснение: «Исключительно тяжёлые жилищные условия в городе Петропавловске созданы вредительской практикой прошлых лет, сознательно тормозившей жилищно-коммунальное строительство с целью создать возрастающий с каждым годом приток населения на Камчатку и ухудшить культурно-бытовые условия проживающих там трудящихся».

Мы не знаем, скольких камчатцев после этих чеканных строк расстреляли, скольких утопили в Авачинской губе и скольких отправили в концлагеря. Но нет смысла сомневаться в том, что гипрогоровское «объяснение» не прошло даром.

Куда строить дальше?

«Перспективы развития Петропавловска, — пишут авторы генеральной схемы планирования, — на период ближайших десяти-пятнадцати лет тесно связаны с возможностью оборудования здесь первоклассного порта... Не будет преувеличением сказать, что благодаря своему порту Петропавловск должен стать основным рычагом в деле освоения всей Камчатки.

Вместе с тем, однако, развитие Петропавловска, диктуемое народно-хозяйственными задачами, упирается в ряд трудностей. Так, перспективный рост населения до 105 тыс. чел. (в настоящее время около 25 тыс. чел.) потребует значительных территорий для жилого, коммунального и промышленного строительства.

При существующей застройке на площади около 100 га проектная городская территория должна возрасти в десять раз. Между тем, территории, пригодные для строительства в районе Петропавловска, весьма дефицитны... Прибрежные территории, наиболее ценные для промышленной и жилой застройки, несмотря на относительно большую протяжённость береговой линии, почти везде для застройки непригодны, так как почти повсюду образуют скалистые обрывы высотой до ста метров, либо заболоченные и затопляемые во время прилива участки, как, например, районы речки Поганки, Озерновской косы и бухты Сероглазки.

Эта чрезвычайная дефицитность территорий, пригодных для развивающегося строительства, породила у местных работников мысль о выносе существующего города и всего дальнейшего строительства на новую площадку, либо в одной из других бухт Авачинской губы, либо даже вне неё.

Ввиду того, что эти предложения исходили от ряда руководящих работников города и области, было произведено обследование всех предлагаемых участков...»

Сотрудники Гипрогора отвергли варианты переноса Петропавловска и в Тарьинскую бухту (как по климатическим и ледовым условиям, так и из-за того, что уже тогда она планировалась как дальневосточный подводный форпост СССР: «В самое последнее время уже после произведённого обследования определилось назначение Тарьинской бухты для специальных целей, и вопрос использования её, хотя бы частично, для жилья или промышленного и складского строительства должен быть исключён из обсуждения»).

Варианты переноса Петропавловска в другое место не ограничивались Тарьинской бухтой — территорией современного Вилючинска. Настойчиво звучали предложения заново выстроить областной центр в районе села Елизово. Этот вариант тоже исходил из уст «руководящих работников». В числе доводов в пользу расположения здесь города указывалось на возможность организации на реке Аваче речного порта и сплава по этой реке леса для намечаемого лесокомбината. Однако оказалось, что, несмотря на наличие действительно удобных для застройки территорий, город выносить туда было совершенно нецелесообразно: «Это удалило бы город от Петропавловского порта и промышленных районов на Авачинской губе на тридцать километров. Строительство же речного порта невозможно, поскольку река Авача несудоходна. Запасы леса поблизости весьма ограничены и весьма низкого качества, пригодного к частичному использованию лишь для индивидуального строительства».

Градостроители из Гипрогора, правда, угодили пальцем в небо, рассматривая один из вариантов расширения города — в сторону нынешней судовой верфи. «Весьма настойчиво предлагалась также застройка города в южном направлении на смыкание с посёлком Судоремзавода, расположенным на берегу Раковой бухты, в шести километрах к югу от Петропавловска.

По существу, это совершенно обособленный крупный посёлок, приобретающий значение сателлита Петропавловска... Связь посёлка с Петропавловском осуществляется по дороге, вливающейся в улицу Ленина, в южном конце её. Дорога эта плохая, неблагоустроенная, проходящая по очень трудному рельефу, местами недоступная для проезда. Столь плохие условия связи весьма важного населённого пункта с областным центром и Петропавловским портом сделали совершенно актуальным благоустройство этой дороги, и в 1940 г. намечено закончить уже начатые работы по новой трассировке этой дороги и шоссированию её.

Однако и новая трасса проходит по весьма тяжёлому рельефу, делающему невозможной застройку г. Петропавловска в южном направлении, на смыкание с посёлком Судоремзавода. Застройка в этом направлении может быть осуществлена лишь на нескольких небольших площадках, разорванных между собой крутыми перевалами и паадьми».

Правда, не прошло и двадцати лет, как Петропавловск слился с посёлком судовой верфи. Но серьёзные работы по расширению города на юг начались лишь в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

Исключили ленинградские градостроители и возможность развития города в восточном направлении: «Помимо отдалённости этих территорий от основных центров трудового тяготения (порт, промышленность), исключается также по условиям заболоченности и ветрового режима (“труба”)».

Камчатский десант Гипрогора пришёл в выводу, что единственным направлением для развития Петропавловска является северное: «Здесь за сопкой Мишенной расположены наиболее благоприятные по рельефу и прочим естественным условиям ближайшие к существующей городской застройке территории... Освоение этих территорий позволяет расположить компактно город вокруг сопки Мишенной и соединить с городом растущие посёлки — Сероглазку и Ближний совхоз. При таком

решении получается наилучшее обслуживание жилмассивами промрайонов, местоположение которых в основном определено требованиями обеспечения их морским транспортом».

Кольца по-московски

«Располагаясь на склонах живописных сопок, — поэтически мечтают градостроители, — на берегу огромной бухты, окружённой прекрасными горными ландшафтами с дымящимися вулканами, Петропавловск имеет все возможности стать по мере своего роста одним из красивейших городов Советского Союза.

Решающей естественной доминантой в районе проектной городской черты является сопка Мишенная, поднимающаяся высоким куполом к северу от существующего города...

План нового города решён в виде широкого кольца, опоясывающего со всех сторон склоны Мишенной сопки. С юга это кольцо включает в себя существующий АКО-посёлок, с востока — жилой посёлок Совхоза, и с запада — село Сероглазку. Основной жилой массив города расположен на обширном плато к северу от Мишенной сопки».

Ленинградские архитекторы считали, что склоны Мишенной сопки от посёлка АКО до Сероглазки нужно было исключить из городской застройки. «Однако, имея в виду, что этот район вплотную подходит к промышленному комплексу, расположенному на берегу бухты Сероглазка, и, считаясь с необходимостью в условиях петропавловских снегопадов максимально приблизить жильё к промышленности, на этом склоне и вокруг всей бухты Сероглазка организован район индивидуального строительства для промрабочих».

Так как сама композиция городского плана представляла широкое кольцо, то и основную схему городских транспортных магистралей хотели решить в виде двух широких колец: «Первое кольцо проходит среди жилых массивов по улице Микояна (нынешней Ленинградской. — А. П.), затем на север вдоль Елизовского шоссе, затем на запад к Сероглазке и, прорезая весь индивидуальный район, возвращается на юг к улице Микояна.

Второе большое кольцо проходит через улицу Ленина мимо порта в старом городе, по восточному берегу Култучного озера, далее на восточный промрайон, затем по новой магистрали на запад к промышленному комплексу Сероглазки, далее по низу индивидуального района на юг через промышленно-складской район на западном берегу Култучного озера и обратно к улице Ленина.

Остальная уличная сеть встроена в эти два основных кольца и только на севере имеет характер, подчёркивающий возможное для дальнейшего развития города направление — вдоль транзитной магистрали Петропавловск — Елизово».

Рельеф определяет застройку

Чрезвычайно сложный и хаотический рельеф вызвал довольно сложное начертание уличной сетки с большим количеством криволинейно очерченных улиц, диагональных подъёмов и узких кварталов неправильной формы. Петропавловск нельзя было планировать ленинградским квадратно-гнездовым методом.

«Однако, — считают авторы генплана, — несмотря на исключительно сложный рельеф, почти все без исключения улицы получились проезжими, с нормальными для автотранспорта уклонами. Для достижения этой цели в проекте устранены все улицы, пересекающие под прямым углом магистральные направления, идущие вдоль горизонталей».

Жилфонд конца 1930-х гг. был оценен сотрудниками Гипрогора как малоценный. В городе тогда насчитывалось всего восемь каменных зданий.

«Дальнейшая застройка города деревянными зданиями совершенно нецелесообразна и может быть допущена лишь как вынужденная мера на ближайшие год-два, но никоим образом не как преобладающий тип строительства».

Генеральная схема планировки г. Петропавловска-Камчатского, разработанная институтом «Гипрогор» Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР, г. Ленинград, 1939 г. Масштаб 1 : 5 000 (из фондов ГАКК)

Центральная часть г. Петропавловска-Камчатского и Култужное озеро, проект 1939 г.
(из фондов ГАКК)

Каменное строительство в Петропавловске, по мнению градoproектировщиков, могло основываться на использовании местных материалов.

«Хозяйственно-политическое развитие Камчатки предусматривает в дальнейшем организацию железной дороги, и в первую очередь железнодорожной магистрали Петропавловск — Усть-Большерецк. Сложный профиль железнодорожной трассы, особенно на перевальных участках, делает целесообразным проектирование электрифицированных железных дорог».

Строительство первой очереди

«Ближайшие годы явятся для гор. Петропавловска годами развёрнутого строительства новых промпредприятий, жилья и социально-культурной сети. Резкое отставание городского строительства за последние годы — последствия вредительства — должно быть ликвидировано возможно быстрее. Темпы строительства жилья должны быть рассчитаны на обеспечение минимально необходимой жилплощадью как вновь приезжающих кадров рабочих и специалистов, так и современного населения, живущего в весьма тяжёлых жилищных условиях — меньше двух метров жилплощади на жителя...

Население города в ближайшие годы будет продолжать интенсивно расти, главным образом, за счёт строительства и введения в эксплуатацию новых предприятий. Кроме того, значительный приток населения обусловлен строительством ряда техникумов (при большом проценте иногородних учащихся) и увеличением числа транспортных и строительных рабочих...»

Из всех генпланов советских лет план 1939 г. можно назвать самым продуманным и самым приемлемым. То, что мы сегодня можем назвать его недостатками — для того времени большие достижения. Нужно не забывать, что и уровень градостроительства, и техническое оснащение тогда были совсем иными. Следует помнить и о том, что государственные экономические приоритеты тогда были расставлены по-иному.

Снизить поголовье чиновников на душу населения

«С развитием всей области резко возрастёт роль Петропавловска как важнейшего политического центра её. Целый ряд областных учреждений, представленных в настоящее время буквально единичными работниками, разовьётся в широкую сеть учреждений, всесторонне обслуживающих и направляющих хозяйственную и культурную жизнь самых отдалённых уголков Камчатки», — писалось в разделе, посвящённом значению Петропавловска как административно-политического центра.

В 1938 г. в областном центре было 1 200 служащих различного пошиба, в том числе в административных управленческих учреждениях — 250, в хозяйственных и кооперативных учреждениях — 650, в общественных организациях — 150 чел. Столько же относилось к разряду «прочих и неучтённых». Таким образом, плотность чиновников на душу петропавловского населения составляла десять человек на тысячу жителей.

«В связи с систематической реализацией и улучшением управленческого аппарата при областном росте контингентов число их по отношению ко всему населению будет снижаться», — прогнозировали авторы генеральной схемы. Когда население Петропавловска достигло бы 350 тыс. чел., на город наличествовали бы 2 000 чиновников — то есть шесть голов на тысячу жителей. Интересно, каково сейчас процентное соотношение «работников областных учреждений» (с поправкой на нынешнее существование края, а не области) по сравнению с народонаселением?

«Культур-мультиур»

В 1938 г. в Петропавловске наличествовали три учебных заведения областного значения — педучилище, фельдшерская школа и школа политпросвета. Контингенты учащихся характеризовались следующими цифрами: педучилище — 84 чел.

Район современных улиц Ключевской, Ленинградской и Комсомольской площади

Эти трудности усугубляются окончательно фактическим условием связи Камчатки с другими районами СССР: до полного отсутствия сухопутной связи с ними, Камчатку часто называют "островом".

Использование же морского транспорта как для авиации, так и внутривластного сообщения, несмотря на ее немаловажную протяженность береговой линии, осложняется рядом факторов естественно-географического и исторического порядка. Морской режим в обширных областях моря, частые и сильные штормы и туманы, отсутствие не только оборудованных портов, но даже и на некоторых побережьях, естественных бухт-убь и т.д., что вынуждает производить все грузовые работы на рейде, недостаточная обеспеченность в береговой полосе водой, необходимость для судов брать в оба конца запас топлива - все это делает условия навигации в Камчатских водах действительно таковы.

Водочный завод.

Отсутствием местного винокуренного производства, вызывает завыс с материалами спиртоводочных заводов в больших размерах. Это обстоятельство, наряду с необходимостью предосторожности для сохранения убо в конце третьей пятилетки местной сырьевой базы для винокуренного производства, позволяет местным организациям предусмотреть постройку винокуренного завода в Камчатском районе.

Учитывая, что Петропавловск является наиболее концентрированным потребителем (более 50% ввоза 1938 года), а также наиболее удобно связан с другими районами области, целесообразно возвести здесь водочно-разливочного завода с лицензией на вывоз при заводе спирта на Камчатку винокуренного завода.

Транспортные выгоды от организации в Петропавловске этого производства вытекают из существующей таблицы ввоза с материка на Камчатку на 1938г.

С и в р т	118
Водочные заводы	114
Виноградни, вино.....	685

При организации водочного винокуренного завода следует учитывать возможность развития работ виноделия в области, и при необходимости вывоза вина из области в другие районы Камчатского края. Виноделие является одним из основных видов виноделия в области, особенно в последние годы, и является одним из основных источников дохода для населения.

Фрагменты титульного листа и отдельных страниц генплана г. Петропавловска-Камчатского (из фондов ГАКК)

(готовило учителей начальных школ), школа политпросвета — 72 чел. (обучала ведущих клубами и библиотеками), фельдшерская школа — 50 чел. (выпускала фельдшеров и акушеров).

Кроме этого, в Корякском национальном округе было своё педучилище на тридцать два учащихся, но отношения к областному центру оно не имело.

«Дальнейшее освоение Камчатки, рост её населения и развитие промышленности потребует значительных контингентов квалифицированных кадров, подготовку которых целесообразно уже в настоящее время организовать в гор. Петропавловске. В первую очередь должны быть организованы рыбный и морской техникумы. Для существующих школ (педагогическая, медицинская и политпросветительная) должны быть построены специальные здания, обеспечивающие их дальнейшее развёртывание.

В дальнейшем, по мере быстрого заселения области и роста культурного уровня населения, в Петропавловске возникает ещё ряд техникумов (финансово-экономический, музыкально-художественный, строительный и другие).

Из вузов на проектный срок следует предусмотреть педагогический институт со специальными отделениями для нацменьшинств на базе учительского института, который намечается уже в ближайшие годы...»

Планировалось, что в будущих средних и высших учебных заведениях будут созданы три тысячи мест.

«Сюда следует ещё добавить научно-исследовательские кадры, которые будут заняты в Камчатском отделении Тихоокеанского института рыбного хозяйства, которое впоследствии разовьётся в самостоятельный институт (ныне КамчатНИРО. — А. П.), а также других исследовательских учреждений».

Водные ворота Камчатки

Число работников, занятых в навигационный 1938/1939 г. на петропавловском водном транспорте, при запланированном грузообороте в 297 тыс. т, составило: по АКОфлоту 470 чел. (на десяти пароходах — «Орочон», «Ительмен», «Чавыча», «Сима», «Эскимос», «Якут», «Щорс», «Чапаев», «Колыма» и «Максим Горький»); в порту — 868 чел. (из них 452 грузчика). Таким образом, общее число трудящихся водного транспорта составляло 1 338 чел.

«Оно соответствует той низкой производительности труда, которая обуславливается отсутствием всякой механизации в порту, а также малой грузоёмкостью и устаревшей конструкцией прикреплённых к порту пароходов. Так, ни транспортёров, ни конвейеров, ни кранов, ни автокаров, ни других механизмов, которые бы способствовали ускорению работы, в порту не имеется. Все погрузочно-разгрузочные работы производятся вручную...»

В соответствии с генеральной схемой развития Петропавловска, к концу проектного срока (15—20 лет) грузооборот порта должен был возрасти в шесть раз, а число трудящихся порта и экипажей судов — увеличиться лишь вдвое. Такое соотношение должно было учитывать проектируемую «механизацию порта, а также дальнейший ввод в эксплуатацию более мощных и совершенных по своей конструкции пароходов».

Строить и жить помогает...

В 1938 г. в Петропавловске лишь около восьмисот рабочих были заняты в городском строительстве. При этом проектное число строительных рабочих было определено в 2 800 чел. Немудрено, что «средняя жилищная обеспеченность на одного жителя к началу 1939 г. была ниже полутора метров» при норме жилплощади девять квадратных метров.

«Высокие показатели производительности труда, принятые в условиях Камчатки, исходят из характера строительства (крупноблочное)».

В постановлении президиума Камчатского облисполкома от 2 января 1939 г. говорилось: «Признать правильной принятой проектом установку на капитальную застройку города (в основном трёхэтажными домами) не менее, чем на 80 %

населения, с расположением районов капитального строительства в черте существующего города, АКОпосёлка и района, прилегающего к Елизовскому шоссе от сопки Мишенной».

Основанием для такого решения послужили следующие обстоятельства:

«1. Учитывая тяжёлые транспортные условия, применение завозного (с материка и Сахалина) леса в качестве стенового материала в городском строительстве должно быть признано с народнохозяйственной точки зрения в дальнейшем совершенно недопустимым. Использование в качестве стенового материала местной древесины также нецелесообразно ввиду ограниченности сырьевых ресурсов и меньшей эффективности (в условиях Камчатки) деревянного строительства по сравнению с каменным. 2. Каменное строительство в г. Петропавловске может базироваться на использовании местных материалов, находящихся либо в окрестностях города, либо в Петропавловском районе».

Генплану дали «зелёный свет»

Подписанное председателем оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Хабаровскому краю Гусевым 21 мая 1939 г. постановление № 651 гласило: «Представленный бригадой Гипрогора и рассмотренный экспертной комиссией оргкомитета проект планировки г. Петропавловска одобрить».

Рассмотрев и обсудив проектные материалы генеральной схемы планировки Петропавловска и детальный проект планировки первой очереди, объединённый президиум Камчатского облисполкома и Петропавловского горсовета своим постановлением № 144 решил: «Одобрить представленный бригадой Гипрогора проект и представить его на утверждение Совнаркома РСФСР...»

Президиум отметил, что «принятые проектом установки по промышленному и культурному развитию города Петропавловска соответствуют задачам быстрейшего освоения Камчатки и комплексного развития её народного хозяйства, вытекающим из решений XVIII партсъезда».

На схеме центральной части нашего города, какой она виделась ленинградским архитекторам семьдесят пять лет назад, мы видим и широкие магистрали, и продуманную перпендикулярную прокладку улиц (актуальную для снегоочистки), и озеленение, и разбитые парки...

В районе нынешнего монастыря между улицами Ленинградской и Ключевской должен был стоять огромный памятник Сталину, на берегах Култушного озера появились бы фонтаны и лодочные станции...

Кстати, нынешняя набережная озера со стороны Театральной площади словно скопирована с проекта 1939 г.

Мы видим, с какой душой и с какой ответственностью подошли архитекторы к преобразованию облика Петропавловска, как они искренне хотели превратить захолустный деревянный городок в по-настоящему прекрасный административно-промышленный и культурный центр. Жаль, что этим планам не суждено было сбыться вовремя — помешала начавшаяся полтора года спустя война. Однако очень многое из предложенного воплотилось в свет — что-то в первые послевоенные годы, что-то в шестидесятые, а что-то — и в наши нелёгкие дни.

Т. С. ЗАЙКОВСКАЯ, Е. А. ЗАЙКОВСКАЯ

ПЕТРОПАВЛОВСК, ВОЙНА, НАША СЕМЬЯ...

Наша страна готовится к празднованию семидесятилетия победы в Великой Отечественной войне. Семьдесят лет — не очень большой отрезок для жизни человечества, но для нас и этот срок уходит за границу собственных воспоминаний. Нам повезло. Наша родственница Анна Николаевна Химичева, скончавшаяся в 2013 г., очень хорошо помнила, что происходило на Камчатке в те далёкие годы с ней и её

родными. Помнила она, как переживали жители города Петропавловска-Камчатского начало войны, как работали камчатцы, отдавая все свои силы Победе, как освобождали Курильские острова от японских захватчиков её муж и братья.

Для нас — это история. И мы уверены, что история страны складывается из историй вот таких же обычных семей, как и наша. Нынешним поколениям очень важно знать живую правду о войне, не приукрашенную, как это часто бывает в художественных произведениях — литературе, кинофильмах. Хранить семейные традиции, гордиться своими родными — это тоже очень важно для человека. Мы записываем историю, чтобы наши потомки смогли испытать чувство гордости за своих предков.

Мы сумели восстановить ветви генеалогического дерева семьи с середины XIX в. Первым известным нам прародителем является крестьянин Пётр Градлев (ориентировочно 1850 г. р.). Пётр жил в селе Студенец недалеко от города Сызрань в Поволжье. Пётр стал отцом Степана (в 1876 г.). У Степана в 1900 г. родился сын Николай. Николай в 1919 г. женился на крестьянке из своего села Евдокии Чижовой. По её линии также известен её дед Василий Чижов (середина XIX в.) и отец — Иван Чижов.

У Николая Градлева и Евдокии Чижовой родилась Анна (которой посвящена основная часть нашего рассказа) и ещё пятеро детей — Иван, Алексей, Александр, Клавдия, Виктор. Анна Николаевна дала жизнь двум детям — Станиславу и Валентине. Пятьдесят лет прожила она с мужем — Фомой Захаровичем Химичевым.

Когда Анне исполнилось шестнадцать лет, отец Николай по вербовке в Акционерное Камчатское общество (АКО) приехал на Камчатку и вызвал следом всю семью — жену Евдокию и пятерых детей. Анна из них была самая старшая, она родилась 7 февраля 1920 г.

Из рассказа Анны Николаевны: «Ехали на Камчатку долго — поездом из Сызрани около десяти дней добирались до Владивостока. Приехали во Владивосток — деньги уже были на исходе. Мама — деревенская женщина, всего боялась, я как самая старшая пошла в управление АКО во Владивостоке просить, чтобы нас направили на пароход, следующий до Петропавловска. Народу в конторе было несметно, не пускали меня, отталкивали. Но каким-то чудом пробилась до начальника. Документов у меня не спросил — показал фотографии: “Который твой отец?” Когда показала — написал записку, по которой мне и выдали билеты.

Несколько суток морем шли до Петропавловска. 6 июня 1936 г. прибыли в морской порт Петропавловск. Поселили нас в районе Копай-города. Тогда ещё не было и Копая даже — только огромные парусиновые палатки, в них селили по несколько семей. Помнится, ветер дует сильный, а палатки раздуваются. Хоть и июнь месяц, в палатках этих было совсем не тепло».

В 1937 г. рядом с Копай-городом в посёлке Индустриальном (тогда не входившем в состав Петропавловска) была построена школа, впоследствии названная именем Пушкина. В эту школу пошли учиться бабушкины младшие братья и сестра. А самой ей пришлось начать трудиться — семье приходилось очень тяжело.

Началась трудовая жизнь Анны очень рано. Семья устроилась в палатке, отец начал болеть. Кто-то посоветовал Анне пойти в Петропавловск — там набирали работников для детского летнего лагеря АКО в селе Коряки. Добирались в те времена до центра на барже, потому что от палаточного поселения в районе Копай-города до самого нынешнего центра города рос дремучий лес, а Зелёная Роща была именно настоящей непроходимой чащей.

На работу Анну приняли поваром в столовую. «А кто же тебя научил готовить?» — спрашивали мы. — «Да мама моя и научила. Она ведь в Студенце ещё была известна как лучшая хозяйка. Её хлеб славился на всё село. Таких пышных и вкусных хлебов никому не удавалось испечь. Продуктов было очень мало, питались в основном картошкой, капустой. Морковь, репа — это уже деликатесы были. Но мама Евдокия умудрялась готовить из этого очень вкусно».

Здесь, в пионерском лагере, познакомилась Анна со своим первым мужем — Андреем, который тоже работал поваром. Прожили вместе недолго — сына Станислава нажили, и развела судьба.

Работала Анна Николаевна поваром в столовой рыбного порта, кормила портовых рабочих отменными обедами. Здесь она и узнала о начале Великой Отечественной войны.

Сыну Станиславу к началу войны было всего три года. А позже у бабушки ещё и дочка родилась. Вот и пришлось Анне в тяжёлый военный 1942 г., когда появилась Валентина, перейти на работу в детский сад, чтобы быть поближе к своим детям.

Подросли немного дети, Анна продолжила работу в погранотряде поваром, кормила солдат и офицеров в столовой, потом опять трудилась в рыбном порту. Порт работал в те годы круглосуточно — там принимали и обрабатывали оборонные грузы, поступавшие от союзников, из США.

Несмотря на то, что дети в военные годы были совсем маленькими — прабабушка всегда работала, прокормить одной семьёй было очень трудно — а на её иждивении находилась ещё и её мама Евдокия.

Анна рассказывала: «На иждивенцев полагалось всего четыреста граммов хлеба. Я получала четыре карточки — одну на шестьсот граммов и три — по четыреста. Одна детская карточка отдавалась сразу в детский сад. Дочь Валентина, родившаяся в военные годы, очень сильно болела. На Камчатке, особенно зимой, не хватало витаминов — одно яблочко стоило на рынке немислимых денег. И всё же здесь было относительно благополучно — мы не голодали. Именно в военные годы на Камчатке начали активно выращивать овощи — картофель и капусту, редьку и турнепс. До этого питались больше сухими овощами.

Хотя и самим было очень тяжело, я собирала посылки на фронт: вязала варежки, носки, шила тёплые вещи для солдат, сдала все свои сбережения на фронтовые нужды. Когда начали распространять денежно-вещевую лотерею, тоже приобрела билеты. Деньги от лотереи шли в Фонд обороны — на них создавали танки, самолёты...

Выезжала я с подругами на сбор лекарственных трав и ягод в лес. Сбор дикоросов организовало бюро Камчатского обкома комсомола. В бригады брали школьников, пионеров, домохозяек, организовывались специальные группы. Сборщиков вывозили в район Пятой стройки, оставляли на несколько дней и даже на недели. Ягоды собирали в большие бочки, где они могли храниться почти без сахара очень долго. Самым замечательным сборщиком дикоросов была моя мама Евдокия — мало кто мог обогнать её в этом деле».

За труд в военные годы Анна Николаевна была удостоена наград, она была признана участником трудового фронта, ветераном войны и ветераном труда.

Два родных брата Анны участвовали в освобождении Курил. Она помнила, как мимо столовой рыбного порта (которая находилась слева от нынешнего сквера Свободы), где она работала в это время, шли колонны мобилизованных. Там она простилась со своими братьями — Алексеем и Иваном. С Алексеем — навсегда. Никому не было известно, куда отправляют десантников. Война с Японией началась 9 августа, и можно было догадываться, что десант готовится для боевых действий с японцами. Множество судов (а это были не только военные корабли, которых не хватало) заполнило не только всю акваторию Ковша, но и плотно стояли на рейде Петропавловска. Чувство тревоги не покидало в те дни Анну — она понимала, что братья могут не вернуться.

В эти же дни начали готовить госпитали для приёма раненых. Неподалеку от дома Анны на улице Красноармейской находилось японское консульство. Сюда позже привозили пленных японцев, их селили в юрты, бараки, отсюда их водили на работы. Сын Анны Станислав, которому уже было восемь лет, жалея пленных, иногда подбрасывал им из своего скудного пайка сухарик. Рассказывала Анна, как вглядывалась она в лица раненых, в поисках братьев обходя палаты госпиталя и школы, в которую тоже привозили и размещали раненых. Их было очень много, и жители города помогали, чем могли — несли еду, бельё, одежду, лекарства.

Родной брат Анны Алексей Николаевич Градлев, родившийся в 1925 г., погиб во время военных действий на Курильских островах, и имя его находится на мемориальной доске, расположенной у памятника освободителям Курил. Прадед Алексей навсегда остался в памяти родных озорным двадцатилетним парнишкой, каким его проводили в те августовские дни на корабль. Похоронка на него пришла гораздо

Алексей Николаевич Градлев
(1925—1945)

позже, а до этого были долгие дни в неведении — родные не знали, что случилось с Алексеем, почему нет никаких вестей. Он успел увидеть лишь своих племянников — Станислава и его сестру Валентину.

Второй брат Анны — Иван Градлев тоже воевал на Курилах и вернулся оттуда невредимым. Воспоминаний о том, как он воевал, к сожалению, не сохранилось. А вот его жена Ирина работала в военные годы на рыбокомбинате и рассказывала, что в то время трудились они так, что перевыполняли все нормы в десятки раз. Каждый, когда работал, думал о своих родных, ушедших на фронт, и понимал, что чем больше рыбы обработают, тем лучше смогут накормить фронтовиков.

После окончания Великой Отечественной войны Анна продолжала работать в погранотряде. В 1960—1980-е гг. трудилась в тресте «Камчатморгидрострой», потом в военной гидрографической службе. Она отличалась большим трудолюбием, исполнительностью, дисциплиной — несчётное количество грамот, благодарственных писем подтверждают это.

На отдых Анна Николаевна Химичева ушла в семьдесят лет — в её трудовой книжке не так много записей о смене работы, но очень много благодарностей.

Муж Анны Николаевны Фома Захарович Химичев (1915—2005) был призван в Красную Армию с Украины и на Камчатку прибыл ещё в мирное время, в 1933 г. По прибытию на полуостров он попал на службу в Усть-Камчатск, потом некоторое время служил во Владивостоке, но снова перевёлся на Камчатку. Служил недалеко от Петропавловска в пограничной части. Когда мы ездили с ним по грибы в район Халактырского пляжа, он показывал на ничего не значащие для нас места и рассказывал, как его — паренька из украинского села Бебехи, где речка чуть шире просёлочной дороги — потрясли суровые пейзажи побережья Тихого океана. Именно в этих краях располагалась та воинская часть, которую почти полностью мобилизовали для участия в Курильском десанте.

Ещё при жизни Фомы Захаровича мы записали его рассказ:

«Служил я в погранвойсках и по приказу командования вместе с другими сослуживцами попал с десантом к острову Шумшу. Хорошо запомнил этот день, 18 августа — три дня назад мы с друзьями отметили моё тридцатилетие. И когда начался бой — подумал, было, что закончится моя жизнь на круглой цифре. Но родился я, видимо, в рубашке. Видел, как гибли мои товарищи, когда началась высадка десанта. Моя воинская специальность была очень мирной — пекарь, и мне приказали с корабля не высаживаться. Всё, что происходило на берегу, я видел очень хорошо. Многие десантники не добежали до суши — в океане плавали тела погибших моряков».

Фома Захарович очень редко говорил о войне. Надевал он пиджак с наградами только в День Победы и отправлялся на парад. Он был очень скромным, никогда не выпячивал своих заслуг перед Родиной. Конечно, он не был генералом — просто рядовым. Может быть, он даже и не стрелял во врага — ведь он пёк хлеб для бойцов, но и этот труд — его вклад в Победу. Фома Захарович Химичев был награждён за участие в Курильском десанте орденом Отечественной войны 2-й степени, сохранилась в семейных документах и благодарность Верховного Главнокомандующего, выданная 10 июля 1946 г.

Биографии Градлевых и Химичевых — часть военной истории и нашей Родины, и Петропавловска.

Фома Захарович Химичев справа в первом ряду. Камчатка, конец 1930-х гг.

Фома Захарович и Анна Николаевна Химичевы, начало 1980-х гг.

КТО КУПИЛ БИЛЕТОВ ПАЧКУ...

В октябре 1990 г. в Петропавловске-Камчатском прошла самая масштабная денежно-вещевая лотерея. 17 октября камчатская столица отметила своё 250-летие. Заключительным аккордом масштабных по тем временам торжеств, продолжавшихся несколько дней, стал розыгрыш денежно-вещевой лотереи, посвящённой юбилею города. Лотерея такого уровня впервые проводилась в областном центре, а сам розыгрыш длился три дня — с 24 по 26 октября 1990 г. Ни до, ни после этого (вот уже почти четверть века) ничего подобного по уровню организации, размаху, количеству выигрышей на Камчатке не проводилось. Достаточно сказать, что лотерейных билетов было выпущено почти вдвое больше, чем на тот момент составляло население областного центра.

Предистория

Лотерея такого уровня, естественно, начала готовиться задолго до юбилея. Как, впрочем, и он сам. Так, например, ещё в начале июля 1988 г. (то есть почти за два с половиной года до события!) распоряжением исполнительного комитета Петропавловск-Камчатского городского Совета народных депутатов была образована постоянная рабочая группа «по подготовке г. Петропавловска-Камчатского к 250-летию со времени основания» [1]. Группа, созданная при горисполкоме для разработки организационно-технических мероприятий и координации работ по подготовке города к юбилею, насчитывала восемнадцать человек. Возглавлял её заместитель председателя горисполкома В. Г. Малинин, а его заместителями были председатели Октябрьского — Н. Р. Задорожный и Ленинского — Н. Д. Костюк райисполкомов (город тогда ещё был разделен на два района — Октябрьский и Ленинский).

В ходе проработки всех юбилейных вопросов и возникла идея организации масштабной денежно-вещевой лотереи. Она начала оформляться в реальность уже во второй половине 1989 г. И ей, естественно, предшествовала громадная работа: в эпоху тотального дефицита, который уже захлестнул страну и Камчатку в 1989—1990 гг., все фонды на товары приходилось «пробивать» исключительно через Москву. Да и само разрешение на проведение такой лотереи можно было получить только в столице СССР.

В конце ноября 1989 г. Совет Министров РСФСР принял распоряжение № 1061-р «О проведении денежно-вещевой лотереи в 1990 г., посвящённой 250-летию г. Петропавловска-Камчатского». Лишь после правительственного решения дело закрутилось на территории, хотя заранее стало известно о том, что предложению властей Петропавловска по проведению лотереи уже, как говорится, «дан ход», а решение Совета Министров подготовлено на подпись. Так, уже 16 октября 1989 г. распоряжением исполкома горсовета была создана организационная комиссия по проведению лотереи в составе семи человек. Её возглавил заместитель председателя горисполкома Ю. Е. Карнаухов, а в состав вошли, в частности, начальник областного управления Сбербанка П. И. Рогозин, заведующая финотделом горисполкома В. Н. Распопова, заведующая отделом торговли горисполкома Д. В. Иванцова [2].

Эпоха тотального дефицита

Конец 1980 — начало 1990-х гг. — эпоха тотального дефицита. В Петропавловске уже частично действует талонная система на некоторые виды товаров. Буквально накануне розыгрыша лотереи принимается решение о введении талонов даже на бензин. У населения есть деньги, а вот купить на них практически нечего. Чтобы понять, насколько ценными и необходимыми были тогда товары первой (да и не первой) необходимости, нужно окунуться в ту эпоху. Вот что писала газета «Камчатский комсомолец» в 1990 г.: «Начало февраля этого года ознаменовалось новым, точнее, хорошо забытым старым порядком организации торговли некоторыми дефицитны-

ми товарами. Нетрудно догадаться, о чём идёт речь. Да, об очереди по записи. Шесть магазинов объединения “Промтовары” взялись за это рискованное и хлопотное дело — “Электрон”, “Мелодия”, “Стройматериалы”, мебельные магазины на 8-м километре и СРВ и “Спутник”» [3].

По записи продавались так называемые товары длительного пользования — пылесосы, холодильники и морозильники, стиральные машины, цветные телевизоры, мебельные стенки. В свободной продаже их просто не было. Вот как обстояло дело в конце июня 1990 г. В магазине «Электрон» на пять наименований — пылесосы, двухкамерные холодильники, морозильники, малогабаритные стиральные машинки и машинки «Сибирь» или «Вятка» записалось семьдесят семь тысяч человек, то есть почти треть населения города! Продано же со времени начала записи было сто семьдесят шесть морозильников, шестьсот двухкамерных холодильников, три с половиной тысячи машинок «Сибирь», по семь тысяч пылесосов и простых холодильников. В «Стройматериалах» на эти же виды товаров «стояли» почти двадцать три с половиной тысячи человек. Продано по записи пятьсот стиральных машин, двести холодильников, две тысячи пылесосов. В магазине «Мелодия» в очереди на большие цветные и малогабаритные чёрно-белые телевизоры было записано свыше тринадцати тысяч, осчастливить же удалось только четыреста человек. По восемнадцать тысяч горожан числились в очередях на стенку «Берёзка» в мебельных магазинах на СРВ и на 8-м километре. Судя по темпам продажи мебели, стоять им пришлось бы как минимум двадцать лет.

Понятно, что многим тогда ни холодильники, ни стиральные машины с телевизорами, ни мебельные стенки были особо не нужны. Но народ, если подходила очередь, всё равно брал их. Деньги ведь куда-то надо было пристроить, а дефицитный товар потом можно было перепродать подороже. В крайнем случае, продавали саму очередь. И становились в неё снова...

Билеты и выигрыши

Через полтора месяца после появления министерского распоряжения отдельное решение «Об организации продажи билетов денежно-вещевой лотереи, посвящённой 250-летию г. Петропавловска-Камчатского», было принято на заседании исполкома горсовета (№ 93 от 18 января 1990 г.). В нём всё уже, можно сказать, было разложено «по полочкам».

Итак, общая сумма лотереи была определена в полтора миллиона рублей при стоимости билета в три рубля. Сумма выигрышей составляла семьсот пятьдесят тысяч рублей (пятьдесят процентов от суммы выпущенных билетов). В тираже разыгрывались 4 655 вещевых выигрышей на 689 998 рублей и 1 500 денежных выигрышей на 60 000 рублей [4].

В списке нужных и полезных вещей было около сотни позиций. Телевизоры и морозильные камеры, стиральные машины и холодильники, пылесосы и швейные машины, радиоприемники и магнитофоны, палатки и резиновые лодки, электросковороды и электрочайники, мебель, столовые и чайные сервизы и многое-многое другое.

В те времена народ вряд ли так активно «клянул» бы на лотерею, если бы в ней не разыгрывались автомашины. Это, можно сказать, была её изюминка. До избытка подержанных японских иномарок было ещё далековато, а купить отечественную машину по государственной цене было практически невозможно. Такое право надо было ещё заслужить. Имелись специальные фонды, очереди, особые комиссии по распределению. Да и кто мог тогда предполагать, что скоро рухнет СССР, отгремят две непонятные «революции», на карте мира появится самостоятельная Россия, а зарплаты будут исчисляться даже не сотнями, а миллионами рублей, а уже через десять лет автомашины можно будет покупать при наличии денег хоть каждый день.

В юбилейную лотерею камчатцам предлагалось выиграть пятнадцать автомобилей, среди них десять «Жигулей», три «Москвича» и два «Запорожца», шестьдесят пять мотоциклов различных марок («Урал», «ИЖ-Юпитер», «Днепр», «Тула» — как с коляской, так и без неё), шесть десятков мопедов «Карпаты» и «Рига-24».

В список попроще входили цветные телевизоры моделей «Чайка-280Д» (тридцать штук по 755 рублей), «Рекорд-381Д» (тридцать штук по 645 рублей) и «Витязь-381Д» (двадцать штук по 645 рублей), двадцать чёрно-белых телевизоров «Сапфир»; пятьдесят холодильников «Ока» и «Бирюса»; двадцать морозильных камер; сто десять стиральных машин (от маленькой «Феи» за 60 рублей до «Вятки» за 400); восемьдесят восемь пылесосов «Циклон», «Электросила» и «Тайфун»; двадцать пять радиоприёмников по 55 и 135 рублей; тридцать пять магнитофонов по 240, 265 и 328 рублей; пятьдесят фотоаппаратов («Зенит-11» за 140 и «Киев-60 ТТЛ» за 690 рублей); шестьсот десять всевозможных, как настенных, так и наручных часов, вплоть до золотых [5].

Среди самых массовых вещевых выигрышей были те же всевозможные часы, гитары (сто штук по 55 рублей за штуку), телескопические удочки (сто — по 11 рублей), электрочайники (сто — по 9 рублей), электрокофеварки (сто — по 15 рублей), зонты мужские и женские, шали, пледы, одеяла шерстяные и пуховые, шторы тюлевые, ковры и паласы. Разыгрывались сто сорок девять ковров по 600 рублей за штуку и сотня паласов по 200 рублей.

Не много, на удивление, было мебели: всего тридцать наборов, три позиции по десять штук в каждой. Мягкий набор «Берёзка» по 700 рублей за комплект, набор для кухни «Трапеза» (300 рублей) и корпусной набор «Онега» (1 300 рублей).

Самыми «ненужными», наверное, были пианино «Аккорд» и «Элегия», аккордеон «Альтаир». Хотя, как сказать. Народ тогда был творческий и музыкальный, и такие вещи ценились. Как сегодня бывает, пианино никто на помойку не выбрасывал и бесplatно забрать не предлагал.

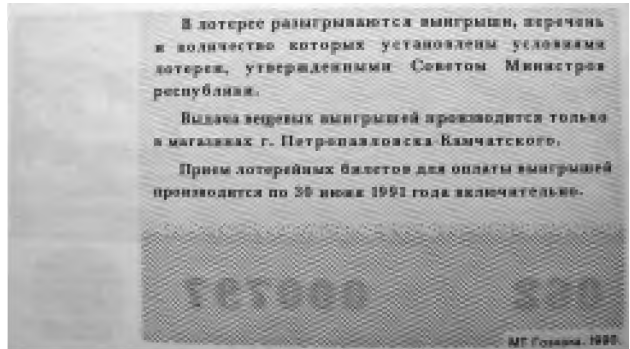
Кстати, денежных выигрышей в этой лотерее было гораздо меньше, чем вещевых — полторы тысячи (вещевых — 4 655). И размер их был не очень большой — можно было выиграть по сто, семьдесят пять, пятьдесят, двадцать пять, пятнадцать и десять рублей [5]. До сотен тысяч и десятков миллионов рублей оставалось ещё несколько лет. Но деньги тогда обесценивались стремительно. По-видимому, отсюда — и такие небольшие суммы выигрышей. Сто, семидесяти пяти и пятидесятирублёвых выигрышей было по две, а двадцати пяти, пятнадцати и десятирублёвых — по три сотни. Выиграть деньги было приятно всегда, но одна задача: в отличие от нужных товаров продать их в два-три раза дороже было невозможно.

Билет за три рубля

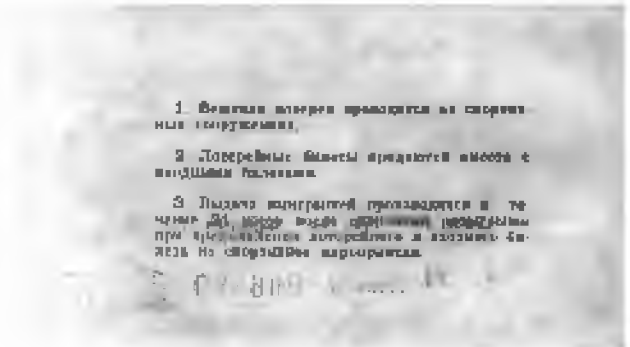
Стоимость лотерейного билета была по тем временам приличная — три рубля. Здесь стоит учесть и психологический момент: ещё несколько лет назад (в середине 1980-х гг.) билеты подобных денежно-вещевых лотерей, проводившихся в РСФСР несколько раз в год, стоили тридцать копеек (а лотереи ДОСААФ — пятьдесят). В лотерею ДОСААФ, а она проходила всего два раза в год, разыгрывали самые дорогие и престижные автомашины «Волга» — отсюда и такая «высокая» стоимость билета.

Впрочем, на трёхрублёвую стоимость билета в начале 1990 г. уже не сильно-то и обращали внимание. В воздухе витало предчувствие какого-то глобального перелома. Перестройка, гласность, ускорение, частная собственность... А тут тебе возможность всего за три целковых законно обзавестись вещью стоимостью несколько сотен, а то и тысяч рублей. Было ради чего испытать удачу. Подавляющее большинство вещевых выигрышей этой юбилейной лотереи можно было продать гораздо дороже.

Спустя почти четверть века после этих событий бывает трудно уловить некоторые детали. Например, уровень цен того времени. Три рубля за лотерейный билет — это много или мало? Надо знать реальность, а она была такова. В государственной торговле действовали твёрдые цены. Но не всё так просто можно было купить. Спиртные напитки, сигареты — по талонам, а многие продукты (крупы, масло, сахар, чай и кофе) — днём с огнём не найдёшь. Надо знать, во-первых, в какой магазин их сегодня завезут, а, во-вторых, отстоять «многокилометровую» очередь. К примеру, на винно-водочный талон в середине 1990 г. в месяц продавали в магазине по госцене две бутылки водки и одну вина. Бывало и меньше.

Билет денежно-вещевой лотереи, посвящённой 250-летию Петропавловска-Камчатского, 1990 г. (лицевая и оборотная стороны)

Билет спортивно-вещевой лотереи, проводившейся комитетом по физической культуре и спорту Камчатского облисполкома, 1990 г. (лицевая и оборотная стороны)

Билет советско-американской лотереи «Русская Америка — 250 лет», 1991 г. (лицевая и оборотная стороны)

Различные камчатские лотерейные билеты 2000-х гг. (из собрания автора)

Впрочем, все эти товары можно было купить на рынке. Но цены здесь, как говорится, «кусались». Да и народ ещё не привык к тому, чтобы за самое необходимое — тот же рис, сахар или сигареты — переплачивать втридорога. Вот, к примеру, цены на товары на рынках города (конец августа — начало сентября 1990 г.). Сигареты «Ява» и болгарские «Родопи» — два рубля, «Мальборо» — пятнадцать; водка — тридцать пять за бутылку, коньяк — сорок; кофе растворимый бразильский — тридцать, отечественный — двадцать пять; мыло импортное — три-пять, чай индийский (пачка в пятьдесят граммов) — три, лезвия импортные — от двух до пяти рублей. Продукты питания: свинина — десять рублей, помидоры и огурцы — шесть-семь рублей за килограмм; картошка — десять-двенадцать за ведро, зелёный лук — рубль за пучок, чёрная смородина — полтора рубля за стакан, шишки — целковый за «кучку». И это всё при той же копеечной стоимости электроэнергии и проезде в автобусах — две копейки за киловатт-час и десять копеек за поездку. Просто парадокс.

При этом цены не стояли на месте, а росли вместе с инфляцией и дефицитом товаров. Так, уже в октябре, когда стало ясно, что с 1 ноября 1990 г. город «сядет» на постоянные табачные талоны, сигареты на рынке резко подскочили в цене. Обыкновенная «Астра» — до трёх рублей, «Ява» — до восьми. Вот и считайте, три рубля за лотерейный билет — это много или мало? Когда две пачки «Явы» на городском рынке стоят дороже, чем электрочайник за девять рублей, но — в лотерею.

Интерес к этой денежно-вещевой лотерее, особенно в части вещевых выигрышей, с её государственными ценами хорошо иллюстрирует сообщение областного управления статистики, опубликованное в «Камчатской правде» 4 ноября 1990 г. под заголовком «Последствия товарного дефицита». Причём по иронии судьбы этот материал стоял рядом с таблицей выигрышей. Вот всего лишь несколько цифр. Государственная цена диван-кровати в августе-сентябре 1990-го была 285 рублей (спекулятивная — 900), гарнитура для кухни — 350 (соответственно, тоже 900), ковра — 600 (2 000), холодильника — 530 (1 400), электроутюга — 12 (70), автомобиля «Жигули» — 9 020 (45 000), «Москвич» — 12 181 (35 000). Даже «Запорожец» при госцене в 3 540 стоил на чёрном рынке 12 000 рублей. Разница в три-пять раз! [6]. Ради этого можно было рискнуть и купить билетов пачку...

План реализации

Лотерея по тем временам была делом серьёзным, можно сказать государственным. За провал такого мероприятия можно было серьёзно пострадать. Именно поэтому вопрос об организации продажи билетов денежно-вещевой лотереи, посвящённой юбилею города, был рассмотрен 18 января 1990 г. на заседании исполкома горсовета народных депутатов. Принято соответствующее решение.

Во-первых, утверждён план продажи билетов с распределением по предприятиям и организациям города. А, во-вторых, контроль за распространением и реализацией билетов возложен на финансовый отдел горисполкома. Что, впрочем, было понятно. Ведь половина собранной от лотереи суммы шла на нужды городского хозяйства и благоустройство областного центра.

По плану распространить пятьсот тысяч билетов, изготовленных на фабрике «Гознак», общей стоимостью полтора миллиона рублей, должны были пятнадцать организаций и учреждений. Их список, а также количество билетов и суммы продаж были утверждены решением горисполкома. Львиную долю билетов должны были реализовать, естественно, крупнейшие городские объединения. Например, «Продтовары» должно было продать 97 300 билетов на 291 900 рублей, «Промтовары» — 86 500 (259 500 рублей), «Общепит» — 65 200 (195 600 рублей). А вот почти четверть от всего количества — 119 700 штук — отдавалась на реализацию отделению Сбербанка № 611. Планируемая выручка — 359 100 рублей [5].

Такая делёжка была явно оправданной. В 1990 г. в Петропавловске насчитывалось более сорока магазинов объединения «Продтовары», среди которых был ряд крупных гастрономов, и около тридцати магазинов объединения «Промтовары». В «Промтовары» тогда входили ГУМ на ул. Ленинской и ЦУМ «Петропавловск», универмаг

«Рассвет», крупные магазины «Заря», «Богатырь», «Волна», «Прибой», «Мелодия», «Спутник», «Детский мир» на проспекте Карла Маркса. Так что реализация десятков тысяч билетов для них была посильной ношей. Отделение Сбербанка № 611 помимо головной конторы насчитывало в областном центре ещё восемнадцать филиалов. Причём, во всех концах города [7].

Сеть реализации билетов была весьма разветвлённой. Ведь кроме продовольственных и промтоварных в Петропавловске тогда работали ещё десятки магазинов. Так, двенадцать магазинов насчитывало объединение «Камчатская книга», около двадцати входило в состав Моховского рыбкоопа, шестнадцать — в состав оптово-розничного объединения «Плодоовощ». Были ещё магазины 902-го отдела торговли («Военторг»), Петропавловского горкоопторга, морского рыбкоопа, объединения «Камчатрыбпром», Торгмортранса, мебельные и посудохозяйственные, в общей сложности более ста пятидесяти торговых «точек». С учётом дирекции киносети (кассы в кинотеатрах) и киосков «Союзпечать» число точек продаж лотерейных билетов переваливало далеко за две сотни.

Чего «стоил» тогда один только петропавловский общепит! В начале 1990-х в объединение «Общественное питание» входило более шестидесяти столовых и их филиалов. Почти на каждом крупном предприятии областного центра была своя столовая. Плюс различные кафе, семь ресторанов...

В решении исполкома особо оговаривалось, что активная продажа лотерейных билетов во всех сберкассах, магазинах, на предприятиях связи при проведении массовых мероприятий должна была вестись при строгом соблюдении принципа добровольности. И это явно немаловажная деталь, если учесть, что на дворе был разгар перестройки: любое принуждение воспринималось тогда народом в штыки. Дескать, что это за «сталинские замашки»! Лицам, продающим лотерейные билеты, в соответствии с решением исполкома должно было выплачиваться вознаграждение в размере одного процента от вырученной суммы.

Снабжение предприятий и организаций билетами было возложено на отделения Сбербанка. Банк же должен был довести информацию о лотерее до населения через печать, радио и телевидение. Обеспечить выдачу всех видов вещевых выигрышей должно было управление торговли облисполкома и Облрыболовпотребсоюз.

Интересная деталь. Коллективы предприятий и организаций города могли приобрести лотерейные билеты за счёт фонда социального развития по безналичному расчёту, перечислив средства в Сбербанк № 611.

Розыгрыш

Розыгрыш лотереи состоялся в Доме культуры рыбаков и проходил в течение трёх дней. Начинали с самого малого — денежных выигрышей и всяких мелких призов — сервизов, удочек, пледов... Поэтому и народу в первые два дня было немного, в основном мужчины. В третий, и последний, день разыгрывали крупные призы — автомобили, мотоциклы, телевизоры. Эту часть действия снимало камчатское телевидение [8].

Как писала газета «Камчатский комсомолец», «представитель российского Сбербанка Антонина Бугрова купила всего три лотерейки, хотя и говорит, что камчатская лотерея много богаче, чем российская».

Интересно, что список членов комиссии по проведению тиража лотереи был утверждён именно в день начала розыгрыша, 24 октября, распоряжением исполкома горсовета (№ 334-р от 24 октября 1990 г.). Комиссия, которую возглавляла заместитель председателя горисполкома Г. В. Чаусова, состояла из пятнадцати человек, в основном работников горисполкома, финансовых органов, банков. Хотя были в неё включены, как положено, и простые граждане — технолог швейной фабрики, военнослужащий, спортсмен, медсестра [9].

Официальная таблица юбилейного для Петропавловска-Камчатского тиража выигрышей денежно-вещевой лотереи была опубликована спустя неделю в областной газете «Камчатская правда». Причём не сразу, а частями, аж в пяти номерах — 1, 2, 3, 4 и 6 ноября, накануне ещё отмечавшейся тогда 7—8 ноября годовщины Великой

Октябрьской социалистической революции. Надо ли говорить, что эти номера газет пользовались бешеной популярностью у читателей. Найти их было сложно, хотя тираж «Камчатской правды» в то время составлял около восьмидесяти двух тысяч экземпляров [10]. Одна газета приходилась на трёх жителей города, включая младенцев и стариков.

Выигравшие лотерейные билеты принимались к оплате и выдаче выигрышей до 30 июня 1991 г. включительно. После этого срока они считались недействительными, и выдача не производилась. Как и полагалось, владельцы счастливых билетов, на которые выпал вещевой выигрыш, могли, по своему желанию, получить его стоимость наличными. А вот замена одного вещевого выигрыша другим не производилась. Денежные выигрыши и деньги взамен вещей выплачивались отделением Сбербанка № 611.

Интересно, что этот срок — 30 июня, указанный как на самом лотерейном билете, так и в официальной таблице тиража, не совпадает с тем, который был обозначен в решении горисполкома от 18 января 1990 г. В соответствии с ним выигравшие лотерейные билеты должны были приниматься к оплате до 1 марта 1991 г. С чем связана такая ошибка в официальном документе, непонятно.

Выигрыши выдавали после проверки счастливых билетов Сбербанком. При этом выдача автомобилей производилась в трёхмесячный срок в той комплектации, в которой они имелись на момент получения выигрыша. И ещё деталь: «В случае снятия с производства или изменения розничной цены на автомобили владельцам выигравших билетов выдаются другие автомобили той же марки, с большей или меньшей стоимостью, с оплатой или получением разницы в цене». Вот так.

А в то же время

В тот же год в Петропавловске играли и в другие лотереи. Всё это проводилось «под крышей» празднования юбилея областного центра. На этом стремились подзаработать многие. Так, 16 сентября 1990 г. на стадионе «Спартак» состоялся концерт известного исполнителя песен Вилли Токарева, эмигранта из СССР, жившего в то время в США. После концерта была лотерея. Выигрыши обещали самые разные — от автомобиля «Жигули» до двадцатипятирублёвых сувенирных наборов. Их получили аж шестьдесят человек. Организатором лотереи выступал кооператив «Атлет» [11]. Правда, эта лотерея получила весьма нелестные отзывы в местной прессе после того как выяснилось, что в сувенирном наборе были монеты и значки, которые стоили гораздо дешевле, чем двадцать пять рублей. Но организаторы клялись, что это была, так сказать, «кооперативная цена». Вот так кооператоры тогда сколачивали свои первые капиталы.

Розыгрыши в 1990 г. на различных спортивных мероприятиях проводил и комитет по физической культуре и спорту Камчатского облисполкома. Причём билеты спортивно-вещевой лотереи имели свои номера и серии. Стоимость такого билета составляла один рубль, а продавались они вместе с входными билетами. Розыгрыш проводился прямо на стадионе после завершения какого-нибудь матча. Здесь же можно было получить и призы, в число которых входил, в частности, различный спортивный инвентарь. Маленький нюанс — выдача выигрышей производилась только в течение двадцати четырёх часов после окончания розыгрыша при предъявлении лотерейного и входного билетов. Это, кстати, одна из причин того, что найти подобные лотерейки сейчас, спустя почти четверть века, весьма и весьма непросто. Они прожили всего одни сутки...

Другие юбилеи

В последующем на Камчатке, а точнее, в Петропавловске-Камчатском, ещё неоднократно проводились различные лотереи, в том числе, и местные, но уже не с таким размахом, как в юбилейном 1990 г. Так, 23 октября 2005 г. состоялся розыгрыш призов, посвящённый 265-летию города. Его организаторами выступили администрации Камчатской области и Петропавловска. Билеты тогда вручались бесплатно, а розыгрыш проходил в прямом эфире телекомпании «Причал». Позже таблица была опубликована в газете «Экспресс-Камчатка».

В это же время была проведена и моментальная лотерея «Любимый город». Её призовой фонд составлял половину выручки, а главным призом стал автомобиль. Впрочем, большинство горожан выигрывало ручки и мелкие сувениры.

Гораздо солиднее выглядела моментальная лотерея из семейства швейцарских скрэтч-лото «Любимый город», проводившаяся, в частности, в 2010-м, в год 270-летия Петропавловска-Камчатского. При стоимости билета в сто рублей можно было выиграть товары на двести, пятьсот, тысячу рублей, лотерейный билет или сувениры на пятьдесят рублей. Следовало просто стереть защитный слой в пяти игровых полях. Билет оказывался выигрышным, если одна и та же надпись совпала в четырёх его игровых полях. В обмен на четыре билета с разными элементами «К», «Л», «Ю», «Ч» (главный элемент — буква «Ю») счастливчик мог получить квартиру в областном центре. Вот только найти эту главную букву было очень и очень непросто. Да и квартиры разыгрывались не пачками. К примеру, в билетах серии 0001, как сообщали организаторы, можно было выиграть лишь одну квартиру на сумму один миллион, а также товары и сувениры на три миллиона рублей...

Лотереи 2000-х годов: вроде и призы серьёзные, и выигрыши миллионные, но чего-то не хватает... А не хватает той атмосферы начала 1990-х, которую не забыть до сих пор. С её адреналином и непредсказуемостью, с её ценами и глобальным дефицитом, гласностью и перестройкой. Как сейчас говорят, это были лихие девяностые, эпоха первоначального накопления капитала. И, возможно, кто-то из жителей Петропавловска-Камчатского свой первый капитал сколотил как раз тогда, перепродав втридорога автомашину или холодильник, выигранные в лотерею, посвящённую 250-летию родного города.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКК, ф. 166, оп. 1, д. 2263, л. 127—129.
2. Там же, д. 2357, л. 88.
3. *Ушакевич Е.* Вместо изобилия // Камчатский комсомолец. — 1990. — 23 июня.
4. Камчатская правда. — 1990. — 16 окт. (Условия проведения денежно-вещевой лотереи, посвящённой 250-летию г. Петропавловска-Камчатского).
5. ГАКК, ф. 166, оп. 1, д. 2402, л. 32—38.
6. Последствия товарного дефицита // Камчатская правда. — 1990. — 4 нояб.
7. Телефонный справочник г. Петропавловска-Камчатского / Сост. Петропавловск-Камчатская гор. тел. ст-я. — М., 1991.
8. *Вострикова О.* Богатая лотерея // Камчатский комсомолец. — 1990. — 27 окт.
9. ГАКК, ф. 166, оп. 1, д. 2497, л. 57—59.
10. Камчатская правда. — 1990. — 1, 2, 3, 4, 6 нояб.
11. *Иванова С.* О, счастливчики! // Камчатский кооператор. — 1990. — № 33 (56), окт.

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

В фондах Камчатского краевого объединённого музея хранится документ, рассказывающий о жизни города Петропавловска-Камчатского в 1927—1928 гг., увиденной глазами одного из его обитателей. Это дневник, ведённый молодым радистом Георгием Сычёвым, представляющий собой три общих тетрадки (единицы хранения ГИ 6248, 6060, 6061), заполненные уникальными сведениями о том относительно недавнем, но во многом неизвестном нам времени. Находясь на склоне лет, незадолго до кончины автор передал свой дневник на вечное хранение, сопроводив его дарственной надписью: «Камчатскому краеведческому музею и родному городу Петропавловску-Камчатскому, где я рос, учился и работал. С благодарностью Г. П. Сычёв. 12 апреля 1973 г.». Ниже воспроизводится большая часть документа, касающаяся описания городской жизни и личных переживаний автора. При подготовке к публикации нами опущены два эпизода, связанные с рассказами о восхождениях на близлежащие к городу вулканы, а также описание переезда автора из Петропавловска в далёкий северный посёлок Уэлен и его последующей деятельности на Чукотке.

Г. П. СЫЧЁВ

РОДНОМУ ГОРОДУ ПЕТРОПАВЛОВСКУ-КАМЧАТСКОМУ, ГДЕ Я РОС, УЧИЛСЯ И РАБОТАЛ

Сычёв Георгий Петрович, один из первых комсомольцев и радиоспециалистов Камчатки. Родился 27 апреля (14 апреля по ст. ст.) 1903 г. на острове Беринга, имел шесть братьев и четыре сестры. Учиться начал в 1912 г. во Владивостоке, с 1914 по 1919 г. учился в Петропавловском высшем начальном училище. По его окончании занимался домашним хозяйством и работал на рыбалках. С 1923 г. после окончания курсов начал трудиться радистом на Петропавловской радиостанции. В 1926 г. окончил в Петропавловске школу второй ступени, после чего учился в ремесленной школе. В 1927 г. организовал первый на полуострове кружок радиолюбителей. В 1928 г. назначен начальником радиостанции в Уэлен, здесь организовал первый на Чукотке струнный оркестр из пионеров и комсомольцев. В сентябре 1930 г. вернулся в Петропавловск, до 1938 г. трудился в системе Наркомсвязи СССР, затем переехал в Москву, стал работать в Главном управлении Северного морского пути (ГУСМП), назначен страшим радиотехником Анадырского радиоцентра ГУСМП. В 1940 г. вернулся в Москву, окончил курсы полярных работников. С декабря 1941 г. — на фронте, в 1942 г. отозван, направлен на монтаж государственной радиовещательной станции имени А. С. Попова под г. Куйбышевым. В 1945 г. демобилизован, вернулся в систему ГУСМП, где работал до выхода на пенсию в 1963 г. «Специальность моя — радио. Ей я отдал полвека, из них двадцать семь лет Арктике, пятнадцать — городу Петропавловску-Камчатскому, четыре года на Великой Отечественной войне, остальные в Москве». Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией», знаками «Почётный радист СССР», «Почётный полярник», именными золотыми часами от ГУСМП за добросовестную плодотворную деятельность в Арктике в течение четверти века. Скончался 13 февраля 1974 г. в г. Москве.

...Город Петропавловск-Камчатский сейчас насчитывает две с половиной тысячи человек жителей, а до 1913 г. в нём было полторы тысячи, в 1835 г. — девятьсот человек. Вся Камчатская область на сегодняшний день имеет тридцать шесть тысяч жителей, включая Олюторский, Карагинский, Пенжинский, Анадырский и Чукотский районы, также Охотский. На 16 августа 1927 г. на тридцать шесть тысяч жителей Камчатской области приходится эскимосов полторы тысячи, чукчей одиннадцать тысяч двести человек.

1927 г.

Понедельник, 22 августа. Стал знакомиться с радио, с короткими волнами. Читаю «Новости радио», специальную газету, освежающую прогресс радио и радиолюбительства. Заинтересовала статья «Приёмник по схеме Рейнарца на короткие волны».

Вторник, 23 августа. Впервые узнал о существовании ультракоротких волн порядка двух-пяти метров. В Хабаровске устанавливается пятикиловаттная широкополосная коротковолновая рация, купленная в Америке. Сейчас ведёт пробные передачи на волне семьдесят два метра, позывные RW-72. Слышимость в Петропавловске отличная.

Среда, 24 августа. Читаю «Новости радио». Заинтересовала статья «Радио и затмение солнца 24 января 1925 г.». Она подтверждает факт поглощения солнцем электромагнитных волн. Во время затмения слышимость и передача изменялись в худшую сторону, особенно на волне в семьдесят пять метров. Меньший «фединг» (затухание) получался на волне триста восемьдесят метров. Статья познакомила со слоем Хивисайда. Некоторые учёные предполагают, что большая часть радиоволн в ночное время направляется в верхние слои атмосферы на высоту семьдесят пять — сто километров и, отразившись здесь особым слоем, называемым «хивисайдовским», возвращается на землю, отчего радиосигналы ночью слышны лучше, нежели днём. Над обработкой всех произведённых радионаблюдений во время затмения работает профессор Пикар. Существование слоя Хивисайда отрицает инженер Чемпман, изобретший особый передатчик «радиопрожектор», направляющий электромагнитный луч, или пучок, в «электронное поле» под известным углом. Малейшее изменение этого угла изменяет место возможного приёма с точностью до четырёх квадратных миль. По мнению Чемпмана, земной шар окружён плотным электромагнитным полем, причём плотность меняется с изменением плотности температуры атмосферы и в зависимости от расстояния этого слоя от поверхности земли. Это открытие гарантирует абсолютную невозможность «подслушивания» и устранения вредного влияния «статических разрядов».

Как член горсовета я был на расширенном заседании президиума горсовета. Впервые за много лет существования города, а он основан в 1741 г., избранники народа — депутаты горсовета — обсуждали вопрос о постройке городской электростанции. Установку двигателей предположено сделать в нынешнем году. Всё необходимое выписывается из Америки. Покупка двигателя, динамо на двести двадцать вольт, armатуры обходится в тридцать четыре тысячи рублей. Всего горсоветом на электрификацию города отпущено пятьдесят две тысячи рублей. Столбы по всем улицам (Ленинской, Таможенной, Нагорной) уже установлены. Предположительно киловатт-час электроэнергии будет обходиться гражданам в пятьдесят копеек, правительственным учреждениям — в один рубль.

Четверг, 25 августа. Пасмурно. Вечером собрание краеведческого общества. На повестке два вопроса: 1) о восхождении на Авачинский вулкан (докладчик — участник восхождения т. Жедеяевский, инспектор облоно), 2) о восхождении на Корякский вулкан (докладчик — участник восхождения т. Физик, этнограф). Начало первого доклада не захватил, опоздал. Узнал, что т. Жедеяевский придерживается той точки зрения, что опасность извержения Авачи городу не угрожает. Лава потечёт по низким местам в сторону села Налычево. Некоторые присутствующие на лекции возражали. Говорили: опасность городу от извержения этого вулкана есть. По моему мнению, опасности Петропавловску от извержения Авачи не предвидится, но поток лавы устремится не в сторону села Налычева, а в сторону селения Халактырка по Сухой реке, куда шёл он в 1926 г., остановясь в нескольких километрах от этого села. Другой вариант: поток направиться может в сторону села Елизово (бывшее Завойко), тоже по пути прежнего извержения, так как края кратера с западной стороны ниже, чем с восточной. Доклад о восхождении на Корякский вулкан сделан был очень подробно, вызвал большой интерес у присутствующих. Экскурсия на этот вулкан вышла одновременно с нами. Мы поднимались на Авачу, а они на Корякский. В состав корякской экскурсии входило тоже пять человек: проводник камчадал Дьячков И. М., этнограф т. Физик, работники облисполкома т. Пономарёв Павел и Невский Виктор. Взят ещё был наблюдающий за лошадьми Петровский Феликс. Экспедиция поднялась на вулкан с самой высокой его стороны, несколько правее Авачинской сопки. Подъём оказался чрезвычайно трудным, даже опасным, потому что путь преграждали непроходимые скалы, на которые взбирались только при помощи верёвок. Подъём

продолжался девять часов пятнадцать минут, спуск — четыре часа пятнадцать минут. По этим данным можно судить, насколько труден подъём и спуск с Корякского вулкана. Однако всё обошлось благополучно, и группа в два часа дня 15 августа 1927 г. достигла его вершины и пробыла там сорок пять минут. Эта — четвёртая — попытка побороть грозную природу на этот раз увенчалась полным успехом. Это также первые туристы при советской власти, достигшие вершины Корякского вулкана, когда-то недосыгаемого. По имеющимся сведениям, ранее на Корякский вулкан поднимались учёный Герц и житель села Елизово (Завойко) камчадал Машихин. Это было в конце прошлого столетия. Они избрали путь с северной стороны (самой низкой), где вулкан испускает пары. Высота Корякского вулкана около четырнадцати тысяч футов (по Шмидту). Таким образом, экскурсия 15 августа проделала более длинный и тяжёлый путь, нежели мы. Они также слышали обвал, который наблюдала наша группа. «Урожайным» был 1927 г. по восхождению на вулканы. Лишь в одном августе совершено два восхождения на Авачу и одно — на Корякский.

Четверг, 15 сентября. Ясно. Почти целый месяц небо было закрыто облаками. На вершинах Корякского и Авачинского вулканов 19 августа выпал снег, отчего они кажутся поседевшими. В прошлые годы в это время обычно начинались холодные осенние ветра, а ныне тихо. Идёт борьба между северо-западным и восточным ветрами. Осиливает северо-западный, поэтому относительно тепло. Купался в половине шестого вечера, вода холодная.

Пятница, 16 сентября. Пасмурно. Семь утра. Прохладно. Возвращаюсь с ночного дежурства. Солнышка не видно. Штиль. Полный прилив. Бухта как зеркало. Над горами навис белый туман, прикрывший начинающую уже краснеть листву. На пороге осень. Вот-вот хлынет дождь. Пошёл на берег бухты, думал покататься на лодке, но неугомонный рыбак с маленьким сынишкой забросил невод. Тащат, однако мальчонке не под силу его тащить. Берусь за нижнюю тетиву и помогаю. Вытянули с пуд сельди и несколько корюшек. Возвращаюсь домой. Откуда-то пришёл пароход «Алеут». Днём занимаюсь в ремесленной школе, где учусь без отрыва от производства. Ручной труд преподаёт замечательный столяр-краснодеревщик Кочетков Андрей Яковлевич. Он же отличный токарь по дереву, бондарь, плотник. Строим сарай. Брат Жёня сообщил мне, что вчера было общее собрание нашего коллектива профсоюза. Меня избрали делегатом на профсоюзный съезд округа. Купался в половине шестого вечера. Вода холодная, но купание очень успокаивает нервы. Чувствую себя бодрым, большой прилив энергии. Намерен написать статью в «Смену» о восхождении на Авачинский вулкан. «Смена» уделяет большое внимание туризму.

Четверг, 22 сентября. Проливной дождь. Купаюсь в одиннадцать часов. Лёгкий северо-восток. В половине восьмого вечера часа открылся первый Камчатский профсоюзный съезд. На дежурство принесли мне мандат. Рабочие заседания съезда начнутся завтра в девять часов утра. Регламент следующий: работа заседаний с девяти до четырнадцати и с восемнадцати до двадцати часов. Время докладчика ограничивается сорока пятью минутами. Выступающим по докладу в прениях даётся первый раз десять минут, второй — пять минут. Слово по предложению предоставляется одному «за», другому «против» и занимает не более трёх минут, для фактической справки — три минуты. Заключительное слово — пятнадцать минут. Повестка дня следующая: 1) отчёт окрпрофбюро, 2) доклад окрстрахкасы, 3) доклад окринтруда, 4) вопросы оргработы и работа на селе, 5) вопросы культработы, 6) вопросы тарифно-экономической работы, 7) доклад окрторга о снижении цен, 8) выборы окрпрофбюро и ревкомиссии, 9) выборы комитета окрстрахкасы и ревизионной комиссии. Открытие съезда было торжественным, играл оркестр, выступали ораторы с приветствиями, в том числе и от 60-го погранотряда. Пограничник выступил горячо и говорил толково, остальные — бледно, неинтересно.

Пятница, 23 сентября. Ясное прохладное утро. Туман поднялся. Небо голубое-голубое, дышится легко. Настроение отличное. Вдали за Авачинской бухтой на северо-западе видны белоснежные вершины Ганальского хребта. Когда в городе лил дождь, в Ганалах выпадал снег. Снег появился и на окружающих город сопках. Солнышко освещает все вершины, отчего они кажутся нежно-розовыми. Очень резко выделяются

впадины, обрывы, кекуры (отдельные скалы. — *Ред.*). Авачинский вулкан в снегу снизу доверху, стал вроде выше и «похудел». Вершина закрыта облаками. Купаюсь в семнадцать часов. Бус (мелкий дождь. — *Ред.*). На съезде быть не удалось, дежурю на рации.

Суббота, 24 сентября. Пасмурно, временами мелкий дождь. Продолжается работа профсоюзного съезда. Идут прения по докладу окрстрахкассы, затем доклад инспектора труда, который сделан поверхностно, слабо, интереса не представил. Много неясностей, недомолвок. Выступал в прениях, указал на некоторые ненормальности со сверхурочными работами у связистов. Учёт их поставлен плохо, в сентябре уже накопилось сто три часа сверхурочных. После доклада инспектора труда съезд заслушал доклад об оргработе и работе на селе. Также сделан коротко, неудовлетворительно, почему вызвал оживлённые прения. Купался в семнадцать часов. Вода холодная.

Воскресенье, 25 сентября. Пасмурно. Ночью и днём дождь. Прения на съезде развернулись только по культработе. Хотел тоже выступить, но запись ораторов прекратили, записалось слишком много. В двенадцать часов дня съезд сфотографировался: один раз в зале заседаний, другой — на улице. Работу съезда сегодня закончили в четырнадцать часов. Около двадцати двух высоко над городом пролетели гуси на юго-запад. Из-за темноты их видно не было, только слышно их гоготание. Да, приближается осень, а с нею и зима. Птицы летят в тёплые края. Купался в шестнадцать часов. Вода показалась не такой холодной, как обычно.

Понедельник, 26 сентября. Пасмурно. Штиль. Сквозь тучи иногда проглядывает солнышко. Съезд возобновил работу. Сегодня — доклад о тарифно-экономической работе, сделан хорошо, видно, что докладчик к нему готовился основательно. Вопросов к докладчику было много. Я тоже задал два. Вечернего заседания не было. Доклады все заслушаны, завтра выборы нового окрпрофбюро и окрстрахкассы, утверждение резолюций и закрытий съезда. Листья на деревьях пожелтели и многие осыпаются. Чувствуется сильная прохлада. Тянет северо-запад, он всегда приносит ненастье. Купался в двенадцать часов. Медуз нет.

Вторник, 27 сентября. Удивительно красивый день. Ясно, штиль. Бухта как зеркало. Пока шёл с работы, замёрзли руки. Последний день заседаний съезда. На повестке: выборы окрпрофбюро и окрстрахкассы. Перед этим принимались разные резолюции по всем вопросам. По резолюции о культработе я внёс добавление: «В связи с работой Хабаровской вещательной станции имеются перспективы развития радиовещания на Дальнем Востоке и в частности на Камчатке, а также радиоловительского движения в городе и по округу. Поручить культотделу окрпрофбюро взять в свои руки организацию ОДР (Общества друзей радио. — *Ред.*) на Камчатке...» Добавление принято. После зачитания резолюций и их принятия начались выборы. Меня избрали членом окрстрахкассы. В тринадцать часов десять минут под аплодисменты и пение «Интернационала» первый Камчатский съезд профсоюзов закончил свою работу. Купался в семнадцать часов. Лёгкий запад. Температура воды плюс восемь с половиной градусов.

Среда, 28 сентября. Ясно. Западный ветер, сильный прибой. Занятия в ремесленной школе. Продолжаем строить склад-сарай. Ребят пришло мало, все заняты сенокосом. В семнадцать часов распределительное заседание окрстрахкассы. Меня выбрали председателем комиссии по определению рабочего стажа инвалидам и застрахованным. Вчера купил термометр. Теперь имею возможность измерять температуру воздуха и воды. Купался в шестнадцать часов. Температура воздуха плюс пятнадцать, воды — плюс десять.

Четверг, 29 сентября. Ясно, утром северный ветер. Работаю в ремесленной школе. В восемнадцать часов пленум горсовета. Я являюсь кандидатом в члены президиума. Купался в половине семнадцатого. Появилось много белых и красных медуз. Температура воздуха плюс шестнадцать, воды — десять с половиной.

Пятница, 30 сентября. Пасмурно, низко стелется туман, накрапывает дождь. Погода крайне неустойчивая. Небо в чёрных тучах, западный ветер. В десять часов вызвали в окрбюро ВЛКСМ насчёт организации ОДР и установки у них громкоговорителя. К пятнице предложили сделать информацию о возможной выписке с последним пароходом из Владивостока или Хабаровска радиостановок и рассылке их по деревням.

Вечером заседание окрстражкассы, которое затянулось до половины одиннадцатого. Секретарь окружкома ВЛКСМ предложил в воскресенье сделать доклад о радиолюбительстве в отряде юных пионеров. Времени на подготовку совсем нет. Не знаю, как быть? Сильный листопад, горы оранжево-жёлтые. Вечером западный ветер сменился северным. Погода разгуливается, временами показывается солнышко. Купался в одиннадцать часов. Температура воздуха в четырнадцать часов плюс десять, температура воды — плюс девять.

Воскресенье, 2 октября. Ясно, прохладно. Первый заморозок. Речка на радиостанции покрылась тонким прозрачным льдом, земля промёрзла. Делал доклад на сборе отряда юных пионеров о работе ОДР и о радиовещании. Пионерия слушала внимательно. Совет отряда поручил проработать вопрос об экскурсии на радиостанцию для слушания радиоконцертов, также об организации радиокружка. В шестнадцать часов попытался искупаться на бухте, но дует сильный западный ветер, шторм, воду несёт стеной. Пришлось перебазироваться в Ковш. Температура воды плюс восемь, на воздухе почти десять градусов.

Понедельник, 3 октября. Ясно. Шторм, сильный восточный ветер. Делал доклад на окрбюро ВЛКСМ «О радиолюбительстве и его перспективах на Камчатке». Меня назначили организатором этого движения. В семнадцать часов военные занятия. Утверждён командиром отделения. С занятий возвращались с песнями. Купался. Температура воды плюс восемь с половиной, на воздухе в четырнадцать часов — плюс десять.

Вторник, 4 октября. Пасмурно, ночью и днём мелкий перемежающийся осенний дождь. Мама нервничает, плачет. Трудно с деньгами. Бьёмся, как рыбы об лёд. Живём без отца. Семья — девять человек, работаем вдвоём с братом, ребята учатся. Всех надо одеть, обуть и накормить. Мама настаивает, чтобы я перешёл спать из сарая в дом и перестал купаться, говорит, холодно уже. Но мне делать этого не хочется: закаливаюсь. Купался в половине двенадцатого. Температура воды плюс восемь, воздуха — плюс семь. Бус.

Четверг, 6 октября. Погода отвратительная, льёт проливной дождь, юго-запад. Устаю сильно, так как приходится учиться в ремесленной школе и работать на рации. Утром еле разбудили. Глаза больно открывать. Дома — форменный потоп, кругом льёт, крыша протекает, точно решето. Воздух дома влажный, спёртый, тяжёлый. С улицы входишь — тошнит. Тут же в комнате и кухня, обстановка кошмарная. Живём в частном доме, хозяин ремонта не делает. Мама нервничает, болеет, лежит в постели, тошнит. Приходится удивляться, как она вообще справляется со всеми хозяйскими хлопотами, часами стоя у плиты. Страшно жаль её. Со вчерашнего дня в ремесленном училище начались ещё и теоретические занятия по строительному делу. Времени на отдых остаётся ещё меньше. Купался в восемнадцать часов. Температура воды плюс восемь, воздуха — плюс девять. Ушёл последний пароход «Алеут» во Владивосток. Связь с материком поддерживается только по радио.

Суббота, 8 октября. До полудня дождь, затем выяснило. Слабый запад. Утром в ремесленном, с обеда работаю на рации. В восемнадцать часов заседание стражкассы. Вечером в Народном доме живой журнал «Красный Север». Ставили весёлую пьеску. Актёры-любители играли хорошо. Среднемесячный заработок служащих колеблется между сорока пятью — пятьюдесятью пятью рублями. Товары в Петропавловск ввозятся без обложения пошлиной, поэтому ситец, например, стоит от пятидесяти пяти до шестидесяти пяти копеек за метр, резиновые галоши — три рубля двадцать пять копеек, ботинки мужские — шестнадцать рублей и т. д. Вечер выдался прелестный, тишина, небо чистое. Свежий воздух бодрит, после длительного ненастья просто не хочется уходить домой с улицы. Купался в двенадцать часов. Температура воды плюс восемь, воздуха — плюс десять.

Воскресенье, 9 октября. Ясно, штиль, иней. Дежурство выдалось трудное. Пришла экскурсия пионеров-радиокружковцев, слушали концерт из Хабаровска. Сначала прохождение было скверное, затем слышимость улучшилась. Всем понравился менуэт Бетховена и песня старого солдата, его же. Ребята в восторге. Купался в тринадцать часов, температура воды плюс десять.

Понедельник, 10 октября. До полудня пасмурно, затем снова дождь, юго-западный ветер. После обеда военные занятия, ходили на стрельбище стрелять из боевой винтовки. Из срока возможных по поясной мишени на расстоянии в триста метров выбил тридцать очков, брат Женя — двадцать очков, брат Петя — всё пустил «за молоком». Они били из пятидесяти возможных. На этом военные занятия закончились. В семнадцать часов с востока на запад пролетели два табуна гусей, а через два часа — ещё один. Да, осень вступает в свои права. Купался в тринадцать часов, температура воды плюс восемь, воздуха — девять с половиной градусов.

Вторник, 11 октября. Сильный дождь, шторм со стороны юго-запада. Несёт тучами, иногда поднимаются целые столбы, как при смерче. В шестнадцать часов состоялось первое организационное собрание радиокружка юных пионеров. Председателем избрали брата Алёшу, секретарём — Кособуцкую, членом-завхозом — Ларина Валентина, радиокорреспондентом — Сосновского Володю.

Отряд юных пионеров решил просить денег на покупку радиоаппаратуры и запчастей. В восемнадцать часов собрание ячейки ВЛКСМ. Купался в пятнадцать часов, температура воды плюс восемь, воздуха — пять с половиной. Масса медуз, ими обложен весь берег. Шторм.

Среда, 12 октября. Проливной дождь, ураганный юго-запад. Шквал поднимает воду стеной. Под напором ветра наш дом дрожит, крыша еле держится. Коровы орут. В Ковше и то сильный прибой, в бухте тоже сильный нагон воды, которая подошла под самый настил пирса и затопила косу, на которой стоит памятник «Слава».

Получил коротенькое письмо от Миши Стоваса из села Малки. Купался в двенадцать часов, температура воды плюс восемь, воздуха — пять с половиной. Медуз нет.

Четверг, 13 октября. Ураганный юго-запад ещё более усилился. Наш домишко трясёт как в лихорадке, боимся, как бы не сорвало крышу. Дежурю на рации. Спать пошёл в сарай, но шум и грохот мешают заснуть. Шторм разыгрался не на шутку, а тут ещё ветром раскрыло двери сарая, и в нижнем белье пришлось соскакивать с кровати и бежать их закрывать. Сон как рукой сняло. Перебрался домой. После обеда ветер стал сдавать. Купался в шестнадцать часов, температура воды семь с половиной, воздуха — десять градусов. Вода чистая, виден каждый камешек. Медузы исчезли, по-видимому, шторм их угнал в Тарью.

Пятница, 14 октября. Ясно, по голубому небу плывут тучки, временами закрывая солнышко. Вчерашний ураган наделал дел: местами повалил заборы, снёс несколько крыш, разрушил пирс на Сигнальном мысу. Работаю в ремесленном. Страшно хочется спать, так как из-за шторма и работы на рации не спал почти двое суток. Днём ходил в окрбюро ВЛКСМ насчёт денег для радиокружка юных пионеров.

Составил ориентировочную смету в двести двенадцать рублей на приобретение радиодеталей, но средств нет. Если их не найдут, то все труды по организации радиоловительского движения могут оказаться напрасными. А ведь обещали достать через два дня. Из Владивостока пришёл пароход «Сишан». У знакомого радиста Макса Смольского достал кое-какие радиодетали. Вечером — заседание коммунальной секции горсовета. Утверждали план Комхоза, затем план своей секции. Купался в тринадцать часов. Температура воды плюс восемь, воздуха — плюс девять.

Воскресенье, 16 октября. Ясно, ветер северный. Писал в местную газету «Полярная звезда» статью «К организации радиоловительских кружков». Составили план работ радиоловительского кружка. Купался в половине двенадцатого, температура воды плюс семь, воздуха — плюс девять. С ноября наблюдения буду вести в семь часов утра, в тринадцать часов и в двадцать один час.

Вторник, 18 октября. Дождь, ветер юго-западный. Ходил в окрбюро ВЛКСМ насчёт выписки радиодеталей. Сказали: денег нет ни копейки, даже на пионерский кружок. Занимался с ребятами, утверждали план работы радиокружка. Познакомили пионеров со структурой ОДР и правилами радиоловительства. Купался в четырнадцать часов, температура воды плюс семь, воздуха — плюс шесть.

Пятница, 21 октября. Ясно, иней, подмораживает, ветер северный. Ночью погода испортилась, ветер сменился на южный. Выпал первый снег. Купался в тринадцать часов тридцать минут. Температура воды плюс шесть, воздуха — плюс шесть.

Понедельник, 24 октября. Ясно, сильный северный шторм. Большой отлив. Предложили участвовать в фотовыставке к десятой годовщине Октября, сегодня внесли в список. Купаюсь в Ковше, на бухте невозможно: сильный прибой, грязь, волны вздымаются вместе с морской капустой, вода коричневая. Температура воды в половине двенадцатого плюс шесть, воздуха — плюс семь.

Вторник, 25 октября. Ясно, лёгкий северо-восток. Заморозок. Корякский и Авачинский вулканы покрыты глубоким снегом, отчего кажутся несколько выше и острее, похожи на сахарные головы. Лужицы везде замёрзли, земля тоже. Вызывали в окрестности ВЛКСМ. Секретарь Серёжа Вдовин предлагает вступать в партию. Комсомольский мой возраст уже на исходе, подумаю. У меня нет почти свободного времени, оно всё занято учёбой, работой и в общественных организациях. После шторма на берег намыло много гальки и выбросило массу морских звёзд и морских ежей. Сейчас здесь толкуются стаи ворон и чаек, с жадностью поедающих дары моря. Купаюсь в четырнадцать часов, температура воды плюс шесть, воздуха — четыре с половиной.

Среда, 26 октября. Пасмурно, слабый северо-запад. Вечером дождь, утром крупными хлопьями лениво падал снег, прохладно. Сегодня получка, но она не радует: много долгов у китайцев, у которых мы берём продукты. У меня рвутся последние рубашки и изнашиваются ботинки. Мама снова нервничает, плачет, очень её жаль. Днём ходил на собрание музыкального кружка, избрали председателем его. Пришёл из чукотско-анадырского рейса пароход «Томск», у него кончились уголь и пресная вода. Сильно штормовал, потерял один якорь и кунгас. Купался в половине второго, температура воды плюс пять с половиной, воздуха — плюс четыре.

Пятница, 28 октября. Ясно, тихо. Работаю в ремесленном, пилю дранку по три копейки за штуку. Трудное дело. Поддежуриваю на рации, вечером печатаю карточки для выставки. По фарватеру Авачинской бухты низко ползёт туман, одновременно надвигается и на склоны сопки. Купался в половине двенадцатого, температура воды плюс пять, воздуха — плюс шесть.

Суббота, 29 октября. Ясно, штиль. Заморозки, сильный иней, лужи, земля основательно замёрзли. На небе ни облачка. Вулканы и сопки рельефно вырисовываются на голубом фоне неба. Авача и Корякский вулкан прекрасны, не оторвёшь глаз! В тени земля уже не оттаивает. На море шторм, его отголоски доходят и до бухты. Накат, мёртвая зыбь. Волны с шумом разбиваются о скалы. Купался в половине второго дня, температура воды плюс пять, воздуха — минус четыре. Рождение луны.

Понедельник, 31 октября. Ясно, слабый северо-восток. Холодно, мёрзнут руки. Работаю в ремесленном, а после обеда поддежуриваю. Купался в половине двенадцатого, температура воды плюс шесть, воздуха — плюс четыре. Масса медуз, особенно белых. Их, по-видимому, принесло течением с моря.

Вторник, 1 ноября. Пасмурно, вечером дождь, временами снег. С Колей Медведицыным подготовили снимки для выставки. Его фото мне кажутся лучше моих. Култучное озеро покрывается молодым крепким льдом. Земля теперь совсем не оттаивает.

Среда, 2 ноября. Бус, штиль. Дежурю. Получил сверхурочные пятьдесят девять рублей, отложил на радиодетали тридцать пять. Купил облигации займа индустриализации страны на четыре рубля, остальные отдал маме. В тринадцать часов — заседание редколлегии стенгазеты «Связник», я член коллегии. Ввиду сильной занятости купание пришлось прекратить. Купаться начал, когда на бухте ещё был лёд (29 мая). Идёт усиленная подготовка к празднованию десятой годовщины Октября.

Четверг, 3 ноября. Бус, туман, слякоть. Работаю в ремесленном. В четырнадцать часов печатаем стенную газету «Связник». Пишу несколько юмористических рассказов. Домой пришёл в восемь вечера. Сажусь за статью в стенгазету производственной ячейки ВЛКСМ в ремесленном, где я тоже в редколлегии. Спать лёг в половине первого ночи.

Суббота, 5 ноября. Пасмурно, слабый северо-восток. Поддежуриваю. В школу не ходил, проспал. Вечером предпраздничные торжественные собрания в честь десятой годовщины Октября. Настроение у всех праздничное. Город украшен флагами, зеленью (кедровыми веточками), частично иллюминирован. В профклубе торжественное заседание горсовета. Вывешены все стенгазеты города, в том числе и наша «Связ-

ник». Она выделяется красочными рисунками, хорошим содержанием. Для проведения вечера направляюсь в школу второй ступени, к которой прикреплена ремесленная. Торжественное заседание здесь прошло бледно. На этом заседании объявили, что по решению горсовета школа второй ступени переименована в «Школу-девятилетку имени десятой годовщины Октября». Из школы пошёл в клуб. Здесь народу было много. Уже заканчивалось заседание горсовета. Домой вернулся в десять вечера. С братом Женей музицировали. Он играл на гитаре, я — на мандолине. Успокоились в половине первого ночи.

Пятница, 4 ноября. Дождь, штиль. Работаю в ремесленном. С четырнадцати часов я, Коля Медведицын, Тима Кузнецов и Вася Флетчер продолжали оформлять к празднику стенгазету «Связник». Лишь в половине двенадцатого ночи закончили с её выпуском. Выглядит прилично, много рисунков, карикатур.

Воскресенье, 6 ноября. Ясный тихий день. Дежурю на рации. Город празднует. Стреляют из орудий, ружей, бросают боевые гранаты. На площади около партпрофклуба митинг. В тишине дня голос оратора слышен далеко. Дежурство закончил в половине четвёртого ночи. Направился домой. Город спит, лишь кое-где в окнах горит свет. На улице ни души.

Понедельник, 7 ноября. Северо-восток. Он всегда приносит ненастье. Холодно. Десятая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Праздник продолжается. Очень устал от напряжённой работы. Встал в половине двенадцатого дня. Вечером и в клубе, и в школе танцы. Домой вернулся рано.

Вторник, 8 ноября. Ясно. Слабый северо-восток. Встал поздно. С Колей Медведицыным идём на фотовыставку. Наши снимки на стенде, выглядят не хуже других. Плохо, что выставка развёрнута в тёмной комнате, тут же историческая выставка «Десять лет Октября», сельскохозяйственная, истории ВЛКСМ. Вечером брат Женя, Коля и я ходили в гости к Марусе Новограбленовой, где музицировали.

Среда, 9 ноября. Ясно, штиль, бухта как зеркало. Поддежуриваю. Полная луна. Снежные вершины гор даже ночью отчётливо выделяются на чистом небе. Красота неописуемая!

Четверг, 10 ноября. Ясно, полный штиль. Начинался, было, северо-восток, но скоро стих. Дежурю. Домой пришёл в половине четвёртого ночи. Полная луна, светло, как днём. На улице ни души. Земля окончательно промёрзла. Ждёт снега.

Пятница, 11 ноября. Ясно. Штиль. На небе ни облачка, бухта — зеркало. Сильный заморозок. Занимался фотографией. Администрация почты очень недовольна стенгазетой «Связник», её сильно критиковали за плохую работу. Значит, критика дошла. Читал журнал «Октябрь». Понравился рассказ «Лётчик Жаров» и ещё «Медовый месяц». Мутновский вулкан сильно дымит, порой его дым застилает горизонт, движется в восточную сторону. Продолжаю читать «Октябрь», рассказ «Офицеры».

Суббота, 12 ноября. Ясно, тихо. С утра хлопочу насчёт радиодеталей, пока безрезультатно. Занимаюсь радио, строим детекторный приёмник, хотим попытаться поймать на него Хабаровскую вещательную станцию. С нетерпением ждём вечера. Мне помогает брат Лёша — пионер. Наконец, время настает. Включаем приёмник — ни звука! Полное разочарование: вещалки не слышно, значит, на детекторном приёмнике Хабаровск нечего и слушать. Продолжаю читать «Офицеры», рассказ нравится. Култучное озеро всё покрылось льдом. Скоро на коньки! На озере всегда много молодёжи, девчат, катаются и цепочкой, и по одному. Мы живём в ста метрах от озера, на коньках выскакиваешь прямо из дому. Редкую осень не купаюсь во время катания: лёд ещё не очень прочный бывает, а кататься охота!

Среда, 16 ноября. Ясно, северо-восточный ветер. Работаю в ремесленном. Сегодня на радиокружке отряда юных пионеров демонстрировал ребятам самодельный коротковолновый детекторный приёмник. Ребята очень заинтересовались. В кружок записались ещё шестнадцать, а всего в нём сейчас сорок один человек. Большим тормозом в работе является отсутствие радиодеталей и помещения. Нас гоняют из одной школы в другую, не дают света. Это, конечно, расхолаживает ребят. Днём из Владивостока в Петропавловск вышел пароход «Астрахань», возможно, мой друг Макс Смольский привезёт радиодетали. К сожалению, западным ветром

на Култучном озере поломало лёд, катание на коньках снова оттягивается на неопределённое время.

Суббота, 19 ноября. Утром ясно, порядочный морозец. Озеро снова покрывается льдом. Вечером погода испортилась, потянул восточный ветер, небо заволокло чёрными тучами. Пожалуй, будет снег. В восемнадцать часов заседание окрстрахкассы. Днём работаю в ремесленном.

Понедельник, 21 ноября. Пасмурно, северо-восточный ветер, перешедший затем на западный. Работаю в ремесленном, после обеда поддежуриваю. Вступил в связь с парходом «Астрахань», идущим к нам из Владивостока.

Вторник, 22 ноября. Ясно, слабый северо-восток. Дежурю. Смольский сообщил, что заказ на радиодетали выполнил, обойдётся рублей в сорок. В девятнадцать часов «Астрахань» был в восьмистах пятидесяти километрах от Петропавловска, прибыть к нам предполагают 26 ноября. Дует свежий ветер.

Среда, 23 ноября. Ясно, штормовой запад, тепло. Озеро разбило, снег растаял. Слякоть, по улице ручьи. Такая погода в это время здесь бывает редко. На море шторм, идёт большая мёртвая зыбь со стороны запада. Опять домишко наш содрогается от напора ветра. В восемнадцать часов собрание ячейки ВЛКСМ. Работаю в ремесленном.

Четверг, 24 ноября. Ясно. Слабый северо-восток. Работаю в ремесленном. После восьмимесячного перерыва ходил в баню, а то всё время купался на бухте. Помылся с удовольствием. В шестнадцать часов — занятия радиокружка юных пионеров, в восемнадцать — сыгровка великорусского оркестра под управлением Трутце. Я в нём играю на домре-альт первой. Разучиваем вальс «Воспоминание о Гатчине» и марш «Европа». В двадцать часов вечер ячейки ВЛКСМ, где я музыкальный руководитель, играем. Была политлотерея, выиграл книжку «Политграмма комсомольца». Вечер прошёл весело.

Пятница, 25 ноября. Ясно, северо-восточный ветер. Работаю в ремесленном. Сегодня получка. Из ста сорока трёх рублей домой принёс только девяносто и ещё десять остался должен. Остальные ушли на погашение ссуды в кассе взаимопомощи, членские взносы и т. д. Пожалуй, опять останусь без сапог и тужурки. После обеда поддежуриваю. Вечером с Колей Медведицыным занимаюсь радиолюбительством. Озеро покрылось льдом.

Суббота, 26 ноября. Ясно, северо-восточный ветер. Дежурю. Парход «Астрахань» в трёхстах милях от нас. На работе слушали вечером оперу Рубинштейна «Демон». Идёт хорошо, особенно понравилось соло тенора «Спи, моя радость, усни». Приходило много публики, в том числе и школьные девчата. Озеро совсем замёрзло.

Воскресенье, 27 ноября. Ясно, северный ветер. После дежурства спал до четырнадцати часов. Приделываю к ботинкам пластинки для крепления коньков, по окончании надеваю коньки, и из дома прямо на лёд. Там уже много отчаянных голов. Присоединяюсь к ним. Лёд ещё слабый, прогибается, трещит. На полном ходу проваливаюсь одной ногой, но по инерции вылетел. Продолжаю кататься до устали. Вечером со школьным товарищем Марусей Новограбленовой идём на радио слушать «Крестьянскую радиогазету». Выпуск понравился, много музыки. Парход «Астрахань» в ста тридцати милях от города, завтра вечером, наверное, будет у нас.

Понедельник, 28 ноября. Утром ясно, штиль, с полудня пасмурно, идёт снег. Дует южный ветер. Работаю в ремесленном. Днём пришёл парход «Астрахань», приехали Богатырёвы. Смольский привёз мне радиодетали. Очень рад этому. Он приходил к нам в гости, но я был на работе на сверхурочных. Вечером пришла Маруся, мы пошли гулять.

Вторник, 29 ноября. Ночью шёл мокрый снег, западный ветер, слякоть. Свинцовые тучи закрыли всё небо. Темень, хоть глаз выколи! В двух шагах ничего не видно. Дома сыро, кругом течёт. Мама волнуется. Настроение паршивое. Совсем плохо с деньгами, от полочки не осталось ни копейки, долги покрыть все не смогли. Как будем жить месяц — не представляю! У меня нет тужурки, сапог. Ношу дядины, а он сидит из-за этого дома. Работаю в ремесленном. Из Владивостока от товарища получил ноты. Маруся Новограбленова едет учительствовать в село Машуру, это в четырёхстах километрах от Петропавловска. Деревушка маленькая, нет ни телеграфа, ни

телефона. Таким образом, в городе из школьных друзей не остаётся никого. Пришёл Макс Смольский, принёс радиодетали и коньки. В двадцать два часа Коля, я, Маруся ходили гулять. Маруся плачет, говорит: трудно с вами расставаться. На сердце тяжело.

Среда, 30 ноября. Пасмурно, северный ветер. Дежурю. Получил от Лиды Богатырёвой записку, просит придти к ним с мандолиной и захватить товарища Колю Конева, но мне сегодня нельзя, работаю. Договорились на субботу.

Четверг, 1 декабря. Утром ясно, дует холодный пронзительный восточный ветер. Вечером пошёл густыми хлопьями снег. Работаю в ремесленном. В восемнадцать часов сыгровка великорусского оркестра.

Пятница, 2 декабря. Ясно. Ночью выпал снег, покрыл землю на десять сантиметров. Занятия по черчению в ремесленном. В девятнадцать часов провожаю Марусю Новограбленову к новому месту работы.

Воскресенье, 4 декабря. Ясно, но небо какое-то серое, хмурое. Дежурю. От недосыпу голова, как котёл. Снимаемся компанией вместе с Марусей. После обеда она на подводах уехала к месту работы в Машуру. Все школьные друзья разъехались. Грустно. Пароход «Астрахань» ушёл на Командорские острова, где и заштормовал. Вышедший на днях из Владивостока другой пароход «Эривань» от Петропавловска в двухстах пятидесяти милях, тоже штормует. Ночью сильный северо-восток, позёмка. Круг у луны.

Понедельник, 5 декабря. Ясно. Слабый северо-восток. Работа в ремесленном. С дежурства пришёл в девять часов. Страшно хочется спать. В семнадцать часов теоретические занятия в ремесленной школе: «Урочное положение». После этих занятий иду на проработку постановлений ЦК и ЦКК ВКП(б), Октябрьского пленума. С Колей дома возимся с радио.

Вторник, 6 декабря. Ясно, северо-восточный ветер. Днём заседание торгово-кооперативной секции горсовета. Я являюсь членом горсовета, потому приходится присутствовать. Через два часа теоретические занятия в ремшколе. В пятнадцать часов из Владивостока пришёл пароход «Эривань».

Среда, 7 декабря. Ясно, северо-восточный ветер. Бухта ещё свободна ото льда. Работаю в ремесленном. Из Хабаровска с пароходом «Эривань» приехал пожилой радиоинженер Квятковский. Он будет устанавливать и настраивать на рации стопятидесятиваттный коротковолновый передатчик по трёхточечной схеме. Это — первая коротковолновая аппаратура на Камчатке. До сих пор в Петропавловске были только длинноволновые передатчики. Предстоят на радио большие пертурбации. С Колей занимаемся радиолюбительством. Спать легли в первом часу ночи. Штиль, морозит. Снег хрустит под ногами.

Суббота, 10 октября. Утром ясно, северо-восток стих, оттепель. С полудня юго-восток, туман со стороны северо-запада. Небо закрыто тучами. Работаю сверхурочно. В семнадцать часов занятия радиокружка юных пионеров. Ребят пришло много, очень интересуются радио. Начали монтировать коротковолновый ламповый приёмник по схеме Андреева. После занятий общегородское собрание ВЛКСМ, доклад об оппозиции. Сегодня первый раз слушали концерт на своём приёмнике, его монтаж заканчивал Коля. Хабаровск слышно удовлетворительно, но ещё требуются кое-какие доделки. Строим по схеме Слепяна на двух лампах. Вчера смотрел кинокартину в Народном доме «Аэлита». Она в двух сериях, показали пока одну.

Вторник, 13 декабря. Ясно, штормовой западный ветер, к ночи перешёл на северо-восточный. Работаю в ремесленном. В семнадцать часов тут теоретические занятия по строительному делу. По окончании занятий иду в кино смотреть вторую серию «Аэлиты». Очень интересная картина. Сюжет фантастический. Инженер Лось летит на Марс. После кино — танцы, устроенные экипажем парохода «Эривань».

Четверг, 15 декабря. Ночью слабый снежок, утром ясно, северо-восточный ветер, три балла. Пасмурно. Работаю в ремесленном. После обеда поддежуриваю. Короткие волны совсем не проходят. Во Владивосток ушёл пароход «Эривань». Вечером дома на своём коротковолновом приёмнике обнаружили Владивосток — Ra-03. Слышимость хорошая. Вот что он передавал: «Cq de Ra03 test de Vladivostok grh abt 39 mtr pse gsl crd to radio laboratory of far eastern university Vladivostok Siberia». Мы с Колей

дали ему квитанцию. На рации работы очень много. Мы с Колей пропадаем здесь. Сегодня ставили мачту для коротковолнового передатчика, но поставить полностью не удалось. Плотники-китайцы что-то долго с ней возились.

Суббота, 17 декабря. Ясно, ветер всё время меняется: утром был северо-восточный, днём восточный, вечером снова северо-восточный. В семнадцать часов занятия радиокружка, но работа двигается в нём плохо, нет совсем материалов. После кружка — заседание бюро школьной ячейки ВЛКСМ. В двадцать часов кино «Чёртовое колесо» — картина из жизни краснофлотцев. Мне понравилось.

Воскресенье, 18 декабря. Пасмурно, северо-западный ветер, снег. Устанавливаем мачты для коротковолнового передатчика, на этой работе потратили пять с половиной часов. В восемнадцать часов был с Колей Коневым в гостях у Лиды Богатырёвой. Очень обрадовалась. Сидел в ней два часа, а потом ушёл на дежурство. Вечером слушали с Колей на своём приёмнике оперу «Евгений Онегин» из Хабаровска. Братья Женья и Петя ушли в Народный дом на вечер. Погода испортилась.

Понедельник, 19 декабря. Ясно, слабый восточный ветер, с полудня — штиль. Бухта как зеркало. С крыш капает. Вернулась весна! Небо чистое, чистое. Дежурю дома, сам поварю. Работаю в ремесленном. Мама в больнице, лечит зубы. На рации идёт ремонт крыши, стук мешает приёму. В здании холодно, печь дымит до того, что дым разъедает глаза. Охрана труда спит.

Вторник, 20 декабря. Юго-восточный ветер, дождь. Это в декабре месяце и на Камчатке! С полудня — снег с дождём. Дежурю. Переговоры по радио с островом Беринга, где стоит пароход «Астрахань», но из-за шторма выгрузиться не может. На нём крайне необходимые населению продукты. Пароходу дано указание вернуться в Петропавловск. Население Командорских островов, особенно Медного, на грани голодовки. Капитан вторично идти на острова отказался. Зимы смогут протянуть лишь на голодном пайке. Вот к чему привела неповоротливость Госторга. Он спохватился с отправкой снабжения, когда всякая возможность сделать это была потеряна. Да, пожалуй, и вовсе забыл бы про эти острова, если бы не нажим на него окрисполкома и ГПУ. Камчатка уже третий год ощущает большую нехватку в питании. Местами население форменным образом голодает, не хватает муки, крупы, сахару, и прочего очень мало завезли. Ночью сильный снег. Коля на работу пришёл на лыжах, а я их взял у него, без них утопаешь в снегу по пояс. Домой вернулся в двадцать два часа. Пришёл пароход «Астрахань» с Командорских островов.

Воскресенье, 25 декабря. Сильный шторм, ураганный восточный ветер, впоследствии перешедший на юго-запад. Пурга, ни зги не видно. Ветром сбивает с ног. Стоящий у пирса пароход «Астрахань» отнесло на середину Ковша: лопнули швартовы. Носом его прижало к берегу Никольской горы. С дежурства еле-еле доплёлся домой лишь к половине одиннадцатого. В квартире страшная сырость из-за непогоды. Течёт с крыши прямо на кровати. Мама и сестрёнки готовятся к Новому году, крутятся у плиты. Вечером ураган стих, ушёл на запад. Моросит дождь, тепло, рождественскими морозами и не пахнет! Температура воздуха в семь часов три с половиной градуса.

Понедельник, 26 декабря. Мокрый снег, юго-западный ветер, вечером слабая пурга. Небывалый нагон воды, пристань почти вся затоплена. Склады на берегу залиты водой, подмочены разные товары. Волны перекатываются через Кошку, где стоит памятник «Слава», в Ковше многие шлюпки посрывало с якорей, унесло на перешеек Никольской горы. Даже и в Ковше волнение. У некоторых домов посрывало крыши, повалило заборы. В общем, ураган наделал дел! Температура воздуха в тринадцать часов плюс один градус.

Вторник, 27 декабря. Ясно, северо-восточный ветер борется с западным. Морозит. Выпал неглубокий снег. Вечером небо закрыло тучами. Поддежуриваю. Сегодня предполагают провести пробу на коротковолновом передатчике. Это — первое испытание коротких волн на Камчатке. Завтра пароход «Астрахань» уходит во Владивосток и инженер Квятковский уезжает в Хабаровск. С утра заболел братишка Герман. У него сильный жар, рвота.

Среда, 28 декабря. Ясно, слабый северо-восток. Народилась луна. Морозит. Дежурю. Со вчерашней полочки, наконец, купил себе кожаную тужурку, на ботинки денег

не хватило. Мама нервничает, еле сводим конца с концами. Всю зарплату с братом Женей отдаём маме, она распределяет, что куда, но сколько дыр! Всё заткнуть не удаётся. Купили сестрёнке Толе ботинки. Я свои сбережения от сверхурочных и работы в ремесленном отдал брату Жене на тужурку, которой у него не было. Сам хочу занять денег у товарища по работе Миши Левина на сапоги и брюки. Предполагается в скором времени получка сверхурочных, из них ему выплачу долг. Испытывали коротковолновый передатчик с двух до трёх и с десяти до одиннадцати московского времени. Квитанции на слышимость пока ни от кого не получены. Пароход «Астрахань» ушёл сегодня в половине девятого утра во Владивосток, Квятковский уехал. Температура воздуха в тринадцать часов минус два градуса.

Четверг, 29 декабря. Ясно, лёгкий северо-восток, на небе ни облачка. Вулканы рельефно выделяются на голубом небе. Все они покрыты ослепительно белым снегом. Особенно красивы Корякский и Авача. Давно не было такого хорошего и ясного дня, поэтому на душе спокойно и радостно. С дежурства пришёл рано, после завтрака иду в ремесленную. Сегодня день траты денег на покупки. После обеда ходили с Колей Медведицыным в Госторг, купил себе брюки, Женя — тужурку, Коля тоже. Правда, Коле тужурка немного великовата, зато — обнова! Начинаются разговоры о встрече Нового года. Получил несколько предложений, в том числе от Веры Савиной, Бакуловых и от Вити Соловьёва. Пока никому согласия не дал. Пароход «Астрахань» задержался на рейде из-за каких-то неполадок, и только сегодня в двенадцать дня ушёл во Владивосток. Ночью слабый снег. Температура воздуха в двадцать один час минус семь градусов.

Пятница, 30 декабря. Пасмурно, северо-восток. Утром ходил опять в Госторг, купил ботинки с галошами. Заплатил восемнадцать рублей восемнадцать копеек. Работаю сверхурочно на радию. Вечером политзанятия, затем сыгровка, но она не состоялась. Все готовятся к Новому году. Получил письмо от школьного товарища Феди Бурделёва. Он учителствует в Мильково, скучает, просит писать. Новый год, наверное, будем встречать дома. Другие компании молчат. Очень слабый снег.

Суббота, 31 декабря. Ясно, ветер слабый, чуть-чуть колышет поверхность бухты. Хлопochу насчёт Нового года. Закупил пирожных, вина. Мама что-то прихварывает, говорит, кружится голова. Видимо, от усталости и скверных жилищных условий. Поддежуриваю. Домой пришёл в девятнадцать часов. В шестнадцать часов приходил на работу Федя Воробьёв, приглашал встречать Новый год. Решаем идти к нему, там собираются все коллеги по работе. Много общих интересов у всех. Часов в двадцать неожиданно появился к нам отец, который никогда у нас не бывает. Накануне он на улице встретил брата Петю и дал ему двадцать рублей на тужурку. Но купить тужурку не пришлось. Деньги ушли на оплату квартиры. Вот он и начал разоряться и скандалить: почему деньги израсходовали не так, как он предлагал. Мама плачет, мы с Женей стали на её защиту, тоже расстроились. Потом отец начал извиняться за скандал. Мы ушли к Воробьёвым: Женя, Коля и я, забрали мандолину и гитару. Старый 1927-й год начали провожать с двадцати трёх часов, и к новому 1928-му году кое-кто уже изрядно поднабрался. Мы с Женей играли для присутствующих. В двадцать четыре часа по старой камчатской традиции новый 1928-й год встречали выстрелами из ружей. По всей Таможенной улице поднялась настоящая канонада. Домой вернулись в четыре часа утра 1 января. Настроение какое-то подавленное. Из школьных друзей никого не было, не то, что в 1927-м.

1928 г.

Воскресенье, 1 января. Ясно, морозно. Дежурю. Город спит, на улицах ни души. На радию много работы. Домой пришёл в тринадцать часов. После обеда решил перед ночью отдохнуть, но к дяде пришли гости, уснуть не удалось. В восемнадцать часов ушёл на вахту. Ночью надо было дать команду о запуске моторов. Я побежал по тёмному коридору и со всего размаха налетел на печку, на лбу посадил огромную шишку и расцарапал лоб. Удар был настолько силён, что я едва устоял на ногах. Впечатление такое, как будто меня кто-то ударил поленом по затылку. Хорош новогодний «подарок»! Теперь ребята будут смеяться, что разукрасил себя в драке. Так неудобно! Штиль, вокруг луны круг.

Г. П. Сычёв на радиостанции. НВФ 3580

Слева направо: Е. П. Сычёв, Н. В. Медведицын,
Г. П. Сычёв. ККМГИ 6027

Николай Медведицын и Георгий Сычёв, Петропавловск, 1928 г. НВФ 1660

Панорама Петропавловского Ковша. Сентябрь 1927 г. НВФ 4202

Партийный клуб в Петропавловске, 1927 г.
ККМГИ 16307—16307

Понедельник, 2 января. Ясно, лёгкий северо-восток. К вечеру совсем стих. Болеет мама, не встаёт с постели, очень её жалко. Дома хлопочет сестрёнка Толя. В ремесленное не ходил, страшно болит голова и хочется спать. Брат Женя переведён на рации в мотористы, до сего дня он работал здесь уборщиком и одновременно учился на моториста. Теперь зарплата у него увеличится. Дежурит в одной смене с Колей Медведицыным. Обмен по радио растёт с каждым днём, особенно много поступает информации РостА (Российского телеграфного агентства. — *Ред.*). В день поступает от пяти до семи тысяч слов и более. Приём от Хабаровска доходит до восьми с половиной тысяч слов в день, Владивосток даёт без перерыва подряд четыре часа. Вся эта масса корреспонденции обрабатывается на слух. Слышимость Владивостока очень плохая. Мы почти всё время пропадаем на рации, переутомление страшное. Очень болит голова и раковины ушей. После шести часов дежурства идёшь домой, как пьяный. В ушах звон, в голове шум. Долго не можешь дома уснуть, избавиться от писка и боли в ушах. Срывается учёба в ремесленном. Радиокружок уже два раза не занимался, нет ни минуты свободной. Дома вечером на своём приёмнике слушаем радиоконцерт, слышно хорошо.

Вторник, 3 января. Ясно, лёгкий северо-восток. К полудню перестал. Работаю в ремесленном. С двенадцати часов дежурю. Хабаровск на двадцати трёх метрах проходит хорошо. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра под управлением Трутце. Жду письма от Маруси Новограбленовой. Купил новый отрывной календарь. Попалась в нём заметка «Город Петропавловск-Камчатский». Автор ужасно фантазирует, пишет, что в «Петропавловске все постройки деревянные, привезённые в разобранном виде из Владивостока или Америки. Город богат историческими достопримечательностями, как-то: старинные торговые ряды, построенные сто семьдесят лет тому назад... Населения в городе не насчитывается и десяти тысяч человек даже летом, когда приезжают на рыбалки...» Требуется внести коррективы в эти вымыслы. Домов в разобранном виде из Владивостока не привозилось, тем более их не привозилось и из Америки. В 1912—1914 гг. с материка был доставлен пилёный лес, из которого и выстроены «казённые дома» — окружной суд из семи строений, губернаторский и вице-губернаторский особняки, их канцелярия, жилые двухэтажные дома для служащих, банк и ряд других. Из американских сосновых досок построено несколько домов жителей, церковь и старое полицейское управление. Остальные здания, в большинстве одноэтажные, возведены из местного берёзового, тополёвого или ольхового кругляка.

Торгового ряда никакого нет. Есть «базар», выстроенный в 1913 г. к трёхсотлетию Дома Романовых (бывших царей). На нём дата основания города и окончания строительства «базара» — 1741—1913 гг. На базаре под крышей всего один ряд прилавков да две-три лавчонки, занимаемые китайцами-торговцами. При открытии этого базара летом 1913 г. и его «освящении» попами по тогдашнему обычаю я присутствовал, мне тогда было десять лет. Население города по переписи 1927 г. составляло 1 640 душ обоего пола. На рыбалки в город Петропавловск никто никогда не приезжал, рыбалок таких на побережье города нет, да и массового хода рыбы, который бы оправдывал эксплуатацию промыслов, нет. Местное население ловит рыбу для своих нужд, организуясь в маленькие артели из четырёх-шести человек. Так на листке в двадцать одну строчку столько написано неправды! А ведь автор, вероятно, за это враньё получил гонорар?!

Среда, 4 января. Ясно, очень слабый северо-восточный ветер, к вечеру стихший. Работаю в ремесленном, а после обеда поддежуриваю. Мама всё болеет, не поднимается с кровати. Готовят пищу сестрёнки и дядя. Идя на рацию, встретил кем-то раненую собаку. Передняя левая нога у неё была совсем перебита и держалась только на коже. Собака еле передвигалась. Пройдёт несколько метров, остановится, отдыхает. Я невольно заглянул ей в глаза, и в них отразились такие страдания и укор человеку, что мне стало не по себе. Хотелось облегчить её страдания и приласкать, но в кармане у меня ничего не нашлось. Да, к сожалению, люди порой бывают страшно жестоки! Несколько секунд я постоял, посмотрел на неё. Сердце до боли сжалось, приходилось торопиться на дежурство, а раненая, шатаясь, на трёх ногах поплелась далее, сопро-

вождаемая другой собакой, по-видимому, другом, не покинувшим её в беде. Виденное оставило горький осадок на душе. Днём ходил в баню. Парит Авачинский вулкан.

Четверг, 5 января. Ясно, полный штиль. Ковш начинает затягиваться молодым льдом. Дежурю. В городе идут работы по электрификации, натягиваются линейные провода, делается проводка в домах. Также начато строительство нового пирса, много больше старого, забиваются сваи огромной длины. С сегодняшнего дня переходим на пятисменку. Пришёл из отпуска радист Федя Воробьёв, теперь хоть отдохнём немного от сверхурочных. Хабаровск днём на двадцати трёх метрах слышен хорошо, а вечером значительные фединги. На владивостокском направлении исправили усилитель, у него сгорел трансформатор. Теперь слышимость намного улучшилась, поднялась до отличной. Отсюда и приём стал устойчивым.

Пятница, 6 января. Пасмурно, вечером разъяснило. Работаю в ремесленном. Заместитель начальника радицентра предлагает участвовать в постройке и установке радиоприёмников для окрпрофбюро и окрбюро ВКП(б). Дал согласие, будет хорошая практика. В семнадцать часов занятия по черчению, затем политзанятия. Выступал. Выбрали делегатом на конференцию политшкол, которая состоится 19 января. Маруся Новограбленова приехала в село Мильково — место своей работы. Мама поправилась. Дядя собирается на собаках в село Тигиль, где мы ранее жили. Это восемьсот километров от города Петропавловска на северо-восток Камчатки. Венец вокруг луны.

Суббота, 7 января. Утром слабый снег. После обеда северо-восточный ветер. Ясно. Работаю в ремесленном. После обеда разговариваю по телефону с Марусей Новограбленовой в Мильково. Посылки, письма она получила. В шестнадцать часов общее собрание Союза связи. Коля делает доклад «Профсоюзы за десять лет», я — содокладчик. После собрания идём в Нардом в кино, которое для нас бесплатно, картина «Гарпун» из жизни голландских китобоев. Мне понравилась, красивые декорации и виды.

Понедельник, 9 января. Ясно, северо-восток. Пошёл за получкой сверхурочных, но денег не оказалось. Пока их дожидался, дядя уехал в Тигиль, проститься с ним не удалось. Очень сожалею. Температура воздуха в двадцать один час — минус шестнадцать градусов. Облачность.

Четверг, 12 января. Слабый снег, с северо-востока — чёрные тучи, метель. Вчера писал письмо школьному товарищу Феде Бурделёву. Спать лёг в час ночи, встал в девять. Работаю в ремесленном. В газете «Полярная звезда» появилась моя статья «К организации радиокружка», которую в редакцию сдал месяца два назад, помещена без сокращений. В восемнадцать часов заседание окрбюро ВЛКСМ совместно с коллегией окроно. Слушался доклад о работе школы-девятилетки и содоклад об её обследовании. Обсуждение обоих заняло более четырёх часов.

Понедельник, 16 января. Ясно, морозно. Авачинская бухта покрылась льдом. С утра над городом и его окрестностями сильный густой туман, настолько густой, что на солнце можно смотреть невооружённым глазом. Туман надвинулся с северо-востока с глубинных пунктов, где, по-видимому, очень низкая температура, они ведь расположены далеко от бухты и моря. Наконец получил сверхурочные, рассчитался с долгами, сорок рублей отдал маме. Работаю в ремесленном. В семнадцать часов здесь занятия по теории. Завтра сдача зачётов, придётся много чертить.

Вторник, 17 января. Ясно, туман над рекой Авачей. Это — в двенадцати километрах от города. Работаю в ремесленном. В семнадцать часов сдача зачётов по технологии дерева и строительному делу. Сдал на отлично. Осталось ещё черчение и смета на строительство дома. В восемнадцать часов конференция политшкол, я делегатом на ней. Выступал в прениях, затем ушёл на сыгровку великорусского оркестра. Он сильно разросся, пришло много ребят и девочек. Готовимся к Ленинским дням 21—22 января. Ходил в баню.

Среда, 19 января. Ясно, северный ветер. Морозно, бухта почти вся замёрзла. Только на фарватере от реки Авачи до Никольской сопки ещё не встала, мешает быстрое течение. Ходил на совещание относительно производственных отпусков. Нам с Колей дают в зимнее время: ему в феврале, мне — в марте. Из ребят никто с нами меняться не хочет. Думаю отпуск перенести на будущий год. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра, где я играю на домре-альт первой. После сыгровки — бесплатное

кино «Долина слёз» из азиатской жизни, рисует борьбу с ханами. Артисты играют замечательно, красивые виды. Понравилась. Завтра намерен сходить к отцу в больницу. Говорят, он сильно болен воспалением лёгких. Я тоже себя чувствую неважно, всего ломает, озноб, боль в затылке, ушах. От мамы болезнь скрываю. Разговаривал с начальством относительно квартиры, вопрос остался открытым.

Пятница, 20 января. Ясно. Штиль. Работаю в ремесленном. Дежурю. К отцу сходить не удалось, очень занят с зачётами по ремесленному. Бухта продолжает замерзать, образуется гладкий лёд, что хорошо для катания на коньках. Туман над полыньями около устья реки Авачи. Температура воздуха в двадцать один час — минус восемнадцать градусов.

Суббота, 21 января. Ясно, морозно. В семнадцать часов траурное заседание в школе-девятилетке по случаю смерти В. И. Ленина и расстрела в 1905 г. на Лене. Выступал со своим школьным струнным оркестром. Особое впечатление оставил рассказ-воспоминание одного участника похорон Ильича в Москве четыре года назад. Он просто, душевно, с волнением, языком простолюдина рассказал об этом. На глаза невольно навёртывались слезы. «Мы, — говорит, — свою вождя хоронили! Округ пятьсот тыщ народу проходило у катафалка Ильича каждый день...» Первую телеграмму в Петропавловске-на-Камчатке о смерти В. И. Ленина в 1924 г. в два часа ночи по местному времени пришлось принимать мне, тогда ещё молодому радисту-комсомольцу. От волнения рука отказывалась писать, никто ещё, кроме меня, не знал этой трагической вести. За здоровьем Ильича следила вся Россия, в том числе и Камчатка, очень внимательно. Интересовались каждым сообщением. Сразу же я позвонил председателю окрревкома, секретарю окружкома ВКП(б) и начальнику ГПУ, вызвал их на рацию, здесь вручил им траурное сообщение. Ежедневно к нам поступали бюллетени о состоянии здоровья Ильича. Мы с замиранием сердца следили за ними. Поэтому можно понять, какое тягостное впечатление произвело сообщение о смерти В. И. Ленина. Вечер в школе закончился пением революционных песен, декламацией, посвящённой траурному дню. Впервые сегодня в городе за всё время его существования и Камчатки зажглась «лампочка Ильича»: пустили новую электростанцию на постоянном токе. Многие жители уже провели электричество себе. По слухам, недавно у китайцев, которых в городе много, были произведены обыски. Что бы это значило?

Воскресенье, 22 января. Ясно, лёгкий северо-восток. Ходил с братом Петей к отцу в больницу. Он очень похудел. Общего языка для разговора не нашлось, Петя — так совсем молчал. Ушли минут через сорок. После обеда катался на бухте на коньках, было много знакомых ребят и девчат. В двадцать один час в Нардоме — живой журнал, где мы выступаем смешанным оркестром великорусским и неаполитанским. На сцене разместилось всего человек тридцать или более музыкантов. Дирижирует Трутце. Наше выступление произвело большое впечатление, аплодисменты долго не смолкали. Исполняли музыкальную картину «Девятое января 1905 года». Когда барабан имитировал орудийные выстрелы, прямо мороз по коже пробегал. Играли с большим воодушевлением. Вторым номером шёл вальс «Европа». Журналом зрители остались очень довольны.

Понедельник, 23 января. Ясно, сильный северо-восток, пронизывающий насквозь. Дома холодно. Получил письмо от М. Стюаса. Сообщает: в селе Малка сильные морозы, доходящие до сорока и ниже. У него лопнул ртутный термометр. В Пуццино морозы ниже пятидесяти. От Маруси писем нет. Это нас всех беспокоит.

Вторник, 24 января. Ясно, северо-восток. Работаю в ремесленном. Сегодня подводили итоги за второй семестр. Успеваемость у меня хорошая, только ещё не сдал черчение и строительную смету. Сдачу продлили до 30 января. Успевают в нашей группе только пятьдесят процентов ремесленников. После обеда поддежуриваю. Выявились плохие отметки у братьев Пети и Алёши, также у сестёр Толи и Шуры. Особенно плохие дела у Алексея, он способный, но лентяй. Мама просит им помогать, но как будешь помогать, когда у самого голова пухнет от всяких собраний и заседаний. В окружкоме ВЛКСМ не считают, что работаю и учусь, и вообще на комсомольцев-учащихся нагружают столько, что они не могут нести нагрузки без ущерба

для учёбы. Поэтому учатся все гораздо хуже, нежели беспартийные. Последние же смеются над нами за неуспеваемость, козыряют своими успехами, и что плохо — ведут агитацию против вступления в комсомол. Приходится ухо держать остро и давать отпор таким наскокам.

Среда, 25 февраля. Ясно, северо-восток. В школе каникулы, заседает педсовет. Сегодня получка. Маме отдал девяносто рублей, остальные ушли на погашение долгов и ссуды. Купил себе перчатки, струны для мандолины и медиаторы. Настроение скверное, дома ужасная сырость, теснота, негде повернуться. От сырости портятся хорошие книги, и не знаю, как их спасти, прямо руки опускаются! Мама ходила в больницу к отцу, где встретила его новую жену. Та её при людях стала оскорблять. Домой пришла очень расстроенной, плачет. Я сказал маме, чтобы она более не ходила в больницу к отцу, он ведь всё равно давно с нами не живёт, имеет детей от второй и нам нисколько не помогает. Проживём без него, теперь ребята подрастают, сами с Женей работаем. Нарываться на скандалы бессовестной бабы нечего! Дежурю. Разговаривал по телефону с селом Малка, где находится начальник управления окружной связи т. Ерахтин. Речь шла о наших с Колей отпусках. Он и его заместитель настаивают дать нам отпуска по первому постановлению РКК, то есть Коле с 1 февраля по 15 марта, мне — с 15 марта по 1 мая, как раз в самую распутицу. Снегу выше пояса, пурги, сугробы, а я мечтал ныне побывать на Корякском и Авачинском вулканах. Всё рушится. Перенести отпуск на будущий год начальник тоже не соглашается. Совсем расстроился. Окрбюро ВЛКСМ предложило составить инструкцию для деревни о подвеске антенн и сообщить адреса магазинов, торгующих радиоаппаратурой, в частности, коротковолновыми приёмниками. Температура воздуха в тринадцать часов — минус девять градусов. Рождение луны.

Четверг, 26 января. Ясно, штиль, морозно. Дежурю. Из Начик привезли почту с восточного берега Камчатки, получил письмо от Маруси, датировано оно 16 декабря минувшего года. Скучает иногда, льёт слёзы. В шестнадцать часов занятия радиокружка, но ребята не пришли, занятия не состоялись. В восемнадцать часов заседание пленума горсовета, после — сыгровка великорусского оркестра. Домой пришёл в двадцать три часа, сел за черчение. Спать лёг в половине второго ночи.

Пятница, 27 января. Ясно, северо-восток. Работаю в ремесленном. В пятнадцать часов сыгровка школьного струнного оркестра, которым руковожу. Закончилась в семнадцать часов. После ужина черчу. Спать лёг в два часа ночи. Голова гудит, как котёл.

Суббота, 28 января. Ясно, северо-восток. Поддежуриваю. После работы — черчение. В девятнадцать часов сыгровка великорусского оркестра. Опять до двух часов ночи чертил. Коля пишет письмо Марусе Новограбленовой. Удастся ли мне ей написать? Совершенно нет времени. Температура воздуха в семь утра — минус двадцать четыре градуса.

Воскресенье, 29 января. Утром слабый снег, с полудня северо-восток. Ясно. Поддежуриваю. Сегодня в школе костюмированный вечер, выступаем с оркестром. Вечер прошёл скучно, старых школьных друзей уже никого тут ни осталось, все разбрелись кто куда, всё мелкота. Девчата больше увлекаются танцами, и нам приходится играть почти без передышки. Вечер закончился в первом часу ночи. На вечере встретил двух «старых» подруг — Нюру Погодаеву и Веру Савину. Последней передал письмо от Маруси Новограбленовой. Дома — чертёжные зачётные работы.

Понедельник, 30 января. Ясно, штиль, мороз сдал. С самого утра сижу за чертежами. Очень устал, болят глаза и голова. Чертежи закончил в восемнадцать часов и сразу сдал преподавателю. Дежурю. На счастье, сегодня работы на рации мало. Пишу письма Марусе и Стovasу.

Вторник, 31 января. Ясно. С дежурства пришёл в половине девятого утра. После завтрака пошёл к товарищу по ремесленному Коле Коневу составлять строительную смету. Занимались до пятнадцати часов. Дома немного отдохнул. Сегодня в школе опять вечер. Это чисто «семейный», группы «А». Приглашён как руководитель оркестра. Вечер прошёл интереснее предыдущего, особенно веселился брат Петя и своим весельем заразил одноклассников. Из старых друзей встретил одну Нату Ошеву.

Вечер закончился во втором часу ночи. Отправил письма Мише и Марусе. Температура воздуха в двадцать один час — минус девять.

Среда, 1 февраля. Ясно, штиль. С Колей Коневым с десяти часов работаем над сметами по строительству, закончили в восемнадцать часов. Вечером кино «За кулисами цирка», драма в восьми частях, картина очень интересная. После кино ходили в баню. Спать лёг в два часа ночи.

Четверг, 2 февраля. Ясно, штиль. Заседание комиссии по установлению производственного стажа. Дежурю. Тёплый лунный вечер. Днём была капель с крыш.

Пятница, 3 февраля. Ясно, северо-восточный ветер. Поддежуриваю. После работы с Колей Коневым заканчиваем сметы. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра.

Суббота, 4 февраля. Ясно, северо-восточный ветер. Дежурю. Встал в семь утра, уже светает, Луна, заходящая над Ганальскими вострыками, кажется огромным серебряным шаром. Своим бледно-зелёным светом освещает вершины хребтов, отчего они кажутся блестящими, резко выделяя впадины, скалы. С северо-западной стороны неба поднимаются белые пушистые облака, больше похожие на взбитую вату. Несколько минут в предрассветной тишине любовался этой чудесной картиной. Сегодня сдал и зачётную строительную смету.

Воскресенье, 5 февраля. Ясно, штиль. Утро морозное. Солнышко только-только начинает пригревать. Мою тужурку мороз пробивает, ходить в ней холодновато. С дежурства пришёл в девять утра, отдохнуть не удалось. Пошёл прогуляться вокруг Никольской сопки. Идёт навага, поэтому у лунок много рыбаков-любителей, которые крючками её ловят. Кто же побогаче, те в прорубь опускают сетки-вентери. Около рыбаков порядочные кучки добытой наваги. Пешком прошёл более двух километров. Зашёл на почту, поговорил по телефону с Мишей Стovasом. Моё письмо он получил. После обеда ходил кататься на коньках, катался до усталости. Вечером кино «Судья острова Майя», картина из жизни английских лордов. Не понравилась. Получил письмо от школьного товарища Феди Бурделёва.

Среда, 8 февраля. Снег, пурга. Сильным ветром бухту очистило ото льда, он остался только в Ковше. Вокруг дома намело большие сугробы. Работаю в ремесленном, после обеда поддежуриваю. Третий день по вечерам занимаюсь математикой с товарищем по ремесленному Ваней Казаковым, он отстаёт по этому предмету.

Четверг, 9 февраля. Утром западный ветер, метель, с полудня северо-восточный, пурга. Дежурю. Со стороны Тарьинской бухты наносит лёд, прибывает его к берегу. Днём занятия радиокружка. Температура воздуха в тринадцать часов — минус три градуса.

Пятница, 10 февраля. Пурга. Работаю в ремесленном. В семнадцать часов занятия по черчению. Всю Авачинскую бухту, начиная от Сигнального мыса и до камня «Бабушка», что на входе в бухту, забило льдом, принесённым со стороны Тарьи. После обеда отвечал на письмо Феди Бурделёва.

Суббота, 11 февраля. Пасмурно. Работаю в ремесленном. В семнадцать часов сразу два заседания, на которых мне необходимо быть: бюро кооперативно-торговой секции горсовета и другое — заседание страхкассы. Успел на оба. В Нардоме вечер в пользу Осоавиахима, но на него не пошёл, занимался радиолюбительством.

Воскресенье, 12 февраля. Ясно, штиль. Погода прелестная. Масса жителей высыпала на улицу, многие катаются с сопки на лыжах, а мне дежурить... Завидую им. В двадцать часов кино «Чёрное сердце» из гражданской жизни, очень интересная картина.

Понедельник, 13 февраля. Северо-восточный ветер, пасмурно. Работаю в ремесленном, после обеда поддежуриваю. Из сообщений Российского Телеграфного агентства узнал, что оппозиционер Троцкий выслан из Москвы в город Фрунзе, Раковский — в Туруханский край, Зиновьев и Каменев опубликовали письмо в «Правде» с отречением от участия в оппозиции на стороне Троцкого. Вечером писал письмо Марусе Новограбленовой и Феде Бурделёву. Дома с Колей и всеми нашими слушали радио-концерт камерной музыки, посвящённый композитору Мендельсону, исполнялись также произведения Моцарта. Слышимость хорошая. Доставил удовольствие всем. 10 февраля дядя приехал в село Тигиль. Таким образом, расстояние в восемьсот

километров на собаках он преодолел за тридцать два дня. Мешала плохая погода и сильно разбитая раскатистая дорога. В городе подорожали дрова. Ранее берёзовые стоили пятнадцать-восемнадцать рублей за погонную сажень, а сейчас стали двадцать пять — двадцать восемь рублей. Подскочило в цене и мясо, кило сегодня стоит два рубля пятьдесят копеек.

Вторник, 14 февраля. Ясно, штиль, тихий, тёплый день. Бухта как зеркало. С крыш капает. Дежурю. Вчера на своём любительском двухламповом приёмнике в час ночи по местному времени с Колей слышали Москву с позывными «Sok». Радости не было границ. Москва с 11 февраля даёт специально для коротковолнников пробы. Приём контролируется такими текстами: «Радио в массы», «Для радио нет границ», «У всех масс есть своя история», «Отвечайте, мы вас слушаем», «Изучайте короткие волны» и т. д. Испытания проводятся с шестнадцати до двадцати четырёх часов московского времени (по местному с двадцати четырёх до восьми утра). Слышимость в шестнадцать часов по Москве R-69 (очень хорошая), в двадцать два — R-48 (хорошая). Этим днём испытания заканчиваются, Москва просит квитанции.

Мы с Колей отправили им телеграмму. Лучшим коротковолнникам назначена премия. Мама что-то стала часто прихварывать. Боимся за её жизнь. Сегодня ходила в больницу лечить зубы, хотела сделать протезы, но зуботехник тянет второй год, а сегодня отказал окончательно. Мама пришла совсем расстроенная, еле сдерживает слёзы. Мне её жалко, берёт зло на волокиту больницы. В семнадцать часов занятия по строительному делу. На дежурстве пишу статью в газету «Полярная звезда» о работе коротковолновой передачи Москвы, её расписании.

Четверг, 16 февраля. Утром ясно, штиль. С полудня пасмурно, вечером снег, северо-западный ветер. Вчера всю ночь с Колей слушали Москву на коротких волнах, я до четырёх, Коля меня сменил и слушал до половины девятого местного времени. Контрольные передачи нами были приняты все. Вот они: «Радио — сильнейший рычаг в деле распространения культуры. При помощи радио понесём знания в массы. Кино и радио есть достижения наших дней. Радиотехника есть одна из областей электротехники. Для понятия радиотехники необходимо знание электротехники. Радиолюбительство сеет знание радиотехники в народе. Слои Хивисайда ионизирован. Чем выше частота, тем короче волна».

Этим испытания на 15 февраля закончились. Слышимость хорошая, шумели батареи. Утром работаю в ремесленном. В шестнадцать часов занятия радиокружка, после занятий читка пьесы в ремесленном, но её пришлось прекратить. При переплёте книжку так обкорнали, что целые строки были срезаны переплётным ножом. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра. Сегодня в ремесленное приходил инспектор соцвоса Жедяевский, предложил мне ехать учителем в село Ключи. Материально, говорит, будет выгодно, но я отказался до окончания учёбы в ремесленном. Наша с Колей статья об успехах радиовещания на коротких волнах в газете напечатана полностью, вызвала у читателей большой интерес. Мне по этому поводу задают много вопросов.

Суббота, 18 февраля. Утром ясно, северо-восточный ветер, с полудня снег. Работаю в ремесленном. После обеда поддежуриваю. Получил письмо от Миши Стоваса, он хочет вступать в партию, просит моего совета, но я не знаю, что ему посоветовать. Уж очень хитрый парень, вступает, конечно, не по убеждению, а из расчёта. К тому же в школе он всё время был против комсомола и не помогал нам в его работе, а больше вредил своими разговорами. Вечером слушали радиоконцерт от коротковолнового Хабаровска на своём с Колей любительском приёмнике. Впервые выступали тунгусы, буряты, ительмены и другие, говорили на родных языках. Москву нам так и не удалось послушать, сильно мешал какой-то сосед на этой же волне, «свистел» на регенеративном приёмнике.

Понедельник, 20 февраля. Ясно, северо-восточный ветер, позёмка. Работаю в ремесленном. В четырнадцать часов заседание комиссии по проведению дня Красной Армии 23 февраля. Руководжу музкружком. В восемнадцать часов сыгровка. Остаток дня с Колей провели над усовершенствованием приёмника. Пришла почта с периферии, но писем от Маруси нет.

Вторник, 21 февраля. Ясно, штиль. Работаю в ремесленном. В шестнадцать часов собрание музкружка школы, в него записались более шестидесяти человек. Руководом приглашён Трутце. В семнадцать часов теоретические занятия в ремесленном, в восемнадцать — кустовое собрание, сыгровка. Вчерашним северо-восточным ветром бухту взломало, часть льда унесло в Раковую бухту, часть к воротам, это на выходе Авачинской губы, у маяка. Температура воздуха в тринадцать часов — минус семь градусов.

Среда, 22 февраля. Ясно, штиль. Работаю в ремесленном. После обеда поддежуриваю. В девятнадцать часов вечер в школе, прошу Колю заменить меня, что он и сделал. В восемнадцать часов народу в школе собралось много. Выступал наш оркестр, затем он же сопровождал балетные выступления учениц, которыми руководит школьница Нина Рожкова, самобытная любительница этого вида искусства, притом самоучка. Вечер прошёл замечательно. Наши «балерины» имели большой успех. Авачинская бухта снова покрылась молодым льдом, на этот раз, видно, надолго. Температура воздуха в двадцать один час — минус шестнадцать.

Четверг, 23 февраля. Ясный, тихий день, десятая годовщина Красной Армии. Поддежуриваю. Вечером в Народном доме бесплатный спектакль «Амба» в девяти действиях. Интересная постановка о шпионе, который по подложным документам пролез в партию и повсюду вредил, потом был разоблачён и отравился. Его сообщники также были пойманы и все расстреляны. Любители-артисты играли с воодушевлением. Спектакль прошёл с большим успехом. Нарождение луны.

Суббота, 25 февраля. Пасмурно, оттепель. Работаю в ремесленном. Получка. Себе из ста тридцати рублей оставил только три, остальные ушли на членские взносы. Сто десять отдал маме. Ходили в баню. В шестнадцать часов сыгровка. Наш школьный оркестр, которым я руковожу, пригласили на комсомольский вечер в Нардом, играли до двенадцати ночи. Народу было много.

Воскресенье, 26 февраля. Ясно, штиль. Пришла настоящая весна. Снег подтаивает. Работаю в ремесленном. Окрбюро партии торопит со сборкой приёмника, который они поручили нам с Колей. Хотят его установить к 5 марта, когда созывается окружное комсомольское совещание. Днём состоялась военная инсценировка на улицах города: показывали бой Красной Армии и партизан с белобандитами. Вечером кино «Прекрасная Нивериеза» с американским концом. Не понравилось.

Понедельник, 27 февраля. Ясно, штиль. Работаю в ремесленном. После обеда поддежуриваю. Печатаю на машинке письмо Мише Стовасу. По-видимому, происходит сильное извержение Мутновского вулкана, так как от юго-востока от него тянется полоса грязно-коричневого цвета, застилающая солнце. Теперь оно кажется огненно-красным, и на него можно хорошо смотреть без защитных очков. Вся масса лапилли (кусков лавы. — *Ред.*) и газов движется на город. Вечером с друзьями на своём приёмнике слушали концерт радио из Хабаровска. Писал письмо Марусе.

Вторник, 28 февраля. Ясно, штиль. Снег сильно подтаивает. Бригада по монтажу приёмника для окрбюро партии что-то «не мычит, не телится», наверное, придётся заканчивать нам с Колей, иначе к 5 марта не успеем его смонтировать. Вечером слушали Хабаровск — радиоконцерт. Идёт хорошо. Отправил на почте посылки и письма Марусе и Стовасу.

Среда, 29 февраля. Ясно, штиль, тепло. Дежурю. Двое с Колей начали монтаж приёмника для окрбюро ВКП(б). Получили перевод из села Тигиль от дяди на двести рублей, все деньги ушли на уплату долгов. Разговаривал по телефону со Стовасом, он тоже не получает писем от Маруси.

Четверг, 1 марта. Ясно, штиль, настоящий весенний день. Снег настолько размяк, что даже на дороге проваливаешься, а движение на лошадях и вовсе затруднено. Работаю в ремесленном. Дома с Колей продолжаем возиться с приёмником. В восемнадцать часов сыгровка великорусского оркестра. Вечером от Хабаровска слушали по радио оперу «Фауст». Пришли в гости к нам Маруся и Вовочка Бакуловы. Слышимость была хорошая. Девчата остались очень довольны, ушли от нас лишь по окончании оперы в два с половиной часа ночи.

Пятница, 2 марта. Пасмурно, вечером снег. Работаю в ремесленном. Продолжаем с Колей монтировать приёмник. На свой приёмник поставили переменный прямо-

частотный конденсатор, слышимость улучшилась, фон пропал. Слушали оперу «Борис Годунов». Спать легли во втором часу ночи.

Суббота, 3 марта. Пасмурно, утром мокрый снег. Работаю в ремесленном. После обеда поддежуриваю. С приёмником повозиться не удалось, вечером пришли ребята и ещё один знакомый. Начинается целое паломничество к нам. Всем хочется послушать радиоконцерты, а приёмников в городе нет. Имеется только один у нас, собранный собственными силами. Слушаем оперу «Демон». В два часа ночи все разошлись.

Воскресенье, 4 марта. Ясно, штиль. Над бухтой низко стелется белый туман. Устанавливаем антенну на здании окрбюро ВКП(б), затем ухожу на дежурство. Получил письмо от Маруси, писано 23 февраля. Вечером снова гости, слушаем оперу «Пиковая дама». Спать легли в два часа ночи. День был тёплый, настоящий весенний, температура воздуха в час дня — плюс один градус. Парит Корякский вулкан.

Понедельник, 5 марта. Ясно, штиль. Утром парит Корякский вулкан, пар тонкой струйкой вьётся к небу и резко выделяется на его голубом фоне. Вечером над фарватером бухты медленно стелется белая пелена плотного тумана до самых «Ворот». Похоже, что приближается ненастье, небо заволочло тучами. Дежурю. Колю через бюро ВЛКСМ вызвали устанавливать фабричный приёмник, взятый на время в Нардоме, мы закончить монтаж своего не успели. В половине пятого теоретические занятия в ремесленном, составляем смету на постройку четырёхкомнатного дома с кухней. Задание всех заинтересовало. Сегодня секретарь ячейки ВКП(б) опять призвал меня и спрашивал насчёт вступления в партию. Над этим вопросом давно думаю. Как-то совестно, ведь у меня нет никаких революционных заслуг. Вечером слушаем оперу, но страшно мешают «свистуны», испортили всё настроение. Температура воздуха в тринадцать часов минус два градуса. Парит Авачинский вулкан.

Четверг, 8 марта. Пасмурно. Восточный ветер, который временами разгоняет тучи, застилающие небосвод. Лёд от берега оторвало и вынесло на фарватер. Перед глазами чуть покрытая рябью чистая вода. Освещённая солнцем, она кажется белой. Очень чувствуется приближение весны, поэтому на сердце радостно. За весной — лето с его походами и купаньем. Нынче удивительно рано распустило снег. Дороги испортились вконец. После обеда поддежуриваю, а в моё отсутствие комсомольское совещание снималось. Очень хотелось и мне со всеми, но не удалось, крайне сожалею об этом, ведь это — первое комсомольское совещание на Камчатке.

Вечером продолжали записывать заседание. По окончании там же слушали торжественное заседание из Хабаровского театра, посвящённое 8 марта. Слышимость с усилителем — громкая. Экспромтом организовали в партклубе комсомольскую вечеринку, танцевали, играли, веселились до двенадцати ночи, а в это время в Нардоме — кабаре. Заглянули туда — дым коромыслом. За столиками разряженная публика, бутылки с хмельным, закуска, разноголосый шум. Делать тут нам было нечего, сразу ушли.

Пятница, 9 марта. Пасмурно. Работаю в ремесленном, после обеда поддежуриваю. На совещании быть не пришлось. Сегодня прения закончились. Завтра утверждение резолюций. С Колей привели в порядок протоколы.

Суббота, 10 марта. Ясно, подморозило, бухта затянулась тонким льдом. С моря дует лёгкий ветерок, дышится свободно. Дежурю. После обеда с Колей подбиваем материалы совещания. В четырнадцать часов совещание лекторов, на котором читаю лекцию по радиофикации, с ней выступлю на курсах вожатых юных пионеров. В семнадцать часов репетиция пьесы «Мститель». Её ставит ремесленная школа, я суфлирую. Постановка состоится 17 марта.

Воскресенье, 11 марта. Пасмурно. Отдыхаю. В четырнадцать часов спевка, вся ремесленная школа участвует в хоре. После спевки — сыгровка струнного оркестра. Вечером были на украинском вечере в Нардоме, куда с Колей пробрались «зайцами». Первый раз в жизни надел галстук. Спать лёг в три часа ночи.

Понедельник, 12 марта. Ясно, штиль. В двенадцать часов спевка, в четырнадцать — сыгровка. Сегодня в Нардоме вечер молодёжи, мы выступаем хором. Первое выступление провалили: ремесленники сильно «козлили», другие две вещи спели хорошо. Вечер прошёл весело. Брат Жёня с приезжими из сёл ребятами танцевал традиционный

камчатский танец «восьмёрку», и так хорошо, что вызвал всеобщее одобрение и восхищение. Разошлись в час ночи.

Вторник, 13 марта. Пасмурно, утром снег. Работаю в ремесленном. После обеда поддежуриваю. Всё небо покрыто тяжёлыми свинцовыми тучами, до того чёрными, что становится темно, впору зажигать свет. Крупные хлопья снега медленно ложатся на землю. Готовлюсь к докладу о Парижской коммуне к вечеру 17 марта (праздничный день, день Парижской коммуны, отмечался до середины 1930-х гг. — *Ред.*). В семнадцать часов сыгровка великорусского оркестра. От переутомления болит голова. Спать лёг поздно. Температура воздуха в час дня — минус один градус.

Среда, 14 марта. Чёрные тучи ходят по небу, ночью шёл снег, слабая пурга. Утром северо-восточный ветер, разъяснило. Работаю в ремесленном, после обеда поддежуриваю. В девятнадцать часов сыгровка великорусского оркестра. Получил письмо от Маруси Новограбленовой. Сообщает, что письма шлёт часто, но я их не получаю. Готовлюсь к лекции 21 марта. Спать лёг в половине двенадцатого ночи.

Четверг, 15 марта. Пасмурно. Дежурю. В шестнадцать часов спевка, затем репетиция. Ремесленники усиленно готовятся к вечеру 17 марта. На спевке задержался, пришлось с неё идти прямо на работу без ужина.

Пятница, 16 марта. Пасмурно. День загружен до предела. Утром работаю в ремесленном, потом подготовка к вечеру. В семнадцать часов сыгровка, за ней репетиция, потом снова спевка. Уже дома штудирую доклад о Парижской коммуне. Страшная усталость.

Суббота, 17 марта. Пасмурно, слабая пурга. Работаю в ремесленном. Усиленно готовимся к вечеру. В шестнадцать часов репетиция. Пьеса подвигается слабовато, приходится надеяться на воодушевление ребят на сцене. Я и режиссёр, и суфлёр, и музыкальный руководитель. Начало вечера в девятнадцать часов. Пригласили всех представителей, много народу из окрисполкома и комитета комсомола. Вход свободный. Вечер открыл также я кратким вступительным словом, потом делал доклад о Парижской коммуне. Говорил больше по памяти, сделал хорошо. По окончании раздались бурные аплодисменты. Пьеса тоже прошла хорошо. «Артисты» не подвели. Аплодировал весь зал. Хоровые и музыкальные выступления также прошли отлично. Немного хромала декламация. Вечером все остались довольны, закончился он в половине второго ночи. Я даже первый раз в жизни рискнул потанцевать. Дело сначала не ладилось, потом помаленьку пошло. Основная тяжесть по проведению вечера пала на меня, поэтому чувствую большую усталость.

Воскресенье, 18 марта. Ясно. Отдыхаю. Гулял с Колей Коневым. Вечером в Нардоме торжественное заседание в память о Парижской коммуне, спектакль. Нам удалось на него попасть. Дома два часа готовлюсь к лекции на 21-е число.

Среда, 21 марта. Пасмурно. Встал в восемь часов утра. С Колей Медведицыным иду на лекцию. Здесь выяснилось, что вместо двух часов на неё дали три, но обязали познакомить слушателей с основами радиотехники, деталями приёмника и т. д. Пришлось на ходу перестраиваться. В лекцию вложил все свои знания, постарался доходчиво объяснить сущность радио и радиовещания. Лекцию сопровождал наглядными пособиями, демонстрировал собранный нами радиоприёмник. Однако до многих ребят, особенно с периферии, сказанное доходило плохо. Да разве можно за три часа неподготовленной публике, порой не имеющей начального образования, преподавать основы радиотехники и электротехники?! В двенадцать часов без обеда отправился на поддежурство. В шестнадцать часов на рацию пришла экскурсия моих слушателей. Попросил Колю подменить меня, стал экскурсантам объяснять действие рации. Вечером партсобрание. Брата Женю принимали в партию. Он — красный партизан, воевал с белобандитами на западном берегу Камчатки в районе Тигиля и других местах. Утром слабая пурга, вечером выяснило.

Четверг, 22 марта. Ночью ясно, днём пасмурно, вечером снег, сильная пурга, зги не видать! Восточный ветер. Дежурю. Встал в семь часов, спал скверно, настроение паршивое. В половине пятого сыгровка, но ребят пришло мало. Саботируют, не хотят играть для делегатов совещания, называют их «сопливыми, грязными». А они приехали из разных отдалённых уголков Камчатки, где и магазинов-то вообще порой

никаких нет! Попробую завтра выбить у «саботажников» эту дурь. Какая-то собака из контрреволюции или кулачья подбивает их на такое дело. В восемнадцать часов профсоюзное собрание, стоит отчёт горсовета. Присутствовать, к сожалению, не удалось, бегу на дежурство. Маме три дня назад сделали зубную протезу, рада. Разговор у неё сильно изменился, она ещё не привыкла к ней, стесняется. Вчера писал письмо Марусе. Домой пришёл в час ночи, брёл по глубокому снегу, очень устал.

Пятница, 23 марта. Утром снег, к полудню выяснило. Работаю в ремесленном. Приходила экскурсия делегатов совещания. Мы с Колей Медведем приглашены на ужин в окрбюро ВЛКСМ по случаю отъезда делегатов. Время провели хорошо, весело, ребята держались просто. Дописал начатое вчера письмо Марусе, она скучает в своей Машуре. Получил от неё второе письмо.

Суббота, 24 марта. Ясно, слабый северо-восток. Со стороны Тарьинской бухты нанесло много битого льда. Прохладно, однако снег быстро сходит. Работаю в ремесленном. Сегодня получка. Из ста пяти рублей маме отдал восемьдесят, купил гитарные ноты у сослуживца Тимофея Кузнецова. В семнадцать часов заседание торгово-кооперативной секции горсовета, на которой я председательствую. В двадцать часов китайский живой журнал в Народном доме. Китайцы у нас в городе выступают впервые. Во время инсценировки произошло на сцене короткое замыкание проводов, публика в панике с криками «пожар» бросилась к выходам, но неисправность скоро ликвидировали, и журнал продолжился. Я с товарищами до конца не досидел, пошли гулять, захватив школьную подругу Нюру Погодаеву. В два часа ночи попали на вечер в погранотряде. Домой пришёл в полпятого утра.

Вторник, 27 марта. Западный ветер, пасмурно, с полудня снег, пурга. Авачинская бухта всё больше освобождается ото льда. Осталось небольшое пространство около «Угольной» пристани, что на Сигнальном мысу. Дежурю. Встал без пятнадцати минут семь, вступил в связь с пароходом «Эривань», который 20 марта вышел из Владивостока в Усть-Камчатск с заходом в японский порт Хакодате. 25 марта «Эривань» покинул остров Хоккайдо и направился к холодным берегам Камчатки. В половине пятого теоретические занятия в ремесленном, в восемнадцать часов — заседание окружка ВЛКСМ, куда пригласили по вопросу проведения выборной кампании городского совета.

Среда, 28 марта. Западный ветер, снег, пурга. Холодно. К маяку нагнало тяжёлые северные льды. Работаю в ремесленном. В семнадцать часов сыгровка к школьному вечеру 31 марта. Получил от дяди телеграмму. Он 27 марта приехал в селение Начики в девяносто километрах от Петропавловска. Будет купаться в тамошних горячих ключах. Отвечал Марусе на последнее её письмо. В нём Маруся пишет про Мишку Стоваса, называет его глупым и ревнивым: «Георгий, я когда получаю твоё письмо, оно для меня — всё, но я немного плачу, а получаю от Михаила, я реву, что он такой дурак. Ты знаешь, что я его люблю, и он меня уже четыре года. Всё-таки у него болезнь есть, и плохая — это ревность»... Просит меня чаще ей писать. Спать лёг во втором часу ночи.

Четверг, 29 марта. Западный ветер, погода неустойчивая, резкое похолодание. Работаю в ремесленном, составляем смету на дом. В семнадцать часов сыгровка, в двадцать — другая, великорусского оркестра. Домой пришёл в двадцать два часа. Брат Женя с дежурства сообщил, что 27 марта из Владивостока в Петропавловск вышел пароход «Томск». После ужина помогал сестре Шуре заниматься по английскому, да сам уже начинаю без практики забывать. Спать лёг в двенадцать.

Пятница, 30 марта. Переменно. Работаю в ремесленном. После обеда поддежуриваю, после дежурства сыгровка для балета к школьному вечеру 31 марта. Балет начинает мне нравиться. Получил ещё одно письмо от Маруси. В город приехал Мишка Стовас, забежал к нам. Вечером снова пришёл, и мы просидели с ним до часу ночи, всё вспоминали школьные дни, потом пошли гулять. Разговорились о Марусе. Он ревнует и что-то скрывает. Сильно загорел, похож на «арапа Петра Великого», глаза стали как будто ещё и лукавее. Чувствуется: человек — себе на уме. Собирается учиться в вузе, агитирует и Марусю, но на успех не надеется. Спать лёг в два часа ночи. В половине седьмого вечера — радуга, слабый снег. Температура воздуха в двадцать один час — минус два градуса.

Суббота, 31 марта. Тихий, ясный день, снег быстро тает. В школе сегодня вечер, на него иду сразу с дежурства. Начало в девятнадцать часов, одновременно открывается и педагогическая конференция. Вот почему Стовас оказался в городе — его встретил в школе. Он сообщил новость: завокроно после согласования с соответствующими органами предлагает ему ехать в Иркутск к известному профессору, хорошо знающему работу пушных питомников, и быть ассистентом шведского зоолога Малэса в селе Елизово Петропавловского района. Должность довольно заманчивая, райисполком даёт стипендию. Мишка согласился. Везёт парню! На вечере ремесленники снова задавали тон: участвовали в постановке пьесы, выступали с оркестром. Его номера вызвали бурю аплодисментов. Настроение бодрое. В половине одиннадцатого приехал дядя из Тигиля. С вечера пришёл в двенадцать часов ночи. Тихий, тёплый лунный вечер. Спать лёг в два часа ночи.

Вторник, 3 апреля. Ясно. Работаю в ремесленном. Страшно болит голова, сказывается переутомление. После обеда отдыхал. В половине пятого теоретические занятия по строительному делу. В девятнадцать часов сыгровка в школе под руководством Трутце. Вечером слушали на своём приёмнике радиоконцерт. Отвечаю на письмо Маруси.

Среда, 4 апреля. Ясно, штиль. Работаю в ремесленном, затем чертил план дома. В шестнадцать часов репетиция пьески «Святой отец». В восемнадцать часов закрытое партсобрание по выдвижению кандидатур в горсовет. Закончил начатое вчера письмо Марусе. Туман со стороны северо-востока, от села Халактырка. Он низко стелется и течёт белой рекой по Култучному озеру. С сегодняшнего дня иду в отпуск. Спать лёг во втором часу ночи. Температура воздуха в двадцать один час — минус один градус.

Четверг, 5 апреля. Утром снег с дождём, днём сильная снежная пурга. Работаю в ремесленном, занят изготовлением плоской мандолины. Отправил письмо Марусе. После долгого перерыва, наконец, выкроил время для чтения художественной литературы. Прочитал рассказ Фёдора Гладкова «Зеленец». Вечером с Колей Медведицыным снова принялись за монтаж приёмника для окрбюро ВКП(б). В восемнадцать часов предвыборное собрание Союза связи: выборы делегатов в горсовет. После ужина дома слушал радиоконцерт, крестьянскую газету, затем трансляцию из Хабаровского театра концерта пианиста Лео Порти. Он едет через Владивосток в Японию. Слышимость хорошая. Ветер западный, температура в двадцать один час — плюс полтора градуса.

Пятница, 6 апреля. Ветер западный, снег, пурга. Снегу выпало сантиметров пятнадцать. Работаю в ремесленном. Урок черчения. В половине пятого теоретические занятия там же. Вечером читаю «Исповедь» Максима Горького, нравится. Гололёдицей порвало все телефонные и осветительные провода, свету нет. Это угнетающе действует на нервы. Ужасно надоела слякоть. Температура воздуха в час дня — плюс полтора градуса.

Суббота, 7 апреля. Западный ветер, доходящий до штормового. Пурга. До двух часов ночи читал «Исповедь». Понравилась фраза: «Странно и противно слышать, когда человек, рождённый женщиной и сосками её восполненный, грязнит, попирает мать свою, отрицая за нею всё, кроме похоти, низводит её до скотины бессмысленной...» Это относительно матерщины. Во время гололёда порвало и нашу антенну, поэтому концертов не слушали. Работаю в ремесленном. С Колей Коневым ходили в баню. Продолжаю читать «Исповедь». Антенну исправили, слушаем концерт из Хабаровска.

Воскресенье, 8 апреля. Ясно, северный ветер, стихает. Переоборудуем с Колей Медведицыным антенну, сделали гораздо лучше старой. В четырнадцать часов ходил в гости к Бакуловым (Сотниковым). Хотелось помузицировать, но у них болеет бабушка, не пришлось. Скука. Получил письмо от Маруси от 17 марта, очень мрачное. Начинается оно так: «Привет тебе, дружище, с чёртовой Машуры... Такая чертовская скука... Я чуть не сдохла...» Просит писать как можно чаще. В предыдущем письме сообщала, что стала пить водку! Видимо, действительно, от скуки не знает, что и делать! Жаль её. Прилетели птички пуночки. Проталин ещё нет, и они садятся на снег.

Понедельник, 9 апреля. Ясно, штиль. С полудня южный ветер. Аборигены его называют «моряком», так как он идёт с моря. Работаю в ремесленном. После обеда на рации делаю конденсатор для приёмника окрбюро партии. В половине пятого

теоретические занятия в ремесленном. В восемнадцать часов заседание стражкассы. В девятнадцать часов всей ремесленной разбираем проект положения будущей ремесленной школы. В двадцать один час ходил в окрбюро ВЛКСМ включать приёмник. Предполагалось прослушивание концертов, но из ребят никто не пришёл. Вернулся домой и застал в гостях Мишу Стоваса, вскорости пришла и Вера Савина. Слушали хабаровский концерт. Стовас завтра уезжает на старое место учительствовать. Просидели с ними до часа ночи. Закончил читать «Исповедь» Горького.

Вторник, 10 апреля. Пасмурно, слабый снег. Работаю в ремесленном. В половине пятого теоретические занятия. Вечером кино «Городской чёрт». Картина ерундовая.

Среда, 11 апреля. Пасмурно, очень слабый снег. Работаю в ремесленном. Вечером репетиция пьески «Святой отец». После ужина с Колей возились с монтажом приёмника, поставили новый конденсатор. Поймали массу станций. Спать лёг в половине второго ночи.

Четверг, 12 апреля. Пасмурно, западный ветер, чёрные тучи по всему горизонту. Снег быстро тает. Работаю в ремесленном, закончил делать мандолину. В семнадцать часов репетиция, в восемнадцать — заседание окружного бюро ВЛКСМ. Разбирали план будущей учебно-показательной школы. Срок обучения установлен два года, возраст от пятнадцати до восемнадцати лет. После заседания — сыгровка великорусского оркестра.

Пятница, 13 апреля. Пасмурно, западный ветер. Работаю в ремесленном. В половине пятого занятия по черчению, вечером пошёл в клуб налаживать приёмник. Здесь встретил секретаря окрбюро ВЛКСМ Серёжу Вдовина. Разговорились с ним, тянет в партию. Он планирует на лето длительную экскурсию отпускников, но я принять участие в ней не смогу, так как отпуск использую сейчас. Домой пришёл в половине десятого. Сегодня прибыл первый пароход «Эривань», вышедший из Владивостока 20 марта. Он заходил в Японию, в город Хакодате, а оттуда направился в Усть-Камчатск и уже после выгрузки в Усть-Камчатске проследовал в Петропавловск. Вечер нынче выдался из-за пасмурной погоды и свинцовых туч особенно тёмным, хоть глаз выколи! Электрические лампочки, кажется, светят особенно ярко, приятно идти по улице и не спотыкаться о каждую колдобину или выбоину на дороге. Спать лёг в час ночи. Температура воздуха в час дня плюс два с половиной градуса.

Суббота, 14 апреля. Юго-западный ветер, пурга, снег. Работаю в ремесленном. В семнадцать часов сыгровка школьного оркестра. В двадцать часов вечер юношеской секции в Нардоме. Мы выступаем с оркестром, ставим пьеску «Святой отец». Суфлирую. Пьеска прошла хорошо, несколько смазали впечатление сами «актёры», которые смеялись во время действия. Глядя на них, и я не мог удержаться от смеха. Дело в том, что в ремесленном девочки не учились, и роли их в пьесе исполнили ребята, которые нарядились в юбки и платья, что усиливало комизм пьески, и без того весёлой! В заключение выпустили оригинальный номер «Радиовещание». Поставили на сцене усилитель, аккумулятор, вместо радиолампы — электрическую. Один парень имитировал разговор по радио, свистел, хрипел, завывал, захлёбывался, в общем, как горожане наблюдали на радиоузде. Я в это время крутил ручки, «настраивал». Эффект получился невероятный. Публика хохотала до слёз. Вечер прошёл замечательно.

Воскресенье, 15 апреля. Утром ясно, с полудня снег, юго-западный ветер. Вечером пурга. Сегодня первый день Пасхи, поэтому с утра началось визитёрство. Пришли школьные ребята, посидели немного и направились гулять. Солнышко уже основательно греет. В половине восьмого в школе второй ступени вечер, играет наш оркестр. В двадцать один час в Нардоме интересный краеведческий вечер, к сожалению, к началу его мне поспеть не удастся, а так хочется! Занят в школе. Школьный вечер прошёл удачно, весело, однако пьеску сыграли слабовато. Закончился он в час ночи. Только сейчас я смог отправиться в Нардом. Там веселье было в полном разгаре, замечательно выступили музыканты и вокалисты. Домой пришел в полчетвёртого утра. Назавтра приглашала в гости Зоя Флетчер — школьный товарищ. Надо сходить.

Понедельник, 16 апреля. Слабый юго-запад, снег. С братом Женей, Колей Медведицыным в тринадцать часов отправились в гости к Васе Флетчеру, брату Зои. Там музицировали, просидели до семнадцати часов, затем с Колей пошли к Лиде Богатырёвой.

В девять вечера были дома. Следом к нам пришли гости: симпатия Коли — Аня Извекова, Вася Флетчер с женой Женей и сестра Васи — Зоя. Слушали концерт из Хабаровска. Прохождение было хорошее, гости остались довольны. Спать мы легли уже во втором часу ночи. Температура воздуха в тринадцать часов — плюс девять градусов.

Вторник, 17 апреля. Западный ветер, перемененно. Работаю в ремесленном. В половине пятого теоретические занятия по строительному делу. В девятнадцать Вера Савина пригласила меня и Колю Конева в гости. Там встретили и Бакаловых, а также незнакомую Нину Комарову, весёлую девушку. Музицировали, пели, танцевали. Нина хорошо поёт. Сидели у гостеприимных хозяев до двенадцати ночи, затем пошли с Ниной и Колей гулять. Спать лёг в третьем часу ночи. Температура воздуха в двадцать один час — минус один градус.

Среда, 18 апреля. Пасмурно, переменные ветры. С Колей Коневым ходили в больницу лечить зубы. Они здесь сильно разрушаются, по-видимому, от воды и большого потребления рыбы, а может, у меня и от страшной перегрузки работой, учёбы, общественными делами. В семнадцать часов разговаривал по телефону с Марусей Новограбленовой, она в Мильково, куда переехала на каникулы. Числа 15-го июня предполагает выезжать в Петропавловск, живёт хорошо. В половине шестого вечера сыгровка итальянского состава оркестра в школе, вечером — собрание ВЛКСМ.

Четверг, 19 апреля. Юго-западный ветер, снег, пурга. Работаю в ремесленном. Часа три возился со своим приёмником, подгонял конденсатор, после писал ноты. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра. Спать лёг в первом часу ночи.

Пятница, 20 апреля. Днём ясно, штиль. Вечером снег, юго-западный ветер, ночью пурга. Работаю в ремшколе. В десять часов утра в Петропавловск пришёл первый пароход «Индибирка» из Владивостока, ход имел одиннадцать узлов. Из Хакодате прикатил на пятые сутки, что бывает очень редко, ибо все пароходы старой конструкции имеют ход от шести до восьми узлов. Тут, видно, помогли попутные ветры и качественный уголь. «Индибирка» привезла восемь тонн почты, что также рекорд для города с населением около двух тысяч человек. В половине пятого вечера занятия в ремесленном по черчению. Преподаватель — техник-строитель — часто ошибается, из-за этого приходится много чертежей перечерчивать, досадно, времени в обрез. В половине седьмого вызван на дежурство на радию: сняли радиста Тиму Кузнецова на разборку прибывшей почты. Он — старый почтовик. Узнал новость: с «Индибиркой» приехала моя школьная любовь — Тася Флетчер. Я ещё оканчивал вторую ступень, а она шестнадцатилетней её бросила и неожиданно вышла замуж за Баташова, который был на семнадцать-восемнадцать лет старше её. Страшно переживал такую трагедию, до сих пор не могу равнодушно вспоминать об этом. Она была в отпуске с мужем на материке. Температура воздуха в час дня — плюс пять градусов.

Суббота, 21 апреля. С дежурства пришёл в половине девятого утра. Густой туман с моря, облака идут с юго-запада. С десяти часов снег, пурга. Получил письмо от Маруси, писано 1 апреля. Нервничает, что мало ей пишем. Всё женит меня на Вавочке Сотниковой (Бакуловой). Одновременно из Хабаровска получил письмо от коллеги Тихона Бобровского, он там работает на радию. Пишет, что цены на продукты там такие же, как и у нас, нет мануфактуры, и она дорогая, квартирный кризис. Одна комната без освещения, отопления и воды в месяц стоит двадцать-тридцать рублей при зарплате сто — сто двадцать рублей. Нам с Колей Медведицыным пришла благодарность от заврадио Государственного Дальневосточного университета инженера Головшикова за сведения о слышимости их радию с позывными «Ra-03». Просят ещё следить за пробными радиоконцертами. От Москвы на наше письмо о слышимости радию «Sok» ответа нет. Работаю в ремесленном. После обеда писал письмо Марусе. Вечером разговаривал по телефону с Мишей Стovasом. Маруся пока ещё в Мильково, но будет возвращаться в свою Машуру. Брат Женя получил по выписке литературу и журналы. После ужина слушали концерты. Температура воздуха в тринадцать часов плюс один, облака идут очень низко, едва не задевая вершин сопков, стремительно двигаясь.

Воскресенье, 22 апреля. Штиль, ясно, с обеда восточный ветер. Снег сильно тает. В половине четвёртого с Колей Медведицыным повели на радию на экскурсию дев-

чат и ребят: Тосю Головань, Тасю Подпругину, Ваню Казакова. Должны были ещё подойти Зоя Флетчер и Аня Извекова, но они разошлись с нами. Коля сильно переживал за Аню. Экскурсантам объяснили всё, что знали сами, потом полезли на семидесятипятиметровую железную мачту, но Коля с Казаковым добрались только до половины её и вернулись обратно: пугала высота. Я забрался на самый верх и стал качаться, как на трапеции. Девчата внизу аплодировали. Тася Флетчер с парохода сразу попала в больницу, причин не знаю. Настроение испортилось. Вечером смотрел кино «Нелли» с американским концом. Не особенно понравилось. Рождение луны.

Понедельник, 23 апреля. Ясно, северный ветер. Работаю в ремесленном. После обеда с Колей Коневым у него чертили и составляли сметы на дома. Получил письмо из Хабаровска от школьного товарища Павла Новограбленова (брата П. Т. Новограбленова). Пишет, что готовится на агрономический факультет, потом выедет во Владивосток для поступления в Государственный Дальневосточный университет. Второе письмо из Ленинграда от Лизы Орловой, этнографа. Она спрашивает: думаю ли я учиться далее? Это — моя мечта, но не позволяют домашние условия и не отпускают с работы. Дома мы с братом Женей являемся старшими и поднимаем всю семью, одному Жене такое дело не вытянуть. Он получает всего около семидесяти рублей. Мне, конечно, обидно, что нельзя выехать на учёбу. Из моих однокашников, с которыми оканчивал среднюю школу, почти все учатся в институтах или готовятся поступать в них. У меня это пока исключено. Да, наверное, и в будущем не сумею осуществить свою мечту до тех пор, пока не поднимем на ноги всех братишек и сестрёнок. В половине пятого теоретические занятия в ремесленном. После них пошёл к Тиме Кузнецову писать ноты для оркестра. Температура воздуха в тринадцать часов — плюс три градуса.

Среда, 25 апреля. Пасмурно. Сегодня получка зарплаты. Получил сто сорок два рубля, из них тридцать восемь ушли на погашение ссуды и облигаций займа. Купил писчей бумаги, конвертов, галоши. Маме отдал восемьдесят восемь рублей, мне осталось ровно шестьдесят копеек, не на что будет даже сходить в кино! Работаю в ремесленном. В семнадцать часов сыгровка в школе, разучивали новый марш «Тоска проходит». После сыгровки с Колей Медведицыным снова возились с приёмником и, наконец, весь монтаж закончили. Станций не слышно, сели батареи. В двадцать часов с ребятами катался с горы на санках. Настроение хорошее, много впечатлений. В двадцать один час сыгровка великорусского оркестра. Играть — большая охота. 27 апреля — день моего рождения. Пригласил сослуживца Васю Флетчера (брата Таси) с женой, его сестру Зою, Аню Извекову (для Коли Медведя), Сотниковых (Бакуловых), Веру Савину. Сегодня исполнилось ровно два года со дня смерти душевного школьного товарища — Кати Бакуловой.

Четверг, 26 апреля. Ясно, северный ветер — «моряк», слабый. Завтра зачёты в ремесленном, подгоняем с Колей Коневым «хвосты», поэтому в школу не ходим. В восемнадцать часов налаживал приёмник, поймал японца, обрадовался. Достали новые батареи. Вечером кино «Мутный поток», пустая американская картина, не понравилась. В кино после двух лет разлуки увидел свою любовь — Тасю Флетчер. Сердце ёкнуло. Встретила долгим изучающим взглядом. После болезни сильно похудела, прежней весёлости и свежести уже нет, голос стал какой-то некрасивый, но мне всё равно дороги её голубые глаза, горячо любимые черты лица, да и вся она! Такая подвижная, приветливая. В школе была «сорвиголова», бывало, подкрадётся в классе сзади и начнёт таскать меня за густые рыжие волосы.

Что заставило её в шестнадцать лет выйти замуж за старше себя мужчину, притом не доучившись в средней школе всего три месяца?! Это остаётся тайной для меня. Эта свадьба надолго выбила меня из колеи и много стоила нервов. Любил её безумно, и вот снова разбередились старые раны. Прошло уже с момента трагедии пять лет, но забыть её не могу. В кино Тася была с родными, сидели они недалеко, но разговаривать не пришлось. У Таси уже дочь. По окончании кино снова посмотрела на меня долгим взглядом, как бы прощаясь, и ушла с родными домой. Страшно хотелось проводить её. Но... вот «но»-то и помешало... Из кино возвращался с Колей Медведицыным, было уже двадцать три часа. После ужина занимались приёмником.

Закончили в два часа ночи. Слышимость стала отличной. Завтра попробуем взять Хабаровск.

Пятница, 27 апреля. Ясно, западный ветер, ночью снег. Работаю в ремесленном. Днём хлопочу насчёт установки приёмника. В четырнадцать часов с Колей Коневым в карандаше отнесли на просмотр чертежи преподавателю. В этой четверти успеваемость у меня стопроцентная. В девятнадцать часов отмечаю первый раз в жизни свой день рождения, исполнилось мне двадцать пять лет. Пришли все приглашённые. Мама похлопотала основательно. Вечер провели весело, немного выпили, девчата тоже, пили вино. Вавочка и Маруся Сотниковы (Бакуловы) под наш аккомпанемент замечательно спели дуэтом некоторые отрывки из оперы «Евгений Онегин». Разошлись во втором часу ночи. С Колей Медведем пробовали приёмник, однако Хабаровск еле слышно. Полное разочарование! Позднее сильно хмельной пришёл отец, что для всех нас было неожиданно и неприятно.

Суббота, 28 апреля. Юго-западный ветер, снег, ночью мелкий дождь. Работаю в ремесленном, затем собрание по поводу проведения Первомая. Получил ещё одну нагрузку: обязали иллюминировать школу и арку около неё. Кроме меня на иллюминации трудятся ещё четыре человека ремесленников. В восемнадцать часов заседания правления стражкассы. Домой пришёл лишь в десять вечера, очень устал. Голова трещит, как котёл. Возился с приёмником до двенадцати.

Воскресенье, 19 апреля. Пасмурно, после обеда разъяснило. Встал в половине девятого, пошёл в школу оканчивать иллюминацию. В семнадцать часов перевыборы горсовета. Подготовка к ним велась основательная. Каждая кандидатура тщательно обсуждалась, отмечались деловые качества кандидата, политическая надёжность и т. д. Коммунисты, комсомольцы голосовали единым фронтом. После собрания включаю в центральную электромагистраль свою иллюминацию. Всё сделано правильно, особенно эффектно сияет пятиконечная звезда на арке. Завшколой и преподаватели довольны, ребята-монтажники — на седьмом небе. Ни на одном здании города нет такой иллюминации! Вечером кино «Господа Скотинины», наша картина, понравилась. Спать лёг в час ночи. Температура воздуха в тринадцать часов — плюс одиннадцать градусов. Венец у луны.

Понедельник, 30 апреля. Ясно, северный ветер, с обеда стих. С десяти часов украшаем здание окружной конторы связи. Потом помогаю иллюминировать здание окрбюро ВКП(б). Читал журнал «Смена», рассказ И. Саркизова-Серазини «Потомок венецианского дожа», очень интересный. Вечером с Колей Медведем, Колей Коневым были в кино, вход бесплатный. Шла картина «Великий перелёт», из жизни лётчиков. В кино видел Тасю. Забытые мечты снова воскресают.

Вторник, 1 мая. Пасмурно, юго-западный ветер, вечером с северо-запада идёт туман. Ночью погода испортилась, будет ненастье. Пересилил ветер с юго-запада, он всегда ненастный. Сегодня — День международной солидарности. Город убран зеленью, красными флагами. В двенадцать часов с Колей Медведем, Колей Коневым пошли в гости к Вере Савиной, она нас неоднократно приглашала. Время прошло в пустых разговорах, очень поразило грубое обращение Веры со своей матерью, которая её буквально боготворит и ничуть не останавливает за хамство по отношению к себе. В половине восьмого в Нардоме общегородской митинг и общедоступный вечер. На митинге быть не пришлось. Должно состояться выступление нашего оркестра в школе, куда и пришли с инструментами, однако здесь собралась вся «мелкота» города: детсад, младшие группы школы. Стоял невероятный шум, гам, крик. Выступление оркестра не понадобилось, вернулись в Нардом, но здесь уже публики было так много, что яблоку упасть было негде. Домой вернулся в два часа ночи.

Четверг, 3 мая. Ясно, утром восточный ветер, затем сменился юго-западным. К вечеру штиль. Прошлой ночью был сильный заморозок, наст, даже Ковш покрылся тонким льдом. В девять часов утра пошёл в школу демонтировать иллюминацию и убирать праздничные украшения. После обеда просматривал журнал «Радиолюбитель». В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра. Неожиданно с неё меня вызвал Ваня Казаков, сказал, что ждёт меня на улице Тася Флетчер. Пришлось с сыгровки уйти, и верно: на улице меня ждала Тася со своей младшей сестрой Зоей.

Пошли гулять, Ваня с Зоей, я с Тасей. Вспоминали с ней прошлое. Поинтересовался, почему она вышла замуж так рано и неожиданно? Ответила: «Хотела вам всем отомстить». Кому это «всем»? Непонятно! Говорит, материально обеспечена хорошо, с мужем живёт «ничего», настоящая семейная жизнь отсутствует, духовная — тоже. Муж — ревнивый, нервный, деспотичный, замучил разными подозрениями. Несколько раз подавала на развод, но он рвал заявления. Сейчас мне совсем стало непонятно её замужество. Спросила меня, возьму ли я её сейчас замуж, ведь у неё дочка? Ответил: чувства мои к ней не изменились, по-прежнему люблю безумно. Она крепко поцеловала меня. Почему Тася сейчас так энергично наступает на меня? Будоражит всё старое? Неужели опять ужасная игра?! В голове сумбур! Обещалась дать свою карточку. Расстались трогательным образом. Домой пришёл в двенадцать ночи, здесь ждало письмо от Феди Бурделёва, моё он тоже получил. Живёт сносно, беспокоится за жизнь отца, который сильно болеет и лежит в больнице без памяти.

Пятница, 4 мая. Утром снег, юго-западный ветер. С полудня пасмурно, с Петровской горы спустился туман, но до города не дошёл. По-видимому, юго-восточный ветер стал препятствием на его пути. Вчера заснул очень поздно, волновали мысли о взаимоотношениях с Тасей. Утром работал в ремесленном, затем писал письмо в Ленинград Лизе Орловой, выслал ей шесть снимков на Авачинском вулкане. Сильно знобит, губы обнесло, не от вчерашнего ли поцелуя?! Последний день отпуска, завтра на работу, время пролетело незаметно. Температура воздуха в час дня — плюс девять. Венец у луны.

Суббота, 5 мая. Ясно, утром северный ветер, с полудня восточный. Отпуск кончился, в половине восьмого иду на работу. Сильный наст, снова Ковш покрыт тонким льдом, который к полудню под тёплыми весенними лучами солнца растаял. Работал до половины третьего, разговаривал по телефону с Мишей Стовасом. Он очень сердится на Марусю. Она думает в город возвращаться на пароходе, а не на конях. Для этого ей предстоит длинный путь, сначала на конях в Козыревск, а затем спуститься на батах или катере до Усть-Камчатска, а оттуда уже до Петропавловска ехать на пароходе. Но пароходы ходят нерегулярно и неизвестно, сколько времени ей его придётся ждать в Усть-Камчатске. Целесообразнее, конечно, в город добираться на конях. В семнадцать часов инструктивное совещание членов окрстрахкасы, затянувшееся до половины девятого. В половине девятого в Нардоме украинский спектакль, здесь встретил Тасю. Сидели рядом.

Понедельник, 7 мая. Утром ясно, слабый северный ветер, с полудня западный. Вечером пасмурно, снег с дождём, с Петровской горы туман, ночью бус. Работаю в ремесленном. Руководитель похвалил за хорошую подгонку шипов. Получили табеля, успеваемость на вторую и третью четверти стопроцентная. В половине пятого теоретические занятия, в девятнадцать часов вечер по случаю окончания занятий в политшколах, приглашён в качестве гостя. Вечер выдался неинтересный, скоро вернулись домой. Весь день тревожное состояние. И зачем снова встретился с Тасей?! Рана, начавшаяся зарубцовываться, снова открылась. Не могу её не видеть!

Вторник, 8 мая. Ясно, западный ветер, утром туман с моря, вечером — с северо-запада, с Култучного озера. Встал в восемь часов, разбудила мама: приехала домохозяйка. Она продаёт дом, в котором мы живём. Надо найти кучу денег. Побежал к начальнику окружной конторы связи т. Ерахтину, он дал пятьсот рублей из средств конторы под свою ответственность. Меня тронула такая отзывчивость, он — хороший администратор и сердечный человек, каких можно редко встретить, забайкалец. Принёс деньги домой, но хозяйка почему-то раздумала дом продавать. Завтра верну пятьсот рублей Ерахтину с великой благодарностью. Поддежуриваю. Из-за канители с домом не смог пойти на занятия в ремесленное. С завтрашнего дня занятия в нём начинаются в восемь часов утра. Смотрел в кино «История “Правды”», картина о становлении газеты «Правда», посредственная.

Суббота, 12 мая. Ясно, восточный ветер. Работаю в ремесленном. В девятнадцать часов из Усть-Камчатска пришёл пароход «Индибирка», который следует во Владивосток, а у меня ещё не написаны письма на материк. Надо выслать радионаблюдения в Москву по коротковолновой станции «Skw». Вечером кино «Отпрыски благородного

рода», картина в десяти частях. Досмотреть не удалось, авария на электростанции, испортилось динамо. Смысл картины пока не ясен. Разговаривал по телефону со Стовасом. Передал ему новую песню «Бубенцы», слова которой мне страшно нравятся.

Воскресенье, 13 мая. Ясно, восточный ветер. Встал в половине девятого. После завтрака с Колей Медведем пошли на радию печатать наши наблюдения за московской радиацией «Skw», чтобы отправить их в секцию коротких волн. В двенадцать часов поддежуриваю. Вечером кино «Электрическая вилла», хорошая картина.

Понедельник, 14 мая. Утром дождь, снег, штиль. К вечеру разъяснило и стало подмораживать. Вчера местные рыбаки поймали первую чавычу в шестнадцать килограммов весу. Встал в половине восьмого, ночь почти не спал, в голову лезли разные чепуховые мысли, вроде: «И стало вдруг так грустно и обидно за эту жизнь, в которой всё есть ложь!» Вчера младшая сестра Шура поступила в няньки к начальнику окружной конторы связи Ерахтину. Отдавать сестрёнку в няньки страшно не хотелось. Кроме всего прочего она ещё слабовато учится. Но у Ерахтина ушла прислуга, и оставить ребёнка не с кем. Его жена со слезами просила отпустить Шуру к ним, обещалась помочь ей в учёбе. Пришлось согласиться. Ерахтин сделал много доброго для нашей семьи, взять хотя бы кредит в пятьсот рублей на покупку дома, правда, несостоявшуюся. Был на сыгровке итальянского оркестра, где брат Женя играет на гитаре. Особенно понравились вальсы «Слеза» и «Восточные розы».

Вторник, 15 мая. Утром пасмурно, западный ветер, с полудня снег. Встал в семь часов утра. Дежурю. Пароход «Индирик» ещё не ушёл, даёт гудки, на пристани много провожающих. После обеда отдыхал. Пришло письмо от Маруси в адрес брата Жени. В нём были письма Коле Медведему и моему младшему брату Пете, а мне ничего. Очень огорчился. Окрбюро ВЛКСМ предлагает мне принять участие в «суде» над газетой «Полярная звезда» в качестве защитника. «Суд» состоится в четверг 17 мая. Мне, таким образом, предстоит за два дня подготовиться к выступлению, проработав обширный материал. Пока читаю беллетристику: Фенимора Купера «Последний из могикан», дабы дать немного отдохнуть мозгам от политики и учебников. Чтением увлёкся. Читать приходится урывками, так как нет абсолютно времени. На дежурстве много работы: на Камчатке сейчас курсирует шесть пароходов, у каждого много корреспонденции. В селении Хайрюзово стоит краболов. Это первое наше краболовное судно, которое самостоятельно занимается ловлей крабов в камчатских водах. До этого промыслом крабов занимались исключительно японцы, в большинстве хищнически, контрабандным путём. Наша самостоятельность в нынешнем году им определённо не нравится, и они елико возможно стараются нам пакостить: срывают сети, нарушают нейтральные воды. В районе Хайрюзово шныряют два японских эсминца. Под их охраной японские шхуны воровски ловят и крабов, и лососёвые. Наше охранное судно «Красный вымпел» (бывшая яхта камчатского губернатора, ранее называвшаяся «Адмирал Завойко») ничего не может с ними сделать, имеет лишь два трёхдюймовых орудия на носу и на корме и по пулемёту на спардеке на правом и левом бортах. И всё же «Красный вымпел» не спасовал перед японцами, произошло какое-то с ними столкновение. С «Красного вымпела» всё время идут шифровки. Эти телеграммы передаются далее вне всякой очереди. Мы за «Красным вымпелом» (позывные Lud) следили постоянно и очень внимательно. Беда только, на «Вымпеле» сидит скверный радист: плохо работает ключом. Охрана границ на Камчатке пока ещё слаба. Обидно за это становится! Но рано или поздно мы всё равно обеспечим их охрану и построим сильный военный флот! С вахты дома уснуть от усталости не мог.

Среда, 16 мая. Ясно, восточный ветер. Работаю в ремесленном. Сильно болит голова. После обеда отдыхаю, читаю «Последнего из могикан». В двадцать часов первая репетиция «суда». Ребята халтурят, дело не клеится. Дома весь вечер готовился к завтрашнему дню, спать лёг в половине второго ночи. Очень устал. Температура воздуха в двадцать один час плюс четыре градуса.

Четверг, 17 мая. Утром ясно, днём западный ветер, небо заволокло тучами. Ночью снег. Из Владивостока пришёл фрахтованный у японцев пароход «Кири-мару». Нам писем нет. Работаю в ремесленном. До восемнадцати часов готовлюсь к инсценировке, в восемнадцать репетиция. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра,

в двадцать один — начало вечера. Открылся танцами, затем шёл «суд» над газетой «Полярная звезда». Ребята врали отчаянно, чем всё смазали. Вечер прошёл неважно.

Пятница, 18 мая. Восточный ветер, снег. Выпало его сантиметров двадцать! Такая непостоянная погода в «Гавани» (так раньше аборигены именовали Петропавловск). Работаю в ремесленном, после обеда поддежуриваю. Из Усть-Камчатска, где много японских концессионных рыбалок, завод, идут шифровки с грифом «расшифровать немедленно». Видимо, и тут японцы безобразничают. 17 мая из Владивостока четвёртым восточно-камчатским рейсом вышел пароход «Астрахань», в Петропавловск не зайдёт.

Понедельник, 21 мая. Утром северный, днём восточный ветер. Парит Корякский вулкан. С дежурства вернулся в половине пятого утра. Страшное переутомление. Ходил в больницу, врач нашёл расстройство нервов, делают уколы. Сидел над разработкой сметы по строительству дома до двух часов ночи, после читал «Последнего из могикиан». Бессонница. К утру забылся коротким тяжёлым сном. Рождение луны. С моря идёт сильный туман, ночью дождь, прохладно.

Среда, 23 мая. Западный ветер, утром дождь. С полудня прекратился, пасмурно. Работаю в ремесленном, с обеда поддежуриваю. Вечером встретил Тасю. Говорит, что муж намерен увезти её в Марково. Он работает в торговле, был заведующим факторией в одном из северных посёлков, сейчас в отпуске. Наверное, 23 мая выедет из Владивостока на фрахтованном японском пароходе, идущем прямо в Петропавловск. «Новость» ударила по сердцу. Закончил читать роман Фенимора Купера «Последний из могикиан», понравился очень, особенно описание смерти Ункаса, последнего из племени, его похороны, а также смерть любимой им бледнолицей Кору. Оба они были убиты во время сражения. При чтении их гибели неоднократно на глаза навертывались слёзы. Было жалко храброго и добродушного Ункаса.

Четверг, 24 мая. В половине шестого утра разбудил ураганный северо-запад. Через полчаса он бушевал вовсю. На бухте и в Ковше воду несло столбами, на бухте бело, точно от пурги. Наш хилый домишко трясётся как в лихорадке. Сильным ветром с земли подхватывает разные предметы, чурки, щепки, гальку. Одним таким порывом в нашей форточке выбило стекло. Как неожиданно налетел этот ураган, так же неожиданно он и стих, к восьми часам всё кончилось. С утра занимаюсь черчением. В одиннадцать часов ходил на уколы в больницу. Поддежуриваю. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра. В половине десятого вызвала Тася, гуляли по городу. Перед расставанием попросила её поцеловать, что с охотой исполнил. Неужели это последние дни перед разлукой? Навсегда или ещё судьба соблаговолит нас свести? Пасмурно, с полудня западный ветер. Температура воздуха в тринадцать часов плюс восемь с половиной градусов.

Пятница, 25 мая. Ясно. Западный ветер. Дежурю. Работы масса, домой пришёл в пять часов утра. На берегу слышал крик кулика-кроншнепа. Он пробудил юношеские воспоминания о жизни в селе Тигиль, когда мы с братом Женей часто ходили вверх по реке на батах и утром рано на лайдах, в песках и тундрах слышали такие же крики. Особенно птичий гомон был громок осенью, когда дичь собиралась в стаи перед отлётом в тёплые края. Вечером пасмурно.

Суббота, 26 мая. Западный ветер, пасмурно. После дежурства спал всего три часа. Работаю в ремесленном. После обеда с Колей Коневым выполняем чертёжные задания по курсу. Весь день гнетёт какая-то тоска. Култучное озеро совсем освободилось ото льда. Воздух наполняется ароматом цветов и распускающихся почек. Природа просыпается! Вчера на бюро комсомольской ячейки разбирали моё заявление с просьбой дать рекомендацию для вступления в партию, решили дать. В час ночи штиль. Из-за Никольской сопки медленно выплывает серебряный лик луны, над озером и бухтой низко-низко стелется белый туман. Чудная, но грустная картина! Температура воздуха в тринадцать часов — плюс пятнадцать, температура воды — плюс девять.

Понедельник, 28 мая. Ясно, западный ветер. Работаю в ремесленном. Настроение скверное, всё валится из рук. Ходил в больницу на укол. Поддежуриваю. Со вчерашнего дня начал купаться. Температура воды была плюс девять, хотя на бухте плавают лёд и им забиты берега. Сегодня тоже купался в четырнадцать часов. Вечером гулял

с Тасей. Говорит, что тоже меня очень любит, и полюбила с первого взгляда ещё школе. Просит мою карточку и свою обещает дать. Баловались и целовались всё время. Завтра снова предполагает гулять! Совсем сводит меня с ума!

Вторник, 29 мая. Утром пасмурно, днём дождь, но затем восточный ветер разогнал тучи, выяснило. Работаю в ремесленном, затем поддежуриваю. Купался в шестнадцать часов, температура воды девять и шесть десятых градуса. Вечером Тася гулять не пошла.

Среда, 30 мая. Ясно, северо-восточный ветер. Дежурю, работы много. В четырнадцать вместе с Ваней Казаковым, Колей Коневым купались. С дежурства пришёл в половине седьмого, начал читать роман Фенимора Купера «Кожаный чулок».

Четверг, 31 мая. Утром ясно, штиль. С полудня юго-восток. Небо заволокло чёрными тучами. В семнадцать часов восточный ветер, дождь. Работаю в ремесленном. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра. Сегодня прогулка с Тасей из-за дождя тоже не состоялась. Через Ваню Казакова передала, что с мужем уезжает в бухту барона Корфа. От такой вести сердце сжалось. Страшно думать об этом. Увидимся ли? Ужасное беспокойство, гложет тоска. Хожу в больницу на уколы, сделал их уже десять, предложили недельку отдохнуть. Купался в четырнадцать часов, температура воды плюс восемь и шесть десятых градуса.

Воскресенье, 3 июня. Ясно, западный ветер, встал в девять часов, продолжаю работы над сметой. В одиннадцать часов купались с Ваней Казаковым и Колей Коневым. Примерно в половине первого ночи началось затмение луны, одна часть её кажется огненно-красной, другая медленно закрывается. Такое явление в Петропавловске наблюдается впервые.

Понедельник, 4 июня. Купался с ребятами, нырял с пирса. Поскользнулся и неудачно упал в воду, сильно отбил грудь и больно ударился лицом. Высота была около четырёх метров.

Вторник, 5 июня. Ясно, северо-западный ветер. Встал в половине девятого. Работаю в ремесленном. С дежурства вернулся в половине четвёртого утра, не спалось. После ремесленного подсчитывал смету на строительство до половины девятого. В шестнадцать часов теоретические занятия, школьное собрание. Сторожевой корабль «Красный вымпел» в три часа утра пришёл в порт, он задержал две японских шхуны, хищничающих в наших водах. У одной была рация, и она сообщила своим эсминцам, что их задерживают. Японские эсминцы не замедлили нарушить наши территориальные воды, потребовали от «Красного вымпела», чтобы он освободил шхуны, вместо них взял штраф в двести рублей. Наши не согласились, дело приняло серьёзный оборот, чехлы с орудий были сброшены. Вот почему последние дни и шли шифровки серии «Г». Японцы держат себя вызывающе, провоцируют разные конфликты. Купался в шестнадцать часов. Температура воды — плюс одиннадцать и восемь десятых градуса.

Среда, 6 июня. Ясно, восточный ветер. Работаю в ремесленном, затем заканчиваю смету строительства. Вчера решали вопрос относительно подарка нашему замечательному мастеру производства Андрею Яковлевичу Кочеткову, сделали складчину, внесли, кто сколько может. Подарок купить поручили мне. Целый день носился по магазинам, но ничего подходящего найти не удалось. Обратились к частным лицам. У одного хозяина купили серебряный портсигар за сорок рублей. Вечером собрание ячейки ВЛКСМ, разбирался вопрос о быте. Выступал. Спать лёг во втором часу ночи. Купался в четырнадцать часов, нырял с кунгаса. Температура воды — плюс девять градусов.

Четверг, 7 июня. Ясно, штиль. Работаю в ремесленном, затем поддежуриваю. В двадцать часов сыгровка великорусского оркестра. Купался в четырнадцать часов. Кукует кукушка и наводит такую грусть на меня, что не нахожу себе места!

Пятница, 8 июня. Ясно, юго-восточный ветер. Корректирую смету строительства. Поддежуриваю. В половине пятого теоретические занятия, зачётная работа. Купался в четырнадцать часов.

Воскресенье, 10 июня. Пасмурно, восточный ветер, периодами налетают дождевые тучи, отдадут свою порцию ливня и умчатся куда-то на запад, вдаль! После дежурства встал в десять утра. Закончил смету в половине пятого. Работаю в ремесленном.

Вчера ходил в кино, смотрел «Папиросницу от Моссельпрома», смешная картина, понравилась. Купался в восемнадцать часов. Дождь, пронзительный восточный ветер, холодно. Ребята не рискнули лезть в воду, купаюсь один. Во время купания на воздухе было плюс восемь градусов.

Понедельник, 11 июня. Ясно, юго-западный ветер. Встал в восемь часов, настроение хорошее. Работаю в ремесленном. Домой пришёл в половине четвёртого, порядочно устал. В двадцать часов гуляли с Ваней Казаковым, пошли в партклуб на лекцию «Личность или среда», читал её наш преподаватель литературы, и читал очень хорошо. Разбирал произведения Л. Н. Толстого, его колебания. Затем пошли в клуб, где встретил Тасю. Она подарила мне карточку с надписью: «На память Жоржику от Таси». Всё интересуется, когда придёт пароход, на котором едет её муж. Меня коробит от таких вопросов. Купался в восемнадцать часов.

Вторник, 12 июня. Пасмурно, юго-восточный ветер. Учёба в ремесленном подходит к концу, готовимся к производственной выставке, расставляем сделанные вещи. В десять часов намечено заседание учебной комиссии по учёту и осмотру всех работ. Сегодня должна решиться моя судьба: приобрету я третью специальность или нет? Это был очень напряжённый двухгодичный труд. Кажется, дела обстоят хорошо, все установленные зачёты сдал. Из Озерной пришёл пароход «Монгугай», куда он прошёл прямо из Владивостока. Спать лёг во втором часу ночи. Купался в половине седьмого, температура воды плюс десять, воздуха — плюс восемь.

Четверг, 14 июня. Пасмурно, утром юго-западный, с полудня южный ветер, густой туман над городом и бухтой, очень прохладно, сыро. Дежурю, работы много, настроение скверное, тоска. После обеда отдыхал. Получил письмо от сестры Нины, но нерадостное: плохо живёт с мужем, хочет разводиться. Новость опечалила. Купался в четырнадцать часов.

Пятница, 15 июня. Ясно, облачно. Рано утром пришёл фрахтованный японский пароход «Микачи-мару», на котором приехал муж Таси. После дежурства спал всего полтора часа. Заглянул на пристань, побывал у знакомого радиста на «Монгугае», оттуда попал на теплоход АКО (Акционерного Камчатского общества), недавно прибывший из Америки и ещё носивший старое имя «Арех» (скала, вершина. — *Ред.*). Местные зубоскалы звали его по-русски «Арехом» (близкое к ореху!). Задержался здесь недолго, вернулся на пристань, увидел Тасю. Она встречала мужа, расцеловалась с ним. У меня же сердце ёкнуло. *Finita comedi!* Днём мне старый матрос сделал татуировку, вокруг сердца вытатуировал её имя — Тася.

Среда, 20 июня. Утром ясно, юго-восточный ветер. С полудня повернул на юг. Пасмурно, гроза — явление в Петропавловске очень редкое. За одиннадцать лет жизни в городе я грозу слышу лишь второй раз. Наверное, сказывается пересечённый рельеф местности, высокие сопки, вулканы. Вчера дежурил. Домой явился в половине седьмого утра. Спал до десяти часов, затем отправился на повторные уколы от нервозности в больницу. Сильный грозовой ливень, к восемнадцати часам прекратившийся. Воздух наполнился ароматом цветов и распускающихся деревьев. Дышится легко. При виде такой благодати на душе стало легче, тоска улеглась. Долго стоял на крыльце дома и вздыхал живительный эликсир, впечатление такое, будто только что поднялся с постели после продолжительной тяжёлой болезни! И грусть, и радость соседствовали. Мечта моя жениться по любви на Тасе отпала, хочется идти навстречу всем опасностям и невзгодам, тянет на море и особенно в авиацию. Вчера из Владивостока к нам вышел пароход «Индибирка». На нём в наш адрес идёт новая коротковолновая рация. Будут мачтовые работы. Может, здесь удастся отвести душу?! Сегодня получил хороший отзыв от ВЛКСМ для вступления в партию. Начальник конторы связи т. Ерахтин с удовольствием дал рекомендацию для вступления. Славный человек! Мне, как интеллигенту, надо пять рекомендаций, каждая с десятилетним стажем. В восемнадцать часов партсобрание. В двадцать три часа с Колей Медведем гуляем. Сильно парит Корякский вулкан, даже в сумерках пар ясно видится на голубом фоне неба. Днём занимался гравировкой портсигара, который ремесленники преподносят мастеру Андрею Яковлевичу Кочеткову. Купался в пятнадцать часов. Температура воды плюс четырнадцать, воздуха в семь часов — плюс девять.

Женделегатки. Вторая слева К. В. Слободчикова, третья — Массюк, пятая — М. П. Бакалова.
ККМГИ 1458

Учащиеся городской школы второй ступени в 1927/28 учебном году.
Ф 4168

Участники кружка политграмоты.
НВФ 747

Собрание партячейки ВКП(б) в помещении народного суда по случаю десятой годовщины
Октябрьской революции, ноябрь 1927 г.
НВФ 2580

Суббота, 23 июня. Ясно, юго-восточный ветер. Поддежуриваю, работы много. Ходил в больницу на укол. До двадцати часов ремонтировал электропроводку в школе. Сегодня выпускной вечер в ремесленном, днём получил свидетельство об окончании. Теперь имею три специальности: учителя, радиста и краснодеревщика. Вечер начался в двадцать один час, шла пьеска, но я просмотрел лишь одно действие: как у распорядителя вечера было много хлопот. Со Стовасом пошли в буфет, где встретились с завшколой Луговым, выпили по паре пива. В конце вечера торжественно преподнесли мастеру Андрею Яковлевичу Кочеткову серебряный портсигар с надписью. Он был тронут до слёз. Пригласил всех ремесленников на стакан пива. Сообща прокутили девяносто пять рублей. Домой вернулся в половине шестого утра.

Воскресенье, 24 июня. Ясно, юго-восточный ветер. Дежурю. Днём массовые гуляния горожан в селении Сероглазка, что в трёх километрах от города. Туда ушли все наши, дома я один. Купался в пятнадцать часов. Разбил термометр, температуру измерять нечем. Купить его негде.

Понедельник, 25 июня. Ясно, юго-восток. С дежурства пришёл в половине седьмого утра. Встал в десять, ходил в больницу. Купался. Вечером кооперативное собрание. Встретил Тасю. Днём начальник конторы связи т. Ерахтин предложил ехать начальником рации в село Тилички Олюторского района. Пока отказался. Есть вторая вакансия в село Уэлен Чукотского района. Остановился на нём, домашние не возражают. Завтра решение своё сообщу Ерахтину. Может, вдаль за работой забудутся сердечные невзгоды? Об отъезде в Уэлен сказал Тасе. Она ответила, что вернётся в город через год, добавила: «А там видно будет». Просила только не писать ей писем. На этом расстались. Спать лёг в двадцать четыре часа, долго разговаривал с Колей Медведицыным. Мы с ним спим в сарае. Душевный, чудесный парень. Он в семье у нас как родной. Мама его тоже очень любит.

Вторник, 26 июня. Пасмурно, юго-восточный ветер. Пришёл пароход «Индирикка» из Владивостока. Приехал Ёжка (Георгий) Колмаков. Это брат моего старого друга детства Колмакова Володи. Гулял с Ёжкой до одиннадцати вечера. Мечтаем о походе на Авачинский вулкан. Сегодня сообщил Ерахтину, что согласен ехать в Уэлен. Он чрезвычайно удивился такому выбору, но не стал возражать и отговаривать. Купался. Получил письма, одно из Хабаровска от сослуживца Тихона Бобровского, второе — от школьного товарища из Москвы Коли Дмитриева. Особого впечатления письма не произвели, новостей интересных не было. Настроение скверное, тоска. Страшное нервное напряжение. Бегу сам от себя, не зная куда!

Среда, 27 июня. Пасмурно, юго-западный ветер. Купались с Ёжкой Колмаковым. Было особое желание поплавать, вода хорошая. Последний укол в больнице. Поддежуриваю, работы много, основательно устал. Сегодня дали телеграмму в Хабаровск краевому начальнику о назначении меня в Уэлен заведующим радио. Все ребята-сослуживцы стали меня отговаривать от поездки, но отступать уже поздно!

Четверг, 28 июня. Пасмурно, юго-западный ветер. Поддежуриваю, работы много. Приёму мешают сильные атмосферные разряды. Сегодня кино, но не иду, гуляем с Ёжкой Колмаковым. Купался, вода хорошая, плавал далеко. С нетерпением жду ответа из Хабаровска. Пришёл из Усть-Камчатска аковский теплоход «Арех». На нём приехала Маруся Новограбленова, но её ещё не видел. Вчера читал до часу ночи, уснул крепким сном. Нервы от всех переживаний приходят в норму.

Пятница, 29 июня. Ясно. Дежурю. Купались с Ёжкой. Пришёл ответ из Хабаровска насчёт Тиличик: туда назначили сослуживца Шустова. Относительно Уэлена вопрос пока открытый, ждут ответа от старого начальника Менгеля. Если он выедет, то назначат меня. Так сейчас хочется попасть туда, поработать там и понаблюдать жизнь и быт чукчей! На рации приём затруднён из-за сильных атмосферных разрядов. В Ковше появилась масса кильки (видимо, мойвы. — *Ред.*), вода от неё кажется чёрной. Стоящие у пирса пароходы ловят её, кто чем может, иные прямо черпают ведрами, другие решетом, третьи примитивными сачками.

Суббота, 30 июня. Ясно, юго-западный ветер. С дежурства пришёл в половине седьмого утра, отдыхал до двенадцати дня. Купался, был у Ёжки Колмакова. Гуляем. Сегодня кино, но я тоже не иду на него, читаю. Неожиданно в двенадцать ночи к нам

с Колей в сарай заявляется целая компания: Маруся Новограбленова, Нюра Погодаева, Женя Старовойт, Миша Стовас. Марусю я не видел восемь месяцев, похорошела. Хотелось её по-дружески расцеловать, но рядом был Миша Стовас, её давнишний ухажёр, показалось неудобным. Она заметили татуировку на руке и спросила: что?! Отделался общими словами. Несколько раз Маруся и Нюра заглядывали мне в глаза, хотели что-то узнать. Я под их перекрёстными взглядами покраснел, как рак. Немного поболтали и ушли. Мишка ревнует ужасно, не даёт Марусе сказать даже слова. Маруся приходила ко мне ещё в четверг после кино, но я где-то бродил. Сегодня были в театре (на выступлении театрального кружка в Народном доме. — *Ред.*), смотрели «Власть тьмы» Льва Толстого. Артисты играли отвратительно. Скука.

Четверг, 5 июля. Ясно, юго-западный ветер. Соображаем насчёт похода на Корякский вулкан. Вчера долго читал Фенимора Купера. Купался.

Пятница, 6 июля. Ясно. Утром северный ветер, с полудня юго-западный. Купался. Ребята в воскресенье приглашали на пикник, но я работаю, пришлось отказаться. Брат Женя собирается в Елизово.

Суббота, 7 июля. Ясно. Работаю на почте, изучаю переводные и прочие операции, всё это пригодится в Уэлене. Купался. Сегодня на дядю Лёшу в пьяном виде напал с ножом некто Пальчинский. Нас на грех дома никого не было, но дядя сам с ним справился, отнял нож, надавал по шее и выгнал. Просматривая местную газету «Полярная звезда» за прошлые числа, наткнулся на стихотворение Северного «Синие глаза». Понравилось. Записал. Вот оно:

*Не такая ты, как все чукчанки,
И не веет Север хмурый от тебя —
Разве видел раньше кто у северянки
Под чукотскими бровями синие глаза?
Пусть не мытая ты, грязная,
И руки, и кухлянка, и лицо всё в запахе моржа,
Но не верил я, чтобы ты родилась от чукчи,
Чтоб средь них назвали твоего отца.
Знают все — отец твой там — в Сиатле,
В недалёкой, но невиданной стране,
О которой говорят седые чукчи, как о сказке,
Зимней ночью при моржовом фитиле.
Есть в Сиатле дом, пылающий огнями,
Королём живёт в нём чужестранец — твой отец,
И не раз на белой шхуне за пушистыми песцами
Подплывал к Чукотке этот северный купец...
У него была вода, которой горло
Обжигало, как огонь, как кипяток.
Мать твою, смуглянку черноглазую Инорго
Взял он в юрте ночью за один такой глоток.
И потом уехал. И напрасно всё Инорго
У камней ждала пришельца день и ночь,
На оленьих шкурах родила Инорго синеглазку-дочь.
Ты стоишь на выступе отвесного утёса
И гадаешь — с моря приплывёт ли тот купец.
У тебя ласкает ветер над кухлянкой косы,
Но тебя не приласкает твой отец.*

Стихотворение навеяло грусть. Что-то ожидает меня на Чукотке? Что найду я там хорошего? Вечером в Нардоме живой журнал бесплатно. Забрели туда с Федей Бурделёвым и Ёжкой Колмаковым. Встретили Мишку Стоваса с Марусей и Тасю с мужем. Спать лёг в час ночи.

Воскресенье, 8 июля. Ясно, юго-восточный ветер. Поддежуриваю. Вечером с ребятами катаюсь на лодке по бухте. Взяли с собой музыкальные инструменты. Тихий чудесный вечер, звуки музыки далеко разносятся по водной глади. После катания с Федей Бурделёвым зашли к Марусе. Здесь застали Стоваса, но он скоро ушёл. Втроём пошли гулять. Маруся явно равнодушна ко мне, сшила и вышила мне наволочку, подарила голубую ленточку на мандолину. Но я ленточку как-то выронил из кармана,

найти впотьмах не удалось, очень опечалился. На пикнике, рассказывает Маруся, ничего интересного не было, очень скучала, к вину не притрагивалась. Мы на берегу Авачинской бухты просидели до рассвета, всё говорили и говорили, затем вернулись домой. Уснул в пять часов утра.

Понедельник, 9 июля. Ясно, юго-восточный ветер. Дежурю, работы масса. Вчера сильно разбил руки, распухли. Ходил в больницу, врач сказал являться на процедуры два раза в день. Запретил купаться, но я всё же пошёл, плавал на спине.

Вторник, 10 июля. Пасмурно, западный ветер, собирается дождь. Изучаю в конторе почтовое дело. Рука сильно болит. Два раза в день хожу на процедуры, делают свинцовые примочки. Вечером гуляем с Колей Медведицыным и Федей Бурделёвым. Скука. Маруся с Мишкой в другой компании тоже где-то бродят. В половине первого ночи случился пожар на электростанции, загорелась в трубе нефть от неполного сгорания. По-видимому, неправильно регулируется в моторе подача горючего. Какой-то товарищ, узнав, в чём дело, стал трезвонить в церковный колокол. Народу набежало много, началась паника. На место происшествия мы прибежали первыми. Несмотря на больную руку, без лестницы взобрался на деревянную крышу и едва не свёрзился с неё, так как она вся была залита нефтью. Вместе с заведующим электростанцией пробрались к выхлопной трубе на чердак. Тут всё было в порядке. На раскалённую трубу лили воду, остановили мотор. Этим «операция» закончилась. Сильно вымазался в саже и нефти, да ещё в потёмках едва не угодил в открытый на чердаке люк, а то бы свалился с десятиметровой высоты на двигатель, тогда переломал бы рёбра и расшиб бы голову. Успел ухватиться за электропроводку. Правда, здорово зашиб «мягкое место». Как говорят, на бедного Макара все шишки валятся. После пожара ГПУ поставило охрану у электростанции, арестовали заведующего, моториста, монтера и завхоза. Рука ещё более разболелась, видно, натрудился, лазая по крыше и чердаку. Купание придётся прекратить до выздоровления. Так обидно! Спать лёг в два часа ночи.

Среда, 11 июля. Пасмурно, западный ветер. Хожу два раза в день в больницу с рукой. Работаю на почте. Коля Медведь сообщил, что бывший заведующий уэленской станцией Менгель уехал в Среднеколымск, значит, мечта моя поехать в Уэлен должна осуществиться в ближайшее время. Вечером гуляли с Федей, Колей, братом Женей, Марусей и Наташей Косыгиной. Днём встретил Тасю, остановила, спросила, что с рукой. Сильно похудела, дней через пять уезжает с мужем в бухту Провидения. От знакомых узнал, что Лиза Орлова в Ленинграде и, кажется, подвергается репрессиям. Жаль, она — энтузиаст-этнограф, много сделала для изучения северных народностей.

Четверг, 12 июля. Ясно, юго-восточный ветер. Встал в одиннадцать часов, сразу бегу в больницу, а оттуда поддежуривать. Работы много: на радиостанции устанавливают новый передатчик, делают бетонный фундамент, оттого суший погром! Грязь, пыль, грохот. Дома просматривал газету «Полярная звезда». Объявлен призыв на военную службу родившихся в 1905—1906 гг. После ужина вышли на завалинку дома музицировать. Компанию составил Федя Бурделёв. Думаю о Марусе. С ней произошёл какой-то переворот, очень нервничает, говорит, что Стюас через несколько дней уезжает на материк учиться. Читаю «Кожаный чулок». Нервы успокаиваются. Спать лёг в час ночи.

Пятница, 13 июля. Ясно. Утром северо-восточный ветер, днём штиль. Хожу в больницу. Рука никак не проходит. Поддежуриваю. Работы с каждым днём прибавляется, да ещё два товарища вышли из строя, работать становится некому. В воскресенье хотели устроить пикник, но Мишка Стюас всех ревнует в Марусе. Решили с Федей отказаться от этой затеи и вообще оставить Мишку вдвоём с Марусей. За последние дни она как-то особенно равнодушна ко мне, просила дневник, хочет написать в нём на память. Вечером гуляли с Федей. На сердце ужасная тяжесть, скорей бы в Уэлен.

Суббота, 14 июля. Пасмурно, западный ветер. Дежурю, работы много. После работы заходил к Стюасу, но он перед моим приходом ушёл в баню, хотя сам назначил место встречи. Сегодня решил вопрос о моей поездке в Уэлен. Получена телеграмма из Хабаровска на имя Ерахтина: «Уэлен отправьте Сычёва Георгия. Путевые перево-

дятся. Выезде тел. 0127 УНЗ». Когда прочитал эту телеграмму, сердце ёкнуло. Жалко стало расставаться с родными, хорошими друзьями, родным городом, в котором рос, учился, нашёл любовь! Там, далеко — глушь, новые люди, дикая природа, угрюмые скалы, ураганные пурги, полугодовая сплошная ночь! Но лучше туда, чем мучиться и переживать здесь! Сильно устал на работе. Дежурство закончил в восемь часов утра. Восточный ветер, накрапывает дождь.

Воскресенье, 15 июля. Дождь. Встал в первом часу дня. После обеда печатал рапорт Ерахтину со своими условиями поездки в Уэлен. От дежурства впечатления ещё не выветрились из головы. В ушах всё стоит писк от морзянки. В восемнадцать часов, как раз к чаю, пришла Маруся Новограбленова. Послал младшего братишку за Федей Бурделёвым. Составили квартет: трое нас и Федя, музицировали. В двадцать часов Маруся ушла. Просила сегодня зайти за ней. Подарила голубой галстук. В двадцать два часа всей гурьбой пошли к ней. Давит страшная тоска, ведь это последние дни встречи такой дружной, милой компанией, да ещё и школьных товарищей. Потом жизнь круто повернёт своё колесо, только не знаю, в какую сторону?! Но что всех разбрасает по разным углам, так это точно! Удастся ли нам вновь ещё встретиться — Аллах ведаёт! Такой ли останется наша добродушная, весёлая хохотушка Марусенька?!

Дома разговор с ней от волнения не клеился. Когда показал ей копию телеграммы об отъезде, по лицу у неё прошли нервные судороги, сложила телеграмму в несколько раз, по-видимому, намереваясь её порвать. Я взял телеграмму обратно. Что у неё на душе? Я, собравшийся бежать сам от себя и людей, преследуемый неудачами на каждом шагу, неужели расположил к себе, заронил чувство любви? Она ведь мечтала с Мишкой Стовасом уехать во Владивосток, там жизнь веселее, разнообразнее, новое общество. Мысли обо мне, конечно, скоро отлетят в сторону, два года сделают многое. Сейчас же она тянется ко мне с открытой душой, за это бесконечно благодарен ей. В самые тяжёлые для меня дни переживаний она была рядом, развеивала хандру и скуку. Можно ли к ней после этого быть равнодушным? Я искренне поцеловал её в губы.

Понедельник, 16 июля. Дождь, западный ветер. Поддежуриваю. Был у Маруси, здесь познакомился с её подругой, тоже учительницей. Беседовали втроём. Пришёл Стовас, повертелся минут пять и предъявил Марусе «ультиматум»: «Если будет к тебе ходить Георгий — между нами всё кончено!» Я ходить не буду!!! Чтобы не подводить хозяйку, посидел немного и ушёл, возможно, навсегда. Третий — лишний!

Вторник, 17 июля. Пасмурно. Встал в девять утра. Поддежуриваю. Вчера до часу ночи читал «Кожаный чулок». Думал о Мишкином вчерашнем «ультиматуме». Дурак он! Развязка с ультиматум приближается. Шустов уже получил ответ из Хабаровска, часть его условий принята. Вечером погулял немного с Ёжкой, но на душе пакостно. В Нардоме вечеринка. Идти туда нет желания, да и к чему?!

Среда, 18 июля. Пасмурно, западный ветер. Дежурю. Встал в семь утра. Вчера до двенадцати ночи читал «Кожаный чулок». На рации работы по горло! Передатчики ходят по тридцать часов. Ночью спал плохо и после обеда тоже не мог как следует заснуть. В башку лезет всякая чушь. Уэлен крепко засел в сознании. Устал сильно от утомительной нервной работы на рации.

Четверг, 19 июля. Ясно, юго-восточный ветер. С дежурства вернулся в девять часов утра страшно уставшим. Лёг спать, да заснуть никак не мог, в голове шум, в ушах писк станций. Принимаем ведь на слух, иной раз по четыре часа без перерыва. Работа симплексная, клиента, пока он не кончит передачу, перебить нельзя. Закончил читать «Кожаный чулок». Сцена прощания Натти Бумпо с Эдвардсом и Елизаветой взбудоражили всего, несколько раз на глаза навёртывались слёзы. Стоило больших усилий сдерживать рыдания! Честный старик на протяжении двух романов Фенимора Купера был моим любимым героем. Удивительно ясно, красиво выводит типы в своих произведениях Купер! Взять хотя бы Лизу, Елизавету, Эдвардса, Натти, Бумпо, моги-кан! Они все стоят у меня перед глазами, как живые! Сейчас, по-видимому, такие честные, добрые души, как Натти, давно повывелись?! (Да были ли они вообще?!). А как мне хочется быть похожим на него! Попытался после обеда снова заснуть, но безрезультатно, тот же шум в голове и писк в ушах. Сегодня кино, вход только для

членов клуба. Идти что-то не хочется. Днём отходит на Чукотку пароход «Охотск» (точнее, теплоход. Это тот самый бывший американский «Арех». — *Ред.*). На нём едет Тася. Чувствую себя отвратительно, провожать её не хочется. Напал кашель, донимает уже неделю, не даёт свободно дышать. В глотке порой ощущается вкус крови, давит грудь. Что за чертовщина навалилась?! Получил из Хабаровска путевое довольствие пятьсот рублей до Уэлена. Вечером гулял с Федей Бурделёвым. Встретили Стоваса с Марусей, но убежали от них, свернув в первый попавшийся переулок. Вышли на пристань, побродили немного по ней, возвратились домой. По пути снова встретили Марусю, но уже одну. Поздоровались сквозь зубы и расстались незнакомыми! Несколько раз ловил на себе её взгляд, сердце тянулось к ней, но помнил Мишкины слова, не подходил. Ушла шхуна (имеется в виду деревянная парусно-моторная шхуна АКО «Чукотка». — *Ред.*) на западный берег Камчатки, «Охотск» ещё стоит у пирса. Таси нигде не видно, наверное, вообще не увижу её. Да что толку? Ведь всё кончено! Бесцельно бродил из одного конца города в другой. Народилась луна. Месяц обещает быть ясным.

Пятница, 20 июля. Пасмурно, после полудня выяснило, вечером снова пасмурно. Накрыл туман. Встал в половине девятого утра. Поддежуриваю. Пришлось подниматься на семидесятипятиметровую железную мачту, крепить коротковолновую антенну. Работы много, нервничал. После дежурства кагалом: я, Федя, брат Женя, Коля Медведь отправились к Марусе. С собой захватили ноты, инструменты. Идти особенно не хотелось. Приняли нас не так гостеприимно, как в другие дни. Маруся была чем-то расстроена, разговор не клеился. Немного поиграли на инструментах и вскоре ушли домой. Маруся стала курить и отчаянно пить водку, что нас особенно беспокоит. Видимо, произошёл какой-то душевный переворот. И будто она удалилась от нас куда-то далеко-далеко! Завтра вечером приглашала гулять, просила захватить «горючего». Гуляли с Федей, обсуждали создавшееся положение. Надо выручать подругу! У неё нелады с Мишкой, он в отместку ей переключился на ухаживание за другими девчатами, ходит весёлый. Теплоход «Охотск» ушёл, Тася уехала. Проводить не удалось, дежурил. Теперь всё кончено. Сколько мук и переживаний было! А из-за чего?! Сожалею о татуировке на руке. Надо основательно взяться за подготовку к отъезду. Спать лёг в два часа ночи.

Воскресенье, 22 июля. Ясно, утром северный, днём восточный ветер. Встал в семь утра. Работы много. Хабаровск что-то задерживает ответ относительно выезда в Уэлен, нервничаю. Купался. Вода тёплая. Рация работает круглые сутки. Погружённый в дела, забыл всякие невзгоды. С сегодняшнего дня имею двухнедельный отпуск, который не догулял в прошедшем мае. Хочу организовать группу по восхождению на вулканы.

Понедельник, 23 июля. Ясно. Утром собирался западный ветер, но затем сдал. С дежурства пришёл в десять утра, очень устал, заснуть от переутомления не мог. По дороге домой встретил Стоваса, он предложил участвовать в походе на Авачинский вулкан. Дал согласие. Вечером пошёл к Феде Бурделёву, помогал ему обшивать углы дома тёсом. Наконец поступил ответ из Хабаровска: «23 июля. КЗ Шустову зпт Сычёву перемещению присваивается всё что указано заявлении что полагается закону одиннадцатого мая минувшего года исключением двойного содержания первые три месяца выдача коего воспрещена будет являться незаконной тчк Сычёву Уэлен кроме этого вместо тёплой одежды перевозки продуктов счёт ведомства будет выдаваться дополнительно ежемесячно тридцать рублей 0127 УНЗ». Вот и решилось всё! Гуляли с Колей, Ёжкой, Федей. Немного музицировали. Спать лёг в час ночи.

Вторник, 24 июля. Ясно, северный ветер. Встал в половине десятого. Занимался на почте переводными операциями. Вызвал к себе Ерахтин, просил дать окончательный ответ относительно выезда в Уэлен, я подтвердил согласие. Теперь вплотную надо готовиться к отъезду. Завтра кое-что следует прикупить. Дал во Владивосток телеграмму Вавочке Сотниковой, чтобы попросить радиста отходящего к нам парохода, чтобы он в Хакодате (Япония) купил мне дюжину фотоплёнок к «Кодаку», восемь на четырнадцать сантиметров. Сегодня получил от неё ответ: «Передам всё. Привет. Вавочка». Купался в семнадцать часов, вода холодней вчерашней. Читал «Записки шпиона». Федя звал к Марусе, но идти не хотелось. Весь вечер провели

с Федей, играли на гитаре и мандолине. Все ребята сожалеют о моём отъезде, ругают, зачем дал согласие. Днём в Хабаровск полетел наш ответ о согласии ехать. Может, среди льдов и снегов и найду своё счастье? Сестрёнки и младшие братишки уже носят ягоды жимолости, однако она ещё не вся поспела, но для варенья хороша.

Среда, 25 июля. Ясно, западный ветер. Сегодня зарплата, одновременно выдали и путевое довольствие. Купил фотоаппарат «Кодак» за семьдесят два рубля, плёнки привезёт радист. Днём искал палатку для похода на вулкан, нашёл у сослуживца. Начинаю готовиться в экскурсию. Приехал дядя с рыбалки, сообщил неприятную новость: во время шторма при выгрузке перевернуло кунгас, погибло много продуктов, вся одежда, утонули собаки. Погиб и кунгас. Всё это случилось в бухте Лиственничной, около восьмидесяти километров на юг от города. Убытки огромны. Особенно дядя жалеет собак, без них на Камчатке, как без рук. Крайне жалко двух передовиков-вожаров. Дядя очень волнуется и плачет, мне его бесконечно жалко. Он такой труженик и душевный, чудесный человек. Проклятущая судьба и здесь не даёт нам покоя! Вечером втроём: брат Женья, Федя и я были у Маруси. Там встретили и Мишку Стоваса. Разговор не ладился, больше вертелся около похода. Составили примерный план. Компания набирается большая — девять человек, главным образом, девчата. Думаю, из этой затеи ничего не выйдет! Вскоре вернулись домой. Во время ужина выпили дядя, я, Федя, брат Женья. Федя ночевал у нас. Меня хмель не брал совсем. Спать легли в три часа утра.

Четверг, 26 июля. Ясно, северо-восточный ветер. Встал в десять утра, собираю экскурсантов. Первые признаки развала налицо: Вера Савина, Нюра Погадаева отказались, Мишка с Марусей палец о палец не хотят хлопнуть, совсем не помогают в сборах. У Ёжки вдруг разболелась спина, он поднял что-то тяжёлое, Федю не пускает мать. Но я всё равно намерен организовать другую здоровую группу и пойду на вулкан. День посвятил закупкам для Уэлена. Купался дважды, вода отличная. Нырять с пристани и шаланды. Вечером кино «Женщина и леопард», слишком фантастическая, не понравилась. Гулял с Федей и Колей до двенадцати часов ночи. Мысли сосредоточены на походе на вулкан. Читал «Записки шпиона» до часа ночи.

Пятница, 27 июля. Ясно, северо-восточный ветер, временами небосвод покрывается тучами. Они бродят около вершин вулканов, периодически закрывая их, иногда спускаются до гор. Встал в девять утра. Пришёл Ёжка с печальной физиономией, сказал, что из-за болезни спины пойти не сможет. Очень переживает — это ведь один из моих надёжных товарищей. Стовас «обрадовал», сказал, что Васильева тоже не может идти из-за болезни пальца. Хотел взять с собой брата Лёшу, но он ушёл с пионерами в поход, брат Петя отказался. Вечером с дядей пошли к Марусе. Рассказали ей о результатах сборов на вулкан. Маруся тоже от похода отказалась по причине болезни матери, значит, и Мишка не пойдёт. Так разохлась вся большая компания! От Маруси зашёл к Ёжке, поведал ему о провале первой группы. Он обрадовался: пока будет организовываться вторая, он может выздороветь. В половине двенадцатого ночи Коля, Федя и я пошли гулять на берег бухты. Ёжка поторопился домой. Купался в двенадцать часов, вода холоднее вчерашней. Появились медузы. Спать лёг в третьем часу ночи.

Суббота, 28 июля. Пасмурно, ночью идёт дождь, юго-восточный ветер. Утром на почте взял книгу по почтовым операциям, пригодится в Уэлене. Купался, вода тёплая, но на воздухе прохладно. Федя звал к Марусе, но я не пошёл. Настойчиво попросил за него подежурить Гриша Воробьёв: в Нардоме украинский вечер, он идёт туда. Пришлось согласиться на дежурство. На работе узнал, что уэленская рация помещается на чердаке.

Воскресенье, 29 июля. Ясно, штиль, после полудня лёгкий юго-запад. С дежурства вернулся в девять утра, уставший. Пришёл Ёжка, звал гулять, но сильно болела голова, отказался. Отдыхал до двух часов дня. Купался, вода хорошая. После обеда втроём: Ёжка, Федя и я бродили по берегу бухты. В половине девятого вечера с Федей зашли к Марусе. Она только что приехала с экскурсии, которая была в Богатыревскую бухту. Нас с Федей об этом не уведомили и не взяли. Стовас сделал это с умыслом, да мы особенно и не горюем! Хотели с Федей помузичировать, но Маруся куда-то заторопилась.

Пришлось уйти. На Ленинской улице встретили Стоваса, и он пошёл с Марусей, мы оказались лишними. Двинулись в кино. Шла картина «Кирпичный завод». Не понравилась, раньше времени с третьей части ушёл домой. Потом втроем с инструментами двинулись на берег бухты, где устроили концерт. Звуки музыки далеко разносились по воде. Домой вернулись в третьем часу ночи.

Понедельник, 30 июля. Рано утром дождь, днём выяснило. Встал в десять часов. В магазине АКО купил два аккорда струн мандолинных и гитарных. С окрревроком разрешается вопрос о предоставлении для рации нормального помещения, сейчас она находится в комнатухе на чердаке. Днём купался, вода тёплая, но масса медуз, они испортили всё настроение. Что-то часто стала болеть мама, целый день лежит в кровати. Дядя снова уехал на рыбалку. Нашёл давно разыскиваемую песню «Бубенцы». Дни заметно убывают. Уже в двадцать часов двенадцать минут темно, плохо видно. Как жаль! С Федей в половине девятого вечера пошли музицировать к Марусе. Играли с воодушевлением. Неужели в последний раз?! Спать лёг во втором часу ночи.

Вторник, 31 июля. Переменно, утром запад, с полудня юго-запад. Спал плохо, встал в десять утра. Заходил к Марусе. Она стирает, обижается на Мишку. Предлагала своё рукоделие на память, но я не взял, и так она меня задарила подарками. Отобрал у неё для печатания машурские негативы. Купался, вода тёплая, но масса медуз, даже противно лезть в воду. Вечером гуляли с Федей и Колей Медведем. Ужинали вместе. Начал курить. Спать лёг в двенадцать ночи.

Среда, 1 августа. Пасмурно. Вечером, ночью проливной дождь, гром. Встал в восемь часов утра. В магазине АКО сегодня продажа носков, кепок, верхних рубашек. Купил себе тёплую кепку и носки. Рубашки не понравились. Ребятам кепка нравится, а мне — нет. В магазине столпотворение, давка невероятная. Особенно «свирепствуют» женщины: кричат, ругаются, хватают, кажется, перегрызть горло! И смех, и грех! Несмотря на дождь купался. Вода тёплая. Были у Маруси. Она сообщила, что определённо едет с Мишей Стовасом во Владивосток, на Авачинский вулкан не пойдёт. Переписка с Хабаровском за последние дни идёт усиленная, начальство требует предоставить под рацию соответствующее помещение, в противном случае отъезд запрещает. Это меня волнует. В Тилички (Шустов) вышел из Петропавловска 30 июля пароход. Мой же в Уэлен из Петропавловска ориентировочно предполагает выйти 20 августа. Со мной рвётся ехать Федя, но его не пускает мать. А хорошо бы было вдвоём! Ходил на заседание культкомиссии окрпрофбюро, затем на партсобрание. Спать лёг в двенадцать ночи.

Четверг, 2 августа. Утром ясно, с обеда юго-восток, слабый туман. Встал в девять часов. Печатал снимки с негативов Маруси и отнёс их ей. Обещалась дать мне своё фото. С Ёжкой мечтаем о походе на вулкан. Пока проводника нет, а я дорогу плохо помню. Собираемся в семнадцать часов идти за ним в селение Сероглазку, что от города в трёх километрах. До пятнадцати часов ждал Марусю с карточкой, но она не пришла, уехала в село Елизово за тридцать километров от Петропавловска. В шестнадцать часов в Ёжкой пошли в Сероглазку. Здесь встретили хорошо знакомого нам Витю Крупенина. Он пригласил нас к себе, у него мы попили чай с молоком и сметаной. К нашей радости, он согласился быть проводником и нашим партнёром по экскурсии. Дела налаживаются, да и погода устанавливается. Вулканы снимают свои свинцовые шайки, обнажая седые головы. На голубом небе они выглядят обворожительно, радуют сердце. Из Сероглазки возвращались не торопясь. Несколько раз по дороге останавливались. Через тридцать восемь минут были уже дома. Купался два раза. Вода удивительно тёплая, хотя на воздухе и чувствуется значительная прохлада. Ныряли с Ёжкой с шаланд. В воде я перевернулся через голову, чем вызвал весёлый смех у Ёжки. Он говорит, «трюк» получился эффектный! Только пузыри пошли! Вечером я, брат Женя, Коля, Федя, Ёжка, захватив музыкальные инструменты, пошли на Никольскую сопку музицировать, но почему-то не игралось, руки не двигались, будто свинцом налитые! Всея компанией затем гуляли по городу.

Пятница, 3 августа. Ясно, юго-восток. Дневник пишу уже в нескольких километрах от подножия Авачинского вулкана в палатке. Время без двадцати минут десять вечера. Заедают несносные комары, поэтому в палатке устроили дымок. Все сидим

и горько плачем от дыма и со злостью бьём наших мучителей. Вчера лёг спать в два часа ночи. Читал «Лес в огне» Оливера Кервуда, книга понравилась. Встал в девять часов, начал собирать компанию в поход, но тут двое снова отказались: это мой непосредственный начальник Ерахтин и инженер, забыл фамилию. От них ушёл в пакостном настроении, сами же напрашивались, а теперь на попятную! В магазине купил общую тетрадь для записей. Окликнула Маруся, поздоровались. Спросила, не сержусь ли на неё за вчерашний внезапный её отъезд в Елизово? Добавила: без десяти три часа дня явился Стюарт, неудобно было его выпроваживать! Сообщил ей, что на вулкан мы выходим сегодня обязательно. Выяснилось, что Маруся, Мишка и компания намеревались в субботу ехать по ягоды. Нам же об этом не сказали ни слова! Таким образом, сами от нас удаляются. На вулкан мы: я, Ёжка, брат Лёша вышли без пяти минут двенадцать. Витя же Крупенин пошёл к себе домой. Уговорились с ним встретиться у развилки дорог за фермой (первый совхоз), примерно около шестого километра от города. Шли весело и довольно быстро, хотя были до конца нагружены едой, палаткой, фотоаппаратами и прочим.

Дорога поднимается в гору, делали за восемь-десять минут километр. Витю в условленном месте ждали час и пять минут, порядком истомились. Брат Лёша и Ёжка пошли к нему навстречу. Я остался на месте, так как натёр себе ногу, надо было как-то исправлять положение. Состав нашей экскурсионной группы таков: Витя Крупенин (проводник), я (инициатор), Ёжка (Георгий) Колмаков, мой младший брат Алексей. Всё время я шёл впереди, оказывается, дорогу помнил хорошо. В тринадцать часов двадцать пять минут над Авачинской губой пролетел гидросамолёт экспедиции Красинского, которая направляется на Север. Вылетели они из Владивостока через Николаевск-на-Амуре, Усть-Большерецк в Петропавловск. Затем пролетят до Анадыря и Уэлена. Самолёт пролетел над Мишенной сопкой, сделал над городом два круга и снизился в тринадцать часов тридцать пять минут в Ковше. Курс имел с запада. Витя Крупенин с нами встретился в тринадцать пятьдесят пять, и сразу двинулись по маршруту... (Далее опущено описание восхождения на вулкан. — *Ред.*)

Воскресенье, 5 августа. ...Гидросамолёт Красинского, пользуясь хорошей погодой, в десять часов сорок минут улетел в Усть-Камчатск, куда прилетел в шестнадцать часов шесть минут. Далее, по-видимому, пойдёт на бухту барона Корфа, потом на Анадырь.

Понедельник, 6 августа. Ясно, северо-восток. Встал в девять часов. Пришёл Федя, с ним отправились к натуралисту П. Т. Новограбленову, брату Маруси, нашему бывшему учителю. Я собрал ему небольшой гербарий в районе вулкана и на его склонах. Поделился своими впечатлениями о походе. П. Т. Новограбленов был очень рад, интересовался нашими данными длины окружности кратера, его глубины, диаметра и т. д. Настаивает, чтобы я послал статью в материковский журнал или газету. Думаю его предложением воспользоваться и написать. Побеседовав немного ещё, мы с Федей вернулись ко мне. Сел за приведение в порядок материалов о походе, затем с ребятами гуляли вокруг озера и в Култуке. Стреляли из мелкокалиберки. С двадцати метров сбил гильзу мелкокалиберки диаметром шесть миллиметров, результат неплохой. В половине шестого купались с Ёжкой, ныряли с пристани, но вода холодная, еле доплыли до берега. Федя ходит что-то очень грустный, видимо, какие-то неприятности дома, или вообще... Вечером занимался обработкой походных материалов. Спать лёг в двенадцать ночи.

Вторник, 7 августа. Пасмурно, ночью дождь. Встал в семь часов. Сегодня кончился отпуск, иду на дежурство. Здесь засадили за иностранные расчёты. В результате длительного пребывания на ветру и солнце во время похода разболелись губы, лицо шелушится. В общем, обгорели знатно. Купаться пока не придётся. Вдобавок болит ещё и зуб, вот наказание-то! Сильно хочется спать. Много отдали сил и энергии при подъёме на вулкан, организм требует восстановления сил. В шестнадцать часов ходил к Жедяевскому — одному из участников краеведческой группы восхождения на Авачу. Ему Дьячков передал наши оставленные вещи. Вернулись они вчера на конях. Из шести участников похода на вулкан взошли только четверо, двое вернулись,

не достигнув и половины его. Полученные ими данные сильно разнятся с нашими, хотя Жедяевский утверждает, что они верны. Он говорит, что на кратер трудно подняться, для нас же подъём на его вершину особой трудности не представлял. Видимо, они поднимались другим путём, более сложным, плохо продумали маршрут. Жедяевский просил заходить, принести наши снимки, негативы. Принялся за статью в газету, да что-то не пишется.

Среда, 8 августа. Пасмурно, ночью дождь. Встал в семь утра. Вчера читал до часу ночи «Лес в огне» Джемса Оливера Кэрвуда, интересная книга. Работаю на радиции. Губы болят по-прежнему, от этого нервное состояние. После обеда продолжал чтение «Леса в огне», закончил. Роман оставил глубокое впечатление, долго раздумывал над прочитанным. Роман будто не закончен, хотелось его продолжения. Интересна манера изложения Кэрвуда: он мало, очень мало приводит реплик, разговоров между персонажами, а больше описывает их самих, картины природы, окружающую обстановку. Так что когда начинается разговор, читатель уже бывает подготовлен к дальнейшим событиям, даже угадывает их. В романе описывается любовь полицейского сержанта к красивой девушке, которая спасла его от смерти во время пожара леса, впоследствии они поженились. Отрицательная сторона романа: влюблённому всюду везёт. Он почти не подвергается опасности, храбр, силен, честен, уж слишком всё прилизано, приглажено, неестественно, а в общем пишет хорошо. Работаю над статьёй. После ужина с Федей и ребятами устроили музыкальный вечер на завалинке у школы, потом до часу ночи гулял с Федей. Он показал мне письма своих учеников из Верхнекамчатска, очень интересно пишут. Показал также некоторые письма Маруси, где она называет его «милым». Заснул крепким сном. Пароход «Индибирка», на котором Маруся собирается ехать во Владивосток, скоро будет в городе.

Четверг, 9 августа. Пасмурно, мелкий дождь, погода гармонирует с настроением. Жаль, нельзя купаться. Всё ещё болят губы. Встал в семь утра. Работаю на радиции, после обеда отдыхаю до девятнадцати часов. Гидросамолёт Красинского сел в бухте барона Корфа, в тумане не нашёл Олюторки и пролетел туда. Красинский жалуется на неточные карты. Горючего у него осталось всего на два часа лёта, просит пароход «Индибирка», который находится в Олюторке, доставить ему в бухту соответствующее количество горючего и смазочного. Дальнейший маршрут полёта следующий: из бухты барона Корфа летит в Анадырь, далее мыс Дежнёв, Уэлен, остров Врангеля (где снимет больных), Нижнеколымск, устье Лены, бухта Нордвик, остров Диксон, Новая Земля, Архангельск, Ленинград. Много ещё трудностей у экипажа впереди, пожелаем им удачи! После обеда читаю рассказы Шишкова «Бисерная рожа». Это ещё совсем молодой писатель, не всё у него хорошо, есть недостатки, неточности. Книга меня не удовлетворила. Работаю над статьёй. Вечером снова у школы устроили музыкальный концерт. Собралось много ребят. Потом долго гуляли с Федей. Спать лёг в два часа ночи.

Пятница, 10 августа. Ясно, юго-восток. Поддежуриваю. Работы масса, но всё идёт удивительно удачно. Хабаровск слышен хорошо. Домой вернулся порядком уставшим, закончил статью, снова пошёл на радицию, чтобы отпечатать её на машинке. Спать лёг в час ночи. Дождь.

Суббота, 11 августа. Пасмурно, с полудня выяснило, вечером снова пасмурно. Встал в девять утра, корректирую статью. Отнёс её в редакцию, но редактора не было, отдал секретарше. Поддежуриваю. Работы очень много. Принесли газету, и в глаза бросилась статья Жедяевского «Восхождение на Авачинский вулкан». Значит, я со своей опоздал! Интересно, что ответит редакция? Вечером сижу за радиосхемами, готовлюсь к отъезду. Губы поправляются. Спать лёг в двенадцать ночи.

Воскресенье, 12 августа. Пасмурно, северо-западный ветер, ночью дождь. С моря накрыл густой холодный туман, город и бухта в белом молоке. Дежурю. Работы уйма. Из села Паланы вышел пароход «Монгугай», на котором едет сестра Лиза с мужем Золовкиным. Её не видел семь с лишним лет. Она тогда была ещё девочкой, а сейчас стала матерью, имеет дочь. Её мужа я совсем не знаю, он работал в Тигиле фельдшером уже без меня. Сама судьба даёт мне возможность перед дальней дорогой и длительной разлукой повидаться с ней.

Вторник, 14 августа. Дождь, туман. Встал в половине десятого. Вчера долго читал Шишкова «Бисерная роза». У него живой юмор, порой смеёшься до слёз. Занимаюсь схемами, осваиваю переводные операции на почте. В магазине закупил кое-что для Уэлена, истратил пятьдесят пять рублей. Маруся принесла своё фото с надписью: «Доброму, хорошему товарищу от Курносой. 1/VIII-28 г.». Заходил к Колмакову за карточками. Вечером комсомольское собрание, на котором я председательствую, пожалуй, в последний раз. Потом Уэлен, партия. Год как веду дневник. Один товарищ сказал, что это занятие брошу через три дня и... жестоко ошибся!

Среда, 15 августа. Пасмурно, северо-запад, дождь. Встал в девять утра, опять ношусь по магазинам. Получил от ГПУ разрешение на приобретение десяти бутылок спирта и трёх коньяка, всё закупил. Завозить спиртные напитки на Север было категорически запрещено. Если их кто-либо завозил контрабандой, то органы ГПУ конфисковывали их и штрафовали виновных. Поэтому даже для технических нужд требовалось разрешение. Денег, наверное, на все покупки не хватит. Поддежуриваю. Пришёл пароход «Монгугай», приехала сестра Лиза с мужем и трёхлетней дочкой Симой. Лиза сильно похудела, очень похожа на Лизу Орлову, только у сестры цвет кожи светлей. Пришли ребята и профессиональные работники Тигиля, приехавшие на совещание. Рассказали, что рыбы много, а вот продуктов нет, будет голод. Вчера отдал прочитать статью о восхождении на Авачинский вулкан Марусе, а она затем передала её Нюре Погадаевой, что мною не предвиделось. Обещала принести статью в девять вечера, но не пришла. Брат Женя выдел их гуляющими со Стовасом и Старовойт. Спать лёг в первом часу ночи.

Четверг, 16 августа. Переменная погода, днём дождь, гром. Встал в половине девятого утра. Купил материал в магазине на рубашку и брюки, хотел ещё купить ботинки или полуботинные сапоги, но ни того, ни другого не оказалось. Взял статью у Маруси. Подарила мне, Феде и Коле Медведю незабудки. Домой пришёл полчетвёртого утра.

Суббота, 18 августа. Переменно, ночью дождь. С дежурства пришёл уставшим в десять утра, спать не мог. Снова бегаю по магазинам. Запаковал ящик с книгами. Вечером кино «Два охотника», хорошая картина, драма из кавказской жизни. Намечаем в воскресенье устроить пикник. Расставаться с друзьями всё же тяжело. Пришёл пароход «Индибирка», привёз делегатов на первый камчатский съезд Советов. Город иллюминирован.

Воскресенье, 19 августа. С утра ясно, после полудня пасмурно. Собрались на пикник. Я, Федя, Маруся, Галя Старовойт, Маруся Васильева с мужем Коробовым. Стоваса не было, отчего Маруся шла, как на похороны. Все остальные были в весёлом настроении, шутили, смеялись. Пикник, в общем, удался, но домой возвращались, кто как мог.

Понедельник, 20 августа. Пасмурно, ночью дождь. Поддежуриваю. Настроение ниже нуля. Получил письмо от Лизы Орловой, она находится в городе Бежица Тверской губернии. Вечером провожали Ваню Казакова, он уезжает на материк.

Четверг, 23 августа. Пасмурно. С дежурства пришёл в девять часов. Снова ходил по магазинам, покупаю необходимое на дорогу. Запломбировал больной зуб. Вечером пришёл Федя, долго сидели, разговаривали.

Суббота, 25 августа. Ясно. Поддежуриваю. Работы много. Все, кто ходил со мной на вулкан, снимались у фотографа. Статью решили направить в один из материковских журналов. П. Т. Новограбленов посоветовал отослать в журнал «Вокруг света». Пароход «Астрахань», который пойдёт до Уэлена, из Владивостока выйдет только 1 сентября. Задержка злит меня: может измениться ледовая обстановка. Федя всё «провожает» меня. Гуляли до двух часов ночи.

Воскресенье, 26 августа. Сильный западный ветер. Поддежуриваю. Работы сегодня, к счастью, мало. Решили у Феде устроить вечеринку, в складчину накупили кое-чего, Федя пригласил своих знакомых — Марусю, Галю Старовойт, Васильеву. К назначенному времени мы: брат Женя, я, Коля Медведь пришли к нему, стали ждать приглашённых, однако никто из них не явился. Плюнули на них, закуску и вино уничтожили сами.

Понедельник, 27 августа. Ясно, дует сильный восток. Дежурю. Измучился со связью со шхуной «Чукотка». Слышимость очень скверная, сильные разряды. Шхуна стоит в Палане.

Вторник, 28 августа. С утра мелкий дождь, днём восточный ветер. С дежурства пришёл в девять утра. Из Начик приехал знакомый дяди — Никольский, разговорились с ним. Дядя очень дружит с ним, да и человек он хороший. Конечно, не обошлось и без выпивки. Узнав, что я еду в Уэлен, Никольский сбегал в магазин и купил бутылочку коньяка, которую мы и прикончили. Гулял с Федей до двенадцати ночи.

Среда, 29 августа. Ясно, приближение осени в городе чувствуется сильно. Спать в сарае, даже под одеялами, уже холодно. В шестнадцать часов — массовая инсценировка «Взятие Петропавловска красными». Некоторые баталии прошли натурально, другие были далеки от истины.

Четверг, 30 августа. Ясно. Должен был подежуривать, но ребята-комсомольцы позвали фотографироваться по случаю моего отъезда. Попросил Гришу Воробьёва подменить меня. Днём работаю на почте, знакомлюсь с разными бумагами, с иных снимаю копии, пригодятся в работе. Вечером кино «Декабристы», хорошая картина. Спать лёг в час ночи.

Пятница, 31 августа. Ясно. Пломбирую второй зуб. Встретил Марусю с Наташей Косыгиной, она училась с нами, но окончила школу вместе с Марусей на год позже меня, тоже учительствовала. Сейчас её назначают в село Ича, что на западном берегу Камчатки. Хотела поступать в вуз, но положение изменилось. Врачи рекомендуют ехать во Владивосток и делать серьёзную операцию, у неё что-то с гландами. Получил от окрпрофбюро мандат делегата на первый камчатский окружной съезд профсоюзов. Он открывается завтра в десять часов. Снова долгие беседы с Федей.

Суббота, 1 сентября. Ясно, утром северный ветер, днём восточный. Дежурю. Встал рано, работы много. Открылся первый профсоюзный съезд Камчатки. Присутствую на нём в качестве делегата. Съезд намерены закончить как можно скорее, время не терпит: пароходы ждать долго не могут, навигация подходит к концу. Все предложения и резолюции предлагаются от имени комфракции, почему дела подвигаются быстро.

Воскресенье, 2 сентября. Ясно, утром северный ветер, днём восточный. С дежурства вернулся в половине десятого. После завтрака пошёл на съезд. Он заканчивает работу, резолюции переданы в разные комиссии на разработку. Сегодня в тринадцать часов думаем сняться на память всей школьной компанией, куда входят: Тося Головань, Нюра Погодаева, Тася Подпругина, Катя Черепанова, Федя Бурделёв, я, братья Лёша и Петя. Девчата, по обыкновению, пришли с опозданием примерно на полчаса. Много шутили, смеялись. Вечером выступали в Нардоме втроём: брат Жёня — на гитаре, Федя Бурделёв — вторая мандолина, я — первая мандолина. Сыграли отлично, зал дрожал от аплодисментов. После нашего выступления состоялся карнавал. Вместе с красноармейцами пели песни. С Федей проговорили до двух часов.

Понедельник, 3 сентября. Ясно, утром северный ветер. Встал в восемь часов утра. Заканчиваю пломбировать третий зуб. Коля Медведицын на работе уже слышал пароход «Астрахань», значит, он вышел из Владивостока. Это подстегнуло меня со сборами. День прошёл в беготне. Достал пять фотоплёнок, гипосульфиту. Невский собирает вечеринку, по какому поводу, неизвестно. Просят у меня две бутылки спирта из северного запаса, что сделать не могу, уже всё запаковал. Компания собирается большая, расходы хотят разложить только на ребят. Это обойдётся каждому минимум по десять рублей, а у нас таких денег нет, у Феде тоже. Мы решили отказаться от участия в вечеринке. Сегодня открылся первый съезд Советов Камчатской области, Анадырского и Чукотского районов, продлится дня три.

Вторник, 4 сентября. Ясно, утром северный, днём восточный ветер. Поддежуриваю. Измучился, как дьявол! Хабаровск затухал до нуля. Работы много. Утром ходил в ГПУ за визой на въезд в Уэлен и Чукотку вообще, дали без задержки. Пароход «Астрахань» вышел из Владивостока 2 сентября. Вчерашняя компания смотрит на нас косо. Сильно осложняется вопрос с деньгами: у меня осталось всего около ста рублей, а надо ещё закупить продуктов для Уэлена, взять билет на пароход, платить за питание на пароходе. Ребята не верят, ну, Бог с ними. После долгого перерыва

слушал на своём приёмнике радиоконцерт. Федя Бурделёв уволился с работы, его снова хотели послать учительствовать в Верхнекамчатск. Он не согласен, и мать его не пускает. Спать лёг в двенадцать ночи.

Среда, 5 сентября. Ясно, утром северный ветер. Встал в девять утра. Работаю на почте. Узнал, что Маруся со Стовасом сегодня уезжают во Владивосток на японском фрахтованном пароходе «Хачиро-мару», он идёт прямым рейсом. С обеда поддежуриваю. Наверное, проститься с ними не удастся. К концу дежурства услышал последний третий гудок парохода, стрелой помчался на пристань, но опоздал, концы были уже отданы, «Хачиро-мару» медленно отходил от соседнего судна, с которым был сошвартован. Как сумасшедший, влетел на этот пароход. Тут оказался Федя Бурделёв. На «Хачиро-мару» стояла у борта Маруся с цветами, махала ими нам. Стоваса видно не было. Родных и других знакомых Маруси на проводах не было. Мы махали ей платками, Маруся плакала, да и мы чуть сдерживали слёзы. Так жизнь стала разбрасывать нас помаленьку. Волновал вопрос: что с нами станет и какую судьбу уготовила нам жизнь?! Кончились прогулки, дурачества, музыкальные вечера! На прощание через Федю от Маруси получил цветок-бессмертник со словами: «Это чтобы ты там не умер!»... В половине восьмого вечера пароход ушёл. Мы с Федей зашли к заведующему школой Луговому. Тут оказался преподаватель литературы Гурьянов, завязался интересный разговор. Это несколько отвлекло от проводов, но дома напала хандра. Маруся сказала Феде, что осенью на будущий год приедет домой. Меня уже в городе не будет.

Четверг, 6 сентября. Пасмурно, дождь. Дежурю. На работе страшные разряды, приём многих станций срывается. От треска в телефонах страдают уши, нещадно болят. На вулканах на вершинах выпал снег.

Пятница, 7 сентября. Утром ясно, восточный ветер. После семнадцати часов низкое давление, дождь. Сильный восточный ветер, тайфун. Спал после дежурства до часу дня. Разбудил Федя, который позвал сниматься с девушками, однако пришли не все, решили отложить до воскресенья. Потом Федя, я, братья Женья и Петя, Коля Медведь и девочки: Тося Головань, Тася Подпругина пошли стрелять из мелкокалиберки. Из ста возможных я выбил девяносто, брат Женья — семьдесят четыре, брат Петя — семьдесят три, Федя — шестьдесят четыре, Коля — сорок шесть, Тося — девятнадцать, Тася — одно очко. Время провели, в общем, весело. Девчата чувствовали себя непринуждённо. С севера идут тревожные вести: наступают льды, Берингов пролив забит ими. Льды спустились уже до бухты Лаврентия. Едва ли пароход «Астрахань» дойдёт до Уэлена, по-видимому, придётся до места добираться на собаках. Дома про это ничего не говорю, будут беспокоиться! Спать лёг в час ночи.

Суббота, 8 сентября. Бус. Встал в половине десятого, собираюсь к отъезду, упаковываю оставшиеся вещи. Отправил посылку Лизе Орловой и письмо её подруге Могилянкой. Снимал радиосхемы. В двадцать один час вечер в Нардоме, устроенный заводскими ребятами, приехавшими из Усть-Камчатка. Вчерашние снимки вышли хорошо. После долгого перерыва ходил в баню.

Воскресенье, 9 сентября. Бус, туман. Осенняя погода. Поддежуриваю. Работы, как обычно, много, сильно устаю. С девочками фотографировались у фотографа. Сегодня во Владивосток уходит пароход «Индибирка». На нём уезжает мой друг по экскурсии на вулкан Георгий Колмаков (Ёжка). Его толком проводить тоже не удастся: задерживаюсь на работе. Так все помаленьку разъедутся. Когда вновь увидимся, никто не знает! Никак не могу дождаться своего парохода, скорей бы всему конец!

Вторник, 11 сентября. Пасмурно, дождь. Сегодня дежурю в последний раз. Пароход «Астрахань» в двухстах милях от Петропавловска, то есть в сутках ходу. Что ждёт меня впереди? Маруся уехала к жизни, культуре, развлечениям, я еду в глушь, к трудностям, неведомым местам! Кому-то и здесь работать надо! Федя остаётся в Петропавловске, его никуда не пускает мать, она очень плохо себя чувствует.

Среда, 12 сентября. Ясно, восточный ветер. С дежурства пришёл в десятом часу, бегаю насчёт отъезда. Вступаю в партию, много разных дел. Пароход «Астрахань» будет стоять в Петропавловске всего сутки, подпирают льды. Снега на вулканах прибавляется, вершины блестят, как сахарные головы.

Четверг, 13 сентября. Ясно, восточный ветер. Встал в восемь утра. Пишу автобиографию для вступления в партию. Пришёл пароход «Астрахань», в субботу предполагается отойти. Настроение повышенное. Много новичков едет с материка на север, все они бодрые, радостные, но не знают, что их ждёт впереди. Петропавловск произвёл на них хорошее впечатление своей природной красотой, вулканами. Представление о тех местах, куда они едут, не имеют никакого. В душе их жалко, ведь многие потом будут раскаиваться, проклинать всё на свете! Но молодость берёт своё! Часть грузов я уже сдал на склад порта, остались личные вещи. Из Владивостока приехал мой однокашник Илья Курищенко по кличке Жук. С ним вместе оканчивали вторую ступень. Он едет к матери, которая учительствует в Тиличиках. Говорит: жизнь на материке неважная, это же подтверждает и Коля Конев, также вернувшийся из Владивостока. Завтра предполагаю устроить проводины.

Пятница, 14 сентября. Ясно, восточный ветер. Целый день занят хлопотами с отъездом. Достал четыре рекомендации в партию, пятую даёт комсомол. Вечером проводы. Пригласил всех сослуживцев по радиостанции. Время провели весело, порядком выпили. Спать ушёл рано.

Суббота, 15 сентября. Ясно, штиль. Купил билет второго класса на пароход «Астрахань». Так как я считаю себя интеллигентом, мне надо пять рекомендаций с десятилетним стажем. Сегодня я достал пятую рекомендацию и подал заявление о вступлении в партию. Все вещи отвёз на пароход, он уходит завтра в десять часов утра. Ходил в кино, но картина скверная, жаль потерянного времени. Остаток вечера беседовал с закадычным другом Федей Бурделёвым.

Воскресенье, 16 сентября. Ночью сильный дождь, западный ветер. Сборы порядком надоели. После обеда с Федей обошёл всех знакомых девчат и сослуживцев, простился. «Астрахань» отходит завтра. Настроение — ниже нуля, что-то расхотелось ехать, но держу себя в руках. Всё стало таким дорогим, близким, родным! Новограбленовы и Бакуловы преподнесли цветы, это меня очень тронуло. С Федей проговорили до двух часов ночи.

Понедельник, 17 сентября. Ясно, восточный ветер. Встал в половине десятого. Бегу на рацию попрощаться с коллегами и заведующим. Брат Женя как раз дежурит, он моторист. Прощаюсь со всеми. С Женей обнялись, расцеловались. Душат слёзы, но креплюсь. Зашёл в школу, осмотрел все классы. Ребята желают счастливого пути, обещали прийти на пристань. Пароход отходит в шестнадцать часов. Я прощаюсь с мамой, целует мои глаза, щёки, губы, разрыдалась. Не сдержался и я. Слёзы хлынули из глаз, а за мной расплакалась сестра Лиза и братишки с сестрами. Тяжёлая сцена! Федя убежал, не мог видеть такое трогательное прощание. Да и верно, что ждёт меня впереди в этих неизведанных суровых местах? Посадка в шестнадцать часов. Пришли Федя, Коля Медведь, много также пришло девочек, ребят. Среди девочек Тося Головань, Тася Подпругина, Нюра Погодаева. Тося и Тася принесли мне живых цветов. Девчатам не верится, что я уезжаю, им не хочется даже думать об этом. На глазах у всех слёзы. Всем провожающим крепко пожал руки, с сёстрами и братьями расцеловался. Сделал несколько снимков. Пришло ГПУ, просмотрело у отъезжающих вещи. Всё искали контрабандного спирта. Моё разрешение на него куда-то запропастилось, еле нашёл, чуть не отобрали. Вот натерпелся страху! В девятнадцать часов тридцать две минут отвалили от пирса, пошли на Север.

Что-то он мне сулит...

Столоваться буду в кают-компании. Сегодня поужинал. Дневник пишу уже на пароходе. Началась качка, как только вышли из ворот и легли на курс. Самочувствие хорошее, однако после ужина меня стало тошнить, ушёл в каюту отдыхать. Хотел несколько поработать с Петропавловском (позывные «РПЦ»), но проспал. Треволнения последних дней всё-таки сломили меня.

Вторник, 18 сентября. Ясно, западный ветер. Волна под корму, ход одиннадцать узлов. Немного качает, но уже осваиваюсь, чувствую себя хорошо. Читаю, осваиваю почтовые правила. Днём сплю. Сделал три снимка заката солнца на море. Работал с Петропавловском. Со мной в каюте ещё два человека: районный организатор комсомола из Анадыря Медведев и ветврач культбазы Ерошенко, едущий в бухту Лаврентия...

ПЕТРОПАВЛОВСК В ГРАВЮРАХ И РИСУНКАХ ХУДОЖНИКА ПОСПЕЛОВА

Газетный фонд, хранящийся в Камчатском краевом объединённом музее, содержит множество сведений о жизни города в разные периоды его истории. Одним из оригинальных источников о ней, на наш взгляд, являются гравюры на линолеуме и дереве и рисунки, выполненные в середине 1930-х гг. А. А. Пospelовым, художником главной на полуострове газеты «Камчатская правда», органа вначале окружного, а затем областного комитета ВКП(б).

Согласно справке по проверке партийных документов, составленной в 1935 г., любезно предоставленной нам начальником отдела публикаций и использования документов Государственного архива Камчатского края А. С. Сесицкой, Александр Артемьевич Пospelов родился в 1908 г., получил низшее образование. Билет члена ВКП(б) ему выдала парткомиссия Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии. На Камчатку он прибыл, судя по всему, осенью 1932 г. Во всяком случае, его первые работы, подписанные фамилией или логотипом «АП», появились в газете в праздничный день 7 ноября 1932 г. Рука художника затронула различные темы, например, такое эпохальное событие, как прибытие в Петропавловск участников экспедиции на легендарном пароходе «Челюскин» и спасавших их героев-лётчиков.

Встреча челюскинцев 29 мая 1934 г. «Камчатская правда», 31 мая 1934 г., № 123

На митинге на площади Свободы в честь прибытия челюскинцев.

На переднем плане мы видим пароход «Смоленск», празднично расцвеченный флагами, справа — краснознамённый ледокол «Красин». На площади Свободы состоялся торжественный митинг, на который собралось почти всё тогдашнее население города. Кстати, трибуна в виде серпа и молота — это не художественная фантазия, а довольно точное воспроизведение реального сооружения, использовавшегося в особенно торжественных случаях, вроде празднования очередной годовщины Октябрьской революции 1917 г. Белые же кружочки по его периметру — электрические лампочки, одна из составляющих праздничной иллюминации Петропавловска того времени.

Пospelову доверяли изображать лики пролетарских вождей: уже ушедших Маркса, Энгельса и Ленина и действующих: самого товарища Сталина, а также тех, кто поменьше, например, Кагановича или

местных руководителей. Некоторые его работы, в основном, «на злобу дня», схематичны (они часто заменяли ещё редко помещаемые в «Камчатской правде» фотографии на местные темы), другие, не привязанные к какому-то определённому событию, проработаны вполне тщательно. Многие из них отражают нелёгкий и плохо налаженный быт рядовых обывателей, показывают ход городского строительства.

В выходной денек веселый
Поднята бутылка эта.

— За "культурный, трезвый"
Отдых
И за здоровье гор-р-р-советов!

«Камчатская правда», 10 июня 1934 г.,
№ 132

НОВОЕ ГОРООБРАЗОВАНИЕ.

«Камчатская правда», 18 мая 1934 г.,
№ 113

Путешествия петролавлонцев по улицам своего города.

«Камчатская правда», 6 августа 1934 г., № 180

Север и памяти Лаперузу.

«Камчатская правда», 21 сентября 1935 г., № 218

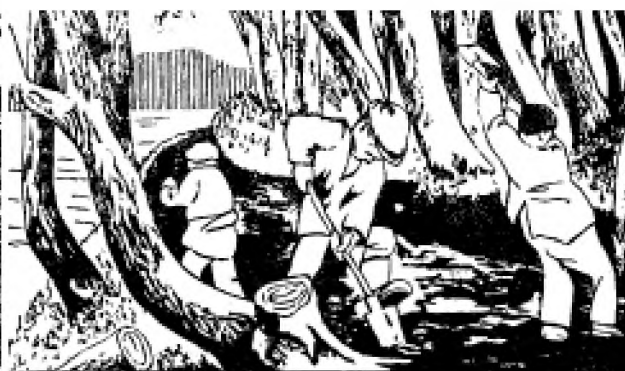
Подготовка к постройке жилых домов в Агломерации.
Рис. худ. А. Пестелов.

«Камчатская правда», 14 мая 1935 г., № 109

Возникновение общества «Прибой» в Петропавловске.

«Камчатская правда», 27 июня 1937 г., № 140

На постройке парка культуры и отдыха.

«Камчатская правда», 20 мая 1934 г., № 114

СТРОИТЕЛЬСТВО В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ.
Постройка нового дома на Партизанской улице.

«Камчатская правда», 9 июня 1937 г., № 128

Любимая игрушка ребят городского детского — охотничий автомобиль.

«Камчатская правда», 16 ноября 1935 г., № 264

Зал заседаний в областном Доме народного творчества им. С. М. Кароля в г. Петропавловске.
Художник А. Пестелов.

«Камчатская правда», 24 марта 1935 г., № 69

Зносы в Петропавловске.

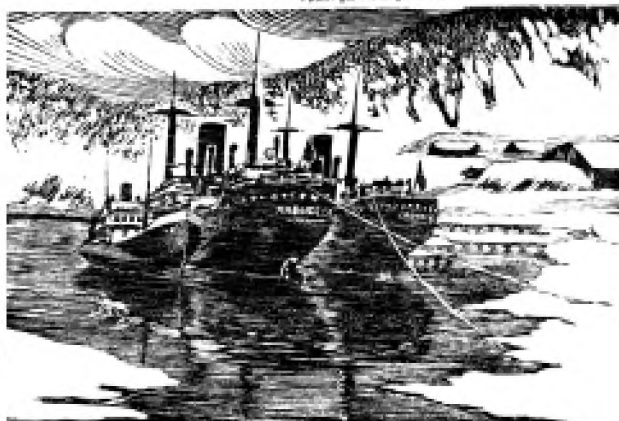
«Камчатская правда», февраль 1935 г.

Рис. А. Пospelova.

В Петропавловске выпал снег...

Грузовик на берегу Л. Пospelova.

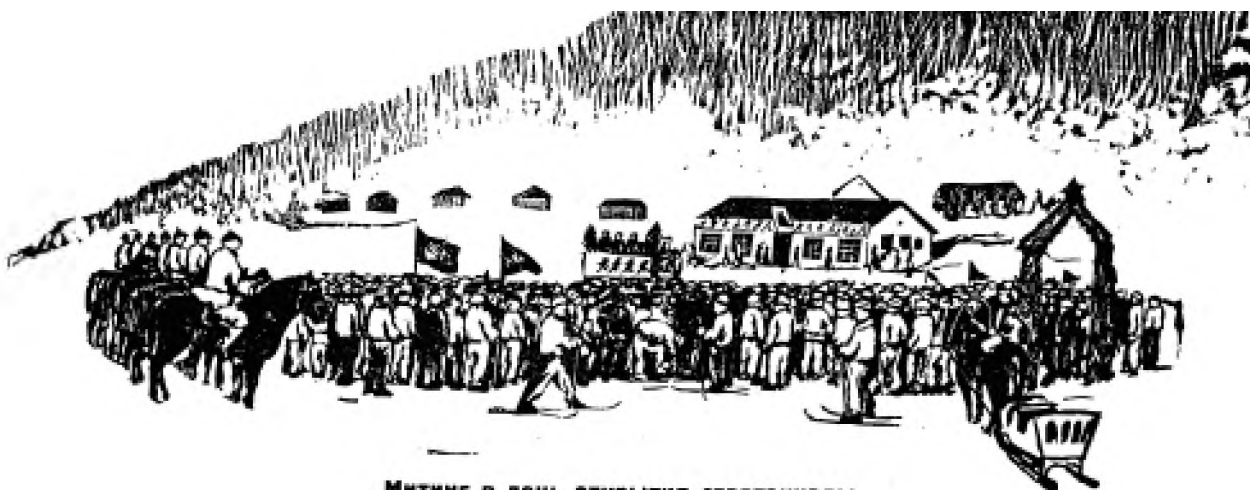
В партг.

«Камчатская правда», 18 ноября 1935 г., № 266 «Камчатская правда», 25 января 1935 г., № 24

Ярмарка в Петропавловске

«Камчатская правда», 6 января 1937 г., № 5

Митинг в день открытия спартакиады

«Камчатская правда», 12 марта 1935 г., № 59

В заключение остановимся на двух изображениях. Зал заседаний в Доме партпроса имени С. М. Кирова ныне — один из экспозиционных залов нашего музея. А спартакиада «имени товарища Дерibasа» началась 11 марта 1935 г. и была так названа в честь «лучшего динамовца края», секретаря Хабаровского крайкома партии (в то время Камчатская область входила в состав Хабаровского края).

Вскоре к Пospelову присоединились художники Лещинская и Малахова. После августа 1937 г. работы А. А. Пospelова нам не встречались, и о его дальнейшей судьбе мы пока ничего не знаем...

МУЗЕИ КАМЧАТКИ

В. И. БОРИСОВ

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ

Слово «музей» происходит от греческого *museion* и латинского *museion* — храм муз; место, посвящённое наукам и искусствам. Музей — учреждение, собирающее, изучающее, хранящее, показывающее предметы и документы, характеризующие развитие человеческого общества, окружающей природы и представляющие историческую, научную или художественную ценность. Первый в России морской музей был открыт в 1805 г. по инициативе верховной власти. В марте 1956 г. в Ленинграде состоялось всероссийское совещание начальников военных музеев, определившее основные направления их работы по пропаганде значимости подвига советского народа в Великой Отечественной войне и задачах совершенствования военно-патриотического воспитания. За несколько лет были вновь созданы военно-морские музеи Тихоокеанского, Балтийского флотов, Каспийской, Амурской и Камчатской военных флотилий [1].

В апреле 1909 г. на заседании Государственной Думы третьего созыва обсуждался доклад «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин». В докладе, в частности, отмечалось: «...Министр внутренних дел предлагает из северных уездов нынешней Приморской области образовать новую Камчатскую область». Хотя речь шла всё-таки не об образовании, а о восстановлении существовавшей в XIX в. особой административной единицы под названием «управление» (в 1851 г. было издано особое положение о Камчатской области). Закон «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин» был утверждён 17 июля 1909 г. императором Николаем II [2].

Губернатором вновь образованной Камчатской области был назначен Василий Васильевич Перфильев, приступивший к исполнению служебных обязанностей 30 августа 1909 г. [3]. В состав области вошли Анадырский уезд, территория Чукотки до Чаунской губы в Северном Ледовитом океане, Гижигинский уезд, Охотский уезд до селения Аян и Петропавловский уезд, охватывавший территорию Камчатского полуострова.

За первые три года в новом статусе областного центра Петропавловск неузнаваемо изменился. Здесь были построены двухэтажные жилые дома и служебные здания, проложен деревянный тротуар, построена станция беспроволочного телеграфа, действовало городское училище с общежитием, открылась второклассная церковноприходская школа, имелся Петропавловский собор во имя Святых апостолов Петра и Павла, создавалась сейсмостанция. В последующие годы печаталась первая местная газета «Камчатский листок», строилось здание литературно-музыкально-драматического общества, демонстрировались первые кинофильмы [4, 5].

Начало музейного дела на Камчатке было положено в 1911 г. открытием в Петропавловске в здании областной канцелярии первого научно-промышленного музея. Впоследствии он развивался и получил статус областного краеведческого, затем краевого объединённого. В первые годы существования большой вклад в его развитие внесли ветеринарный специалист С. А. Грюнер, местные уроженцы-камчадалы П. Т. Новограбленов и Ф. Л. Слободчиков. Долгое время музей не имел отдельного здания и ютился в разных помещениях. С 1929 г. он занимал четыре комнаты в здании окружного комитета ВКП(б) общей площадью сто тридцать пять квадратных метров [6]. За более чем столетнюю историю краеведческий музей значительно вырос. В 1960—1980-х гг. он размещался в здании нынешней центральной городской библиотеки на улице Набережной, а затем был перенесён на своё исконное место — в историческое здание губернской канцелярии, ныне находящееся на улице Ленинской, 20. Со временем из него выделился Камчатский краевой художественный музей.

Музейное дело на Камчатке развивалось и в районах области. Сейчас на полуострове работают мильковский филиал Камчатского краевого объединённого музея,

отдельные музеи: Быстринский районный этнографический, краеведческий города Вилючинска, Корякский окружной краеведческий, Алеутский этнографический, Тигильский районный краеведческий, Соболевский районный историко-краеведческий, а также школьные и ведомственные. В большинстве своём они расположены в приспособленных помещениях, не отвечающих требованиям, предъявляемым к музейным зданиям.

Первым на полуострове, построенным по специальному проекту, стал музей боевой славы, созданный благодаря личной инициативе командующего Камчатской военной флотилией вице-адмирала, Героя Советского Союза, впоследствии почётного гражданина города Петропавловска-Камчатского Григория Ивановича Щедрина.

В январе 1956 г. Камчатская область была выделена из состава Хабаровского края в самостоятельную область РСФСР. С этого времени Петропавловск начинает быстро преобразовываться. В 1956 г. введён в строй кинотеатр «Мир», строится первый широкоэкранный кинотеатр «Октябрь», в 1958 г. вводится в эксплуатацию мебельная фабрика, в этом же году открывает двери Камчатский педагогический институт, в 1962 г. — Институт вулканологии, в 1963 г. было построено новое здание для Петропавловск-Камчатского мореходного училища.

В людской памяти были ещё свежи воспоминания о событиях Великой Отечественной войны и Курильской десантной операции. Важно было отдать дань павшим землякам и сохранить для потомков историю их героических подвигов, поэтому строительство музея боевой славы стало логичным шагом в рамках культурного развития города. Предысторию событий, связанных с его созданием, Г. И. Щедрин воспроизвёл в своём дневнике, ныне, хранящемся в фондах городского музея воинской славы, как теперь называется его детище.

«Я уже точно не помню, но, кажется, первым мысль о желательности выделить хорошую комнату боевой славы флотилии подал ещё в 1955 г. член военного совета контр-адмирал Сергей Денисович Бережной. Тогда большого внимания на его замечание мною обращено не было. Слишком много бесквартирных осаждали в то время приёмную, чтобы думать о чём-то другом. Говоря по совести, и вклад Петропавловской военно-морской базы в дело разгрома врага казался мне не столь уж выдающимся. Но по мере более подробного знакомства с военной историей полуострова, с ролью военных моряков в исследовании, описании, освоении и защите края, начиная от экспедиции Беринга, отражения англо-французской соединённой эскадры в 1854 г., японского десанта в 1905 г. и до освобождения Курильских островов в 1945 г., моё мнение резко изменилось. А тут ещё ту же мысль высказал новый член военного совета флотилии Василий Дмитриевич Пильщиков. Да, память о делах предков стоит того, чтобы на ней воспитывать потомков. Уговаривать меня никому не пришлось. Только я считал, что выделением комнаты в Доме офицеров не обойтись, нужно строить музей. Но как? Что денег на это не дадут, это ясно, необходимо проявить змеиную мудрость и воспользоваться для строительства первым же удобным случаем. Его я и ждал...

Случай представился в 1958 г. Как ни проклинали меня в душе командиры соединений, но я кроме титульного строительства взялся построить хозяйственным способом девяносто жилых домов в четырёхквартирном исчислении. Военный совет флотилии меня поддержал в этом, утвердил количество и распределил будущие домики по соединениям. Одни из командиров и начальников политотделов взялись за это без большого сопротивления, другие доходили до истерики, считая строительство не своим делом. Я их понимаю: славы это им не прибавляло, задач боевой подготовки никто с них не снимал, и строительство повисало дополнительным грузом на них и подчинённых. Но для того чтобы офицеры и сверхсрочники хорошо служили, а вольно-наёмные работали, нужны были квартиры для семей, и мы с Пильщиковым проявили величайшую несговорчивость. Одних убеждали, другим просто приказывали, а некоторых и слегка принуждали.

Ох, как было трудно! Особенно когда выяснилось, что обещанные военным советом ТОФ строительные материалы — просто блеф. Такова уж участь Камчатки, её испокон веков всегда обходили и обманывали. Приходилось рассчитывать только на свои силы, а это значило — одна бригада матросов и солдат строила дом, вторая работала

на стройках города, зарабатывая трудом строительные материалы для первой. Противозаконно, противно, но другого выхода не было. Примерно четверть флотилии, из тех, кто должен был плавать, нести службу на артиллерийских батареях и других постах, строили. На тех, кто оставался поддерживать боеготовность, ложилась дополнительная тяжесть нести вахту за занятых на строительстве.

Но несмотря на столь исключительные трудности, я решился: там, где девяносто, построим девяносто два. Два домика — на музей. Сделал только грубую ошибку — не провёл это как решение военного совета и сразу же поплатился. Приехал из Владивостока фининспектор и обвинил меня в нетитульном строительстве культуручреждения. Никита Сергеевич Хрущёв в очередной своей речи обрушился на эти учреждения, и “шибко партийный”, “принципиальный” деятель от финотдела написал грозный акт, по которому мне вlepили выговор, и то только “по благу” — из-за хорошего ко мне отношения командующего флотом адмирала В. А. Фокина. А могло быть и хуже, вплоть до снятия с должности. Как же: не угадал и в жилу веяния не попал! А то, что одно дело Москва, Киев и даже Севастополь, а другое — Камчатка, кто станет разбираться! Потолок инспектора до таких высоких материй не простирался.

Напрасно я доказывал ретивому финансисту, что мы незаконно строим не два, как он указал, а все девяносто два домика, так как обещанных материалов нам не дали. Убедить его не удалось. Акт у него получился красивый, и его начальство, видимо, было довольно...

Но это так, накипевшее на душе. Тем более, что получать выговоры за стройки мне не привыкать. Не особенно поверил дюкеру через бухту с Сельдевой в Крашенинникова при проводке водопровода для подводников, и одну нитку труб провёл по берегу. Нарушение проекта — выговор. Построили трёхэтажный госпиталь вместо ошибочно спроектированных двух этажей — выговор, и не проектантам, а мне. Искать в этом деле правду совершенно бесполезно. Виновных назначает Москва, а кто же там добровольно согласится взять вину на себя. Вот и ищут козлов отпущения в провинциях. Мне на моё возмущение обычно говорят: “Брось, считай, что легко отделался, ведь построил, люди благодарить будут, а выговором больше или меньше, какая разница”. И они, пожалуй, правы. Слишком боится центр доверять местам, полагая, что сверху видней, а это не всегда правильно, кое-что видно и внизу.

Однако вернёмся к музею. Готовимся мы к его постройке давно. Провели даже неофициальный конкурс на проект здания. Основных авторов было два — офицеры гидрографического отдела и квартирно-эксплуатационного. Мне больше нравился первый, но музей тогда размещался бы на подъёме в штабной городок, и требовалось сломать дом, где проживали несколько семей. На это решиться было трудно, и, кроме того, никакой свободной территории вокруг здания не оставалось, хотя во всех других отношениях место идеальное, выше Дома офицеров — чудесно просматривается с бухты, и с него вид на Авачинскую бухту тоже замечательный. Но пришлось согласиться с проектом инженер-капитана Кучерского. Он попроще, размещался рядом с Домом офицеров на территории склада автотракторного отдела, которому здесь не место, и где можно разбить неплохой парк. Строителем назначил самого Кучерского, ему в помощь выделил небольшую строительную бригаду — в основном матросов с торпедных катеров. Активно включились в это дело Пильщиков и начальник квартирно-эксплуатационного отдела инженер-полковник Ю. П. Павленко.

В июне 1958 г. военный совет флотилии выступил со специальным обращением к личному составу, опубликованным в газете “Тихоокеанская вахта” под заголовком “Создадим свой военно-морской музей”: “Чтобы увековечить память героев, лучше воспитывать наших военных моряков на славных боевых традициях флота, — говорилось в обращении, — решено создать в Петропавловске военно-морской музей — памятник боевой славы”.

Военный совет, или командование и политотдел соединения, как мы подписывались в открытой печати, обращались к партийным и комсомольским организациям, ко всем воинам принять активное участие в строительстве, организовать сбор экспонатов и реликвий, повествующих о немеркнущих подвигах героев, об истории кораблей и подразделений.

Это обращение и несколько моих и Пильщикова выступлений на партийных, комсомольских активах, на сборах командиров соединений и начальников политотделов были встречены с большим энтузиазмом. Мы также обратились к трудящимся Елизовского, Усть-Камчатского районов и жителям Командорских островов с просьбой оказать помощь в сборе экспонатов. Большую помощь обещал оказать нам музей Тихоокеанского флота и его начальник подполковник Борис Александрович Сушков.

Откладывать дело в долгий ящик не стали, а принялись за него сразу. Чтобы оно не заглохло, я приказал начальнику квартирно-эксплуатационного отдела вместе с Кучерским, а если нет Павленко, то одному Кучерскому, еженедельно во вторник докладывать мне о ходе строительства музея. Всем, чем мог, старался помогать. Доставал цемент, лес, кровельное железо, катанку — всё, что имел в личном резерве, отдавал. И здание росло.

Чтобы начать закладку фундамента, пришлось провести несколько субботников и воскресников по очистке территории после сноса и вывоза складов автотракторного отдела. В них приняли участие команды кораблей и подразделений, рабочие и служащие учреждений и предприятий.

Матросы, входящие в бригаду строителей, — Захаров, Исаев, Доценко и другие — заложили первые кирпичи. Тем, у кого поначалу ничего не получалось, помогали коммунисты Кучерский, Храмцов, рядовой Степан Шмана — инструктор по строительным работам. Часто можно было видеть, как он показывал товарищам кладку стен, учил орудовать мастерком. Мельников приобретал квалификацию каменщика, Мингалёв — штукатура. Вопросы строительства обсуждали в созданной в бригаде комсомольской организации. Я заходил к ним часто и был в курсе всех их дел. Трудный ребёнок всегда самый любимый родителями, а за этого “младенца” “папаша” уже успел получить выговор, поэтому за его ростом следил с особым вниманием и ревностью. На пункт приказа, запрещающий дальнейшее строительство, решил махнуть рукой: семь бед — один ответ.

Ребята, применив рационализаторские предложения, взяли обязательство закончить штукатурку к 1 мая 1959 г. Производитель работ — инженер-старший лейтенант Храмцов, взятый нами из Байкова на острове Шумшу, предложил использовать вибросито для просеивания штукатурной смеси. Родилась также мысль об использовании растворного насоса. Работу на нём освоили Мингалёв, Новожилин, Котик. Матрос Князев сделал лёгкие переносные леса. Внесли свой вклад и военные строители. Они в порядке субботника оштукатурили наружные стены.

О нашем музее заговорили сразу несколько газет и журналов. Небольшие заметки появились в “Советском флоте”, “Красной звезде” и других центральных органах. 10 марта “Камчатская правда” опубликовала корреспонденцию В. Васеньева “Музей боевой славы”. Вот её содержание:

“Многие горожане обращают внимание на стройку небольшого красивого здания рядом с Домом офицеров флота. Двухэтажное здание уже возведено. Сейчас кровельщики покрывают его железом. Над фронтоном здания на флагштоке развевается военноморской флаг. Поднят он неслучайно. Возводят здание музея сами матросы и старшины. Проект также изготовлен силами моряков гарнизона. Это строится музей боевой славы Петропавловск-Камчатского гарнизона.

В двух этажах будут расположены четыре зала по пятьдесят квадратных метров. Предусмотрено также помещение, где можно будет читать лекции и проводить беседы. Музей будет иметь библиотеку, фотолабораторию. В мансарде располагается хранилище для фондов.

Следует отметить, что сбор материалов для будущего музея идёт полным ходом. В гарнизон пишут участники гражданской и Великой Отечественной войн, приходят документы и фотографии. Экспозиция музея широко отобразит деятельность флота в открытии и освоении районов Тихого океана, героизм русских воинов в обороне Петропавловска от англо-французских интервентов в 1854 г., бесстрашие и патриотизм тихоокеанцев в боях за освобождение Курильских островов в августе 1945 г.

Руководит работами инженер Кучерский — один из авторов проекта музея боевой славы. Строят лучшие из лучших матросов и старшин с кораблей и из подразделе-

ний. Почти никто из них раньше не имел строительных специальностей. Пришлось одновременно работать и учиться мастерству. Моряки возвели фундамент, стены, стропила и сейчас кроют крышу. Работать приходилось и в очень сложных условиях. Но ни пурга, ни ветер, ни мороз не мешали матросам и старшинам успешно выполнять нормы.

С первого дня трудится на площадке комсомолец Захаров. Рулевой по флотской специальности, он здесь стал отличным каменщиком. Матросу Медведеву хорошо пригодилась специальность металлурга, которую приобрёл ещё до военной службы. Сейчас он работает арматурщиком. Профессии каменщика и штукатурка освоил штурманский электрик первого класса матрос Бикмансуров. Самоотверженно трудятся и другие моряки. Они дали слово в мае закончить все внутренние работы, а ко Дню Военно-Морского Флота сдать музей полностью”.

“Камчатская правда” поместила статью “Здесь будет музей” и в апреле. В ней несколько слов сказано и о матросе Анатолии Соловьёве. Это моя находка. Я его обнаружил у подводников. Он сделал бюст Героя Советского Союза Николая Вилкова, и сделал очень неплохо. Вот и взял парня работать для музея с величайшим скандалом. Командир дивизии контр-адмирал Павел Иванович Парамошкин ни в какую отдавать не хотел. Но у командующего власть. Взять-то взял, прикомандировал к базовому матросскому клубу, выделил даже мастерскую, но... оказывается, на Камчатке нет скульптурной глины. Хорошо, выручил подполковник Сушков. У него супруга скульптор, и он очередным нашим транспортом прислал нам тонну глины. Теперь Соловьёв лепит. Кстати, в газете помещён снимок бюста Завойко. Теперь этого портрета нет. Анатолий кончил над ним работать, изваял, а потом смотрел, смотрел, взял молоток и разбил — не вышел, говорит. Такая требовательность автора к себе мне понравилась, портрет, действительно, был неудачным. Талантливый он парень, но самоучка, вот бы немного подучить у специалиста. Но это уход в сторону, а теперь о содержании статьи. Её просто нужно воспроизвести.

“Как идёт подготовка к открытию военно-морского музея Петропавловского морского гарнизона? Захватив с собою фотоаппарат, мы решили пойти по местам, где энтузиасты этого замечательного дела без усталости работают над тем, чтобы быстрее построить и снабдить музей боевой славы Камчатки достойными экспонатами.

Выслушав наш вопрос, руководитель стройки К. П. Храмцов рассказал: «Сейчас на втором этаже мы закончили штукатурку стен и штукатурим нижний этаж. Все воины-строители горят желанием как можно скорее ввести здание в эксплуатацию. Мы взяли на себя обязательство закончить к 1 мая все штукатурные работы и сделать настил полов на втором этаже. Недавно наши передовые строители Пётр Середа, Николай Шнигир, Василий Коновалов и Александр Косолапов успешно освоили передовой, механический способ нанесения штукатурного раствора. Есть на стройке и свои рационализаторы. Василий Князев быстро освоил специальности кровельщика и жестящика. Он предложил и внедрил передовой метод использования переносного подмостья, позволяющий ускорить темпы штукатурных работ (Храмцов, конечно, умолчал о своём предложении использования виброустановки для обработки раствора, которое успешно внедрено. — Г. Щ.). За скорейшее завершение работ борется и комсомольская организация стройки. Комсомольские активисты Юрий Ерофеев и Александр Ильин умело направляют это патриотическое стремление».

Со стройки мы направились в городской Дом пионеров. Там в небольшой комнате по полкам аккуратно расставлены модели кораблей и яхт различных классов. Склонившись над столиками, трудятся школьники-кружковцы.

Пётр Владимирович Бедриковский, в прошлом офицер Петропавловского морского гарнизона, с июля прошлого года руководит кружком морского моделизма. За этот сравнительно небольшой срок он сумел привить многим ребятам любовь к постройке моделей. Здесь с большой охотой трудятся ученики Саша Гутиков, Саша Шумилов, Валя Банибушкин и другие ребята. Они уже построили модели семнадцати яхт, семи швертботов, двух подводных лодок, всего около тридцати пяти моделей. Сейчас юные ленинцы ведут деятельную подготовку к строительству серии моделей исторических кораблей для музея военных моряков.

Сам Пётр Владимирович строит коч — модель судна, на котором у берегов Камчатки побывали первые русские мореходы. Эта модель также передаётся музею. Как только будут получены чертежи, ребята приступят к строительству моделей фрегата «Аврора», пакетботов «Святой Пётр», «Святой Павел» и других.

Герой Советского Союза, почётный гражданин Петропавловска вице-адмирал Г. И. Щедрин

В тот же день мы побывали в мастерской у старшего матроса Анатолия Соловьёва. Молодой художник трудится сейчас над галереей скульптурных портретов знаменитых моряков — адмирала В. С. Завойко, Изыльметьева, МаксUTOва. Он же создаёт скульптурные портреты Героев Советского Союза Николая Вилкова и Петра Ильичёва.

Готовятся к открытию своего музея и моряки кораблей. Старшина 1-й статьи Фоменко — автор проекта памятника Петру Ильичёву — готовит сейчас модель этого памятника. Кроме того, он делает модель памятника освободителям Курильских островов от японских захватчиков, установленного в сквере Свободы. Скоро гостеприимно распахнутся двери музея”.

Газета пишет, что наше обращение к жителям районов Камчатской области о сборе экспонатов не останется без ответа. И это, вероятно, так и будет. Многие уже горячо откликнулись. Красные партизаны принесли своё оружие, одежду. Один из Москвы написал свои воспоминания о борьбе партизан за установление на полуострове советской власти. Но есть товарищи, которые хотят подзаработать на этом деле. Вот тот же Бедриковский — бывший офицер — звонит, предлагает мне для музея модель изготовленного им коча и скромно просит за неё... семьсот рублей. Из Баку на моё имя пришло письмо одного капитана 1-го ранга в отставке на изготовление моделей “Петра”, “Павла”, “Авроры”, но всё это тысячи, тысячи и тысячи, а у нас ни копейки. Пришлось от услуг отказаться. Правда, Бедриковский в конце концов набрался совести и подарил свой коч, кстати, больше похожий на современный баркас.

А если бы кто знал, чего стоило мне, Павленко и другим добывание материалов для сего “внетитульного строительства”. Никто из начальства открыто меня в жульничестве не обвинял, но косо поглядывали многие. Чёрт с ним, подумаешь! Как бы ни болела — померла. Всё достали, вплоть до дефицитных красок.

На комсомольском собрании строительная бригада единодушно решила закончить отделку здания к открытию июльского пленума ЦК КПСС, что было выполнено комсомольцами досрочно. Покраску вели Борзиков, Мельников, Захаров. Старший матрос Новожилин заканчивал бетонирование, матрос Козырев прилаживал двери, окна. Ему помогал Князев. Работали с утра до ночи. Но никто не жаловался на трудности, понимали, что бригада выполняет ответственное дело.

А сколько провели субботников! Молодец Василий Дмитриевич, это его организаторская работа. Причём, была именно добровольная и поэтому очень эффективная работа наших военных комсомольцев и молодёжи. Работали ежедневно во внеурочное время по несколько комсомольских организаций с музыкой и песнями.

Вокруг музея боевой славы благоустраивалась территория. Речку Поганку превратили в Красивку — проделали для неё глубокое русло, обложили камнем, навели горбатые мосточки. Выше Дома офицеров построили танцплощадку. Разбили аллеи, посадили цветы, деревья, соорудили фонтан. Военные строители сложили ограду. Калитки и решётки установили моряки. Теперь этот уголок петропавловцы называют Камчатской Ривьерой.

Я думаю, что музей боевой славы — замечательный памятник, который увековечивает имена героев-тихоокеанцев. На примере их любви к Родине, мужества и отваги будут воспитываться многие поколения моряков — верных защитников дальневосточных рубежей нашей Отчизны» [7].

Начало строительства музея, июнь 1958 г. В центре — Дом офицеров флота

Территория музея, 1959—1960 гг.

А вот что рассказывает Г. И. Щедрин о приобретении экспонатов для музея. Собрали их много. «Одни из них достались легко, за другими пришлось долго гоняться. О старых фотоальбомах, сделанных моряками русского флота, лежащих сейчас на полках музея, лучше всего рассказать, предоставив слово нашим газетам, а потом немного прокомментировать помещённые в них статьи.

В феврале 1959 г. «Камчатская правда» опубликовала статью В. И. Воскобойникова «Интересная находка» [8]:

«В конце прошлого столетия русский военный клипер «Крейсер» совершил кругосветное плавание из Балтики на Дальний Восток (странное понятие о кругосветном плавании! — Г. Щ.). Конечным пунктом плавания корабля была Чукотка. Один из офицеров «Крейсера», большой любитель фотографии С. Посохов, во время плавания фотографировал города и порты, в которых побывали русские моряки, быт народов разных стран, жизнь самих моряков на кораблях. Таких фотографий набралось около четырёхсот, и из них были сделаны два больших альбома.

О существовании альбомов мы, возможно, и не узнали бы, если бы не одна случайность. Как-то на городском рынке Петропавловска военнослужащему гарнизона предложили купить альбом с фотоснимками. Снимки, имеющие историческую ценность, были доставлены в редакцию.

Перед нами потёртый и пожелтевший от времени большой альбом весом почти в три килограмма. На обложке тиснённая золотом надпись: «№ 2. Кругосветное плавание клипера «Крейсер». 1888, 1889, 1890, 1891 годы. С. Посохов». В альбоме сто девяносто три хорошо сохранившихся фотоснимка коричневого цвета.

Альбом начинается с панорамы Владивостока, каким он выглядел семьдесят лет назад, снабжённой краткой надписью: «Наш военный порт на Дальнем Востоке».

Затем идут фотографии командира Владивостокского порта контр-адмирала Ермолаева, клипера «Крейсер» под адмиральским флагом.

Перед нами проходит галерея русских военных кораблей того времени: крейсер «Адмирал Нахимов», канонерские лодки «Манджур» и «Сивуч», клипер «Разбойник», миноносец «Янчихе» и другие. Очень много фотографий посвящено крейсеру «Адмирал Нахимов» и клиперу «Крейсер», их походам, жизни моряков. Особенно интересен снимок, отражающий быт на «Крейсере». Офицеры и матросы во время «святок» показали экипажу несколько театрализованных постановок: «Царь Максимилиан», «Чёрный ворон» и «Атаман-разбойник». Снимок зафиксировал участников представлений в театральных костюмах.

Много снимков посвящено Японии, где морякам пришлось пробыть длительное время из-за докования «Адмирала Нахимова». Пользуясь этим случаем, Посохов побывал в Токио, Иокогаме, Нагасаки, Кобе и других городах страны, сделал интересные снимки, показывающие жизнь и быт японского народа. Здесь снимки городов, различных храмов, зданий, пейзажи.

Большой интерес представляет снимок скульптуры удельного князя Даймио Ксуноки, казнённого за покушение на власть японского императора. Для чего сделал этот снимок офицер русского флота в то время, когда даже намёки на свержение самодержавия карались самым беспощадным образом? Не потому ли, что Посохова, как и многих передовых русских моряков, волновал вопрос о судьбе нашей земли, стонущей под игом династии Романовых? Ведь ещё были живы в памяти процессы народовольцев, покушавшихся на «всероссийских самодержцев».

Один за другим перед нами проходят фотоснимки: русские студенты в Токио, здание русского морского госпиталя, консульство в Токио, офицеры за метеорологическими и астрономическими наблюдениями, экипаж «Крейсера» в походной церкви, возвращение матросов на корабль с берега, офицерский состав клипера, снятие с камней крейсера «Адмирал Нахимов» и т. д.

Ещё один интересный снимок: празднично убранная палуба клипера в цветах и фонариках, накрытые столы. Как рассказывает надпись под фотографией, палуба приготовлена для приёма, данного русскими моряками в честь жителей Нагасаки.

Очень ценны снимки айнов — жителей Курильских островов. Снимки сделали бы честь любому этнографическому музею страны.

Клипер «Крейсер» был в Петропавловском порту семьдесят лет назад. О его пребывании здесь также говорят фотоснимки. Вот Петропавловск, каким он был в то время. Город заснят с косы порта. Около берега — клипер «Крейсер». За ним видны полтора-два десятка небольших домиков и деревянная церквушка. Каким убогим выглядел город по сравнению с современным, раскинувшимся на двадцать с лишним километров!

Что можно было увидеть тогда здесь интересного, необычного? Фотограф нашёл, что это нартовые собаки и их упряжь. И на фотографиях представлены четыре варианта нарт, три из которых сейчас уже не встретить на Камчатке: нарты-повозка, нарты с седлом и грузовые нарты. Здесь же собачья упряжка.

Во время плавания у берегов Камчатки на клипере «Крейсер» 15 сентября 1889 г. произошла авария в машине. Болты крышки холодильника разъело морской водой, в результате произошёл разрыв этих крышек. Посохов сфотографировал злополучные болты и крышку холодильника.

Помимо снимков, сделанных Посоховым и Сергеевым (кто он, установить не удалось) в Японии, Китае, Гонконге, на Филиппинах и Чукотке, имеются разрозненные видовые фотоснимки Венеции, Будапешта, скандинавских стран, аккуратно наклеенные на картон.

Альбом С. Посохова представляет большую историческую ценность. Но где же альбом номер один? Быть может, читатели знают о его судьбе и сообщат нам об этом" [9].

Параллельно со строительством музея нами собрано изрядное количество экспонатов. Чтобы дать им какой-нибудь толк, по моей просьбе к нам прибыл Б. А. Сушков с одним своим научным сотрудником. Мы дали им в помощь своих энтузиастов,

и они расправляются с предметами, как повар с картошкой. Кроме энтузиастов, у нас никого нет. Музей никаких штатов пока не имеет. Член военного совета Тихоокеанского флота вице-адмирал М. Н. Захаров обещал на тот год изыскать возможность и дать нам две-три единицы.

Когда готовилась экспозиция музея, вероятно, в порядке подхалимства, мне и моей лодке С-56 был отведён довольно большой уголок. Узнав об этом, я категорически запретил вывешивать что бы то ни было, меня касающееся. И так выговор получил, а то скажут — себе памятник создал. Начальник Дома офицеров Горчаков продолжал настаивать, а Сушков со мной сразу согласился — не такая уж я историческая личность, и он понимает, что мне неудобно.

А теперь лучше предоставить слово В. И. Воскобойникову. В областной газете он рассказал об этом, пожалуй, более сжато, чем сделал бы я. Скажу только, что много интересного прислали нам гидрографы, в частности старейшие из них, составители первых лоций Охотского и Берингова морей. Товарищ Давыдов, тот самый, что возглавлял экспедицию на “Красном Октябре” на остров Врангеля в 1922 г., прислал нам целый рулон старых карт бухты Авачи (тут неточность: Б. В. Давыдов, возглавлявший экспедицию на остров Врангеля в 1924 г., скончался в 1925 г. и сам ничего прислать не мог. — *Ред.*).

Ну, а теперь, как и обещал, слово Валерию Ивановичу: “Пока ещё трудно разобраться во всех этих многочисленных фотографиях, документах, схемах, картах, картинах, предметах, сложенных в небольшой комнате Дома офицеров морского гарнизона. Сейчас над ними кропотливо трудятся работники военно-исторического музея Тихоокеанского флота: подбирают экспонаты по разделам, пишут для них поясняющие тексты, уточняют отдельные факты.

Скоро эти экспонаты обретут систему в музейных экспозициях и полным голосом заговорят о себе. А каждый из них — страница истории нашей Родины, нашего северного края.

Уже готово просторное помещение для экспонатов — двухэтажное здание, в котором заканчиваются отделочные работы. Около него, на пустыре, разбивается сквер. В День Военно-Морского Флота гостеприимно распахнутся двери этого здания, и посетители познакомятся с новым культурным учреждением города Петропавловска — музеем боевой славы моряков-тихоокеанцев.

Начало музею положила группа офицеров-энтузиастов, любителей истории, географии и краеведения. Они упорно разыскивали документы, фотографии, предметы, связанные с историей Камчатки и Тихоокеанским флотом, бережно их собирали. Особенно значительный вклад в создание музея внесли товарищи Самовольский, Медведев, Вишневский и многие другие тихоокеанские моряки. В общей сложности ими собрано более ста пятидесяти экспонатов, представляющих историческую ценность.

Мы беседуем с начальником Владивостокского военно-исторического музея ТОФ Б. А. Сушковым, который ведёт экспозиционные работы в новом музее:

— В музее боевой славы, открывающемся на днях, будет представлено три основных раздела, — говорит он. — Первый раздел — «Подвиги русских моряков в северной части Тихого океана XVII и начала XX вв.» — охватывает большой исторический период от первых русских землепроходцев и мореходов Владимира Атласова и Михаила Стадухина до плавания выдающегося русского флотоводца и учёного С. О. Макарова на «Витязе».

В числе других экспонатов в этом разделе будут представлены модели пакетбота «Св. Павел», на котором А. Чириков совершил плавание к берегам Северной Америки, бота «Фортуна» постройки 1703 г., на котором прибыл из Охотска на Камчатку С. П. Крашенинников, бота «Гавриил» постройки 1720 г., отдельные предметы снаряжения и вооружения экспедиции В. Беринга, скульптурные портреты С. Дежнева и С. Удалого, предметы, найденные во время раскопок на месте Нижнекамчатского острога, в частности, слюда из окон, различные поковки, монеты первой половины XVIII в., остатки медного котла и другие. Большой интерес представляют акварельные работы о Петропавловской обороне 1854 г., мастерски выполненные капитаном дальнего плавания П. П. Куянцевым.

Попутно скажем, что к сто пятой годовщине обороны Петропавловского порта будет восстановлена на Никольской сопке батарея № 3, которой командовал в те дни отважный русский моряк лейтенант А. Максutow. В честь бойцов этой батареи уже поставлен памятник воинами гарнизона.

Макет батареи № 3 (А. Максutowа). Стволы орудий деревянные.
ККМГИ 29622/33

«Революционные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке и строительство военно-морских сил на Тихом океане» — так называется второй раздел экспозиции музея, представленный в фотокопиях документов. Камчатские партизаны подарили музею оружие, с которым они защищали власть Советов, лыжи, одежду и другие вещи. Для этого раздела приморский художник К. Шебеко написал картину «И на Тихом океане свой закончили поход», а скульптор О. Сушкова изваяла скульптурный бюст Г. Елизова. Будут экспонироваться фотографии военных кораблей «Красный вымпел», «Красный Октябрь» и «Воровский», которые с 1923 по 1932 г. несли охрану морских рубежей на Дальнем Востоке от залива Посыет до мыса Дежнёва и хорошо известны старожилам Камчатки. В настоящее время «Красный вымпел» является мемориальным кораблём-музеем Тихоокеанского флота и стоит на вечной стоянке во Владивостоке.

В разделе «Тихоокеанский флот во время Великой Отечественной войны» будут представлены две основные темы: тихоокеанские моряки на фронтах войны с фашистской Германией и в войне против империалистической Японии. Посетители увидят портретную галерею тихоокеанцев — Героев Советского Союза, фронтовые фотографии, трофейное оружие, линогравюру художника Баранова о жизни моряков, пейзажи чукотского и камчатского побережий, различные документы. В этой экспозиции будут также представлены картина К. Шебеко «Авачинская бухта», которая в ближайшее время поступит в музей, скульптурные портреты моряков-героев Вилкова и Ильичёва. Будут экспонироваться также документы, показывающие жизнь и быт моряков в наши дни, шефские связи населения Камчатки с моряками Петропавловского гарнизона, дружбу советского и китайского народов. Знамена, вымпелы, преподнесённые советским морякам рыбаками, молодёжью, рабочими Китайской Народной Республики, и переписка с ними представляют большой интерес.

Музей будет пополняться новыми экспонатами, и его работники предполагают в недалёком будущем открыть четвёртый раздел, характеризующий рост производительных сил и природных богатств Камчатского полуострова.

Открытие музея боевой славы моряков-тихоокеанцев — большое культурное событие в жизни Камчатки. Новое культурное учреждение — музей — ещё более укрепит связи населения полуострова с моряками, стоящими на страже морских рубежей”.

Конечно, Валерий Иванович не мог сказать в короткой статье не только обо всех, но даже о самых важных экспонатах. Не знал он и о тех страстях, которые кипели

вокруг них, также как у посоховских альбомов. Вот, например, он упомянул о модели бота “Фортуна” и о прибытии им на Камчатку Крашенинникова. А совсем недавно найден замечательный экспонат, пока ещё не заполученный нами в музей боевой славы. Пару слов о нём стоит сказать.

В 1733 г. Сенат совместно с Российской Академией наук организовал Вторую Камчатскую экспедицию и затребовал из Москвы студентов для участия в ней. Среди них оказался молодой Крашенинников, первый исследователь земли Камчатки. В августе 1733 г. академический отряд выехал из Петербурга.

Долгим был его путь по суровой сибирской земле. Осенью 1736 г. отряд, наконец, прибыл в Якутск. Отсюда на Тихоокеанское побережье нужно было перебросить десятки тысяч пудов разных грузов, провианта, материалов для постройки судов. На этом участке, более тысячи вёрст, путь преграждали горы, тайга и глубокий снег. Значительную часть вещей людям приходилось нести на себе. В Охотске, через четыре года после выезда из Петербурга, закончился долгий путь.

В начале октября 1737 г. на небольшом парусном судне “Фортуна” Крашенинников отправился по Охотскому морю в Большерецк. Неприятливо встретило море путешественников. Во время шторма в судне открылась течь. Матросы откачивали воду насосами, но она всё прибывала. Пришлось для спасения сбросить за борт около четырёхсот пудов разных грузов. Были выброшены в море и вещи Крашенинникова, мешки с мукой, ящики со снаряжением и даже чемодан с бельём. На десятый день плавания, когда уже показались берега Камчатки, подул пронизывающий северный ветер и разыгралась буря. Корабль не мог войти в реку Большую для следования в Большерецк. Не удалось “Фортуне” и стать на якорь, чтобы переждать непогоду. Волна сорвала судно с якоря и выбросила его на песчаную косу.

А дальше мне остаётся только процитировать написанное в “Камчатской правде” новым директором Камчатского краеведческого музея В. Ефимовым:

“...28 мая 1959 г. команда рыболовного сейнера «Спартак» в составе помощника капитана Сидорченко и матросов: Дотова, Яшкина и Николаева из колхоза «Красная связь» во время лова рыбы в трёх километрах от старого устья реки Большой на глубине семи-десяти метров зацепила тралом старый якорь. По форме поковки и вековому пребыванию якоря на дне моря в том месте, где терпело бедствие судно Крашенинникова, можно полагать, что этот якорь принадлежал именно «Фортуне». Он пролежал в море двести двадцать два года. Находка моряков включена в основной фонд областного музея как вещественный памятник былых морских походов и путешествий русских мореплавателей, исследователей Камчатки и покорителей просторов Тихого океана”.

Якорь этот старинный, трёхлапый, сравнительно небольшого веса, то, что на Чёрном море на херсонских “дубках” называли кошками. Покушался на него как на морскую реликвию, но фраза о включении экспоната “в основной фонд областного музея” — защита от моих “наглых” посягательств.

С Курил навалом привезли крупнокалиберных, станковых, лёгких пулемётов, противотанковых ружей и другой трофейной японской военной техники. Всё это свалили в уголке “Камчатской Ривьеры” — парке при музее. Очень я хотел доставить хотя бы один из двадцати четырёх сожжённых на Шумшу японских танков. Посылал за ним даже десантный корабль с арттягачём, но одного тягача оказалось мало, а строители, обещавшие подослать трактор, как всегда, подвели. Так и остались без танка. Но не беда, привезём на тот год.

Не успели также в парке смакетировать японский дзот, амбразуры которого закрыли своими телами старшина 1-й статьи коммунист Николай Вилков и матрос-комсомолец Пётр Ильичёв, повторив бессмертный подвиг рядового Александра Матросова. Не смогли создать панораму или диораму штурма высоты 171-й на острове Шумшу, где происходил самый жестокий бой. Но многое всё же сделали...» [10].

Наступил день открытия музея, приуроченный к Дню Военно-Морского Флота. Его Г. И. Щедрин встретил в госпитале. «Накануне ко мне приехал Кучерский и доложил, что, наконец, музей боевой славы построен. В нём выставлено большое количество экспонатов, повествующих о славных боевых делах моряков-тихоокеанцев,

о патриотизме и мужестве русских путешественников, мореплавателей и партизан Камчатки. Каждый, кто переступит порог музея, с благодарностью вспомнит моряков-строителей и всех воинов, участвовавших в его сооружении. Я приказал в число экспонатов включить мастеров и стеклоделов, выработавшие три срока. Ими работали каменщики Доценко, Новожилин, строители Шмана, Косолапов и другие. Инструменты, по-моему, имеют право на экспонирование, а люди, участвовавшие в строительстве, — на добрую о себе славу.

Начальник Дома офицеров и Кучерский просят меня лично открыть музей. Завтра ведь День Военно-Морского Флота. Мне и самому хочется хоть одним глазком взглянуть на сие сооружение. Самуил Яковлевич Скир — начальник терапевтического отделения, мой лечащий врач — вообще-то против, несмотря на то, что на днях хочет меня выписывать. Говорит, эмоции мне ни к чему. Но потом дал себя уговорить. Мне назначают сопровождающего врача, со мной поедет супруга. С таким эскортом решено, при условии моментального возвращения после открытия. Пришлось соглашаться на такую кабалу.

Открытие музея запомнилось мне крепко. Вот как оно происходило. Когда я подъехал, народу было полный парк. Оказалось, что мне не просто нужно разрезать ленту, а ещё и сказать пятнадцатиминутную речь, которую я, конечно же, не составлял. Пришлось на ходу, в кабинете начальника Дома офицеров сочинять свой спич, причём времени на это оставалось в моём распоряжении всего двадцать минут. Я попросил всех выйти, дабы мне никто не мешал, извинился за невежливость, но нужно было сосредоточиться. На скорую руку набросал тезисы, а после произнесения их у меня забрали газетчики, дословно пропечатали в газете.

Во время открытия музея многие плакали, особенно женщины, их было гораздо больше, чем военнослужащих. Вообще, людей собралось около тысячи. Я и сам волновался, когда говорил, а потом разрезал ленту. Вот как это описывалось в статье “Замечательный памятник боевой славы”:

“В День Военно-Морского Флота состоялось торжественное открытие музея боевой славы. Тёплое слово, обращённое к морякам-камчатцам, произнёс секретарь обкома партии тов. Иванов. Он поздравил всех с Днём Военно-Морского Флота и открытием первого на Камчатке военно-исторического музея. С большим вниманием собравшиеся слушали выступление председателя Петропавловского горисполкома Мельникова.

Затем пионеры вручили подарок музею — модель судна.

С тёплой речью выступил командир соединения: «Дорогие товарищи! Здание музея, парк и площадки при нём построены воинами и их семьями, построены в основном в нерабочее время при шефстве комсомольцев. А этим беспокойным сердцам — всё по плечу!

Невозможно перечислить не только всех участвовавших в строительстве музея, но даже особо отличившихся в нём. В специально изданном приказе не удалось поощрить даже десять процентов всех заслуживающих этого.

Считаю необходимым назвать таких энтузиастов строительства, как бригада, возглавляемая матросом Захаровым. Заслуживают быть отмеченными автор проекта и руководитель работ офицер Кучерский и комсомольцы проектной организации, во внеурочное время исполнившие рабочие чертежи. Бригады коммунистического труда каменщиков и сантехников, возглавляемые товарищами Багацким и Шепиловым, оказали неоценимую помощь строителям музея.

Нельзя не сказать доброго слова о начальнике музея Тихоокеанского флота подполковнике Сушкове Борисе Александровиче и художнике товарище Захарове, которые в короткий срок создали экспозицию музея, привезли в дар Камчатке из Владивостока много экспонатов.

Музей боевой славы не может создаваться без широкой общественности. И она, эта общественность, откликнулась с любовью, ещё раз доказывающей, как дороги боевые традиции нашего народа любому советскому гражданину.

Мать Героя Советского Союза Николая Вилкова передала в дар музею личные документы сына. Валерий Иванович Воскобойников подарил интересные докумен-

ты, относящиеся к становлению советской власти на Камчатке. Старший матрос Соловьёв изготовил ряд скульптур, а матросы Тараканов, Иванов, Корчемлюк и другие — модели кораблей и самолётов. Офицер Самовольский с группой моряков привёз с Командорских островов экспонаты, относящиеся к экспедиции Витуса Беринга, а группа воинов-артиллеристов доставила боевые трофеи с Курил.

Хочется от всего сердца поблагодарить красных партизан Камчатки товарищей Слободчикова Луку Лукича, Макарова Еремея Никитича, Пузырёва Александра Степановича, Чужих Георгия Андреевича, Сухоева Илью Петровича, принявших активное участие в создании музея.

В сборе экспонатов помогли мичманы запаса Шурыгин Сергей Дмитриевич и Фёдор Алексеевич Алёхин. Трогательную заботу о музее проявили председатель Нижнекамчатского сельсовета Пётр Витальевич Портнягин, жительница этого же села Котова Устинья Ивановна, а также школьники Соничев Стёпа, Тисленко Тася, Расторгуев Слава и другие. Я уверен, что это не последние имена, которые мы с благодарностью назовём среди создателей экспозиции музея, помогающего воспитывать горячий советский патриотизм.

Пусть не зарастает народная тропа к самому молодому и самому восточному музею нашей Родины. Посетители увидят в нём, как защищали родную землю наши предки, деды и отцы. Я уверен, что и мы, если потребуется, сумеем защитить её с достоинством и честью. Земля, где мы работаем и служим, зовётся Камчаткой, а отчество её — Советский Союз, и любим мы её по-советски, по-русски, крепко, верно и навеки».

Под звуки оркестра и песню «Флоту русскому — слава» адмирал разрезает ленту. Музей открыт! Бурным потоком хлынули в его залы первые посетители. Пройдёмся с ними и мы.

Вот первый зал, посвящённый подвигам русских моряков в северной части Тихого океана до 1917 г. Подолгу останавливаются посетители около колокола, давшего сигнал о появлении англо-французских захватчиков в районе Камчатки в 1854 г. Поржавевшие от времени ядра, пистолеты, найденные в разных концах города, — свидетельство героизма защитников Петропавловска, их горячей любви к Родине. Здесь же помещена скульптура матроса Удалова — героя обороны города. Захватчики хотели заставить его стрелять по своим войскам, но моряк предпочёл смерть такому позору.

Ряд акварелей художника Куянцева воспроизводит эпизоды героической обороны Петропавловска. Здесь же экспонируется фотография знамени английского Гибралтарского полка, захваченного русскими воинами 24 августа 1854 г. на Никольской сопке.

Привлекают внимание скульптурные портреты известных русских землепроходцев Дежнева, Попова, Крашенинникова, портреты Невельского, Завойко, Изъльметьева, внёсших большой вклад в освоение северной части Тихого океана. Здесь же помещены фотографии крейсера «Варяг» и миноносца «Стерегущий».

Второй зал рассказывает о борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке и о строительстве Тихоокеанского флота. Здесь представлены оружие партизан, кожаная тужурка комиссара одного из партизанских отрядов, действовавших на Дальнем Востоке, бюст Елизова. Ряд экспонатов относится к действиям партизан Камчатки. Посетители с интересом смотрят также фотографии первых советских кораблей на Дальнем Востоке.

В 1924 г. канонерская лодка «Красный Октябрь» совершила героический ледовый поход на остров Врангеля и водрузила там Государственный флаг СССР, закрепив тем самым исторические права нашей Родины на самую крайнюю северо-восточную территорию советской земли. Карта-схема похода и фотодокументы лаконично рассказывают об этом подвиге советских моряков.

Неувядаемой славой покрыли себя моряки-тихоокеанцы в годы Великой Отечественной войны и войны с империалистической Японией. Подвигам патриотов Родины и посвящена экспозиция третьего зала музея. С сердечным волнением рассматривают моряки и горожане фотографии, рисунки, картины и подлинные документы, рассказывающие о подвиге Героев Советского Союза Николая Вилкова и Петра

Ильичёва, их бюсты, исполненные скульптором О. И. Сушковой и подаренные автором музею.

Почти каждый посетитель останавливается у станкового пулемёта. Этот пулемёт — наш «земляк». С ним штурмовали остров Шумшу моряки-камчатцы. В этом же зале представлены многочисленные портреты и трофеи, захваченные моряками-тихоокеанцами во время боёв под Москвой, при освобождении Кореи.

Напряжённой боевой и политической учёбе, совершенствованию военного мастерства, стремлению моряков учиться и работать по-коммунистически, шефским связям, дружбе с великим китайским народом посвящена экспозиция «Флот в послевоенный период».

Высокая это честь, чтобы твоя фотокарточка была помещена в зале музея. Этой чести упорным трудом и отличной службой удостоились многие моряки соединения.

Своим напряжённым трудом моряки Камчатки создали великолепный памятник боевой славы. Пусть на благородном примере героев, о которых рассказывается в залах музея, воспитываются новые и новые поколения советских военных моряков — горячих патриотов России. Капитан 3-го ранга *В. Шумский*”.

В газете есть ещё ряд интересных материалов, в том числе и корреспонденция “Там, где была третья батарея” Ф. Сегеды:

“Воины нашего соединения свято чтят память героев Петропавловской обороны 1854 г. В честь ста пятилетия этого исторического события, которое будет отмечаться в августе настоящего года, они восстановили третью батарею Александра Максудова.

Воины-артиллеристы во главе с коммунистом Кравцовым выполнили немало работ. На склоне Никольской сопки, где в 1854 г. стояла третья батарея, они отрыли оружейные дворники, сделали плетень из хвороста и кольев, чтобы не обваливалась земля. Вся позиция покрыта дёрном.

Старшина Черненко вместе с матросами Горобцом, Ковалёвым, Поляковым, Мицаем и другими сделали три макета орудий. Это короткоствольные пушки. Для стрельбы из них использовались ядра. Их макеты также изготовили артиллеристы и положили в каждый дворик огневой позиции.

На батарее установили щит с надписью: «Батарея № 3 была укомплектована матросами с фрегата “Аврора”. Командовал ею лейтенант А. Максудов. В ремонте боевых повреждений принимал участие поручик артиллерии Можайский. Моряки этой батареи покрыли себя неувядаемой славой в боях с англо-французскими захватчиками в 1854 г. Батарея восстановлена моряками Камчатского гарнизона в июле 1959 г. в честь героев Петропавловской обороны».

В День Военно-Морского Флота состоялось открытие батареи. С речью перед микрофоном выступил начальник политотдела. Он рассказал о событиях 1854 г., мужестве и храбрости русских моряков, призвал весь личный состав свято хранить и приумножать славные боевые традиции.

Секретарь Камчатского обкома КПСС тов. Иванов объявил батарею открытой. Ансамбль песни и пляски исполнил песню о Петропавловске — «Далёкий форпост».

Взвод моряков троекратным залпом из карабинов салютовал героям третьей батареи, не пощадившим жизни для защиты Отечества. Их имена всегда будут жить в сердцах советских воинов” [11].

Самый восточный в стране музей сделал свои первые шаги. Григорий Иванович вспоминает слова В. И. Ленина: «Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа», «Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне», изречения А. М. Горького: «В жизни... всегда есть место подвигу» и Всесоюзного старосты М. И. Калинина: «Точное, при всех обстоятельствах выполнение своих обязанностей — это тоже героизм».

Далее адмирал пишет: «Неплохо вспомнить слова Николая Островского: “Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям. И девиз нашей молодёжи — это мужество, это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий”. Или сказанное в книге трижды Героя Советского Союза Ивана Никитича Кожедуба: “Храбрость, мужество, бессмертие не даются с рождения. Эти качества постоянно воспитываются в человеке. И притом

очень многое зависит от него самого, от его сознания, настойчивости. В упорном труде, в тяжёлых учениях и походах, в преодолении тягот армейской и флотской жизни и надо выковывать в себе волю, совершенствовать характер”.

Так же убедительно пишет об этом “настоящий человек” Герой Советского Союза Маресьев, о котором Борисом Полевым написана книга: “Хочешь быть мужественным воином — настойчиво, с любовью изучай военное дело, повышай свои политические знания. Хорошо подготовленный воин сражается уверенно и смело. Преодоление трудностей в повседневной жизни — вот истинная школа воспитания воли, мужества, храбрости”.

Все эти ссылки на авторитеты понадобились для рассуждений о направлении работы музея. Мы его строили отнюдь не для создания монумента для поклонения, едва ли тогда был бы смысл тратить на него столько сил и энергии. Нет, они бы в этом случае никогда себя не оправдали. Надо, чтобы народная тропа сюда не зарастала, тогда труд будет оправдан. Я так думаю: Советские Вооружённые Силы и, в частности, Военно-Морской Флот, — это подлинная школа мужества и героизма, школа, где каждый солдат и матрос воспитывает в себе высокие морально-боевые качества, верность воинскому долгу, Родине. Именно воспитывает, то есть приобретает.

Подвиг — это героический, самоотверженный поступок, совершённый человеком во имя благородной и возвышенной цели, — за счастье своего народа. И героизм этот проявляется не только на фронтах и во время боевых действий. Наши воинские будни также полны примерами мужества, и если не каждый из них законченный героизм, то ростков, из которых он вырастает, сколько угодно. Моряк не щадя жизни спасает народное добро, в пургу и метель выручает женщину, не раздумывая бросается в ледяную воду, чтобы спасти товарища. Всё это подвиги, которые нужно популяризировать и на них воспитывать тысячи наших людей и особенно тех, кто носит военную форму.

Я считаю почётом для каждого из нас служить на Камчатке — в крае героического прошлого, замечательного настоящего и ещё более прекрасного будущего. Богатырским трудом, изумительным мужеством, настойчивыми научными исследованиями, кровью и потом многих поколений русских людей, особенно военных моряков, завоёваны и утверждены законные права нашей Родины на Тихом океане. В летопись мужества и героизма первооткрывателей и защитников полуострова внесены славные имена Атласова и Чирикова, адмирала Завойко и матроса Удалого, первого предисполкома Ларина и славного партизана Рябикова, бойцов за освобождение Курильских островов — Героев Советского Союза Вилкова, Ильичёва, Василия Сигова, Тимофея Почтарёва и других патриотов, многие из которых отдали жизнь за счастье народа в грозный для Родины час.

Знание боевых традиций, героических дел и поступков предшественников поможет современникам глубже осознать свой воинский долг и воспитывать в себе высокие морально-боевые качества. Конечно, этим благородным делом должны заниматься не одни работники музея, но и они в состоянии внести свой посильный и, на мой взгляд, немалый вклад в воспитательную работу на военно-патриотическую тему, как среди военнослужащих, так и среди населения Камчатки.

Говоря о славном прошлом, нельзя отрывать его от не менее славных дел настоящего. На наших кораблях и в подразделениях немало моряков, вписавших замечательные страницы в историю флотилии. У них нужно учиться тому, как надо преодолевать трудности, овладевать военным делом, выполнять свой воинский долг.

Хранить и преумножать славные традиции родного флота, отдавать все силы служению Родине, неустанно совершенствовать воинское мастерство, овладевать боевой техникой, учиться преданности долгу, мужеству и героизму — вот по какому пути должна направляться работа музея. Примерно так мы с Пильщиковым говорили на совещании политотдельцев и тех офицеров, которым временно поручалась эта работа. И нужно сказать, что недостаточное умение этих офицеров компенсируется их энтузиазмом и желанием приносить пользу.

Музей работает всего несколько дней, а уже получил чудесные отзывы о своей работе. Часть из них можно привести сокращённым пересказом того, что писалось

о нём во флотской (газете Тихоокеанского флота. — В. Б.) и флотильской (Камчатской военной флотилии. — В. Б.) газетах.

“Посетители музея боевой славы — военные моряки — с большим интересом слушают рассказы об истории Тихоокеанского флота, о немеркнущей боевой славе его воспитанников, проявивших себя в годы Великой Отечественной войны, о героях-тихоокеанцах, совершивших замечательные подвиги во славу нашей Отчизны.

В музее размещено достаточное количество интересных экспонатов, редких фотодокументов и других материалов по истории флота, в том числе и о первых кораблях, входивших в состав флота. Экспонируется штурвал сторожевого корабля «Воровский», иллюминатор минного заградителя «Астрахань», глубиномер и телефонный аппарат Ш-101 — первой советской подводной лодки на Тихом океане. Есть фотографии командного состава флота 1932 г. во главе с первым командующим М. В. Викторовым.

В музей поступила картина, посвящённая подвигу тихоокеанца Михаила Панихака, равному подвигу легендарного Данко. Он отличился в битве за Сталинград. Есть экспозиция, посвящённая героям-подводникам, воспитанникам Тихоокеанского флота Героям Советского Союза Гаджиеву, Кучеренко и другим. Помещён портрет Героя Советского Союза, лётчика морской авиации Михаила Янко, повторившего бессмертный подвиг капитана Гастелло. Здесь же портреты героев боёв с японскими империалистами: Малика, Бирюли, Бабилова, Казачинского, Агафонова, Моисеенко, Буркина, Николая Вилкова и Петра Ильичёва. Представлены портреты лучших воинов флотилии — отличников боевой и политической подготовки. Среди них скульптурный портрет главного старшины Юрия Быкова, недавно награждённого медалью «За отвагу» и занесённого в Книгу почёта ЦК ВЛКСМ. Недавно в музее проводились занятия слушателей партийной школы. Им было рассказано о боевом прошлом нашего флота, о славных революционных традициях Советской Армии и Военно-Морского Флота, о буднях боевой учёбы моряков флотилии”.

В небольшой статье, посвящённой в основном описанию экспонатов, говорится: “Музей боевой славы создан руками личного состава. Его любят, им гордятся все наши воины. Многие экспонаты, картины, модели кораблей были подарены музею военнослужащими. Недавно ценнейший экспонат — японский пулемёт из дзота, амбразуру которого закрыл своим телом Николай Вилков, доставили в музей воины отдалённого поста. Главный старшина Перминов и старшина 2-й статьи Назаров доставили ценные экспонаты с корабля — ветерана флота «Теодор Нетте”.

А вот выдержки из статьи К. Алексеева “Реликвии воинской доблести”, помещённой в газете “Тихоокеанская вахта”: “Многолюдно в музее боевой славы. Здесь бывают матросы, старшины и офицеры, комсомольцы, пионеры и октябрята, старослужащие и молодые воины, жители Петропавловска.

«Большое спасибо создателям музея и его работникам за интересные, с любовью сделанные и собранные экспонаты, дающие представление о моряках, покрывших славою наш русский, советский флот. Пожелаем музею укреплять связи с населением Камчатской области, имеющим драгоценные реликвии памятных дней становления советской власти на Камчатском полуострове». Эту запись после посещения музея оставили инструктор ЦК КПСС Г. Ильина и заведующая отделом Камчатского обкома КПСС П. Деркачёва. В многочисленных откликах экскурсанты с гордостью высказываются о своих соотечественниках, восхищаются героизмом дальневосточников, обещают преумножать боевые традиции моряков Тихоокеанского флота, клянутся зорко стоять на страже завоеваний Октября.

В одном из залов музея экспонируется скульптурный портрет Георгия Матвеевича Елизова. Камчатцам хорошо известно его имя. Это активный борец за советскую власть. В 1919 г. он был направлен Дальневосточным комитетом РКП(б) на Камчатку и в Анадырь. В 1921 г. командовал партизанским отрядом в районе Паратунка — Тарья. Умер Елизов в августе 1922 г. от ранения. Его именем названы село и район Камчатской области.

Есть скульптура и другого активного участника гражданской войны на Камчатке — Иллариона Васильевича Рябикова, погибшего от рук белогвардейцев и японцев при

выполнении поручения Чрезвычайного съезда Советов Камчатки. Его имя носит улица Петропавловска.

Рядом — портрет Василия Константиновича Блюхера, солдата первой мировой войны, члена партии с 1916 г., командира легендарной 30-й дивизии Красной Армии, военного министра и главнокомандующего Народно-революционной армией Дальневосточной Республики, а с 1929 г. — командующего особой Дальневосточной армией. Василий Константинович награждён орденами под № 1 «Красное Знамя» и «Красная Звезда».

В зале представлена фоторепродукция с картины о подвиге коммуниста Каплунова, бросившегося с гранатой в руках под немецкий танк. Здесь же портрет тихоокеанца Василия Зайцева, прославившегося в боях за Сталинград. Это ему принадлежат слова: «Для нас за Волгой земли нет!»

Экспонируются портреты Героев Советского Союза: сержанта морской пехоты К. Бирюли, отбившего атаку пятнадцати японских танков, С. Агафонова, успешно использовавшего захваченное у врага орудие против фашистов, С. Кузнецова, отличившегося в боях с японцами. Помещены документы Н. Вилкова и П. Ильичёва.

Один за другим встают перед посетителями образы героев-борцов за счастье народов Дальнего Востока. Они зовут военных моряков на новые славные подвиги во имя Родины».

Пишет в газету о музее и старший матрос В. Радыгин, озаглавивший свою статью «Вспоминая героев...» Он описывает то, что видел, что привлекло его внимание и запомнилось ему:

“Первый зал музея. Большой интерес вызывает у воинов рассказ о мужестве и стойкости защитников Петропавловска от нападения англо-французской эскадры в августе 1854 г. Привлекает внимание посетителей скульптурный портрет одного из защитников города — матроса Семёна Удалого, который, оказавшись в плену, предпочёл героическую смерть позору. Несмотря на огромный численный перевес в личном составе и в артиллерии, англо-французские захватчики были разбиты и бежали, бросив на поле боя знамя Гибралтарского полка.

Гравюра из музейных фондов

Военные моряки подходят к разделу, посвящённому борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. С акварельных и скульптурных портретов смотрят мужественные лица героев гражданской войны Ларина, Елизова, Рябикова.

В разделе, посвящённом созданию Тихоокеанского флота, мы увидели фотографии кораблей, входивших в состав первого соединения флота, часть форштевня парохода-ветерана «Теодор Нетте».

Зал музея, повествующий об участии моряков-тихоокеанцев в Великой Отечественной войне и разгроме империалистической Японии, вызвал особый интерес у воинов. Тихоокеанский флот в те годы являлся кузницей кадров для действующих флотов и фронтов.

В годы войны с империалистической Японией Тихоокеанский флот с честью справился с возложенными на него задачами. Имена Героев Советского Союза Янко, Вилкова, Ильичёва, Казачинского, Пантелеева, Малика и других навечно вошли в боевую летопись. В зале, посвящённом героическому подвигу Вилкова и Ильичёва, моряки с большим интересом осмотрели диораму, ознакомились с личными документами героев.

Среди присутствующих в этом зале оказался капитан запаса В. А. Константинов, лично знавший Николая Вилкова по совместной учёбе в Горьковском техникуме водного транспорта. Экскурсия перешла в душевную беседу офицера запаса с воинами-моряками. Константинов, обращаясь к морякам, сказал, что для него лично это посещение музея особенно знаменательно, так как здесь он как бы снова встретился с Героем Советского Союза Вилковым, своим товарищем, который стал для воинов-тихоокеанцев примером беззаветного служения Родине.

«Для нас, бывших воспитанников этого техникума, не показалась неожиданной весть о совершённом им подвиге, — говорил Константинов. — Уже в годы учёбы у Николая чувствовались качества, характерные для подлинных народных героев. Вилков был очень общительным, волевым, внутренне собранным человеком, с сильно развитым чувством товарищества. Любому делу — будь то учёба, судовая практика или комсомольское поручение — он отдавался с присущей ему неутомимой энергией и любовью.

В бою, в котором оборвалась эта прямая и ясная жизнь, Николай не мог поступить иначе. Такими его воспитали наша советская действительность, Ленинский комсомол, Коммунистическая партия. Народ будет вечно чтить память о своём герое, не посрамившем честь и достоинство воина Страны Советов».

Есть ещё несколько статей, причём даже в центральных газетах и журналах. Все статьи без исключения с положительными, а некоторые с хвалебными оценками. Такого внимания к нашему многострадальному детищу я не ожидал. Старт как будто бы получился хороший. Счастливого тебе пути, выговором добытый...» [12].

Сегодня фонды музея составляют более четырнадцати тысяч единиц хранения. Сформировано книжное собрание, в которое вошли лоции морей, краеведческие издания, литература о военно-морских флотах СССР, Великой Отечественной войне, географических путешествиях, справочники. Здесь находятся гидрографические отчёты, дневники времен Великой Отечественной войны. Художественный фонд состоит из работ маринистской тематики разных авторов, широко известных на Камчатке, — В. Винокурова, А. Дьякова, В. Ефимова. Большая часть художественных работ принадлежит кисти известного на Камчатке художника В. Зорина. На них представлена природа Камчатки, портреты.

За годы существования музея собрано много макетов военных кораблей и подводных лодок, выполненных разными авторами, часть из них выставлена в постоянной экспозиции. Значительный объём фондов занимают фотографии военных событий и персоналий, имеются редкие географические карты побережья Камчатки и Авачинской губы. Собраны коллекции орденов и медалей XIX в., но большая часть — это награды советского периода.

Скомплектованы фонды Героев Советского Союза. Личный фонд Д. Г. Пономарёва, участника Курильской десантной операции, командующего Петропавловской военно-морской базой, составляют фотографии и документы. В своих воспоминаниях он пишет: «Родился я 3 ноября 1908 г. в г. Архангельске (Соломбале). Мой отец — Пономарёв Григорий Сергеевич — родом из деревни Ширша Архангельской области, по профессии плотник, участник русско-японской войны 1904 г. рядовой, участ-

ник Первой мировой войны 1914—1917 гг., рядовой, полный Георгиевский кавалер. Это он привил мне любовь к Родине и ненависть к её врагам. Мать — Пономарёва Капитолина Николаевна, девичья фамилия Глухова, — уроженка г. Архангельска, домашняя хозяйка. Учиться начал в 1916 г. в церковно-приходском училище. Там учили только Закону Божьему и рукоделию. В 1917 г. церковно-приходское училище закрыли, а нас перевели в другие училища, где учёба пошла лучше, но интервенция помешала нормальной учёбе. Нас в ту пору учила сама жизнь. Снимали мы квартиру у кузнеца Елагина, своего дома у нас не было. Купец имел до революции лавочку и торговал разной мелочью. У него было четыре сына. Гражданская война разделила семью — два сына воевали на стороне красных, а два — на стороне белых. Война в семье продолжалась и после окончания гражданской войны...» [13].

Другой участник Курильского десанта — Н. П. Панкратов — вспоминает: «Служить мне довелось в 50-м, а затем в 180-м артиллерийском дивизионе береговой обороны Камчатской военно-морской флотилии старшиной группы комендоров. В 1944 г. был назначен комсоргом 180-го артдивизиона. 15 августа 1945 г. меня вызвал к себе парторг старший лейтенант т. Быкасов. По прибытии он мне объяснил: “Готовится морской десант на Курильские острова, срочно формируется сводный батальон морской пехоты. В его состав направляются лучшие из лучших с кораблей и частей Камчатской флотилии краснофлотцы, старшины и офицеры. Ты, — указал он на меня, — назначен комсоргом этого сводного батальона морской пехоты, а я назначен парторгом этого батальона”. Признаться, в то время я сразу внутренне почувствовал какую-то гордость за доверие участвовать в десантной операции...» [14].

Имеется и фонд автора известной книги «Курильский десант», бывшего редактора областной газеты «Камчатская правда» В. С. Акшинского. Помимо этого, есть и другие воспоминания, документы десантников, представляющие историческую ценность.

На наш взгляд, очень важно к предстоящему в 2015 г. семидесятилетию Курильского десанта на основании указанных фондов, а также материалов, хранящихся в Камчатском краевом объединённом музее, архивах, опубликованных в камчатских газетах, подготовить сборник документов и воспоминаний об этой заключительной операции Второй мировой войны.

В музее собраны знамена и вымпелы кораблей и воинских частей, вырезки из газет «Камчатская правда», «Тихоокеанская вахта», в которых рассказывается о буднях экипажей кораблей и войсковых частей разных лет. Имеется оружейный фонд: автомат ППШ, станковые пулеметы Горюнова, Максима, пулемёт Дегтярёва, гранаты РГД-33, патроны, подсумки, гильзы, трофейное вооружение.

Трофейный фонд включает в себя оружие и знаки отличия. Благодаря ряду Камчатско-Курильских экспедиций (руководитель Е. Г. Верещага, научный консультант И. В. Витер) с Курильских островов была доставлена и передана музею большая коллекция японской техники и вооружения.

В парковой зоне музея представлена советская военная техника и вооружение: торпеды, мины, зенитные артиллерийские и ракетные установки. В их числе 45-мм корабельное зенитное орудие 21-КМ (1944 г.), 37-мм автоматическая зенитная пушка 70-к (1939 г.), 25-мм спаренная палубная автоматическая установка 2м-3м (1953 г.), зенитный автомат АК-230 (1962 г.), 37-мм спаренная автоматическая палубная установка В-11 (1946 г.), корабельная гальваноударная якорная мина КБ (1940 г.), противокорабельная крылатая ракета П-15 (1960 г.), противокорабельная торпеда, другие образцы.

Центром парковой зоны является памятник экипажу подводной лодки Л-16. 17 июня 1936 г. в связи с осложнением военной ситуации на Дальнем Востоке по указанию Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии было сформировано управление Камчатского укрепрайона. В августе 1938 г. на полуостров для его усиления прибывают первые подводные лодки типа «Л».

В ноябре 1939 г. был сформирован 41-й отдельный дивизион в составе управления, боевых единиц: Л-7, Л-8, Л-9, Л-10, Л-13 и плавбазы «Саратов». К началу Великой Отечественной войны Петропавловская военно-морская база пополнилась

новыми надводными кораблями и подводными лодками: Л-11 (командир капитан 3-го ранга К. В. Барбитов), Л-14 (командир капитан 3-го ранга В. И. Головачёв), Л-15 (командир капитан-лейтенант В. И. Комаров), Л-16 (командир капитан-лейтенант Д. Ф. Гусаров).

В 1942 г. Государственный Комитет Обороны решил усилить Северный флот переброской на северный театр боевых действий двенадцати подводных лодок, в том числе шести с Тихоокеанского флота: двух из Петропавловска — Л-15 и Л-16 и четырёх из Владивостока — С-51, С-54, С-55, С-56 (последней командовал капитан-лейтенант Г. И. Щедрин). Л-15 и Л-16 отправились в поход 25 сентября 1942 г. Им предстояло перейти через Тихий и Атлантический океаны и Панамский канал в главную базу Северного флота — Полярный. 11 октября 1942 г. в районе Сан-Франциско Л-16 была потоплена неизвестной субмариной [15].

Л-16 была заложена 5 ноября 1935 г. на заводе № 198 в г. Николаеве на Украине (заводской № 306). Секции корпуса по железной дороге перевезены во Владивосток на завод № 202 для сборки. Лодка спущена на воду 9 июля 1937 г., вступила в строй 9 декабря 1938 г. и вошла в состав Тихоокеанского флота.

Памятник экипажу «Л-16» задумывался Г. И. Щедриным как общая составляющая музея. Он хорошо знал, в каких условиях проходил переход из Владивостока на Северный флот, был знаком с погибшими. С предложением о создании памятника адмирал обратился к мичману А. С. Соловьёву. Анатолий Соловьёв — самодеятельный скульптор, прибыл на Камчатку служить по призыву. Бетонный памятник был открыт в День Военно-Морского Флота 27 июля 1963 г. На нём закреплены доски с именами погибших членов экипажа [16].

В 2013 г. музею передана копия грамоты с подписью президента Российской Федерации о присвоении Петропавловску-Камчатскому высокого звания «Город воинской славы».

Музей регулярно проводит выставки, посвящённые знаменательным датам: Дню Победы, памяти павших в Великой Отечественной войне, Дню Военно-Морского Флота и другим. Одним из основных направлений его работы является экскурсионное обслуживание посетителей. Так, за 2013 г. было проведено около ста тридцати экскурсий, бесед и лекций. Всего в этом году музей, его постоянные, временные и выездные выставки посетило около четырёх тысяч человек. Музей воинской славы активно работает с туристическими фирмами, в нём часто бывают иностранные гости с круизных лайнеров, заходящих летом в краевой центр.

К Дню Военно-Морского Флота в 2013 г. открылась фотовыставка Сергея Коновалова «Будни флота». А в праздничный день на площади Ленина развёрнулась выставка под открытым небом «Историческая память. Тихоокеанский рубеж», где были представлены редкие фотографии и документы времен Великой Отечественной войны, оружие и трофейная техника, доставленные с Курильских островов. Впервые в 2013 г. силами работников музея организована выездная выставка в районных центрах Камчатского края — сёлах Мильково, Эссо и посёлке Усть-Камчатск. Всё это освещалось в краевых и районных газетах, репортажах, прошедших по камчатскому телевидению.

Летом 2013 г. в парковой зоне музея впервые за многие годы высажено несколько десятков саженцев лиственницы, берёзы, ивы, клёна, рябины. Хочется надеяться, что молодые деревья примутся, а детище почётного гражданина города, Героя Советского Союза, вице-адмирала Григория Ивановича Щедрина ждёт новая и интересная жизнь.

Постоянными посетителями музея являются ветераны Великой Отечественной войны, участники Курильского десанта, служащие и ветераны Войск и Сил на Северо-Востоке России, призывники, студенты, школьники и другие категории населения. В своё время здесь побывали многие знаменитости, такие как первый космонавт планеты Юрий Гагарин, известная певица Людмила Зыкина, конструктор ракет Сергей Королёв и многие другие.

С 1959 по 2012 г. Музей воинской славы был структурным подразделением Камчатской военной флотилии. В соответствии с директивой министра обороны России от 14 сентября 2011 г. № Д0104т, других ведомственных документов штат сотрудни-

ков был сокращён, музей передан городу Петропавловску-Камчатскому. Сейчас перед ним, имеющим особый статус города воинской славы, остро стоит вопрос, как дальше должен развиваться уже городской музей.

На наш взгляд, на базе имеющихся фондов и экспозиций необходимо разработать новую научную концепцию, которая должна составляться и обсуждаться на научном совете музея с широким привлечением ветеранов, историков, краеведов и других специалистов. Концепция должна основываться на трёх основных событиях в воинской истории города:

- отражении нападения англо-французской эскадры в 1854 г.;
- действиях камчатских ополченцев в годы русско-японской войны 1904—1905 гг.;
- организации и проведении Курильской десантной операции в августе 1945 г.

Вместе с тем, обязательно должны быть представлены следующие разделы:

- история возникновения, расположение, топография и микрорельеф; поселения коренных жителей в окрестностях Авачинской губы; происхождение местных названий;
- основные этапы развития города;
- почётные граждане, лица, внёсшие значительный вклад в развитие города воинской славы;
- формирование населения, динамика его численности и состав;
- развитие промышленности: главные отрасли и предприятия;
- жилищное строительство, благоустройство, развитие транспорта, связи и торговли;
- здравоохранение, спорт, культура;
- образовательные учреждения;
- улицы, топонимика, памятники и исторические места.

ИСТОЧНИКИ

1. *Третьякова И. А.* Музеи Военно-Морского Флота России в XIX—XX вв.: история создания, становления и развития. Автореферат дис. на соискание учёной степ. канд. ист. наук. — М., 2007. — С. 7.
2. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 264—265.
3. *Витер И. В.* Город над Авачинской бухтой. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — С. 94.
4. Там же. С. 97—99.
5. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 278—279.
6. *Володарская Е. Е.* Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея (1911—1934) // Краеведческие записки. — Петропавловск-Камчатский, 2002. — С. 29.
7. *Щедрин Г. И.* Камчатские дневники. Рукопись. — Ч. 1. — С. 168—180. ВИМ НВФ 2502.
8. Там же. С. 180.
9. Там же. С. 180—183.
10. Там же. С. 190—200.
11. Там же. С. 223—230.
12. Там же. С. 252—261.
13. *Пономарёв Д. Г.* Воспоминания. Рук. — С. 1. ВИМ НВФ 458.
14. *Панкратов П. Н.* Воспоминания. Рук. — С. 1. ВИМ НВФ 438.
15. *Мартыненко В. П.* Памятники Петропавловска-Камчатского. — Петропавловск-Камчатский, 1989. — С. 18—19.
16. *Широкопад А.* Корабли и катера ВМФ СССР 1939—1945 гг. — Минск, 2002. — С. 548.

Приложение

Фрагмент стенограммы митинга, посвящённого открытию музея боевой славы

Слово предоставляется первому секретарю областного комитета партии товарищу *Леониду Тимофеевичу Иванову*:

— Товарищи! Всякое новое культурное событие в жизни города в области радует нас, жителей Камчатки, наполняет наши сердца гордостью и любовью к нашему городу, области, к нашей великой Родине — Союзу Советских Социалистических республик, к нашему советскому народу,

народу-исполину, успешно строящему светлое здание коммунизма. Мы знаем, что всеми нашими успехами и делами мы обязаны постоянной помощи и заботе нашего правительства, славной Коммунистической партии и её Центральному Комитету, которую они проявляют об экономическом развитии Дальнего Востока и, в частности, Камчатской области.

Сегодня в этот дождливый, но радостный для нас день, День Военно-Морского Флота СССР, мы собрались для того, чтобы присутствовать при открытии военно-исторического музея, музея боевой славы. Открытие этого музея в нашем городе является большим культурным событием не только для военных моряков, но и для всей общественности Камчатки.

История имеет замечательные страницы в своей летописи, это — страницы героического прошлого нашего народа, боевой славы русских людей — землепроходцев, мореплавателей, о которых Михаил Васильевич Ломоносов писал в своё время, что это они «Колумбы росские, презрев угрюмый рок, свой путь отворят на восток и наша досягнет в Америку держава».

Документы и экспонаты, собранные в музее, пока ещё малочисленные, но они рассказывают героическую летопись первых русских мореплавателей, землепроходцев, начиная от Атласова и Беринга до Крузенштерна и Лисянского. Это — летопись боевой славы русского оружия и патриотизма наших соотечественников, проявленная во время героической Петропавловской обороны в 1854 г., летопись героической борьбы камчатских партизан в годы гражданской войны против белогвардейцев и японских захватчиков за установление советской власти на краю земли русской, на нашей камчатской земле.

Большое воспитательное и познавательное значение имеют документы и материалы музея, рассказывающие о подвиге советских воинов во время Великой Отечественной войны и освобождения Курильских островов и Южного Сахалина, исконно русских земель. Мы гордимся замечательными героическими подвигами наших славных моряков-тихоокеанцев Вилкова и Ильичёва, Почтарёва и других, отдавших свои жизни за честь и независимость нашей славной великой Родины. О славных традициях и подвигах русских людей, моряков, воинов рассказывается в этом музее на их героических делах, всё это будет воспитывать мужество, учить наших юношей и девушек на героических традициях дедов и отцов верно служить своей Родине-матери.

Разрешите мне от имени Камчатского областного комитета КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся поздравить и приветствовать сегодня, в День Военно-Морского Флота всех моряков Камчатской флотилии, всех граждан и тружеников нашего города и области с этим большим культурным событием — открытием музея боевой славы! Разрешите передать наш большой и пламенный привет организаторам и устроителям этого музея...

Слово предоставляется председателю городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся *Владимиру Захаровичу Мельникову*:

— Товарищи! Открытие музея боевой славы даст нам возможность воспитывать молодое поколение на традициях, замечательных традициях военных моряков. Разрешите мне от имени трудящихся города поблагодарить создателей, строителей этого замечательного сооружения, где трудящиеся города могут ознакомиться с боевым историческим прошлым наших моряков. Разрешите ещё раз от имени трудящихся поблагодарить адмирала товарища Щедрина и всех моряков нашего гарнизона за такой замечательный подарок.

Слово предоставляется моряку из соединения, где воспитывался и служил Герой Советского Союза матрос Пётр Ильичёв, мичману товарищу *Карачарскому*:

— Товарищи! Разрешите мне от имени воинов гарнизона Завойко передать привет присутствующим здесь воинам Петропавловского гарнизона и пожелать больших успехов в дальнейшем повышении боеготовности частей и кораблей. Теперь у нас будет музей, который явится сокровищницей боевых подвигов и самоотверженного служения Родине воинов нашего соединения. Мы понимаем, что музей боевой славы будет способствовать воспитанию у всех воинов чувства гордости за славные ратные дела старших товарищей и ответственности за продолжение и развитие боевых традиций воинов нашего соединения, воспитанию воинов в духе беспредельной преданности своему народу и самоотверженного выполнения своего воинского долга.

Личный состав частей и кораблей нашего гарнизона с большим воодушевлением встретил постановление июльского пленума. На своих собраниях личный состав обсудил обращение пленума и взял на себя повышенные социалистические обязательства по овладению техникой и оружием, укреплению порядка и дисциплины. Многие матросы и старшины ко Дню Военно-Морского Флота СССР выполнили свои обязательства и стали отличниками боевой и политической подготовки, добились званий отличных постов и отделений.

Так, например, отличными стали боевые части, которыми командуют старший лейтенант Ширяев, Алексеев, Лесовой, Водолеев и другие. Лучших результатов добились корабли, которыми командуют капитан 3-го ранга Трофимов, старший лейтенант Лейбов, старший лейтенант Дульников

и другие. Воодушевлённые новой большой заботой партии и правительства об улучшении блага советского народа, воины соединения настойчиво борются за рост числа отличных подразделений и постов и за почётное звание отличного корабля. Личный состав наших кораблей будет ещё с большим напряжением повышать свою боевую готовность, служить Родине так, как служил на нашем соединении Герой Советского Союза Пётр Ильичёв. Да здравствует овеянная славой побед Советская Армия и Военно-Морской Флот! Да здравствует наша любимая Родина! Слава коммунистической партии, советскому правительству!

Слово предоставляется командующему Камчатской военной флотилией *Григорию Ивановичу Щедрину*:

— Дорогие товарищи! Разрешите, прежде чем закрыть митинг, сказать мне, командиру Петропавловского морского гарнизона, хотя бы несколько слов... Здание музея, парк и площадка при нём построены воинами и их семьями, построены в основном в нерабочее время при шефстве Ленинского комсомола воинских частей. А этим беспокойным сердцам всё по плечу, особенно, когда дело касается славных боевых и революционных традиций нашего народа.

Невозможно перечислить не только всех участвующих в строительстве, но даже особо отличившихся в нём. В специально изданном приказе начальника гарнизона не удалось поощрить даже десять процентов всех заслуживающих этого поощрения. Считаю необходимым назвать имена таких энтузиастов строительства, как бригада, возглавляемая матросом товарищем Захаровым.

Заслуживает быть отмеченным автор проекта и руководитель работ офицер Кучерский и комсомольцы проектной организации, во внерабочее время исполнившие все рабочие чертежи здания. Бригада коммунистического труда каменщиков и сантехников, возглавляемая бригадиром товарищами Богацким и военным рабочим Шепиловым, оказали неоценимую помощь строителям музея. Повторяю, что причислить всех невозможно, и пусть на меня не обижаются товарищи, фамилии которых мною не названы. Невозможно не сказать о начальнике музея Тихоокеанского флота Сушкове Борисе Александровиче и художнике товарище Захарове, которые в короткий срок создали экспозицию музея, привезли в дар Камчатке из Владивостока много экспонатов. Им помогали матрос товарищ Котик, солдат товарищ Шмона. Но музей, а тем более музей боевой славы, не может создаваться без широкой общественности. И она, эта общественность, откликнулась с любовью, доказывающей, как дороги боевые традиции нашего народа любому советскому гражданину.

Мать Героя Советского Союза Николая Вилкова передала в дар музею личные документы сына. Валерий Иванович Воскобойников отдал интересные, относящиеся к становлению советской власти на Камчатке, документы. Старший матрос Соловьёв изготовил ряд скульптур, а матросы Тараканов, Иванов, Кармельчук, Устинов и другие изготовили модели кораблей и самолётов. Офицер Самовольский с группой личного состава привёз с Командорских островов экспонаты, относящиеся к экспедиции Витуса Беринга, а другая группа военных артиллеристов доставила боевые трофеи с Курил. Хочется от всего сердца поблагодарить красных партизан Камчатки товарища Слободчикова Луку Лукича, Макарова Еремея Никитича, Пузырёва Александра Степановича, Чужих Григория Андреевича, Сухотеева Илью Петровича, проявивших активное участие в создании музея.

Трогательную заботу о музее проявили председатель Нижнекамчатского сельсовета товарищ Портнягин Пётр Викторович, гражданка этого сельсовета Котова Устинья Ивановна, а также школьники Нижнекамчатской школы четвёртых-седьмых классов Саничев Стёпа, Тисленко Тася, Тимухин Вася, Расторгуев Слава, Портнягин Вася, Сиволюк Эльвира, Кузнецов Борис, Дегтярёв Виктор, Сидоров Виктор. Я уверен, что это не последние имена, которые мы с благодарностью назовём среди создателей экспозиции музея, помогающего воспитывать в нас советский патриотизм.

Пусть не зарастает народная тропка к самому молодому и самому восточному музею нашей Родины! Мы уверены, что увидим в этом музее, как защищали родную землю наши предки — деды и отцы. Я уверен, что и мы сумеем защищать её с достоинством и честью. Земля, где мы работаем с вами, служим, зовётся камчатской, а отечество её — Советский Союз, и любим мы её по-советски, по-русски: крепко, верно и навек!

Пионер:

— Дорогие воины, моряки! Мы, юные ленинцы, от души поздравляем вас с праздником Военно-Морского Флота и желаем вам успеха в вашей трудной, но благородной службе! Примите от нас скромный подарок (вручает подарок Г. И. Щедрину).

Г. И. Щедрин:

— Подарок от юных ленинцев принял... Разрешите на этом митинг, посвящённый открытию музея боевой славы, считать закрытым!

Звучит Гимн СССР.

«МЫ В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ...»

В рамках проводимого в Российской Федерации Года культуры в период с 1 по 5 октября 2014 г. краевое государственное бюджетное учреждение «Камчатский краевой объединённый музей» приняло участие в первом музейном форуме Дальнего Востока «Музей — открытая книга для всех», который проходил в г. Хабаровске. Его организаторы — Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова совместно с министерством культуры Хабаровского края.

Столь масштабный форум на Дальнем Востоке был проведён впервые, на него съехались представители тридцати музеев. Гости и жители Хабаровского края получили уникальную возможность через подлинные предметы познакомиться с культурным многообразием и особенностями всего обширного региона, его историческим и природным наследием.

В форуме участвовали муниципальные, государственные, ведомственные и частные музеи Дальневосточного федерального округа, которые с помощью выставочных проектов и знаковых экспонатов из собственных собраний решали главные задачи — создание яркого образа региона, привлечение внимания к исторической и культурной самобытности его территорий и повышение творческой активности музеев Дальнего Востока.

С 1 по 5 октября в выставочных залах Военно-исторического музея г. Хабаровска и музея имени Н. И. Гродекова были представлены лучшие выставочные проекты музеев Хабаровского, Камчатского и Приморского краёв, Магаданской, Сахалинской, Амурской областей, республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа.

В состав делегации от Камчатского краевого объединённого музея вошли его директор Сергей Васильевич Гунько и научный сотрудник Наталья Александровна Конышева, а также представители коренных малочисленных народов Камчатки: Мария Христофоровна Сидоренко, Маргарита Аркадьевна Байшуакова и Егор Иннокентьевич Чечулин.

Делегация представила выставочный проект «Мы в одной упряжке... (история традиционной камчатской гонки на собачьих упряжках “Берингия”»)). Выбор этой темы был далеко не случаен, ведь эта гонка — главное событие весны на Камчатке! Она проводится уже более двадцати лет и в 1990 г. вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самая протяжённая в мире. С 2010 г. «Берингия» объявлена официальным праздником Камчатского края. Эта уникальная гонка уже давно стала не просто спортивным мероприятием, она выполняет гуманитарную, этнографическую и культурную миссию.

Экспозиция, представленная нашим музеем, располагалась на четырёх выставочных стендах, на большом экране демонстрировался видеоролик о знаменитой гонке. Многократная участница «Берингии» эвенка Маргарита Аркадьевна Байшуакова представляла своих коллег-каюров, самобытный резчик коряк Егор Иннокентьевич Чечулин организовал показ новых работ и провёл мастер-класс по основам обработки кости. Носительница корякского языка, автор передач о коренных малочисленных народах Севера на камчатском телевидении Мария Христофоровна Сидоренко и Наталья Александровна Конышева представили камчатскую экспозицию.

Презентация выставочного проекта — это своего рода маленькое открытие выставки, именно так мы и постарались представить наш проект «Мы в одной упряжке...»

На членов жюри произвело огромное впечатление, что в выставочном проекте принимал участие настоящий каюрок, да ещё и женщина, М. А. Байшуакова, лично прошедшая гонку от начала до конца восемь раз. Она и Е. И. Чечулин не только обрисовали все её подробности, но и показали экипировку каюров, в которой те в любую погоду должны были преодолевать непростые этапы трассы.

Посетители задали им множество вопросов. Спрашивали об особенностях кормления собак, их тренировок, интересовались личностями участников «Берингии», выясняли, насколько трудно проходить маршрут, из чего состоит одежда каюра, как называются её отдельные части, как устроена собачья нарта... Традиционная одежда при-

влекала всеобщее внимание, её рассматривали, ощупывали и примеряли. Всё, что было связано с гонкой, вызывало очень живой интерес.

Мы старались как можно сильнее заинтересовать нашим проектом всех посетителей выставки, независимо от их возраста, в том числе и детей, активно вовлекали их в участие в показе отдельных элементов быта и празднеств аборигенов Камчатки. Сотрудники музея имени Н. И. Гродекова приводили на площадки группы посетителей, чтобы они смогли ознакомиться с проектами различных музеев, в частности с нашим. Многочисленные иностранцы с удовольствием принимали участие в небольших мастер-классах по традиционным танцам, игре на бубне.

Выставочный проект Камчатского краевого объединённого музея «Мы в одной упряжке...»

На каждой выставочной площадке находилась тумба для голосования, где посетители форума могли отдать свой голос за лучший, на их взгляд, проект. Результат — множество восторженных отзывов и наша победа в конкурсе «Приз зрительских симпатий».

По словам организаторов форума, камчатская делегация была самой многочисленной и яркой. «Невозможно пройти мимо звуков бубнов, красивых кухлянок и горлового пения. Гости выставки в восторге от камчатских экспозиций», — отметили члены оргкомитета. А какие прекрасные слова оставили посетители нашего проекта в книге отзывов!!! Нас очень порадовала запись, оставленная одним из посетителей: «Не поеду в Таиланд, а поеду на Камчатку...» Но особенно приятно, что наша работа была оценена коллегами-музейщиками, и не только в книге отзывов и словами, но и, конечно же, тем, что мы получили высокие оценки за свой труд.

Работать пришлось без перерыва, с утра и до вечера. Из всех участников форума, а это более ста пятидесяти человек, мы единственные были одеты в национальные костюмы. Большой популярностью пользовались изделия из кости Е. И. Чечулина. Посетители выставки буквально «расхватывали» сувенирную атрибутику «Берингии». Егор Иннокентьевич провёл несколько мастер-классов, в том числе и для музейных сотрудников-дальневосточников. Со многими коллегами у нас завязались дружественные связи,

обсуждались возможности обмена передвижными выставками между музеями и будущие совместные проекты.

Камчатский краевой объединённый музей был награждён дипломом первой степени в конкурсе «Лучшая презентация выставочного проекта» и сертификатом на сумму тридцать тысяч рублей. Кроме этого, наш проект стал победителем в конкурсе «Приз зрительских симпатий». За этот успех музею вручили ещё один сертификат на десять тысяч рублей.

6 октября, сразу после возвращения на Камчатку, участников форума принимало правительство Камчатского края. В конференц-зале краевой администрации с победой их поздравила заместитель председателя краевого правительства Валентина Тадеевна Броневич. «Мы очень увлечённо следили за тем, как проходил форум в Хабаровске, ловили каждое сообщение, которое в небольшие перерывы вы нам отправляли, — обратилась В. Т. Броневич к участникам форума. — От имени губернатора Камчатского края хочу сказать вам огромное спасибо за ваш труд, за то, что развиваете музейное дело, что произвели такой фурор в Хабаровске, показали Камчатку во всей красе и привезли заслуженные награды».

«Далеко не каждый регион получил хотя бы одну награду, а Камчатский край привёз сразу три диплома», — сказал участник форума, директор Камчатского краевого объединённого музея С. В. Гунько. Ещё один диплом второй степени за участие в конкурсе «Лучший выставочный проект» привезли на Камчатку наши коллеги из КГБУ «Камчатский краевой художественный музей» за проект «История одной сбывшейся сказки».

В рамках форума состоялся круглый стол, на котором было принято решение о проведении музейного форума Дальнего Востока каждые два года. Таким образом, в 2016 г. музейщики-дальневосточники смогут вновь представить свои новые выставочные проекты и обменяться опытом и новыми идеями друг с другом.

С 1 по 10 октября Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова в рамках форума организовал межрегиональный семинар-практикум для специалистов «Диалог музея и посетителя. Новые реалии, современные технологии». Его участникам были предложены более тридцати лекций, мастер-классов и тренингов, которые проводили ведущие специалисты музейного и образовательного дела из Москвы и Хабаровска. Они охватили вопросы, необходимые для улучшения работы сотрудников музеев. Кроме этого, были организованы экскурсии в ведущие музеи г. Хабаровска.

Семинар-практикум получился очень плодотворным. Музейщики узнали много нового, смогли поделиться и своим опытом, и многое взять на вооружение у других участников.

ТОПОНИМИКА

А. П. ПИРАГИС

ТОПОНИМИКА ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО. УЛИЦЫ

О топонимике Камчатки писали камчатские краеведы: В. П. Кусков — «Краткий топонимический словарь Камчатской области» (Петропавловск-Камчатский, 1967) и В. П. Мартыненко — «Камчатский берег. Историческая лоция» (Петропавловск-Камчатский, 1991). Краевед В. И. Борисов проследил названия поселений в долине реки Камчатки в статье «Из истории населённых пунктов долины реки Камчатки», опубликованной во втором выпуске сборника «Вопросы истории Камчатки» (Петропавловск-Камчатский, 2006). Автором этой публикации по вопросам топонимики Камчатки написано несколько статей [27].

Данная статья посвящена улицам города Петропавловска-Камчатского, который не менее богат названиями, чем Камчатка. Городская микротопонимика в данном направлении исследуется впервые. Частично об улицах города говорилось в моей книге «Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают» (1986, 2000). Однако с момента её издания собрана обширная информация о наименовании, переименовании и исчезновении названий улиц, а также найдены сведения, в честь кого они названы. В работе говорится о 372 названиях, имеющихся, а также исчезнувших с карты города улиц.

Поселение на берегу Авачинской губы возникло благодаря строительству базы для Второй Камчатской экспедиции (1732—1743). О её постройке И. Ф. Елагин доложил командору В. Й. Берингу. В сентябре 1740 г. И. Ф. Елагин, как ранее предприсылал ему Беринг, прибыл из Авачинской губы в Большерецк, где встретил пришедшие из Охотска пакетботы «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел», корабли «Охотск» и «Надежда». Там же он вручил командору составленные карты части Камчатки, Авачинской губы и бухты, где были возведены постройки для экспедиции. В 1740 г. на основе черновых карт И. Ф. Елагина «живописец» экспедиции Ф. Х. Плениснер начисто перечертил карту Авачинской губы и план Петропавловской гавани [1, с. 61]. Также И. Ф. Елагин доложил Берингу о постройке «жилых покоев в одной связи пять, да казармы три, да три амбара в два апартамента» [28, с. 214]. Ивана Фомича Елагина по справедливости стоит называть первостроителем города. За постройку базы для нужд экспедиции строителям заплатили: служилым — 103 руб. 50 коп., а «ясажным иноземцам» — 183 руб. 82 коп. [29].

В 1740 г. пакетботы «Святой апостол Пётр» и «Святой апостол Павел» вошли в Авачинскую губу. В. Й. Беринг докладывал в Сенат: «...Прибыли во оную гавань в двух пакетботах со всею командою того же 740 году октября 6 дня благополучно, где и зимовали. И она гавань названа нами Святых апостол Петра и Павла» [28, с. 214]. Так 6 (17) октября 1740 г. родился Петропавловск, и началась его история. По-разному называли новое поселение на Камчатке: Гавань Петра и Павла, просто Гавань, Петропавловская гавань, Петропавловский порт. Последнее название было официальным и продержалось сравнительно долго. Однако к двадцатым годам XIX в. поселение на берегу Авачинской губы стали называть упрощенно — Петропавловск, опуская слово «порт».

Участники Второй Камчатской экспедиции, опытные и бывалые мореходы, отмечали удобство Авачинской губы, и особенно Петропавловской гавани, для стоянки кораблей. В рапортах и донесениях в Сенат и Адмиралтейскую коллегию они писали о ней как о прекрасном порте, в котором можно провести зимовку. Петропавловская гавань впервые появилась в академическом «Атласе Российском», вышедшем в 1745 г. Информация о результатах плавания В. Й. Беринга и А. И. Чирикова к берегам Америки стала доступной в некоторой её части в 1750-х гг. не только в России, но

и за рубежом. Петропавловскую гавань стали изображать на многих западноевропейских картах.

Однако, несмотря на явное удобство гавани для кораблей, она не стала в XVIII в. портом. Для купцов-промышленников, ринувшихся за пушниной в Русскую Америку и на Алеутские острова, она была в стороне от их маршрутов. Отсутствие леса для постройки судов, отдалённость от сложившихся в тот период связей оставляли новое поселение на берегу Авачинской губы невостребованным, и оно приходило в упадок. Гнили постройки, возведённые И. Ф. Елагиным.

Но поселение, хотя и влачило жалкое существование, не исчезло. Его стали посещать многие известные мореплаватели в ходе кругосветных и полукругосветных плаваний. В период длительного пребывания они вносили свою лепту в его сохранность и строительство.

Процесс образования улиц в Петропавловске шёл медленно и долго. С 1740 до 1900 г. он представлял собой большую деревню, хотя с 1822 г. числился уже в ранге российских городов. Почти 190 лет со времени основания Петропавловск размещался в границах от песчаной косы (Кошки) до Култучного озера. Дома, построенные где попало на берегу малой бухты (Петропавловской бухты) и на склонах Петровской сопки, даже не могли сформировать нормальных улиц.

Мореплаватели и путешественники, побывавшие в XVIII—XIX вв. в Петропавловске, не отмечали больших изменений в его облике и описывали его одинаково.

Вот каким предстал он перед участником английской кругосветной экспедиции (1779) помощником хирурга Д. Самвеллом: «Среда, 16 июня. ...Селение, или острог, Св. Петра и Св. Павла стоит на узкой песчаной косе, которая образует гавань и отделяет её от залива Авача, и в эту гавань ведёт узкий проход между скалами. Селение состоит из пяти или шести русских бревенчатых домов и примерно 15 балаганчиков и трёх или четырёх юрт... Перед балаганами устроены помосты, на которых сушат много рыбы для собак (юколы), а под балаганами висит и сушится рыба для собственного употребления... В верхнем конце гавани Петра и Павла находится барак для солдат и склад. И это самые большие здешние здания» [25, с. 88—89]. Он также писал, что камчадалы говорят по-русски и обучены письму; мужчины одеты в собачьи шкуры, а женщины переняли русские моды и носят платья.

В своё первое посещение гавани в 1789 г. капитан-лейтенант Г. А. Сарычев писал о селении Петра и Павла: «Строения в двух местах: обывательских деревянных домов двенадцать, из них коих восемь построены на вышеуказанной кошке и между ими несколько балаганов, а остальные в северной части гавани; там же есть и казённое строение: деревянный дом и в прежнюю экспедицию построенные командором Берингом магазинны, которые довольно ещё крепки. Жители здешные: одиннадцать камчадалов, армейский прапорщик и двадцать три человека казаков» [25, с. 133—134].

Вот как описал город русский мореплаватель А. П. Лазарев в 1823 г.: «...Строение Петропавловской гавани приумножено; ныне казённых домов 9, в первом помещается начальник, во втором его помощник, в третьем лазарет, в четвёртом канцелярия, в пятом почтовая экспедиция, в шестом духовное училище, в седьмом и восьмом морские офицеры, ежегодно приходящие на транспортах и зимующие на Камчатке; в девятом доме казарма для служителей... Всего же вообще, не исключая балаганов для сушки рыбы, расположенных на кошке (песчаная отмель), 116 разных строений» [25, с. 213].

Даже казённые дома в городе строили долго и плохо. Акт их обследования в ноябре 1828 г. показал, что с 1813 по 1828 г. было построено всего 14 казённых домов, включавших жильё для офицеров и служащих, хозяйственные и складские помещения. Восемь из них были возведены ещё в годы исполнения обязанностей начальника Камчатки И. Д. Рудаковым и только по три дома — в период начальствования П. И. Рикорда и Ф. Е. Станицкого. Большинство домов пришли за это время в негодность [5, с. 24—25].

Город середины XIX в. подробно описал К. Дитмар, чиновник особых поручений по горной части при губернаторе В. С. Завойко, живший в Петропавловске в 1851—1855 гг.: «...Между бухтой и озером расположены, окаймляя улицы и площади, почти

исключительно казённые дома, стоящие очень просторно. Число этих домов, по сведениям канцелярии губернатора, простиралось до сорока. Посредине, на свободной площади, помещается православная церковь. Далее — большой губернаторский дом, окружённый садом, канцелярия, госпиталь, аптека, несколько казарм для команды, некоторое число жилых зданий для офицеров и чиновников, квартиры духовенства и здания Российско-Американской компании. К этой, лучше выстроенной казённой части города, непосредственно примыкает неофициальная, расположенная вдоль всего восточного берега маленькой губы и образующая пять параллельных с ним вытянутых рядов. Начиная от самой воды и распространяясь на одну треть высоты Шестаковской пади, постепенно поднимаются дома с их небольшими огородами. Домов здесь всего 116. Весь Петропавловск построен исключительно из дерева, причём все частные дома крыты тростником и длинной травой, казённые же — железом. В самом конце бухты, непосредственно на берегу, стоят строения морского ведомства: гауптвахта, несколько магазинов, пекарня и несколько небольших мастерских. Девять маленьких ключевых ручьёв текут по небольшим ущельям и рвам с горы и протекают через городок, доставляя обывателям прекрасную ключевую воду для питья. Из этих ручьёв семь впадают в бухточку, два — в озеро. На всех местах пересечения ими улиц находятся простенькие мостики. По переписи 1852 г., весь описываемый городок имел всего 1 594 жителя (1 178 мужского и 416 женского пола) [18, с. 113].

Американский корреспондент Уильям Гильдер, посетивший Петропавловск в 1881 г., писал: «Город расположен в долине, между высоких холмов, обросших с внутренней стороны красивым лесом. Дома очень малы и срублены по большей части из плохо обструганных брёвен; беднейшие из них крыты соломой. Многие правительственные здания так же точно, как и товарные склады русского пушного общества и жилища почётнейших граждан, выстроены из досок, привезённых издалека, и прекрасно выкрашены. Из числа улиц существует только одна, которая достойна носить это название, да и та имеет всего футов 30 в ширину. Дома, видимо, выстроены без всякого внимания на направление этой так называемой улицы и возвышаются именно там, где понадобилось и заблагорассудилось их владельцу... Новая церковь выстроена из досок, выкрашена в белую краску и обладает широкою лестницею, ведущею к главному входу; она возвышается посреди миниатюрного парка, через который пробегает весёленький маленький ручеёк» [17, с. 16—17].

Приведённые картинки Петропавловска описываемого периода комментариев не требуют, но дают ясное представление о его состоянии. Первое упоминание об улицах было сделано К. Дитмаром, тем не менее, через двадцать шесть лет после него У. Гильдер отметил только одну улицу, которую можно было назвать таковой. Однако стоит заметить, что от этой улицы вдоль ручьёв шли постройки, образуя несколько переулков, забиравшихся на Петровскую сопку. Это была одна их особенностей застройки Петропавловска того и последующего времени.

В начале XX в. Петропавловск оставался тем же небольшим селением, что и десятилетиями назад, с разбросанными, где попало, домами, с одной улицей и несколькими переулками.

«Самый город, очень живописный с моря, на самом деле есть не что иное, как село с одной продольной улицей, по обеим сторонам которой понастроены крытые тёмсом избушки, разбросанные по склону горы. Особенно отчётливо на общем фоне выделяются: две церкви — зимняя и летняя, дом окружного начальника (прежде губернатора), окружённый большим тенистым садом, окружное управление (окрашенное в какой-то неопределённый цвет), дом местного купца К. Русанова и несколько домов, принадлежащих Русскому Товариществу котиковых промыслов», — писал о городе того периода А. А. Прозоров в книге «Экономический обзор Охотско-Камчатского края» (СПб., 1902). В городе проживали 383 чел.

До первого десятилетия XX в. экономических и иных предпосылок для развития Петропавловска не имелось. Практически город прирастал лишь отдельными зданиями и представлял картину, хорошо обрисованную побывавшим в Петропавловске генералом М. С. Латернером, участником гидрографической экспедиции на «Шилке»

в 1906—1908 гг.: «Главная масса построек расположена по склону Петровской горы и обращена на юго-запад, меньшая расположена на перешейке, соединяющем Петровскую гору с Никольской и отделяющем Ковш от лагуны, находящейся за городом. За лагуной — Мишенная гора... Авачинский проспект, очень узкая и грязная улица, начинается у лагуны несколькими хатками и кончается почти у кладбища новым двухэтажным домом окружной лечебницы. На этом же проспекте есть ещё другой двухэтажный дом — общежитие служащих Камчатского торгово-промышленного общества (КТПО). Остальные дома, как проспекта, так и параллельной ему улицы и нескольких переулков, все одноэтажные и различаются между собой только величиной и древностью, а есть и землянки вновь наехавшего люда, не успевшего обстроиться. Из одноэтажных домов лучше других дом уездного начальника, стоящий среди десятка старых лип (тополей. — А. П.) и выстроенный из материала, оставшегося от дома адмирала Завойко. Недавно вблизи полицейского управления выстроен хороший дом для городского училища и дом благочинному. На улицах и пустырях города бросается в глаза масса битаго бутылочного стекла и жестянок от консервов, точно нет других отбросов, или те аккуратно прячутся, а эти нарочно оставляются у всех на виду как эмблема местной жизни. А что жизнь здесь хмельная, то об этом свидетельствует и масса питейных заведений — “распивочно и на вынос”, и продажа во всех лавках водочных изделий... Ни гостиницы, ни постоялого двора в городе нет. На склоне Никольской горы, обращённом к лагуне, расположена братская могила. Вблизи её, на месте, занятом теперь под склады и магазин Чурина, видны остатки фундамента бывших казарм Петропавловского гарнизона, а против них остатки рва и вала батареи, долженствовавшей встретить неприятеля, если бы он вздумал высадиться у лагуны» [23, с. 429—430].

В 1908 г. в Петропавловске было три церкви, три казённых здания и 69 частных домов. Проживал 351 чел. (мужчин — 191, женщин — 160). У жителей в хозяйствах имелось 60 голов крупного рогатого скота и 589 ездовых собак. Почти у каждого постоянно проживавшего в городе имелся огород. Кроме немногочисленных служащих все вели натуральное хозяйство, обеспечивая себя всем необходимым: занимались огородом, заготовкой рыбы летом и охотой зимой. Кто не умел этим заниматься, в городе не задерживался. Местные жители приезжих и временно проживавших в Петропавловске называли мурками. В 1907 г. было зарегистрировано шесть умерших и 21 новорожденный. Старостой города в эти годы был купец Чупятов [23, с. 442—444].

Позитивные изменения на Камчатке и в Петропавловске стали происходить, когда по одобренному Государственным Советом и Государственной Думой закону «Об административном переустройстве Приморской области и Сахалина», утверждённому Николаем II 17 июля 1909 г., была образована Камчатская область. В её состав вошли бывшие северные уезды Приморской области: Петропавловский, Охотский, Гижигинский, Чукотский, Анадырский и Командорский. Во главе области становился губернатор. Большинство территории Камчатки, как и раньше, входило в Петропавловский уезд.

Исполняющим обязанности губернатора Камчатской области был назначен Василий Власьевич Перфильев, который прибыл в областную столицу 16 августа 1909 г. С его появлением началось небывалое для Петропавловска строительство. По размаху и объёму его можно сравнить с первостроительством поселения для базы Второй Камчатской экспедиции в 1740 г., когда строились дома для её многочисленных членов, а в этот раз — для размещения областных ведомств и под жильё чиновников. Общее в этих строительных эпопеях было одно: привлечение рабочей силы со стороны: в XVIII в. привлекли 168 ительменов, а в XX в. — 300 китайцев и корейцев.

Решая только частные задачи — обеспечение областной администрации служебными помещениями, а чиновников жильём, В. В. Перфильев преобразил внешний облик города, создал почти на полвека его деловую инфраструктуру, внёс элементы цивилизации, отсутствовавшие до него. Во время исполнения им обязанностей губернатора Камчатской области (1909—1912) в Петропавловске было построено 22 здания, большинство из которых имели два этажа. Планомерная застройка территории города обозначила несколько новых улиц, а Большая (Ленинская), Озерная (Красин-

цев) и Судейский Городок (Красноармейская) приняли цивилизованный вид. На этих улицах расположились дома министерства внутренних дел, почты, казначейства, проsvещения и юстиции. В 1915 г. было достроено пять казённых зданий министерства юстиции, а в следующем году — здание Петропавловского уездного полицейского управления и архиерейский дом на улице Большой. После них казённых (государственных) зданий в Петропавловске не возводилось на протяжении долгих лет (эти дома почти до 1970-х гг. использовались для партийных и советских учреждений и под жильё новых чиновников).

Всего же в 1909—1916 гг. в Петропавловске было возведено 27 казённых домов на улицах Большой, Озерной и новой улице — Судейский Городок. Построенные по плану, они чётче обозначили имевшиеся улицы. За эти годы из частных домов достроились и появились улицы: Третья (Партизанская), Четвёртая (Гагарина) и Набережная. С улицы Большой на улицы, расположенные на склоне Петровской сопки, вели переулки [5, с. 73], которые связывали их друг с другом. На центральной улице появилось освещение и деревянный тротуар. Уже в бытность В. В. Перфильева Петропавловск принимал черты, хотя не очень ещё цивилизованного, но небольшого заштатного города. Однако, несмотря на оживление строительства в Петропавловске, он в эти годы оставался в прежних границах: от ручья Поганка (площадь Щедрина) до Култучного озера.

В период известных политических событий на Камчатке в 1917—1922 гг. город практически не строился, как и на протяжении последующих десяти лет. Представление об имевшихся в Петропавловске улицах даёт решение Камчатского губревкома «Утверждение наименований улиц», принятое 10 февраля 1923 г. [5, с. 73]. В нём названо десять улиц. Были переименованы следующие улицы: Большая (Первая) стала Ленинской; Вторая — Таможенной; Третья — Партизанской; Четвёртая — Нагорной; Озерная (Казначейская) — Никольской; Судейский Городок — Красной; Первая Поперечная — Завойкинской; Вторая Поперечная — Камчатской; Третья Поперечная — Командорской. Улица Набережная сохранила своё название.

Процесс расширения городской территории от исторического центра в южном и северном направлениях проходил медленно. Население Петропавловска в 1926 г. составляло 1 691 чел. За пределами Петропавловска в северном направлении в начале XX в. были только сёла Авача и Сероглазка. В 1910 г. у сопки Зеркальной (Зеркальце) на берегах Малой речки (ручей Фермерский, Совхозный; район улицы Кроноцкой) была организована сельскохозяйственная ферма по снабжению города сельхозпродукцией. К ней со временем от Озерновской косы была пробита просёлочная дорога, которая в 1914 г. была продолжена до села Завойко (город Елизово). Появление дороги позитивно сказалось на застройке Петропавловска на новой территории.

За Култучным озером, в районе нынешнего рынка у Комсомольской площади и главного здания государственного университета имени Витуса Беринга, в середине 1920-х гг. первыми стали размещаться подразделения камчатских пограничников. Район этот длительное время назывался Мангруппой — по месту дислокации маневренной группы камчатских пограничников (улица Максutowa). Там находились казармы пограничников, складские и хозяйственные сооружения (часть пограничников вместе с командованием размещалась до 1970-х гг. на Красноармейской улице в центре города). На территории нынешней краевой больницы находились различные учреждения ОГПУ-НКВД. В 1929 г. на базе сельскохозяйственной фермы был организован совхоз «Камчатский пионер имени Сталина» (Ближний совхоз, Петропавловский совхоз), что привело к некоторому росту жилищного строительства в нём. В районах размещения подразделений НКВД и совхоза стали появляться зачатки первых улиц.

Толчком для гражданского строительства в центре города и за его пределами в северном направлении послужил переезд в 1930 г. из Владивостока в Петропавловск правления и всех структур образованного в 1927 г. Акционерного Камчатского общества (АКО). Для размещения административных и жилых построек АКО Петропавловский

горисполком выделил территорию на склоне Мишенной сопки на берегу Култучного озера от Озерновской косы до северного берега озера. Тогда же, в 1930 г., официально была расширена городская территория в северном направлении от центра города. Город перешагнул длительно существовавшую границу. Она стала проходить «от Никольской горы по берегу бухты до городского кладбища, по склону Мишенной горы, за старый совхоз и по руслу речки на подножие Зеркальной горы, по подножию таковой за постройки ОГПУ, по хребту Петровской горы до Гремучего ключа, по руслу ключа до берега бухты и от берега бухты по прямой на Сигнальный мыс» [21, с. 72].

Склон Мишенной сопки до Култучного озера стремительно застраивался административными и ведомственными жилыми домами. В основном строились каркасно-засыпные бараки и немногочисленные рубленые двухэтажные дома. К середине 1930-х гг. только в ведении комхоза АКО находилось 74 жилых дома, насчитывавших 583 комнаты [21, с. 81]. Дома по склону Мишенной сопки образовали несколько улиц: Микояновскую (Ленинградская), Ключевскую, Вилюйскую, Первую Горную и Вторую Горную.

Хотя официально граница Петропавловска-Камчатского в начале 1930-х гг. перешагнула свою колыбель — берег Петропавловской бухты, городом до 1950-х гг. не только жителями его, но и в официальных документах продолжала считаться территория от Култучного озера до ручья Гремучего (площадь Щедрина). В этих границах в 1937 г., как писалось в газете «Камчатская правда» 18 ноября 1937 г., было всего восемь улиц (Ленинская, Таможенная, Партизанская, Нагорная, Завойкинская, Набережная, Красноармейская и Красинцев) и четыре переулка (Охотский, Беринговский, Командорский и Больничный), соединявшие улицы на склонах Петровской сопки. До начала строительства судоремонтного завода на берегу бухты Раковой оставался ещё год. Сёла Авача, Сероглазка и совхоз «Камчатский пионер имени Сталина» были самостоятельными поселениями. В каждом из них было несколько улиц.

До 1940-х гг. городские строения заканчивались перед совхозом «Камчатский пионер имени Сталина», который находился в районе нынешней улицы Кроноцкой и считался далёкой окраиной.

На 8-м километре в районе нынешних улиц Кавказской и Карагинской был безымянный посёлок лесоучастка коммунального хозяйства АКО, работники которого заготавливали дрова для Петропавловска. Лесосеки находились у Воробьиного, Плоского и Синичкиного озёр. Дрова вывозили с лесосек в город на лошадях. В посёлке были четырёхклассная школа, магазин, два склада и контора лесоучастка [22, с. 4—6].

В связи со строительством тресколовой базы на побережье Авачинской губы в первой половине 1930-х гг. возникло новое поселение. Названо оно было по одноименной бухте — база Моховая, затем — Моховая.

В предвоенные и военные (1941—1945) годы большое влияние на облик и развитие инфраструктуры Петропавловска-Камчатского оказывали, наряду с АКО, воинские части. Сухопутные войска появились в окрестностях города в 1938—1939 гг. Они размещались первоначально рядом с пограничниками, а затем стали занимать в основном территорию от пограничников до села Халактырка и в районе 6—9-го километров Елизовского шоссе. Состояли военные городки из деревянных одноэтажных и редко из двухэтажных домов.

Территория в восточном направлении от Петропавловска в сторону села Халактырка осваивалась военными интенсивно. Созданная ими инфраструктура от нынешней Комсомольской площади до посёлка Долиновка сохранилась до настоящего времени. Военные городки разных подразделений вплотную подходили друг к другу. В них жили практически только военные и члены их семей. Территория была настолько закрытой, что на неё была распространена пропускная система через КПП (контрольно-пропускные пункты). КПП № 1 стоял там, где сейчас находится памятник «Танк Т-34» на Комсомольской площади. КПП № 2 размещался на развилке: Халактырский аэродром — село Долиновка. От КПП № 1 до Халактырского аэродрома дорога именовалась Халактырским шоссе. Жители города район КПП № 1 называли — КП. (Чтобы как-то оправдать это своеобразное название, в 1962 г. пересечение дорог в этом месте назвали Комсомольской площадью.) Сами же военные

городки названий не имели. Не имели их и городки, расположенные на 6—9-м километрах Елизовского шоссе.

Вдоль дороги на 6—9-м километрах рядом с военными находились редкие дома подсобных хозяйств предприятий и организаций Петропавловска-Камчатского и выделенные им в 1940 г. поля. Небольшие поселения не имели официальных названий. В документах их именовали подсобными хозяйствами соответствующих предприятий, а чаще они назывались по определённым километрам Елизовского шоссе — по месту их расположения: 6-й километр, 9-й километр. На 5—6-м километрах находились подсобные хозяйства: горкомхоза — 12 га, горкоммунстроя — 20 га, мехмастерских — 7 га; на 7-м километре: Камчатрыбстроя — 40 га [25, с. 397—398]. К концу 1940-х гг. на 6-м километре проживали: в подсобном хозяйстве комхоза Главкамчатрыбпрома — 646 чел. и Камчатторга — 49 чел.; на 9-м километре: в подсобном хозяйстве Морлова — 46 чел. и хлебокомбината — 19 чел. [7, л. 219—225]. В районе 6-го километра стали формироваться улицы из индивидуальных домов работников подсобных хозяйств — будущие улицы Первая Дачная, Вторая Дачная и Третья Дачная, Орджоникидзе, Толстого и Чехова (сейчас это микрорайон Дачный).

В совхозе имелось четыре улицы: Заречная, Зеркальная, Первомайская и Совхозская. Первые дома напротив совхоза (в районе нынешних улиц Карьерной и Батарейной) стали появляться в начале 1940-х гг. Они образовали затем улицы Лесную, Первую Лесную, Вторую Лесную и Третью Лесную.

В 1947—1949 гг. стали строиться каркасно-засыпные бараки на 4-м километре рядом с улицей Лесной — и появился Зеркальный проезд (ныне Туристический проезд). Бараки были на склоне, где сейчас стоит храм Святой Живоначальной Троицы. К 1954 г. там уже стояло 22 барака с печным отоплением и удобствами на улице (и столько же домов барачного типа, но только из шлакоблоков было на Зеркальном проезде). В эти же годы на улице Зеркальной появилась исправительно-трудовая колония № 1 (1952—1989). На этих строениях до 1957 г. и заканчивался город Петропавловск-Камчатский. Дальше была территория Елизовского района.

Освоение территории по берегу Авачинской губы в южную сторону по отношению к историческому центру Петропавловска началось только с 1934 г., когда в бухте Раковой стала строиться судоремонтная верфь (посёлок Индустриальный; его ещё называли Третьей стройкой). В посёлке Индустриальном в 1936—1939 гг. появились улицы Индустриальная, Заводская, Сахалинская и улицы в Копае. В эти годы застраивался берег Богородского озера. В марте 1940 г. в этом районе закрепились названия улиц: Лаперуза, Береговая и Озерная. С посёлком судоремонтников тогда связывались по бухте и по лесной тропинке вдоль бухты по подножию сопки. Строительство дороги от города до посёлка начали в 1939 г. и закончили летом 1941 г. Появление дороги, которая связала посёлок Индустриальный с центром Петропавловска-Камчатского, положительно сказалось на строительстве жилья вдоль неё и на возникновении новых улиц.

Район Богородского и Солёного озер, Кислой ямы и ручья Гремучего (площадь Щедрина) с 1938 г. стали занимать городки военных моряков Тихоокеанского флота и морских пограничников. Здесь появились улицы Огородная (Рябиковская), Солёное Озеро, Морская.

В конце 1940-х гг. в районах проживания работников Петропавловск-Камчатского морского торгового порта и Камчатского морского пароходства возникли улицы Красная Сопка, Портовская, Морстроя, Курильская, Сапун-гора, Корякская и Океанская.

Ещё в 1948 гг. в центре города имелись переулки: от драматического театра до улицы Красинцев — Театральный; с улицы Ленинской на улицу Советскую — Охотский, Восьмого Марта, Командорский и Больничный. Впоследствии на некоторых из них были установлены лестницы, названия исчезли.

Практически все государственные учреждения области и города в этот период размещались на улицах Ленинской и Советской. На Ленинской улице (от здания нынешнего правительства Камчатского края на площади Ленина) находились: краеведческий музей, драматический театр, почта, чайная, кинотеатр «Полярная звезда», аптека, городской комитет ВКП(б), горком ВЛКСМ, городская больница,

Госбанк, гидрометеослужба, управление ГВФ (Гражданского воздушного флота). На улице Советской (от здания нынешнего правительства Камчатского края) находились: городская баня (в здании бани размещалась и городская милиция), горисполком, управления КГБ и УВД, городская электростанция, управление связи, радиокомитет, управления Гражданстроя и Камчатрыбстроя, лесничество, сберкасса [10, л. 65—69].

С ликвидацией в 1949 г. Петропавловского района и созданием на его территории Елизовского района отошли к последнему населённые пункты в окрестностях города (Авача, Моховая, Сероглазка и Халактырка, а также постройки от 5-го километра в сторону Елизово).

Жилищное строительство в Петропавловске-Камчатском в этот период не носило ещё чёткого планового характера и велось в основном в частном порядке. Дома преимущественно были одноэтажные. Часть улиц в военных городках и в районах индивидуальной застройки были безымянными, а если и имели названия, то только стихийные, официально не закреплённые.

Только с 1951 г. Петропавловский горисполком стал принимать активные меры к упорядочению наименований улиц и нумерации домов. Так, в 1951 г. получили новые имена улицы на 4-м километре: Первая Лесная стала Батарейной; Вторая Лесная — Алеутской; Третья Лесная — Елизовской. Улица Лесная (улица Владивостокская, район нынешних домов № 17—41) сохранила своё название. Появившиеся две новые улицы были названы Сопочной и Карьерной [11, л. 33, 34].

В 1951 г. были утверждены названия новых улиц: Макарова, Семёна Удалого, Лазо, Чкалова, Крупской, Пролетарская, Некрасова, Школьная, Свердлова, Стахановская, Первая Командорская, Вторая Охотская.

В 1952 г. впервые получили официальные имена 22 улицы военных городков, расположенных по сторонам Халактырского шоссе, тянувшегося от КПП № 1 (район памятника «Танк Т-34») в сторону Халактырского озера: Артиллерийская, Атласова, Боевая, Высотная, Гастелло, Дальняя, Кутузова, Олега Кошевого, Невского, Пограничная, Полевая, Ракетная, Солнечная, Суворова, Спортивная, Степная, Стрелковая, Тундровая, Лизы Чайкиной, Чапаева, Шевченко, Любви Шевцовой. Улицу Мангруппа переименовали в улицу Култучную [9, л. 18, 19].

В других районах города в этом же, 1952 г., были образованы улицы: Папанина, Гоголя, Пржевальского, Крашенинникова, Закхеева, Комарова, Краснофлотская, Белинского [12, л. 26, 27], Толстого, Чехова, Маяковского, Горького, Ломоносова, Пирогова, Пожарского, Кольцевая. В центральной части города на Петровской сопке в начале 1950-х гг. возникли улицы Завойко и Петровская.

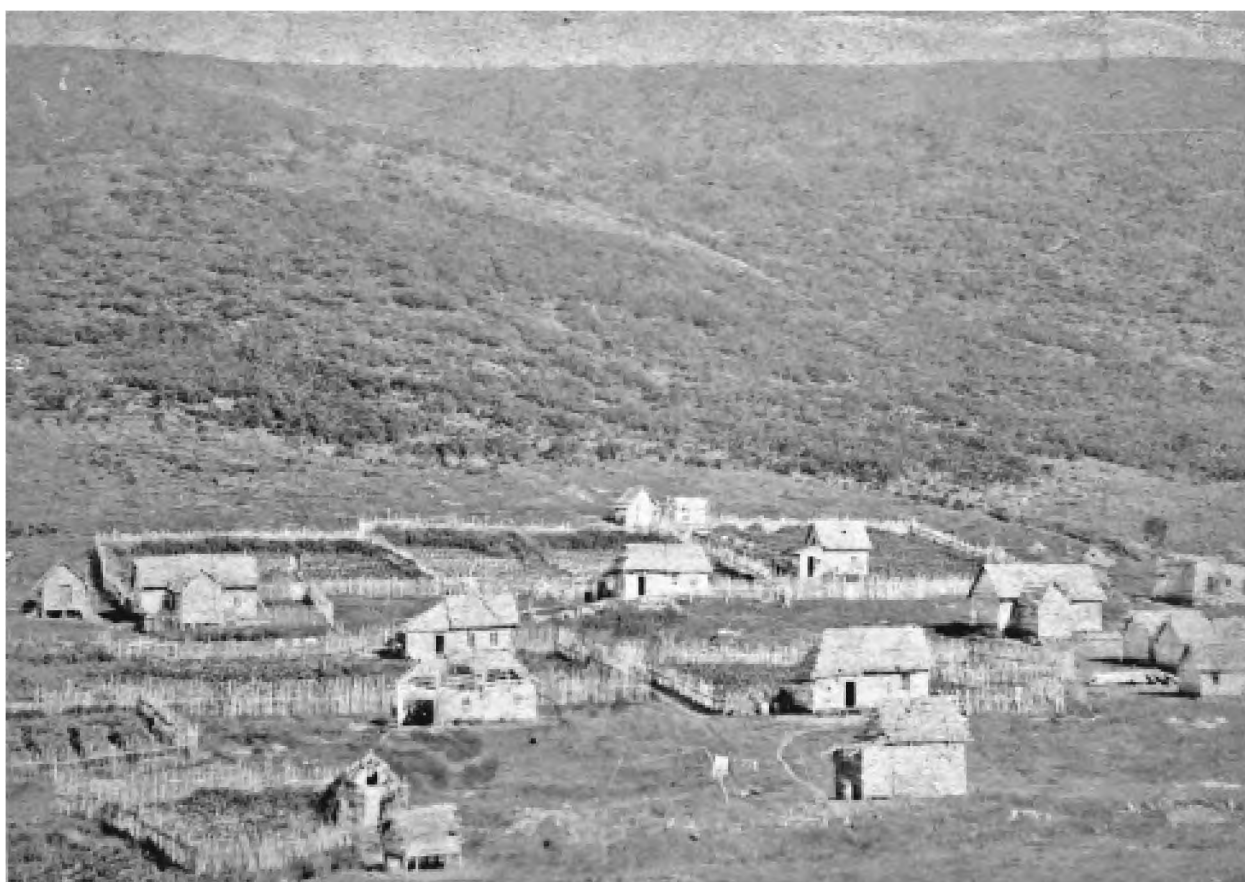
В 1952 г. в Петропавловске-Камчатском уже насчитывалась 101 улица.

Рост количества улиц в городе продолжался в 1953—1954 гг. В 1953 г. получили имена улицы: Будённого, Гайдара, Седова, Пионерская, Крутая, Чернышевского, Павлика Морозова, Тельмана, Ширшова, Академика Павлова, Академика Обручева [13, л. 53, 54]. В 1954 г. были названы улицы: Лермонтова, Тургенева, Шмидта, Хабарова, Челюскинцев, Комсомольская. Улица Култучная была переименована в улицу Максутава.

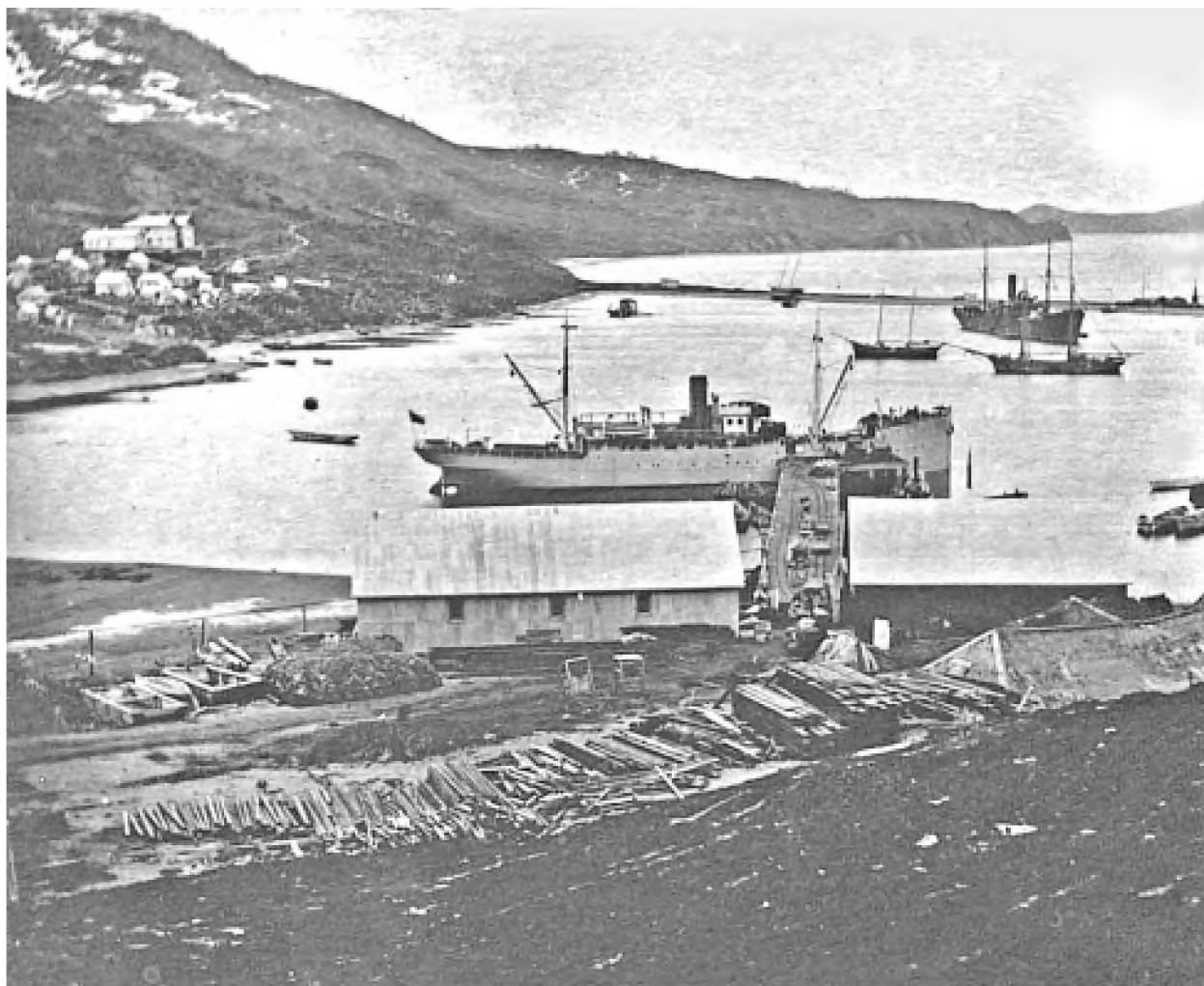
В первой половине 1950-х гг. в Петропавловске-Камчатском ранее обособленные сёла и посёлки: Авача, Сероглазка, Моховая, совхоз «Камчатский пионер имени Сталина», район АКО и посёлок Индустриальный, а также многочисленные военные городки — стали стремительно сливаться с историческим центром города. Их улицы стали смыкаться. Пока данные поселения были автономны от Петропавловска-Камчатского, проблем с перевозками людей не возникало. Люди жили и работали в своём селе или посёлке и редко совершали поездки в другие поселения. Но к названному времени город чиновников превратился в город моряков, рыбаков, портовиков, судоремонтников и строителей. Возникли новые предприятия, разбросанные по его территории, и объекты культуры, жизненно необходимые уже не маленькому городу. Назрела необходимость пассажирских перевозок. Первоначально они осуществлялись ведомственным транспортом, а затем и городским. Возили пассажиров на грузовых машинах с брезентовым верхом и со скамейками в кузове. Их называли «грузтакси».

Центральная улица Петропавловска, 1880-е гг. На переднем плане мостик,
перекинутый через текущий с Петровской сопки ручей.
ККМГИ 23069

Городская панорама, 1880-е гг.
ККМГИ 23077

Петропавловск, 1911 г. У пристани стоит пароход Добровольного флота «Ставрополь». Слева — двухэтажное здание больницы, справа на портовой кошке — памятник «Слава». На переднем плане — лесоматериалы, привезённые для строительства казённых зданий.

ККМГИ 6038

Снежные заносы в Петропавловске, 1916 г.

ККМГИ 23502

Регулярное автобусное движение наладилось в Петропавловске-Камчатском в 1953 г. (в 1951 г. оно было ещё нерегулярным). С того времени начинается история названий автобусных остановок в областном (теперь краевом) центре [30].

Первый автобусный маршрут по улицам города был: облизполком (или же Дом флота, находившийся рядом с облизполкомом) — КПП (контрольно-пропускной пункт; современная Комсомольская площадь). Через два года маршрут стал немного длиннее: Дом флота — хлебозавод (хлебозавод — район нынешнего краевого УМВД). В 1959 г.: 5-й километр — судоверфь (СРВ). До 1967 г. автобусный маршрут увеличивался почти через каждые год-два в северном направлении по Елизовскому шоссе до 6-го, 7-го и 10-го километров. Стоит отметить, что в первые годы автобусного движения в Петропавловске-Камчатском горожане на остановках занимали очередь и согласно ей садились в автобус. До жестянобаночной фабрики (ЖБФ) был маршрут № 1, до лесозавода — № 2 и до СРВ — № 3. Эти маршруты десятилетиями имели свои номера. Потом уже пролегли маршруты в сторону Халактырского аэропорта, Сероглазки, Моховой, Авачи и других посёлков в пригороде Петропавловска-Камчатского.

До 1955 г. в Петропавловске-Камчатском все дороги на улицах города были грунтовыми, и только центральная трасса — гравийной. В летнюю пору боролись с пылью, поливая её водой. В 1955 г. бетоном была покрыта только улица Ленинская. Но уже к 1960 г. асфальтовое полотно доходило до 5-го километра.

В 1957 г. граница Петропавловска-Камчатского за счёт Елизовского района передвинулась с 5-го до 10-го километра. Сёла Авача и Сероглазка, посёлок Моховая и поселения вдоль Елизовского шоссе вошли в состав города. В связи с этим с 1957 по 1962 г. были переименованы многие старые улицы. Одни — в связи с одноименными названиями, другие — как не несущие в себе никакой информации, а также по идеологическим соображениям.

Если географические названия сохраняются длительный период и более стабильны и редко меняются, то наименования внутри поселений даже за малый период времени подвергаются большим изменениям. На них быстро отражаются не только изменения политики и идеологии в государстве, но и социально-экономическое состояние в поселениях. Отражались и отражаются они особенно в названиях улиц. В декабре 1957 г. была переименована часть улиц: Микояновская стала Ленинградской, Папанина — Дежнева, Будённого — Шелихова, Ларинская — Чирикова [14], а чуть позже улица Вышинского стала улицей Дзержинского. В связи со слиянием с городом новых районов в этом же году были переименованы улицы с одинаковыми названиями. Так, в районе 8-го километра улица Октябрьская стала Карагинской, а Первомайская — Кавказской [15, л. 24]. В 1960 г. улица Лесная на 4-м километре была переименована во Владивостокскую. А в следующем году улица Нагорная в центре города стала улицей Гагарина.

Стоит заметить, что в Петропавловске-Камчатском после развала СССР (1991) не была переименована ни одна улица.

Большие изменения в названиях улиц произошли в 1962 г. в сёлах Авача и Сероглазка, посёлке Моховая. Это было связано с тем, что в данных населённых пунктах многие улицы уже имели аналогичные названия в городе. В указанных посёлках было переименовано 37 улиц и получили названия три безымянные [16, л. 33—35]. Однако новые имена носили в основном случайный характер и не отражали историю поселений.

Так, в селе Авача улица Набережная стала Приморской, Колхозная — Волжской, Северная — Красноярской, Школьная — переулком Светлым, Речная — Енисейской. Улица Связи получила имя русского изобретателя радио А. С. Попова [16, л. 33—35].

В посёлке Моховая улица Беринга стала именоваться Иркутской, Гоголя — Ангарской, Пушкина — Братской. Улица Центральная была переименована в улицу Арсеньева — в честь исследователя Дальнего Востока, путешественника и писателя В. К. Арсеньева, а Садовая получила имя А. Н. Крылова — кораблестроителя, механика и математика, академика Академии наук СССР, Героя Социалистического Труда. Сохранила своё название улица Лихачёва, названная в честь И. А. Лихачёва —

директора Московского автомобильного завода (ставшего имени Лихачёва) в 1926—1950 гг., министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР в 1953—1956 гг. [16, л. 33—35].

В селе Сероглазка улица Трудовая была переименована в Фестивальную, Маяковского — в улицу Запарина. Она была названа в честь командира взвода Особой Краснознамённой Дальневосточной армии Константина Дмитриевича Запарина, героически погибшего во время военной провокации на Китайско-Восточной железной дороге в июле 1929 г. Заводская улица получила имя П. Ф. Чуркина, штурмана, впервые составившего карту бухты Золотой Рог в Приморье.

Во второй половине 1950-х гг. на карте Петропавловска появились улицы: Невельского, Минина, Декабристов, Серышева, Доватора, Панфилова, Сибирцева, Котовского, Бонивура, Ватутина, Северная.

В 1960 г. город в современных границах насчитывал уже 190 улиц.

23 января 1956 г. Камчатская область вышла из подчинения Хабаровскому краю и стала самостоятельной, что положительно сказалось на развитии Камчатки и Петропавловска-Камчатского. В городе стала интенсивно развиваться промышленность, особенно рыбодобывающая, активизировалось жилищное строительство и улучшалось благоустройство. Такое Петропавловск ощущал уже дважды — в 1849—1855 и в 1909—1916 гг., когда Камчатка становилась самостоятельной. Начался «золотой век» Петропавловска.

Появилась возможность более активно реализовывать планы жилищного строительства, сокращать долгострой. Стремительно менялся облик Петропавловска, особенно его исторического центра, в котором убирались деревянные дома старой постройки и возводились многоэтажки. В 1956 г. в центре города было построено здание обкома КПСС на улице Ленинской (№ 52), ближе к Култучному озеру — кинотеатр «Камчатка». Кинотеатр открылся 5 ноября 1956 г. показом фильма «Сорок первый». В «Камчатке» было два кинозала: «Голубой» и «Розовый».

Зданиями обкома КПСС и кинотеатра продолжился ряд каменных многоэтажек на главной улице, возведённых в 1950 и 1954—1955 гг., где находились гостиница «Восток» (Ленинская, 40), магазин культтоваров (Ленинская, 34), продовольственный магазин (Ленинская, 32) и другие. В 1957—1960 гг. шло строительство ГУМа (открыт в апреле 1962 г.), Дома связи, административного здания УТРФ. В 1963 г. появился морской вокзал, а в следующем — новое здание драматического театра. С того времени улица Ленинская стала принимать почти тот вид, который имеет сейчас.

В южной части города в 1958 г. завершалось строительство группы жилых домов для портовиков, работников Камчатского морского пароходства и судоремонтников на улицах Красная Сопка, Океанская и Индустриальная. Ранее оторванный от центра города, этот район стал ближе к нему. Этому способствовало развитие общественного транспорта. В 1958 г. пассажиров в Петропавловске-Камчатском перевозили 56 автобусов и 23 такси. С 1959 г. автобусное движение началось до посёлка Индустриального и села Елизово.

Строительные тресты Камчатморгидрострой, Камчатрыбстрой и Камчатстрой, нарастив свои мощности, стремились к освоению индустриального жилищного строительства, позволявшего не только возводить отдельные объекты, но и вести комплексное строительство жилых микрорайонов. Первым из них стал район на 5-м километре (улица Лесная, переименованная позже в улицу Владивостокскую). На его пустырях с 1958 г. началось возведение многоэтажных жилых домов для рыбаков. Этот микрорайон, по примеру Москвы, назвали Черёмушками. Здесь сразу же строились детский сад, магазин и ресторан «Космос».

С завершением строительства этого небольшого микрорайона началось возведение жилого массива вдоль Елизовского шоссе на 6-м километре. Дома уже стали строить не из мелких блоков, а из крупных, что значительно сокращало сроки работ. В 1962—1965 гг. на 6-м километре возник большой жилой район с развитой социальной инфраструктурой: школой № 7, столовой, магазином «Дом книги», аптекой № 44, магазином промышленных товаров «Спутник», двумя детскими садами.

В эти годы многоэтажки стали появляться в районе школы № 9 на улице Кутузова. С введением в строй 8 февраля 1966 г. Петропавловского домостроительного комбината возможности строителей возросли в несколько раз. Стройки охватили весь город. За два года несколько десятков домов были построены в районе 7-го километра. На пустом ранее месте возникли несколько улиц. С открытием там магазина промышленных товаров «Силуэт» за этим районом закрепилось данное название. Меняли свой облик улицы Пограничная, Океанская, Зелёная Роща.

Многоэтажные дома в районе бывшего Петропавловского совхоза (улицы Кронцовская, Владивостокская и Ботанический проезд), 8—10-го километров появились в 1970 г. После основной их застройки город вышел на свободные пространства бывших полей Петропавловского совхоза, отходя от традиционного строительства вдоль «красной линии». Стал застраиваться будущий микрорайон Зазеркальный (в народе — БАМ).

В первой половине 1970-х гг. в городе были построены здания с отличительной и заметной архитектурой: гостиница «Авача» и Дом быта на Комсомольской площади, ЦУМ «Петропавловск» на проспекте 50 лет Октября, Дом быта «Чайка» на улице Ленинской, Дом пионеров, Институт вулканологии, а во второй половине — административные здания для облисполкома и горисполкома.

В 80-х гг. XX в. Петропавловск продолжал менять свой облик, особенно в окрестностях. Застраивались ранее не освоенные территории в отдельных его районах. В южной части города возник комплекс зданий на улице Пономарёва, в северной — на Автомобилистов и Карбышева, в микрорайоне Горизонт-Север. Во второй половине 1980-х гг. быстро застраивался микрорайон Северо-Восток, который вывел город на новые границы.

Перечислять построенные за эти годы (1980-е) здания невозможно, однако без указания заметных, определяющих лицо города не обойтись. В новые современные здания из стекла и бетона переехали областная научная библиотека имени С. П. Крашенинникова, педагогическое училище, детская поликлиника № 1. Домостроители получили в своё распоряжение спортивно-культурный комплекс «Авангард». На проспекте Победы открылся плавательный бассейн, в центре Петропавловска — магазин «Холкам» и водно-оздоровительный комплекс «Бодрость». В 1985—1987 гг. были построены здания Камчатского областного управления внутренних дел. В последние дни 1986 г. вошёл в эксплуатацию гостиничный комплекс «Гейзер». С апреля 1988 г. стали работать городской аэровокзал и гостиница «Петропавловск». В 1987 г. напротив ЦУМа «Петропавловск» в городе заработал фонтан.

Бурное жилищное строительство в 1958—1990 гг. привело к появлению в Петропавловске-Камчатском новых улиц. (Процесс их образования в городе в XX в. завершился с прекращением жилищного строительства в начале 1990-х гг.) Интенсивно город стал прирастать улицами с 1967 г.: в этом году появились их новые имена: Бохняка, Войцешка, Давыдова, Тушканова, Лукашевского, 50 лет Октября; через два года — проспект Рыбаков и бульвар Рыбацкой Славы.

В 1973 г. в Петропавловске было 260 улиц. Только за 1974—1997 гг. в нём прибавилось 33 улицы. Они стали чаще получать названия, связанные с историей города и его людьми. Так, в 1971 г. появилась улица Молчанова, в 1972 г. — Штурмана Елагина, в 1973 г. — Чубарова, в 1976 г. — бульвар Пийпа. В феврале 1987 г. появились улицы Ларина, Топоркова и Виталия Кручины, в сентябре 1988 г. — улица Обороны 1854 года, в июне 1989 г. — улица Фролова, в 1992 г. — улица Старицына и переулок (ныне улица) Заварицкого; в 1991 г. — улицы Флотская и Якорная. В октябре 1997 г. в микрорайоне Северо-Восток новый проспект получил имя А. И. Таранца. Следующая новая улица (Берёзовая) появилась в городе почти через десять лет, в начале XXI в.

Вместе с тем, с 1974 г. более двух десятков названий улиц с карты города исчезло. На ряде улиц осталось только по несколько домов. Это на таких, как Лисянского, Академика Обручева, Крутая, Сопочная, Пионерская, Гоголя, Чехова и Толстого.

В Петропавловске наряду с улицей Океанской были Первый Океанский и Второй Океанский проезды, названные так в 1962 г. Через несколько лет проезды получили

имена знатных капитанов Камчатского морского пароходства — Я. М. Драбкина и С. П. Беляева. В год 50-летия Пограничных войск (1968) береговой улице Солёное Озеро было присвоено имя командира дивизиона пограничных кораблей капитана 3-го ранга Никифора Игнатьевича Бойко, героически погибшего 6 августа 1945 г. в бою с самолётами — нарушителями государственной границы СССР. Несколько улиц Дачных, на которых снесли старые дома и построили жильё для рыбаков, были переименованы в проспект Рыбаков и бульвар Рыбацкой Славы, хотя за микрорайоном сохранилось название Дачный.

Ещё несколько слов о названии некоторых улиц города. Улица Партизанская была названа в честь красных партизан, а Никольская в 1934 г. была переименована в улицу Красинцев — в честь экипажа ледокола «Красин», который во время стоянки в порту отремонтировал городскую электростанцию, школу им. А. М. Горького, перенёс памятник В. Берингу и благоустроивал Петропавловск-Камчатский. Улица Таможенная стала Советской. Микрорайон, где расположен лесозавод, длительное время назывался Второй площадкой или Второй стройкой. Находившаяся там улица Огородная в 1945 г. была названа Рябиковской.

Улица Ключевская названа по имевшимся в её начале множеству ключей, которые били на склоне Мишенной сопки. Название улицы Аммональная Падь произошло от взрывчатого вещества аммонала, которое применялось для взрывных работ при строительстве СРВ и хранилось в складах на берегу Кабан-ручья.

Улицы напротив совхоза «Камчатский пионер имени Сталина», образованные в конце 1940-х гг. из домов индивидуальной застройки, получили свои названия Батарейная и Карьерная — от стоявшей выше городского кладбища в годы войны зенитной батареи и от каменно-щебёночного карьера на Мишенной сопке.

Историю города можно проследить по названиям большинства его улиц, проспектов, бульваров, переулков, проездов. Эпоха открытия и освоения Дальнего Востока и Камчатки первыми землепроходцами, посещение полуострова великими мореплавателями и учёными нашли отражение в названиях почти двух десятков улиц Петропавловска Камчатского. Они носят имена В. В. Атласова, С. И. Дежнева, В. Й. Беринга, А. И. Чирикова, И. Ф. Елагина, Ж. Ф. Лаперуза, Г. И. Невельского, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера, В. Л. Комарова, В. К. Арсеньева и других.

О подвиге защитников Петропавловского порта в августе 1854 г. напоминают улицы Завойко, МаксUTOва, Семёна Удалого, Обороны 1854 года.

В честь героев гражданской войны, борцов за установление советской власти на Дальнем Востоке и Камчатке: И. В. Рябикова, Г. М. Елизова, Б. Давыдова, Л. Я. Тушканова, Я. Войцешка, И. С. Бохняка, А. С. Лукашевского, И. Е. Ларина, А. С. Олейника (Топоркова), Н. П. Фролова, М. И. Савченко, М. П. Вольского и других — названа 21 улица краевого центра.

Имена героев Великой Отечественной войны носят 13 улиц города. Среди них есть названные в честь бывших военнослужащих Петропавловского гарнизона Н. А. Вилкова, П. И. Ильичёва, Г. Ф. Кирдищева, Н. И. Бойко.

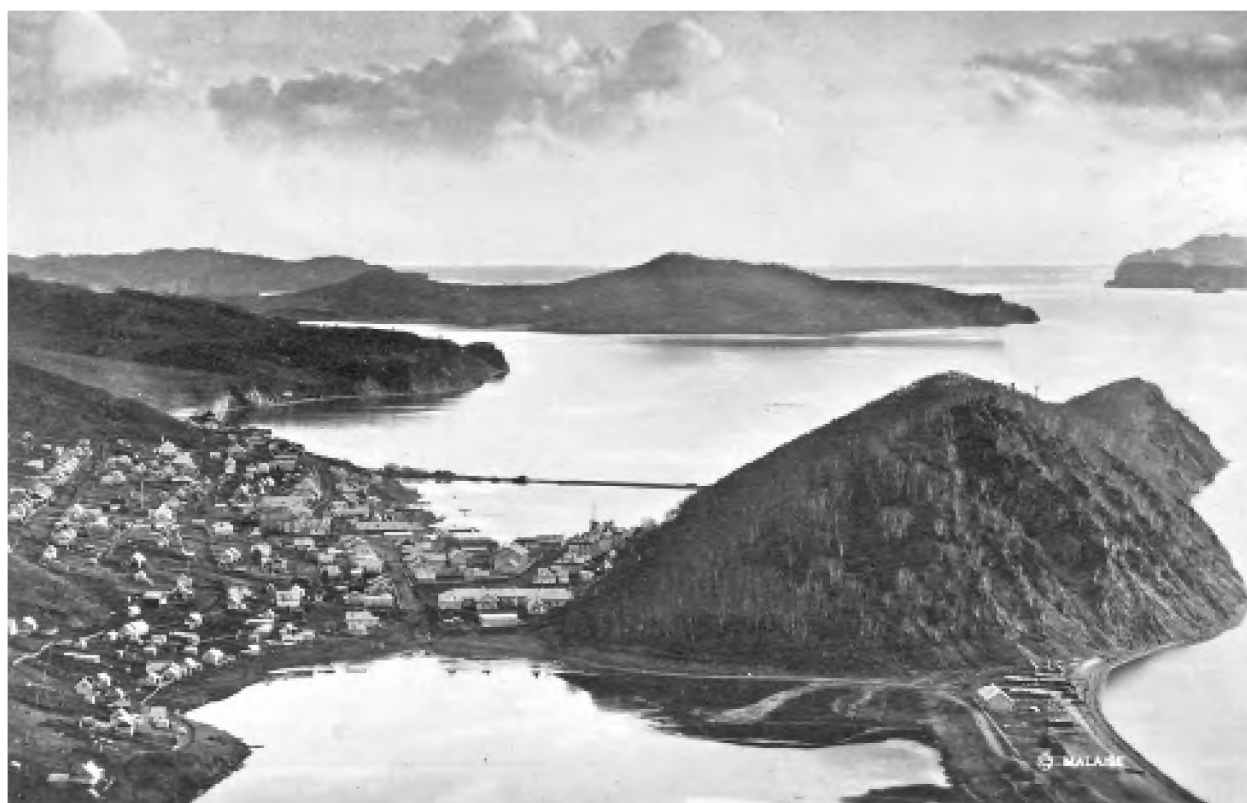
Многие улицы названы именами тех, кто отдал не один десяток лет трудовой жизни Петропавловску-Камчатскому и оставил заметный след в его истории. Это улицы, названные в честь М. К. Старицына, А. И. Таранца, Б. И. Пийпа, Л. С. Молчанова, знатных капитанов С. П. Беляева и Я. М. Драбкина и в память о погибших — капитане рыболовного траулера С. Л. Закхееве и милиционере А. Н. Кулишове.

В названии ряда улиц отражены основные профессии тружеников города: проспект Рыбаков, бульвар Рыбацкой Славы, Судоремонтная, Портовская, Геологическая, Автомобилистов, Строительная, Красноармейская, Краснофлотская, Пограничная, Стрелковая, Артиллерийская.

В таких названиях улиц, как Вилюйская, Корякская, Карагинская, Мишенная, Зеркальная, — география Камчатки, а в таких, как Владивостокская, Сучанская, Сахалинская, Уссурийская, Якутская, Амурская, Иркутская и Омская, — география Дальнего Востока и Сибири, связь с Большой землёй.

В город пришла весна. Петропавловск, май 1916 г. Видны тротуары из досок.
На столбе висит фонарь «Солнце».
Ф 9077

Вид Петропавловска с Мишенной сопки. Фото Р. Малёса. 1920-е гг.
ККМГИ 26546

Город встречает «хозяев Камчатки» — делегатов окружного съезда Советов. Конец 1920-х гг.
НВФ 2664

Стадион на Никольской сопке, конец 1930-х гг.
ККМГИ 29622/29

Первые шлюпочные соревнования в Авачинской губе, 1936 г. НВФ 4424

Парк культуры и отдыха на Никольской сопке, 1938 г. НВФ 2648

Петропавловский порт. Середина 1930-х гг.
НВФ 4252

Часть наименований улиц возникла и закрепились стихийно, их дали в основном признаки окружающей местности: Ключевская, Береговая, Высотная, Тундровая, Северная.

Не обошли город стороной названия, символизирующие советский строй и включающие имена идеологов социализма, как во всех городах бывшего СССР: Ленинская, Советская, Октябрьская, Крупской, Дзержинского, Орджоникидзе, проспекты 50 лет Октября и Карла Маркса и множество других, не имеющих к Петропавловску никакого отношения. Однако они отражают часть нашей общей истории.

Стоит сказать об отдельных персоналиях, чьими именами названы улицы Петропавловска-Камчатского. Интересен в этом отношении составленный секретарём Камчатского облисполкома И. Хомиком «Список улиц Петропавловска, носящих имена общественных, государственных, политических, исторических деятелей и деятелей литературы и искусства на 1957 год» [8, л. 65, 66]. В нём перечислено 65 чел., именами которых названы улицы города, и только 14 — чья деятельность так или иначе была связана с Камчаткой и Дальним Востоком. Конкретно: Ларинская, Завойко, Закхеева, Рябиковская, Комарова, Максутова, Папанина, Беринга, Крашенинникова, Невельского, Лаперуза, Вилкова, Атласова и Хабарова. В Петропавловске-Камчатском в то время имелось 167 улиц.

Практика присвоения улицам имён личностей, имеющих отношение к городу, Камчатке и Дальнему Востоку, начала складываться в 1957—1967 гг. С 1957 по 1997 г. на карте города в названиях улиц появилось ещё 31 такое имя. Таким образом, в 1997 г. было уже 45 улиц, названных в честь дальневосточников, и в том числе камчатцев.

В настоящее время в Петропавловске-Камчатском 114 улиц носят имена персоналий. Однако улицы города досоветского периода не носили имён определённых лиц. В советское время улицы длительное время также почти не назывались именами персоналий. В 1930-х гг. было всего три улицы, названные в честь конкретных лиц: В. И. Ленина, А. И. Микояна и В. С. Завойко (в эти же годы улица Завойкинская была переименована в Ларинскую — в честь И. Е. Ларина). В 1940-х годах к ним добавились улицы, носящие имена Ж. Ф. Лаперуза, И. В. Рябикова, В. Й. Беринга.

О ряде названий улиц в честь персоналий стоит рассказать более подробно.

Большую группу личностей, чьими именами названы улицы Петропавловска-Камчатского, составляют те, кто в XVII—XX вв. открывал, покорял, исследовал Дальний Восток, Камчатку и Русскую Америку и моря, омывающие их. Это В. К. Арсеньев, В. В. Атласов, В. Й. Беринг, С. И. Дежнев, И. Ф. Елагин, А. Н. Заварицкий, В. Л. Комаров, С. П. Крашенинников, Ж. Ф. Лаперуз, Ю. Ф. Лисянский, С. О. Макаров, Г. И. Невельской, Б. И. Пийп, Г. В. Стеллер, А. И. Чириков, П. Ф. Чуркин, Е. П. Хабаров.

Их имена появились в названиях улиц Петропавловска-Камчатского по историческим меркам сравнительно недавно, в основном в 1950-х гг. Можно предположить, что до этого времени не было предпосылок со стороны государства называть в Петропавловске-Камчатском улицы их именами. Появились они, когда Камчатка в очередной раз становилась одной из точек для решения геополитических задач, а город — восточным форпостом государства. В названиях улиц закреплялись имена тех, кто присоединил Камчатку к России, изучал северо-восточные окраины государства и просторы Тихого океана и его морей, исследовал полуостров. Этим отмечалась неприкосновенность данной территории, её важность в структуре государства.

До 1950 г. в городе были две улицы, названные именами мореходов, Беринга, Лаперуза. В 1951 г. одна из улиц получила имя флотоводца С. О. Макарова. В 1952 г. были названы улицы в честь землепроходцев В. В. Атласова и С. И. Дежнева, естествоиспытателя С. П. Крашенинникова, учёного-ботаника В. Л. Комарова. Через два года появилась улица имени землепроходца Е. П. Хабарова, а в 1955 г. — мореплавателя Г. И. Невельского. В 1957 г. улица Ларинская была переименована в улицу Чирикова. В 1962 г. в посёлке Сероглазка улица Заводская получила имя военного моряка П. Ф. Чуркина, а в посёлке Моховая улица Центральная стала улицей Арсеньева. В 1960-х гг. появилась улица имени учёного Г. В. Стеллера; в 1972 г. —

мореплавателя и первостроителя Петропавловска И. Ф. Елагина. В 1976 г. имя учёного-вулканолога Б. И. Пийпа получил бульвар; в 1992 г. именем другого учёного-вулканолога — А. Н. Заварицкого был назван переулок (ныне улица).

Были в Петропавловске-Камчатском также улицы И. Д. Папанина и О. Ю. Шмидта. Имя И. Д. Папанина получила улица в 1952 г., однако уже в 1957 г. она была переименована в улицу Дежнева. Именем О. Ю. Шмидта улица была названа в 1954 г.

Период появления большинства названных выше имён на карте Петропавловска-Камчатского охватывает 1951—1984 гг. Самыми значимыми в этом отношении были 1951—1962 гг., когда из имеющихся ныне на карте города 17 улиц, носящих имена землепроходцев, мореплавателей и учёных, появилось 11.

Вместе с тем, приходится с большим запозданием сожалеть, что в эпоху интенсивного строительства города в 1960—1990-х гг. в списке тех, в честь кого назывались улицы, не нашлось места многим известным лицам прошлого, в том числе тем, чья деятельность была связана с изучением и освоением Дальнего Востока и Камчатки. Считаю, что на карте Петропавловска-Камчатского не хватает таких имен, как Г. А. Сарычев, И. Ф. Крузенштерн, В. М. Головин, П. Т. Новограбленов.

Сейчас, по истечении нескольких десятилетий после появления большинства улиц, названных в честь тех, о ком сказано выше, не важны основания и мотивы, по которым происходило присвоение названий, а важно то, что эти имена не забыты. Мы можем по праву гордиться тем, что в Петропавловске-Камчатском столько улиц носят имена известных исследователей.

Петропавловск-Камчатский по состоянию на 2014 г. имеет около 70 памятников, монументальных сооружений, мемориальных и памятных досок, в которых запечатлена его славная история. Они посвящены мореплавателям, героям Петропавловской обороны 1854 г., Великой Отечественной войны, Курильского десанта 1945 г. и других событий, а также известным и знатым лицам края. В том числе и тем, чьими именами названы улицы краевого центра. В 1973—1990 гг. в городе было установлено десять мемориальных досок с именами тех, в честь кого названы улицы Петропавловска-Камчатского. Мемориальные доски установлены на домах улиц, названных именами этих людей. Первая мемориальная доска с указанием, в чью честь была названа улица, появилась в городе в 1973 г. Она была посвящена Григорию Ивановичу Чубарову (1898—1950), участнику борьбы за установление советской власти на Камчатке, командиру разведывательных отрядов Красной Армии, уничтоживших остатки белых отрядов на Камчатке (1923).

Только через десять лет возобновилась практика установления таких досок на фасадах домов. Они были установлены:

— в июне 1983 г. на доме № 3 по улице Тушканова [20] — Леониду Яковлевичу Тушканову (?—1922), участнику борьбы за установление советской власти на Камчатке, камчатскому партизану;

— в июне 1984 г. на фасаде дома № 5 по улице Лукашевского [4] — Андрею Савельевичу Лукашевскому (1881—1937), участнику борьбы за установление советской власти на Камчатке, одному из организаторов советского здравоохранения на полуострове;

— 17 октября 1987 г. на доме № 44 по улице МаксUTOва [2] — Александру Петровичу МаксUTOву (1830—1854), почётному гражданину города Петропавловска-Камчатского (2010; посмертно), князю, лейтенанту, герою Петропавловской обороны 1854 года;

— 25 октября 1987 г. на доме № 3 по улице Капитана Беляева [3] — Степану Поликарповичу Беляеву (1895—1952), одному из первых капитанов Камчатского морского пароходства;

— в октябре 1987 г. на доме № 16 по улице Капитана Дробкина [3] — Якову Марковичу Дробкину (1909—1965), одному из первых капитанов Камчатского морского пароходства;

— в ноябре 1987 г. на доме № 2 по улице Бохняка [24] — Иосифу Савельевичу Бохняку (1875—1922), участнику борьбы за установление советской власти на Камчатке, камчатскому партизану;

— в ноябре 1987 г. на доме № 9 по бульвару Пийпа — Борису Ивановичу Пийпу (1906—1966), учёному-вулканологу, доктору геолого-минералогических наук (1950), первому директору Института вулканологии АН СССР в 1962—1966 гг.;

— 21 мая 1988 г. на доме № 1 по улице Молчанова [19] — Леониду Семёновичу Молчанову (1917—1969), сотруднику камчатской милиции (1945—1964);

— 10 октября 1990 г. на доме № 2/1 по улице Фролова [6] — Николаю Павловичу Фролову (1890—1973), активному участнику борьбы за установление советской власти на Камчатке, одному из первых начальников советской милиции на полуострове в 1920—1929 гг.

В 1987—2011 гг. были установлены десять мемориальных досок на фасадах зданий в Петропавловске-Камчатском, в которых долгое время жили или работали известные на полуострове люди: В. П. Андрианов, Г. Г. Поротов, А. В. Гиль, А. Н. Виноградов, В. И. Семёнов, А. А. Чернеев, Р. Ф. Баширов, В. П. Круглов, И. П. Кибалюк, П. П. Зиновьев.

17 октября 1987 г. состоялось открытие мемориальной доски на доме № 25 по улице Партизанской, где жил Владимир Павлович Андрианов (1906—1985), почётный гражданин города Петропавловска-Камчатского (1966), артист Камчатского областного драматического театра, заслуженный артист РСФСР (1954), народный артист РСФСР (1958), народный артист СССР (1982).

20 июля 1989 г. была открыта мемориальная доска на доме № 7а по улице Войцешека, где жил Георгий Германович Поротов (1929—1985), почётный гражданин города (1993; посмертно), поэт, писатель, историк, музыкант, член Союза писателей СССР. Средства на увековечение памяти писателя были собраны книголюбями Петропавловска-Камчатского.

19 марта 1993 г. состоялось открытие мемориальной доски на доме № 4 по улице Бохняка, где жил Александр Васильевич Гиль (1943—1988), почётный гражданин города Петропавловска-Камчатского (1992; посмертно), заслуженный артист России (1977), создатель и руководитель корякского национального ансамбля танца «Мэнго».

В октябре 2000 г. на доме № 36 по улице Ленинской была установлена мемориальная доска в память об Алексее Николаевиче Виноградове (1901—1992), руководителе строительства Петропавловск-Камчатского морского торгового порта в 1943—1946 гг.

В 2005 г. по инициативе Камчатского отделения Русского географического общества была установлена мемориальная доска на доме № 52 по улице Ключевской, где долгое время жил Владимир Иванович Семёнов (1905—1996), почётный гражданин города Петропавловска-Камчатского (1990), инженер, краевед, основоположник спортивного туризма на Камчатке, мастер спорта СССР по туризму (1970).

27 июля 2006 г. по инициативе Петропавловск-Камчатского морского торгового порта и капитанов дальнего плавания на доме № 44 по улице Красная Сопка была открыта мемориальная доска в честь Анатолия Александровича Чернеева, капитана дальнего плавания, Героя Социалистического Труда (1959).

9 августа 2007 г. была открыта мемориальная доска на доме № 24 по улице Ларина, где жил Радик Фатыхович Баширов (1931—2006), заслуженный работник транспорта России, почётный работник морского флота, начальник Петропавловск-Камчатского морского торгового порта в 1979—1995 гг.

17 октября 2007 г. на фасаде административного здания лыжной базы «Лесная» была установлена мемориальная доска в честь Виктора Петровича Круглова (1938—1995), заслуженного мастера спорта СССР, отличника физкультуры и спорта России, тренера.

30 октября 2008 г. была открыта мемориальная доска на доме № 40 по улице Советской, где долгие годы жил Иван Петрович Кибалюк (1927—2004), заслуженный строитель Российской Федерации, Герой Социалистического Труда (1980). На небольшого размера доске — изображение И. П. Кибалюка и текст: «Здесь с 1953 года по 1996 год жил Герой Социалистического Труда, заслуженный строитель Кибалюк Иван Петрович, внёсший неоценимый вклад в развитие г. Петропавловска-Камчатского».

В сентябре 2011 г. была установлена мемориальная доска на доме № 46 по улице Морской, где жил Павел Павлович Зиновьев (1932—2009), первый секретарь Камчатского

областного комитета КПСС в 1988—1990 гг., председатель Камчатского областного Совета народных депутатов в 1990 г.

В настоящее время в Петропавловске-Камчатском 270 улиц (включая проспекты, бульвары, переулки, проезды, шоссе, тупики) [26]. Они раскинулись по берегу Авачинской губы, по склонам сопок, огибая их, как громадные ожерелья, протянутые более чем на двадцать километров.

Город имеет шесть площадей: имени В. И. Ленина (или Театральную), имени Ф. Э. Дзержинского, Труда, Комсомольскую, имени Г. И. Щедрина и Вокзальную. Комсомольская площадь получила имя в 1962 г., Дзержинского — в 1977-м, Щедрина — в 1996 г.

Из разных источников, в том числе архивных, собрано 374 названия улиц Петропавловска-Камчатского с начала XX в. по настоящее время. Одни улицы за этот период по разным основаниям несколько раз меняли своё имя, а другие сохранили его с момента названия. Часть улиц исчезла вместе с домами на них, а часть слилась с более длинными. С 1923 по 2014 г. с карты города исчезло по этим основаниям более ста названий улиц.

Ниже приводится список улиц и площадей Петропавловска-Камчатского за период с начала XX в. по настоящее время (2014 г.). В пояснениях говорится обо всех изменениях в наименованиях. По возможности приводится время появления и исчезновения улиц. Также объясняется появление названий отдельных улиц (пояснения очевидным и понятным названиям не даются). Оговариваются названия улиц, исчезнувших с карты Петропавловска-Камчатского.

Эта работа проделана впервые.

Список улиц и площадей г. Петропавловска-Камчатского с начала XX в. по 2014 г.

В случаях переименования того или иного годонима либо агоронима ссылка даётся на последнее название.

Абеля, улица. Названа в начале 1960-х гг. именем Р. И. Абеля (1903—1971), советского разведчика.

Авачинская, бывшая улица в посёлке Моховая. См. Читинская, улица.

Авачинская, улица.

Авиаторов, улица.

Авиационная, улица.

Автомобилистов, улица. Названа в конце 1970-х гг. по расположению в её районе нескольких автотранспортных предприятий.

Академика Заварицкого, улица. Названа в 1992 г. именем А. Н. Заварицкого (1884—1952), основоположника отечественной вулканологии, профессора, академика Академии наук СССР.

Академика Королёва, улица. Названа в 1979 г. именем С. П. Королёва (1906—1966), генерального конструктора космических кораблей.

Академика Курчатова, улица. Названа во второй половине 1980-х гг. именем И. В. Курчатова (1902—1960), учёного-атомщика.

Академика Обручева, улица. Названа в 1953 г. именем В. А. Обручева (1863—1956), учёного-геолога.

Академика Павлова, улица. Названа в 1953 г. именем И. П. Павлова (1849—1936), учёного-физиолога.

Алеутская, улица. Названа в 1951 г. Ранее называлась Вторая Лесная.

Алтайская, улица.

Аммональная Падь, улица. Названа в 1930-х гг. по наименованию взрывчатого вещества аммонала, применяемого для взрывных работ при строительстве судоремонтного завода и хранившегося на складах в пади.

Амурская, улица.

Ангарская, бывшая улица в посёлке Моховая. Названа в 1962 г. Ранее называлась Гоголя. В настоящее время в списке улиц не значится.

Арсеньева, улица. Названа в 1962 г. именем В. К. Арсеньева (1872—1930), географа, этнографа, исследователя Дальнего Востока, писателя. Ранее называлась Центральная.

Артиллерийская, улица. Названа в 1952 г. по месту расположения воинских частей.

Атласова, улица. Названа в 1952 г. именем В. В. Атласова (нач. 1660-х — 1711), землепроходца, казачьего атамана, в 1697 г. присоединившего Камчатку к России.

Базарный, бывший переулок. См. Охотский, бывший переулок.

Батарейная, улица. Названа в 1951 г. по месту расположения зенитной батареи в годы Великой Отечественной войны. Ранее называлась Первая Лесная.

Белинского, бывшая улица. Названа в 1952 г. именем В. Г. Белинского (1811—1848), русского литературного критика XIX в. В настоящее время в списке улиц не значится.

Береговая, улица. Названа в 1940 г. по месту расположения на берегу Авачинской губы.

Берёзовая, улица.

Беринга, бывшая улица в посёлке Моховая. См. Иркутская, улица.

Беринга, улица. Названа в 1940-х гг. именем В. Й. Беринга (1681—1741), капитан-командора, руководителя Первой (1725—1730) и Второй (1732—1743) Камчатских экспедиций, основателя города Петропавловска-Камчатского в 1740 г.

Беринговский, бывший переулок. См. Восьмого Марта, бывший переулок.

Бийская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Строительная.

Боевая, улица. Названа в 1952 г.

Больничный, бывший переулок. Назван в 1910-х гг. по расположению рядом с городской больницей. Связывал улицу Большую (Ленинская) со Второй улицей (Советская). Исчез в начале 1950-х гг. Сейчас на его месте лестницы.

Большая, бывшая улица. См. Ленинская, улица.

Большая Лагерная, бывшая улица в бывшем посёлке Большая Океанская. Названа до 1950 г. Исчезла во второй половине 1980-х гг.

Бонивура, улица. Названа во второй половине 1950-х гг. именем Виталия Бонивура, героя гражданской войны.

Ботанический, проезд.

Бохняка, улица. Названа в 1967 г. именем И. С. Бохняка (1875—1922), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, камчатского партизана, погибшего в бою с белым отрядом в июне 1922 г.

Братская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Пушкина.

Будённого, бывшая улица. См. Шелихова, улица.

Ватутина, улица. Названа во второй половине 1950-х гг. именем Н. Ф. Ватутина (1901—1944), советского военачальника в годы Великой Отечественной войны.

Вилкова, улица. Названа именем Н. А. Вилкова (1918—1945), старшины 1-й статьи, участника Курильского десанта в августе 1945 г., Героя Советского Союза, грудью закрывшего амбразуру японского дота.

Вилойская, улица. Появилась в 1930-х гг.

Виталия Кручины, улица. Названа в 1987 г. именем В. М. Кручины (Толкачёва) (1890—1924), участника борьбы за советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке, секретаря Камчатского губернского бюро РКП(б) в 1922—1923 гг., одного из организаторов комсомола на Камчатке в 1923 г.

Владивостокская, улица. Названа в 1960 г. Она стала продлением до хлебозавода (район УМВД) бывшей улицы Лесной, тянувшейся от 4-го до 5-го километра.

Войцешка, улица. Названа в 1967 г. именем Я. Войцешка (?—1922), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, камчатского партизана, погибшего в бою с белым отрядом в июне 1922 г.

Вокзальная, площадь.

Волжская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Колхозная.

Волочаевская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Подсобное хозяйство.

Вольского, улица. Названа именем М. П. Вольского (Мышкина) (1897—1938), председателя Камчатского губревкома в 1923—1925 гг.

Восьмого Марта, бывший переулочок. До 1923 г. назывался Церковным, по расположению рядом с церковью. В 1923 г. был переименован в Беринговский, по стоящему на нём памятнику Витусу Берингу. После 1934 г. стал именоваться Восьмого Марта. Переулочок связывал улицу Ленинскую с улицами Советской и Партизанской. Название исчезло после 1955 г. Сейчас на месте переулочка лестница у бывшего ГУМа с улицы Ленинской на улицу Советскую.

Вторая, бывшая улица. См. Советская, улица.

Вторая Горная, бывшая улица. См. Фрунзе, улица.

Вторая Дачная, бывшая улица на месте нынешнего микрорайона Дачный.

Вторая Лесная, бывшая улица на 4-м километре. См. Алеутская, улица.

Вторая Охотская, бывшая улица. Названа в 1951 г. В настоящее время в списке улиц не значится.

Вторая Поперечная, бывшая улица. См. Камчатская, бывшая улица.

Вторая Северная, улица.

Вторая Трудовая, бывшая улица в селе Сероглазка. См. Омская, улица.

Вторая Целинная, улица.

Вторая Шевченко, улица. Названа после 1952 г.

Второй Океанский, бывший проезд. См. Капитана Беляева, улица.

Второй Фурманова, переулочок. Назван после 1964 г.

Вулканная, улица.

Высотная, улица. Названа в 1952 г.

Вышинского, бывшая улица. См. Дзержинского, улица.

Гагарина, улица. Названа в 1961 г. в честь Ю. А. Гагарина (1934—1968), первого космонавта, совершившего полёт в космос 12 апреля 1961 г. Одна из старинных улиц Петропавловска-Камчатского. Возникла в 1910-х гг. и называлась Четвёртой, по номерному порядку параллельных улиц на склоне Петровской сопки. В 1923 г. Четвёртая была переименована в Нагорную.

Гайдара, бывшая улица. Названа в 1953 г. именем А. П. Гайдара (1904—1941), советского писателя. Название улицы не закрепилось.

Гаражная, улица.

Гастелло, улица. Названа в 1952 г. именем Н. Ф. Гастелло (1908—1941), лётчика, Героя Советского Союза, в начале Великой Отечественной войны направившего самолёт на вражескую колонну техники.

Геологическая, улица.

Гоголя, бывшая улица в посёлке Моховая. См. Ангарская, бывшая улица.

Гоголя, улица. Названа в 1952 г. именем Н. В. Гоголя (1809—1852), русского писателя.

Горная, улица. Названа до 1960 г.

Горького, улица. Названа в 1952 г. именем А. М. Горького (1868—1936), советского писателя.

Госпитальный, переулочок. Назван до 1955 г.

Гражданская, улица.

Гризодубовой, бывшая улица. Названа в 1953 г. в честь В. С. Гризодубовой (1910—1993), легендарной лётчицы, совершившей вместе с П. Д. Осипенко и М. М. Расковой в 1938 г. беспосадочный перелёт Москва — Дальний Восток. В настоящее время в списках улиц не значится.

Давыдова, улица. Названа в 1967 г. именем Б. Давыдова (ок. 1898—1922), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, партизана, погибшего в бою с белым отрядом в июне 1922 г.

Дальневосточная, улица.

Дальняя, улица. Названа в 1952 г.

Даурская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Новая.

Дачная, бывшая улица. См. Рыбаков, проспект.

Дежнева, улица. С 1952 г. называлась именем И. Д. Папанина (1894—1986), полярного исследователя. Переименована в 1957 г. в честь С. И. Дежнева (ок. 1605 — нач. 1673), казачьего атамана, землепроходца и морехода, исследователя Северной и Восточной Сибири, северо-востока России.

Декабристов, улица. Названа в 1956 г.

Дзержинского (имени Ф. Э. Дзержинского), площадь. Названа в 1977 г. в честь Ф. Э. Дзержинского (1877—1926), революционера-большевика, председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии с 1917 г.

Дзержинского, улица. Ранее носила имя А. Я. Вышинского (1883—1954), прокурора СССР в 1933—1939 гг. Переименована после 1957 г. в честь Ф. Э. Дзержинского.

Днепровская, улица. Названа в 1970 г.

Доватора, улица. Названа во второй половине 1950-х гг. именем Л. М. Доватора (1903—1941), участника обороны Москвы в 1941 г., командира кавалерийского корпуса.

Дорожная, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Рыбацкая, улица.

Дружбы, улица. Названа в 1962 г. Ранее, с 1940 г., называлась Луговая.

Елизовская, улица. До 1951 г. называлась Третья Лесная. Переименована в 1951 г. в честь Г. М. Елизова (1895—1922), командира паратунского партизанского отряда, участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, погибшего в бою с белым отрядом в августе 1922 г.

Елизовское, бывшее шоссе. Первоначально так называлась дорога от совхоза «Камчатский пионер имени Сталина» до села Елизово. С появлением улиц в районе 4-го и 5-го километров дорога в 1960 г. с 5-го до 10-го километра стала именоваться Елизовское шоссе. С появлением улиц вдоль шоссе его часть в 1967 г. была переименована в проспект 50 лет Октября и улицу Тушканова. В 1975 г. Елизовское шоссе, тянувшееся от 8-го до 10-го километра, было переименовано в проспект Победы.

Енисейская, улица. Названа в 1962 г. Ранее именовалась Речная.

Заводская, бывшая улица в посёлке Моховая. *См.* Уссурийская, улица.

Заводская, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Чуркина, улица.

Заводская, улица.

Заводской, бывший переулок в посёлке Моховая. *См.* Уссурийский, переулок.

Завойкинская, бывшая улица. *См.* Чирикова, улица.

Завойко, улица. Названа в 1952 г. именем В. С. Завойко (1810—1898), адмирала, первого губернатора Камчатки в 1850—1855 гг., руководителя Петропавловской обороны 1854 г.

Закхеева, улица. Названа в 1952 г. именем капитана рыболовного траулера «Восток» С. Л. Закхеева (1913—1952), погибшего в январе 1952 г. вместе с экипажем затонувшего траулера.

Заозёрная, улица.

Заозёрный, переулок.

Запарина, улица. Названа в 1962 г. именем командира взвода Особой Краснознамённой Дальневосточной армии К. Д. Запарина, героически погибшего во время военной провокации на Китайско-Восточной железной дороге в июле 1929 г. Ранее называлась Маяковского.

Заречная, бывшая улица в районе улицы Кроноцкой.

Заречная, улица.

Звёздная, улица. Названа в 1977 г.

Зелёная, бывшая улица в селе Авача. *См.* Светлая, улица.

Зелёная Роща, улица. Названа до 1950 г. Имя получила по берёзовой роще, на которой появились первые дома.

Зенитная, улица.

Зеркальная, улица. Названа до 1950 г. Имя получила от сопки Зеркальной, напротив которой появились первые дома.

Зеркальный, бывший проезд. *См.* Туристический, проезд.

Зои Космодемьянской, бывшая улица. Названа в 1952 г. именем З. А. Космодемьянской (1923—1941), юной партизанки, попавшей в плен и казнённой гитлеровцами. В настоящее время в списке улиц не значится.

Улица Ленинская, 5, начало 1950-х гг. На этом невзрачном сооружении висит мемориальная доска с надписью: «В этом здании работал первый Петропавловский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917—1918 годах».

ККМГИ 27595/133

Дом пионеров, 1950-е гг. До революции — Дом литературно-музыкально-драматического общества.
ОФ 31478/14

Очередь на автобусной остановке возле здания облисполкома и Дома офицеров флота, 1958 г.
КОКМ ОФ 31478/4

Городская поликлиника, 1958 г.
КОКМ ОФ 31478/10

Индустриальная, улица.

Иркутская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Беринга.

Кавказская, улица. Названа в 1957 г. Ранее называлась Первомайская.

Казначейская, бывшая улица. См. Красинцев, улица.

Камчатская, бывшая улица. Названа в 1923 г. До этого называлась Вторая Поперечная.

Камчатская, улица. Названа до 1950 г.

Капитана Беляева, улица. С 1962 г. называлась Второй Океанский проезд, который переименован в конце 1960-х гг. в честь С. П. Беляева (1895—1952), одного из первых капитанов Камчатского морского пароходства.

Капитана Драбкина, улица. С 1962 г. называлась Первый Океанский проезд, который переименован в конце 1960-х гг. в честь Я. М. Драбкина (1909—1965), одного из первых капитанов Камчатского морского пароходства.

Карагинская, улица. Названа в 1957 г. Ранее называлась Октябрьская.

Карбышева, улица. Названа в 1978 г. именем Д. М. Карбышева (1880—1945), генерал-лейтенанта инженерных войск, попавшего в плен к гитлеровцам и замученного ими за отказ в сотрудничестве.

Карла Маркса, проспект. Назван в 1974 г. именем Карла Маркса (1818—1883), мыслителя и общественного деятеля, основоположника марксизма.

Карьерная, улица. Названа в 1951 г. Имя получила от расположенного на Мишенной сопке андезитового карьера.

Кирдищева, улица. Названа в первой половине 1970-х гг. именем Г. Ф. Кирдищева (1920—1944), Героя Советского Союза, камчатского пограничника, погибшего в Великую Отечественную войну.

Кирова, улица. Названа именем С. М. Кирова (1866—1934), революционера-большевика, первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б).

Кирпичная, улица.

Ключевская, бывшая улица. См. Фурманова, улица.

Ключевская, улица. Названа в первой половине 1930-х гг. Имя получила по имеющимся в тот период в её районе ключам с родниковой водой.

Козельская, улица.

Колхозная, бывшая улица в селе Авача. См. Волжская, улица.

Колхозная, улица. Названа в 1940 г.

Кольцевая, улица. Названа в 1952 г. Территория, где она находилась, называлась «Кислая яма», по размещению ранее ям для хранения рыбы, шедшей на корм нартовым собакам.

Командорская, бывшая улица. До 1923 г. называлась Третья Поперечная. В дальнейшем Командорскую улицу стали называть Командорским переулком.

Командорская, улица. Названа в 1951 г.

Командорский, бывший переулок. Связывал улицу Ленинскую с улицей Советской. Исчез в начале 1950-х гг. Сейчас на его месте лестница.

Комарова, улица. Названа в 1952 г. именем В. Л. Комарова (1869—1945), ботаника, общественного деятеля, академика Российской академии наук (1920), президента Академии наук СССР (1936—1945).

Комсомольская, площадь. Названа в 1962 г., в районе бывшего КПП.

Комсомольская, улица. Названа в 1954 г.

Корфская, улица. Названа в 1962 г.

Корякская, улица. Названа до 1950 г.

Космический, проезд. Назван во второй половине 1980-х гг.

Космонавтов, улица. Названа в 1961 г. в честь первых советских космонавтов. Ранее называлась Ручейная.

Котовского, улица. Названа во второй половине 1950-х гг. именем Г. И. Котовского (1881—1925), героя гражданской войны.

Красинцев, улица. Одна из старинных улиц города. Образовалась в начале XX в. До 1923 г. называлась Озерная, Казначейская, а с 1923 г. — Никольская. В 1934 г. в честь экипажа ледокола «Красин» переименована в улицу Красинцев.

Красная, бывшая улица. См. Красноармейская, улица.

Красная Сопка, улица. Названа до 1950 г.

Красноармейская, улица. Одна из старинных улиц города. Возникла после 1909 г. и называлась Судейский Городок. В 1923 г. была переименована в улицу Красную, а затем Красноармейскую.

Красногвардейская, улица.

Краснофлотская, улица. Названа в 1952 г.

Красноярская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Северная.

Крашенинникова, улица. Названа в 1952 г. именем С. П. Крашенинникова (1711—1755), первого русского академика-географа, участника Второй Камчатской экспедиции (1732—1743), исследователя полуострова Камчатка.

Кроноцкая, улица. Названа в 1964 г. Ранее называлась Первого Мая.

Крупской, улица. Названа в 1951 г. именем Н. К. Крупской (1869—1939), политической деятельницы, соратницы и жены В. И. Ленина.

Крутая, улица. Названа в 1953 г.

Крутобереговая, улица.

Крылова, улица. Ранее называлась Садовая. Переименована в 1962 г. в честь А. Н. Крылова (1863—1945), кораблестроителя, механика и математика, академика Академии наук СССР, Героя Социалистического Труда.

Кулишова, улица. Названа в 1963 г. именем А. Н. Кулишова (1931—1956), сотрудника камчатской милиции, погибшего при исполнении служебных обязанностей. (Ошибочно пишут: Кулешова.)

Култучная, бывшая улица. См. Максутова, улица.

Курильская, улица. Названа до 1950 г.

Кутузова, улица. Названа в 1952 г. именем М. И. Кутузова (1745—1813), русского полководца.

Лазо, улица. Названа в 1951 г. именем С. Г. Лазо (1894—1920), героя Гражданской войны в Сибири и Приморье.

Лаперуза, улица. Названа в 1940 г. именем Ж. Ф. Лаперуза (1741—1788), французского мореплавателя, начальника кругосветной экспедиции на фрегатах «Буссоль» и «Астролябия», заходившей в Петропавловск в 1787 г.

Ларина, улица. Названа в 1987 г. именем И. Е. Ларина (1890—1980), одного из организаторов установления советской власти на Камчатке.

Ларинская, бывшая улица. См. Чирикова, улица.

Ленина (имени В. И. Ленина), площадь. Названа в 1978 г. Ранее называлась Театральная.

Ленинградская, улица. Названа в 1957 г. Ранее называлась Микояновская, получив в первой половине 1930-х гг. имя А. И. Микояна (1895—1978), наркома пищевой промышленности СССР в 1926—1946 гг.

Ленинская, улица. Одна из старинных улиц Петропавловска-Камчатского. В начале XX в. имела два названия: Первая и Большая. В 1923 г. центральная улица города была переименована в Ленинскую.

Лермонтова, улица. Названа в 1954 г. именем М. Ю. Лермонтова (1814—1841), русского поэта.

Лесная, бывшая улица. Возникла в первой половине 1940-х гг. См. Владивостокская, улица.

Лесной, проезд.

Лизы Чайкиной, улица. Названа в 1952 г. именем Е. И. Чайкиной (1918—1941), участницы партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, замученной гитлеровцами.

Лисянского, улица. Названа именем Ю. Ф. Лисянского (1773—1837), капитана 1-го ранга, участника первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806), исследователя Русской Америки.

Лихачёва, улица. Названа в 1950-х гг. именем И. А. Лихачёва (1896—1956), директора Московского автомобильного завода в 1926—1950 гг., министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР с 1953 г.

Здание городской электростанции, построенное в 1927—1928 гг. Улица Советская, 20.
Фотография 1960 г. ККМГИ 27595/228

Жильё «барачного типа», конец 1950-х гг. НВФ 2666

Киоск от гастронома № 1 на улице
Ленинской, 1958 г.
ККМГИ 1219

Кинотеатр «Камчатка», 1961 г.

Центральная часть города, 1960 г.
КОКМ ОФ 32478/18

Ломоносова, бывшая улица. Названа в 1952 г. именем М. В. Ломоносова (1711—1765), русского учёного-естествоиспытателя. В настоящее время в списке улиц не значится.

Луговая, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Дружбы, улица.

Луговая, улица. Названа в 1940 г.

Лукашевского, улица. Названа в 1967 г. именем А. С. Лукашевского (1881—1937), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, одного из организаторов советского здравоохранения на полуострове.

Любови Шевцовой, улица. Названа в 1952 г. именем Л. Г. Шевцовой (1924—1943), одного из руководителей подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», действовавшей во время Великой Отечественной войны в городе Краснодоне. Л. Г. Шевцова была казнена гитлеровцами.

Макарова, улица. Названа в 1951 г. именем С. О. Макарова (1848—1904), вице-адмирала, выдающегося деятеля русского флота, учёного.

Максутова, улица. Одна из старинных улиц Петропавловска-Камчатского. В начале 1940-х гг. называлась Мангруппа, по расположению маневренной группы Пограничных войск. В 1952 г. переименована в Култучную. В 1954 г. — в 100-летие Петропавловской обороны от англо-французской эскадры Култучная была переименована в честь А. П. Максудова (1830—1854), героя Петропавловской обороны 1854 г.

Малая Лагерная, бывшая улица в бывшем посёлке Большая Океанская. Названа до 1950 г. Исчезла во второй половине 1980-х гг.

Мангруппа, бывшая улица. *См.* Максудова, улица.

Маршала Блюхера, улица. Названа именем В. К. Блюхера (1890—1938), советского военачальника. В. К. Блюхер был репрессирован.

Матросова, бывшая улица. Названа до 1950 г. именем А. М. Матросова (1924—1943), Героя Советского Союза, грудью закрывшего вражескую амбразуру пулемётного дзота противника. В настоящее время в списке улиц не значится.

Матросская, бывшая улица. *См.* Нахимова, улица.

Маяковского, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Запарина, улица.

Маяковского, улица. Названа в 1952 г. именем В. В. Маяковского (1893—1930), советского поэта.

Микояновская, бывшая улица. *См.* Ленинградская, улица.

Минина, бывшая улица. Названа в 1956 г. именем К. М. Минина (?—1616), организатора освободительной борьбы русского народа против польско-литовских интервентов в начале XVII в. В настоящее время в списке улиц не значится.

Мичурина, улица. Названа именем И. В. Мичурина (1855—1935), биолога и селекционера.

Мишенная, улица. Названа до 1950 г.

Молчанова, улица. Названа в 1971 г. именем Л. С. Молчанова (1917—1969), сотрудника камчатской милиции.

Морская, улица. Названа до 1950 г.

Морстроя, улица. Названа до 1950 г.

Набережная, бывшая улица в селе Авача. *См.* Приморская, улица.

Набережная, улица. Одна из старинных улиц Петропавловска-Камчатского. Названа в 1910-х гг. В 1954 г. — в 100-летие Петропавловской обороны от англо-французской эскадры была переименована в улицу Обороны Петропавловска, но мер по закреплению данного названия принято не было, и она осталась улицей Набережной.

Нагорная, бывшая улица. *См.* Гагарина, улица.

Нагорная, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Томская, улица.

Нагорная Слободка, улица. Названа до 1950 г.

Нагорная-Крутая, бывшая улица в посёлке Моховая. *См.* Якутская, улица.

Нахимова, бывшая улица. Названа в 1964 г. именем П. С. Нахимова (1802—1855), адмирала, русского флотоводца. Ранее называлась Матросская. В настоящее время в списке улиц не значится.

Невельского, улица. Названа в 1955 г. именем Г. И. Невельского (1813—1876), адмирала, начальника Амурской экспедиции, исследователя юго-западной части Охотского моря, низовьев Амура, Татарского пролива и острова Сахалин.

Невского, улица. Названа в 1952 г. именем Александра Невского (1220—1263), новгородского князя, разгромившего шведов на реке Неве (1240) и немецких рыцарей на Чудском озере (1242).

Некрасова, улица. Названа в 1951 г. именем Н. А. Некрасова (1821—1878), русского поэта.

Никифора Бойко, улица. Названа в 1968 г. именем капитана 3-го ранга, командира Камчатского морского пограндивизиона Н. И. Бойко (1915—1945), погибшего 6 августа 1945 г. в бою с неизвестными самолётами, нарушителями государственной границы у берегов Камчатки. Ранее называлась Солёное Озеро.

Никольская, бывшая улица. См. Красинцев, улица.

Новая, бывшая улица в посёлке Моховая. См. Даурская, улица.

Новая, улица.

Новотранспортная, улица.

Обороны Петропавловска, бывшая улица. См. Набережная, улица.

Обороны 1854 года, улица. Названа в 1988 г.

Огородная, бывшая улица. См. Рябиковская, улица.

Озёрная, бывшая улица. См. Красинцев, улица.

Озёрная, улица. Названа в 1940 г.

Озерновская Коса, улица. Названа до 1950 г. Ранее называлась Озерновская Кошка.

Озерновская Кошка, бывшая улица. См. Озерновская Коса, улица.

Океанская, улица. Названа до 1950 г.

Октябрьская, бывшая улица в районе 8-го километра шоссе Петропавловск — Елизово. См. Карагинская, улица.

Октябрьская, улица. Названа до 1950 г.

Олега Кошевого, улица. Названа в 1952 г. именем О. В. Кошевого (1926—1943), одного из руководителей подпольной организации «Молодая гвардия», действовавшей в годы Великой Отечественной войны в городе Краснодоне. О. В. Кошевой погиб от рук гитлеровцев.

Омская, улица. Названа в 1962 г. Она объединила в одну улицу Вторую Трудовую и Чехова в селе Сероглазка.

Ополченцев, улица.

Орбитальный, проезд.

Орджоникидзе, улица. Названа в 1955 г. именем Г. К. (Серго) Орджоникидзе (1886—1937), революционера-большевика, наркома тяжёлой промышленности СССР.

Оссорская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Тундровая.

Охотская, улица.

Охотский, бывший переулок. До 1923 г. назывался Базарный и находился недалеко от базара на берегу Култучного озера и связывал между собой улицы на склоне Петровской сопки. Название исчезло после 1948 г. Сейчас на его месте лестница с улицы Ленинской на улицу Советскую.

Павлика Морозова, улица. Названа в 1953 г. именем П. Т. Морозова (1918—1932), пионера, убитого во время коллективизации.

Панфилова, улица. Названа во второй половине 1950-х гг. именем И. В. Панфилова (1892—1941), советского военачальника, погибшего в бою с гитлеровцами во время битвы под Москвой в 1941 г.

Папанина, бывшая улица. См. Дежнева, улица.

Парковая, улица. Названа по расположению рядом с автобусным парком.

Партизанская, улица. Одна из старинных улиц города. Образовалась в 1908—1910 гг. Именовалась Третья — по номерному порядку параллельных улиц на склоне Петровской сопки. Переименована в 1923 г. в честь красных партизан, действовавших в окрестностях Петропавловска в 1921—1922 гг. против белых отрядов.

Пархоменко, бывшая улица. Названа в 1964 г. именем А. Я. Пархоменко (1886—1921), героя гражданской войны. В настоящее время в списке улиц не значится.

Пенжинская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Полевая.

Первая, бывшая улица. См. Ленинская, улица.

Первая Горная, бывшая улица. См. Чкалова, улица.

Первая Дачная, бывшая улица на месте нынешнего микрорайона Дачный.

Первая Командорская, бывшая улица. Названа в 1951 г. В настоящее время в списке улиц не значится.

Первая Лесная, бывшая улица в районе 4-го километра. *См.* Батарейная, улица.

Первая Поперечная, бывшая улица. *См.* Чирикова, улица.

Первая Целинная, улица.

Первого Мая, бывшая улица. *См.* Кроноцкая.

Первомайская, бывшая улица в районе 8-го километра шоссе Петропавловск — Елизово. *См.* Кавказская, улица.

Первомайская, улица.

Первомайский, переулок.

Первый Океанский, бывший проезд. *См.* Капитана Драбкина, улица.

Первый Фурманова, переулок. Назван после 1964 г.

Петра Ильичёва, улица. Названа в 1961 г. именем П. И. Ильичёва (1927—1945), матроса, участника Курильского десанта в августе 1945 г., Героя Советского Союза, грудью закрывшего амбразуру японского дзота. Ранее называлась Ручейная.

Петровская, улица. Названа в 1951 г.

Петропавловское, шоссе.

Пийпа, бульвар. Назван в 1976 г. именем Б. И. Пийпа (1906—1966), учёного-вулканолога, доктора геолого-минералогических наук, первого директора Института вулканологии АН СССР (1962).

Пионерская, улица. Названа в 1953 г.

Пирогова, бывшая улица. Названа в 1952 г. именем Н. И. Пирогова (1810—1881), хирурга и общественного деятеля. В настоящее время в списке улиц не значится.

Победы, проспект. Назван в 1975 г. Ранее — часть бывшего Елизовского шоссе.

Пограничная, улица. Названа в 1952 г. в честь пограничников по расположению Камчатского пограничного отряда.

Пожарского, улица. Названа в 1952 г. именем Д. М. Пожарского (1578—1642), князя, одного из руководителей борьбы русского народа против польских и шведских интервентов.

Полевая, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Пенжинская, улица.

Полевая, улица. Названа в 1952 г.

Полины Осипенко, улица. Названа именем П. Д. Осипенко (1907—1939), лётчицы, совершившей вместе с В. С. Гризодубовой и М. М. Расковой в 1938 г. беспосадочный перелёт Москва — Дальний Восток.

Полярная, улица.

Пономарёва, улица. Названа именем Д. Г. Пономарёва (1908—1982), капитана 1-го ранга, командира Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота в 1940—1945 гг., участника Курильского десанта в августе 1945 г., Героя Советского Союза (1945).

Попова, улица. Названа в 1962 г. именем А. С. Попова (1859—1906), русского изобретателя радио. Ранее называлась Связи.

Портовская, улица. Названа до 1950 г.

Пржевальского, улица. Названа в 1952 г. именем Н. М. Пржевальского (1839—1888), русского путешественника, исследователя Центральной Азии.

Приморская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Набережная.

Пролетарская, улица. Названа в 1951 г.

Пушкина, бывшая улица в посёлке Моховая. *См.* Братская, улица.

Пушкинская, улица. Названа именем А. С. Пушкина (1799—1837), русского поэта.

50 лет Октября, проспект. Назван в 1967 г. Ранее — часть бывшего Елизовского шоссе.

Рабочая, улица. Названа до 1950 г.

Радиосвязи, улица. Названа до 1950 г.

Ракетная, улица. Названа в 1952 г.

Речная, бывшая улица. *См.* Енисейская, улица.

Ручейная, бывшая улица в посёлке Завойко. *См.* Петра Ильичёва, улица.

Ручейная, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Космонавтов, улица.

Рыбаков, проспект. Назван в 1969 г. Ранее был улицей Дачной, которая возникла в начале 1950-х гг. в берёзовой роще в окрестностях Петропавловска-Камчатского. Первые дома этой улицы выглядели как дачи в лесу, так родилось её название.

Рыбацкая, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Дорожная.

Рыбацкой Славы, бульвар. Назван в 1969 г. Ранее был одной из Дачных улиц.

Рябиковская, улица. Названа в 1945 г. Ранее называлась Огородная. Переименована в честь И. В. Рябикова (1892—1922), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке.

Савченко, улица. Названа в начале 1990-х гг. именем М. И. Савченко (Славского) (1889—1969), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке.

Садовая, бывшая улица в посёлке Моховая. *См.* Крылова, улица.

Садовая, улица. Названа до 1950 г.

Садовый, переулок.

Сапун-гора, улица. Названа до 1950 г.

Сафонова, улица.

Сахалинская, улица.

Свердлова, улица. Названа в 1951 г. именем Я. М. Свердлова (1885—1919), революционера-большевика, председателя ВЦИК с 1917 г.

Светлая, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Зелёная.

Светлый, переулок. Назван в 1962 г. Ранее был улицей Школьной.

Связи, бывшая улица в селе Авача. *См.* Попова, улица.

Северная, бывшая улица в селе Авача. *См.* Красноярская, улица.

Северная, улица. Названа во второй половине 1950-х гг. Имя получила по расположению на северном склоне Мишенной сопки.

Северная Колхозная, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Тигильская.

Северо-Восточное, шоссе.

Седова, улица. Названа в 1953 г. именем Г. Я. Седова (1877—1914), гидрографа, полярного исследователя.

Семёна Удалого, улица. Названа в 1951 г. именем матроса 47-го флотского экипажа Камчатской флотилии Семёна Удалого, попавшего в 1854 г. в плен к англо-французам; во второй их заход в Петропавловск (1855) он предпочёл умереть, чем стрелять по своим соотечественникам.

Серышева, улица. Названа во второй половине 1950-х гг. именем С. М. Серышева (1889—1928), одного из руководителей партизанского движения на Дальнем Востоке в годы гражданской войны.

Сибирцева, улица. Названа во второй половине 1950-х гг. именем В. М. Сибирцева (1893—1920), участника гражданской войны на Дальнем Востоке.

Советская, улица. Одна из старинных улиц города. Образовалась в начале XX в. Называлась Вторая — по номерному порядку параллельных улиц на склоне Петровской сопки. Переименована в 1923 г. в улицу Таможенную. Имя Советская получила в первой половине 1930-х гг.

Совхозская, бывшая улица в районе Ботанического проезда.

Солёное Озеро, бывшая улица. *См.* Никифора Бойко, улица.

Солнечная, улица. Названа в 1952 г.

Сопочная, улица. Названа в 1951 г. Имя получила по расположению на сопке Мишенной.

Спортивная, улица. Названа в 1952 г.

Старицына, улица. Названа в 1992 г. именем М. К. Старицына (1914—1978), председателя рыболовецкого колхоза имени В. И. Ленина в 1960—1971 гг.

Стахановская, бывшая улица. Названа в 1951 г. В настоящее время в списке улиц не значится.

Стеллера, улица. Названа в начале 1960-х гг. именем Г. В. Стеллера (1709—1746), учёного-натуралиста, адъюнкта натуральной истории Петербургской академии наук, участника Второй Камчатской экспедиции (1732—1743).

Степная, улица. Названа в 1952 г.

Конечная остановка автобусов на 7-м километре Елизовского шоссе, начало 1960-х гг.
ККМГИ 26532

Учебно-консультационный пункт Хабаровского пединститута, ул. Красноармейская, 1959 г.

Вход в здание Камчатрыбпрома, 1960-е гг.
НВФ 2650

Открытие сельхозвыставки у Култучного озера, октябрь 1959 г.

Рынок на Озерновской косе, 1959 г.,
ККМГИ 1232

Панорама Петропавловска, 1965 г.
ККМГИ 27595/125

Открытие памятника В. И. Ленину, 1978 г.
КОКМ ОФ 33738/15

Стрелковая, улица. Названа в 1952 г.

Строительная, бывшая улица в посёлке Моховая. *См.* Бийская, улица.

Строительная, улица. Названа до 1950 г.

Суворова, улица. Названа в 1952 г. именем А. В. Суворова (1730—1800), русского полководца.

Судейский Городок, бывшая улица. *См.* Красноармейская, улица.

Сурикова, улица. Названа именем В. И. Сурикова (1848—1916), живописца.

Сучанская, улица. Названа в 1962 г.

Таможенная, бывшая улица. *См.* Советская, улица.

Таранца, проспект. Назван в 1997 г. именем А. И. Таранца (1937—1992), заслуженного строителя РСФСР, начальника Камчатского домостроительного комбината Главкамчатстроя в 1971—1992 гг.

Театральная, бывшая площадь. *См.* Ленина (имени В. И. Ленина), площадь.

Театральный, бывший переулок. Так был назван отрезок улицы за драматическим театром на улице Ленинской, открытым в 1939 г.

Тельмана, улица. Названа в 1953 г. именем Э. Тельмана (1886—1944), председателя коммунистической партии Германии.

Тепличная, улица.

Терешковой, улица. Названа именем В. В. Терешковой (р. 1937), первой в мире женщины-космонавта.

Тигильская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Северная Колхозная.

Толстого, улица. Названа в 1952 г. именем Л. Н. Толстого (1828—1910), русского писателя.

Томская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Нагорная.

Топоркова, улица. Названа в 1987 г. именем А. С. Олейника (Топоркова) (1897—1979), почётного гражданина города Петропавловска-Камчатского (1965), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, одного из организаторов первого Петропавловского городского Совета рабочих и солдатских депутатов в декабре 1917 г.

Торговый, бывший переулок в посёлке Моховая. *См.* Хасанская, улица.

Транспортная, улица.

Транспортный, тупик.

Третья, бывшая улица. *См.* Партизанская, улица.

Третья Дачная, бывшая улица на месте нынешнего микрорайона Дачный.

Третья Лесная, бывшая улица. *См.* Елизовская, улица.

Третья Поперечная, бывшая улица. *См.* Командорская, бывшая улица.

Труда, площадь.

Труда, улица.

Трудовая, бывшая улица в селе Сероглазка. *См.* Фестивальная, улица.

Тундровая, бывшая улица в посёлке Моховая. *См.* Оссорская, улица.

Тундровая, улица. Названа в 1952 г.

Тургенева, улица. Названа в 1954 г. именем И. С. Тургенева (1818—1883), русского писателя.

Туристический, проезд. Назван в начале 1960-х гг. по расположению на нём туристической базы. Ранее именовался Зеркальный.

Тушканова, улица. Часть бывшего Елизовского шоссе. В 1967 г. эта часть получила имя Л. Я. Тушканова (?—1922), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, камчатского партизана, погибшего в бою с белым отрядом в июне 1922 г.

Уральская, улица.

Уссурийская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Заводская.

Уссурийский, переулок. Назван в 1962 г. Ранее назывался Заводской.

Ушакова, улица. Названа до 1957 г. именем Ф. Ф. Ушакова (1745—1817), адмирала, русского флотоводца.

Фестивальная, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Трудовая.

Флотская, улица. Названа в 1991 г.

Фролова, улица. Названа в 1989 г. именем Н. П. Фролова (1890—1973), активного участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, одного из первых начальников советской милиции на полуострове в 1920—1929 гг.

Фрунзе, улица. Названа до 1957 г. именем М. В. Фрунзе (1885—1925), советского военачальника. Ранее называлась Вторая Горная.

Фурманова, улица. Названа в 1964 г. именем Д. А. Фурманова (1891—1926), советского писателя. Ранее называлась Ключевская.

Хабарова, улица. Названа в 1954 г. именем Е. П. Хабарова (ок. 1603 — 1671), землепроходца.

Халактырское, шоссе. Названо до 1940 г.

Хасанская, улица. Названа в 1962 г. Ранее была Торговым переулком.

Целинная, улица.

Центральная, бывшая улица в посёлке Моховая. См. Арсеньева, улица.

Церковный, бывший переулок. См. Восьмого Марта, бывший переулок.

Циолковского, проспект. Назван в первой половине 1970-х гг. именем К. Э. Циолковского (1857—1935), учёного и изобретателя в области ракетной техники.

Чавычная, улица.

Чапаева, улица. Названа в 1952 г. именем В. И. Чапаева (1887—1919), прославленного красного командира в годы гражданской войны.

Челюскинцев, улица. Названа в 1954 г.

Чернышевского, улица. Названа в 1953 г. именем Н. Г. Чернышевского (1828—1889), литературного критика и писателя.

Четвёртая, бывшая улица. См. Гагарина, улица.

Чехова, бывшая улица в селе Сероглазка. См. Омская, улица.

Чехова, улица. Названа в 1952 г. именем А. П. Чехова (1860—1904), русского писателя.

Чирикова, улица. Одна из старинных улиц города. До 1923 г. называлась Первая Поперечная, с 1923 гг. — Завойкинская, а со второй половины 1930-х гг. — Ларинская, в честь И. Е. Ларина (1890—1980), одного из организаторов установления советской власти на Камчатке. В 1957 г. получила имя А. И. Чирикова (1703—1748), капитан-командора, помощника В. Й. Беринга в Первой (1725—1730) и Второй (1732—1743) Камчатских экспедициях.

Читинская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Авачинская.

Чкалова, улица. Названа в 1951 г. именем В. П. Чкалова (1904—1938), прославленного лётчика. Ранее называлась Первая Горная.

Чубарова, улица. Названа в 1973 г. именем Г. И. Чубарова (1898—1950), участника борьбы за установление советской власти на Камчатке, командира разведывательных отрядов Красной Армии, уничтоживших остатки белых отрядов на Камчатке (1923).

Чукотская, улица. Названа до 1950-х гг.

Чуркина, переулок.

Чуркина, улица. Названа в 1962 г. в честь штурмана корвета «Гридень» П. Ф. Чуркина, впервые составившего карту бухты Золотой Рог в Приморье в 1860—1861 гг. Ранее называлась Заводская.

Шевченко, улица. Названа в 1952 г.

Шелихова, улица. С 1953 г. называлась именем С. М. Будённого (1883—1973), прославленного красного командира в годы гражданской войны. В 1957 г. получила имя Г. И. Шелихова (1747—1795), морехода и промышленника, основателя и исследователя Русской Америки.

Ширшова, улица. Названа в 1953 г.

Школьная, бывшая улица в селе Авача. См. Светлый, переулок.

Школьная, улица. Названа в 1951 г.

Шмидта, бывшая улица. Названа в 1954 г. именем О. Ю. Шмидта (1891—1956), учёного, полярного исследователя. В настоящее время в списке улиц не значится.

Штурмана Елагина, улица. Названа в 1972 г. именем И. Ф. Елагина (ок. 1708—1766), участника Второй Камчатской экспедиции (1732—1743), исследователя северной части Тихого океана, первостроителя Петропавловска-Камчатского.

Щедрина (имени Г. И. Щедрина), площадь. Названа в 1996 г. в честь Г. И. Щедрина (1912—1995), почётного гражданина города Петропавловска-Камчатского (1990), вице-адмирала, Героя Советского Союза, командующего Камчатской военной флотилией (1954—1959).

Щорса, улица. Названа именем Н. А. Щорса (1895—1919), героя гражданской войны.

Якорная, улица. Названа в 1991 г.

Якутская, улица. Названа в 1962 г. Ранее называлась Нагорная-Крутая.

ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеев А. И.* Береговая черта. — Магадан, 1987. — С. 61.
2. *Андреева Т.* Герою обороны Петропавловска // Камчатская правда. — 1987. — 24 окт.
3. *Андреева Т.* Наше духовное наследство // Камчатская правда. — 1987. — 6 нояб.
4. *Астапов В.* В память первого наркома // Камчатская правда. — 1984. — 17 июня.
5. *Витер И.* Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923) Петропавловск-Камчатский: изд. центр тип. СЭТО-СТ, 1997. — С. 24—25, 73.
6. *Габдулин Х.* Из племени чекистов // Пограничник Северо-Востока. — 1990. — 7 нояб.
7. ГАКК, ф. 88, оп. 1, д. 109, л. 219—225.
8. Там же, д. 376, л. 65, 66.
9. Там же, ф. 166, оп. 1, д. 17, л. 18—19.
10. Там же, д. 101, л. 65—69.
11. Там же, д. 148, л. 33—34.
12. Там же, д. 173, л. 26—27.
13. Там же, д. 214, л. 53—54.
14. Там же, д. 326.
15. Там же, д. 327, л. 24.
16. Там же, д. 486, л. 33—35.
17. *Гильдер У.* Во льдах и снегах. Путешествие в Сибирь для поисков экспедиции капитана Делона. — СПб., 1885. — С. 16—17.
18. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. — Петропавловск-Камчатский: холд. комп. «Новая книга», 2009. — С. 113.
19. *Иванова Т.* Улиц гордые имена // Камчатская правда. — 1988. — 31 мая.
20. *Каргин М.* Именем героя // Камчатская правда. — 1983. — 30 июня.
21. *Козик Л. В.* Страницы истории Петропавловска: Аюгград // Краеведческие записки. — Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, Камч. отд-ние, 1991. — Вып. 7. — С. 72, 81.
22. *Кривоногов Т. М.* Кают-компания. Рассказы старого моряка. — Петропавловск-Камчатский: холд. комп. «Новая книга», 2011. — С. 4, 6.
23. *Латернер М. С.* Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на «Шилке» // Вопросы истории Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — Вып. 3. — С. 429—430, 442—444.
24. Навечно в памяти // Камчатская правда. — 1987. — 7 нояб.
25. Петропавловск-Камчатский, 1740—1990. История города в документах и воспоминаниях. — Петропавловск-Камчатский: Дальневост. книжж. изд-во, Камчат. отд., 1994. — С. 88—89, 133—134, 213, 397—398.
26. Петропавловск-Камчатский. Атлас города / Сост. Камчат. топогр.-геодез. предприятие Федер. службы геодезии и картографии. — Петропавловск-Камчатский, 2001.
27. *Пирагис А. П.* Топонимика Петропавловска-Камчатского и его окрестностей // Вопросы географии Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: холд. комп. «Новая книга», 2011. — Вып. 13. — С. 77—90; *Он же.* Населённые пункты Камчатки (даты возникновения, наименования, переименования, упразднения; краткая топонимика Камчатки) // Piragis.ru: сайт. URL: <http://www.piragis.ru/publikatscii-po-istorii-kamchatki/naselennye-punkty-kamchatka.html>; *Он же.* Топонимика Камчатки // Piragis.ru: сайт. URL: <http://www.piragis.ru/publikatscii-po-istorii-kamchatki/pepovavlovsk-toponimika.html>.
28. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. — М.: Наука, 1984. — С. 214.
29. *Фёдорова Т.* «А обретается она в Авачинской заливе...» // Рыбак Камчатки. — 1993. — 23 июля.
30. *Федорченко Е.* Шёл по городу автобус... // Новая Камчатская правда. — 2001. — 19 апр.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богомоллов Вадим Михайлович, краевед, журналист, заместитель главного редактора газеты «Камчатский край». Член Союза журналистов России.

Борисов Виктор Иванович, историк, краевед, главный редактор газеты «Абориген Камчатки», действительный член Русского Географического общества.

Быкасов Валерий Егорович, научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Действительный член Русского Географического общества.

Вахрин Сергей Иванович, писатель, краевед, общественный деятель, главный редактор интернет-сайтов «Камчадалы.ру», «Интернет-музей отечественного рыболовства», «Рыба Камчатского края». Член Союза писателей России, Союза кинематографистов России, Союза журналистов России.

Гаврилов Сергей Витальевич, краевед, старший научный сотрудник отдела фондовой работы Камчатского краевого объединённого музея, доцент. Член Союза писателей России, лауреат историко-краеведческих премий имени С. П. Крашенинникова и Е. В. Гропянова.

Гулько Сергей Васильевич, историк, кандидат исторических наук, доцент, директор Камчатского краевого объединённого музея.

Дивчина Наталья Валентиновна, главный библиотекарь отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки имени С. П. Крашенинникова.

Зайковская Евгения Александровна, член туристского клуба «Альтаир».

Зайковская Татьяна Станиславовна, педагог Камчатского дома детского и юношеского туризма и экскурсий, руководитель туристского клуба «Альтаир», лауреат всероссийского конкурса научно-методических фильмов, лауреат конкурсов всероссийского краеведческого движения «Отечество».

Калмыков Павел Львович, писатель, краевед, врач-радиолог Камчатского краевого онкологического диспансера, лауреат международной литературной премии имени В. Крапивина.

Коньшева Наталья Александровна, научный сотрудник научно-просветительского отдела Камчатского краевого объединённого музея.

Петров Александр Викторович, фотограф-документалист, журналист, краевед. Член Союза журналистов России. Призёр конкурса «Пресс-фото России-2007».

Пирагис Александр Петрович, старейший камчатский краевед, писатель. Действительный член Русского Географического общества, лауреат историко-краеведческой премии имени С. П. Крашенинникова.

Научно-популярное издание

Краеведческие записки
Историко-краеведческий сборник
Выпуск 14

Ответственный за выпуск С. В. Гунько

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

Вёрстка и макет С. В. Гаврилова
Корректор Е. А. Рыбаченко
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 26.12.2015. Формат 60х84/8.
Бумага офсетная, вкладка мелованная. Гарнитура «SchoolBook».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,47+1 (вкл.)
Тираж 500 экз. Заказ 859.

ООО Холдинговая компания «Новая книга»,
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Из художественной коллекции Краевого государственного бюджетного учреждения
«Камчатский краевой объединённый музей»

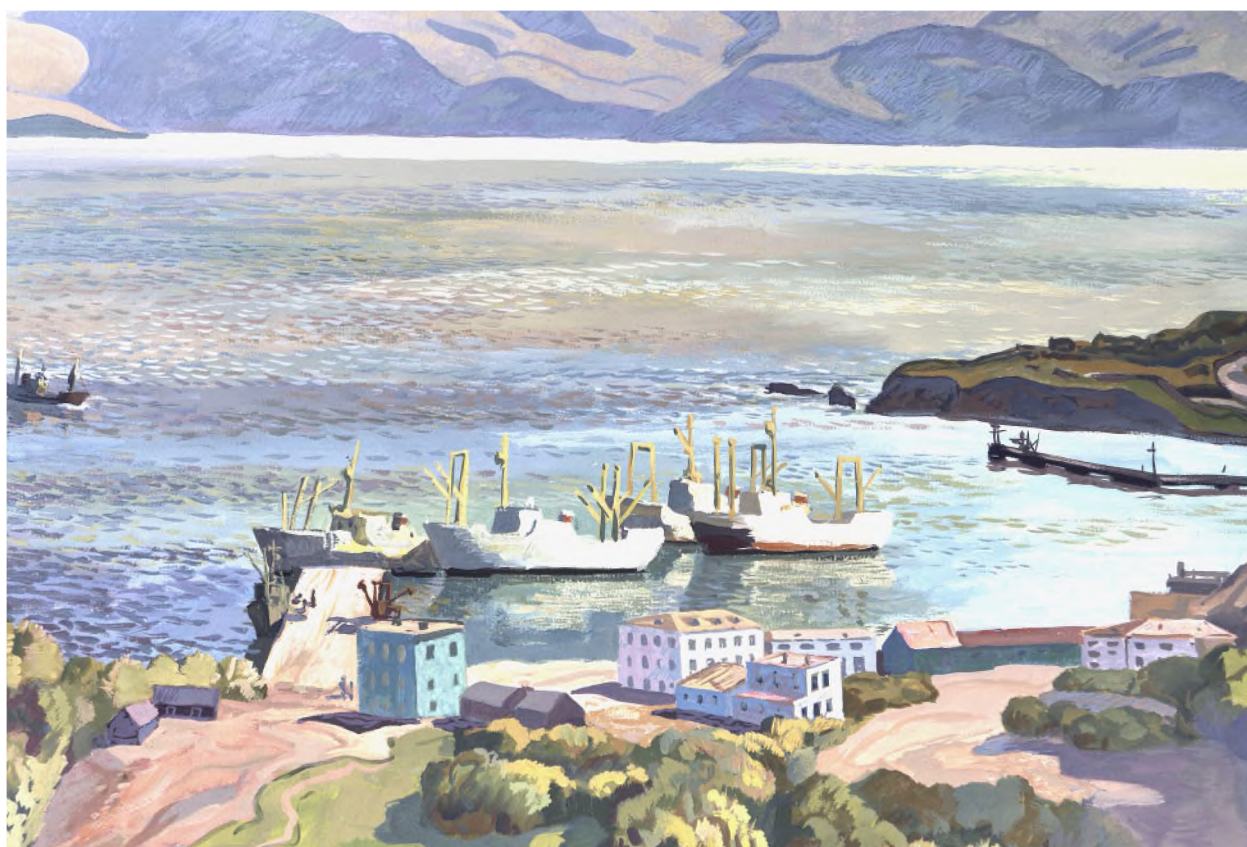
Г. Ф. Скворцов. Судоремонтный завод. Бумага, гуашь. 1985.
ККМГИ 20711

Ф. Г. Дьяков. Стадион в Петропавловске. Холст, масло. 1975.
КОКМ ОФ 31014

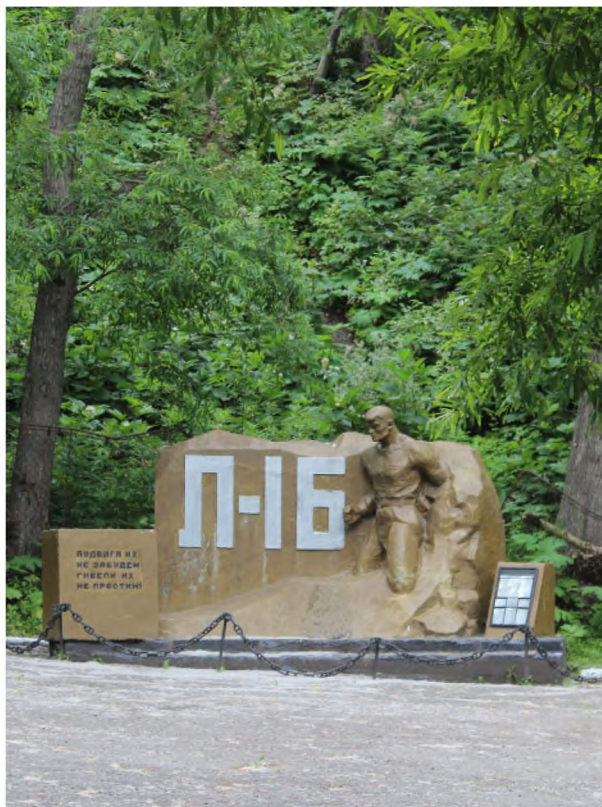
Ф. Г. Дьяков. Церковь над бухтой. Холст, масло. 1993.
КОКМ ОФ 31022

Г. Ф. Скворцов. Сероглазка. Картон, темпера. 1981.
ККМГИ 20778

Здание Петропавловского музея боевой славы, ныне музея воинской славы, 2014 г.

Памятник экипажу подводной лодки Л-16 на территории музея воинской славы, 2014 г.

Встреча молодёжи с ветеранами войны и трудового фронта в зале музея, 20 июня 2013 г. В первом ряду слева направо: историк, писатель В. П. Пустовит, В. Ф. Жданова, В. Г. Туров

Экспозиционный зал № 1 «Военная история полуострова от начала освоения Камчатки до начала XX вв.», 2013 г.

Экспозиционный зал № 2 «История образования Тихоокеанского флота, 1920—1930 гг.», 2013 г.

Научный сотрудник Н. А. Коньшева (слева), носители традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера Е. И. Чечулин и М. А. Байшуакова (справа) представляют выставочный проект Камчатского краевого объединённого музея «Мы в одной упряжке...», г. Хабаровск, 1 октября 2014 г.

Участники выставочного проекта (слева направо): М. А. Байшуакова, Е. И. Чечулин, М. Х. Сидоренко на фоне стендов, рассказывающих об истории гонки «Берингия»

Мастер-класс игры на бубне проводит М. Х. Сидоренко

Мастер-класс резьбы по кости Е. И. Чечулина

Дипломы Камчатского краевого объединённого музея за первое место в номинации «Презентация выставочного проекта музея» и победителя в номинации «Приз зрительских симпатий», завоёванные на музейном форуме Дальнего Востока 1—5 октября 2014 г.

Сертификат на сумму 30 000 рублей за первое место в номинации «Презентация выставочного проекта музея»

Сертификат на сумму 10 000 рублей за победу в номинации
«Приз зрительских симпатий»

Друзья! Дорогие милые люди! Огромное спасибо вам за Вашу выставку. Все так необыкновенно красиво, познавательно. А главное Ваши люди такие краше! Такие артистичные. Самые действенные раскраски виделись своим детям это здорово! Это удивительно!

Спасибо. Сегодня удивительный день! В унисон и в унисон Неодимов! За то что вы делаете. И для молодежи и для всех поколений! И еще хочется поблагодарить и увидеть Ваши музей события! Не поеду в Тайланд Приеду к Вам - спасибо Вы ребята!

с уважением
Хайди Велас Силвенко

Большое спасибо за мастер-класс по резке сувенирной кости, очень увлекательно

Сотрудники музея

Спасибо за потрясающую выставку. Выполнили заказ по сувенирной календарке.

Забарова

Не забываем, не забываем впечатления от выставки Камчатского краевого объединенного музея и ее милые современные украшения, красивые и очень гармонично вписались в тематическую экспозицию в музейных программах Константа Сидоренко М.Х. и Баймукова М.А. Спасибо, надеюсь, что мы сможем направить культуру

Страницы из книги отзывов выставочного проекта «Мы в одной упряжке...» с благодарностями в адрес сотрудников Камчатского краевого объединённого музея